УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 10 (76). №4

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки» является историческим правопреемником журнала «Ученые записки Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, 2024

ISSN 2413-1733

Свидетельство о регистрации - серия ПИ №ФС77-61832 от 18 мая 2015 года.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
Учредитель ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»

Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, протокол № 12 от 20.12.2024 г.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание научной степени доктор наук, специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки), 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки), 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки), 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки), 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки), а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)
Адрес учредителя и издателя: 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4, корп. В, ауд. 105

Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки»:

Змерзлый Борис Владимирович, д. ю. н, д. и. н., проф. (главный редактор)
Аббасов Гифис Гасан оглы д. ю. н., доц.
Басов Андрей Витальевич, д. ю. н., проф.
Берг Людмила Николаевна, д. ю. н., проф.
Биляев Владимир Александрович, д. ю. н., доц.
Вишневецкий Кирилл Валерьевич, д. ю. н, проф.
Гармаев Юрий Петрович, д. ю. н., проф.
Игнатов Александр Николаевич, д. ю. н., проф.
Камышанский Владимир Павлович, д. ю. н., проф.
Кашкаров Алексей Александрович, к. ю. н., доц.
Коваль Владимир Николаевич, д. и. н., проф.
Кодан Сергей Владимирович, д. ю. н., проф.
Козлова Елена Борисовна, д. ю. н., проф.
Коноплев Вячеслав Вячеславович, д. ю. н., проф.
Корнев Аркадий Владимирович, д. ю. н., проф.
Лютов Никита Леонидович, д.ю.н., проф.
Новикова Алевтина Евгеньевна, д. ю. н., доц
Рассказов Леонид Павлович, д. ю. н, д. и. н., проф.
Сонин Олег Евгеньевич, к.ю.н., доц.
Тонков Евгений Евгениевич, д. ю. н., проф.
Трофимов Сергей Анатольевич, д. ю. н., проф.
Холопова Елена Николаевна, д. ю. н., проф.
Чеботарева Галина Валентиновна, д. ю. н., проф.
Бугаев Валерий Александрович, к. ю. н., доц.
Елькин Сергей Владимирович, к. ю. н., доц.
Нифанов Алексей Николаевич, к.ю.н., доц.
Михайлов Михаил Анатольевич, к. ю. н., доц.
Шармоянц Артур Норайрович, к. ю. н., доц.

Адрес редакции: 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4, корп. В, ауд. 105
Подписано в печать 20.12.2024. Формат 70x100 1/16
усл. п. л. Заказ № НП/3 Тираж 50 экз. Цена «Бесплатно».
Дата выхода в свет «__». _____ . 20__г.

Отпечатано в Издательском доме
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»
Адрес типографии: 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7
http://sn-law.cfuv.ru

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 3–10

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 340.114.5

ФЕНОМЕН ПРАВОСОЗНАНИЯ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Васильева Т. Д.
Кубанский государственный университет

В статье проводится теоретико-правовой анализ феномена правосознания и его значения для государственной службы, а также рассматривается роль правосознания как ключевого элемента, влияющего на правовую реальность. Автором анализируются различные компоненты и функции правосознания, а также его связь с правовой культурой и общественным сознанием. При этом особое внимание уделено правосознанию государственных гражданских служащих, его многоаспектности и влиянию на функционирование правовой системы, а также специфики природы и содержание правосознания государственных служащих. По итогам исследования делается вывод о важности правосознания как инструмента для поддержания стабильности и нормального функционирования правовой системы, а также теоретической и практической потребности изучения правосознания государственных служащих как непосредственных носителей государственной власти в силу перманентной трансформации аппарата государства, его задач и механизмов деятельности.

Ключевые слова: правосознание, государственные служащие, правовая действительность, профессиональное правосознание, правовая культура, государственная служба, правовая жизнь.

Трансформация социально-экономической и политико-правовой сфер в России, анализ сущности текущих реформ и объективной обстановки в государственно-правовом пространстве выдвигают на первый план вопрос общественной важности правосознания. Растущий интерес к тематике правосознания объясняется его усиливающейся ролью в качестве ключевого структурирующего, модифицирующего и контролирующего элемента.

Правосознание выступает в роли действенного инструмента для модификации правовой реальности и занимает центральное место в юридической системе государства, что обуславливает потребность в комплексном исследовании правового сознания с использованием новейших достижений юридической науки. С учетом вышесказанного, можно солидаризироваться с мнением о том, что особую значимость приобретает правовой анализ сознания государственных гражданских служащих, учитывая их значимость в функционировании общества и государства, а также принимая во внимание тот факт, что данная разновидность правосознания до настоящего момента не получила должного освещения в юридических источниках [1]. В научной литературе обоснованно подчеркивается, что государственная служба, как особый вид профессиональной деятельности и важный общественный институт, играет ключевую роль в реализации полномочий государственных органов и функционировании общества, а также устанавливает стандарты и модели поведения для взаимодействия отдельных лиц и групп с институциональными субъектами социального управления [7, с. 3], что вкупе предопределяет и обосновывает необходимость её всестороннего изучения в правовой науке.

Итак, переходя непосредственно как предмету исследования стоит отметить, что в рамках современных научных изысканий правосознание интерпретируется как

разновидность общественного сознания. В частности, Н.Н. Вопленко акцентирует внимание на том, что сам термин «правосознание» сформирован путем синтеза слов «право» и «сознание» [3, с. 72]. В рамках нормативного подхода к праву допустимо ограничиться его трактовкой в качестве комплекса формально определенных, обязательных на государственном уровне норм, подкрепленных силой государственного принуждения [3, с. 72]. Сознание же определяется как высшая форма духовной активности индивида, проявляющаяся в способности отражать действительность посредством чувств и мысленных образов, предваряющих практическую деятельность и придающих ей целенаправленный характер [14, с. 78]. Общепринято выделять следующие его проявления: политическая идеология, правовое сознание, мораль (нравственность), религия, наука, художественные воззрения, искусство, философия [18, с. 499]. Анализируя представленные аргументы, можно заключить, что правосознание является неотъемлемым компонентом более широкого понятия общественного сознания, так как существует не изолированно, а тесно переплетаясь с другими аспектами общественного мышления, в частности, с политическими взглядами, этическими нормами и религиозными убеждениями, подвергаясь определенной индоктринации. Такая взаимосвязь объясняется многогранной природой человеческого восприятия, которое не разделяет окружающую действительность на изолированные сегменты, а воспринимает ее как единое целое (эмерджентно) – охватывая как социальные, так и природные явления.

Думается, что правосознание представляет собой комплексное отображение юридической реальности, способное охватывать и интерпретировать различные элементы правовой сферы любого государства, выявляя взаимосвязи и взаимодействия между конкретными правовыми феноменами. Образно, указанный процесс можно сравнить с призмой, через которую преломляется и осмысливается вся совокупность правовых норм, институтов и практик, существующих в обществе. Таким образом, правосознание не просто пассивно фиксирует правовую действительность, но активно участвует в ее осмыслении и структурировании, создавая целостную картину правовой системы и ее функционирования в рамках конкретного социального контекста, т.е. является составной частью «правовой жизни».

Правовая жизнь, как отмечает А.В. Малько, представляет собой систему разнообразных видов и форм деятельности, поведения людей, их коллективов в правовой сфере, направленных на обеспечение условий и средств существования, реализацию частных и публичных, индивидуальных и групповых интересов, утверждение соответствующих этим интересам ценностей. При этом подчёркивается, что правовая жизнь – это совокупность именно «всех форм юридического бытия общества», а не только представлений о нем [10;11] При этом содержательно в понятие «правовая жизнь» вбирается комплекс юридических феноменов, охватывающих по своей природе как конструктивные, так и деструктивные элементы [10]. К первой категории он относит: непосредственно право, правовую систему, юридическую практику, правосознание, правопорядок. Ко второй – противозаконные явления, препятствующие конструктивной юридической деятельности. Правовое сознание выступает в роли регулирующего компонента правовой жизни и при позитивном значении становится стимулом для поддержания условий ее стабильности и нормального функционирования.

В контексте анализа определения правосознания, следует отметить его многоаспектность и характеризуемость плюральностью комплексов воззрений, представлений, формирующих и отражающих отношение индивида к праву и правовым феноменам, нормам и стандартам взаимодействия в социуме, их соответствие принципам справедливости.

В обобщенном виде категория «правосознание» включает следующие аспекты: 1) совокупность знаний о праве, его историческом и современном развитии, а также соотношении прав и обязанностей; 2) отражение системы знаний и юридической реальности; 3) отношение человека к существующей правовой системе и моделям поведения людей; 4) восприятие правовой действительности через эмоционально-ценностную и интеллектуальную оценку, а также концепцию права, сформированную лицами с высоким уровнем юридической компетенции и значительным практическим опытом [9].

На схожих характеристиках правосознания акцентирует внимание и Н.Н. Вопленко:

– понимание права и оценка его роли в общественной жизни в значительной степени обусловлены экономическим положением и материальными аспектами социального существования;

– правосознание неизменно носит классово-политический характер, поскольку его содержание выражает и защищает обособленные интересы классов и социальных групп в ключевых, наиболее значимых публичных сферах жизнедеятельности;

– правосознание тесно взаимосвязано и переплетается с политическим и нравственным сознанием;

– правосознанию присущ оценочный и одновременно нормативный характер [4, с. 6-8].

В свою очередь В. Е. Толпыкин рассматривая правосознание как социокультурный феномен акцентирует внимание на следующих его характерных чертах [16]:

– выступает формой осмысления и познания права в качестве особой сферы социальной реальности;

– в системе категорий философии права реализует, как минимум, три ключевые функции: познавательную, оценочную и регулятивную;

– процесс формирования научно-теоретического правосознания и правовой культуры в целом требует комплексного, целенаправленного и одновременно дифференцированного подхода к правовому образованию граждан России;

– является значимым компонентом правовой культуры, индикатором развития правовой жизни общества;

– правовая культура служит важнейшим инструментом в преодолении правового нигилизма как на государственном уровне, так и на уровне отдельной личности.

В целом же можно согласиться с позицией, согласно которой правосознание в своей наиболее обобщенной форме представляет собой комплексный социоправовой феномен, объединяющий эмоциональные реакции, чувственные переживания, концептуальные идеи, фактические знания и мировоззренческие установки [9]. Иными словами, правосознание выступает как своеобразный «посредник» между субъективным миром человека и объективной правовой действительностью, формируя и отражая отношение личности к правовым аспектам социальной жизни.

Схожую позицию выражают Н.А. Чуриков и Н.В. Павлов, рассматривающие правосознание как комплекс идей, эмоций, воззрений и иных элементов, отражающих отношение людей ко всей сфере юридической деятельности, к праву прошлого, настоящего и желаемого будущего, а также к другим правовым феноменам. Следовательно, правосознание представляет собой определённый результат человеческого восприятия юридической реальности через различные компоненты его механизма. Таким образом, при изучении правосознания конкретной социально-профессиональной группы ключевое значение приобретают вопросы о фундаментальных факторах, предопределивших то или иное восприятие юридической действительности у представителей исследуемой профессии [20].

Анализируя же архитектонику правосознания, можно отметить, что она представляет собой комплексную систему, состоящую из следующих компонентов: когнитивные элементы, включающие в себя совокупность знаний о праве и правовых феноменах в обществе, т.е. *правовая идеология*; эмоциональные компоненты, именуемые *правовой психологией*; *информационный* аспект, подразумевающий получение и осмысление сведений из правовой сферы; *оценочный компонент*, предполагающий анализ информации после ее восприятия; *волевой элемент*, означающий принятие решения о реализации правомерного или неправомерного поведения [9].

С. И. Захарцев выделяет содержательно идентичную структуру правосознания, условно рассматривая ее с двух подходов:

– социологического, составляюещего познавательное, оценочное и практическое правосознание;

– гносеологического, вбирающего правовую психологию и правовую идеологию [6].

В рамках распространенной теоретической концепции, правосознанию приписывают три основные функции: познавательную, оценочную и регулятивную [17, с. 24-25; 18, с. 548-550]. Эта триада считается исчерпывающей, охватывающей весь спектр влияния правосознания на общество. Однако, целесообразно также выделить социализирующую функцию правосознания, которая заслуживает особого внимания [13]. Считаем, что расширенное понимание функций правосознания отражает его комплексную роль в формировании правовой культуры общества и индивида. Выделение же социализирующей функции подчеркивает значимость правосознания в процессе интеграции личности в правовое поле социума, усвоения ею правовых норм, ценностей, установок и позволяет глубже осмыслить механизмы воздействия правосознания на поведение индивидов и социальных групп, а также его роль в развитии правового государства и гражданского общества. Вдобавок, как как заметила В.В. Никитяева, структурно социализирующая функция вбирает в себя информационную, стимулирующую, воспитательную, прогностическую подфункции, а также подфункцию социального контроля [12, с. 8].

Особого внимания заслуживают функции правосознания государственных гражданских служащих, которые подразделяются на два типа. Первый тип – *органические функции* – играет ключевую роль в формировании целей и определении поведенческих паттернов госслужащих. К функциям данного типа относятся: отражательная (восприятия правовой действительности), оценочная (анализ правовые явления), познавательная (усвоение правовых знаний), телеологическая (задающая цели правового поведения), прогностическая (предвидение последствий правовых

действий) функции. Второй тип – *социальные функции* – обусловлен сущностными характеристиками правосознания и его ролью в обществе и включает регулятивную (направляющую поведение в правовом поле), воспитательную, (формирующую правовую культуру), интегративную (способствующую объединению общества на правовой основе) функции и функция правового моделирования (позволяет создавать идеальные модели правовых отношений) [2, с. 10].

Стоит подчеркнуть, что правосознание государственного служащего, выступая образцом профессионального правосознания, представляет собой вариант коллективного правового сознания, отличающегося особым кругом носителей – специалистами в области права (юристами), а также высоким уровнем структурированности и профессионализма [5, с. 13].

В свою очередь Т. И. Акимова по итогам исследования правосознания государственных гражданских служащих выделила специфику её правовой природы, дуалистичность. Так, с одной стороны, по степени понимания правовой действительности оно носит практический характер и имеет сходство с профессиональным правосознанием юристов. С другой стороны, оно опирается на солидный теоретический фундамент, который необходим для следующих аспектов деятельности: 1) участия в процессах нормотворчества и улучшения правовой системы; 2) применения юридически обязательных решений в сфере управления; 3) проведения юрисдикционных процедур; 4) обеспечения охраны законных интересов, прав и свобод граждан [2, с. 10-11].

Трудно не согласиться с тем, что правосознание играет ключевую роль в формировании устойчивых паттернов законопослушного поведения. При этом его влияние распространяется как на внешние проявления деятельности госслужащих (соблюдение или нарушение закона), так и на их внутренние правовые установки. Важно отметить, что более развитые формы правосознания в социальном контексте оказывают преобладающее формирующее воздействие на другие его уровни. Так, общественное правовое сознание во многом определяет содержательные и структурные аспекты профессионального, группового и индивидуального правосознания. Научное правовое мышление также служит фундаментом для развития профессионального и, в некоторой степени, обыденного правосознания государственных служащих [13]. Правосознание выступает одним из основных каналов передачи информации, необходимой для эффективного исполнения служебных обязанностей. Тем не менее, степень интериоризации госслужащим правовых концепций и знаний зависит не только от особенностей его профессиональных обязанностей и уровня вовлеченности в правовую деятельность, но и от состояния и уровня развития структуры общественного, группового и индивидуального (как личного, так и коллег по профессии) профессионального правосознания.

Отдельной строкой стоит подчеркнуть, что начало профессиональной карьеры государственных служащих сопровождается передачей им определенного набора правовых идей, ценностей, знаний, ориентиров и установок. Это имеет большое значение, поскольку в их работе сочетаются строгие нормативные требования с возможностью принятия решений на основе личной интерпретации правовых ситуаций и норм [8, с. 8]. Правосознание является одним из ключевых источников такой информации, необходимой для эффективного выполнения служебных обязанностей. Однако, уровень освоения правовых идей и знаний государственным служащим за-

висит не только от специфики его профессиональных задач и активности в юридической деятельности, но также от состояния и развитости общественного, группового и индивидуального профессионального правосознания, как его собственного, так и его коллег. Таким образом, можно заключить, что правосознание не только формирует основу для принятия грамотных и обоснованных решений, но и служит важным инструментом для поддержания правопорядка и стабильности в государственном управлении. В этом контексте, особое внимание должно уделяться развитию и укреплению правосознания на всех уровнях государственной службы.

Как заметил А.В. Сонин, «государственный служащий – не пассивный объект внешнего воздействия правосознания, а активный субъект процесса профессионально-правовой социализации и переработки соответствующей правовой информации» [13]. Влиянию правовых идей и других компонентов правосознания должен сопутствовать процесс восприятия, анализа и усвоения субъектом профессиональной деятельности необходимых правовых сведений. При этом система правовых идей, знаний, чувств и установок формируется государственным служащим персонально, на основе имеющегося у него уровня правосознания [13]. Из этого следует, что для достижения эффективности правосознания как внешнего фактора профессиональной социализации государственного служащего, необходимо учитывать его практическую и профессиональную деятельность, а также накопленный опыт. Такой подход требует постоянного повышения правовой компетентности, активного участия в правовой жизни общества и государства, а также способности адаптироваться к изменениям в правовой среде. Следовательно, развитие правосознания государственных служащих должно базироваться на стимулировании их активного участия в правовой сфере и создании условий для непрерывного профессионального и личностного роста в области права.

При обучении госслужащих, выступающих в роли представителей власти и отвечающих за управление общественными процессами и правоприменение, ключевое значение приобретает формирование их мировоззренческой позиции, которая в значительной степени определяется их пониманием права [19]. Сквозь призму указанного ракурса правопонимание можно рассматривать как фундамент для развития профессионального правосознания госслужащего, которое по своему содержанию близко к правосознанию юриста, но отличается преобладанием управленческих функций, включающих и правоприменение, что, в свою очередь, делает вопрос подготовки государственных служащих как представителей государства, ориентированных на социальное управление и применение правовых норм особенно актуальным.

Для повышения уровня правового сознания государственных служащих при осуществлении ими своих полномочий, на наш взгляд, необходимы следующие меры [19]: осуществление подбора кадров на государственную службу из числа людей, обладающих не только профессиональными, но и высокими моральными качествами; организация систематической работы по правовому обучению госслужащих; повышение эффективности работы правоохранительных и других контролирующих органов по надзору за деятельностью государственных служащих в рамках закона; предание огласке общественности и строгое преследование всех случаев нарушения закона представителями органов государственной власти; широкое

освещение в СМИ деятельности органов государственной власти республики с целью демонстрации их прозрачности, гласности и др.

Подводя итоги проведенного исследования, можно отметить следующее: во-первых, правосознание государственных служащих является основополагающим компонентом их правовой культуры и имеет важное значение в построении эффективной системы государственного управления.

Во-вторых, правосознание как феномен правовой действительности обладает дуалистической природой, сочетая в себе элементы теоретического и практического уровней, что делает его схожим с профессиональным правосознанием юристов, но при этом обладающим значительным теоретическим (научным, доктринальным) компонентом, необходимым для участия в правотворческой деятельности.

В-третьих, перманентная трансформация аппарата государства, его задач и механизмов деятельности обуславливает теоретическую и практическую актуальность исследования правосознания государственных служащих как непосредственных акторов государственной власти, носителей государственной воли и государственных функций.

В-четвертых, правосознание государственных служащих формируется под воздействием различных уровней общественного правового сознания, создавая комплексную структуру, что способствует развитию их правовой культуры и тем самым влияя на качество государственного управления и реализацию принципов правового государства. Исходя из изложенного, проведение целенаправленной политики по развитию правосознания государственных служащих – ключевая задача для повышения эффективности государственного аппарата и укрепления законности в обществе и правопорядка.

Список литературы:

1.Акимова Т. И. Правосознание государственных гражданских служащих Российской Федерации: традиции и новации // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 4 (050). С. 241-245.
2.Акимова Т. И. Правовое сознание государственных гражданских служащих: теоретико-правовой анализ современных тенденций: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2013. 225 с.
3.Вопленко Н.Н. Очерки общей теории права. Волгоград: Изд-во ВолГУ. 2009. 898 с.
4.Вопленко Н.Н. Правосознание и правовая культура: Учебное пособие. Волгоград: Изд-во ВолГУ. 2000. 52 с.
5.Грамматиков В. В. Деформация профессионального правосознания в современной России (на примере адвокатской деятельности): дисс. … канд. юрид. наук. М., 2021. 241 с.
6.Захарцев С. И. Правосознание: понятие и уровни // Правовое поле современной экономики. 2012. № 2. С. 48-53.
7.Ивлев Е. А. Социологическая оценка деятельности государственных служащих: подходы, методы и субъекты: дисс. … канд. социол. наук. М., 2016. 209 с.
8.Косаева Т.В. Роль государственных служащих в механизме российского государства (вопросы теории): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 32 с.
9.Кученев А. В. Современное понимание и структура правосознания // Вестник Российского университета кооперации. 2016. №4 (26). С. 112-116.
10. Малько А.В. Категория «правовая жизнь»: проблемы становления // Государство и право. 2001. № 5. С. 5-13.
11. Малько А.В. Правовая система и правовая жизнь: проблемы соотношения конкурирующих понятий // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. № 2. С. 8-16.
12. Никитяева В.В. Конституционное правосознание: вопросы теории и практики: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2002. 21 с.
13. Сонин А.В. Функции правосознания в процессе профессиональной социализации государственных служащих // Философия права. 2008. № 1. С. 117-119.
14. Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. М.: Изд-во Политиздат. 1972. 303 с.
15. Теория государства и права / Под ред. А.С. Пиголкина. М., 2005. С. 548–550.
16. Толпыкин В. Е. Правосознание как социокультурный феномен // Общество: политика, экономика, право. 2011. № 3. С. 127-132.
17. Фарбер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания. М., 1963. - 206 с.

18. Философский словарь / Под редакцией И.Т. Фролова. 6-е издание, перераб. и доп. М.: Политиздат. 1991. 559 с.
19. Чупанова А.Ч. К вопросу о правопонимании и правосознании государственных служащих // Юридический вестник ДГУ. 2016. Т. 20. № 4. С. 46-50.
20. Чуриков Н. А., Павлов Н. В. Правосознание муниципальных и государственных служащих: тенденции и проблемы формирования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 5. С. 190-194.

Vasilyeva Tatyana D. The phenomenon of legal consciousness: theoretical and legal analysis and importance for public service // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 3-10.

The article provides a theoretical and legal analysis of the phenomenon of legal consciousness and its significance for the public service, and also examines the role of legal consciousness as a key element influencing legal reality. The author analyzes the various components and functions of legal consciousness, as well as its connection with legal culture and social consciousness. At the same time, special attention is paid to the legal consciousness of civil servants, its multidimensionality and influence on the functioning of the legal system, as well as the specific nature and content of the legal consciousness of civil servants. Based on the results of the study, a conclusion is made about the importance of legal consciousness as a tool for maintaining stability and normal functioning of the legal system, as well as the theoretical and practical need to study the legal consciousness of civil servants as direct bearers of state power due to the permanent transformation of the state apparatus, its tasks and mechanisms of activity.

Keywords: legal consciousness, civil servants, legal reality, professional legal consciousness, legal culture, public service, legal life.

Spisok literaturi:

1. Akimova T. I. Pravosoznanie gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh Rossiyskoy Federatsii: traditsii i novatsii // Sotsialno-ekonomicheskie yavleniya i protsessy. 2013. №4 (050). S. 241-245.
2. Akimova T. I. Pravovoe soznanie gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh: teoretiko-pravovoy analiz sovremennykh tendentsiy: diss. … kand. yurid. nauk. M., 2013. 225 s.
3. Chupanova A.Ch. K voprosu o pravoponimanii i pravosoznanii gosudarstvennykh sluzhashchikh // Yuridicheskiy vestnik DGU. 2016. T. 20. № 4. S. 46-50.
4. Churikov N. A., Pavlov N. V. Pravosoznanie munitsipalnykh i gosudarstvennykh sluzhashchikh: tendentsii i problemy formirovaniya // Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2019. № 5. S. 190-194.
5. Farber I.E. Pravosoznanie kak forma obshchestvennogo soznaniya. M., 1963. 206 s.
6. Filosofskiy slovar / Pod redaktsiey I.T. Frolova. 6-e izdanie, pererab. i dop. M.: Politizdat. 1991. 559 s.
7. Grammatikov V. V. Deformatsiya professionalnogo pravosoznaniya v sovremennoy Rossii (na primere advokatskoy deyatelnosti): diss. … kand. yurid. nauk. M., 2021. 241 s.
8. Ivlev E. A. Sotsiologicheskaya otsenka deyatelnosti gosudarstvennykh sluzhashchikh: podkhody, metody i subekty: diss. … kand. sotsiol. nauk. M., 2016. 209 s.
9. Kosaeva T.V. Rol gosudarstvennykh sluzhashchikh v mekhanizme rossiyskogo gosudarstva (voprosy teorii): Avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Saratov, 2006. S. 8.
10. Kuchenev A. V. Sovremennoe ponimanie i struktura pravosoznaniya // Vestnik Rossiyskogo universiteta kooperatsii. 2016. №4 (26). S. 112-116.
11. Malko A.V. Kategoriya «pravovaya zhizn»: problemy stanovleniya // Gosudarstvo i pravo. 2001. № 5. S. 5-13.
12. Malko A.V. Pravovaya sistema i pravovaya zhizn: problemy sootnosheniya konkuriruyushchikh ponyatiy // Pravovaya politika i pravovaya zhizn. 2014. № 2. S. 8-16.
13. Nikityaeva V.V. Konstitutsionnoe pravosoznanie: voprosy teorii i praktiki: Avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Volgograd, 2002. 21 s.
14. Sonin A.V. Funktsii pravosoznaniya v protsesse professionalnoy sotsializatsii gosudarstvennykh sluzhashchikh // Filosofiya prava. 2008. № 1. S. 117-119.
15. Spirkin A.G. Soznanie i samosoznanie. M.: Izd-vo Politizdat. 1972. 303 s.
16. Teoriya gosudarstva i prava / Pod red. A.S. Pigolkina. M., 2005. S. 548–550.
17. Tolpykin V. E. Pravosoznanie kak sotsiokulturnyy fenomen // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. 2011. № 3. S. 127-132.
18. Voplenko N.N. Ocherki obshchey teorii prava. Volgograd: Izd-vo VolGU. 2009. 898 s.
19. Voplenko N.N. Pravosoznanie i pravovaya kultura: Uchebnoe posobie. Volgograd: Izd-vo VolGU. 2000. 52 s.
20. Zakhartsev S. I. Pravosoznanie: ponyatie i urovni // Pravovoe pole sovremennoy ekonomiki. 2012. № 2. S. 48-53.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 11–17.

УДК 343

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА ДАТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЦЕРКВИ

Венедиктов А. А., Змерзлый Б. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

В статье рассмотрен процесс эволюции формы организации управления и взаимодействия между государством и Евангелическо-лютеранской церковью (одновременно является и Датской национальной церковью). Выявлено, что с момента образования данной конфессии она прошла длительный и сложный хронологический, мировоззренческий и организационно-правовой период своего становления, состоящий, как признает большинство исследователей, из двух основных частей – 1) период государственной принадлежности (до 1849 г.) и, 2) период признаний государственной, но не монопольной в плане господства учения, управляемой министерствами церковной организации.

В различные периоды управление делами национальной церкви Дании осуществляли министерство церкви и образования; министерство по делам церкви; министерство по делам города, сельской местности и церкви; министерство по гендерному равноправию и церковным делам; министерство по делам городов, сельских районов и церкви. Данный перечь указывает сложный поиск со стороны датского государства форм и методов управления и взаимодействия с национальной церковью, а также роли собственно государства в данном процессе.

Ключевые слова: Евангелическо-лютеранская церковь, Датская национальная церковь, королевство Дания, конституция, управление, взаимодействие, формы, министерство.

Эпоха религиозных войн в Европе связанная с реформацией существенно преобразовало ее политическую, культурную и религиозную жизнь, а последствия данных изменений и сегодня отображены не только в культурной, мировоззренческой и религиозной сферах, но политической жизни и устройства государств.

Одним из наиболее ярких примеров в данном контексте является Дания, в которой действует Датская национальная церковь. Ее особый – государственный статус закреплен в Конституции этой страны. Напомним, что согласно конституции Дании 1849 г. – «Евангелическо-лютеранская церковь является Датской национальной церковью и поддерживается государством как таковая» (§ 3) [1].

Термин «государственная церковь» не тождествен термину «государственная религия». В данном случае его следует понимать, как то, что государство не только признает, но и оказывает помощь данной церкви. Особенно это актуально в отношении такой церкви, у которой изначально отсутствовал какой-либо весомый управленческий аппарат, орган власти и т.п. Таким образом именно государство взяло на себя обязанность управления церковными делами.

Очевидно учитывая образовательную и просветительскую деятельность церкви, управление ее делами было доверено особому государственному органу – министерству образования и церкви [2].

С учетом же того, что согласно Конституции, право назначать министров закреплялось за королем § 19, то общее подчинение церкви государственному управлению было закреплено на высшем уровне.

В частности, «Православная энциклопедия» трактует его так: «Церковь, обладающая легальными, юридически закрепленными привилегиями в государстве и в своей внутренней жизни зависящая от гос. власти. Соответствующая модель церковно-гос. отношений называется системой гос. церковности» [3].

Термин же «Государственная религия», обычно трактуется как «(религия, церковь которой признается частью официальной организации государства. Такое положение проявляется в том, что государство, во-первых, финансирует данную церковь, во-вторых, участвует в назначении священников, в-третьих, утверждает акты, регулирующие внутреннюю деятельность данной церкви, и в-четвертых, признает за данной церковью право осуществлять определенные функции государства, в частности, регистрировать браки, рождения, смерти... В ряде зарубежных государств (Бельгия, ФРГ, Нидерланды, Израиль) институт Г.р. заменен институтом юридического признания религии со стороны государства. Отличие этого института от Г.р. заключается в том, что государство не вмешивается и назначение священников, и регулирование внутренней деятельности церкви, но, тем не менее, оказывает признанной церкви финансовую поддержку, а нередко признает за церковной церемонией брака юридические последствия» [4].

Впрочем, любое определение не может быть исчерпывающим, и подходить к каждому конкретному случаю. Однако, основные признаки в отношении Датской национальной церкви, безусловно, совпадают.

Последующие события развития государства и права привели к тому, что по окончании 2-й Мировой войны и восстановления государственности Дании в 1946 г. министерство церкви и образования было разделено. Из него выделено самостоятельное министерство по делам церкви [5, s. 193].

Принятие в 1953 г. новой (ныне действующей Конституции) сохранило и развило правовой статус данного религиозного объединения, придав ей фактически статус государственной церкви, закрепив его в ст. 4, которая гласит, что «Евангелическая лютеранская церковь является официальной церковью Дании и как таковая пользуется поддержкой государства» [6; 7].

Следует указать, что правовой статус лютеранской церкви в Дании – как, фактически, государственного органа, подчиненного королю, был сформирован намного ранее.

Еще с началом Реформации король Кристиан III стал фактическим главой церкви. Церковное имущество было передано под королевскую власть, а все законы, касающиеся церкви, подписывал сам король. Об этом свидетельствует и ордонанс, или церковное постановление, написанное во время перехода от католического христианства к новому учению, сформулированному Мартином Лютером (1483-1546), в котором также содержатся положения о том, как должна проводиться лютеранская служба и действовать церковь. Были установлены правила назначения священников и епископов, порядок оплаты их труда и сферы деятельности, общины должны были сами назначать священников, а церковь - выдвигать кандидатов для избрания епископами.

Однако на практике именно король все чаще получал абсолютную власть над церковью. Кристиан III говорил о себе, что он отец епископов, а также вмешивался в богословские споры, а следующие короли укрепляли свою власть над церковью. Никто не мог усомниться в том, что король является фактическим главой церкви. И в течение последующих столетий контроль государства над церковью усиливался. С введением абсолютной монархии в 1660 году государство и лютеранско-евангелическая церковь стали единым юридическим лицом [8].

Действующее с 1946 г. Министерство по делам церкви разделено на три управления, помимо функции уполномоченного по церковному праву и консультативной функции по вопросам регистрации и выборов [9].

Министерство по делам церкви является центральным органом управления Датской национальной церкви и распоряжается ассигнованиями для финансируемой государством части Датской национальной церкви.

Оно разрабатывает законопроекты и издает общие и специальные административные правила для церковной административной области, а также готовит дела, которые решаются королевским указом или королевской резолюцией.

Министерство является высшим надзорным органом в церковных делах (церкви, кладбища, викарии, священники, церковные служащие и т. д.) и назначающим органом для священников национальной церкви [10].

В рамках Министерства по делам церкви действует ряд консультантов: Королевская строительная инспекция, Национальная инспекция по делам церкви, Национальная инспекция по делам церкви.

Королевские строительные инспекторы, Национальный музей, Академия изящных искусств, консультанты по строительству викариев, консультанты по викариям, консультанты по кладбищам и консультанты по вопросам, связанным с церковными органами, церковными колоколами и отоплением церквей.

По исключительно церковным вопросам обычно обращаются к одного или нескольких епископов. Министерство также всегда может обратиться за помощью к экспертам, если это будет сочтено необходимым или уместным.

Ранее разделение полномочий в администрации Национальной церкви характеризовалось сильной концентрацией компетенций в Министерстве по делам церкви.

В 1964 г. Министерство по делам церкви создало комитет для изучения того, насколько актуально существующее распределение полномочий. Комитет представил отчеты в 1967 и 1968 гг. [11], и предложения, содержащиеся в этих отчетах, были в основном реализованы.

Это означало очень значительную децентрализацию компетенций. Во многом это связано в первую очередь с тем, что весьма сложно провести грань между управлением и сохранением имущества церкви, с одной стороны, и сохранением внутренней автономии церковной структуры, общин, приходов, исключительно религиозных вопросов – с другой.

В случае чрезмерно активного управления и обеспечения со стороны государства интересов национальной церкви Дании, очень сложно определить грань, за которой скрывается вмешательство во внутренние дела церковных общин, а также ущемление прав и интересов, официально действующих на территории государства иных религиозных организаций.

Очевидно, что именно с учетом указанных опасений в церковном законодательстве с 1970 г. подчеркивается необходимость принятия правила компетенции таким образом, чтобы служитель церкви мог изменять их без необходимости внесения поправок в законодательство [11; 12, s. 65].

Таким образом, децентрализация [13] компетенции по принятию решений в широком спектре широком спектре областей, касающихся церквей, кладбищ, викариатств и церковных служб. Это позволило значительно освободить сферу деятельно-

сти министерства от рутинных вопросов и сосредоточиться на решении общих задач и решении вопросов более фундаментального характера.

Полномочия по согласованию общих условий оплаты и трудоустройства священников и церковных служащих также сосредоточены на уровне министерства.

При этом, случаи увольнения священников и церковных служащих по собственному желанию решаются министерством [14, s. 94].

Особо следует указать на финансовую составляющую в управлении государственной церковью в Дании. Так, В 2022 году доходы Евангелическо-лютеранской церкви составили 9,23 миллиарда датских крон, а расходы — 9,36 миллиарда датских крон.

Выделяют уровни, которые так или иначе влияют на общее финансовое положение Евангелическо-Лютеранской Церкви: Фолькетинг; министр по делам церкви; благочиния, приходы и иные.

Экономику можно разделить на три основные группы: местная экономика, общий фонд и государственные субсидии.

Местная экономика включает в себя средства отдельных приходских храмов, приходов и церквей, а также средства благотворительных комитетов. Эти местные фонды покрывают почти 80% всех расходов национальной церкви. Доход нестоличных фондов – это прежде всего церковный налог, уплачиваемый членами национальной церкви.

Общий фонд функционирует как общий фонд национальной церкви и не является фондом в юридическом смысле. Общий фонд покрывает ряд церковных расходов, в первую очередь собственную долю национальной церкви в зарплатах и пенсиях священникам и духовенству. Другими словами, общий фонд покрывает расходы национальной церкви, которые не финансируются на местах. Основным доходом в общий фонд является национальный церковный налог, взимаемый как часть местного церковного налога, а также вклад государства в зарплату священников и архиереев.

Помимо местной экономики и общего фонда, государство также вносит свой вклад в национальную церковь. Финансовая поддержка национальной церкви штата вытекает из статьи 4 Конституции, которая гласит, что «Евангелистско-лютеранская церковь является датской национальной церковью и, как таковая, поддерживается государством». Далее в Конституции не обсуждается, как государство должно поддерживать национальную церковь.

В 2018 г. объем грантов составил 834 миллиона датских крон. Большая часть государственных субсидий предоставляется в виде субсидий на выплату заработной платы священникам и священнослужителям в общий фонд, а также пенсий священникам и священнослужителям, выплачиваемых государством. Кроме того, через Министерство по делам церкви и выдается ряд небольших субсидий, например, на ремонт церквей, а также для датских моряков и иностранных церквей.

Как член национальной церкви прихожане платят поместный церковный налог и национальный церковный налог соответственно, которые вместе составляют то, что мы обычно называем церковным налогом. Поместный церковный налог определяется местным благотворительным комитетом, а национальный церковный налог определяется министром по делам церкви в связи с определением бюджета общего фонда [15].

Отдельный вопрос, который иногда вызывает разногласия и сомнения ученых исследоватлей истории церкви и юристов, это пределы государственного регулирования и, по сути вмешательства государственной, т.е. светской власти, в дела церкви. С другой стороны, если церковь, как организация, является государственной, то вполне основательно следует искать ответ и ина иной вопрос – права церковных служителей различного ранга, в рамках исполнения своих функций, кроме этого принимать соответствующие решения собственно во внутрицерковных делах, или же данная сфере правоотношений также зарезервированная за государством?

Чтобы ответить на данный вопрос следует, во-первых, провестичеткую границу между государственными и церковными делами, что в условиях существования церкви в качестве государственной весьма непросто. Следующий, не менее важный вопрос – осуществление надзора за исполнением установленных норм во внутрицерковных делах. И, наконец, в случае возникновения разногласий, споров и т.п. возникает задача поиска аппеляционного или, даже, судебного или иного компетентного органа, решения которого принимали бы все заинтересованные стороны. В тоже время этическая целесообразность возникновения данной проблемы, во избежание нарушения авторитета церковной или государственной власти в глазах массы верующих делает эту проблему особо деликатной как с юридической, так и с морально-этической точки зрения.

Таким образом, форма организации управления и взаимодействия между государством и Евангелическо-лютеранской церковью (одновременно является и Датской национальной церковью) прошла длительный и сложный хронологический, мировоззренческий и организационно-правовой период своего становления, состоящий, как признает большинство исследователей, из двух основных частей – 1) период государственной принадлежности (до 1849 г.) и, 2) период признаний государственной, но не монопольной в плане господства учения, управляемой министерствами церковной организации.

В различные периоды управление делами национальной церкви Дании осуществляли министерство церкви и образования; министерство по делам церкви; министерство по делам города, сельской местности и церкви; министерство по гендерному равноправию и церковным делам; министерство по делам городов, сельских районов и церкви. Данный перечь раскрывает сложный процесс поиска со стороны датского государства форм и методов управления и взаимодействия с национальной церковью, а также роли собственно государства в данном процессе.

Список литературы:

1. Junigrundloven | Danmarks Riges Grundlov, 5. juni 1849. – URL: Junigrundloven | Danmarks Riges Grundlov, 5. juni 1849 (danmarkshistorien.dk) (дата обращения: 22.11.2023)
2. Allan Schmidt. Undervisningsministeriets historie 1848-2004. – 2005.
3. Государственная церковь. – URL: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЦЕРКОВЬ (дата обращения: 26.10.2023)
4. Государственная религия. – URL: Государственная религия (дата обращения: 26.10.2023)
5. Kongelig resolution af 28. april 1916. Omm inisteriet for Kirke-og undervisningsvæ senets historiske udvikling siden 1848 henvises til Matzen og Timm s. 193 f.
6. 1953 5/6: L 169 Danmarks Riges Grundlov, N. 69 p. 68. – URL: Forord (stm.dk); EUR-Lex - 72016L2341DNK_266307 - EN - EUR-Lex (europa.eu) (дата обращения: 26.10.2023)
7. Конституция королевства Дания. – URL: Конституция Королевства Дания (дата обращения: 26.10.2023)

8. Jens Rasmussen Folkekirken under kongemagt og folkestyre. Struktur og liturgi. - København: Fønix 2021. – 169 c.
9. Omm inisteriets organisation kan i øvrigt henvises til: Kirkem inisteriets struktur. Betæ nkning fra arbejdsgruppen vedrørende Kirkem inisteriets struktur nedsat den 14. jan u ar 1988. December 1988 // Danske kommissionsbetænkninger 1981 - 1985 Udarbejdet af PALLE SVENNEVIG forskningsbibliotekar cand. oecon. Udgivet af Folketingets bibliotek og oplysningstjeneste. 1986. Trykt hos Villadsen og Christensen. – URL: svenning_danske_kommissionsbetaenkninger_1981-1985_1986.pdf (дата обращения: 26.10.2023)
10. Cirkulære om ændring af cirkulære om ændring af cirkulære om folkekirkens og de anerkendte trossamfunds ministerialbøger. CIR1Æ No 9043 от 30/01/2024. – URL: Cirkulære om ændring af cirkulære om ændring af cirkulære om folkekirkens og de anerkendte trossamfunds ministerialbøger (дата обращения: 26.10.2023)
11. Betænkning 476/1968 og betænkning 495/1968
12. Jf. Asger Jørgensen i Leksikon form enighedsråd. - S. 65.
13. Jf. navnlig Kirkem inisteriets bekendtgørelse nr. 527 af 19. ju n i 1992.
14. Preben Espersen Kirkeret Almindelig del 2. reviderede og forøgede udgave. – Jurist- og Økonomforbundets Forlag. - 1999. - S. 94. – URL: espersen_kirkeret_1999.pdf (дата обращения: 26.10.2023)
15. FOLKEKIRKENS ØKONOMI. – Kirkeministeren, 2022. – S. 3. – URL: OEkomonirapport_2022.pdf (дата обращения: 26.10.2023).

Zmerzlyy B. V., Venediktov A. A. Formation of the legal status of the Danish National Church // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 11–17.

The article considers the process of evolution of the form of organisation of management and interaction between the state and the Evangelical Lutheran Church (at the same time is the Danish National Church). It is revealed that from the moment of formation of this confession it has passed a long and complicated chronological, outlook and organisational-legal period of its formation, consisting, as most researchers admit, of two main parts - 1) the period of state affiliation (until 1849) and, 2) the period of recognition of the state, but not monopolistic in terms of the dominance of doctrine, ministerially managed church organisation.

In various periods the national church in Denmark was administered by the Ministry of Church and Education; the Ministry of Church Affairs; the Ministry of Urban, Rural and Church Affairs; the Ministry of Gender Equality and Church Affairs; and the Ministry of Urban, Rural and Church Affairs. This list indicates a complex search on the part of the Danish state for forms and methods of governance and interaction with the national church, as well as the role of the state itself in this process.

Keywords: Evangelical Lutheran Church, Danish National Church, Kingdom of Denmark, constitution, governance, interaction, forms, ministry.

Spisok literatury:

1. Junigrundloven ׀ Danmarks Riges Grundlov, 5. juni 1849. – URL: Junigrundloven ׀ Danmarks Riges Grundlov, 5. juni 1849 (danmarkshistorien.dk) (data obrashcheniya: 22.11.2023)
2. Allan Schmidt. Undervisningsministeriets historie 1848-2004. – 2005.
3. Gosudarstvennaya cerkov'. – URL: GOSUDARSTVENNAYA CERKOV' (data obrashcheniya: 26.10.2023)
4. Gosudarstvennaya religiya. – URL: Gosudarstvennaya religiya (data obrashcheniya: 26.10.2023)
5. Kongelig resolution af 28. april 1916. Omm inisteriet for Kirke-og undervisningsvæ senets historiske udvikling siden 1848 henvises til Matzen og Timm s. 193 f.
6. 1953 5/6: L 169 Danmarks Riges Grundlov, N. 69 p. 68. – URL: Forord (stm.dk); EUR-Lex - 72016L2341DNK_266307 - EN - EUR-Lex (europa.eu) (data obrashcheniya: 26.10.2023)
7. Konstituciya korolevstva Daniya. – URL: Konstituciya Korolevstva Daniya (data obrashcheniya: 26.10.2023)
8. Jens Rasmussen Folkekirken under kongemagt og folkestyre. Struktur og liturgi. - København: Fønix 2021. – 169 s.
9. Omm inisteriets organisation kan i øvrigt henvises til: Kirkem inisteriets struktur. Betæ nkning fra arbejdsgruppen vedrørende Kirkem inisteriets struktur nedsat den 14. jan u ar 1988. December 1988 // Danske kommissionsbetænkninger 1981 - 1985 Udarbejdet af PALLE SVENNEVIG forskningsbibliotekar cand.

oecon. Udgivet af Folketingets bibliotek og oplysningstjeneste. 1986. Trykt hos Villadsen og Christensen. – URL: svenning_danske_kommissionsbetaenkninger_1981-1985_1986.pdf (data obrashcheniya: 26.10.2023)
10. Cirkulære om ændring af cirkulære om ændring af cirkulære om folkekirkens og de anerkendte trossamfunds ministerialbøger. CIR1Æ No 9043 ot 30/01/2024. – URL: Cirkulære om ændring af cirkulære om ændring af cirkulære om folkekirkens og de anerkendte trossamfunds ministerialbøger (data obrashcheniya: 26.10.2023)
11. Betænkning 476/1968 og betænkning 495/1968
12. Jf. Asger Jørgensen i Leksikon form enighedsråd. - S. 65.
13. Jf. navnlig Kirkem inisteriets bekendtgørelse nr. 527 af 19. ju n i 1992.
14. Preben Espersen Kirkeret Almindelig del 2. reviderede og forøgede udgave. – Jurist- og Økonomforbundets Forlag. - 1999. - S. 94. – URL: espersen_kirkeret_1999.pdf (data obrashcheniya: 26.10.2023)
15. FOLKEKIRKENS ØKONOMI. – Kirkeministeren, 2022. – S. 3. – URL: OEkomonirapport_2022.pdf (data obrashcheniya: 26.10.2023).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 18–30.

УДК 351.74«19» (477)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНСКОЙ ССР В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ В КОНЦЕ 1980-х – НАЧАЛЕ 1990-х ГОДОВ

Грошевая В. К.

Донецкий филиал ФГКОУВО «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

В статье рассмотрены особенности функционирования советской милиции на территории Украинской ССР в условиях социально-экономической и политической дестабилизации советского государства в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Проанализировано влияние реформ, проводимых при реализации курса на «перестройку» и «ускорение», на процессы, происходящие в государстве и обществе, в том числе на рост уровня преступности. Проанализированы нормативные акты, регулирующие правовой статуса органов милиции в исследуемый период, а также работы ученых и практиков, посвященные проблемам функционирования органов внутренних дел. Исследование материала осуществлено на основе общенаучных способов и приемов познания эмпирического материала, путем анализа, синтеза, моделирования, сравнения, абстрагирования, с использованием формально-логического подхода, общенаучных и специально-юридических методов. Сделан вывод о том, что в условиях кризиса, сложной социально-экономической и политической обстановки в стране, сотрудники милиции продолжали достойно выполнять свои функции. Проводимые мероприятия по улучшению правового обеспечения деятельности позволили достигнуть определенных позитивных результатов в борьбе с преступностью, обеспечении общественного порядка и недопущении межнациональных конфликтов.

Ключевые слова: милиция; правоохранительная деятельность; преступность; общественный порядок; законность.

Одним из трагических событий новейшей мировой истории стал распад Советского Союза. Общественно-политическая ситуация в СССР с конца 1980-х годов характеризовалась постепенной дестабилизацией. Как отмечает А. Колпакиди, на данном этапе происходило нарастание диссидентского оппозиционного движения против вмешательства КПСС в управление государством и хозяйственную деятельность. Из этого вытекали дезинтеграционные движения против государственного единства СССР [1, с. 468-480]. Непродуманные процессы провозглашенного государственного курса на «перестройку» повлекли за собой массовые беспорядки, а также межнациональные и межконфессиональные конфликты, которые нередко приводили к жертвам среди населения. Все это причинило существенный вред государственному и межнациональному единству страны, результатом таких действий стал развал Советского Союза. Деструктивные процессы, происходящие в обществе и государстве, негативно повлияли на криминогенную обстановку в стране. Все большее количество лиц вовлекалось в преступную деятельность, возрастал уровень «преступного профессионализма». Количество преступлений, совершенных в первом квартале 1990 г., увеличилось на 69 % по сравнению с количеством преступлений, совершенных в первом квартале 1989 г. [2, с.389]. Изменился и характер противоправных деяний, все большее распространение получили такие преступления, как заказные убийства, торговля людьми, оружием, наркотическими средствами.

Несмотря на сложную социально-политическую обстановку в стране, кадровый дефицит, недостаток финансирования, правоохранительные органы на территории Украинской ССР все же смогли сохранить относительную стабильность оперативной обстановки в регионе, не допуская межнациональных и межконфессиональных конфликтов.

Функционирование советской милиции является предметом исследования и анализа в работах Я.Ю. Кондратьева, В.С. Малышева, П.П. Михайленко, Н.А. Щелокова, А.М. Бандурки, а также других ученых и практиков. Их работы внесли значительный вклад в развитие знаний об истории советской милиции.

Цель исследования – раскрыть функции и содержание деятельности органов советской милиции в конце 1980-х – начале 1990-х годов, определить их место в системе органов правопорядка в исследуемый период, выявить взаимосвязь социально-экономических и политических условий существования государства и общества с ролью милиции в системе органов правопорядка.

В 1990 г. МВД Украинской ССР была создана рабочая группа для разработки программы борьбы с преступностью. В ней были определены комплексные меры, направленные на повышение эффективности деятельности органов внутренних дел, в том числе – предотвращение и пресечение преступлений и других противоправных деяний [2, с. 260].

На общесоюзном уровне МВД СССР были разработаны неотложные меры по борьбе с преступностью и ее организованными формами [2, с. 262]. В приказе, которым были утверждены эти меры, было обращено внимание на необходимость обеспечения безусловного исполнения таких мер.

В ноябре 1990 г. Верховный Совет УССР утвердил неотложные меры по укреплению законности и правопорядка в республике [3]. Необходимость их введения была обусловлена тем, что криминогенная ситуация в республике приобрела угрожающий характер и продолжала ухудшаться. С целью предупреждения и прекращения массовых беспорядков, других противоправных действий, связанных с нападениями на здания государственных органов, незаконным захватом земель, неисполнением законных требований сотрудников милиции, сотрудникам органов внутренних дел было предоставлено право оказывать активное противодействие, в том числе с применением разрешенных специальных средств.

В начале 1980-х годов произошло изменение руководства МВД СССР, что повлекло за собой изменение руководства министерства и «чистку кадров» личного состава органов внутренних дел страны. Этот процесс происходил и в системе органов внутренних дел УССР. В июне 1982 г. министром внутренних дел УССР был назначен И.Д. Гладуш, который ранее занимал должность первого заместителя министра внутренних дел УССР. Позднее было признано, что в ходе «чистки» были допущены перегибы и часть сотрудников были восстановлены на работе. Несмотря на внутренние проблемы, милиция продолжала исполнять возложенные на нее обязанности.

Реорганизация службы участковых инспекторов милиции была проведена по итогам коллегии МВД СССР в феврале 1983 г. В Главном управлении уголовного розыска МВД СССР были упразднены отделы общей и индивидуальной профилактики. Аналогичные подразделения были ликвидированы в министерствах союзных республик, управлениях внутренних дел, городских и районных отделах внутренних дел. Высвобожденные сотрудники были направлены на укрепление службы участковых инспекторов милиции и инспекторских подразделений МВД СССР, союзных и автономных республик, УВД крайоблисполомов. С целью контроля за деятельностью участковых инспекторов и руководства их деятельностью, в организационно-инспекторском управлении МВД СССР был создан отдел по контролю и руководству деятельностью участковых инспекторов. Одной из его задач было укрепление связей между подразделениями участковых инспекторов, общественными организациями и населением, а также другими службами органов внутренних дел.

В 1987 г. приказом МВД СССР была утверждена новая Инструкция об организации службы участкового инспектора милиции. В 1988 г. на основании анализа исполнения требований законодательства службой участковых инспекторов, по результатам выявленных недостатков, МВД СССР издан приказ [2, с. 303-305]. В приказе предусмотрена необходимость увеличения численности участковых инспекторов. Запрещалось

использовать участковых для проведения мероприятий, связанных с их отрывом от участка, за которым они закреплены, в том числе возбуждать и расследовать уголовные дела, отнесенные к компетенции органов предварительного следствия. Изменилась и оценка результатов работы участковых инспекторов. Действовавшая ранее «балльная» система оценки была отменена. Основными критериями стали уровень общественного порядка, индивидуальная профилактическая работа с правонарушителями, профессионально грамотные действия по предупреждению и раскрытию преступлений, а также мнение населения об их работе. Также предлагалось опротестовать решения исполкомов местных Советов народных депутатов, которыми на милицию были возложены обязанности, отнесенные к компетенции жилищно-коммунальных, санитарных, ветеринарных и других служб.

Приказом также вносились изменения в Инструкцию об организации работы участкового инспектора милиции. На должности участковых инспекторов, в соответствии с данными изменениями, могли быть назначены лица, которые имеют юридическое образование, практический опыт работы, высокий уровень профессиональной и моральной культуры. Преимущество имели лица, которые закончили высшие или средние специальные учебные заведения МВД СССР.

В 1983 г. произошла реорганизация научных учреждений МВД СССР. Физические, химические и криминалистические отделы ВНИИ и ЦНИКЛ были объединены в единую Научно-исследовательскую лабораторию (НИЛ-6) ВНИИ МВД СССР. В 1989 г. НИЛ-6 преобразована во Всесоюзный научно-криминалистический центр МВД СССР. На тот момент в СССР было создано 2480 экспертно-криминалистических подразделений (98 отделов, 672 отделения, 1710 групп). Общая численность специалистов превышала 7 тысяч.

Авария на Чернобыльской АЭС, которая произошла 26 апреля 1986 г., является одной из наиболее глобальных технологических катастроф в истории Советского Союза. Сотрудники органов внутренних дел принимали активное участие в ликвидации последствий аварии и спасании людей из зоны радиоактивного поражения. Подразделения органов внутренних дел осуществляли охрану 30-километровой зоны, а также расположенных в ее пределах объектов народного хозяйства и личного имущества граждан.

Непосредственно после аварии дежурный Припятьского городского отдела внутренних дел направил на АЭС оперативную группу для фиксации последствий техногенной катастрофы. В первые дни после аварии дежурная часть Припятьского городского отдела милиции стала центром координации деятельности всех служб города.

Каждое подразделение МВД выполняло свои функции. Так, сотрудники ГАИ обеспечивали «зеленую улицу» транспорту, который направлялся на атомную электростанцию.

К ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС активно привлекались курсанты и слушатели учебных заведений системы органов внутренних дел. Непосредственно после аварии, 27 апреля 1986 г., к охране общественного порядка в городе при эвакуации его жителей было привлечено 293 слушателя Киевской высшей школы милиции им. Ф.Э. Дзержинского. К ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы также привлекалось 340 слушателей Киевских высших курсов повышения квалификации работников исправительно-трудовых учреждений, которые обеспечивали эвакуацию жителей близлежащих сел. Необходимый резерв сил и средств был создан на базе Харьковского, Черкасского и Львовского пожарно-технических училищ. Для несения службы также привлекались курсанты Донецкой, Днепропетровской, Минской, Могилевской, Брянской средних школ милиции.

После завершения эвакуации населения из 30-километровой зоны была организована единая система охраны правопорядка. Порядок ее осуществления определялся оперативной группой МВД СССР по согласованию с министерствами внутренних дел Украинской и Белорусской ССР. На автомагистралях в районах зоны отселения было организовано

патрулирование и установлен контроль на КПП. Строго контролировалось качество продуктов и питьевой воды [4, с.101-102].

В г. Припять были созданы посты охраны жилых домов, а также организовано патрулирование населенного пункта. Вследствие повышения уровня радиации патрулирование осуществлялось с максимальным использованием бронетехники и автотранспорта. Это позволяло существенно уменьшить дозовую нагрузку радиоактивного излучения на людей. Для обеспечения охраны имущества людей в эвакуированных селах было установлено круглосуточное дежурство и патрулирование.

Существенный взнос в ликвидацию последствий Чернобыльской катастрофы внесли сотрудники уголовного розыска и следственных подразделений. Продолжая исполнять свои служебные обязанности, они принимали активное участие в проведении эвакуации населения и поддержании общественного порядка в 30-километровой зоне.

В 1989 г. утверждено Положение об организационно-инспекторском управлении МВД УССР [2, с.257-260]. В нем на организационно-инспекторское управление была возложена обязанность осуществлять непрерывное наблюдение за изменениями оперативной обстановки в республике, комплексный анализ состояния преступности и общественного порядка, результатов работы органов внутренних дел республики. Управление также осуществляло планирование служебной деятельности министерства, контроль и проверку исполнения отраслевыми службами министерства, органами внутренних дел республики нормативных актов СССР и УССР, а также приказов и решений коллегий.

Особое внимание было обращено на недопущение создания и ликвидацию созданных незаконных вооруженных формирований. Они создавались в отдельных регионах Советского Союза с конца 1980-х годов при молчаливом попустительстве местных властей. Для того, чтоб завладеть оружием и боеприпасами, такие незаконные формирования нередко нападали на военнослужащих и сотрудников органов внутренних дел. Также фиксировались случаи нападений на воинские части и подразделения милиции. В ходе таких нападений нередко имели место жертвы как среди сотрудников правоохранительных органов, так и среди мирных граждан. В состав незаконных вооруженных формирований входило немало криминальных элементов. В 1990 г. был принят Указ Президента СССР, который предусматривал, что оружие, боеприпасы и взрывчатые вещества, находящиеся у незаконных вооруженных формирований, должны быть сданы в подразделения органов внутренних дел, а затем переданы подразделениям Министерства обороны. В случае неисполнения приказа такие формирования должны быть разоружены, а лица, которые отказались исполнять приказ, привлечены к уголовной ответственности за незаконное приобретение и хранение оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ [2, с. 305-306].

В начале 1990 г. значительно расширились полномочия МВД союзных республик. К их компетенции был отнесен ряд полномочий, которые ранее были отнесены к компетенции общесоюзного министерства [2, с. 260-262]. Соответствующий приказ включал в себя права, которые передавались министерствам внутренних дел союзных республик в сфере управления органами внутренних дел и организации оперативно-служебной деятельности; в кадровой и организационно-штатной работе; в вопросах финансового и материально-технического обеспечения.

В сфере организационно-управленческой деятельности министерствам было передано право самостоятельно планировать служебную деятельность и контролировать ход исполнения запланированных мероприятий, издавать нормативные акты по вопросам служебной деятельности, а также выпускать информационно-методические печатные издания. Министерства выдавали разрешение на приобретение огнестрельного оружия советскими и иностранными гражданами, а также на провоз через Государственную границу СССР огнестрельного оружия, взрывчатых материалов и ядовитых веществ.

В кадровой сфере министры внутренних дел союзных республик получили право назначать и увольнять сотрудников на руководящих должностях (начальники главных

управлений и управлений внутренних дел исполкомов областных и городских Советов народных депутатов). В зависимости от оперативной обстановки, министерства самостоятельно определяли численность и штаты инспекций по делам несовершеннолетних, а также подразделений милиции, которые содержались за счет средств предприятий, учреждений, организаций.

В материально-финансовой сфере министры принимали решения о приобретении подразделениями органов внутренних дел за счет средств местного бюджета и других нецентрализованных источников, сверх нормы оперативной положенности, автотранспорта, оперативной и криминалистической техники.

Важным этапом развития республиканской милиции стало принятие Закона УССР «О милиции» [5]. В данном нормативном акте милиция определялась как государственный вооруженный орган исполнительной власти, который защищает жизнь и здоровье, права и свободы граждан, собственность, окружающую природную среду, интересы общества и государства от противоправных посягательств. Основными задачами милиции Закон определяет обеспечение безопасности граждан, защиту их прав, свобод и законных интересов; предотвращение и прекращение правонарушений, выявление и раскрытие преступлений; охрану и обеспечение общественного порядка; обеспечение безопасности дорожного движения; защиту собственности от преступных посягательств; исполнение уголовных наказаний и административных взысканий; участие в предоставлении социальной и правовой помощи гражданам, содействие в пределах своей компетенции государственным органам, предприятиям, учреждениям и организациям.

В Законе УССР «О милиции» были закреплены принципы и правовые основы деятельности милиции, права, обязанности и ответственность сотрудников милиции. Регламентировались основания и порядок применения сотрудниками милиции мер физического воздействия, а также специальных средств физического воздействия и огнестрельного оружия. В Законе также устанавливались правила прохождения службы в милиции, основы правовой и социальной защиты сотрудников.

Статья 7 Закона УССР «О милиции» определяла милицию как единую систему органов, входящих в структуру МВД УССР, выполняющих административную, профилактическую, оперативно-розыскную, уголовно-процессуальную, исполнительную и охранную (на договорных основах) функции. В состав милиции входили следующие подразделения: криминальная милиция, милиция общественной безопасности; транспортная милиция; государственная автомобильная инспекция и специальная милиция.

В июле 1991 г. приняты два нормативных акта, регламентирующих статус сотрудников милиции. Постановлением Кабинета Министров УССР было утверждено Положение о прохождении службы рядовым и начальствующим составом органов внутренних дел Украинской ССР» [6, с.76-93], а Указом Президиума Верховного Совета УССР утвержден Дисциплинарный устав органов внутренних дел Украинской ССР [7]. В данных нормативных актах определялись общие правила поведения лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел. Устанавливались виды поощрений за добросовестное исполнение служебных обязанностей и порядок наложения дисциплинарных взысканий, права начальников подразделений объявлять поощрения и налагать взыскания. Также предусматривался порядок обжалования решений о наложении взысканий. Указанные акты продолжали действовать и после провозглашения Украиной независимости, до 2006 г.

Продолжалось усовершенствование организации работы следственных органов МВД и органов дознания. Статус Следственного управления регламентировался Положением, принятым в 1974 г. [8].

Органы дознания были образованы в структуре МВД УССР в 1972 г. Положение об отделе дознания было принято в 1977 г. [9]. Отдел дознания МВД УССР являлся самостоятельным подразделением аппарата министерства. Его возглавлял начальник,

который подчинялся министру и заместителям министра. Отдел осуществлял ведомственный контроль за проведением дознания подразделениями милиции, начальниками исправительно-трудовых учреждений и органами государственного пожарного надзора, как непосредственно, так и через управления внутренних дел горисполкомов, а также через отделы (управления) транспортно милиции.

Статистические данные свидетельствуют о том, что нагрузка на следственные подразделения и органы дознания постоянно возрастала, что было обусловлено не только увеличением количества преступлений, но и расширением перечня преступлений, отнесенных к их подследственности.

Вопросам усовершенствования организации работы органов дознания и предварительного следствия органов милиции СССР уделяли значительное внимание ученые и практические работники. В советской юридической литературе высказывалась точка зрения о необходимости ликвидации дознания как самостоятельной формы предварительного расследования и замена его по части дел предварительным следствием, а по отдельным категориям дел – досудебным производством (по аналогии с уголовными делами о хулиганстве). Также предлагалось ликвидировать уголовную ответственность за отдельные деяния, расследование которых осуществлялось в форме дознания, переведя их в категорию административных правонарушений. Высказывалась точка зрения о необходимости сокращения сферы дознания, которое является первичным этапом предварительного следствия по делам, для которых оно является обязательным. Одновременно предлагалось расширить понятие неотлагательных следственных действий. В области предварительного следствия высказывалось мнение о необходимости ликвидировать параллелизм в деятельности органов, которые осуществляли предварительное следствие (суд, прокуратура, органы внутренних дел) и создать единый следственный аппарат в самостоятельном следственном комитете, который будет действовать на правах комитета при Совете Министров СССР и его органах на местах [10, с. 205]. Таким образом, вопросы реформирования органов дознания и предварительного следствия, которые обсуждались советскими учеными, во многом перекликаются с современными проблемными вопросами, которые обсуждаются учеными и практическими работниками.

В 1978 г. постановлением Совета Министров СССР было утверждено новое положение о Государственной автомобильной инспекции. Ранее в каждой союзной республике действовало свое положение о ГАИ, которое было разработано на основе типового союзного положения. Новое положение стало единым для всех союзных республик. В нем были закреплены обязанности Госавтоинспекции. Основная задача органов ГАИ – регулирование дорожного движения и надзор за ним; контроль за состоянием автомобильных дорог и дорожных сооружений; реализация мер по повышению пропускной способности дорог; надзор за техническим состояние транспортных средств, проведение их технических осмотров. Необходимо отметить, что ряд функций Госавтоинспекций выходили за пределы основных задач, поставленных перед данными подразделениями. Например, сотрудники ГАИ привлекались к работе технических советов архитектурно-плановых и проектных организаций, в том числе к работе технических и научно-технических советов при рассмотрении генеральных планов застройки населенных пунктов. В данный период ни одно министерство или ведомство не принимало управленческих решений, которые имели отношение к безопасности дорожного движения, без согласования с органами ГАИ.

В 1980 г., по сравнению с 1970 г., существенно (на 116 %) возросло количество автотранспортных средств, а количество выданных водительских удостоверений увеличилось на 90 %. Аварийность на автомобильных дорогах стала серьезной общенациональной проблемой. К ее решению привлекались различные министерства и ведомства, государственные органы и организации. Для координации их деятельности по инициативе ГАИ была создана Всесоюзная комиссия для гарантирования безопасности

дорожного движения, которая осуществляла формирование и проведение единой государственной политики в этой сфере [11, с.20]. С целью улучшения управления подразделениями дорожно-патрульной службы Госавтоинспекции и повышения их воздействия на дорожное движение в районе г. Киева, отдельные дивизионы государственного надзора милиции были преобразованы в отдельный дивизион дорожно-патрульной службы ГАИ УВД. В мае 1981 г. патрульные подразделения действовали в 103 городах УССР.

Во второй половине 1980-х годов активизировалась деятельность подразделений БХСС. За период с 1982 по 1986 г. общее количество хозяйственных преступлений увеличилось на 23 %. Количество выявленных хищений, совершенных в крупных и особо крупных размерах, возросло на 40 %, количество взяточников – на 80 %, количество спекулянтов – на 30 % [12].

В нормативных актах, принятых во второй половине 1980-х годов, основной обязанностью подразделений БХСС определялось предупреждение хищений и расточительства. В то же время, обращалось внимание на необходимость выявления и пресечения преступной деятельности организованных преступных групп расхитителей, взяточников и спекулянтов. Такие преступные группы нередко затрагивали несколько отраслей народного хозяйства. На таких предприятиях нередко нарушались требования об учете товарно-материальных ценностей. Проверки и инвентаризации товарно-материальных ценностей не проводились или же проводились формально. Широкое распространение получила практика приписок и умышленного искажения отчетности, а также махинации расхитителей и взяточников.

Самым распространенным хозяйственным преступлением 1980-х годов была спекуляция. Предметы спекуляции продавались в гостиницах, ресторанах, нередко непосредственно на предприятиях. Широкое распространение получил такой вид преступного деяния, как мелкое хищение. Наибольшее количество таких преступлений совершалось на предприятиях пищевой промышленности и в строительстве. В январе 1991 г. служба БХСС была переименована в службу по борьбе с преступлениями в сфере экономики (БЭП) Службы криминальной милиции.

В 1985 г. Президиум Верховного Совета УССР издал Указ, в котором отмечалась необходимость усиления борьбы с пьянством, алкоголизмом, а также искоренения самогоноварения [13]. Изложенные в Указе меры были направлены для ознакомления, изучения и исполнения оперативно-начальствующему составу милиции, сотрудникам медицинских вытрезвителей, патрульно-постовой службы, младшему рядовому и начальствующему составу других подразделений милиции [2, с. 440-444]. К борьбе с пьянством и алкоголизмом, помимо сотрудников милиции, также привлекались медицинские работники. В совместном приказе МВД и Министерства здравоохранения УССР обращено внимание на необходимость усовершенствования взаимодействия сотрудников данных ведомств в процессе выявления алкоголиков и лечения данного заболевания. Особое внимание уделялось профилактике правонарушений с их стороны [2, с.453-456]. В п. 22 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 1 ноября 1985 г. № 15 [14] отмечалось, что судам рекомендуется проверять наличие в материалах дела данных, которые подтверждают обстоятельства, имеющие значение для дела. В случае неполноты предоставленных материалов они возвращались в органы внутренних дел для устранения недостатков.

Ходатайствовать о принудительном лечении и трудовом перевоспитании могли общественные организации, трудовые коллективы, государственные органы, а также члены семьи лица, больного алкоголизмом, при наличии медицинского заключения. Подготовку материалов дела и направление их в суд, а также, в случае неявки в добровольно порядке, привод лица на медицинское обследование или в суд осуществляли органы внутренних дел.

В случае вынесения судом постановления о направлении лица в ЛТП, исполнение такого решения также осуществлялось органами внутренних дел.

До середины 1980-х годов борьба с пьянством, алкоголизмом и самогоноварением осуществлялась в общем режиме. Сотрудники милиции задерживали и доставляли в медвытрезвитель лиц, которые находились в общественных местах в нетрезвом состоянии, хронические алкоголики направлялись на принудительное лечение. С целью борьбы с самогоноварением выявлялись и привлекались к ответственности лица, которые занимались производство самогона. Приспособления для изготовления самогона изымались и уничтожались.

В 1985 году Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым была провозглашена антиалкогольная компания. Был установлен запрет на продажу алкоголя во всех заведениях общественного питания (кроме ресторанов), а также вблизи образовательных учреждений все типов, больниц, санаториев, промышленных объектов и зон отдыха. Также под запрет попала реклама спиртных напитков и процесса их распития на телевидении, по радио, в театре и кино. Алкоголь разрешалось продавать только в специализированных отделах магазинов с 14.00 до 19.00 и только лицам, достигши 21 года. Непосредственными исполнителями антиалкогольного законодательства были сотрудники милиции.

С середины 1970-х годов к проблеме борьбы с пьянством и алкоголизмом добавилась проблема борьбы с наркоманией. К задачам милиции добавилась борьба с выращиванием, изготовлением, хранением, продажей и употреблением наркотических веществ. В 1976 году были разработаны меры по усилению борьбы с наркоманией.

В 1980-е годы продолжалась работа органов внутренних дел по борьбе с детской беспризорностью и преступностью среди несовершеннолетних. Основная роль в данном процессе отводилась работе детских комнат милиции. Органы милиции проводили работу по профилактике пьянства среди несовершеннолетних, проводили активную работу по перевоспитанию подростков, которые получили отсрочку исполнения приговора или были освобождены от наказания на основе акта амнистии. Органы милиции также применяли меры воздействия на родителей, которые не исполняли конституционные обязанности по воспитанию, обучению и защите детей.

Сотрудники милиции принимали активное участие в общественной и политической жизни страны. Немало сотрудников органов внутренних дел были депутатами районных, городских и областных Советов народных депутатов.

В 1980-е годы продолжало развиваться сотрудничество милиции с добровольными народными дружинами. Совершенствовалась правовая база такого сотрудничества, в 1980 году был издан приказ «О дальнейшем укреплении взаимодействия органов внутренних дел с добровольными народными дружинами» [15]. В 1980 г. также было принято Положение об общественных пунктах охраны порядка в Украинской ССР [16], которое оказало существенное влияние на развитие взаимодействия органов милиции с общественностью.

С целью усиления патрульно-постовой службы 07 мая 1979 года МВД Украинской ССР был издан приказ, в котором было предусмотрено, что начальникам УВД облисполкомов и Киевского горисполкома необходимо усилить патрульно-постовую службу милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью на улицах и в других общественных местах в крупных городах и городах со сложной оперативной обстановкой. В органах внутренних дел ряда городов Украинской ССР были созданы подразделения патрульно-постовой службы. В Донецке, Одессе и Харькове были созданы полки, во Львове, Днепропетровске, Запорожье, Ворошиловграде, Херсоне и Севастополе – батальоны, в Виннице, Луцке, Житомире, Полтаве и ряде других городов создавались роты патрульно-постовой службы.

В 1988 г. приказом МВД СССР были созданы отряды милиции особого назначения (ОМОН) [2, с. 253-254]. Такие подразделения создавались с целью стабилизации обстановки в отдельных регионах страны путем пресечения массовых групповых хулиганских

проявлений и массовых беспорядков. На территории Украинской ССР такие отряды были созданы в Управлениях внутренних дел Донецкого, Львовского и Одесского облисполкомов. Подразделения ОМОН обеспечивали охрану общественного порядка во время проведения общественно-политических, культурно-массовых, спортивных и других массовых мероприятий, а также в случае стихийных бедствий, эпидемий, крупных производственных аварий, катастроф и других чрезвычайных обстоятельств.

В 1980-е годы продолжилось сотрудничество по вопросам формирования кадров между органами милиции и трудовыми коллективами, партийными и комсомольскими органами. В 1983-1984 гг. на службу в органы милиции было направлено более 200 тыс. лиц. Однако качество кадров существенно снизилось, поскольку отбор претендентов нередко осуществлялся формально. Изучение моральных и деловых качеств претендентов часто осуществлялось поверхностно, без участия специалистов кадровой службы и психологов. Во многих подразделениях не уделяли достаточного внимания организации первичной подготовки новых сотрудников. В 1983-1985 гг. в первый год службы было уволено 22,7 тыс. сотрудников, по различным причинам сменилось 70 % начальников городских и районных отделов милиции [17].

Начало 1990-х годов стало переломным этапом в истории Советского Союза, в том числе и УССР. Принятые союзными республиками декларации о государственном суверенитете повлекли за собой распад СССР и как следствие – экономический кризис, рост преступности и бандитизма. Декларация о государственном суверенитете Украины была принята Верховным Советом УССР 16 июля 1990 г. [18]. Вскоре после ее принятия Верховный Совет УССР принял постановление, в котором перед Советом Министров УССР была поставлена задача в течение месяца организовать возврат к постоянному месту службы сотрудников правоохранительных органов республики, которые принимали участие в охране общественного порядка и локализации межнациональных конфликтов в других регионах СССР [19].

Учитывая резкое ухудшение криминогенной ситуации в Украинской ССР, в ноябре 1990 года Верховный Совет Украинской ССР принял постановление «О неотложных мерах по укреплению законности и правопорядка в республике». Для улучшения ситуации в республике органам внутренних дел и внутренним войскам было предоставлено право использовать в качестве активного противодействия разрешенные специальные средства. Их применение допускалось с целью прекращения массовых беспорядков, противоправных нападений на здания государственных органов и общественных организаций, массовых захватов земель, неисполнения законных требований сотрудников милиции. Применение специальных средств считалось правомерным и в других случаях, которые могли привести к столкновениям между отдельными группами населения, а также при совершении действий, которые парализуют работу транспорта, жизнедеятельность городов, посягают на жизнедеятельность городов, общественное спокойствие, жизнь и здоровье людей.

Порядок использования работниками милиции специальных средств определялся правилами, утвержденными Советом Министров Украинской ССР. К специальным средствам были отнесены: шлемы; защитные пластиковые каски; бронежилеты; противоударные и бронированные щиты; резиновые и пластиковые дубинки; наручники; электрошоковые устройства; резиновые патроны и другие метательные снаряды не смертельного действия; газовые гранаты и патроны; баллончики и патроны с препаратами слезоточивого действия; светошумовые гранаты и устройства; водометы; бронемашины; устройства для принудительной остановки автотранспорта и другие средства. Их применение допускалось в случае, когда использование других форм предварительного воздействия на правонарушителя при защите граждан или самозащите работников милиции от нападения или других действий, создающих угрозу их жизни и здоровью, не дало результат. Использование специальных средств также допускалось с целью прекращения массовых беспорядков и групповых нарушений общественного порядка, отражения

нападений на здания, помещения, сооружения, транспортные средства и их освобождения в случае захвата. Правомерным также считалось использование специальных средств при освобождении заложников и задержании лиц, которые совершили правонарушение и оказывают сопротивление работникам милиции, либо могут причинить вред себе или окружающим. Также допускалось их использование для прекращения массового захвата земли или при совершении действий, которые парализуют работу транспорта, жизнедеятельность населенных пунктов, посягают на общественный порядок, жизнь и здоровье людей.

В 1980-х годах уделялось большое внимание подготовке высококвалифицированных кадров для подразделений милиции. На это обращалось внимание в приказе МВД УССР от 4.07.1980 г. [20]. В нем были изложены меры, направленные на усовершенствование профессиональной подготовки лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел. Обращалось внимание на необходимость улучшения служебной и боевой подготовки непосредственно в органах и подразделениях, в специализированных школах милиции и учебных пунктах начальной подготовки. Подчеркивалась необходимость систематического проведения огневой, строевой и физической подготовки, практических занятий, оперативно-тактических игр, обучения и тренировок с использованием современных технических средств обучения. Основной целью таких мероприятий было повышение профессионального мастерства личного состава как важнейшего способа повышения уровня оперативно-служебной деятельности и эффективности борьбы с преступностью. С целью улучшения боевой, физической и служебной подготовки работников милиции, проводились смотры-конкурсы и соревнования между представителями личного состава.

В органах внутренних дел на местах практиковались выездные занятия с привлечением к их проведению преподавателей высших учебных заведений. Непосредственно в учебных заведениях проводилась работа по усовершенствованию процесса обучения с целью наиболее полного усвоения слушателями и курсантами теоретического материала и подготовки их к практическому применению полученных знаний.

Большое внимание уделялось обмену передовым опытом между отдельными подразделениями. Например, в 1987 г. МВД УССР был изучен опыт УВД Житомирского облисполкома в части использования достижений науки и техники и передового опыта в практической деятельности подразделений милиции, а также в процессе обучения сотрудников и повышения их квалификации. Высокая оценка материально-технической базы УВД Житомирского облисполкома была дана на региональном Всесоюзном совещании руководителей кадровых и политических аппаратов. На данном совещании УВД Житомирского облисполкома было определено базовым органом по созданию и использованию учебно-методической базы для профессиональной подготовки сотрудников ОВД [21].

В 1980-х годах в составе органов милиции существенно возрос удельный вес специалистов, имеющих высшее или среднее специальное юридическое образование, а также специалистов из других отраслей знаний, необходимых для решения проблем борьбы с преступностью. В частности, службу в подразделениях милиции проходили специалисты в сфере информационных технологий, а также психологи, педагоги, экономисты и другие.

В 1980-е годы значительное внимание уделялось поощрению сотрудников милиции и граждан, которые активно помогали им в служебной деятельности. Лица, которые достигли высоких показателей в оперативно-служебной и производственно-хозяйственной деятельности, показали образцовую культуру несения службы и проявили при исполнении служебных обязанностей личную инициативу, награждались Почетной грамотой МВД СССР и МВД УССР. Также была введена Книга почета и Книга вечной славы МВД СССР и МВД УССР [2, с. 195-205]. Сотрудникам милиции, которые добросовестно исполняли свои

обязанности, при их увольнении в отставку или в запас назначались пенсии, а также разрешалось присвоение им медали «Ветеран труда».

Таким образом, несмотря на сложную социально-экономическую и политическую обстановку в стране в конце 1980-х годов сотрудники подразделений милиции, действующие на территории Украинской ССР, продолжали достойно выполнять свои функции. Проводимые мероприятия по улучшению правового обеспечения деятельности позволили достигнуть определенных позитивных результатов в борьбе с преступностью, обеспечении общественного порядка и недопущении межнациональных конфликтов. На данном этапе функционирования советской милиции усовершенствовалось правовое обеспечение организации и деятельности органов МВД Украинской ССР. Происходила оптимизация структуры министерства, приведение ее в соответствие с требованиями времени, которые были связаны с существенным обострением общественно-политической обстановки в стране. К началу 1990-х годов министерство имело широкую систему и компетенцию. В его состав, помимо милиции и внутренних войск, также входили подразделения пожарной охраны, исправительно-трудовые учреждения и другие подразделения.

Список литературы:

1. Колпакиди А. КГБ: Энциклопедия спецслужб / А. Колпакиди, А. Север. – М.: Яуза; Эксмо, 2010. – 784 с.
2. Михайленко П.П., Кондратьєв Я.Ю. Історія міліції України у документах і матеріалах: У 3-х т. – Київ: Генеза. 2000. – Т.3: 1946-1990. – 616 с.
3. Про невідкладні заходи по зміцненню законності і правопорядку в республіці: Постанова Верховної Ради УРСР від 29 листопада 1990 року // Відомості Верховної Ради України. – 1990. – № 51. – Ст. 647
4. Степанов А.Г. Чернобыль: четверть века спустя / А.Г. Степанов // Труды Академии управления МВД России. – 2011. – № 1 (17). – С.101-103.
5. Про міліцію : Закон Української РСР від 20 грудня 1990 р. № 565–XII // Відомості Верховної Ради УРСР. – 1991. – № 4. – Ст. 20.
6. Положення про проходження служби рядовим і начальницьким складом органів внутрішніх справ Української РСР : Постанова Кабінету Міністрів УРСР № 114 від 29 липня 1991 р. // Довідник працівника міліції : у 2 кн.. – Кн.. 1: Законодавчі та інші нормативно-правові акти з питань діяльності органів внутрішніх справ / відп. ред. М.В. Білокінь; упоряд. С.М. Гусаров, В.Г. Слободянюк, С.М. Калюк. – К. : Видавнича компанія «Воля», 2003. – 584 с.
7. Про Дисциплінарний статут органів внутрішніх справ Української РСР : Указ Президії Верховної Ради Української РСР від 29 липня 1991 р. № 1368–XII // Відомості Верховної Ради УРСР. – 1991. – № 45. – Ст. 599.
8. Положения о Следственном управлении МВД Украинской ССР: Приказ МВД УССР № 128 от 5 августа 1974 г. – К.: МВД Украины, 1974. – 12 с.
9. Об утверждении Положения об отделе дознания МВД Украинской ССР: приказ МВД УССР № 106 от 17 марта 1977 г. – К.: МВД Украины, 1977. – 8 с.
10. Дубинский А.Я. Краткий исторический очерк развития законодательства в Украинской ССР о дознании и предварительном следствии / А.Я. Дубинский, В.Т. Чмух // Труды Киевской высшей школы МВД СССР. – № 7. – Киев: НИиРИО КВШ МВД СССР, 1973. – С. 195–205.
11. Історія Державної автомобільної інспекції України: Харків: Світлофор, 2002. – 312 с.
12. Тишков С.В., Алабердеев Р.Р., Латов Ю.В. История борьбы в СССР с хищениями социалистической собственности (к 70-летию ОБХСС/ДЭБ) // Историко-экономические исследования. – 2007. – Т.8. № 1. – С.51-79.
13. О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма, искоренению самогоноварения: Указ Президиума Верховного Совета УССР от 20 мая 1985 г. // Ведомости Верховного Совета УССР. – 1985. – № 23. – Ст. 544.
14. О практике применения судами законодательства, направленного на усиление борьбы с пьянством и алкоголизмом: Постановление Пленума Верховного Суда СССР № 15 от 01 ноября 1985 года // Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1986. – № 1.
15. О дальнейшем укреплении взаимодействия органов внутренних дел с добровольными народными дружинами: Приказ МВД УССР № 501 от 15 сентября 1980 г. – К., 1980. – 8 с.
16. Об объявлении Указа Президиума Верховного Совета Украинской ССР «Об утверждении Положения об общественных пунктах охраны порядка в Украинской ССР»: приказ МВД УССР от 12 сентября 1980 г. – К., 1980. – 11 с.

17. Об объявлении решения коллегии МВД СССР от 28 апреля 1986 г. “О существенных недостатках в выполнении постановления ЦК КПСС от 16 марта 1983 г.”, “О мерах по укреплению органов внутренних дел кадрами и задачах по дальнейшему улучшению работы с личным составом: Приказ Министра внутренних дел СССР № 0140 от 20 мая 1986 г. – М., 1986. – 11 с.
18. Декларація про державний суверенітет України : прийнята Верховною Радою Української РСР 16 липня 1990 р. № 55–XII // Відомості Верховної Ради УРСР. – 1990. – № 31. – Ст. 429.
19. Про проходження строкової військової служби громадянами Української РСР та використання працівників правоохоронних органів республіки за її межами: постанова Верховної Ради УРСР від 30 липня 1990 р. // Відомості Верховної Ради УРСР. – 1990. – № 31. – Ст. 439.
20. О состоянии и мерах по дальнейшему совершенствованию профессиональной подготовки рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Украинской ССР: приказ МВД УССР № 335 от 4 июля 1980 г. – К., 1980. – 15 с.
21. Об объявлении УВД Житомирского облисполкома базовым органом по созданию и использованию учебно-материальной базы и поощрении сотрудников: Приказ МВД УССР № 204 от 20 июня 1987 г.– К., 1987. – 4 с.

Groshevaya V.K. Legal regulation of the activities of the soviet militia on the territory of the Ukrainian SSR in the context of socio-economic and political destabilization in the late 1980s – early 1990s. // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 18-30.

The article examines the features of the functioning of the Soviet militia on the territory of the Ukrainian SSR in the conditions of socio-economic and political destabilization of the Soviet state in the late 1980s - early 1990s. The impact of the reforms carried out during the implementation of the course on "perestroika" and "acceleration", on the processes taking place in the state and society, including the increase in the crime rate, is analyzed. The normative acts regulating the legal status of police bodies in the period under study, as well as the works of scientists and practitioners devoted to the problems of functioning of internal affairs bodies, are analyzed. The research of the material is carried out on the basis of general scientific methods and techniques of cognition of empirical material, through analysis, synthesis, modeling, comparison, abstraction, using a formal logical approach, general scientific and special legal methods. It is concluded that in the conditions of crisis, difficult socio-economic and political situation in the country, police officers continued to perform their functions with dignity. The ongoing measures to improve the legal support of activities have allowed us to achieve certain positive results in the fight against crime, ensuring public order and preventing interethnic conflicts.

Keywords: police; law enforcement; crime; public order; legality.

Spisok literatury:

1.Kolpakidi A. KGB: E`nciklopediya speczsluzhb / A. Kolpakidi, A. Sever. – M.: Yauza; E`ksmo, 2010. – 784 s.
2.Mixajlenko P.P., Kondrat`єv Ya.Yu. Istoriya miliczії Ukraïni u dokumentax i materialax: U 3-x t. – Kiïv: Geneza. 2000. – T.3: 1946-1990. – 616 s.
3.Pro nevidkladni zaxodi po zmicznennyu zakonnosti i pravoporyadku v respubliczi: Postanova Verxovnoï Radi URSR vid 29 listopada 1990 roku // Vidomosti Verxovnoï Radi Ukraïni. – 1990. – № 51. – St. 647
4.Stepanov A.G. Chernoby`l`: chetvert` veka spustya / A.G. Stepanov // Trudy` Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2011. – № 1 (17). – S.101-103.
5.Pro milicziyu: Zakon Ukraïns`koï RSR vid 20 grudnya 1990 r. № 565–XII // Vidomosti Verxovnoï Radi URSR. – 1991. – № 4. – St. 20.
6.Polozhennya pro proxodzhennya sluzhbi ryadovim i nachal`nicz`kim skladom organiv vnutrishnix sprav Ukraïns`koï RSR: Postanova Kabinetu Ministriv URSR № 114 vid 29 lipnya 1991 r. // Dovidnik praczivnika miliczії : u 2 kn.. – Kn.. 1: Zakonodavchi ta inshi normativno-pravovi akti z pitan` diyal`nosti organiv vnutrishnix sprav / vidp. red. M.V. Bilokin`; uporyad. S.M. Gusarov, V.G. Slobodyanyuk, S.M. Kalyuk. – K. : Vidavnicha kompaniya «Volya», 2003. – 584 s.
7.Pro Disciplinarnij statut organiv vnutrishnix sprav Ukraïns`koï RSR: Ukaz Prezidiï Verxovnoï Radi Ukraïns`koï RSR vid 29 lipnya 1991 r. № 1368–XII // Vidomosti Verxovnoï Radi URSR. – 1991. – № 45. – St. 599.
8.Polozheniya o Sledstvennom upravlenii MVD Ukrainskoj SSR: Prikaz MVD USSR № 128 ot 5 avgusta 1974 g. – K.: MVD Ukrainy`, 1974. – 12 s.
9.Ob utverzhdenii Polozheniya ob otdele doznaniya MVD Ukrainskoj SSR: prikaz MVD USSR № 106 ot 17 marta 1977 g. – K.: MVD Ukrainy`, 1977. – 8 s.
10. Dubinskij A.Ya. Kratkij istoricheskij ocherk razvitiya zakonodatel`stva v Ukrainskoj SSR o doznanii i predvaritel`nom sledstvii / A.Ya. Dubinskij, V.T. Chmux // Trudy` Kievskoj vy`sshej shkoly` MVD SSSR. – № 7. – Kiev: NIiRIO KVSh MVD SSSR, 1973. – S. 195–205.
11. Istoriya Derzhavnoï avtomobil`noï inspekcziï Ukraïni: Xarkiv: Svitlofor, 2002. – 312 s.

12. Tishkov S.V., Alaberdeev R.R., Latov Yu.V. Istoriya bor`by` v SSSR s xishheniyami socialisticheskoj sobstvennosti (k 70-letiyu OBXSS/DE`B) // Istoriko-e`konomicheskie issledovaniya. – 2007. – T.8. № 1. – S.51-79.
13. O merax po usileniyu bor`by` protiv p`yanstva i alkogolizma, iskoreneniyu samogonovareniya: Ukaz Prezidiuma Verxovnogo Soveta USSR ot 20 maya 1985 g. // Vedomosti Verxovnogo Soveta USSR. – 1985. – № 23. – St. 544.
14. O praktike primeneniya sudami zakonodatel`stva, napravlennogo na usilenie bor`by` s p`yanstvom i alkogolizmom: Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda SSSR № 15 ot 01 noyabrya 1985 goda // Byulleten` Verxovnogo Suda SSSR. – 1986. – № 1.
15. O dal`nejshem ukreplenii vzaimodejstviya organov vnutrennix del s dobrovol`ny`mi narodny`mi druzhinami: Prikaz MVD USSR № 501 ot 15 sentyabrya 1980 g. – K., 1980. – 8 s.
16. Ob ob``yavlenii Ukaza Prezidiuma Verxovnogo Soveta Ukrainskoj SSR «Ob utverzhdenii Polozheniya ob obshhestvenny`x punktax oxrany` poryadka v Ukrainskoj SSR»: prikaz MVD USSR ot 12 sentyabrya 1980 g. – K., 1980. – 11 s.
17. Ob ob``yavlenii resheniya kollegii MVD SSSR ot 28 aprelya 1986 g. “O sushhestvenny`x nedostatkax v vy`polnenii postanovleniya CzK KPSS ot 16 marta 1983 g.”, “O merax po ukrepleniyu organov vnutrennix del kadrami i zadachax po dal`nejshemu uluchsheniyu raboty` s lichny`m sostavom: Prikaz Ministra vnutrennix del SSSR № 0140 ot 20 maya 1986 g. – M., 1986. – 11 s.
18. Deklaracziya pro derzhavnij suverenitet Ukraïni : prijnyata Verxovnoyu Radoyu Ukraïns`koï RSR 16 lipnya 1990 r. № 55–XII // Vidomosti Verxovnoï Radi URSR. – 1990. – № 31. – St. 429.
19. Pro proxodzhennya strokovoï vijs`kovoï sluzhbi gromadyanami Ukraïns`koï RSR ta vikoristannya praczivnikiv pravooxoronnix organiv respubliki za ïï mezhami: postanova Verxovnoï Radi URSR vid 30 lipnya 1990 r. // Vidomosti Verxovnoï Radi URSR. – 1990. – № 31. – St. 439.
20. O sostoyanii i merax po dal`nejshemu sovershenstvovaniyu professional`noj podgotovki ryadovogo i nachal`stvuyushhego sostava organov vnutrennix del Ukrainskoj SSR: prikaz MVD USSR № 335 ot 4 iyulya 1980 g. – K., 1980. – 15 s.
21. Ob ob``yavlenii UVD Zhitomirskogo oblispolkoma bazovy`m organom po sozdaniyu i ispol`zovaniyu uchebno-material`noj bazy` i pooshhrenii sotrudnikov: Prikaz MVD USSR № 204 ot 20 iyunya 1987 g.– K., 1987. – 4 s.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 31–36.

УДК 341

ВЛИЯНИЕ ПОПРАВКИ НАННА-КАЭНА НА ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СИЛ СПЕЦИАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ США

Заманапулов Д. М.

Институт США и Канады РАН имени академика Г.А. Арбатова

Статья посвящена анализу основополагающего законодательного акта, регулирующего деятельность Сил специальных операций США (далее – ССО). После краткого введения, автор переходит к характеристике поправки Нанна-Коэна в части её влияния на формирование структуры командования и финансирования ССО. Наряду с этим, статья освещает виды специальных операций и разъясняет их суть.

Актуальность настоящей статьи обусловлена активным применением ССО в силовой политике США, что требует рассмотрения правовых основ их использования.

Ключевые слова: Силы специальных операций, право, безопасность, США, специальные операции, война, поправка Нанна-Коэна.

Деятельность ССО США, регулируется сотнями нормативно-правовых актов, которые регламентируют тот или иной аспект их функционирования, однако наиболее значительное влияние на их правовой статус, оказала так называемая поправка Нанна-Коэна [1]. Последняя была принята в дополнение к закону Голдуотера-Николза [2] в 1987 г.

К этому времени, специальные подразделения вооружённых сил США принимали участие во всех самых острых конфликтах второй половины XX в.

Следует сказать, что в ту пору не существовало специальных правовых норм, которые бы выделяли бойцов ССО из общей массы военнослужащих. Их права и обязанности закреплялись теми же актами, которые имели отношении ко всему личному составу вооружённых сил страны.

В период холодной войны, развитие ССО получило новый импульс, что было следствием особенностей ведения противоборства с Советским Союзом, которые характеризовались невозможностью открытого применения силы. В результате этого, высшее военно-политическое руководство США, сделало ставку на мобильные подразделения спецназа, которые могли применяться скрытно. При этом, их национальная принадлежность не всегда была очевидной, так как специфика деятельности ССО предполагала действия под «чужим флагом», либо вовсе без него.

Как это часто бывает, развитие правовой доктрины определяется существующими реалиями, которые имеют место в тех или иных общественных отношениях. Исключением не стала и такая специфическая деятельность как ведение боевых действий. Так лейтмотивом необходимости принятия поправки Нанна-Каэна, стал провал американских военных во время операции «Орлиный коготь», которая была направлена на освобождение заложников в Иране в апреле 1980 г. и неудовлетворительная работа ССО, во время вторжения на Гренаду в 1983 г. В первом случае, руководству операцией потребовался месяц чтобы получить чертежи посольства у Госдепартамента, во втором, бойцы спецназа имели на руках туристические карты Гренады, следствием чего стала высадка в неблагоприятном месте, что привело к гибели нескольких военнослужащих. По результатам этих неблагоприятных инци-

дентов, была организована работа сенатской комиссии, которая должна была предложить свои соображения по поводу улучшения деятельности сообщества ССО США.

Конгрессу как высшему законодательному органу в Соединённых Штатах, стало понятно, что необходима широкая реформа вооружённых сил, чтобы избежать подобных провалов в дальнейшем. В результате был принят закон Голдуотера-Николза [2], который по своей сути стал правовой основой для самой всеобъемлющей военной реформы в США со времен принятия Закона о национальной безопасности 1947 г. [3]. В частности, закон Голдуотера-Николза, был призван укрепить систему командования в вооружённых силах, и создавал так называемые Единые боевые командования, которые должны были нести ответственность за реализацию американской военной политики на местах. Данные меры, должны были установить четкую цепочку командования и позволить избежать излишней бюрократизации при ведении военных действий.

Как оказалось в последствии, данный закон не нашел понимания в среде высшего армейского руководства в Пентагоне, которое лишь формально создало в своей структуре предписанные законодателями органы и полностью игнорировало их работу. Естественно, что такое положение не устраивало профильные комитеты Конгресса, которые курировали деятельность вооружённых сил. В результате, сенатор от Демократической партии Дж. Нанн, совместно с сенатором республиканцем У. Коэном, представили дополнительный законопроект, который впоследствии был ратифицирован Конгрессом и вошел в историю американской правовой мысли как поправка Нанна-Коэна (далее – поправка).

Новеллой в данной поправке было то, что она впервые на законодательном уровне закрепляла структуру ССО. Наряду с этим, поправка разъясняла определение деятельности ССО, устанавливала алгоритм командования и финансирования, и выделяла виды специальных оперативных мероприятий.

Для того, чтобы придать законопроекту дополнительную административную силу, в преамбуле поправки подчеркивалось, что «при содействии председателя Объединенного комитета начальников штабов президент через министра обороны должен создать в соответствии с разд.161 настоящего титула единое боевое командование для сил специальных операций». Тем самым законодатели, обязывали президента как верховного главнокомандующего создать единую, отдельную структуру, которая бы руководила всеми подразделениями специальных операций, имеющихся в вооружённых силах США [1]. Данная структура получила название Командование специальных операций (далее – КСО), основной функцией которого, согласно поправке, была «подготовка сил специальных операций к выполнению поставленных задач» [1].

Далее поправка определяла, правовой статус лица, которое могло быть представлено президентом Сенату в качестве руководителя КСО. Им мог быть военнослужащий имеющий звание «генерала или, в случае офицера ВМС, адмирала» [1]. Примечательным в этой части поправки, является четкая регламентация со стороны законодателя воинского звания. Во многом, это было сделано, чтобы повысить статус вновь созданного органа перед лицом руководителей других компонентов вооружённых сил. Напомним, что в период войны во Вьетнаме, орган, осуществляющий специальные операции на театре военных действий, возглавлял полковник, что

делало отношение к данной службе несколько пренебрежительным со стороны руководителей других подразделений, которые как правило являлись генералами.

В соответствии с поправкой, Руководитель КСО в пределах своей компетенции должен был нести ответственность за:

- «Разработку стратегии, доктрины и тактики;
- Подготовку и представление министру обороны рекомендаций по программам и бюджетным предложениям для сил специальных операций и других сил, входящих в состав командования специальных операций;
- Осуществление полномочий, руководства и контроля за расходованием средств для сил, приданных командованию специальных операций;
- Подготовку приписанных сил;
- Проведение специализированных курсов обучения для офицерского и сержантского состава;
- Проверку требований.
- Установление приоритетов требований.
- Обеспечение взаимодействия техники и сил.
- Формирование и представление требований к разведывательной поддержке.
- Контроль за продвижением по службе военнослужащих сил специальных операций и координацию с другими ведомствами и службами» [1].

Как видно из списка, у начальника КСО имелись существенные полномочия в деле определения и руководства путей развития ССО. Наряду с этим, поправка установила нижестоящее звено в иерархии командования в системе. Им являются Специальные оперативные командования, которые осуществляют аналогичные с КСО задачи но уже на местах, где развернуты компоненты и части американского спецназа.

В целом, административная цепочка командования ССО США, установленная поправкой, является гибкой, и если иное не установлено президентом, выглядит следующим образом; общее руководство подразделениями как верховный главнокомандующий осуществляет президент США. Последний, через министра обороны и его помощника по воинам низкой интенсивности и специальным операциям, передает свои приказы до руководителя КСО [1]. Интересно, что помощник министра обороны по войнам низкой интенсивности и специальным операциям, почти всегда является гражданским лицом, что в общем соответствует американскому подходу приоритета гражданских руководителей над военными.

Наряду с этим, поправка определяет четкий механизм финансирования подразделений ССО. Так бюджет КСО и подчиненных ему структур, формируется министром обороны, который «должен включить в годовой бюджет Министерства обороны, представляемый Конгрессу, отдельное бюджетное предложение для видов деятельности каждого из объединенных и указанных боевых командований» [1]. Тем самым, прямой доступ обращения к высшему командованию, позволяет ускорить процесс принятия решений по поводу целесообразности выделения средств для функционирования ССО.

Отдельный интерес представляет положение поправки о видах специальных мероприятий, осуществляемых подразделениями американского спецназа. Немаловажно, что данный пункт проходит отдельной статьёй и включает в себя, такие виды деятельности как

1) «Прямые действия – предполагают нанесение кратковременных ударов и другие маломасштабные наступательные действия, проводимые с использованием специальных военных средств для захвата, уничтожения, восстановления или нанесения ущерба определенным целям во враждебной, запрещенной или дипломатически и политически чувствительной обстановке.

2) Специальная разведка – включает в себя действия по рекогносцировке и наблюдению, обычно проводимые скрытно с целью сбора или проверки информации, имеющей стратегическое или оперативное значение, с использованием военных возможностей, обычно не присущих обычным вооруженным силам.

3) Противодействие оружию массового уничтожения – ССО поддерживает усилия правительства США по ограничению разработки, владению, распространению, использованию оружия массового уничтожения, связанных с ним знаний, материалов, технологий и средств доставки государственными и негосударственными субъектами.

4) Борьба с терроризмом – это деятельность и операции, направленные на нейтрализацию террористов и их сетей, с тем чтобы лишить их возможности применять насилие для принуждения правительств или обществ к достижению своих целей.

5) Нетрадиционная война – состоит из операций, которые проводятся для того, чтобы дать возможность движению сопротивления или повстанческому движению принудить, подорвать или свергнуть правительство или оккупационную власть, действуя через подпольные, вспомогательные и партизанские силы или совместно с ними.

6) Внешняя внутренняя оборона – относится к деятельности США, направленной на поддержку стратегии и программы внутренней обороны и развития принимающей страны, направленной на защиту от подрывной деятельности, беззакония, мятежей, терроризма и других угроз их внутренней безопасности и стабильности.

7) Помощь силам безопасности – направлена на обеспечение безопасности и правопорядка под контролем гражданского правительства. Основная роль министерства обороны США в сфере безопасности заключается в поддержке реформы, реструктуризации или восстановления вооруженных сил страны союзника США и оборонного аспекта сектора безопасности, что достигается за счет помощи силам безопасности.

8) Спасение и эвакуация заложников – это важные операции по реагированию на кризисные ситуации в ответ на террористические угрозы и инциденты. Наступательные операции в поддержку спасения и эвакуации заложников могут включать в себя захват американских объектов, и секретных материалов за рубежом.

9) Борьба с повстанцами – это комплексные гражданские и военные усилия, направленные на одновременное подавление и сдерживание повстанческого движения и устранение его коренных причин.

10) Иностранная гуманитарная помощь – это целый ряд гуманитарных мероприятий министерства обороны США, проводимых за пределами страны с целью облегчения или уменьшения человеческих страданий, болезней, голода или лишений.

11) Военные информационные операции – выражаются в представлении военной информационной поддержки и планируются с целью доведения выбранной информации и показателей до иностранной аудитории, чтобы повлиять на их эмоции,

мотивы, объективные рассуждения и, в конечном счете, поведение иностранных правительств, организаций, групп и отдельных лиц в соответствии с целями США.

12) Операции по гражданским вопросам – это действия, планируемые, осуществляемые и оцениваемые отделом по гражданским вопросам, которые улучшают оперативную обстановку, выявляют и смягчают глубинные причины нестабильности в гражданском обществе; или предполагают применение функциональных специальных навыков, которые обычно входят в компетенцию гражданского правительства» [4].

Следует сказать, что данная часть поправки, вызывает наиболее острые споры в научной среде, поскольку как показал опыт боевых действий американских войск в Ираке и Афганистане, зачастую указанные виды специальных мероприятий осуществляют и обычные компоненты вооружённых сил.

Подводя итог настоящему исследованию, следует сказать, что поправка Нанна-Каэна, способствовала оперативной консолидации подразделений ССО, что было достигнуто благодаря созданию единого органа командования в лице КСО.

В то же время стало возможным стандартизированное, скоординированное обучение личного состава. Эффективная система финансирования, позволила оптимизировать использование средств, что позволило американским ССО своевременно получить современное оборудование и внедрить его в подразделения.

Наряду с этим, в поправке имеется и ряд существенных пробелов, которые будут еще чувствительнее с течением времени. Так поправка в силу давности принятия не учитывала возможности использования ИИ и информационных операций в том числе и на территории США. Впрочем, поправка постоянно дополняется различными подзаконными актами, такими как «Приложения о нерегулярных боевых действиях» [5].

Несмотря на указанные лакуны, поправка Нанна-Коэна имеет законную силу и продолжает выступать в качестве основного нормативно-правового акта регулирующего деятельность ССО.

Список литературы:

1.10 U.S. Code § 167 - Unified combatant command for special operations forces. URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/10/167

2.Joint Publication 3-05 Special Operations. URL: https://irp.fas.org/doddir/dod/jp3_05.pdf (accessed 17.12.2023).

3.Goldwater-Nichols DoD Reord Act 1986. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1728393787&tld=ru&lang=en&name=Goldwater-NicholsDoDReordAct1986.pdf&text=%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%83%20%D0%93%D0%BE%D0%BB%D0%B4%D1%83%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B0-%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B7%D0%B0&url=https%3A%2F%2Fhistory.defense.gov%2FPortals%2F70%2FDocuments%2Fdod_reforms%2FGoldwater-NicholsDoDReordAct1986.pdf&lr=11057&mime=pdf&l10n=ru&sign=57a50b4ec33bd363ff7d59aef2009d96&keyno=0&nosw=1&serpParams=tm%3D1728393787%26tld%3Dru%26lang%3Den%26name%3DGoldwater-NicholsDoDReordAct1986.pdf%26text%3D%25D0%25B7%25D0%25B0%25D0%25BA%25D0%25BE%25D0%25BD%25D1%2583%2B%25D0%2593%25D0%25BE%25D0%25BB%25D0%25B4%25D1%2583%25D0%25BE%25D1%2582%25D0%25B5%25D1%2580%25D0%25B0-%25D0%259D%25D0%25B8%25D0%25BA%25D0%25BE%25D0%25BB%25D0%25B7%25D0%25B0%26url%3Dhttps%253A%2F%2Fhistory.defense.gov%2FPortals%2F70%2FDocuments%2Fdod_reforms%2FGoldwater-NicholsDoDReor-

dAct1986.pdf%26lr%3D11057%26mime%3Dpdf%26l10n%3Dru%26sign%3D57a50b4ec33bd363ff7d59aef2009d96%26keyno%3D0%26nosw%3D1
4.NATIONAL SECURITY ACT OF 1947 ACT OF JULY 26, 1947. URL: https://webcitation.org/5Xi9eEYG9?url=http://www.intelligence.gov/0-natsecact_1947.shtml
5.Irregular Warfare Annex to the National Defense Strategy – Summary. URL: https://media.defense.gov/2020/Oct/02/2002510472/-1/-1/0/Irregular-Warfare-Annex-to-the-National-Defense-Strategy-Summary.PDF

Zamanapulov D. M. The impact of the Nunn-Koen Amendment on the functioning of U.S. Special Operations Forces // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 31-36.

The article is devoted to the analysis of the fundamental document regulating the activities of the US Special Operations Forces. After a brief introduction, the author proceeds to characterize the Nonna-Cohen amendment in terms of its impact on the formation of the command structure and financing of the SOF. Along with this, the article highlights the types of special operations and explains their essence. The relevance of this article is due to the active use of SOF in the US power policy, which requires consideration of the legal basis for their use.

Key words: Special operations forces, law, security, USA, special operations, war, Nunn-Cohen Amendment.

Spisoc literatury:

1.10 U.S. Code § 167 - Unified combatant command for special operations forces. URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/10/167
2.Joint Publication 3-05 Special Operations. URL: https://irp.fas.org/doddir/dod/jp3_05.pdf (accessed 17.12.2023).
3.Goldwater-Nichols DoD Reord Act 1986. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1728393787&tld=ru&lang=en&name=Goldwater-NicholsDoDReor-dAct1986.pdf&text=%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%83%20%D0%93%D0%BE%D0%BB%D0%B4%D1%83%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B0-%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B7%D0%B0&url=https%3A%2F%2Fhistory.defense.gov%2FPortals%2F70%2FDocuments%2Fdod_reforms%2FGoldwater-NicholsDoDReor-dAct1986.pdf&lr=11057&mime=pdf&l10n=ru&sign=57a50b4ec33bd363ff7d59aef2009d96&keyno=0&nosw=1&serpParams=tm%3D1728393787%26tld%3Dru%26lang%3Den%26name%3DGoldwater-NicholsDoDReor-dAct1986.pdf%26text%3D%25D0%25B7%25D0%25B0%25D0%25BA%25D0%25BE%25D0%25BD%25D1%2583%2B%25D0%2593%25D0%25BE%25D0%25BB%25D0%25B4%25D1%2583%25D0%25BE%25D1%2582%25D0%25B5%25D1%2580%25D0%25B0-%25D0%259D%25D0%25B8%25D0%25BA%25D0%25BE%25D0%25BB%25D0%25B7%25D0%25B0%26url%3Dhttps%253A%2F%2Fhistory.defense.gov%2FPortals%2F70%2FDocuments%2Fdod_reforms%2FGoldwater-NicholsDoDReor-dAct1986.pdf%26lr%3D11057%26mime%3Dpdf%26l10n%3Dru%26sign%3D57a50b4ec33bd363ff7d59aef2009d96%26keyno%3D0%26nosw%3D1
4.NATIONAL SECURITY ACT OF 1947 ACT OF JULY 26, 1947. URL: https://webcitation.org/5Xi9eEYG9?url=http://www.intelligence.gov/0-natsecact_1947.shtml
5.Irregular Warfare Annex to the National Defense Strategy – Summary. URL: https://media.defense.gov/2020/Oct/02/2002510472/-1/-1/0/Irregular-Warfare-Annex-to-the-National-Defense-Strategy-Summary.PDF

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 37–46.

УДК 340.12

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ – ОСНОВНОЕ НАПРАВЛЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕДРУЖЕСТВЕННЫХ ГОСУДАРСТВ (Ч. 1)

Зубарев Н. В.

Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации

В статье сформулированы основные источники как внутренних, так и внешних угроз для России в условиях проведения специальной военной операции на Украине. Исследованы некоторые вопросы обеспечения национальной безопасности после вооруженного вторжения регулярных ВС Украины в Курскую область. Кроме этого определено место и роль войск национальной гвардии как элемента военной организации государства при обеспечении национальной безопасности российского государства в условиях ведения противником «гибридной войны».

Ключевые слова: войска национальной гвардии, специальная военная операция, личность, общество, государство.

«*Мы имеем дело с сильным, опасным противником, в арсенале которого широкие информационные, технические, финансовые возможности*» – Президент России Путин В.В.

Проблемы безопасности личности, общества и государства, их благополучного и гармоничного существования издавна приковывали к себе внимание философов и государственных мужей, служителей культа и деятелей просвещения, знатных граждан имущих слоев общества и представителей его обездоленной части. И это понятно, ибо любое мировоззрение не может обойти вниманием такие вопросы человеческого бытия, как причины и движущие силы исторического развития, роль и место в нем различных слоев общества и классов, взаимоотношения между обществом и государством, между группами, различающимися по социальному, этническому, конфессиональному и иным признакам, взаимоотношения отдельных граждан между собой и государством.

Неизменный интерес общественного сознания к перечисленным вопросам объясняется прежде всего инстинктивным стремлением человека к своей безопасности и благополучию. Интересы целостного существования и функционирования общества требовали, как от каждой ее составляющей части, так и отдельных граждан взаимной терпимости, соблюдения установленных государством норм поведения и общежития. По этому поводу еще древнегреческий философ Платон (427 - 347 гг. до н.э.) заметил, что «идеалом рабовладельческого государства является отсутствие внутренних войн и согласие граждан» [27]. Внутренняя гармония государства как прежде, так и теперь обеспечивает способность его институтов, общества и граждан противостоять социальным, экономическим и стихийным бедствиям, эпидемическому мору, техногенным авариям и катастрофам.

Состояние такой готовности, примерно одинаково понимаемое в разных странах, в каждой отдельной из них выражается понятиями с едва заметными отличительными оттенками. В Англии, например, его называют внутригосударственным укла-

дом; итальянский политический мыслитель Н. Макивелли (1469 - 1527 гг.) рекомендовал «государям обеспечивать «внутреннее смирение» [35, с. 186-204; 38, с. 28-30]. В России, в Указе Императора Александра - I, изданном в 1811 году, оно называлось внутренним порядком. На внутреннюю стражу, созданную в России в этом же году, возлагались обязанности по «...усмирению неповиновений и буйств, задержанию беглых преступников и дезертиров, проведению спасательных работ при стихийных бедствиях, принятию и провожанию рекрутов, преступников, арестантов и пленных, истреблению разбойников и рассеянию запрещенных законом скопищ» [25, с. 13-22].

Вторая половина текущего столетия, и особенно его последние годы, ознаменовались крупнейшими изменениями в общественной жизни государств и народов, стремительным вторжением в нее научно-технического прогресса, бурным процессом замены автократических и тоталитарных режимов демократическими формами правления. Последнее не только не снизило остроту проблемы обеспечения в них внутреннего порядка, но и, напротив, заметно усугубило ее.

Не стала исключением из этого и Россия, где гипертрофированное расширение демократии обернулось своей противоположностью. На примере нашей страны стала особенно видной правота идеологов ранних форм демократии, утверждавших, что «самым бесправным является общество, в котором царит необузданность прав».

Рост числа политических партий и движений, расслоение населения по идеологическим, этническим и имущественным принципам, криминализация общества и национальный сепаратизм наполнили понятие «внутренний порядок» новым содержанием, а само оно постепенно трансформировалось в «национальную безопасность».

Как комплексная задача общефедерального уровня, национальная безопасность обеспечивается цельной системой политических, идеологических, силовых и иных институтов и учреждений. По мнению автора, необходимым элементом системы обеспечения внутренней безопасности и стабильности, в конечном итоге, всей системы национальной безопасности всегда являлись силовые структуры, находящиеся под контролем государственной власти, в том числе и войска национальной гвардии Российской Федерации (далее-ВНГ) [33, с. 2-15].

В России важнейшим элементом этих силовых структур являются ВНГ. Опыт их служебно-боевой деятельности показывает, что основным звеном, охватывающим в рамках своего предназначения обеспечение всех составляющих компонентов национальной безопасности, являются части оперативного назначения, специального назначения, специальные моторизованные части, части по охране важных государственных объектов войск национальной гвардии.

За годы существования ВНГ произошли существенные изменения как в содержании задач по обеспечению национальной безопасности, так и условия их выполнения. Одним из примеров является выполнение служебно-боевых (боевых) задач военнослужащими и сотрудниками ВНГ при обеспечении выборов Президента России в зоне проведения специальной военной операции и поддержании особого правового режима военного положения. Так, задачи выполнялись в условиях сохраняющихся рисков террористических атак и диверсионных действий со стороны противника, сохраняющейся угрозы нанесения противником ударов ВТО большой дальности («ATACMS», «AGM-88 HARM», «JDAM-ER») и РСЗО («Himars», «Оль-

ха»), применения ударных БПЛА, в том числе с функцией сброса взрывчатых устройств по военным объектам, объектам гражданской и энергетической инфраструктуры и другие [15, с. 27-34].

Вместе с тем история развития науки свидетельствует, что всякая частная проблема исследования может быть решена тем полнее, чем лучше изучен весь объект, составляющей частью которого она является. Таким образом, становится очевидной актуальность темы настоящей статьи.

Последние годы XX столетия показали, что во внешнеполитическом и внутриполитическом курсе России произошли существенные перемены. Во внешнеполитическом плане был устранен крен в сторону проведения исключительно прозападной внешней политики. Так, Запад начал разыгрывать карту «геополитического плюрализма», поощряя лидеров соседних государств к дистанционированию от Москвы. В марте 1999 года в блок НАТО были приняты новые члены (Польша, Чехия, Венгрия). Агрессия стран НАТО против суверенной Югославии стала заключительным аккордом в цепи авантюрных планов альянса. После начала СВО Финляндия стала 31-м государством-членом НАТО. А в последующем и Швеция, стала 32-м государством-членом НАТО.

Во внутриполитическом плане политика силового решения проблем все больше смещается в сторону политического и экономического регулирования отношений между субъектами федерации. Россия до начала специальной военной операции в значительной степени выпадала из мирового информационного процесса. Негативно сказывался кризис фундаментальной науки и тяжелая демографическая ситуация, особенно в ряде отдельных регионов Севера, Сибири и Дальнего Востока [26; 8].

Опасность для нашего государства состоит сегодня в том, что мир XXI века может сложиться без единой России. Она может интегрировать в мировое экономическое пространство, но не в качестве самостоятельного субъекта, а в качестве объекта и частями, а роль этим объектам и частям будет определена как сырьевым источникам и всемирной свалки. Как отметил наш Президент В.В. Путин «Зачем нам мир, если там не будет России» [11].

При сложившейся ситуации существенная роль в обеспечении стабильности [10, с. 25-34], как внутри государства, так и за его пределами по-прежнему отводится силовым структурам России. Однако сегодня уже не вызывает сомнения, что проводимые в стране реформы, их сущность и содержание не дали желаемого результата, а в некотором роде усугубили и без того непростое положение силовых структур. Все это определяет необходимость радикальной реформы. При этом следует отметить, что остаются многие общие проблемы военной организации государства, которые и призвана решить военная реформа.

Как Вооруженные Силы, так и ВНГ должны готовиться для действий по локализации и нейтрализации конфликтов, угрожающих конституционному строю, территориальной целостности и другим жизненно важным интересам России [34, с. 205-218]; оказанию содействия органам правопорядка в борьбе с терроризмом [6, с. 38-54]; эвакуации мирных жителей, проведения мероприятий по оказанию гуманитарной помощи; ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также проведения совместных мероприятий по поддержанию

необходимого режима на государственной границе [16, с. 313-320]. О данной проблеме автор статьи писал ранее.

Рассмотреть предназначение ВНГ, характер и содержание их задач в системе национальной безопасности едва ли возможно без установления четких и однозначных представлений о самом понятии «национальной безопасность». Несмотря на его широкое и частое употребление в теории и практике служебно-боевой деятельности войск, суждения об этом термине и теории государства и права, военных ученых, а также войсковых практиков часто существенно разнятся.

Как отмечает Кудашкин А.В. национальная безопасность является понятием всеобъемлющим и многоаспектным. В зависимости от сфер жизнедеятельности различают следующие виды национальной безопасности: социально-политическая, экономическая, военная, информационная, экологическая [21, с. 10-17].

Кстати, термин «национальная безопасность» в отечественной социологии относительно нов. Он был заимствован нашими специалистами у американских политологов, затем получил признание в дискуссиях на официальном уровне и, наконец, окончательно закрепился в Указе Президента РФ «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» в декабре 1997 г. В настоящее время основополагающим документом, который дает определение национальной безопасности, является Стратегия национальной безопасности РФ [39].

Внимательное изучение этого документа позволяет вычленить в нем, по крайне мере, два, интересных для наших последующих рассуждений, момента. Во-первых, Стратегия представляет собой «...политический документ...взглядов на цели и государственную стратегию в области обеспечения безопасности личности, общества и государства...» [4, с. 22-25].

Сравнивая данное положение со ст. 1 Закона РФ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» [40], которая гласит: «Войска национальной гвардии Российской Федерации являются государственной военной организацией, предназначенной...защиты прав и свобод человека и гражданина» [40], видим полное совпадение предназначения ВНГ целям государственной стратегии в области национальной безопасности. Иными словами, основное предназначение войск, и это прямо закреплено Федеральным Законом, - быть инструментом в руках государства для обеспечения национальной безопасности.

Во-вторых, стратегия отражает официальные взгляды по обеспечению национальной безопасности. Отсюда следует, что национальная безопасность имеет два аспекта, внешний и внутренний. Если свести их составляющие в отдельные самостоятельные блоки, то, исходя из документов, во внешнем аспекте можно выделить: национальный суверенитет, национальную самобытность, территориальную целостность, нерушимость границ, государственное могущество.

Исходя из изложенного, автор приходит к выводу о том, что под внутренней безопасностью следует понимать состояние, при котором обеспечивается защита жизненно важных интересов человека, общества и государства в политической, экономической, научно-технической, информационной, экологической, военной и иных областях от различного рода внутренних угроз. Даже беглый взгляд на это определение позволяет заметить общность признаков внутренней и национальной безопасности. Но это закономерность, а не ошибка в рассуждениях. Названные категории соотносятся между собой как общее и единичное. А потому во внутренней без-

опасности повторяются признаки безопасности национальной и повторяются до той границы, за которой начинаются собственно источники угроз каждой из них. Национальная и внутренняя безопасность неразрывно связаны между собой. Не может быть национальной безопасности без внутренней и наоборот.

К примеру, ситуация которая была в Чечне - фактор потенциальной угрозы внутренней безопасности России. В силу различных причин эта угроза приобретала опасную устойчивость, распространяется на соседние регионы: Дагестан, Ингушетию, Северную Осетию, Ставропольский край [1, с. 91-95; 9, с. 205-210]. Очевидно, что внутри России зрела опасность ее раскола на мелкие «суверенные» государства, которые ни политически, ни экономически, ни по причине военной немощи не смогли бы оставаться действительно суверенными и были бы неизбежно поглощены более могущественными соседями.

Таким образом, коррозия внутренней угрозы перекидывается к источникам внешних угроз, ослабляя национальную безопасность в целом. В свою очередь внешние угрозы тесно вплетаются во внутренние проблемы, стимулируют последние, паразитируют на них и в этой связи приобретают особую опасность.

Еще одно замечание по теории внутренней безопасности, как фундаменте общенациональной безопасности, касается системы приоритетов в комплексе национальных интересов. В последнее время среди ряда специалистов распространилось мнение, что высшим приоритетом, определяющим всю деятельность государства по обеспечению национальной безопасности, являются интересы каждого конкретного человека и гражданина. На второй ступени - приоритет общества и на замыкающей - государства.

Автор считает, что такая точка зрения представляется сомнительной. Бесспорно, она привлекательна по форме и не противоречит конечным целям национальной безопасности. Однако подобные утверждения по своей сути либо популистская демагогия, либо просто заблуждение.

Во-первых, трудно представить, чтобы в нездоровом обществе и немощном государстве могли бы быть сколько-нибудь серьезно защищены интересы конкретного человека и гражданина.

Во-вторых, национальная и ее составляющая внутренняя безопасность обеспечиваются целым рядом государственных институтов, его силовых структур, политическими и общественными организациями. Естественно, такой сложный комплекс мероприятий не может быть персонифицировано адресным, подчиненным интересам конкретных лиц. Такое возможно лишь либо в воображении, либо в идеальном обществе.

Список литературы:

1. Абумуслимов А. А. История заселения и освоения территории Чечни / А. А. Абумуслимов // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – 2020. – № 2(49). – С. 91-95. – DOI 10.25744/vestnik.2020.49.2.012. – EDN CCVPGW.
2. Барсуков Э. И. Опыт подготовки и выполнения служебно-боевых задач воинскими частями и территориальными органами Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации в период проведения выборов Президента Российской Федерации / Э. И. Барсуков, Д. А. Сулименко Н. А. Кузнецов // Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации. – 2018. – № 3. – С. 33-39. – EDN MWJTEH.
3. В РФ число преступлений с использованием оружия и взрывчатки выросло в 2022 году на треть. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/proisshestviya/16928101 (дата обращения 05.09.2024).

4. Воронина Е. Н. Модернизация тактики применения БПЛА в интересах МЧС России / Е. Н. Воронина, М. Ю. Сивков // Сборник трудов Конкурса научно-исследовательских работ (Конкурса НИР) : Материалы Молодежной программы 26-ой Международной специализированной выставки и Форума, Москва, 06–09 декабря 2022 года. – Москва: Ассоциация разработчиков, изготовителей и поставщиков средств индивидуальной защиты, 2023. – С. 22-25. – EDN WWCAWQ.
5. Воронов А. М. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации 2021: анализ правовых новаций / А. М. Воронов // Научный портал МВД России. – 2022. – № 1(57). – С. 29-35. – EDN YWNMUS.
6. Глобальный индекс экстремизма / Г. В. Алексеев, Н. А. Аргылов, А. В. Байчик [и др.]. – Санкт-Петербург : Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2023. – 416 с. – EDN JTDRWY. Гутман М. Ю. Миграционный кризис в Европе: проблемы сохранения государственности / М. Ю. Гутман, Д. В. Кривоносова, В. П. Сальников // Миграционное право. – 2023. – № 1. – С. 33-37. – DOI 10.18572/2071-1182-2023-1-33-37. – EDN UZMQEZ.
7. Григонис В. П. Правовые основы участия войск национальной гвардии Российской Федерации как государственной военной организации в территориальной обороне и контртеррористической операции / В. П. Григонис Н. В. Зубарев // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 11(304). – С. 38-47. – EDN KDTOVZ.
8. Демографический провал. В России рождается все меньше детей. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.finam.ru/publications/item/demograficheskiy-proval-v-rossii-rozhdaetsya-vse-menshe-detey-2022-09-28-02-03/ (дата обращения 05.09.2024).
9. Димаева Ф. В. XXI век: развитие и процессы модернизации в Чечне / Ф. В. Димаева // Актуальные вопросы науки и практики : Сборник научных статей по материалам VIII Международной научно-практической конференции, Уфа, 29 апреля 2022 года. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "Научно-издательский центр "Вестник науки", 2022. – С. 205-210. – EDN UASWYM.
10. Захарцев С. И. Информационная безопасность и суверенитет России. Рецензия на книгу «Россия в информационной войне: Оценки современной ситуации в интервью Юрия Жданова // сост. М.Е. Фалалеев. - Книга первая. - М.: Норма, 2023. - 368 с.» / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Т. 13, № 10-1. – С. 339-344. – DOI 10.34670/AR.2023.28.46.046. – EDN WORAQS.
11. Зачем нам мир, если там не будет России: Путин назвал условия для ядерного удара. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.dp.ru/a/2018/03/07/Zachem_nam_mir_esli_tam (дата обращения 08.09.2024).
12. Зверства ВСУ в Курской области: убийство детей, изнасилования, похищения. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://news.ru/regions/zverstva-vsu-v-kurskoj-oblasti-ubijstvo-detej-iznasilovaniya-pohisheniya/ (дата обращения 05.09.2024).
13. Зеленский заявил, что ВСУ планируют удерживать захваченные территории в Курской области. На что рассчитывает Киев? – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (дата обращения 05.09.2024).
14. Зубарев Н. В. Некоторые вопросы участия войск национальной гвардии в информационной войне / Н. В. Зубарев // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 6(299). – С. 24-31. – EDN BXWLJF.
15. Зубарев Н. В. Особенности выполнения задач по контролю за обстановкой войсками национальной гвардии Российской Федерации при проведении специальной военной операции / Н. В. Зубарев, В. В. Смирнов // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 7(324). – С. 27-34. – EDN GFUKPK.
16. Зубарев Н. В. Полномочия войск национальной гвардии в охране государственной границы Российской Федерации в условиях деятельности недружественных государств / Н. В. Зубарев // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9, № 2. – С. 313-320. – ЭДН ВДДУВЛ.
17. Зубарев Н. В. Полномочия войск национальной гвардии в охране Государственной границы Российской Федерации в условиях деятельности недружественных государств / Н. В. Зубарев // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9 (75), № 2. – С. 313-320. – EDN VDDUWL.
18. Кирьянов Р. В. Противодействие коррупции в Вооруженных силах: анализ, проблемы, пути решения / Р. В. Кирьянов // Коррупция в современной России: проблемы противодействия: : сборник материалов научно-практического круглого стола, Нижний Новгород, 23 декабря 2020 года / Нижегородский институт управления - филиал «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». – Нижний Новгород: Нижегородский институт управления - филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2021. – С. 67-70. – EDN IWMMNK.
19. Корчагин А. П. БПЛА - незаменимый помощник в современном бою / А. П. Корчагин // Мавлютовские чтения : Материалы XVI Всероссийской молодежной научной конференции. В 6-ти

томах, Уфа, 25–27 октября 2022 года. Том 4. – Уфа: Уфимский государственный авиационный технический университет, 2022. – С. 382-386. – EDN QUSNAP.
20. Крижановская Г. Н. Правовые основы деятельности войск национальной гвардии по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности / Г. Н. Крижановская, Н. В. Зубарев // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 6. – С. 73-83. – EDN UMYFTD.
21. Кудашкин А. В. Военная служба в Российской Федерации. Теория и практика правового регулирования : монография / А. В. Кудашкин. – Санкт-Петербург : Юридический центр, 2003. – 574 с. – ISBN 5-94201-231-8. – Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. – URL: https://e.lanbook.com/book/146444 (дата обращения: 02.12.2022).
22. Лавренов А. С. Особенности несения боевой службы на акваториях: новое в полномочиях войск национальной гвардии Российской Федерации / А. С. Лавренов // Наукосфера. – 2020. – № 11-1. – С. 249-253. – EDN ZMGGWZ.
23. Мамонкина А. А. Проект идеального общества (город государство) Аль-Фараби // Юридическая наука. 2014. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/proekt-idealnogo-obschestva-gorod-gosudarstvo-al-farabi (дата обращения: 05.09.2024).
24. Маркова Т. Ю. Чрезвычайные обстоятельства как основание для оглашения показаний в судебном заседании / Т. Ю. Маркова // Традиционная и инновационная наука: история, современное состояние, перспективы развития : сборник статей международной научной конференции, Санкт-Петербург, 16 марта 2023 года. – Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью «Международный институт перспективных исследований имени Ломоносова», 2023. – С. 59-62. – EDN MTTBOK.
25. Никонов Д. А. Войска внутреннего предназначения России: история и современность / Д. А. Никонов, Н. В. Зубарев, А. В. Молдованов // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. – 2023. – № 2(23). – С. 13-22. – EDN VYVXYS.
26. Песков заявил о тяжелой демографической ситуации в России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/politics/19/05/2023/646752b69a794744b4ef1bf1 (дата обращения 05.09.2024).
27. Поляков Е. Н., Крюкова Ю. Е. Концепция «Идеального» города-государства в трудах Платона (427-347 гг. До Н. Э.) // Вестник ТГАСУ. 2015. №3 (50). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-idealnogo-goroda-gosudarstva-v-trudah-platona-427-347-gg-do-n-e (дата обращения: 05.09.2024).
28. Радиационное загрязнение окружающей среды. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legalbook.ru/510-radiacionnoe-zagrjaznenie-okruzhajuschej-sredy.html (дата обращения 05.09.2024).
29. Регионы России с самой неблагоприятной экологической обстановкой: рейтинг «Если быть точным». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://tochno.st/materials/regiony-rossii-s-samoy-neblagopriyatnoy-ekologicheskoy-obstanovkoy-reyting-esli-byt-tochnym (дата обращения 05.09.2024).
30. Росгвардия и ВС РФ участвуют в отражении нападения украинских ДРГ в Курской области. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/proisshestviya/20230449 (дата обращения 05.09.2024).
31. Росгвардия усилила меры безопасности на Курской АЭС. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/politics/07/08/2024/66b3a4009a79471cdf4b139b (дата обращения 05.09.2024).
32. Росгвардия усилила обеспечение безопасности в Курской области. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iz.ru/1743125/2024-08-15/rosgvardiia-usilila-obespechenie-bezopasnosti-v-kurskoi-oblasti (дата обращения 05.09.2024).
33. Сальников В. П. Комментарий к Федеральному закону от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» : (постатейный) / В. П. Сальников, О. С. Борисов, Е. Н. Кондрат. – Москва : Юридический Дом «Юстицинформ», 2016. – 312 с. – ISBN 978-5-7205-1354-2. – EDN YGKYTV.
34. Сальников В. П. Мораль и суверенитет государства: ценностные и социальные аспекты / В. П. Сальников, К. Г. Прокофьев, В. Н. Чайка // Теория государства и права. – 2024. – № 2-1(37). – С. 205-218. – DOI 10.25839/MATGIP_2024_2-1_37_205. – EDN VPRKKJ.
35. Сальников В. П. Философские и богословские предпосылки суверенности философии права России: ценностные и нравственные аспекты / В. П. Сальников, Р. Ф. Исмагилов, К. Г. Прокофьев // Теория государства и права. – 2024. – № 2-1(37). – С. 186-204. – DOI 10.25839/MATGIP_2024_2-1_37_186. – EDN EWWZJV.
36. Сотрудники Росгвардии эвакуируют жителей из районов Курской области на лодках. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iz.ru/1744390/2024-08-17/sotrudniki-rosgvardii-evakuiruiut-zhitelei-iz-raionov-kurskoi-oblasti-na-lodkakh (дата обращения 05.09.2024).
37. Страна опубликовала список погибших при ударе по училищу в Полтаве. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/politics/08/09/2024/66dd895a9a794738e44efed3 (дата обращения 12.09.2024).
38. Стрельникова И. Ю. История зарубежной политической и правовой мысли : Учебное пособие для магистров / И. Ю. Стрельникова. – Симферополь : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2018. – 196 с. – ISBN 978-5-907032-45-3. – EDN XUFVTN.

39. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : // www.pravo.gov.ru (дата обращения 05.09. 2024).
40. Федеральный закон от 03 июля 2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. –2016. – № 27 (Часть I). – Ст. 4159.
41. Эксперт объяснил, зачем нужны чистки в Минобороны России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rtvi.com/news/ekspert-obyasnil-zachem-nuzhny-chistki-v-minoborony-rossii/ (дата обращения 05.09.2024).
42. Эксперт объяснил, зачем нужны чистки в Минобороны России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rtvi.com/news/ekspert-obyasnil-zachem-nuzhny-chistki-v-minoborony-rossii/ (дата обращения 12.09.2024).

Nikolay V. Zubarev. National security of Russia - The main direction of activity of the troops of the National Guard of the Russian Federation in the context of the activities of unfriendly states // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 37-46.

Tthe article formulates the main sources of both internal and external threats to Russia in the context of a special military operation in Ukraine. Some issues of ensuring national security after the armed invasion of the regular Ukrainian Armed Forces into the Kursk region have been studied. In addition, the place and role of the National Guard troops as an element of the state's military organization in ensuring the national security of the Russian state in the conditions of the enemy's "hybrid war" is determined.

Key words: National Guard troops, special military operation, personality, society, state.

Spisok literatury:

1. Abumuslimov A. A. History of settlement and development of the territory of Chechnya / A. A. Abumuslimov // Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic. – 2020. – No. 2(49). – pp. 91-95. – DOI 10.25744/vestnik.2020.49.2.012. – EDN CCVPGW.
2. Barsukov E. I. Opyt podgotovki i vypolneniya sluzhebno-boyevykh zadach voinskimi chastyami i territorial'nymi organami Federal'noy sluzhby voysk natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii v period provedeniya vyborov Prezidenta Rossiyskoy Federatsii / E. I. Barsukov, D. A. Sulimenko N. A. Kuznetsov // Akademicheskiy vestnik voysk natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii. – 2018. – № 3. – S. 33-39. – EDN MWJTEH.
3. In the Russian Federation, the number of crimes using weapons and explosives increased by a third in 2022. – [Electronic resource]. – Access mode: https://tass.ru/proisshestviya/16928101 (access date 09/05/2024).
4. Voronina E. N. Modernization of tactics for using UAVs in the interests of the Ministry of Emergency Situations of Russia / E. N. Voronina, M. Yu. Sivkov // Collection of works of the Scientific Research Competition (R&D Competition): Materials of the Youth Program of the 26th International Specialized Exhibition and Forum, Moscow, December 06–09, 2022. – Moscow: Association of developers, manufacturers and suppliers of personal protective equipment, 2023. – P. 22-25. – EDN WWCAWQ.
5. Voronov A. M. National Security Strategy of the Russian Federation 2021: analysis of legal innovations / A. M. Voronov // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – No. 1(57). – pp. 29-35. – EDN YWNMUS.
6. Global index of extremism / G. V. Alekseev, N. A. Argylov, A. V. Baychik [and others]. – St. Petersburg: Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, 2023. – 416 p. – EDN JTDRWY. Gutman M. Yu. Migration crisis in Europe: problems of preserving statehood / M. Yu. Gutman, D. V. Krivonosova, V. P. Salnikov // Migration Law. – 2023. – No. 1. – P. 33-37. – DOI 10.18572/2071-1182-2023-1-33-37. – EDN UZMQEZ.
7. Grigonis V.P. Legal basis for the participation of the troops of the National Guard of the Russian Federation as a state military organization in territorial defense and counter-terrorism operations / V.P. Grigonis N.V. Zubarev // Law in the Armed Forces - Military Legal Review. – 2022. – No. 11(304). – pp. 38-47. – EDN KDTOVZ.
8. Demographic failure. Fewer and fewer children are being born in Russia. – [Electronic resource]. – Access mode: https://www.finam.ru/publications/item/demograficheskiy-proval-v-rossii-rozhdaetsya-vse-menshe-detey-2022-09-28-02-03/ (access date 09/05/2024).
9. Dimayeva F. V. KHKHI vek: razvitiye i protsessy modernizatsii v Chechne / F. V. Dimayeva // Aktual'nyye voprosy nauki i praktiki : Sbornik nauchnykh statey po materialam VIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Ufa, 29 aprelya 2022 goda. – Ufa: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu "Nauchno-izdatel'skiy tsentr "Vestnik nauki", 2022. – S. 205-210. – EDN UASWYM.
10. Zakhartsev S.I. Information security and sovereignty of Russia. Review of the book "Russia in the information war: Assessments of the current situation in an interview with Yuri Zhdanov // comp. M.E. Falaleev. - Book one. - M.: Norma, 2023. - 368 p." / S. I. Zakhartsev, V. P. Salnikov // Issues of Russian and international law. – 2023. – T. 13, No. 10-1. – pp. 339-344. – DOI 10.34670/AR.2023.28.46.046. – EDN WORAQS.

11. Why do we need peace if Russia is not there: Putin named the conditions for a nuclear strike. – [Electronic resource]. – Access mode: https://www.dp.ru/a/2018/03/07/Zachem_nam_mir_esli_tam (access date 09/08/2024).
12. Atrocities of the Ukrainian Armed Forces in the Kursk region: murder of children, rape, abductions. – [Electronic resource]. – Access mode: https://news.ru/regions/zverstva-vsu-v-kurskoj-oblasti-ubijstvo-detej-iznasilovaniya-pohisheniya/ (access date 09/05/2024).
13. Zelensky said that the Ukrainian Armed Forces plan to hold the occupied territories in the Kursk region. What is Kyiv counting on? – [Electronic resource]. – Access mode: (access date 09/05/2024).
14. Zubarev N.V. Some issues of the participation of National Guard troops in the information war / N.V. Zubarev // Law in the Armed Forces - Military Legal Review. – 2022. – No. 6(299). – pp. 24-31. – EDN BXWLJF.
15. Zubarev N.V. Features of performing tasks to monitor the situation by the troops of the National Guard of the Russian Federation during a special military operation / N.V. Zubarev, V.V. Smirnov // Law in the Armed Forces - Military Legal Review. – 2024. – No. 7(324). – pp. 27-34. – EDN GFUKPK.
16. Zubarev N.V. Powers of the National Guard troops in protecting the state border of the Russian Federation in the conditions of the activities of unfriendly states / N.V. Zubarev // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. – 2023. – T. 9, No. 2. – P. 313-320. – EDN VDDUVL.
17. Zubarev N.V. Powers of the National Guard troops in protecting the State border of the Russian Federation in the conditions of the activities of unfriendly states / N.V. Zubarev // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. – 2023. – T. 9 (75), No. 2. – P. 313-320. – EDN VDDUWL.
18. Kiryanov R. V. Combating corruption in the Armed Forces: analysis, problems, solutions / R. V. Kiryanov // Corruption in modern Russia: problems of counteraction:: collection of materials of the scientific and practical round table, Nizhny Novgorod, December 23, 2020 of the year / Nizhny Novgorod Institute of Management - branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. – Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Institute of Management - branch of the federal state budgetary educational institution of higher education "Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation", 2021. - P. 67-70. – EDN IWMMNK.
19. Корчагин А. П. БПЛА - незаменимый помощник в современном бою / А. П. Корчагин // Мавлютовские чтения : Материалы XVI Всероссийской молодежной научной конференции. В 6-ти томах, Уфа, 25–27 октября 2022 года. Том 4. – Уфа: Уфимский государственный авиационный технический университет, 2022. – С. 382-386. – EDN QUSNAP.
20. Крижановская Г. Н. Правовые основы деятельности войск национальной гвардии по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности / Г. Н. Крижановская, Н. В. Зубарев // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 6. – С. 73-83. – EDN UMYFTD.
21. Kudashkin A.V. Military service in the Russian Federation. Theory and practice of legal regulation: monograph / A. V. Kudashkin. – St. Petersburg: Legal Center, 2003. – 574 p. – ISBN 5-94201-231-8. – Text: electronic // Lan: electronic library system. – URL: https://e.lanbook.com/book/146444 (access date: 12/02/2022).
22. Lavrenov A. S. Features of military service in water areas: new in the powers of the troops of the National Guard of the Russian Federation / A. S. Lavrenov // Scienceosphere. – 2020. – No. 11-1. – pp. 249-253. – EDN ZMGGWZ.
23. Mamonkina A. A. Project of an ideal society (city state) Al-Farabi // Legal science. 2014. No. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/proekt-idealnogo-obschestva-gorod-gosudarstvo-al-farabi (date of access: 09/05/2024).
24. Markova T. Yu. Extraordinary circumstances as a basis for the announcement of testimony in a court hearing / T. Yu. Markova // Traditional and innovative science: history, current state, development prospects: collection of articles of the international scientific conference, St. Petersburg, March 16 2023. – St. Petersburg: Limited Liability Company “International Institute for Advanced Studies named after Lomonosov”, 2023. – P. 59-62. – EDN MTTBOK.
25. Nikonov D. A. Internal troops of Russia: history and modernity / D. A. Nikonov, N. V. Zubarev, A. V. Moldovanov // Bulletin of the St. Petersburg Military Institute of National Guard Troops. – 2023. – No. 2(23). – P. 13-22. – EDN VYVXYS.
26. Peskov spoke about the difficult demographic situation in Russia. – [Electronic resource]. – Access mode: https://www.rbc.ru/politics/19/05/2023/646752b69a794744b4ef1bf1 (access date 09/05/2024).
27. Polyakov E. N., Kryukova Yu. E. The concept of the “Ideal” city-state in the works of Plato (427-347 BC) // Bulletin of TGASU. 2015. No. 3 (50). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-idealnogo-goroda-gosudarstva-v-trudah-platona-427-347-gg-do-n-e (date of access: 09/05/2024).
28. Radiation pollution of the environment. – [Electronic resource]. – Access mode: https://legalbook.ru/510-radiacionnoe-zagrjaznenie-okruzhajuschej-sredy.html (access date 09/05/2024).
29. Regions of Russia with the most unfavorable environmental conditions: rating “To be precise.” – [Electronic resource]. – Access mode: https://tochno.st/materials/regiony-rossii-s-samoy-neblagopriyatnoy-ekologicheskoy-obstanovkoy-reyting-esli-byt-tochnym (access date 09/05/2024).

30. The Russian Guard and the Russian Armed Forces are participating in repelling an attack by Ukrainian DRGs in the Kursk region. – [Electronic resource]. – Access mode: https://tass.ru/proisshestviya/20230449 (access date 09/05/2024).
31. The Russian Guard has strengthened security measures at the Kursk NPP. – [Electronic resource]. – Access mode: https://www.rbc.ru/politics/07/08/2024/66b3a4009a79471cdf4b139b (access date 09/05/2024).
32. The Russian Guard has strengthened security in the Kursk region. – [Electronic resource]. – Access mode: https://iz.ru/1743125/2024-08-15/rosgvardiia-usilila-obespechenie-bezopasnosti-v-kurskoi-oblasti (access date 09/05/2024).
33. Salnikov V.P. Commentary on the Federal Law of July 3, 2016 No. 226-FZ "On the Troops of the National Guard of the Russian Federation": (article-by-article) / V.P. Salnikov, O.S. Borisov, E.N. Kondrat. – Moscow: Legal House "Justitsinform", 2016. – 312 p. – ISBN 978-5-7205-1354-2. – EDN YGKYTV.
34. Salnikov V.P. Morality and sovereignty of the state: value and social aspects / V.P. Salnikov, K.G. Prokofiev, V.N. Chaika // Theory of State and Law. – 2024. – No. 2-1(37). – pp. 205-218. – DOI 10.25839/MATGIP_2024_2-1_37_205. – EDN VPRKKJ.
35. Salnikov V.P. Philosophical and theological prerequisites for the sovereignty of Russian legal philosophy: value and moral aspects / V.P. Salnikov, R.F. Ismagilov, K.G. Prokofiev // Theory of State and Law. – 2024. – No. 2-1(37). – pp. 186-204. – DOI 10.25839/MATGIP_2024_2-1_37_186. – EDN EWWZJV.
36. Employees of the Russian Guard are evacuating residents from areas of the Kursk region by boat. – [Electronic resource]. – Access mode: https://iz.ru/1744390/2024-08-17/sotrudniki-rosgvardii-evakuiruiut-zhitelei-iz-raionov-kurskoi-oblasti-na-lodkakh (access date 09/05/2024).
37. The country published a list of those killed in the attack on a school in Poltava. – [Electronic resource]. – Access mode: https://www.rbc.ru/politics/08/09/2024/66dd895a9a794738e44efed3 (access date 09/12/2024).
38. Strelnikova I. Yu. History of foreign political and legal thought: Textbook for masters / I. Yu. Strelnikova. – Simferopol: Limited Liability Company "Publishing House Printing House "Arial", 2018. – 196 p. – ISBN 978-5-907032-45-3. – EDN XUFVTN.
39. Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation." – [Electronic resource]. – Access mode: // www.pravo.gov.ru (access date 09/05/2024).
40. Federal Law of July 3, 2016 No. 226-FZ "On the Troops of the National Guard of the Russian Federation" // Collection of legislation of the Russian Federation. –2016. – No. 27 (Part I). – St. 4159.
41. The expert explained why purges are needed in the Russian Ministry of Defense. – [Electronic resource]. – Access mode: https://rtvi.com/news/ekspert-obyasnil-zachem-nuzhny-chistki-v-minoborony-rossii/ (access date 09/05/2024).
42. The expert explained why purges are needed in the Russian Ministry of Defense. – [Electronic resource]. – Access mode: https://rtvi.com/news/ekspert-obyasnil-zachem-nuzhny-chistki-v-minoborony-rossii/ (access date 09/12/2024).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 47–53.

УДК 346.62

РАЗРАБОТКА БАНКРОТСКОГО УСТАВА В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II

Мазнев Е. С.

Белгородский университет кооперации экономики и права

Статья посвящена изучению законопроектных работ отечественных юристов в области несостоятельности во второй половине XVIII века. Как известно правление Екатерины II считается периодом просвещенного абсолютизма, когда существенно изменился сложившийся уклад во многих сферах общественной жизнедеятельности. Начало правления императрицы явилось очередным импульсом для проведения ревизии законодательства о банкротстве. В течение XVIII века было предложено несколько вариантов Банкротского устава, но ни один из них не был одобрен на уровне высшей власти. Этот факт актуализировал новый этап нормотворческой деятельности. В статье сопоставляются различные источники российского законодательства о несостоятельности, устанавливается их преемственность и новации при формировании очередного кодифицированного акта о торговой несостоятельности.

Ключевые слова: Екатерина II, абсолютизм, несостоятельность, банкротство, торговля, долговая кабала, ответственность, купечество.

Непосредственно перед приходом к власти Екатерины II подходили к завершению работы по составлению Банкротского устава, инициированного Елизаветой Петровной. Этот законопроектный процесс был связан с установлением существенных пробелов в регулировании законодательства о несостоятельности и фиксацией в правоприменительной деятельности фактов недобросовестного использования купцами своих правомочий, в том числе признаков преднамеренного банкротства.

Банкротский устав 1763 г. был представлен на рассмотрение императрице Екатерине II, однако не получил ее одобрения и остался лишь проектом. Вопрос о необходимости изменения законодательного массива в области порядка рассмотрения дел о банкротстве не был разрешен, в связи с чем актуальность проблемы только возрастала.

Какие именно обстоятельства или возражения послужили причиной для отклонения проекта Устава не известно. Между тем законотворческая деятельность в рассматриваемой области не прервалась и достаточно скоро была предпринята очередная (четвертая за 28 лет) попытка для комплексного урегулирования соответствующей области правоотношений.

Во второй половине XVIII в. нормативное регулирование в сфере банкротства носило отрывочный характер и по сути представляло собой попытки установления правил поведения в частных случаях, как правило, не связанных с самой процедурой конкурсного производства. Речь, в частности, идет об установлении запрета избираться в судьи магистрата, исключении из гильдии купцов, признанных несостоятельными и т.п. [6, с. 77].

Указом от 20.02.1764 г. на Комиссию о коммерции возложена обязанность по подготовке проекта новой редакции Банкротского устава. При этом в качестве ориентира для комиссии был предложен «прожект» 1761 г., на основе которого верстался предыдущий Банкротский устав 1763 г.

Согласно мнению императрицы Комиссии о коммерции при разработке проекта Устава следовало изложить мнение относительно «прожекта», т.е. по существу разработчикам уже был дан некий вариант, который должен быть взят за основу при формировании законопроекта.

При этом для более полного и комплексного регулирования института банкротства Екатериной II было указано на необходимость привлечения к нормотворческой деятельности купцов, в том числе тех представителей торгового сословия, которые обладали познаниями в области законодательства о несостоятельности в других странах. Данная рекомендация императрицы была исполнена и на самом начальном этапе были предложены пять кандидатур купцов, из которых были избраны два представителя, имевших иностранное подданство для подготовки документа и работе над ним.

В итоге уже к 23.03.1764 была сформирована комиссия, состав которой должен был представить обновленный вариант Банкротского устава. В работе комиссии принимали участие представители исполнительной власти, прокуратуры и купцы, общее число представителей комиссии составляло шесть человек.

Однако по свидетельству историков комиссия в данном составе к работе не приступала [3, с. 183]. В течение полутора лет в комиссии происходила определенная ротация состава, однако на достижение каких-либо даже промежуточных результатов это не повлияло. Только в конце октября 1765 г. проведены первые заседания обновленной комиссии.

В ходе работы комиссии были изучены Уставы, касающиеся торговой несостоятельности с 1740 г. по 1763 г., включая «прожект» 1761 г. Кроме того, во внимание принимались зарубежные источники, в частности, инструкции голландским комиссарам по банкротным вопросам.

Несмотря на обилие правовых источников, проанализированных комиссией, основу нового Устава, представленного императрице 05.01.1768 г., составлял Банкротский устав 1763 г. с незначительным его преобразованием за счет норм, содержавшихся в «прожекте» 1761 г., а также норм, выработанных в ходе работы самой комиссии.

Таким образом, можно констатировать, что Устав 1768 г. не претерпел существенных, радикальных изменений по отношению к тем источникам, на основе которых он верстался.

Применение Устава 1768 г. предполагалось ко всем правоотношениям при условии, что дело о банкротстве возбуждено после принятия указанного нормативного акта. Если же дело о банкротстве на момент принятия Устава уже находилось в производстве той или иной инстанции, то оно подлежало рассмотрению по ранее действовавшим правилам.

Таким образом, возникновение признаков неплатежеспособности должника или установление их наличия кредиторами не имели решающего значения для определения действия Устава 1768 года во времени. Указанные рассуждения позволяют прийти к выводу о том, что в рассматриваемом документе заложен принцип процессуального единства, который во многих правоотношениях сохраняет свою актуальность и на сегодняшний день.

В Уставе категорически отрицается возможность применения наряду с ним положений иностранного законодательства, в т.ч. в случае торговли с иностранными

купцами. В этом смысле устанавливается не только приоритет российского закона, но и вообще какая бы то ни была возможность использования зарубежных норм. Столь категоричным в этом отношении не был ни один из ранее подготовленных Банкротских уставов.

Некоторые исследователи выражают позицию о том, что все четыре разработанные в XVIII в. проекты Банкротских уставов, в т.ч. и Устав 1768 г., применялись на практике [5, с. 31].

Такое утверждение, по нашему мнению, является неверным. Скорее правильнее будет сказать, что отдельные положения Устава 1740 г. на уровне низших инстанций, вопреки имевшемуся порядку утверждения нормативных актов, применялись на практике, однако этот подход не был распространен и носил частный, единичный, исключительный характер. О применении на практике положений Устава 1740 г. указывает, в частности, В.Е. Егоров и К.Ю. Рожнова [4, с. 170]. При этом подтверждения применения в правоприменительной практике Уставов, подготовленных в период с 1740 по 1768 гг., не имеется.

Яковенко Ю.Б. утверждает о том, что разработка последующего Устава о банкротах 1800 года была связана с отсутствием детального урегулирования проблем банкротства в отечественном праве [7, с. 13]. Такого нормативного регулирования в России, по сути, не существовало, по крайней мере, если мы говорим о комплексной, а не частной регламентации соответствующих правоотношений с учетом имевшегося характера развития торгово-экономических отношений.

Так, широко известны случаи издания государственными органами распорядительных документов в отношении порядка разрешения конкретных вопросов по отдельных банкротным делам [2].

В тоже время, указанное не отменяет ценности проекта Устава 1768 г., ставшего своего рода ориентиром для последующих кодификационных работ.

Понимание несостоятельности, содержащееся в Уставе 1768 г., сопоставимо с тем, которое имело место в Уставе 1763 г., однако в новом проекте приводились ситуации, которые позволяли ответить на некоторые сложные вопросы, встречавшиеся в практике.

Так, в обновленном нормативном акте отражено, что если должник имеет актив в виде дебиторской задолженности перед учреждениями, получающими финансирование из казны, и размер такого права требования сопоставим с размером долговых обязательств, являющихся основанием для возбуждения дела о банкротстве, то основания для конкурсного производства отсутствуют. Подобный подход связан с тем, что презюмируется платежеспособность государства и как следствие возможность государственных органов и подконтрольных им учреждений погасить возникшие обязательства.

Тем самым подход о необходимости оценки имущественной массы должника относительно размера его долговых обязательств сохранялся и дополнялся новыми разъяснениями, позволявшими стабилизировать хозяйственные отношения и сделать их более прозрачными.

Классификация видов банкротства изменений не претерпела, сохранилась трехступенчатая градация должников в зависимости от тех обстоятельств, которые послужили основанием возникновения признаков неплатежеспособности.

В качестве редакционного изменения, не влияющего на суть вопроса, можно отметить изменение терминологии, формулировка «непорочный банкрот» заменена на «упадший банкрот».

По всей видимости, составители Устава 1768 г. посчитали приведенную фразу более удачной. Однако суть понятия от этого не изменилась, под «упадшим банкротом» понималось лицо, которое стало несостоятельным в результате случайных обстоятельств, находящихся за рамками его воли.

По-прежнему нарушение правил ведения торговых книг относилось к квалифицирующим признакам неосторожного банкротства. Вместе с тем в Уставе 1768 г. уточнял объем хозяйственных операций, превышение которого являлось основанием для признания должника банкротом в силу неосторожности. Устав 1768 г. в этом смысле не отличался единообразием, и по его тексту упоминалось ограничение в виде объема хозяйственных операций в размере 5 000 руб., а также 1 000 руб.

Представляется, что в случае если хозяйственный оборот должника не достигал указанных сумм, то небрежное ведение соответствующих отчетных документов предполагалось несущественным нарушением, ввиду чего должник мог считаться «непорочным». Вместе с тем, в Уставе 1768 г. оговаривалось, что применение указанного условия было допустимо только по истечении 5 лет с момента вступления нормативного документа в законную силу.

В рассматриваемом Уставе отмечалось, что небрежное ведение торговых книг не означает полное отсутствие ошибок, однако эти ошибки подлежали устранению не путем зачеркивания, а путем внесения дополнительных записей об ошибочности предыдущих записей. Причем такие записи должны были вносится тем же числом, что и ошибочная запись, т.е. предполагалось наличие граф для внесения корректировок.

В Устав был дополнен новым основанием для признания должника злостным банкротом. В частности, таким образом могло быть квалифицировано поведение купца, который после появления признаков неплатежеспособности, осознавая невозможность возврата долга, «запишется каким-либо ухищренным происком в солдаты или пострижется в монахи» [3, с. 191-192].

Установленное в ходе рассмотрения дела о банкротстве обстоятельство «непорочности» возникшей несостоятельности являлось основанием для сообщения об этом факте в Коммерц-коллегию, чтобы само по себе банкротство такого гражданина не препятствовало ему выступать в качестве брокера, маклера и т.п.

Между тем, несмотря на добросовестность несостоятельного должника в случае «непорочного» банкротства, данный факт не освобождал его в силу требований Устава 1768 года от долговых обязательств. Купец по-прежнему сохранял обязательства перед своими кредиторами и при наличии возможности должен был удовлетворить их финансовые притязания. В случае исполнения обязательств самим несостоятельным купцом или третьим лицом должник освобождался «от звания банкрота».

Такое правовое регулирование ранее получило закрепление в Указе от 19.07.1736 г. применительно к ситуации, когда у банкрота имелись обязательства только перед одним кредитором. Данная позиция получила критическую оценку со стороны Сената, поэтому расширение применения подобного условия в Уставе 1768 г. (безот-

носительно количества кредиторов у должника) не могло получить положительную оценку влиятельного государственного ведомства.

«Злостное» банкротство приравнивалось к уголовно наказуемому деянию – воровству. Единственным основанием для освобождения «злостного» банкрота от публичной ответственности являлось помилование со стороны монарха, которое могло быть инициировано кредиторским сообществом или детьми несостоятельного лица.

Процедура помилования кредиторами состояла из нескольких этапов. На первом из них в рамках дела о банкротстве подлежали установлению обстоятельства, которые могли свидетельствовать о необходимости освобождения должника от ответственности.

В дальнейшем кредиторами должна быть проявлена инициатива в виде ходатайства перед органом, рассматривавшем дело о банкротстве, о помиловании должника. Из текста Устава следует, что такая инициатива должна исходить от всех кредиторов, а не от отдельных представителей кредиторского сообщества, даже и обладавших в своей совокупности мажоритарной долей требований.

Инстанция, на рассмотрении которой находилось банкротное дело, доводило до сведения Сената волю кредиторов и обстоятельства, способные оказать влияние на помилование должника. В свою очередь Сенат сообщал императору, представленные ему доводы, после чего глава государства принимал решение относительно возможности помилования должника.

Процедура помилования банкрота по инициативе его детей не являлась столь многоступенчатой. В таком случае дети должны были погасить все финансовые обязательства родителя. Эти денежные средства могли в свою очередь быть получены детьми на условиях займа и в таком случае порождали уже их личное финансовое обязательство.

Само по себе полное погашение долга не освобождало несостоятельное лицо, в отношении банкротства которого установлены признаки явной недобросовестности, от публичной, т.е. уголовно-правовой ответственности. В этом смысле устранение результата недобросовестности банкрота, состоявшего в причинении финансовых потерь кредиторам, могло являться обстоятельством, нивелирующим его противоправное поведение и как следствие позволяло рассчитывать на снисхождение монарха.

Правовые последствия признания должника банкротом и завершения производства по делу о банкротстве в Уставе 1768 г. рассматривались достаточно поверхностно.

Как уже отмечалось выше, «упадший» банкрот не освобождался от долгов, однако к нему не применялись никакие санкции. По существу, производство по делу о банкротстве такого лица состоит в том, чтобы констатировать добросовестность должника на основе установленных в ходе производства по делу обстоятельств, а также реализовать имевшееся у него имущество, т.е. использовать варианты для наиболее полного погашения требований кредиторов.

Должник, чьи действия (бездействие) могли быть квалифицированы как неосторожное банкротство, также сохранял долговые обязательства после завершения производства по делу о банкротстве. В качестве санкции за свое поведение он мог

быть «отдан на искуп», т.е. предоставлялся в распоряжение кредиторов, которые в свою очередь при наличии на то их волеизъявления, имели право продать должника.

О правовых последствиях злостного банкротства Устав 1768 г. не упоминал. По всей видимости, авторами нормативного документа предполагалось, что ответственность в таком случае ограничивается уголовно-правовой составляющей.

В тоже время следует сказать, что в документе предусматривалось смягчение правовых последствий для несостоятельного лица, в случае если о неплатежеспособности заявлял сам должник [1, с. 17].

Конкурсное производство было возможно в случае множественности на стороне кредиторов. Тем самым при наличии только одного кредитора конкурсные процедуры не применялись.

Возбуждение дела о банкротстве, так же, как и по Уставу 1763 г. допускалось на основании заявления должника и кредиторов, однако условие о превышении пассивов на 25% относительно активов должника в новом Уставе не сохранилось.

Органами, осуществлявшими мероприятия в процедуре банкротства (на этот момент существовала только одна процедура – конкурсное производство), являлись Коммерц-коллегия, Главный магистрат, нижестоящие магистраты провинциального уровня.

Основанием для определения компетентного органа, на рассмотрение которому может быть подано заявление о банкротстве, являлись сумма долговых обязательств, место ведения должником торговой деятельности или место возникновения наибольшего числа долговых обязательств (по объему долга).

Место жительства несостоятельного лица, равно как и место его торговой регистрации для возбуждения дела о банкротстве не имело юридического значения. Логика такого порядка состояла в том, что рассмотрение дела о банкротстве должно было удовлетворять, прежде всего, интересам кредиторов, которые понесли имущественные потери в результате ненадлежащего исполнения должником принятых на себя обязательств. Возложение на кредиторов в такой ситуации дополнительных расходов в виде проезда к месту рассмотрения дела о банкротстве лишь увеличивало бы размер их убытков в условиях неясной перспективы относительно их возмещения.

На основании приведенных критериев Уставом 1768 г. рассмотрение дел о банкротстве, возникших из экономической деятельности в г. Санкт-Петербурге, при наличии долговых обязательств свыше 2 000 руб. возлагалось на Коммерц-коллегию. При наличии идентичного порога задолженности и осуществлении хозяйственной деятельности в г. Москве компетентным органом являлся Главный магистрат, остальные дела рассматривались региональными магистратами по месту экономической деятельности купца.

Несмотря на то, что перечисленные структуры относились к органам государственной власти, в Банкротском уставе 1768 г. они рассматривались как конкурсные суды.

Таким образом, в новом проекте Банкротского устава была четко установлена инстанционность, из его текста следовало продолжение генеральной линии, нацеленной на либерализацию государственной политики в отношении должников. Установленные Уставом наказания не были настолько суровыми, как в XI-XVII вв. В тоже время сохраняется общий прокредиторский подход. Разработчики Устава

исходили из того, что само по себе банкротство купца является обстоятельством, которое негативно отражается на каждом из кредиторов вне зависимости от условий обязательства.

Устав содержал целый ряд положений, нацеленных именно на защиту кредиторов. В тоже время нельзя сказать, что документ носил односторонний характер. Разработчики старались сделать текст гибким, что стало возможным благодаря существованию иных проектов, устанавливавших комплексное регулирование правоотношений в области банкротства.

Список литературы:

1.Багреева Е.Г., Рудая А.А. История развития и современность института банкротства // Евразийская адвокатура. 2020. №5. С. 15-19.
2.Виноградова Е.Ю., Буник Е.И. Институт банкротства в России. Этапы становления и развития // https://tbplaw.com/data/423- (дата обращения 20.02.2024).
3.Гольмстен А.Х. Исторический очерк русского конкурсного процесса / Под ред. А.Г. Смирных, 2-е изд. – М.: «Издание книг ком», 2019. 288 с.
4.Егоров В.Е., Рожнова К.Ю. Динамика развития права в сфере несостоятельности (банкротства) в дореволюционной России // Вестник Псковского государственного университета. 2017. №5. С. 166-170.
5.Челахсаева С.И. Становление института несостоятельности (банкротства) в России и эволюция русского конкурсного законодательства в XI-XIX в. // Вопросы регулирования экономики. 2018. Т. 9. №2. С. 28-36.
6.Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс. 3-е изд. М.: Статут, 2021. 477 с.
7.Яковенко Ю.Б. Внешнее управление как восстановительная процедура банкротства: дисс. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. 189 с.

Maznev E.S. Development of the bankruptcy charter during the reign of Ekaterina II // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 47-53.

The article is devoted to the study of the legislative works of domestic lawyers in the field of insolvency in the second half of the XVIII century. As you know, the reign of Catherine II is considered a period of enlightened absolutism, when the prevailing way of life in many spheres of public life changed significantly. The beginning of the Empress's reign was another impetus for the revision of bankruptcy legislation. During the XVIII century, several variants of the Bankruptcy Charter were proposed, but none of them was approved at the level of the highest authority. This fact actualized a new stage of normative activity. The article compares various sources of Russian insolvency law, establishes their continuity and innovations in the formation of the next codified act on commercial insolvency.

Keywords: Ekaterina II, absolutism, insolvency, bankruptcy, trade, debt bondage, responsibility, merchants.

Spisok literatury:

1. Bagreeva E.G., Rudaya A.A. Istoriya razvitiya i sovremennost' instituta bankrotstva // Evrazijskaya advokatura. 2020. №5. S. 15-19.
2. Vinogradova E.YU., Bunik E.I. Institut bankrotstva v Rossii. Etapy stanovleniya i razvitiya // https://tbplaw.com/data/423- (data obrashcheniya 20.02.2024).
3. Gol'msten A.H. Istoricheskij ocherk russkogo konkursnogo processa / Pod red. A.G. Smirnyh, 2-e izd. – M.: «Izdanie knig kom», 2019. 288 s.
4. Egorov V.E., Rozhnova K.YU. Dinamika razvitiya prava v sfere nesostoyatel'nosti (bankrotstva) v dorevolyucionnoj Rossii // Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. №5. S. 166-170.
5. CHelahsaeva S.I. Stanovlenie instituta nesostoyatel'nosti (bankrotstva) v Rossii i evolyuciya russkogo konkursnogo zakonodatel'stva v XI-XIX v. // Voprosy regulirovaniya ekonomiki. 2018. T. 9. №2. S. 28-36.
6. SHershenevich G.F. Konkursnyj process. 3-e izd. M.: Statut, 2021. 477 s.
7. YAkovenko YU.B. Vneshnee upravlenie kak vosstanovitel'naya procedura bankrotstva: diss. … kand. yurid. nauk. Volgograd, 2006. 189 s.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 54–64.

УДК 343

ЭВОЛЮЦИЯ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА ГРЕНЛАНДИИ В 1953 – 2023 Г.

Кошкин А. С.
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Статья посвящена изучению вопросов становлению уголовного и угловно-исполнительного права в Гренландии как составной части королевства Дании с 1953 г. указано, что данный процесс развивался вместе с сстановление суденой системы в регионе и базировался на подходе, предусматривающим специфику будущего действия нормативных актов; с учетом специфики местных условий, традиций гренландского населения. Проект уголовного закона был представлен в 1953 г. и принят в 1954 г. Фолькетингом. УК Гренландии отличался от УК Дании тем, что не содержит уголовно-правовых рамок, т.е. конкретизации видов наказания и определения наиболее короткого и самого длительного срока лишения свободы, которые могли быть назначены за соответствующие правонарушения, не предусматривающие тюремные заключения и лишь в особых случаях – ограничение свободы правонарушителей (лечение, опека и т.п.). Лишь в ходе эволюции гренландского общества и права, в 2017 г. (дополнявшийся в 2022 и 2023 гг.) принят совершенно новый уголовный закон, содержащий бликие с УК Дании нормы, в том числе – лишение свободы.

Ключевые слова: королевство Дания, Гренландия, уголовное право, исполнение наказаний, специфика, судебная система Гренландии.

В 1953 г., с принятием ныне действующей Конституции Дании [1], Гренландия, как известно, стала графством (т.е. равноправной административной единицей), а не колонией [2, p. 68]. Соответственно этому также был принят закон о действии датских законов в Гренландии [3, p. 382].

Новый статус, соответственно, потребовал реального наполнения. В соответствии с этим, закон № 271 от 14.05.1951 г. об отправлении правосудия в Гренландии более не мог удовлетворять потребностям и интересам общества.

Осенью 1963 г. министерство Гренландии потребовало от назначенного окружной судьи провести изучение местной судебной системы. После чего предполагалось, что последующая обработка и оценка собранного материала должны будут проводиться в сотрудничестве с Юридическим комитетом и Комитетом социальных исследований Гренландии. Комитет рекомендовал министру Гренландии от имени министерства юстиции назначить представителя, который мог путешествовать по региону и активно участвовать в исследовании. После этого предполагалось совместно с министрами Гренландии и министром юстиции выработать позицию о том, должны ли суды в Гренландии быть переданы министерству юстиции [4].

Однако, не смотря на эти предположения, уголовное право Гренландии развивалось по собственным законам, в том числе диктуемым и политической обстановкой. Изменение правового статуса Гренландии с колонии на графство по конституции 1953 г. стало революционным шагом, который, кроме прочего, предусматривал распространении на территорию данного острова действия всех законов Дании.

В тоже время, как было уже ясно, благодаря проведенным исследованиям – введение на территории Гренландии уголовного права Дании было бы ошибкой.

22.10.1953 г. предложение об уголовном законе для Гренландии было представлено в Фолькетинге [5]. На презентации премьер-министр Дании Х. Хедтофт заявил: «Я придаю большое значение тому, что через уголовное право, которое пред-

лагаемый закон обходит, нарушаются правовые традиции… Гренландии» [6, sp. 280]. В тоже время, премьер указал, что введение датского законодательства в отдельных областях жизни Гренландии «полностью удовлетворяет потребности страны».

В целом, во время обсуждения законопроекта датским парламентом, стороны высказывалось приверженность своим принципиальным взглядам и парламентские разбирательства лишь породили отдельные изменения, не имеющие принципиального значения. Закон (№ 55 от 5.03.1954 г.) вступил в силу 15 июля.

Автор данного закона – В. Гольдшмидт [7], так описывал стоящую перед ним задачу: «Существовало два возможных подхода: один заключался в кодификации гренландского прецедентного права, но таким образом, чтобы создать закон, который не только применялся к той части населения Гренландии, на которую до сих пор распространялось уголовное право, описанное выше, но и применялся к лицам, на которых до сих пор распространялся датский Уголовный кодекс. Другой вариант – ввести в Гренландии датский Уголовный кодекс и для той части населения, на которую до сих пор распространялось гренландское законодательство, хотя, конечно, в этом случае необходимо было бы быть готовым к внесению некоторых существенных изменений с учетом особых географических и культурных условий» [8, p. 242].

Также ученый указывал, что «Гренландское прецедентное право было выражением того факта, что гренландские правоприменители отделяли определение вины от уголовного права, отделяли определение вины от определения наказания.

Представляется, что определение вины, по сути, происходит на той же основе, что и в датском уголовном праве, в то время как вынесение приговора в гораздо большей степени определялось общей оценкой индивидуального и социального положения преступника на момент вынесения приговора» [8, p. 242].

Закон, вступивший в силу 15.06.1954 г., состоит из 35 глав и в общей сложности 122 разделов. Он разделен на 2 части, каждая из которых имеет 2 подраздела [9, s. 321-450]. Его организация представлена в следующем обзоре:

Часть 1. О правонарушениях. 1-й параграф. Общие положения; §§ 1-4. Сфера действия закона; §§ 5- 6. Самооборона и право на самооборону; §§ 7-9. Халатность, покушение и соучастие; §§ 10. Молодой возраст; Раздел 2. Отдельные преступления; §§ 11- 81. Описание состава преступления.

Часть 2. О правовых последствиях правонарушения; 1-й параграф. Общие положения; §§ 82- 84. Обвинительное заключение; §§ 85- 93. Меры; 2-й параграф. Индивидуальные меры; §§ 94-113. Описание мер; §§ 114-116. Совет по мерам; §§ 117-122. Другие положения;

В. Гольдшмит подчеркивал, что «Меры, предусмотренные законом, перечислены в § 855, это предупреждение, штраф, назначение надзирателя, предписание или запрет на пребывание в определенном месте, принудительный труд, принудительное образование, оправданное с медицинской точки зрения лечение или стационарное лечение, содержание под стражей, другие ограничения свободы действий, конфискация [8, p. 151-252].

Как видно из представленного материала, данный УК состоит из 2-х частей. Первая содержит, помимо краткого изложения, общие условия преступности, перечень и описание условий, которые должны считаются преступлениями и, по сути, это

сокращенная и концентрированная версия особенной части УК Дании, правила о отдельные уголовные преступления.

Однако, УК Гренландии отличается от УК Дании тем, что не содержит уголовно-правовых рамок, т.е. конкретизации видов наказания и определения наиболее короткого и самого длительного срока лишения свободы, которые могли быть назначены за соответствующие правонарушения.

Правила о правовых последствиях собраны во второй части Закона, которая включает в себя некоторые общие рекомендации по использованию в первоначальном виде. Это следующие меры: 1) предупреждение; 2) штраф; 3) назначение надзора; 4) предписание или запрет проживания в конкретном месте, 5) принудительный труд в пользу государства или муниципалитета; 6) обязательное образование; 7) оправданное, с медицинской точки зрения лечение или содержание под стражей, в том числе в случаях, когда предполагается, что преступность лица, совершившего преступление, имеет с этим особую связь, в том числе при физическом заболевании; 8) опека; 9) иные ограничения свободы действий; 10) конфискация [10, s. 8].

Следует пояснить, что в ходе предыдущей работы комиссий и исследователей выяснилось крайне негативное отношение гренландцев к тюремному заключению и, вместе с тем, относительная терпимость к отдельным видам преступлений. Также, не следует забывать и о том, что открытие тюрем в Гренландии оказалось бы чрезвычайно дорогим занятием, т.к. кроме строительства и их последующего содержания, следовало бы заниматься содержанием данных учреждений, а также командировать служащих из Дании.

Размещение же гренландцев в тюрьмах Дании изначально было невозможно (дороговизна перевозки, специфика характера содержания, языковой барьер, культура общения и т.п.).

Меры вводились либо с указанием максимального срока в 10 лет, либо на неопределенный срок, но могли быть изменены в любое время или осужденный отозван на испытательный срок или окончательно. Однако данная мера не могла быть продлена за пределы этого срока. Самый длительный период времени, так же, как и мера значительно более интрузивного характера не могла быть реализована, если в первоначальном решении на этот счет не было сделано явной оговорки.

Правила УК о мерах продолжает практику применения санкций трудовыми судами и, по сути, является стандартизацией этой практики. В соответствии с такой практикой меры содержания под стражей занимают весьма малое место в санкционной системе закона. Это обосновано в комментариях к законопроекту [11].

При этом отдельные эксперименты, которые до сих пор были проведены в гренландской юриспруденции с использованием заключения в качестве наказания признавались неуместными и неэффективными, поскольку эта форма санкций противоречила гренландской традиции, а также с учетом того, что строительство учреждений связано с непропорционально большими финансовыми затратами подходящих зданий для Гренландии, где географические условия и разбросанные постройки открывало хорошие возможности для изоляции только особо опасных, профессиональных и рецидивных правонарушителей или психически больных лиц.

К девиантным правонарушителям, которые обязаны соблюдать закон и право, допускалось применять лишения свободы соответственно в виде меры, именуемой в законе задержанием, и в виде медицинского лечения, например, в учреждении или

больнице (сначала от алкогольной, а в последствии и от наркотической зависимости).

В соответствии со своей основной точкой зрения, после чего определение санкции не происходит в форме наказания, назначенного в связи с доказанной виной простого деяния, но преимущественно с учетом того, что является наиболее целесообразным препятствовать, чтобы лицо нарушило закон и совершило новые правонарушения. Однако закон не содержит каких-либо правил о психической вменяемости, т.е. вопрос об исключении уголовной ответственности из-за психологических отклонений преступника.

В то время как лица, которые, например, считались страдающими психическим заболеванием на момент совершения преступления, согласно УК Дании, могли быть оправданы от наказания как невменяемые, но помещены в больницу для душевнобольных, уголовное законодательство Гренландии долгое время не содержало специальных правил для таких лиц.

Также следует указать, что несмотря на то, что система санкций закона берет свою отправную точку из гренландской традиции, которая в основном развивалась в отношении лиц, принадлежащих к гренландской среде, она была применима также к группе лиц, на которых распространялось законодательство Дании. Однако, в отношении лиц, не имеющих места жительства в Гренландии или чья связь с гренландским обществом, носила настолько слабый характер, что отсутствовали предпосылки для применения закона, открывалась возможность предъявления соответствующих обвинений.

Хотя, как упоминалось выше, основные принципы предложения получили общую поддержку, во время разработки закона обсуждались следующие отдельные вопросы, представляющие интерес для обсуждения этого комитета: *рамки вынесения приговоров, санкции с указанием срока и условные приговоры*.

Меньшинство в Фолькетинге не считало, что в этом вопросе в достаточно учитывалась общая превентивная функция закона, его влияние на общую законопослушность, и хотели, чтобы в законе было подчеркнуто для населения, что к более тяжким преступлениям закон относится строже чем менее серьезным, и что повторение правонарушений может привести к более строгим санкциям [12, sp. 218].

Меньшинство рассматривало возможность внесения поправок, устанавливающих определенные наказания за некоторые более тяжкие преступления, но воздержалось от этого ради скорейшего принятия закона.

В своем докладе Комиссия по уголовному праву подняла вопрос о том, насколько возможно и целесообразно в определенных случаях применять принудительный труд или содержание под стражей в качестве временной меры на более короткий период времени, например – 3 месяца.

В данном вопросе исходили из того, что в некоторых случаях, когда человек совершил более легкие преступления, и где не было назначено специальное лечение для него, возможно ли общей профилактической деятельностью ограничить подобные нежелательные действия и дать четкое представление о том, какие правовые последствия это влечет за собой.

Однако большинство членов комиссии пришли к выводу, что в Гренландии было бы [10, s. 8] естественно и в целом достаточно просто налагать штрафы за широкий

спектр таких правонарушений, за которые в Дании предусмотрены короткие сроки лишения свободы.

По мнению большинства, вряд ли мог быть какой-либо вред в том факте, что установленный срок был самым продолжительным, даже если бы в момент принятия решения было осознано, что максимальное время будет разумно полностью использовано.

С другой стороны, возникали сомнения в том плане, что в связи с открытием возможности принятия ограниченных по времени решений, на практике может переродиться в тарифную систему и в конечном итоге стать существенным препятствием на пути индивидуализации усилий, что как раз и было основной отправной точкой закона. Т.е., здесь важным оставался вопрос о эффективности создаваемой уголовно-исполнительной системы, а, в конечном счете о не нарушении принципа уважения к закону.

Ввиду этого и принимая во внимание, что правонарушители, не принадлежащие к гренландскому обществу, могли быть депортированы из Гренландии, а также судебное преследование в зависимости от обстоятельств могло произойти в Дании, большинство обнаружило, что не было достаточных оснований предлагать правила о мерах, ограниченных по времени и пространству. Т.е., гражданин Дании (не гренландец) мог быть привлечен к ответственности за совершенное в Гренландии правонарушение уже на территории Дании.

Некоторые считали, что это станет чувствительным недостатком закона, заключающийся в том, что он не допускал возможности установления каких-либо сроков меры и предложил, чтобы к мере в виде принудительного труда, в исключительных случаях, предусмотреть возможность осуждения на определенный срок, не превышающий 3 месяцев. Однако и Министерство юстиции, и Канцелярия премьер-министра приняли позицию большинства.

Комиссия далее установила, что в определенных случаях, когда не было повода для инициирования надзора, могут быть более востребованы условные осуждения, относящиеся, в частности, к этой форме осуждения, подчеркивая угрозу последствий рецидива.

Область применения предполагалось сделать довольно простой для случаев, связанных с относительно незначительными правонарушениями и низкой опасностью рецидивизма. По предложению комиссии, можно было выбирать между отсрочкой фактического принятия решения о мере и, что считалось практической альтернативой – отсрочкой исполнения предусмотренной меры [10, s. 9].

Напротив, Министерство юстиции и Государственное министерство возражали, что ценность этой формы реакции была бы весьма проблематичной, если принять во внимание, что меры предложения изначально допускали существенную дифференциацию реакции на преступные деяния, что предложение было сосредоточено на разрешении вопроса позже, чтобы принять решение о соответствующих изменениях в первом решении, например, когда это предполагало назначение надзора, и что по крайней мере, новое преступление сделало бы его условное наказание довольно бессмысленно. Кроме того, высказывалось мнение, что условные приговоры действуют лишь как ненужное усложнение в системе предварительного заключения, которая уже стремилась выполняет именно ту функцию, что и в уголовном законодательстве Дании, где были добавлены условные сроки.

Эти соображения были приняты парламентом Дании. В своем докладе парламентский комитет заявил [13, sp. 221], что разница по сравнению с датской системой уголовного права заключается в том, что суд не может воздержаться от применения какой-либо постоянной меры, в частности, надзора, если он желает пересмотреть приговор позже, когда осужденный нарушил установленные судом условия. Тот факт, что он не мог сочетать оговорку о последующем пересмотре приговора с назначением предупреждения в качестве единственной меры, тем не менее, можно было принять, поскольку в этой части королевства также было принято предусмотреть надзор за лицом, приговоренным к условному наказанию.

При разработке законопроекта было осознано, что изменения в структуре гренландского общества, которые можно было бы предусмотреть, могут означать, что предпосылки УК, в частности предпосылка общества малых групп, в котором служащие судебных органов были лично знакомы с преступниками, могут быть разрушены. Учитывая это, а также тот факт, что реализация Закона об отправлении правосудия в Гренландии (Закон № 271 от 14.06.1951 г.) в большей степени, чем ранее, означало, что лица, не обладающие местными знаниями участвовали в отправлении правосудия, § 114 УК открывал возможность создания коллегий по правонарушениям, которые, возможно, совместно для 2-х или более судебных округов – должны состоять из 3-5 чел., из которых муниципальный совет (советы) назначал 1 члена, а из остальных, по возможности 1 – врач, а другой – работать в сфере социального обеспечения, церкви или образования.

Задача комитета заключалась в получении информации о личных обстоятельствах и выносить заключения по делам [10, s. 10], где предполагалось, что могут возникнуть вопросы о других мерах, кроме предупреждения, штрафа или конфискации; осуществлять надзор, возможно, через лицо, назначенное правлением, которое подходит и желает это делать, а также, наконец, представить рекомендацию об изменении или отмене санкционированной меры, которую совет больше не считает целесообразной.

Учитывая, что могла возникнуть необходимость дополнить или изменить нормы Закона, а также принимая во внимание фундаментальные различия между УК (законами) Дании и Гренландии, было решено, что закон должен быть вынесен на пересмотр в парламентском 1959-1960 г. (позже в него были внесены поправки в 1962-1963 парламентском году), и что предложение о пересмотре должно сопровождаться отчетом, основанным на регулярных расследованиях того, как закон действовал (применялся) в прошедший период.

В соответствии с положениями о пересмотре Уголовного закона, министерство просило Гренландский комитет социальных исследований провести расследование, как закон действовал в предыдущий период.

Исследование провел уже В. Гольдшмидт. Комитет издал в июне 1962 г. подробный отчет в 2-х томах, «Уголовный кодекс и западногренландские общины» [14], который также содержал обзор отдельных положений УК.

В докладе отмечается, связи со значительными реформами во всех сферах общественной жизни и улучшением транспортных средств в Гренландии привело к расширению контактов между гренландскими небольшими общинами между собой, Гренландией и остальной частью королевства.

Развитие в сторону более индустриального общества в определенной степени изменило предположения, на которых основывался УК, например, что система мер, предусмотренных законом, должна работать в небольших, относительно изолированных общинах, где судебные органы находятся в тесном контакте с местным населением.

Комитет также объяснял, как система мер уголовного закона использовалась в юридической практике в течение 10 лет до создания уголовного закона. Из этого следовало, что система штрафов все еще решительно доминировала, а система наказаний в целом демонстрировала поразительную стабильность.

Также из бесед комитета с представителями судебных органов и населения Гренландии выяснилось позитивная оценка большинства лиц административно-уголовными мерами, которые хорошо сработали случаях их применения.

Когда же во многих случаях и в гораздо большей степени, чем предполагалось при принятии закона, штраф назначался, даже если и предусматривалась более решительная мера, то это было связано с тем, что было чрезвычайно трудным делом найти подходящее частное жилье для правонарушителей.

Эти трудности были особенно очевидны для правонарушителей, приговоренных к принудительным работам или принудительному обучению, поскольку в этих случаях также было трудно найти работу и ученичество. Кроме того, исполнение этой меры было значительно затруднено тем, нелегко было найти людей, подходящих и желающих взять на себя надзор за осужденными (в первую очередь среди местных лиц).

При этом, полиция и суды не выразили желания ввести датский уголовный закон и систему реагирования на него в Гренландии. Хотя некоторые сотрудники полиции и высказывали определенную необходимость введения небольших сроков заключения в ответ на поведение крайне безрассудных лиц, не страдающих какими-либо психическими отклонениями.

Тем не менее, предпосылкой для сохранения системы мер, предусмотренных уголовным законом, должно быть, чтобы правоприменение было более эффективным и возбуждалось в максимально тесной временной связи с преступлением, т.е. в максимально короткие сроки.

Обсуждения, состоявшиеся в Национальном совете Гренландии по вопросам уголовного права, касались путей оптимизации применения мер, особенно в отношении о несовершеннолетних правонарушителей и, таким образом, основывалось на том мнении, что система мер в целом должна быть сохранена.

Комитет также не обнаружил у населения сильного желания ввести санкции, особенно тюремное заключение, в соответствии с УК Дании. В южных, более урбанизированных районах, с более тесными контактами между гренландцами и датчанами, похоже, наблюдалось некоторое недовольство этими мерами, поскольку они применялись на практике. В частности, высказано пожелание, чтобы к более опасным преступникам и, в частности, датчан, применялись более жесткие меры, особенно в отношении преступлений на сексуальной почве.

Таким образом, не было выявлено никакого стремления к введению уголовных законов Дании как со стороны населения Гренландии, так и представителей ее судебной власти [10, s. 11].

Принимая это во внимание, а также то, что введение уголовных законов Дании, а) потребовало значительных капиталовложений и, б) компетенции и знаний местных судов могло оказаться недостаточно, комитет социальных исследований не нашел оснований выдвигать предложение о введении УК Дании.

С другой стороны, комитет внес несколько поправок в закон, предложив, в частности, терминологически изменить понятия «принудительный труд» и «принудительное образование» на «труд» и «образование», так как термин «труд» в будущем должен применяться частными работодателями.

Кроме того, было предложено отменить меру пресечения в виде содержания под стражей, принимая во внимание, что не удалось придать этому институту аспект безопасности, характерный для содержания под стражей в традиционном смысле, и поскольку такое учреждение в Гренландии могло быть создано только за счет непропорционально больших финансовых затрат.

С другой стороны, комитет признал необходимость создания одного или нескольких учреждений, в которых некоторые осужденные (более опасные) могли бы содержаться в относительно свободных условиях, чтобы, особенно в нерабочее время, заключенные могли быть изолированы и в целом находиться под контролем. Помимо того, что в число критериев для помещения в учреждение была включена общая законопослушность, прежние правила содержания под стражей считались подходящими для нахождения в учреждении.

В своем докладе комитет установил, что ни в одном судебном округе Гренландии не было создано советов по правонарушениям. Отчасти это объяснялось тем, что не удалось найти достаточно квалифицированных специалистов для выполнения задач, стоящих перед советами, а также потому, что прокуратура и суды не находили необходимости в создании таких советов. В связи с этим комитет по социальным исследованиям предложил отменить положение о совете по рассмотрению правонарушений, а вместо него включить положение о том, что (полицией) должна быть получена такая информация о личных обстоятельствах обвиняемого, которые, как предполагается, могут иметь значение для принятия решения.

В другом случае комитет социальных исследований предложил ряд административных изменений, чтобы сделать применение мер более эффективным, в частности относительно управления исправительными учреждениями в Гренландии, местами частного размещения и надзирателями и рекомендовал в связи с этим направить в Гренландию представителя Датской ассоциации благосостояния для изучения этих вопросов.

После того, как проект поправок к УК, подготовленный в соответствии с докладом комитета, был рассмотрен Министерством юстиции и Советом УК, он был представлен Национальному совету Гренландии в 1962 г. [15]. На всех страницах, приложенных к отчету комитета социальных исследований, выражено, что принципы системы мер уголовного права были правильными и соответствовали восприятию права обществом.

Однако на практике оказалось все труднее применять УК, и в частности был найден повод подчеркнуть необходимость институтов, которые следует создать как можно скорее, поскольку в ином случае судебная система Гренландии могла столкнуться с кризисом доверия со стороны населения.

Предложение о внесении поправок в УК Гренландии было представлено в парламент 24.01.1963 г. [16, sp. 2276]. В ходе рассмотрения данного вопроса [16, sp. 2512, 4240, 4479], в целом, была оказана поддержка взглядам, упомянутым выше, и это предложение было без изменений внесено в Закон № 105 от 27.03.1963 г. [10, c. s. 12].

Следует также указать, что изначально, УК вступил в силу только в Западной Гренландии, т.к. еще не существовало предпосылок для расширения сферы его деятельность за счет включения также Северной и Восточной Гренландии, т.к. в этих сферах закон о судебной опеке в Гренландии [10, c. s. 12] также не применялся. Более того, система самоуправления Гренландии в данных регионах была введена позже.

Следует также указать, что королевским указом была открыта возможность распространить действие закона на эти области с возможными необходимыми послаблениями. После того, как Приказом № 205 от 10.06.1964 г. вступил в силу Закон о судоустройстве с некоторыми изменениями, действие УК было также распространено постановлением № 22 от 27.01.1966 г., который вступил в силу с 1.03.1966 г. для всей Гренландии [10, s. 12-13; 18].

В результате выше указанных политико-правовых и организационных действий, а также, после внесения поправок в УК в 1963 г. в Нууке была построен центр содержания на 6 мест, а затем, в связи с переполненностью, и другие подобные учреждения. От аналогичных заведений подобного типа эти центры содержания отличались открытым характером, где предполагалось, что заключенные будут иметь возможность повседневной и трудовой жизни за пределами учреждения и в качестве части окружающего их гренландского общества [19, s. 25]. Говорить же о полноценных закрытых тюрьмах гренландская и датская стороны не решались – гренландское общество было к ним не готово.

Однако с течением времени, под влиянием различных факторов, ситуация стала меняться, а проблема пресечения преступности по-прежнему оставалась актуальной. После внесения очередной поправки в УК в 1978 г. стало возможным направлять заключенных, приговоренных к содержанию под стражей на неопределенный срок, в Данию в учреждение в Херстедвестре (Herstedvester), расположенное на расстоянии около 4000 км. [19, S. 25]. Это позволило создать необходимые этические, психологические и правовые предпосылки к возможному открытию таких учреждений и в Гренландии.

Уголовное право Гренландии и в последующие годы развивалось очень динамично, в соответствии с динамикой развития общественных отношений вообще и обретения домашнего самоуправления в 1978 г. в частности.

Очевидным организационно-правовым последствием для судебной системы автономии стала разработка и принятие закона об отправлении правосудия в Гренландии № 1581 от 13.12.2016 г. [20], значительно усовершенствовало судебную систему Гренландии[1]. Данный нормативный акт базировался на таких предшествующих законах, как «Закон № 305 от 30 апреля 2008 года, с поправками, внесенными на основании Закона № 1388 от 23 декабря 2012 года, раздел 2 Закона № 735 от 25 июня

[1] Всего данный документ состоит 61 глав, которые включают 749 параграфов.

2014 года, Закон № 740 от 25 июня 2014 года, раздел 3 Закона № 103 от 3 февраля 2016 года и Закон № 639 от 8 июня 2016 года».

Им устанавливалось, что судами общей юрисдикции являются окружные суды, Суд Гренландии, Высокий суд Гренландии и Верховный суд (§ 1) [21, с. 338-342].

В данном контексте, конечно же дополнялись действующие уголовные законы и, при необходимости, принимались новые. Так, можно указать на исполнительный закон 1979 г. [22], 1984 г. [23], 2007–2008 г. [24-26] и последующие. С обретением широкой автономии в 2009 г., на основании рекомендаций упомянутой комиссии, в 2010 г. в Гренландии принят новый уголовный закон, в котором центральное место занимало создание закрытой тюрьмы в Нууке на 76 мест.

В тоже время, уголовный закон 2017 г., принятый уже в совершенно иных социально-экономических и политических условиях, отражает произошедшие за вторую половину XX – начало XXI вв. глобальные сдвиги в гренландском обществе. Так, можно указать, что данный закон предусматривал следующие меры наказания: предупреждение, штраф, условное лишение свободы, решение о надзоре, приговор к общественным работам, приговор к содержанию под стражей и надзору, помещение в учреждение, а также специальные меры поддержки молодежи, особые меры для душевнобольных или умственно отсталых, опека, лишение прав, конфискация [27]. Последние дополнения и изменения в уголовное право Гренландии были внесены весной 2022 г. [28] и в 2023 г. [29].

Таким образом, за рассмотренный период, система уголовных наказаний, а вместе с тем и система пенитенциарных учреждений, все более сближались с соответствующими системами Дании. В результате в Гренландии в первой четверти XXI в. стали отрываться отдельные, но полноценные пенитенциарные учреждения, действующие в особом правовом поле, с собственной системой подготовки кадров, управлением, правилами для персонала и заключенных соответствующими местной специфике.

Список литературы:

1.Конституция Дании 1953 г. - Конституция Королевства Дания (дата обращения : 16.11.2024)
2.1953 5/6: L 169 Danmarks Riges Grundlov, N. 69. P. 68.
3.1954 19/10: C 176 Loves gyldighed i Grønland, MTB 54, p. 382.
4.BETÆNKNING FRA GRØNLANDSUDVALGET AF 1960. BETÆNKNING NR. 363 1964. – 260 p.
5.Bemærkningerne til forslaget findes aftrykt i FT 1953-54, tillæg A, sp. 367 ff.
6.FT 1953-54, sp. 280.
7.Werner Goldschmidt. – URL: Verner Goldschmidt (gravsted.dk) (дата обращения: 07.10.2023
8.Den grønlandske kriminallov og dens sociologiske baggrund. Af VERNER GOLDSCHMIDT. – P. 242. – URL: 242-268+gr'ønland.pdf (дата обращения: 07.10.2023)
9.Forslag til kriminallov for Grønland. (Fremsat den 22. oktober 1953 af statsminister Hans Hedtoft). - Tillæg A. (21). Folketingsåret 1953-54. – S. 321-450. – URL: 19531_L3_som_fremsat.pdf (folketingstidende.dk) (дата обращения: 07.10.2023)
10. BETÆNKNING om det KRIMINALRETLIGE SANKTIONSSYSTEM M.V. I GRØNLAND. - BETÆNKNING NR. 500. – 1968. – S. 8.
11. FT 1953-54, tillæg A, sp. 371; Elholm, T., M.N. Jakobsen & L.M. Madsen (2019): Kommenteret straffelov - Almindelig del (11-omarbejdede udgave) Copenhagen: Jurist- og Økonomforbundets Forlag. – 615 s. – URL: 9788771983302-front-4.pdf (дата обращения: 04.11.2023)
12. FT 1953-54, sp. 543 og 3102, samt tillæg B, sp. 218.
13. FT 1953-54, tillæg B, sp. 221.
14. Kriminalloven og de vestgrønlandske samfund: Kriminallov for Grønland af 5. marts 1954 med kommentarer. II. Udvalget for Samfundsforskning i Grønland. – Kbh., 1962.
15. Trykt som bilag til lovforslaget med bemærkninger, FT 1962-63, tillæg A, sp. 707 ff. Jfr. tillige Landsrådets forhandlinger 1962, s. 45 ff. og 102 ff.
16. FT 1962-63.

17. Forslag til Lov om ændringer i kriminallov for Grønland. (Vedtaget af folketinget ved 3. behandling den 21. marts 1963.*). – S. 201-206. – URL: 19621_L5_som_vedtaget.pdf (folketingstidende.dk) (дата обращения: 02.09.2023)
18. Anordning nr. 22. af 27. januar 1966 om ikrafttræden af kriminalloven for Nord- og Østgrønland. – URL: 9788771985702-back-4 (1).pdf (дата обращения: 01.09.2023)
19. Lea Cecily Brinkgaard. historisk undersøgelse af kriminalitetsproblemer i Grønland // CULTURE AND HISTORY Nr. 01 -DQXDU 23 IDEEN OM DET FÆNGSELSLØSE SAMFUND - en historisk undersøgelse af kriminalitetsproblematiseringer i Grønland Af: Lea Cecilie Brinkgaard, historie. – S. 25. – URL: tinedam,+78816-155066-1-CE.pdf (дата обращения: 01.09.2023)
20. Lovtidende A 2016 Udgivet den 16. december 2016. – URL: A20160158129.pdf (дата обращения: 19.05.2023)
21. Хрущев Р. С. Нормативно-правовое обеспечение деятельности судебной системы Гренландии // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – С. 338–342.
22. Bekendtgørelse af kriminallov for Grønland: Justitsministeriets bekendtgørelse nr. 49 af 13. februar 1979. – 20 p.
23. Bekendtgørelse af lov om rettens pleje i Grønland: Ministeriet for Grønlands lovbekendtgørelse nr. 99 af 21. marts 1984. – 20 p.
24. L 34 Forslag til retsplejelov for Grønland. – URL: L 34 - 2007-08 (2. samling) (oversigt): Forslag til retsplejelov for Grønland. / Folketinget (ft.dk) (дата обращения: 12.05.2023)
25. L 35 Forslag til kriminallov for Grønland. - L 35 - 2007-08 (2. samling) (oversigt): Forslag til kriminallov for Grønland. / Folketinget (ft.dk)
26. 2007/2 SF.LL 34, L 35 и L 36 Skriftlig fremsættelse (12. december 2007) - L 34, L 35 og L 36 (www-retsinformation-dk.translate.goog) (дата обращения: 02.05.2023)
27. Bekendtgørelse af kriminallov for Grønland / Lovtidende A 2017 Udgivet den 12. september 2017. – URL: A20170104529.pdf (дата обращения: 02.09.2023)
28. 10 maj 2022. Lov om ændring af retsplejelov for Grønland, kriminallov for Grønland og forskellige andre love (Gennemførelse af politireform og etablering af ny politiklageordning, indførelse af motivationsbehandlingspladser for seksualforbrydere i Anstalten i Nuuk, forhøjelse af foranstaltningsniveauet for voldtægt af mindreårige, styrkelse af retsstillingen for ofre for forbrydelser m.v.). – Lovtidende A 2022 Udgivet den 11. maj 2022. №572.
29. 18. september 2023. Nr. 1187. Bekendtgørelse af kriminallov for Grønland. Lovtidende A 2023 Udgivet den 28. september 2023. – URL: A20230118729 (4).pdf (дата обращения: 06.06.2023)

Koshkin A. S. The evolution of greenlandic criminal and penal law from 1953 to 2023 // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 54-64.
The article is devoted to the study of the issues of formation of criminal and criminal-executive law in Greenland as a part of the Kingdom of Denmark since 1953. It is indicated that this process developed together with the restoration of the court system in the region and was based on the approach, providing for the specificity of the future action of normative acts; taking into account the specificity of local conditions, traditions of the Greenlandic population. A draft criminal law was submitted in 1953 and adopted in 1954 by Folke-ting. The Greenlandic Criminal Code differed from the Danish Criminal Code in that it did not contain a criminal law framework, i.e. specification of the types of punishments and determination of the shortest and longest term of imprisonment that could be imposed for the relevant offences, which did not provide for imprisonment and, only in special cases, restriction of the offenders' freedom (treatment, guardianship, etc.). Only in the course of the evolution of Greenlandic society and law, a completely new criminal law was adopted in 2017 (supplemented in 2022 and 2023) containing similar provisions to the Danish Criminal Code, including imprisonment.
Key words: Kingdom of Denmark, Greenland, criminal law, execution of sentences, specifics, Greenlandic judicial system.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 65–72.

УДК 343

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В ГРЕНЛАНДИИ В УСЛОВИЯХ ШИРОКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Проценко А. С.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье исследуются вопросы эволюции правового регулирования исннтитута государственной службы в Гренландии после введения широкого самоуправления в 2009 г. указано, что основой данной деятельности стало каксобственно законодательство королевства Дания, так и уже сложившаясь в 1953-2008 гг. нормативная база и практика Гренландии. Установлено, что важнейшими инструментами первоначального правового регулирования стали сводный закон о государственных служащих в Гренландии № 574 от 5 августа 1991 г., с поправками, внесенными на основании раздела 4 закона № 365 от 2 июня 1999 г., закона № 1264 от 20 декабря 2000 г., раздела 1 закона № 1426 от 22 декабря 2004 г., раздела 1 Закона № 249 от 31 марта 2009 г. и раздела 4 Закона № 463 от 12 июня 2009 г., которыми регулировали вопросы оплаты и условий труда, пенсионного обеспечения. Основным источником регулирования исследуемой проблемы стал консолидлированный закон о государственной службе 2005 г. с дополнениями, внесенными в 2021 г. Важное место в данной системе играли министр финансов Дании, с которым все заинтересованные органы и ведомства должны были согласовывать все необходимые положения, а также особыйй суд по вопросам гражданской службе (трибунал) в столице Гренландии – Нууке. Эволюция пенсионного обеспечения представляют законы 2008 г, 2015 г. и 2017 гг., харатеризующиеся высоким уровнем социальной защищенности государственных служащих.

Ключевые слова: королевство Дания, домашнее самоуправление, Гренландия, государственные служащие, пенсионнное и социальное обеспечение, закон.

Эволюция государственного устройства Гренландии после принятия акта о широком самоуправлении 2009 г. [1] вступила в свой современный этап, характеризующийся, благодаря относительной зрелости гренландской политической системы все большей формализацией отдельных государственно-правовых институтов, достижением определенного максимума в балансе прав и обязанностей каждой из сторон, в том числе невозможности для интересов Гренландии и Дании дальнейшего существенного расширения рамок самоуправления [2].

Особо следует обратить внимание на развитие института государственной службы в условиях расширенного самоуправления. Нормативной базой ее деятельности стал соответствующий закон от 4 ноября 2015 г. с последующими изменениями и дополнениями [3].

Необходимо также оговорится, что т.к. в подобных областях любое кардинальное изменение практически невозможно, хотя бы в связи с тем, что на государственных должностях продолжали исполнять свои обязанности лица, принятые задолго до принятия закона о самоуправлении 2008 г., базисную часть закона 2015 г. составили такие акты, как сводный закон о государственных служащих в Гренландии № 574 от 5.08.1991 г., с поправками, внесенными на основании раздела 4 закона № 365 от 2.06.1999 г., закона № 1264 от 20.12.2000 г., раздела 1 закона № 1426 от 22.12.2004 г., раздела 1 Закона № 249 от 31.03.2009 г. и раздела 4 Закона № 463 от 12.06.2009 г., с соответствующими изменениями и дополнениями.

Данным актом любое лицо, состоящие на государственной службе в Гренландии в соответствии с правилами данного закона, считалось государственным служащим (§ 1). Прием на работу предусматривался в достаточно широком диапазоне (посто-

янная работа; работа на испытательном сроке для последующего постоянного трудоустройства; срочный наём) (§ 2).

Назначение государственных служащих происходит либо указом короля, либо соответствующим министром (§ 3, п. 1). При этом министру финансов позволялось определить какие служащие должны назначаться королем (§3, п. 2) и, кроме того, управомоченные министры могли делегировать свои полномочия по назначению иным лицам (§ 3, п. 3).

Закон в общих чертах, предусматривал основные требования к кандидатам (соответствующее образование, состояние здоровья, возраста и иные, более узкие установленные в законном порядке требования, применяемые к определенным группам государственных служащих (§ 4).

Любое назначение на должность гражданского служащего могло производится лишь по объявлению, с указанием области занятий, название должности, размера текущей зарплаты и т.п. По истечении срока подачи заявления заявители и организации должны запрашивать у претендентов и организаций, члены которых являлись естественными кандидатами на должность необходимую информацию, с правом претендента не раскрывать публично те или иные данные (§ 5, пп. 1-4). Срок подачи устанавливался в 3 недели (§ 5, п. 6), а при отсутствии подходящих кандидатов, конкурс объявлялся повторно (§ 5, п. 7). В тоже время, министру финансов позволялось устанавливать подробные процедурные правила и отдельные исключения в отношении правил пп. 1-2 (§5, п. 8).

Испытательный срок при первом назначении был обязательным, за исключением случаев, установленных министром финансов или с его согласия (§ 6). Ему же позволялось определять критерии оценки прохождения испытательного срока кандидатом или его обучения (§6) [4].

В случаях, когда должностное лицо претендует на вакантную должность его предыдущий и непосредственный начальник обязывались представить в компетентные органы его оценку (§ 8, п. 1), а министру финансов или уполномоченному им лицу позволялось установить дополнительные положения по вопросам повышения.

Информацию по назначении на должность претендент получает по почте, с одновременным указанием о классификации окладов по должности (§ 9, п. 1-2).

Район службы должностных лиц, принятых или назначенных на другие должности 1.01.1976 или позднее 1.01.1976, определялся в географическом отношении как должности гражданских служащих в Гренландии в рамках государства, Домашнего правления Гренландии или муниципалитета (§ 11 а.). В ином случае, район работы определяется в соответствии с правилами, изложенными в § 41, который относится к ч. 2 гл. 20 «Условия ведения переговоров и организации».

В нем указано, что заработная плата и другие условия найма определяются по соглашению между министром финансов и центральными организациями, (§ 41, п. 1).

Однако соглашение, касающееся только условий найма гражданских служащих одного министерства, может быть заключено соответствующим министерством при условии дальнейшего одобрения министром финансов (§ 41, п. 2).

При этом, соответствующему органу власти Гренландии позволялось, при условии согласия министра финансов в отношении условий найма гражданских служащих, которые согласно § 13а(2), продолжали службу в органах власти Гренландии,

но сохраняли свои трудовые отношения с соответствующим органом власти Датским (§ 41, п. 3). В тоже время, соглашения, предусмотренные подразделами 1-3, не позволялось заключать по вопросам, определенным законом или в соответствии с законом или касающимся задач, организации или кадровых потребностей администрации (§ 41, п. 4).

При необходимости, соответствующий министр, после переговоров с правительством Гренландии мог принять решение о том, что к его подчиненным не применялись следующие нормы § 13 а.:

- если служащий Гренландии, при переходе из государственного учреждения или административного района не желает переходить на работу в самоуправлении или муниципалитете, он продолжает службу в этом учреждении или административном районе так, чтобы сохранить трудовые отношения с государством (п. 2);

– вышеупомянутые (см. п. 2) служащие, которые сохранили трудовые отношения с государством, не имеют права на пособие по ожиданию, выходное пособие или пенсию в результате перехода учреждения или административного района (п. 3);

– гражданские служащие, указанные в п. 2, обязывались подчиниться изменениям в характере их служебных обязанностей в результате перехода учреждения или административного отдела в другую администрацию, т.е. под управление соответствующих гренландских органов власти (п. 4);

– гражданские служащие, упомянутые в п. 2, получили право в течение 5 лет после даты перехода претендовать на работу в новом агентстве на условиях, согласно п. 1 (п. 5).

Также § 13 а., п. 7 закона устанавливалось, что «Соответствующее учреждение, подчиняющееся Домашнему правлению, или муниципалитет, после передачи учреждения или административного района, возмещает государству заработную плату и другие обязательные выплаты государственным служащим (см. п. 2), которые продолжали работать в учреждении или административном районе». Кроме того, пенсионные взносы выплачивались в соответствии с действующими правилами.

В тоже время, закон сохранял в некоторых случаях за увольняемым в связи с различными изменениями служащими прежнюю зарплату в течение 3-х лет, за исключением условий, установленных в пп. 3-5 (§ 32) (достижение предельного возраста, состоянию здоровья, устраивается на особо оговоренные виды работ, в том числе в акционерные общества).

В особом положении для судей и судебных заседателей и других юристов, работающих в качестве государственных служащих в судебной системе Гренландии (гл. 7 закона), предусмотрено, что назначение на должность судьи и адвоката гражданского служащего в судебной системе Гренландии может быть произведено только на постоянной основе (§ 34, п. 1). При этом, судьи и другие юристы, работающие в качестве государственных служащих судебной системы Гренландии, увольняются с конца месяца, в котором они достигают 65-лет (§ 34, п. 2).

Особенности применения иных норм в отношении судей указаны в (§ 34, пп. 3-4).

Оплата труда и другие условия работы гражданских служащих определялись соглашением между министром финансов и соответствующими центральными организациями, но если вопрос касался только одного министерства, то такое соглашение мог заключить соответствующий министр (§41, п. 2). При этом п. 3 §. 41 факти-

чески позволял, при согласии министра финансов, сохранять двойное подчинение отдельных гражданских служащих.

Законом также предусматривался особый суд (Трибунал в Нууке) по вопросам гражданской службы для гражданских служащих Гренландии, в составе председателя и его председателя, восьми других судей и их заместителей, секретаря. Его председатель – главный судья Гренландии, назначал своего заместителя из числа секретарей Высокого суда Гренландии (§ 48, п. 1-2).

В тоже время, министр финансов назначал 8 судей и их заместителей. 4 судьи и их заместители назначались на 5 лет по совместной рекомендации центральных организаций (§48, п. 3). Также оговаривался порядок замещения указанных должностей в случае отставки их занимающих лиц (§48, п. 6).

Председатель Трибунала гражданской службы или его заместитель в качестве председателя суда и 4 судьи, назначенные министром финансов или их заместителями, назначаются министром финансов или их заместителями. Двое из этих 4-х судей должны быть назначены по рекомендации центральных организаций или назначены в соответствии с § 48(4) или п. 6, предложение 3, т.е. министром труда по предложению министра финансов (§ 48 a).

С учетом принципов судебной службы, предусмотрен порядок дисквалификации или отвода президента, судей и депутатов Гражданской службы (§ 48 b).

Трибунал по делам государственной службы рассматривает дела, касающиеся: 1) нарушение или толкование заключенных соглашений или положений, которые в соответствии с §§ 42 и 43 заменяют соглашения, и 2) коллективного нарушения § 11(1), совершенного государственными служащими, на которых распространяется одна или несколько центральных организаций, упомянутых в § 45 (§ 49, п. 1.1-1.2).

Суд первой инстанции должен по собственной инициативе убедиться в том, что он обладает надлежащей юрисдикцией для рассмотрения дела (§ 49, п. 2). При этом, дела, подпадающие под юрисдикцию данного трибунала, не могут быть переданы в суды общей юрисдикции. Однако должностное лицо может подать иск в суд общей юрисдикции, если докажет, что соответствующая центральная организация не намерена возбуждать дело, упомянутое в п. 1.1, в Трибунале по делам государственной службы (§ 49, п. 3). Дела, которые в соответствии с п. 1.2 подлежат рассмотрению в Трибунале, не могут быть рассмотрены в соответствии с правилами, изложенными в §§ 20-24.

Министр финансов может решить, что правонарушения (§ 49, п.1.2), совершенные сотрудниками, работающими на условиях, аналогичных условиям работы гражданских служащих, должны рассматриваться Трибуналом, если сотрудники работают по правилам, содержащим положения, соответствующие § 11.1 и §§ 20-24. Министр финансов устанавливает дополнительные правила относительно обязанности сообщать о правонарушениях ему и необходимых отступлений от §49c(2) в отношении того, которые являются сторонами в деле. Положение § 49b(3), применяется mutatis mutandis к организации или организациям, осуществляющим право на ведение переговоров в отношении сотрудников, на которых распространяется положение Министра финансов согласно п. 1 (§ 49, п. 5).

Датское государство и одна или несколько центральных организаций, упомянутых в § 45, могут быть оштрафованы Трибуналом по вопросам государственной службы за нарушения, упомянутые в § 49.1.1 (§ 49 a.). Также, в случаях, указанных

в § 49(1)(2), председатель Трибунала или его заместитель может распорядиться о прекращении правонарушения (§ 49 b, п. 1).

Должностное лицо, совершившее одно из правонарушений, упомянутых в § 49(1)(2), может получить предупреждение, выговор или штраф от Трибунала (§49 b, п. 2). Кроме того, одна или несколько центральных организаций, упомянутых в § 45, могут быть оштрафованы Трибуналом, если центральная организация поддержала нарушение, упомянутое в § 49(1)(2), или не попыталась всеми разумными способами предотвратить нарушение или положить ему конец.

При этом, штраф начислялся лицу, подавшему иск, а положения § 1 и 2 применялись и к организациям, связанным с центральными организациями (§49 b, п. 3).

Дела, упомянутые в § 49(1)(1), возбуждаются министром финансов одной или несколькими центральными организациями (см. §45) и против них. Также дела могут быть возбуждены соответствующим министром после переговоров с министром финансов (§49 c). Дела, упомянутые в § 49(1)(2), могут быть возбуждены министром финансов против одной или нескольких центральных организаций, упомянутых в § 45. Центральные организации могут подать иск в Трибунал против соответствующего министра по вопросу о том, подпадает ли дело о нарушении § 11(1) под юрисдикцию Трибунала.

В § 49 установлены порядок подачи иска, действия секретаря суда и содержание его письменного ответа (§ 49 f.); порядок подготовки дела (49 g, п. 1), его ведения (49 g, п. 2); правила вынесения приговоров (49 h, пп. 1-2) и принятия решений (§ 49 i) и иные необходимые нормы. Сами же решения Суда могут быть исполнены в соответствии с нормой закона о действиях суда в Гренландии что до принудительного исполнения судебных решений (§ 49, п. 1). Мировые соглашения, заключенные в Суде, и решения в соответствии с § 49 g, п. 3, может быть приведено в исполнение в соответствии с правилами Закона о судопроизводстве Гренландии что до исполнения соглашений, заключенных в суде (§ 49, п. 2).

В завершение рассмотрения консолидированного закона о государственной службе 2015 г. с дополнениями 2021 г. укажем, что он является развитием ранее принятых актов данной направленности (закон о государственной службе №168 от 27.05.1964; Закон № 636 от 19.12.1975 г.; Закон № 509 от 18.12.1979 г.; Закон № 334 от 6.06.1991 г.; Закон № 365 от 2.06.1999 г.; Закон № 1264 от 20.12.2000 г.; Закон № 463 от 12.06.2009 г. [5] и иных нормативных актов.

Как видно из представленного краткого анализа закона о государственных служащих, Дания, путем наделения соответствующими полномочиями министра финансов и Трибунала по гражданской службе с его системой формирования позволили сохранить фактически полный контроль за государственной службой Гренландии с помощью перешедших под ее юрисдикцию датских чиновников, министерского общегосударственного контроля, финансовых составляющих.

Одной из важных частей обеспечения деятельности работы государственного аппарата, как уже рассмотрено в предыдущих разделах работы, является гарантирование его служащим достойного пенсионного обеспечения.

Одним из последних комплексных актов в данном направлении до введения широкого самоуправления Гренландии в 2009 г. был Закон № 847 от 23.12.1987 г. об обеспечении пенсией гражданских государственных служащих в Гренландии» [6]. Однако в условиях важных структурных изменений государственной службы после

2009 г. требовалась существенная модернизация норм, регулирующих и социальную защиту государственных служащих.

За прошедший с 2009 г. период были приняты соответствующие законы 2015 г. [7] (с изменениями, внесенными законом от 8.06.2016) и 2017 г. [8] демонстрирующие существенную эволюцию государственной пенсионной системы.

Закон сохранил за государственными служащими право персональной пенсии после 10 полных лет работы на должности, в случае увольнения по возрасту, нетрудоспособности по состоянию здоровья или иной непредвиденной причине (§ 1, п. 1), а также в связи с последствиями травмы, полученной при исполнении служебных обязанностей (§ 1, п. 2).

Право ухода на пенсии по возрасту закреплено с 60 лет (§ 2), а пенсионный возраст определяется количеством лет нахождения на государственной службе (§ 3, п.1; § 24a). Также включено в пенсионный возраст время, когда служащий исполнял свои обязанности за пределами Гренландии (школе, церкви, парламенте Дании, правительстве Фарерских островов до 1.01.1988; в Совете Гренландии или органах самоуправления до 1.01.1980), имевший право на выплату пособия по обеспечению занятости в соответствии с § 32 Закона о государственных служащих Дании, и иные случаи (§ 2, пп. 2; §3). Особо учитывалось время неполной занятости на госслужбе (§2, п. 4), предоставления неоплачиваемого отпуска (§5, п. 5) и т.п.

При работе «на основе особой квалификации» министру давалось право увеличения пенсионного возраста на срок до 10 лет. Однако, в любом случае, пенсионный возраст (см. §20-22) не мог превышать период трудовой деятельности (§3, п. 6).

Одновременно с этим установлены случаи: а) повышения пенсионного возраста по решению министра общественных инноваций (§3a, п. 1-2), б) иного изменения пенсионных прав лиц, исполнявших должностные обязанности в ЕС (§3 b).

Закон устанавливал, что «заработок государственного служащего – это заработная плата по достигнутой ступени шкалы», поэтому при выходе на пенсию с 1.04.1991 или позже учитывались все надбавки включаемые в расчет пенсии.

В тоже время, к государственным служащим, получавшим зарплату, не основанную на ступнях шкалы, применяются ст. 41-43 закона о государственных служащих Гренландии (§4, п. 1). Вместе с тем, уже упомянутому министру общественных инноваций давалось право принятия необходимых решений в случае перехода служащего на должность, с менее низким пенсионным окладом (§4, п. 2); увеличить окладную ставку для расчета пенсии в некоторых случаях (§4, п. 3), а также в иных случаях (§4, п. 4). Законом установлен состав персональной пенсии чиновника (§5); возможность получения полной пенсии в случаях потери трудоспособности до 1/3 (§6); право на персональную пенсию при нетрудоспособности, вызванной травмой при исполнении служебных обязанностей, но за исключением случаев получения травмы в состоянии опьянения (§7).

Весьма интересной является требование, согласно которому должностной лицо, находящееся в отставке по состоянию здоровья и не достигшее 60 лет, вновь ставится пригодным к службе, такое лицо обязывалось восстановиться на прежней, или иной подходящей должности (§8, п. 1). При этом, если вышедшее на пенсию по состоянию здоровья не предоставляло сведения о состоянии своего здоровья, его пенсия может быть аннулирована (§8, п. 2), как и в случае устройства на работу, которая входит в его пенсионный стаж (§9).

Законом сохранена, при определенных условиях, возможность получения пенсии за супругом (супругой) умершего должностного лица (§§10-12), детские пенсии (§§13-15).

С введением в закон о пенсиях госслужащих гл. «3а», установлен порядок назначения пенсий для государственных служащих, нанятых по срочному контракту, предусматривающий особые надбавки к пенсии за каждый год срочной службы и иные льготы (§ 15 а.).

Развиты также нормы, регулирующие пособия и выплаты по потере кормильца (гл. 4); отложенной пенсии (гл. 5 §§20-21), в том числе при работе на государственной должности в ЕС (§22); корректировки пенсий (гл. 6).

Особые правила в отношении гражданских служащих, работающих в Гренландии, гренландском самоуправлении или муниципалитете, в новой версии закона лишь более тщательно систематизированы (гл. 7 а); специальные правила для государственных служащих-нерезидентов (гл. 7) отменены; за лицами, не имеющими датского гражданства, но работающих на тех же условиях, что и государственные служащие, сохранили свои права в области пенсионного обеспечения (§ 35, п. 1).

Кроме того, гражданские служащие, на которых распространяется действие соглашения между Северными странами о координации пенсионных прав в рамках государственных пенсионных планов [9; 10], должны рассматриваться для целей пенсионного обеспечения в соответствии с положениями, соответствующими положениям, применимым к государственным служащим Дании (§ 35, п. 2).

Также закон установил необходимость и правила перерасчета возраста выхода на пенсию для некоторых гражданских служащих (§§ 37-37а), установлены иные дополнительные и уточняющие нормы.

Не ставя перед собой задачу исключительно анализа собственно пенсионной системы государственной службы рассматриваемого периода, укажем лишь очевидные, по нашему мнению, тенденции.

Во-первых, законодателем более не использована чрезмерная классификация должностей, ранее выдвинутая на одно из первых мест. Вместе с этим существенно изменился объем возможных надбавок и доплат в зависимости от класса государственного служащего.

Во-вторых, более тесная привязка государственной службы и всей пенсионной системы к Дании, в связи с переходом после 2009 г. под управление зон ответственности (служб), ранее находившихся исключительно под контролем и управлением Копенгагена. Нуук оказался неготовым материально и на уровне законотворчества разрешить данную проблему самостоятельно. Более того, участие Гренландии как составной части Дании в различных соглашениях между Северными странами, в том числе по пенсионным вопросам, сохранило и даже закрепило данное направление правового регулирования преимущественно за Данией.

В результате, через финансирование и регулирование, Копенгаген сохранил за собой контроль над важнейшими сферами государственной службы в Гренландии.

В-третьих, следует отметить существенно возросший уровень охвата именно государственной службой населения в Гренландии, в связи с тем, что к ней были привязаны муниципальные институты, церковь, система образования и т.п.

Кроме того, ранее происходившее отделение (попытка самостоятельного развития) систем государственной службы, а вместе с ней и пенсионной системы факти-

чески нивелировалась растворением гренландцев в общей массе государственных служащих Дании. Ярким подтверждением тому – издание общегосударственных законов о государственной службе и пенсиях после 2009 г.

В-четвертых, произошло окончательное разделение собственно политической деятельности в Гренландии (Ландстинг, правительство и министерства, т.п.) и государственной службы. Это вызвано, с одной стороны, формированием зрелой политической системы гренландского самоуправления, а с другой – эволюцией института государственной службы Дании в новых условиях.

Список литературы:

1. Lov om Grønlands Selvstyre. LOV nr 473 af 12/06/2009. – URL: Selvstyreloven (дата обращения: 12.10.2024).
2. Хрущев Р. С. Становление домашнего самоуправления Гренландии во второй половине XX – начале XXI вв.: Историко-правовое исследование / под. ред. Б. В. Змерзлого. – Москва : Пробел-2000, 2024. – С. 99-114.
3. Bekendtgørelse af lov om statens tjenestemænd i Grønland. 14. november 2015. Nr. 129. Lovtidende A 2015 Udgivet den 26. november 2015. – URL: A20150129129.pdf (дата обращения: 12.10.2024)
4. Bekendtgørelse af lov om statens tjenestemænd i Grønland. 14. november 2015. Nr. 129. Lovtidende A 2015 Udgivet den 26. november 2015. – S. 1. – URL: A20150129129.pdf (дата обращения: 12.10.2024)
5. Lov nr. 463 af 12. juni 2009 om visse personalemæssige forhold i forbindelse med overdragelse af sagsområder til Grønlands Hjemmestyre. – URL: Lov om visse personalemæssige spørgsmål i forbindelse med Grønlands Selvstyres overtagelse af sagsområder (retsinformation.dk) (дата обращения: 12.10.2024)
6. Forslag til lov om ændring af lov om pension til statens tjenestemænd m.fl. i Grønland 1987. – URL: 19871_L94_som_vedtaget.pdf (folketingstidende.dk) (дата обращения: 12.10.2024)
7. 14. november 2015. Nr. 1292. Bekendtgørelse af lov om pension til statens tjenestemænd m.v. i Grønland. – URL: A20150129229.pdf (дата обращения: 12.10.2024).
8. Bekendtgørelse af lov om pension til statens tjenestemænd m.v. i Grønland 18.05.2017. – URL: A20170052029 (2).pdf (дата обращения: 12.10.2024).
9. BEK No 13 от 14.01.2004. Dekret om samordning af pensioner omfattet af den nordiske pensionsaftale. – URL: Bekendtgørelse om samordning af pensioner, der er omfattet af den nordiske pensionsoverenskomst (retsinformation.dk) (дата обращения: 12.10.2024)
10. Overenskomst mellem Danmark, Finland, Island, Norde og Sverige om samordning af pensinsrettigheder ifølge statalige pensionsordning. – URL: nordisk-pensionsoverenskomst.pdf (medst.dk) (дата обращения: 12.10.2024).

Protsenko A. S. Evolution of the institution of public service in Greenland under conditions of broad self-government // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 65-72.

The article examines the evolution of the legal regulation of the civil service in Greenland after the introduction of broad self-government in 2009. It is stated that the basis for this activity was both the legislation of the Kingdom of Denmark itself and the Greenlandic legal framework and practice already established between 1953 and 2008. It has been established that the most important instruments of the initial legal regulation were the Consolidated Act on Civil Servants in Greenland No. 574 of 5 August 1991, as amended by Act No. 365 of 2 June 1999, section 4, Act No. 1264 of 20 December 2000, Act No. 1426 of 22 December 2004, section 1, Act No. 249 of 31 March 2009 and Act No. 463 of 12 June 2009, section 4, which regulated the issues of remuneration and conditions of employment and pensions. The main source of regulation of the problem under study was the Consolidated Civil Service Act of 2005, as amended in 2021. An important role in this system was played by the Danish Minister of Finance, with whom all the authorities and agencies concerned had to agree on all the necessary regulations, as well as by the Special Civil Service Court (Tribunal) in Nuuk, the capital of Greenland. The evolution of pension security is presented by the 2008, 2015 and 2017 Acts, which are characterised by a high level of social security for civil servants.

Keywords: kingdom of Denmark, home rule, Greenland, civil servants, pension and social security, law.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 73–80.

УДК 342

ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ САНИТАРНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ В РСФСР С 1918 ПО 1927 ГГ.

Ратникова В. И.

Дальневосточный государственный университет путей сообщения

В статье рассматриваются вопросы становления санитарно-эпидемиологической службы в советский период российской государственности в период с 1918 по 1927 гг. Цель исследования – изучение историко-правового опыта по формированию органов государственной власти в сфере медико-санитарного дела с 1918 по 1927 гг. Отмечается, что на состояние деятельности государственных органов в области медико-санитарного дела существенно повлияли социальные и исторические факторы: массовое распространение эпидемических инфекционных заболеваний; низкий уровень жизни и гигиенических навыков населения; отсутствие единой санитарной службы; разрозненность законодательных актов; недостаток лекарственных средств и первые этапы формирования фармацевтической промышленности. Наряду с масштабной законодательной деятельностью, единственно верным путём виделось просвещение в области здоровья и гигиены граждан, пропагандирование облика нового человека, обладающего не только высоким уровнем интеллектуального, но и физического развития. В работе выделены отдельные органы и учреждения, отвечающие в период с 1918 по 1927 гг. за претворение политики государства в области медико-санитарного дела, для чего устанавливалось определённое количество и наименование должностей. Отдельное внимание уделялось таким важным объектам, с точки зрения общественного здоровья, как организация учреждений для детей, строительство и эксплуатация железнодорожных путей, и координация иных способов перевозок, государственная граница.

Ключевые слова: санитарно-эпидемиологическая служба, Народный комиссариат здравоохранения, санитарное дело, медико-санитарное дело, РСФСР, эпидемии инфекционных заболеваний, конституции, декреты, здравоохранение, народное здоровье.

Становление санитарно-эпидемиологической службы в Российской Советской Федеративной Социалистической Республике (РСФСР) связано с разрешением множества государственных задач по созданию единой системы улучшения народного здоровья. Ситуация осложнялась масштабными эпидемиями чумы, натуральной оспы, сыпного тифа, шестой пандемией холеры и других особо опасных инфекционных заболеваний; отсутствием медико-технического оснащения, лекарственного обеспечения и научного медицинского знания по выявлению, диагностике, профилактике и лечению тяжёлых и быстро распространяющихся карантинных инфекций; несогласованностью государственных и ведомственных органов, отвечающих за здравоохранение; дуализмом и разрозненностью нормативно-правовых актов в сфере санитарно-эпидемиологической службы, оказания фармацевтической и медицинской помощи.

Требовалось срочное правовое обоснование для создания структуры в государственном аппарате управления, отвечающей за санитарный надзор, мониторинг инфекционных заболеваний, их профилактику и лечение, выявление заболевших и их изоляцию, а также другую противоэпидемическую работу.

Основные принципы устройства государства РСФСР были определены в первой Конституции РСФСР от 10.07.1918 [1]. Вся власть в центре и на местах в РСФСР принадлежала Всероссийскому съезду Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов, а в период между съездами – Всероссийскому

центральному исполнительному комитету советов (далее – ВЦИК), который избирался и подчинялся съезду. ВЦИК являлся высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом РСФСР. Для общего управления делами РСФСР ВЦИК образовывал Совет народных комиссаров. В число последних вошёл Народный комиссариат здравоохранения.

С 15 по 18 июня 1918 г. состоялся I Всероссийский съезд медико-санитарных отделов, на котором обсуждались первоочередные проблемы здравоохранения. При этом отдельно рассматривались вопросы санитарно-просветительской деятельности в различных формах: беседы, лекции, выставки, брошюры о профилактических прививках, плакаты по сыпному тифу и т.д. Уделялось внимание подготовке специалистов в области санитарного и санитарно-технического дела в короткие сроки.

Декрет Совета народных комиссаров РСФСР «О Народном комиссариате здравоохранения» был принят 11.07.1918 г. [2] Народный комиссариат здравоохранения РСФСР стал центральным медицинским органом, руководящим всем медико-санитарным делом Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. В дальнейшем Народный комиссариат здравоохранения РСФСР был организован не только в центре, но и на местах. Ими стали отделы здравоохранения, занимающиеся врачебно-санитарным делом при губернских, городских и уездных исполкомах [3].

Первоначально санитарно-эпидемической работой занимались входящие в структуру Народного комиссариата здравоохранения Военно-санитарный и Школьно-санитарный отделы, а также Центральный Медико-санитарный совет. Помимо них такую деятельность выполняли другие отделы. Например, Врачебно-санитарная служба военно-дорожных организаций комитета государственных сооружений как орган Страховой медицины [4]; секция Борьбы с социальными болезнями; Санитарно-эпидемиологическая секция.

Задачами Отдела школьной санитарии Народного комиссариата просвещения стали вопросы, касающиеся здравия учащихся, гигиены школ и др., под общим контролем Народного комиссариата здравоохранения и постоянного сотрудника. Он организовывал мероприятия по предупреждению и борьбе с эпидемиями, меры гигиены в школах, а также нёс ответственность за санаторно-курортное дело [5].

Функциями Военно-санитарного отдела НКЗ стали следующие: противоэпидемические, фармацевтические, медицинского снабжения, санитарно-курортные, психиатрические, санитарные, статистические, и другие [6]. В пределах боевых действий военно-санитарные органы и учреждения находились в подчинении местным военно-санитарным властям.

В октябре 1918 г. Центральный Медико-санитарный совет путей сообщения преобразовался в самостоятельный Отдел Народного комиссариата здравоохранения, руководящий всем медико-санитарным делом на железных дорогах, направляющий деятельность подведомственных ему Медико-санитарных советов всех железных дорог, в том числе и Отдела Санитарно-врачебной помощи [7]. С 1.10.1924 г. медико-санитарные организации, обслуживающие железнодорожные, речные и морские пути сообщения были переданы в ведение Народных комиссариатов здравоохранения республик. С 13.06.1919 г. организация

медико-санитарной помощи флоту перешло в Народный комиссариат здравоохранения на правах самостоятельного отдела [8].

Таким образом, санитарные органы были разделены по важным для страны сферам деятельности – образовательная, военная, путевая. Однако только органами и секциями советские власти не ограничились. Так, 08.11.1919 г. было принято постановление об образовании временной особой Всероссийской комиссии по улучшению санитарного состояния республики РСФСР [9]. Согласно данному акту, при органах Народного комиссариата здравоохранения могли образовывать местные комиссии, которые наряду с Всероссийской, обязаны были наблюдать и контролировать проведение в жизнь всех мероприятий по санитарии и деятельность медико-санитарного персонала. Ими учитывались санитарные состояния лечебных учреждений, приютов, тюрьмы, бань, парикмахерских, столовых, гостиниц и других. Так как антибиотики и многие другие лекарственные средства, способствующие профилактике и лечению инфекционных заболеваний, ещё не были изобретены и не применялись, а имеющихся медикаментов не хватало из-за отсутствия должного уровня фармацевтического производства, большее внимание уделялось санитарному просвещению, здоровью, питанию, чистоте, гигиене, как личной, так и социальной.

Комиссии имели право возбуждать через Народный комиссариат здравоохранения требования об отстранении от должности лиц медико-санитарного или административного персонала в случаях саботажа или злоупотреблений и т. д.

Не обошли вопросы здравоохранения в Программе Российской коммунистической партии (большевиков), принятой на VIII съезде в 1919 г. [10] уделялось огромное внимание оздоровительным и санитарным мерам, как основе деятельности в области охраны народного здоровья. Первоочередными санитарными задачами стали:

- проведение широких санитарных мероприятий, которые включали оздоровление населённых мест, а именно почвы, воды и воздуха; организацию общественного питания на основе научно-гигиенических знаний; предупреждение развития и распространения заразных инфекционных и венерических болезней; создание санитарного законодательства;
- борьба и предупреждение развития социальных болезней: туберкулеза, «венеризма», так тогда называли сифилис и другие венерические болезни, алкоголизма и т. д.);
- обеспечение общедоступной, бесплатной и квалифицированной лечебной и лекарственной помощи.

В 1920 г. стали появляться Дома санитарного просвещения, в которых проводили клубы по пропаганде гигиены. В целях проведения санитарно-эпидемиологических мероприятий предусматривалось повсеместное создание заразных бараков, дезинфекционных лабораторий, изоляционных домов, санитарно-пропускных пунктов на границах и путях сообщения, домов санитарного просвещения, противотуберкулёзных и венерических диспансеров в уездах и городах [12, с. 78-79].

С 1921 г. при здравотделах стали создавать межведомственные санитарно-просветительные комиссии, знакомившие население с основными правилами санитарии и гигиены. С 15 по 20 марта 1921 г. прошло первое Всероссийское

совещание по санитарному просвещению, на котором установили, что необходима дальнейшая эмпирическая разработка методов санитарного просвещения. 3-8 мая 1922 г. состоялся VI Всероссийский съезд бактериологов и эпидемиологов, давший начало широкой противоэпидемической деятельности и развитию бактериологической службы страны, включая организацию научно-исследовательских институтов.

15.09.1922 г. издан декрет Совета народных комиссаров РСФСР «О санитарных органах республики» [11]. В нём был очерчен круг задач санитарных органов при Народном комиссариате здравоохранения: санитарная охрана воды, воздуха и почвы; санитарная охрана жилищ; санитарная охрана пищевых продуктов; организация противоэпидемических мероприятий; организация борьбы с социальными болезнями; охрана здоровья детей; санитарная статистика; санитарное просвещение; участие в вопросах санитарной охраны труда и общей организации лечебно-санитарного дела.

Губернские отделы здравоохранения устанавливали общий план санитарной и противоэпидемической работы на местах. В зависимости от числа жителей устанавливались должности работников санитарного дела: в губернском центре 3 должности санитарных врачей для обслуживания по общей санитарии, эпидемическому делу, санитарной статистике и других, указанных задач; в уездах с числом жителей до 200.000 чел. – одна должность санитарного врача и одна должность санитарного помощника; в уездах с числом жителей свыше 200.000 человек – добавляется ещё одна должность санитарного врача. Помимо них должен быть предусмотрен 1 должность жилищно-санитарного инспектора на каждые 25 тыс. жителей и 1 должность санитарно-пищевого врача на каждые 100 тыс. жителей. Указанные нормы могли быть снижены.

Санитарные врачи наделялись существенными правами: входа как в общественные, так и частные здания, строения и сооружения для осмотра; выемок материалов и продуктов для микробиологического и химического анализа; представления оснований о наложении взысканий в административном порядке; внеочередной покупки билетов в пределах места службы; предъявления требования по благоустройству. Санитарный врач имел право через местные отделы управления закрыть предприятие или здание до разбора дела в народном суде. Военные части также могли быть осмотрены, при согласовании с их начальниками и обслуживающим врачебно-санитарным персоналом.

В декабре 1922 г. I съезд Советов СССР утвердил Декларацию и Договор об образовании СССР. Официальное оформление единого Советского государства произошло 31.01.1924 г. при утверждении первой Конституции СССР [13]. В целях руководства отдельными отраслями государственного управления, входящими в круг ведения СНК СССР, были образованы 10 народных комиссариатов, среди которых Народный комиссариат здравоохранения не значился. Различали общесоюзные народные комиссариаты – единые для всего СССР и объединенные народные комиссариаты СССР. В п. 67 Конституции СССР 1924 г. устанавливалось, что центральные исполнительные комитеты союзных республик образуют исполнительные органы – советы народных комиссаров, куда вошёл НКЗ.

Конституция РСФСР 1925 г. закрепила Народный комиссариат здравоохранения как одно из 11 учреждений, осуществляющих государственное управление по

вопросам, входящим в круг ведения Совета народных комиссаров РСФСР [14]. Позже вышел Декрет ВЦИК об общем положении о Народных комиссариатах РСФСР [15]. НКЗ вошёл в перечень необъединённых Народных комиссариатов РСФСР, которые непосредственно подчиняются ВЦИК, его Президиуму и Совету народных комиссаров РСФСР.

Стоит отметить, что отдельное внимание стали уделять санитарной охране государственных границ. 10.03.1925 г. СНКСССР принял положение о санитарной охране морских границ СССР [16], которое просуществовало до принятия Временного положения о санитарной охране границ СССР в 1926 г. [17]. Помимо этого, Правительством СССР была ратифицирована Международная санитарная конвенция от 21.07.1926 г. (г. Париж).

В соответствии с положениями, санитарная охрана границ имела целью предупреждение заноса заразных болезней из-за границы в СССР и из СССР за границу, таких карантинных инфекций, как чума, холера, жёлтая лихорадка, сыпной и брюшной тиф и натуральная оспа. В связи с этим учреждались врачебно-наблюдательные станции и пункты, а также был введён санитарный патент, как официальное удостоверение о благополучном или неблагополучном состоянии здоровья людей.

Вместе с тем, претворению мероприятий в должном объёме и качестве мешала разрозненность нормативных актов, так как принималось большое количество циркуляров, инструкций, положений и пр. в области медико-санитарного дела. В результате Народный комиссариат здравоохранения РСФСР в 1926 г. издал сборник важнейших законов и распоряжений по вопросам санитарно-профилактического дела «Санитарное законодательство». В него вошли такие отделы, как жилищно-коммунальная санитария, гигиена питания, заразные болезни, борьба с социальными болезнями, борьба с профессиональными заболеваниями и санитарная охрана труда, санитарная статистика, санитарное просвещение, охрана здоровья детей и подростков, охрана материнства и младенчества. Санитарное дело в лечебных и курортных учреждениях, сывороточно-вакцинное и лабораторное дело, усовершенствование санитарных врачей, иные законоположения.

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об утверждении Положения о Народном комиссариате здравоохранения» (далее – НКЗ) было принято 28.03.1927 г. В нём закреплялось распространение ведения НКЗ РСФСР на всю территорию СССР [18].

В ведение НКЗ вошли: организация и руководство санитарным делом в Республике и проведение общесанитарных мероприятий по предупреждению заболеваемости населения, в частности, разработка вопросов санитарного благоустройства городов и селений и руководство проведением санитарно-гидротехнических мероприятий; организация санитарного просвещения и проведение санитарно-просветительных мероприятий; снабжение санитарных учреждений медикаментами, инструментарием и прочим медицинским имуществом; организация и руководство медико-санитарным делом на эксплуатируемых и строящихся железных дорогах и на водных путях сообщения на территории РСФСР; мероприятия по санитарной охране сухопутных и морских границ от занесения эпидемий; организация и руководство медико-санитарным делом в местах лишения свободы.

В состав НКЗ стали входить другие Управления, в частности: Санитарно-профилактическое, Медико-санитарное путей сообщения, Военно-Санитарное Красной армии. При нём также состояли Центральная эпидемическая комиссия и Центральная санитарно-статистическая комиссия. Разделение на отделы производилось постановлением комиссариата в пределах штатов.

Таким образом, в сложной эпидемической и санитарной обстановке, в исторической период гражданской войны и экономической разрухи, дефицита лекарственных средств профилактики и лечения инфекций, Советские власти использовали все доступные правовые механизмы в период 1918 – 1927 гг., чтобы предотвратить возникновение новых заболеваний, и уменьшить количество уже возникших эпидемий, как натуральная оспа, брюшной и сыпной тиф, туберкулёз и других. В основу формирования государственной санитарно-эпидемиологической службы легли такие принципы, как государственный характер санитарного дела [19], централизация и специализация. Особое внимание государственные органы власти уделяли организации санитарной охраны окружающей среды: воды, воздуха и почвы; санитарной охраны жилища и пищевых продуктов; организации противоэпидемических мероприятий и борьбы с социальными болезнями. Охрана здоровья детей предусматривала просветительскую работу с родителями, защиту детей путём организации детских образовательных, лечебных, санаторных учреждений.

Стоит отметить, что система действенных санитарно-эпидемических мероприятий была развёрнута на основе приятых нормативно-правовых актов РСФСР и СССР не только внутри страны, обеспечивая поддержание общественного здоровья, наличие лекарственных средств и строительство медицинских учреждений. Одновременно с этим, грамотно построенная внешняя санитарная политика по отношению к участникам и грузам, пересекающим государственную границу, гарантировала безопасность страны в сфере эпидемиологии, санитарии и гигиены.

Список литературы:

1. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10.07.1918. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 01.02.2024).
2. О Народного комиссариата здравоохранения»: Декрет СНК от 18.07.1918. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 01.02.2024).
3. Подлинные положения и инструкции об организациях и учреждениях подведомственных Народному комиссариату здравоохранения РСФСР // ГАРФ. – Ф. А-482. – Оп. 1. – Д. 509. – Л. 1-58.
4. Приложение к циркуляру № 5. Положение о врачебно-санитарной службе военно-дорожных организаций Комитета Государственных Сооружений. – URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/153074-prilozhenie-k-tsirkulyaru-locale-nil-5-polozhenie-o-vrachebno-sanitarnoy-sluzhbe-voenno-dorozhnyh-organizatsiy-komiteta-gosudarstvennyh-sooruzheniy (дата обращения: 01.02.2024).
5. Об Отделе Школьной Санитарии Народного Комиссариата Здравоохранения и об Отделах Школьной Санитарии Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов (Положение): Постановление Наркомздрава РСФСР, Наркомпроса РСФСР от 20.09.1918. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 01.02.2024).
6. О слиянии Военно-Санитарного Управления с Народным Комиссариатом Здравоохранения (Положение): Постановление СНК РСФСР от 29.08.1918. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 01.02.2024).
7. О Медико-Санитарном Отделе Путей Сообщения при Народном Комиссариате Здравоохранения: Постановление Народных Комиссариатов Здравоохранения и Путей Сообщения от 19.10.1918 // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917-1918 гг. – Москва, 1942. – Ст. 817.

8. О переходе Управления Санитарной частью Флота в ведение Народного Комиссариата Здравоохранения: Постановление Народного Комиссариата Здравоохранения и Революционного Военного Совета Республики от 13.06.1919 // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1919 г. – Москва, 1943. – Ст. 323.
9. Нестеренко А. И. Из деятельности особой Всероссийской комиссии по улучшению санитарного состояния Республики // Гигиена и санитария. –1972. – № 6. – С. 56-58.
10. VIII съезд Российской Коммунистической Партии (большевиков). – URL: http://museumreforms.ru/node/13768 (дата обращения: 01.02.2024).
11. О санитарных органах республики: Декрет Совета народных Комиссаров от 15.09.1922 // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1922 г. Отдел первый. – Москва, 1950. – Ст. 1004.
12. Голубев А. А. Правовое регулирование отечественного здравоохранения в 1917-1941 гг. : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Голубев Андрей Александрович; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. – Москва, 2010. - 214 с.
13. Об утверждении Основного Закона (Конституции) Союза Советских Социалистических Республик: Постановление II Съезда Советов СССР от 31.01.1924. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 01.02.2024).
14. Об утверждении текста Конституции (Основного Закона) РСФСР: Постановление XII Всероссийского Съезда Советов от 11.05.1925. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 01.02.2024).
15. Общее положение о Народных комиссариатах РСФСР: Декрет ВЦИК от 17.08.1925. – URL: https://e-ecolog.ru/docs/wvpvTCy_EStZUwrkRJOG7 (дата обращения: 01.02.2024).
16. Положение о санитарной охране морских границ Союза Советских Социалистических Республик: Постановление СНК СССР от 10.03.1925. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 01.02.2024).
17. Об утверждении Временного положения о санитарной охране границ Союза ССР: Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 30.04.1926. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 01.02.2024).
18. Об утверждении положения о Народном комиссариате здравоохранения: Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 28.03.1927 // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3241.htm. (дата обращения: 01.02.2024).
19. Беляев Е. Н. Роль Н.А. Семашко в становлении государственной санитарно-эпидемиологической службы РСФСР (к 90-летию принятия декрета СНК "О санитарных органах республики") // Российская академия медицинских наук. Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья. – 2012. – № S1. – С. 27-29.

Ratnikova V. I. Formation of the state sanitary and epidemiological service in the RSFSR from 1918 to 1927 // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 73–80.

The article examines the issues of the formation of the sanitary-epidemiological service during the Soviet period of Russian statehood in the period from 1918 to 1927. The purpose of the study is to study the historical and legal experience in the formation of public authorities in the field of health care from 1918 to 1927. It is noted that the state of activity of government bodies in the field of health care was significantly influenced by social and historical factors: the massive spread of epidemic infectious diseases; low standard of living and hygiene skills of the population; lack of a unified sanitary service; fragmentation of legislative acts; shortage of medicines and the first stages of the formation of the pharmaceutical industry. Along with large-scale legislative activity, the only right way was seen to be education in the field of health and hygiene of citizens, promoting the appearance of a new person, possessing not only a high level of intellectual, but also physical development. The work highlights individual bodies and institutions responsible in the period from 1918 to 1927. for the implementation of state policy in the field of health care, for which a certain number and name of positions were established. It was noted that special attention was paid to such important objects, from the point of view of public health, as the organization of institutions for children, the construction and operation of railways, and the coordination of other means of transportation, the state border.

Keywords: sanitary and epidemiological service, People's Commissariat of Health, sanitary affairs, medical and sanitary affairs, RSFSR, epidemics of infectious diseases, constitutions, decrees, healthcare, public health.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Socialisticheskoj Federativnoj Sovetskoj Respubliki: prinyata V Vserossijskim S"ezdom Sovetov v zasedanii ot 10.07.1918. – URL: https://www.consultant.ru (data obrashcheniya: 01.02.2024).
2. O Narodnogo komissariata zdravoohraneniya»: Dekret SNK ot 18.07.1918. – URL: https://www.consultant.ru (data obrashcheniya: 01.02.2024).
3. Podlinnye polozheniya i instrukcii ob organizaciyah i uchrezhdeniyah podvedomstvennyh Narodnomu komissariatu zdravoohraneniya RSFSR // GARF. – F. A-482. – Op. 1. – D. 509. – L. 1-58.

4. Prilozhenie k cirkulyaru № 5. Polozhenie o vrachebno-sanitarnoj sluzhbe voenno-dorozhnyh organizacij Komiteta Gosudarstvennyh Sooruzhenij. – URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/153074-prilozhenie-k-tsirkulyaru-locale-nil-5-polozhenie-o-vrachebno-sanitarnoy-sluzhbe-voenno-dorozhnyh-organizatsiy-komiteta-gosudarstvennyh-sooruzheniy (data obrashcheniya: 01.02.2024).
5. Ob Otdele Shkol'noj Sanitarii Narodnogo Komissariata Zdravoohraneniya i ob Otdelah Shkol'noj Sanitarii Sovetov Rabochih i Krest'yanskih Deputatov (Polozhenie): Postanovlenie Narkomzdrava RSFSR, Narkomprosa RSFSR ot 20.09.1918. – URL: https://www.consultant.ru (data obrashcheniya: 01.02.2024).
6. O sliyanii Voenno-Sanitarnogo Upravleniya s Narodnym Komissariatom Zdravoohraneniya (Polozhenie): Postanovlenie SNK RSFSR ot 29.08.1918. – URL: https://www.consultant.ru (data obrashcheniya: 01.02.2024).
7. O Mediko-Sanitarnom Otdele Putej Soobshcheniya pri Narodnom Komissariate Zdravoohraneniya: Postanovlenie Narodnyh Komissariatov Zdravoohraneniya i Putej Soobshcheniya ot 19.10.1918 // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva za 1917-1918 gg. – Moskva, 1942. – St. 817.
8. O perekhode Upravleniya Sanitarnoj chast'yu Flota v vedenie Narodnogo Komissariata Zdravoohraneniya: Postanovlenie Narodnogo Komissariata Zdravoohraneniya i Revolyucionnogo Voennogo Soveta Respubliki ot 13.06.1919 // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva za 1919 g. – Moskva, 1943. – St. 323. 9. Nesterenko A. I. Iz deyatel'nosti osoboj Vserossijskoj komissii po uluchsheniyu sanitarnogo sostoyaniya Respubliki // Gigiena i sanitariya. –1972. – № 6.
10. VIII s"ezd Rossijskoj Kommunisticheskoj Partii (bol'shevikov). – URL: http://museumreforms.ru/node/13768 (data obrashcheniya: 01.02.2024).
11. O sanitarnyh organah respubliki: Dekret Soveta narodnyh Komissarov ot 15.09.1922 // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva za 1922 g. Otdel pervyj. – Moskva, 1950. – St. 1004.
12. Golubev A. A. Pravovoe regulirovanie otechestvennogo zdravoohraneniya v 1917-1941 gg. : dissertaciya ... kandidata yuridicheskih nauk : 12.00.01 / Golubev Andrej Aleksandrovich; [Mesto zashchity: Mosk. gos. un-t im. M.V. Lomonosova]. – Moskva, 2010.
13. Ob utverzhdenii Osnovnogo Zakona (Konstitucii) Soyuza Sovetskih Socialisticheskih Respublik: Postanovlenie II S"ezda Sovetov SSSR ot 31.01.1924. – URL: https://www.consultant.ru (data obrashcheniya: 01.02.2024).
14. Ob utverzhdenii teksta Konstitucii (Osnovnogo Zakona) RSFSR: Postanovlenie XII Vserossijskogo S"ezda Sovetov ot 11.05.1925. – URL: https://www.consultant.ru (data obrashcheniya: 01.02.2024).
15. Obshchee polozhenie o Narodnyh komissariatah RSFSR: Dekret VCIK ot 17.08.1925. – URL: https://e-ecolog.ru/docs/wvpvTCy_EStZUwrkRJOG7 (data obrashcheniya: 01.02.2024).
16. Polozhenie o sanitarnoj ohrane morskih granic Soyuza Sovetskih Socialisticheskih Respublik: Postanovlenie SNK SSSR ot 10.03.1925. – URL: https://www.consultant.ru (data obrashcheniya: 01.02.2024).
17. Ob utverzhdenii Vremennogo polozheniya o sanitarnoj ohrane granic Soyuza SSR: Postanovlenie CIK SSSR, SNK SSSR ot 30.04.1926. – URL: https://www.consultant.ru (data obrashcheniya: 01.02.2024).
18. Ob utverzhdenii polozheniya o Narodnom komissariate zdravoohraneniya: Postanovlenie VCIK i SNK RSFSR ot 28.03.1927 // Biblioteka normativno-pravovyh aktov Soyuza Sovetskih Socialisticheskih Respublik. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3241.htm. (data obrashcheniya: 01.02.2024).
19. Belyaev E. N. Rol' N.A. Semashko v stanovlenii gosudarstvennoj sanitarno-epidemiologicheskoj sluzhby RSFSR (k 90-letiyu prinyatiya dekreta SNK \"O sanitarnyh organah respubliki\") // Rossijskaya akademiya medicinskih nauk. Byulleten' Nacional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya. – 2012. – № S1. – S. 27-29.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 81–93.

УДК 341.161

МЕЖДУНАРОДНЫЕ МЕДИКО-САНИТАРНЫЕ ПРАВИЛА: ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ О НОВОЙ РЕДАКЦИИ

Сафронова Е. В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Юго-Западный государственный университет

Работа посвящена анализу новой редакции Международных медико-санитарных правил (далее ММСП), принятой на 77 сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения 1 июня 2024 г. Проведенное исследование позволило установить, что поправки к ММСП 2005 г. принимались с нарушением ст. 60 Устава (Конституции) ВОЗ, ст. 15 Правил процедуры Всемирной ассамблеи здравоохранения, п. 2 ст. 55 Международных медико-санитарных 2005 г. Содержание документа анализировалось на предмет соответствия национальным интересам Российской Федерации. Анализ показал, что текст Международных медико-санитарных правил 2005 г. с внесёнными поправками, противоречит публичному порядку и национальным интересам России, содержит большое число положений, которые с высокой вероятностью могут оказать крайне негативное влияние на обеспечение национальных интересов в сферах здравоохранения и национальной безопасности Российской Федерации. Автор пришел к выводу, что Российская Федерация должна воспользоваться своим правом, закрепленном в ст. 59, 61 и 62 Международных медико-санитарных правил (2005 г.) и ст. 21 Устава (Конституции) ВОЗ (1946 г.) и отклонить новую редакцию ММСП.

Ключевые слова: международное право, международные медико-санитарные правила, пандемическое соглашение, Всемирная организация здравоохранения, Всемирная ассамблея здравоохранения.

Введение. Объектом проведённого исследования и составленного по его итогам настоящего заключения является документ № A77/A/CONF./14 от 1.06.2024 г. «Международные медико-санитарные правила (2005 г.) с внесёнными поправками»[1].

Предметом проведённого исследования и составленного по его итогам настоящего заключения являются содержание и направленность Международных медико-санитарных правил 2005 г. с внесёнными поправками (именуемых далее «ММСП» или «Правила»), мера их соответствия публичному порядку и национальным интересам Российской Федерации, закреплённым в законодательстве Российской Федерации, прежде всего - в Конституции Российской Федерации.

Подготовка документа, его обсуждение, различные редакции проанализированы автором в серии статей [Сафронова, 2023; Сафронова, 2023; Сафронова, 2023; Сафронова, Петрищева, 2023; Сафронова, 2024].

Методология исследования. Поскольку абсолютно доминирующая предметно-объектная область настоящего исследования относится именно и исключительно к сфере правовой науки и правовой прикладной аналитики, в проведённом исследовании были задействованы не только общенаучные методы и общеаналитические методы, но и частнонаучные правоведческие методы, а также частно аналитические методы правовой прикладной аналитики [Понкин, 2023; Понкин, Лаптева, 2023; Понкин 2024].

[1] Международные медико-санитарные правила (2005 г.) с внесенными поправками № A77/A/CONF./14 от 1 июня 2024 г. URL: //https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA77/A77_ACONF14-ru.pdf (дата обращения: 03.06.2024).

История вопроса. В 1951 г. государства – члены ВОЗ приняли первые Международные санитарные правила. Они содержали в основном положения о направлении уведомлений и организации карантина в связи со вспышками шести заболеваний: холеры, чумы, сыпного и возвратного тифов, натуральной оспы и желтой лихорадки. Правила были пересмотрены в 1969 г. и получили название Международных медико-санитарных правил (1969 г.). Их цель заключалась в том, чтобы «не нарушая международные перевозки и сообщения, гарантировать максимальную защиту от распространения болезней в международном масштабе». Дальнейшие поправки к Правилам были приняты в 1973 г. Количество заболеваний, на которые распространялись Правила, было сокращено до четырёх (холера, чума, натуральная оспа и жёлтая лихорадка). После ликвидации натуральной оспы в 1980 г. сфера действия Правил распространялась только на три заболевания: холеру, чуму и жёлтую лихорадку. В 2005 г. приняты новые Международные медико-санитарные правила[2]. Они вводили целый ряд революционных новаций, в числе которых, прежде всего, «безграничная» сфера применения: не конкретная «карантинная болезнь», а «болезнь или медицинское состояние, независимо от происхождения или источника, которое представляет или может представлять риск нанесения людям значительного вреда». В 2005 г. государства-участники взяли на себя обязательство, руководствуясь определёнными критериями, информировать ВОЗ о ситуациях в здравоохранении, которые могут иметь международное распространение. На Генерального директора ВОЗ была возложена основная роль при проведении карантинных мероприятий. Он был наделен правом объявления «чрезвычайной ситуации в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение», издания временных рекомендаций, учреждения ряда наднациональных органов, таких как: Комитет по чрезвычайной ситуации, Список экспертов по ММСП, Комитет по обзору.

В настоящее время ММСП представляют собой свод имеющих обязательную юридическую силу обязательств 196 государств-участников в отношении событий чрезвычайного характера в области общественного здравоохранения, сопряжённых с риском их распространения в международных масштабах. В мае 2022 г. Всемирная ассамблея здравоохранения приняла решение начать процедуру рассмотрения предлагаемых поправок к действующим Международным медико-санитарным правилам (2005 г.) (ММСП). Эта процедура осуществлялась Рабочей группой по поправкам к Международным медико-санитарным правилам (РГММСП). С 14.11.2022 г. по 24.05.2024 г. состоялось девять совещаний РГММСП. Поправки вносились в 33 статьи из 66; их содержание менялось. Итоговым стал документ № A77/A/CONF./14 от 1.06.2024 г. «Международные медико-санитарные правила (2005 г.) с внесёнными поправками»[3].

[2] Международные медико-санитарные правила (2005 г.). Второе издание. Всемирная организация здравоохранения, 2008. URL: https://www.morkniga.ru/files/shipowner/1597931529_Международные_медико-санитарные_правила_(2005_г.).pdf (дата обращения: 03.06.2024).

[3] Международные медико-санитарные правила (2005 г). с внесенными поправками № A77/A/CONF./14 от 1 июня 2024 г. URL: //https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA77/A77_ACONF14-ru.pdf (дата обращения: 03.06.2024).

Процедурные нарушения. В процессе переговоров и подготовки новой редакции Международных медико-санитарных правил (2005 г.) усматриваются *процедурные нарушения.*

Правила процедуры ВОЗ определяют ряд актов, в частности:

- Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения 1948 г.[4];
- Правила процедуры Всемирной ассамблеи здравоохранения[5];
- Правила процедуры Исполнительного комитета Всемирной организации здравоохранения[6];
- Международные медико-санитарные правила (2005 г.), вступившие в силу 15 июля 2007 г.[7] и др.

Эти документы представляют собой созданные государствами общеобязательные правила поведения, регулирующие отношения в рамках ВОЗ, направленные на создание и осуществление ее уставных функций и повышение эффективности деятельности. Будучи по своей сущности процессуальными, правила процедуры обладают всеми признаками норм международного права. Основная особенность правил процедуры заключается в их организационном характере. Они регулируют особые отношения, складывающиеся в процессе исполнения уставных материальных норм ВОЗ.

В соответствии со ст. 21 Устава (Конституции) ВОЗ ММСП представляют собой свод правил, имеющих обязательную юридическую силу для государств-участников в отношении событий в области общественного здравоохранения, сопряжённых с любым риском распространения в международных масштабах: *«Правила,*

---

[4] Устав (Конституция) принят Международной конференцией здравоохранения, проходившей в Нью-Йорке с 19 июня по 22 июля 1946 г., подписан 22 июля 1946 г. представителями 61 страны (Off. Rec. Wld Hlth Org., 2, 100) и вступил в силу 7 апреля 1948 г. Поправки, принятые Двадцать шестой, Двадцать девятой, Тридцать девятой и Пятьдесят первой сессиями Всемирной ассамблеи здравоохранения (резолюции WHA26.37, WHA29.38, WHA39.6 и WHA51.23), вступили в силу 3 февраля 1977 г., 20 января 1984 г., 11 июля 1994 г. и 15 сентября 2005 г. // Всемирная организация здравоохранения. URL: https://www.who.int/ru/about/governance/constitution (дата обращения: 03.06.2024).

[5] Текст, принятый Восьмой сессией Всемирной ассамблеи здравоохранения (резолюции WHA8.26 и WHA8.27), с поправками, внесенными на десятой, одиннадцатой, двенадцатой, тринадцатой, четырнадцатой, пятнадцатой, восемнадцатой, двадцатой, двадцать третьей, двадцать пятой, двадцать седьмой, двадцать восьмой, двадцать девятой, тридцатой, тридцать первой, тридцать второй, тридцать шестой, тридцать седьмой, сорок первой, сорок девятой, пятидесятой, пятьдесят седьмой, пятьдесят девятой, шестьдесят первой, шестьдесят шестой, шестьдесят седьмой, семидесятой и семьдесят второй сессиях Всемирной ассамблеи здравоохранения (резолюции WHA10.44, WHA11.24, WHA11.36, WHA12.39, WHA13.43, WHA14.46, WHA15.50, WHA18.22, WHA20.1, WHA20.30, WHA23.2, WHA25.50, WHA27.17, WHA28.69, WHA29.37, WHA30.1, WHA30.22, WHA31.9, WHA31.13, WHA32.12, WHA32.36, WHA36.16, WHA37.3, WHA41.4,WHA49.7, WHA50.18, WHA57.8, WHA59.18, WHA61.11, WHA66.18 и WHA67.2 и решенияWHA70(6), WHA72(21), WHA72(22) и WHA72(23)).

[6] Текст, принятый Исполнительным комитетом на его семнадцатой сессии (резолюция EB17.R63), с поправками, принятыми на его двадцатой, двадцать первой, двадцать второй, двадцать восьмой, тридцать первой, тридцать седьмой, пятьдесят третьей, пятьдесят седьмой, девяносто седьмой, сто второй, сто двенадцатой, сто двадцать первой, сто двадцать второй, сто двадцать шестой, сто тридцать второй, сто тридцать четвертой, сто сорок третьей и сто сорок четвертой сессиях (резолюции EB20.R24, EB21.R52, EB22.R11, EB28.R21, EB31.R15, EB37.R24, EB53.R29, EB53.R37, EB57.R38, EB97.R10, EB102.R1, EB112.R1, EB121.R1, EB122. R8, EB126.R8, EB132.R13 и решения EB134(3), EB143(7), EB144(3) и EB144(4)).

[7] Международные медико-санитарные правила (2005 г.). Второе издание. Всемирная организация здравоохранения, 2008. URL: https://www.morkniga.ru/files/shipowner/1597931529_Международные_медико-санитарные_правила_(2005_г.).pdf (дата обращения: 03.06.2024).

принимаемые в соответствии со статьёй 21, становятся обязательными для всех членов после того, как будет сделано должным образом оповещение об их принятии Ассамблеей здравоохранения, за исключением тех членов Организации, которые известят Генерального директора в указанный в оповещении срок об отклонении их или оговорках в отношении них».

В соответствии со ст. 60 Устава (Конституции) ВОЗ решение Комитета А, где обсуждались поправки, должно было приниматься в форме голосования *«большинством членов, присутствующих и участвующих в голосовании».* Однако данная **процедурная норма была проигнорирована**. Окончательный текст поправок принимался на основе консенсуса. В Проекте резолюции «Укрепление готовности и реагирования на чрезвычайные ситуации в области здравоохранения путём принятия адресных поправок в Международные медико-санитарные правила (2005 г.)», предложенным Францией, Индонезией, Кенией, Новой Зеландией, Саудовской Аравией и Соединёнными Штатами Америки, содержавшем предложение принять «*поправки к Международным медико-санитарным правилам (2005 г.)*», предложения об изменении процедуры принятия решения не содержалось.

Кроме того, в соответствии со ст. 15 Правил процедуры Всемирной ассамблеи здравоохранения *«Тексты всех докладов и других документов, относящихся к предварительной повестке дня любой сессии, размещаются в Интернете и рассылаются Генеральным директором членам и ассоциированным членам и участвующим межправительственным организациям одновременно с предварительной повесткой дня или не менее чем за шесть недель до начала очередной сессии Ассамблеи здравоохранения; соответствующие доклады и документы таким же порядком направляются неправительственным организациям, международным коммерческим ассоциациям и благотворительным фондам, состоящим в официальных отношениях с Организацией»*[8]. Документы должны быть опубликованы на всех официальных языках ВОЗ - английском, арабском, испанском, китайском, русском и французском. **Однако на русском языке до открытия 77 сессии ВАЗ текст поправок опубликован не был.**

Наконец, п. 2 ст. 55 Международных медико-санитарных правил 2005 г. предусматривает, что текст поправок должен быть передан государствам-участникам не позднее, чем за четыре месяца до сессии ВАЗ, чтобы они успели сформировать свою позицию по голосованию. «*Текст любой предложенной поправки,* - говорится в п. 2 статьи 55 ММСП, - *передаётся Генеральным директором всем государствам-участникам не позднее, чем за четыре месяца до сессии Ассамблеи здравоохранения, на которой предлагается её рассмотреть*»[9]. Данная **процедурная норма также была нарушена**.

27 мая в день открытия 77 сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения Генеральный директор препроводил записку Президиума Рабочей группы по

[8] Правила процедуры Всемирной ассамблеи здравоохранения // Основные документы ВОЗ Всемирная организация здравоохранения, 2014. URL: https://apps.who.int/gb/bd/PDF/bd48/basic-documents-48th-edition-ru.pdf?ua=1#page=9 (дата обращения: 03.06.2024).

[9] Международные медико-санитарные правила (2005 г.). Второе издание. Всемирная организация здравоохранения, 2008. URL: https://www.morkniga.ru/files/shipowner/1597931529_Международные_медико-санитарные_правила_(2005_г.).pdf (дата обращения: 03.06.2024).

поправкам к Международным медико-санитарным правилам (2005 г.) вместе с текстом, составленным по итогам работы, проделанной Рабочей группой, в которой говорилось, что *«**Данный текст не является полностью согласованным пакетом поправок**, но отражает текущее состояние работы и достигнутый прогресс в рамках РГММСП»*[10]. При этом отмечалось, что срок полномочий Президиума РГММСП истек и им так и не был согласован полный пакет поправок. К записке прилагался рабочий вариант текста новой редакции ММСП 2005 г. с исправлениями от 22 и 23 мая, где цветом обозначались сохранившиеся нормы, новые согласованные и несогласованные поправки. Окончательный текст поправок появился на официальном сайте ВОЗ 1 июня 2024 г. за 5 мин. до начала заседания Комитета А, который принимал документ методом консенсуса. При этом **прямые возражения учтены не были**. Например, Словацкая Республика выступила с письменным заявлением, где говорилось, что «*Словакия по-прежнему испытывает серьёзную обеспокоенность по поводу всех поправок к ММСП 2005 года» и требует «отметить в отчёте, что Словацкая Республика отмежёвывается от всех поправок к тексту ММСП 2005 года*»[11].

Таким образом, поправки к ММСП 2005 г. принимались с явным нарушением ст. 60 Устава (Конституции) ВОЗ, ст. 15 Правил процедуры Всемирной ассамблеи здравоохранения, п. 2 ст. 55 Международных медико-санитарных 2005 г.

Содержательные проблемы

Российская Федерация без оговорок приняла Международные медико-санитарные правила 2005 г., вступившие в силу в 2007 г. Согласно статье 62 ММСП 2005 г., «*Государства могут делать оговорки*[12] *к настоящим Правилам в соответствии с данной Статьей. Такие оговорки не должны быть несовместимыми с предметом и целью настоящих Правил».* Право на оговорку в новой редакции сохранено, однако, учитывая, что рассматриваемый документ является целостным, внутренне взаимосвязанным и согласованным комплексом правовых норм, полагаем, что сделать оговорки, отступающие от парадигмы его содержания, пронизывающей все его положения, будет крайне затруднительно, почти невозможно. Обоснованнее уведомить Генерального директора в соответствии со статьями 59, 61 и 62 Международных медико-санитарных правил (2005 г.) об отклонении всех поправок к Международным медико-санитарным правилам (2005 г.).

Исследование новой редакции ММСП показало, что основные изменения

[10] Рабочая группа по поправкам к Международным медико-санитарным правилам (2005 г.). Доклад Генерального директора. A77/9 от 27 мая 2024. URL: https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA77/A77_9-ru.pdf (дата обращения: 03.06.2024).

[11] Written statement of the Slovak Republic for the purpose of record 77th World Health Assembly 13.3 – Plenary / Working Group on Amendments to the IHR (2005) // URL: https://apps.who.int/gb/statements/WHA77/PDF/Slovakia-13.3.pdf **(**дата обращения: 03.06.2024).

[12] Согласно Венской конвенции о праве международных договоров от 23.05.1969, под оговоркой понимается «одностороннее заявление в любой формулировке и под любым наименованием, сделанное государством при подписании, ратификации, принятии или утверждении международного договора (международного соглашения) или присоединении к нему, посредством которого оно желает исключить или изменить юридическое действие определённых положений международного договора в их применении к данному государству» (подпункт «d» пункта 1 статьи 2) // Веб-сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 03.06.2024).

коснулись понятийного аппарата, организационной структуры международного эпидемнадзора, контроля и реагирования; наднациональных полномочий Генерального директора ВОЗ, механизма координации финансирования инструментов по борьбе с чрезвычайными ситуациями в области общественного здравоохранения или по предотвращению пандемий, обеспечению готовности и принятию мер реагирования; функционирования системы независимой научной экспертизы.

Статья 1 Правил вводит дефиницию понятия «чрезвычайная ситуация пандемического характера»: «*чрезвычайная ситуация пандемического характера» означает чрезвычайную ситуацию в области общественного здравоохранения, имеющую международное значение, которая вызвана инфекционным заболеванием и:*

(i) *получила или существует высокий риск того, что она может получить широкое географическое распространение среди или в пределах нескольких государств; и*

(ii) *превышает или существует высокий риск того, что она может превысить потенциал систем здравоохранения для принятия мер реагирования в данных государствах; и*

(iii) *вызывает или существует высокий риск того, что она может вызвать значительные социальные и/или экономические потрясения, включая нарушения международных перевозок и торговли; и*

(iv) *требует принятия скоординированных быстрых, справедливых и усиленных международных мер в рамках подходов, основанных на участии всех государственных структур и всего общества*».

Критерии «чрезвычайной ситуации пандемического характера» следует признать недостаточно конкретными. Подпункты (ii) и (iii) ст. 1 размыты и допускают возможность многовариативного толкования, дающего основу для злоупотреблений.

Понятие «чрезвычайная ситуация пандемического характера» употребляется в ст. 1, 11, 12, 13, 15, 48. Идея необходимости готовности к пандемии базируется на ложном предположении, что современному человечеству придётся жить в условиях постоянных смертоносных пандемий, противодействие которым возможно лишь на глобальном уровне. Реализация ложной идеи приведёт к усилению наднациональных полномочий Всемирной организации здравоохранения. Ключевое нововведение - меры по **предотвращению пандемий**.

В соответствии с поправками создаётся наднациональный управленческий механизм общественного здравоохранения, который будет функционировать не только в чрезвычайных ситуациях, имеющих международное значение, а на постоянной основе. Создание системы постоянно действующих органов свидетельствует о том, что ВОЗ передаются глобальные управленческие функции в сфере общественного здравоохранения. Согласно ММСП, ВОЗ создаёт **подконтрольный ей** механизм по **предотвращению** пандемий, **обеспечению** готовности и **принятию** мер реагирования.

Генеральный директор получает **единоличное право** определять в соответствии с п. 1 ст. 12 «*является ли это событие чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение, в том числе в*

соответствующих случаях чрезвычайной ситуацией пандемического характера в соответствии с критериями и процедурой, установленными в настоящих Правилах». При решении вопроса Генеральный директор учитывает:

«(a) *информацию, представленную государством-участником (государства-участники);*

(b) схему принятия решения, содержащуюся в Приложении 2;

(c) мнение Комитета по чрезвычайной ситуации;

(d) научные принципы, а также имеющиеся научные данные и другую соответствующую информацию; и

(e) оценку риска для здоровья человека, риска международного распространения» (п. 4 ст. 12). При этом Комитет по чрезвычайной ситуации формируется Генеральным директором и состоит из отобранных им экспертов и работает на постоянной основе (ст. 48).

Перечень медико-санитарных мер, применение которых контролируется Генеральным директором, в новой редакции ММСП значительно расширен. ВОЗ *«осуществляет координацию международных мер реагирования на чрезвычайные ситуации в области общественного здравоохранения, имеющие международное значение, включая чрезвычайные ситуации пандемического характера»* (п. 7 ст. 13), а Генеральный директор получает право: *проводить, периодически пересматривать и обновлять оценки потребностей в области общественного здравоохранения,* определять «*ценовую приемлемость соответствующих изделий медицинского назначения»* (п. 8 (a) ст. 13); содействовать созданию и координированию сети «*распределения и распространения»* изделий медицинского назначения (п. 8 (b) ст. 13); оказывать поддержку «в *расширении масштабов и географической диверсификации производства соответствующих изделий медицинского назначения*» (п. 8 (c) ст. 13) и др.

При этом объявленный в новой редакции Правил перечень «изделий медицинского назначения» в том числе включает: «*лекарственные средства, вакцины, средства диагностики, медицинские устройства, средства борьбы с переносчиками болезней, средства индивидуальной защиты, средства деконтаминации, ассистивные устройства, антидоты, средства клеточной и генной терапии и другие технологии медицинского назначения»* (ст. 1).

Государства-участники берут на себя **обязательства** оказывать поддержку ВОЗ в осуществлении этих мер: поддерживать координируемые ВОЗ ответные меры; обеспечивать доступность своих научных исследований и разработок, связанных с обеспечением равного доступа к изделиям медицинского назначения (п. 9 ст. 13); «*взаимодействовать с соответствующими заинтересованными сторонами … в процессе обеспечения готовности и реагирования* ***на риски*** *и события в области общественного здравоохранения*»; обеспечивать выполнение Правил «*на круглосуточной основе*» *(Приложение 1).*

По смыслу ст. 13 при определённых обстоятельствах ВОЗ получает полномочия по идентификации, производству и распределению товаров медицинского назначения. В частности, Генеральный директор «оказывает поддержку» заинтересованным сторонам в *«расширении масштабов и географической диверсификации производства соответствующих изделий медицинского назначения»,* что создаёт предпосылки для коррупционной деятельности

международных чиновников. П. «8» ст. 13 ММСП наделяет Генерального директора ВОЗ полномочиями обеспечивать *«равный доступ к соответствующим изделиям медицинского назначения»*, то есть дискреционной (по своему усмотрению) полнотой полномочий. Учитывая тот факт, что сама Всемирная организация здравоохранения «обросла» скандалами, в числе которых обвинения в лжепандемиях, обслуживании интересов крупных фармацевтических компаний, псевдоздравоохранении, халатном бездействии, коррупции, и др., нейтральность и объективность этой организации сегодня под большим сомнением. Россия не может принимать на веру навязываемое субъективное суждение об априорных абсолютных честности и добросовестности международных чиновников, зачастую обслуживающих интересы фармацевтических корпораций.

Как подсказывает опыт исследования подобных разрушительных («субверсивных») актов, навязываемых суверенным государствам международными (явно или латентно действующими) структурами, позитивные декларируемые цели в абсолютном большинстве случаев являются лишь прикрытием реальных целей и задач бенефициаров (выгодоприобретателей) принятия таких актов и создания предусматриваемых ими наднациональных структур, наделяемых в данном случае, по существу, надгосударственными публичными полномочиями по государственному управлению в сферах противоэпидемиологической деятельности, контроля за разработкой, производством, оборотом и применением лекарственных средств и иных медицинских изделий, в целом здравоохранения. Данный документ в конечном итоге подтверждает это предположение.

Исследование новой редакции ММСП выявляет в нём следующую характерную его особенность: в ней явно чрезмерно избыточно перенасыщен **декларативной лексикой** о «равном доступе к изделиям медицинского назначения» (ст. 13) и справедливом учёте *«потребностей и приоритетов развивающихся стран»* (п. 2ter. ст. 44), но в действительности, не находящей референций к конкретным положениям и не выраженной в их реальном содержании, скорее направленном на обеспечение интереса крупных фармацевтических компаний. Распределяя медицинскую продукцию по своему усмотрению, ВОЗ выстраивает систему патронажа над получателями. Широкий перечень изделий медицинского назначения, увеличение масштабов и географическую диверсификацию производства, которых планирует координировать ВОЗ, свидетельствует об идее формирования глобального механизма управления сферой здравоохранения, обслуживании интересов крупных фармацевтических компаний, планирующих зарабатывать на «искусственном иммунитете».

В этой связи очень показательны поправки, внесённые в ст. 15 и 16 ММСП. Теперь временные (делает исключительно Генеральный директор) и постоянные рекомендации ВОЗ о надлежащих медико-санитарных мерах для регулярного и периодического применения, включают и рекомендации о *соответствующих изделиях медицинского назначения* (п. 2 ст. 15, п. 1 ст. 16). ВОЗ получает право делать постоянные **рекомендации, обладающие большим управленческим потенциалом в отношении применения лекарственных средств, вакцин, медицинских устройств, технологий медицинского назначения** и др.

В новом п. 2bis ст. 15 и п. 2 ст. 16 говорится **о неопределённых** в анализируемом документе *«механизмах и сетях распределения и распространения». «Генеральный*

директор должен предоставлять имеющуюся информацию о любом координируемом ВОЗ механизме (механизмах), касающемся доступа к соответствующим изделиям медицинского назначения и их распределения, а также о любых других механизмах и сетях распределения и распространения».

В соответствии с новой редакцией Правил увеличивается количество национальных органов, связанных с ВОЗ и призванных «ждать» пандемию, а также экспертов, которые зависят от создаваемой модели и заинтересованы в её развитии. Так, помимо уже существующих *«Национальных координаторов по ММСП»*, которые «*должны быть доступны в любое время для связи с Контактными пунктами ВОЗ по ММСП*» (п. 2 ст. 4), создаётся *«Национальный орган по ММСП», призванный координировать «осуществление настоящих Правил в пределах юрисдикции государства-участника, «а также органы, ответственные в пределах своей юрисдикции за осуществление медико-санитарных мер»* (п. 1 ст. 4). Для реализации этих планов ВОЗ государства-участники призваны внести изменения «*в национальное законодательство и/или административные положения»* (п. 2bis ст. 4). Создание и функционирование новых органов бременем ляжет на государственный бюджет и породит дополнительную бюрократизацию системы государственного управления, возникнет проблема необходимости реформирования Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, что также потребует финансирования. В конечном результате РФ получит систему национальных органов, контролируемых ВОЗ и призванных стать проводником её рекомендаций.

Помимо этого, создаётся *«Комитет государств-участников по вопросам осуществления Международных медико-санитарных правил»* и *«подкомитет для предоставления экспертных консультаций»* (ст. 54 bis) - дополнительная затратно-интенсивная наднациональная бюрократия, функции которой размыты и неопределённы. Декларируемая цель - *«поощрение и поддержка взаимного обучения, обмена передовым опытом и сотрудничества между государствами-участниками в интересах эффективного осуществления настоящих Правил»* (п. 1 (a) ст. 54 bis). Практическая реализация этой цели остаётся нетранспарентной.

Вступление в силу новой редакции Правил ставит **под угрозу существование независимого научного экспертного мнения**. В Правилах закрепляется требование противодействовать «распространению ложной информации и дезинформации» (Приложение 1). В ранних проектах Соглашения ВОЗ по борьбе с пандемией, в частности от 30 октября 2023 г. появилось новое понятие - *«инфодемия», означающее «слишком большой объем информации, ложной или вводящей в заблуждение, в цифровой и физической среде во время вспышки заболевания»*. Государства должны были взять на себя обязательство бороться *«с ложной, вводящей в заблуждение, дезинформацией или дезинформированием, в том числе посредством эффективного международного взаимодействия и сотрудничества»*[13] (ст. 18). Близкая по смыслу норма была в нескольких редакциях Правил, в соответствии с которыми государства-участники должны были взять на себя обязательство взаимодействовать в *«противодействии распространению*

[13] Предложение по предназначенному для согласования тексту Соглашения ВОЗ по борьбе с пандемиями. A/INB/7/3 от 30 октября 2023 г. URL: https://apps.who.int/gb/inb/pdf_files/inb7/A_INB7_3-ru.pdf (дата обращения: 03.11.2023).

ложной и недостоверной информации о мероприятиях в области общественного здравоохранения, профилактических и противоэпидемических мерах и мероприятиях в средствах массовой информации, социальных сетях и других способах распространения такой информации» (п. 1h ст. 44), а сотрудничество с ВОЗ в этой сфере должно проявляться в «осуществлении противодействия» (п. 2e ст. 44)[14].

Под давлением общественного мнения, сам термин «инфодемия» из документов убрали, но суть осталась. Как разъясняется на сайте ВОЗ, «инфодемия» представляет собой «*слишком большой объем информации, включая ложную или вводящую в заблуждение информацию в цифровой и физической среде во время вспышки заболевания*»[15]. Речь идёт **о концентрации глобальной власти над информацией.** На Всемирном экономическом форуме в Давосе в 2022 г. заместитель Генерального секретаря ООН Мелисса Флеминг вполне открыто выразила эту позицию: «Мы владеем наукой, и мы думаем, что мир должен её знать»[16]. По сути, это борьба с инакомыслием, угрожающая развитию критического мышления, необходимого для тщательной аналитической оценки и вынесения обоснованных решений.

Важнейшим нововведением новых Правил явилось учреждение ранее несуществовавшего *Механизма координации финансирования* (далее «Механизм») (ст. 44 bis). Очевидно, что формирование системы глобального эпидемиологического контроля требует немалых финансовых вложений, поэтому ст. 44 *«Сотрудничество и помощь»* ММСП дополнена термином «финансирование». Государства-участники принимают обязательства по *«мобилизации финансовых ресурсов, в том числе путём привлечения соответствующих источников и финансовых механизмов, в целях содействия осуществлению своих обязательств в соответствии с настоящими Правилами, в частности, для удовлетворения потребностей развивающихся стран»* (п. 1 (c) ст. 44), а ВОЗ содействует «*обеспечению доступа к соответствующей медицинской продукции».* Государства ***привлекают финансовые ресурсы*** и должны «***обеспечивать доступ к необходимым финансовым ресурсам****, в том числе посредством Механизма координации финансирования».* Данное положение, обладающее значительной правовой неопределённостью, даёт правовую возможность наднациональным структурам использовать финансовые ресурсы суверенных государств. Правила в соответствии со статьёй 44 bis декларируют создание *Механизма координации финансирования*, однако его описание отсутствует. Как правило, он включает органы управления, планирование, ценообразование, финансово-кредитные рычаги и т.п. Например, в соответствии с п. 2 ст. 44 bis Механизм *«выявляет все источники финансирования, которые могут быть использованы для содействия осуществлению и предоставляет такую*

[14] Постатейная подборка предлагаемых поправок к Международным медико-санитарным правилам (2005 г.), представленных в соответствии с решением WHA75(9) (2022 г.). URL: https://apps.who.int/gb/wgihr/pdf_files/wgihr1/WGIHR_Compilation-ru.pdf (дата обращения: 03.11.2023).
[15] Инфодемия. World Health Organization. URL: https://www.who.int/health-topics/infodemic#tab=tab_1 (дата обращения: 03.11.2023).
[16] Отказ монопольной власти над глобальным общественным здравоохранением. URL: https://worldcouncilforhealth.org/wp-content/uploads/2023/07/WHOPolicyBriefSummary_RUSSIAN_V2.pdf (дата обращения: 03.11.2023).

*информацию государствам-участникам» (*2c ст. 44 bis); *«предоставляет государствам-участникам по их запросу консультации и поддержку по вопросам поиска финансовых ресурсов»* (2d ст. 44 bis)*; «привлекает добровольные денежные взносы в пользу организаций и других структур, оказывающих поддержку государствам-членам»* (2e ст. 44 bis). Получается, что какие-то структуры будут консультировать государства, где изыскать ресурсы, которые они должны будут предать даже не ВОЗ, а *«в пользу организаций и других структур, оказывающих поддержку государствам-членам».* Налицо отсутствие логической связи между аргументом и тезисом. Таким образом, предусматривается передача контроля над финансовыми ресурсами, аккумулированными суверенными государствами, неким организациям (во всяком случае – не публично-правовым), фактически при полном умалчивании установления какой-либо их ответственности и какого бы то ни было контроля над ними.

Заключение. Текст Международных медико-санитарных правил 2005 г. с внесёнными поправками противоречит публичному порядку и национальным интересам РФ, содержит большое число положений, которые с высокой вероятностью могут оказать крайне негативное влияние на обеспечение национальных интересов в сферах здравоохранения и национальной безопасности РФ. Принятые РФ Международные медико-санитарные правила 2005 г., вступившие в силу в 2007 г., уже превратили ВОЗ из координационной в наднациональную структуру, лоббирующую интересы частных структур, стремящихся к скрытому захвату власти. Расширение её полномочий путём внесения поправок в ММСП и ожидаемого принятия Соглашения ВОЗ по пандемии, значительно их расширяют. В условиях, когда заявленной Россией целью выступает формирование многополярного мира, участие в соглашениях, наносящих ущерб национальному суверенитету и безопасности, антиконституционно и антигосударственно.

Ответ на вопрос: что дают Российской Федерации Поправки к ММСП 2005 г. однозначен: риск утраты суверенитета в сфере здравоохранения, дополнительные финансовые вливания в наднациональные структуры с непрозрачными целями, угроза существованию независимого научного экспертного мнения.

Обоснованным решением следует признать уведомление РФ Генерального директора в соответствии со ст. 59, 61 и 62 Международных медико-санитарных правил (2005 г.) и ст. 21 Устава (Конституции) ВОЗ (1946 г.) об отклонении всех поправок к Международным медико-санитарным правилам (2005 г.).

Список источников:

1. Венская конвенция о праве международных договоров 23 мая 1969 г. // Веб-сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 03.06.2024).
2. Инфодемия. World Health Organization. URL: https://www.who.int/health-topics/infodemic#tab=tab_1 (дата обращения: 03.11.2023).
3. Международные медико-санитарные правила (2005 г.). Второе издание. Всемирная организация здравоохранения, 2008. URL: https://www.morkniga.ru/files/shipowner/1597931529_Международные_медико-санитарные_правила_(2005_г.).pdf (дата обращения: 03.06.2024).
4. Международные медико-санитарные правила (2005 г.) с внесенными поправками № A77/A/CONF./14 от 1 июня 2024 г. URL: //https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA77/A77_ACONF14-ru.pdf (дата обращения: 03.06.2024).
5. Отказ монопольной власти над глобальным общественным здравоохранением. URL: https://worldcouncilforhealth.org/wp

content/uploads/2023/07/WHOPolicyBriefSummary_RUSSIAN_V2.pdf (дата обращения: 03.11.2023).
6. Постатейная подборка предлагаемых поправок к Международным медико-санитарным правилам (2005 г.), представленных в соответствии с решением WHA75(9) (2022 г.). URL: https://apps.who.int/gb/wgihr/pdf_files/wgihr1/WGIHR_Compilation-ru.pdf (дата обращения: 03.11.2023).
7. Правила процедуры Всемирной ассамблеи здравоохранения // Основные документы ВОЗ. Всемирная организация здравоохранения, 2014. URL: https://apps.who.int/gb/bd/PDF/bd48/basic-documents-48th-edition-ru.pdf?ua=1#page=9 (дата обращения: 03.06.2024).
8. Предложение по предназначенному для согласования тексту Соглашения ВОЗ по борьбе с пандемиями. A/INB/7/3 от 30 октября 2023 г. URL: https://apps.who.int/gb/inb/pdf_files/inb7/A_INB7_3-ru.pdf (дата обращения: 03.11.2023).
9. Проект резолюции A77/A/CONF./8 Rev.1 от 1 июня 2024 г. «Укрепление готовности и реагирования на чрезвычайные ситуации в области здравоохранения путем принятия адресных поправок в Международные медико-санитарные правила (2005 г.)», предложенный Францией, Индонезией, Кенией, Новой Зеландией, Саудовской Аравией и Соединенными Штатами Америки URL: // https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA77/A77_ACONF8Rev1-ru.pdf (дата обращения: 03.06.2024).
10. Рабочая группа по поправкам к Международным медико-санитарным правилам (2005 г.). Доклад Генерального директора. A77/9 от 27 мая 2024 г. URL: https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA77/A77_9-ru.pdf (дата обращения: 03.06.2024).
11. Устав (Конституция) принят Международной конференцией здравоохранения, проходившей в Нью-Йорке с 19 июня по 22 июля 1946 г., подписан 22 июля 1946 г. представителями 61 страны (Off. Rec. Wld Hlth Org., 2, 100) и вступил в силу 7 апреля 1948 г. Поправки, принятые Двадцать шестой, Двадцать девятой, Тридцать девятой и Пятьдесят первой сессиями Всемирной ассамблеи здравоохранения (резолюции WHA26.37, WHA29.38, WHA39.6 и WHA51.23), вступили в силу 3 февраля 1977 г., 20 января 1984 г., 11 июля 1994 г. и 15 сентября 2005 г. // Всемирная организация здравоохранения. URL: https://www.who.int/ru/about/governance/constitution (дата обращения: 03.06.2024).
12. Written statement of the Slovak Republic for the purpose of record 77th World Health Assembly 13.3 – Plenary / Working Group on Amendments to the IHR (2005) // URL: https://apps.who.int/gb/statements/WHA77/PDF/Slovakia-13.3.pdf **(**дата обращения: 03.06.2024).

Список литературы:

1. Понкин И.В. 2023. Методология научных исследований и прикладной аналитики. Том 1: Прикладная аналитика. Москва: Буки Веди, 500 с.
2. Понкин И.В., Лаптева А.И. 2023. Методология научных исследований и прикладной аналитики.Том 2: Научные исследования. Москва: Буки Веди, 640 с.
3. Понкин И.В. 2024. Иллюстрированное введение в прикладную аналитику. Приложение к учебнику «Методология научных исследований и прикладной аналитики». Москва: Буки Веди, 88 с.
4. Сафронова Е.В. 2023. Правовые проблемы выхода России из Всемирной организации здравоохранения. *Nomothetika: Философия. Социология. Право.* 1 (48): 153-166.
5. Сафронова Е.В. 2023. Россия с ВОЗу: кому легче? Политико-правовые проблемы выхода из Всемирной организации здравоохранения. *Свободная мысль*. 3 (1699): 59-72.
6. Сафронова Е.В. 2023. Концептуальные основы нового проекта соглашения (или иного международного инструмента) Всемирной организации здравоохранения по предотвращению пандемий. *Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки.* 3 (9): 325-329.
7. Сафронова Е.В., Петрищева Н.С. 2023. «Пандемическое соглашение» Всемирной организации здравоохранения: анализ концептуального нулевого проекта. *Актуальные проблемы государства и права.* 1 (7 (25)): 149-158.
8. Сафронова Е.В. 2024. Медицинский суверенитет в контексте пандемического соглашения и поправок к международным медико-санитарным правилам. *Вестник юридического факультета Южного федерального университета.* 1 (11): 45-51.

Safronova E.V. International Health regulations: expert opinion on the new edition // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 81-93.

The work is devoted to the analysis of the new edition of the International Health Regulations (hereinafter IHR), adopted at the 77th session of the World Health Assembly on June 1, 2024. The study revealed that the amendments to the IHR 2005 were adopted in violation of Article 60 of the WHO Charter (Constitution), Article 15 of the Rules of Procedure of the World Health Assembly, paragraph 2 of Article 55 International Medical and Sanitary 2005 The content of the document was analyzed for compliance with the national interests of the Russian Federation. The analysis showed that the text of the International Health Regulations 2005 as amended, it contradicts public policy and the national interests of Russia, contains a large number of provisions that are highly likely to have an extremely negative impact on ensuring national interests in the fields of healthcare and national security of the Russian Federation. The author came to the conclusion that the Russian

Federation should exercise its right enshrined in Articles 59, 61 and 62 of the International Health Regulations (2005) and Article 21 of the Charter (Constitution) WHO (1946) and reject the new edition of the IHR.

Keywords: privileges, immunities, consular service, consular contract, Vienna Convention on Consular Relations of 1963, consular officer.

Spisok literatury:

1.Ponkin I.V. 2023. Metodologija nauchnyh issledovanij i prikladnoj analitiki [Methodology of scientific research and applied analytics. Vol. I: Applied Analytics.] T. I: Prikladnaja analitika. Moskva: Buki Vedi, 500 s.
2. Ponkin I.V., Lapteva A.I. 2023. Metodologija nauchnyh issledovanij i prikladnoj analitiki [Methodology of scientific research and applied analytics.Vol. II: Scientific research.] T. II: Nauchnye issledovanija. Moskva: Buki Vedi, 640 s.
3. Ponkin I.V. 2024. Illjustrirovannoe vvedenie v prikladnuju analitiku. Prilozhenie k uchebniku «Metodologija nauchnyh issledovanij i prikladnoj analitiki» [An illustrated introduction to applied analytics. Appendix to the textbook "Methodology of scientific research and applied analytics"]. Moskva: Buki Vedi, 88 s.
4. Safronova E.V. 2023. Pravovye problemy vyhoda Rossii iz Vsemirnoj organizacii zdravoohranenija [Legal problems of Russia's withdrawal from the World Health Organization] *Nomothetika: Filosofija. Sociologija. Pravo*. 1 (48): 153-166.
5. Safronova E.V. 2023. Rossija s VOZu: komu legche? Politiko-pravovye problemy vyhoda iz Vsemirnoj organizacii zdravoohranenija [Russia with a cart: who is easier? Political and legal problems of withdrawal from the World Health Organization] *Svobodnaja mysl'*. 3 (1699): 59-72.
6. Safronova E.V. 2023. Konceptual'nye osnovy novogo proekta soglashenija (ili inogo mezhdunarodnogo instrumenta) Vsemirnoj organizacii zdravoohranenija po predotvrashheniju pandemij [The conceptual foundations of a new draft agreement (or other international instrument) of the World Health Organization on the prevention of pandemics] *Uchjonye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Juridicheskie nauki.* 3 (9): 325-329.
7. Safronova E.V., Petrishheva N.S. 2023. «Pandemicheskoe soglashenie» Vsemirnoj organizacii zdravoohranenija: analiz konceptual'nogo nulevogo proekta [The "Pandemic Agreement" of the World Health Organization: an analysis of the conceptual zero project] *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava*. 1 (7 (25)): 149-158.
8. Safronova E.V. 2024. Medicinskij suverenitet v kontekste pandemicheskogo soglashenija i popravok k mezhdunarodnym mediko-sanitarnym pravilam [Medical sovereignty in the context of the pandemic agreement and amendments to the international health.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 94–102.

УДК 342.5

МОДЕЛИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ И ИХ ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Соколов Н. Н.
Севастопольский государственный университет

Статья посвящена сравнительному анализу предлагаемых моделей реформирования государственной гражданской службы и особенностей их правового обеспечения. Рассмотрены теоретические и практические аспекты категории «реформирование государственной гражданской службы», разработаны теоретико-методологические подходы, позволяющие сформулировать концептуальные основы институционального реформирования государственной гражданской службы в современных условиях государственно-правового развития. Предложены авторские научно-практические выводы о необходимости рассмотрения вопроса о реформировании государственной гражданской службы в широком контексте построения конституционной модели социального государства в Российской Федерации. Классифицированы и систематизированы различные подходы к реформированию государственной гражданской службы, которые в совокупности позволяют сформировать целостное представление о приоритетах, задачах и дальнейших направлениях реализации исследуемого процесса. Обращается внимание на ключевое значение принципа единства системы органов публичной власти для эффективной постановки целей и задач реформирования государственной гражданской службы.

Ключевые слова: государственная гражданская служба, реформирование государственной гражданской службы, публичная власть, система органов публичной власти, эффективность публичной власти, правовое обеспечение государственной гражданской службы.

Актуальность теоретико-методологического и научно-практического осмысления и сравнения различных существующих моделей реформирования государственной гражданской службы в современных условиях государственно-правового развития РФ и ее единой системы органов публичной власти объясняется с нескольких позиций.

Во-первых, существует необходимость формирования комплексной институциональной модели государственной гражданской службы, которая будет способна эффективно обеспечить реализацию конституционно-правовой модели социального государства, особенно развернуто сформулированной в российской Конституции после внесения изменений, принятых на Общероссийском голосовании 1.07.2020 г. [1]. Во-вторых, в российском законодательстве и практике государственного управления постоянно и достаточно интенсивно происходят изменения, направленные на модернизацию и усовершенствование профессиональной деятельности государственных гражданских служащих в рамках общего реформирования государственного управления как целенаправленной деятельности всей системы органов и должностных лиц публичной власти, телеологически направленной на как можно более полное удовлетворение законных интересов граждан по оперативному получению качественных государственных услуг.

Именно такая целевая доминанта находится в основании концепции сервисного государства [2], одним из показательных проявлений которого, равно как и иного важнейшего направления публично-правовой модернизации – цифровизации государственного управления, стало создание и динамичное развитие портала «Госуслуги».

В-третьих, эффективная интеграция новых субъектов РФ (ДНР, ЛНР, Запорожская область, Херсонская область) в российскую правовую систему требует научно обоснованного применения оптимальных управленческих практик и правовых моделей государственной гражданской службы, для чего необходимо детально и глубоко анализировать и сравнивать опыт законодательной и правоприменительной деятельности различных субъектов РФ, а особенно полезным в указанном смысле представляется позитивный опыт Республики Крым и города федерального значения Севастополя, прошедших успешную и полноценную интеграцию после своего воссоединения с Россией в 2014 г.

Как отмечается в научной литературе по вопросам реформирования публичного сектора, все состоявшиеся в разных странах и в различные конкретно-исторические периоды реформы в сфере государственного управления, как правило, имеют несколько общих характерных особенностей [3, с. 130].

Прежде всего, любая модель государственной гражданской службы подразумевает обязательное правовое обеспечение предлагаемых, либо уже проводимых изменений, т.к. одним из признаков публичного управления является высокая степень его формальной определенности, выраженной в положениях действующего законодательства, как законов, так и, зачастую, подзаконных актов, учитывая ярко выраженный подзаконный характер самого государственного управления.

Именно наличие законодательных основ государственного управления дает возможность обеспечивать единообразие действий и решений госслужащих, принимаемых в аналогичных ситуациях, а кроме того – обеспечить основополагающий для построения эффективной модели государственной службы принцип законности в профессиональной служебной деятельности. Правовое обеспечение реформы государственной гражданской службы, таким образом, представляет собой юридический механизм реформирования, обеспечивающий точность интерпретации, обязательность и неукоснительность реализации принятых стратегических документов в правоприменительной практике всего государственного аппарата.

Вторым признаком, присущим реформам государственной гражданской службы и государственного управления в целом, является реальность структурных и функциональных изменений, происходящих в системе публичной власти, их практическая применимость и конкретность. Например, новеллы в порядке проведения аттестации государственных гражданских служащих приводят к конкретным структурным изменениям порядка формирования, каталога полномочий, сроков деятельности, критериев принятия решений аттестационных комиссий; оптимизация структуры министерства приводит к конкретным кадровым изменениям; ликвидация излишней функции государственного органа влечет за собой фактическое прекращение ее выполнения государственными служащими такого органа, и т.п.

Третьей отличительной чертой можно считать совершенствование и модернизацию внутренних взаимоотношений между государственными служащими того или иного органа, при этом желаемыми целями реформирования, безусловно, должны быть повышение уровня общей и профессиональной культуры взаимоотношений, предотвращение возможных конфликтов интересов еще на этапе правотворчества, профилактика совершения коррупционных правонарушений, а также создание общего положительного микроклимата внутри коллектива, что непосредственно влия-

ет и на формирование позитивных взаимоотношений в системе координат «государственный гражданский служащий – гражданин».

Анализируя этимологию и общенаучное определение категорий «реформа», «реформирование», можно заметить, что зачастую указанные понятия используют в качестве весьма близких к категории «модернизация». В буквальном переводе с латыни термин «модернизация» означает «усовершенствование», «осовременивание», т.е. модернизация – это собирательное, комплексное понятие, касающиеся разнородных социальных, политических, экономических, психологических, культурных и других процессов, исторически сопровождавших процесс диалектического развития общественных отношений.

При этом термин «модернизация», как правило, охватывает большое количество одновременных изменений в разных областях социума. В контексте исследования реформирования института гражданской службы модернизацию данного института следует понимать, как процесс совершенствования предмета реформирования, которым выступает государственная гражданская служба [4, с. 201]. Безусловно, провести реформирование, способное усовершенствовать (модернизировать) государственную гражданскую службу возможно исключительно при условии формирования комплексной модели такого реформирования, включающей в себя целую совокупность элементов и факторов концептуального, структурного и функционального характера.

Иначе говоря, своевременная модернизация государственной гражданской службы представляет собой легальный способ преодоления потенциальных конфликтов интересов, коррупциогенных факторов, а также общего повышения внутренней и внешней (социальной) эффективности служебной деятельности.

Основной целью модернизации института государственной гражданской службы является создание ее оптимальной в существующих условиях государственно-правового развития и фактического состояния общественных отношений модели, отвечающей требованиям и вызовам, стоящим перед правовой системой, государством и социумом для надлежащего функционирования и адаптации к будущим изменениям системы органов публичной власти.

Итак, внутренняя суть любой общественной модернизации, включая модернизацию государственной гражданской службы, – это обновление или создание новых институций, создающих условия для преобразования межчеловеческих отношений в сфере политических, правовых, экономических, общественных отношений на современных началах признания принципов демократии, законности и приоритетного значения прав человека, социального государства.

В то же время, модернизацию нельзя рассматривать как простую совокупность определенных программ в различных сферах политической, экономической и общественной жизни страны, включая государственное управление и государственную службу. Модернизация является важным показателем развития государства, уровня жизнедеятельности граждан, а соответственно – и важной предпосылкой желаемой и заложенной конституционно-правовыми нормами в качестве результата осуществления качественного публичного управления социальной, политической и культурной организации общества. В свою очередь, под изменениями, без осуществления которых любая реформа невозможна и бессмысленна, в формально-юридическом значении следует понимать изъятие из нормативных правовых актов

устаревших норм, усовершенствование существующих положений, дополнение новыми правовыми нормами, уточнение названий разделов и т.д. Особое значение в процессе реформирования государственной гражданской службы имеет модернизация регламентов и других документов процедурного характера, которые собственно, и определяют практическое содержание и возможные пределы повседневной деятельности государственных служащих [5, с. 52].

Следовательно, если термин «модель реформирования государственной гражданской службы» справедливо ассоциируется с коренным обновлением ее структуры и функциональных направлений, то модернизация государственной гражданской службы – это, прежде всего, процесс социально-политической, экономической, правовой трансформации, обновление всех сфер функционирования единой системы публичной власти.

Таким образом, модернизация государственной гражданской службы предполагает не только усовершенствование норм действующего законодательства, но и его «осовременивание», то есть внедрение элементов современной управленческой практики, обоснованной научно и комплексно сформулированной в виде определенной типовой модели.

При этом государственная гражданская служба должна совершенствоваться и изменяться в соответствии с изменениями, происходящими в связи с развитием конкретного общества и государства, в соответствии с эволюционным развитием системы органов публичной власти, базовые основы которой регулируются на конституционно-правовом уровне.

Процесс структурных и функциональных изменений является объективным явлением, присущим каждому прогрессивно развивающемуся обществу и государству, ведь система государственного управления и государственной службы не может оставаться неизменной, поскольку изменения самого социума и общественных отношений необратимы, и этим изменениям должна корреспондировать служебная деятельность уполномоченных государством лиц, составляющих в своей совокупности государственный аппарат (аппарат государственного управления).

Более того, по возможности модель реформирования государственной гражданской службы должна предусматривать общественные запросы и потребности, находясь на шаг впереди будущих преобразований в государстве и обществе, т.е. закрепляя определенные задачи и программные распоряжения, исходя из целей и принципов государственного управления, что можно охарактеризовать как программно-прогностическую функцию реформирования государственной гражданской службы, причем реализацию указанной функции вполне обоснованно считать одним из дополнительных критериев общей эффективности той или иной предлагаемой модели реформирования.

Говоря о формировании эффективной модели реформирования государственной гражданской службы в РФ, целесообразным представляется определить теоретико-методологические основы такого моделирования, а также провести сравнительный анализ и обобщение действующих моделей, известных мировой практике.

По мнению Г.А. Борщевского, которое мы полностью разделяем, «необходимо создать целостную и непротиворечивую модель государственной службы, которая обусловит устойчивое развитие государства и общества [6, с. 49].

Исходя из обозначенных контурных ориентиров, можно выделить следующие критерии, котором должна соответствовать эффективная, действенная, целостная и непротиворечивая модель реформирования государственной гражданской службы.

Во-первых, модель реформирования государственной гражданской службы представляет собой динамичное, а не статичное явление, т.е. длящийся процесс, а не одномоментное событие. Иными словами, постоянно должно происходить оценивание эффективности ранее внесенных изменений (правовой мониторинг), для чего крайне важным обстоятельством представляется применение действенной методики оценивания, подробный компаративный анализ которых был проведен в исследованиях М.И. Росенко [7].

Во-вторых, модель реформирования государственной гражданской службы должна быть частью и составлять диалектическое единство с более широким процессом реформирования государственного управления и системы органов публичной власти, начиная с наивысшего конституционно-правового уровня юридической регламентации.

В-третьих, модель реформирования должна затрагивать как структурные, так и функциональные аспекты государственной гражданской службы, что детерминирует такие характеристики, как целостность и полнота.

В-четвертых, модель реформирования обязательно должна включать в себя такие направления, как противодействие коррупции и предупреждение конфликта интересов, т.е. воплощать в себе основополагающие принципы объективности и законности в государственном управлении.

В-пятых, модель реформирования государственной гражданской службы может быть результативной исключительно при условии ее опоры на законодательную модель, воплощающую в себе принципиальные концептуальные критерии и желаемые результаты проводимых изменений.

Некоторые авторы отмечают и другие критерии, присущие эффективным моделям реформирования государственной гражданской службы. Так, Д.С. Кононова выделяет т.н. «менеджеризацию» государственной гражданской службы [8, с. 75], под которой, очевидно, понимается ее ярко выраженный функциональный, деполитизированный, формально регламентированный характер, в чем-то уподобляющий формы и методы деятельности государственных гражданских служащих к формам и методам деятельности менеджеров в частном секторе экономики. Е.В. Пономаренко указывает на совершенствование культурных ценностей внутренних и внешних взаимоотношений в процессе административного реформирования [3, с. 130]. Можно встретить и упоминания о социальном партнерстве как критерии эффективности модели реформирования государственной гражданской службы [8, с. 75].

Если рассматривать и сравнивать между собой известные модели реформирования государственной гражданской службы, целесообразным представляется проанализировать несколько из них, которые оказали в научном и практическом смыслах наибольшее влияние на представление об эффективной госслужбе.

Во-первых, выделяется т.н. «рыночная» модель реформирования государственной гражданской службы, присущая публично-правовой системе США. Данная модель основана на представлениях о сервисном государстве, т.е. ключевым критерием оценивания служебной деятельности выступает качество предоставления госу-

дарственных услуг гражданам, а субъектом оценивания выступают сами граждане через методы социологических опросов, как очных, так и интерактивных.

Указанная модель частично применяется и в российской практике как одно из направлений перспективного движения и институциональной эволюции, но, безусловно, было бы неправильно, на наш взгляд, сводить задачи государственной гражданской службы исключительно к сервисному обслуживанию, хотя это, вне всяких сомнений, один из важнейших критериев, особенно учитывая конституционно-правовой принцип приоритета прав и свобод человека и гражданина, колоссальное количество которых реализуются как раз опосредованно через правоприменительную деятельность государственных служащих в пределах своих полномочий.

В целом, обобщая стратегические направления усовершенствования системы предоставления государственных услуг в РФ, реально способствующих комфорту и удобству граждан и входящих в качестве элемента в комплексную модель реформирования государственной гражданской службы, можно выделить следующие функциональные и организационные блоки: а) дальнейшее развитие межведомственного информационного взаимодействия при предоставлении государственных и муниципальных услуг, осуществлении государственных и муниципальных функций, в том числе по контролю и надзору, при взаимодействии с иными организациями; б) внедрение реестровой модели предоставления услуг, в соответствии с которой результатом предоставления услуги является запись в электронном реестре; в) закрепление и расширение экстерриториального принципа предоставления услуг; г) внедрение принципов проактивности; д) развитие альтернативных каналов предоставление услуг, внедрение принципов многоканальности и возможности использования различных каналов в ходе предоставления одной услуги; е) предоставление услуг в соответствии с индивидуально определенными характеристиками заявителя и иные направления совершенствования предоставления услуг [9].

Как справедливо отмечает А.В. Корепина в контексте реализации предыдущего этапа реформирования российской государственной гражданской службы именно в части построения основ сервисного государства, основная практическая работа, начиная с 2003 г. и по сегодня, была проделана в таком русле: 1) оптимизация функций органов исполнительной власти; 2) регламентация и стандартизация государственных и муниципальных услуг (функций); 3) предоставление информации о государственных услугах, оказываемых в электронной форме; 4) организация предоставления государственных и муниципальных услуг по принципу «одного окна» на базе многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг [10, с. 4].

В этой связи отметим и то обстоятельство, что полноценное внедрение межведомственного электронного взаимодействия совершило настоящую «бумажную революцию» в официальном документообороте, значительно упростив и удешевив его, а также освободив значительное количество времени, ресурсов и сил для решения других важнейших задач государственного управления.

Безусловно, все перечисленные направления отражают наличие т.н. «рыночного» (иначе – сервисного) начала в отечественной модели реформирования государственной гражданской службы, но не отражают всю ее полноту и всесторонность, без чего невозможно говорить о комплексности такой модели.

Второй применяемой в мировой практике моделью является т.н. «участвующая» (ФРГ, Франция), ключевыми особенностями которой является усиление связей с общественностью и повышение репутационной составляющей деятельности государственных гражданских служащих, что в чем-то приближает критерии оценивания деятельности служащих к критериям, которым стараются соответствовать лица, претендующие на замещение выборных должностей в органах государственной власти и местного самоуправления.

Элементы внедрения данной модели также можно найти в российском опыте. Например, государственному служащему запрещается допускать высказывания, подрывающие авторитет государственной власти, что подтверждено и соответствующей правовой позицией Конституционного Суда [11]. Наличие подобного запрета имеет ярко выраженный репутационный характер, что также представляется крайне важным для эффективного выполнения служащими государственных функций.

В-третьих, можно выделить т.н. «гибкую» модель реформирования государственной гражданской службы, особенность которой заключается в отмене каких-либо квалификационных требований для кандидатов на замещение государственных должностей и внедрении системы открытых конкурсов, при которых практически каждый дееспособный гражданин теоретически может претендовать на любую должность в системе государственной службы.

Указанная своеобразная модель на данный момент не реализуется в РФ, поскольку действующим законодательством установлена четкая система квалификационных требований, соответствие кандидата которым является определяющим условием как допуска к конкурсному отбору, так и оценивания при дальнейших прохождениях периодических аттестаций. Наконец, еще одной моделью реформирования, представляющей теоретический и практический интерес для российской практики, является т.н. «дерегулированная» модель, сущность которой состоит в том, что при наличии устойчивого гражданского общества целесообразной может быть признана система открытого кадрового обмена между публичным и частным векторами, т.е., иными словами, когда на руководящие должности в государственной гражданской службе назначается менеджер частного сектора, показавший свою эффективность на уровне компании и желающий принести пользу обществу и государству, и в силу собственного осознанного решения применив свои компетенции уже не в частных, а в публичных интересах.

Данный элемент, на наш взгляд, вполне заслуживает быть включенным в качестве одного из направлений при формировании уникальной российской модели реформирования государственной гражданской службы. В контексте предложенной идеи можно согласиться с утверждением А.Г. Барабашева о том, что процесс реформирования государственной гражданской службы должен идти параллельно с развитием российского гражданского общества [12, с. 23], что и станет необходимым условием для принятия компетентными управленцами частного сектора волевого решения о применении своих знаний, умений, навыков для достижения общественного блага, а со стороны законодателя – обеспечит включение такой возможности в действующее законодательство о публичном управлении, т.е. создаст законодательную модель управленческого реформирования как обязательное условие его эффективности и практической применимости.

В целом, в результате проведенного исследования теоретических и практических особенностей существующих и потенциальных моделей реформирования государственной гражданской службы можно сделать такие важнейшие выводы: а) в современных условиях государственно-правового развития в России должна быть разработана своя уникальная комплексная модель реформирования государственной гражданской службы, учитывающая различные положительные и негативные стороны существующих в мировой практике моделей, но в то же время, ориентированную, прежде всего, на российские конституционно-правовые основы построения социального государства; б) в качестве концептуальных ориентиров российской модели реформирования государственной гражданской службы должны быть установлены: динамичность и непрерывность; диалектическое единство с реформированием государственного управления и системы органов публичной власти; целостность и полнота, охватывающие как структурные, так и функциональные аспекты государственной гражданской службы; антикоррупционная направленность процесса реформирования; законодательное обеспечение изменений, составляющих внутреннее содержание модели реформирования; в) важным элементом российской модели реформирования государственной гражданской службы должна стать возможность открытого кадрового обмена между публичным и частным секторами, что при условии высокой правовой культуры и развитого гражданского общества может принести ощутимые результаты в части повышения эффективности и компетентности осуществления государственных функций с целью максимального достижения общественного блага.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, принятыми на Общероссийском голосовании 1 июля 2020 г. URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 01.02.2024).
2. Паршин М.В. Качество государственных и муниципальных услуг: на пути к сервисному государству. М.: Статут, 2013. 272 с.
3. Пономаренко Е.В. Реформа общественного сектора в России. Вестник РУДН. 2011. № 5. С. 119-134.
4. Поцелуев С.П. Теория политической модернизации. Политическая концептология. 2022. № 3. С. 198-215.
5. Иода Ю.В. Политическая модернизация как результат взаимодействия коалиций в социально-экономической системе. Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 12. С. 50-56.
6. Борщевский Г.А. Реформирование государственной службы в России: промежуточные итоги и перспективы. Вестник государственного и муниципального управления. 2014. № 5. С. 45-67.
7. Росенко М.И. Обзор существующих методик и методического инструментария определения критериев эффективности деятельности государственных служащих. Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. 2023. Т. 9. № 1. С. 435-440.
8. Кононова Д.С. Особенности зарубежных моделей организации и реформирования институтов публичного управления. Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы IV Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 23-24 апреля 2018 г.: в 2-х т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. Т. 1. С. 75-78.
9. Портал «Совершенствование государственного управления». URL: https://ar.gov.ru/ru-RU (дата обращения: 01.02.2024).
10. Организация государственных и муниципальных услуг: учебное пособие/Корепина А.В., Васильева Я.В., Бойкова А.С.; Моск.гос.юрид.ун-т имени О.Е.Кутафина (МГЮА), Сев.Зап.институт (филиал) Ун-та имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Вологда: Фонд развития филиала МГЮА в г. Вологде, 2016. 216 с.
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.06.2011 № 14-П/ URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 01.02.2024).
12. Барабашев А.Г. Теоретические ориентиры развития государственной службы Российской Федерации. Вопросы государственного и муниципального управления. 2007. № 1. С. 19-52.

Sokolov N.N. Reform models state civil service and their legal support // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. - 94–102.

The article is devoted to a comparative analysis of the proposed models for reforming the state civil service and the features of their legal support. The theoretical and practical aspects of the category “reform of the state civil service” are considered, theoretical and methodological approaches are developed that make it possible to formulate the conceptual foundations of the institutional reform of the state civil service in modern conditions of state and legal development. The author's scientific and practical conclusions are proposed on the need to consider the issue of reforming the state civil service in the broad context of building a constitutional model of a social state in the Russian Federation. Various approaches to reforming the state civil service have been classified and systematized, which together allow us to form a holistic view of the priorities, objectives and further directions for the implementation of the process under study. Attention is drawn to the key importance of the principle of unity of the system of public authorities for the effective setting of goals and objectives for reforming the state civil service.

Keywords: state civil service, reform of the state civil service, public authority, system of public authorities, effectiveness of public authority, legal support of the state civil service.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. s izmeneniyami, prinyatymi na Obshcherossijskom golosovanii 1 iyulya 2020 g. URL: pravo.gov.ru (data obrashcheniya: 01.02.2024).
2. Parshin M.V. Kachestvo gosudarstvennyh i municipal'nyh uslug: na puti k servisnomu gosudarstvu. M.: Statut, 2013. 272 s.
3. Ponomarenko E.V. Reforma obshchestvennogo sektora v Rossii. Vestnik RUDN. 2011. № 5. S. 119-134.
4. Poceluev S.P. Teoriya politicheskoj modernizacii. Politicheskaya konceptologiya. 2022. № 3. S. 198-215.
5. Ioda YU.V. Politicheskaya modernizaciya kak rezul'tat vzaimodejstviya koalicij v social'no-ekonomicheskoj sisteme. Social'no-ekonomicheskie yavleniya i processy. 2013. № 12. S. 50-56.
6. Borshchevskij G.A. Reformirovanie gosudarstvennoj sluzhby v Rossii: promezhutochnye itogi i perspektivy. Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya. 2014. № 5. S. 45-67.
7. Rosenko M.I. Obzor sushchestvuyushchih metodik i metodicheskogo instrumentariya opredeleniya kriteriev effektivnosti deyatel'nosti gosudarstvennyh sluzhashchih. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo YUridicheskie nauki. 2023. T. 9. № 1. S. 435-440.
8. Kononova D.S. Osobennosti zarubezhnyh modelej organizacii i reformirovaniya institutov publichnogo upravleniya. Strategii razvitiya social'nyh obshchnostej, institutov i territorij: materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Ekaterinburg, 23-24 aprelya 2018 g.: v 2-h t. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2018. T. 1. S. 75-78.
9. Portal «Sovershenstvovanie gosudarstvennogo upravleniya». URL: https://ar.gov.ru/ru-RU (data obrashcheniya: 01.02.2024).
10. Organizaciya gosudarstvennyh i municipal'nyh uslug: uchebnoe posobie / Korepina A.V., Vasil'eva YA.V., Bojkova A.S.; Mosk.gos.yurid.un-t imeni O.E.Kutafina (MGYUA), Sev.Zap.institut (filial) Un-ta imeni O.E. Kutafina (MGYUA). Vologda: Fond razvitiya filiala MGYUA v g. Vologde, 2016. 216 s.
11. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 30.06.2011 № 14-P/ URL: pravo.gov.ru (data obrashcheniya: 01.02.2024).
12. Barabashev A.G. Teoreticheskie orientiry razvitiya gosudarstvennoj sluzhby Rossijskoj Federacii. Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya. 2007. № 1. S. 19-52.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 103–113.

УДК 342

СОЦИОПРАВО И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА СИСТЕМНО-СТРУКТУРНОГО ПОСТРОЕНИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВА[1]

Корнев А. В.
Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

В основном статья посвящена социоправу, которое рассматривается в трех своих значениях: специфическая правовая общность; один из стратегических проектов «Приоритет – 2030»; и как одно из направлений деятельности общества и государства с использованием правовых средств. Доказывается его фундаментальное, центровое значение среди других проектов. Это в полной мере соответствует концептуальным положениям послания Федеральному Собранию Президента Российской Федерации В.В. Путина от 29 февраля 2024 года. Акцент делается на социоправе как правовой общности. Вместе с тем, в статье затрагивается проблема дальнейшего развития российской системы права, которая до настоящего времени базируется на отраслевом принципе. Приводятся аргументированные возражения против отказа от систематизации российского права, которой якобы нет в иных правовых системах. Обозначены различия между такими категориями, как отрасль права и отрасль законодательства, которые в современной литературе, как правило, не проводятся. Ставится проблема формирования концепта системно-структурного построения российского права, отвечающего запросам времени. Выдвигается гипотеза о правовых общностях (правовых комплексах), которые не отменяют, но значительно дополняют отраслевой подход новыми методологическими возможностями.

Ключевые слова: государство, законодательство, инновации, общество, право, приоритет, правовая общность, правовой комплекс, система, социоправо, структура, юриспруденция.

О необходимости смены подходов к построению российского права говорят и пишут давно. Более всего «достается» отраслевому принципу, в соответствии с которым и формируется российская система права. Если попытаться проанализировать литературу на этот счет, то, по меньшей мере, можно выявить две группы авторов.

Одни, не особенно заботясь о надлежащей аргументации, исходят из того, что нужно всё и коренным образом менять. В нашей стране слишком долго осуществлялись перемены ради самих перемен.

Так повелось, что не всегда реформы приводят к нужным результатам. Внутренняя политика последних лет говорит скорее о серьезных просчетах, ошибках, если не сознательных преступлениях, допущенных в ходе 90-х годов. Разрушались целые отрасли, перспективные научные разработки, уничтожались научные школы. В сфере экономики и вовсе был нанесен урон, сопоставимый с последствиями Второй мировой войны. Не хотелось бы перегружать данный материал соответствующими цифрами. Они есть и обсуждаются. Разумеется, на определенных площадках, поскольку могут оказать серьезное психотравмирующее воздействие. Даже на российское общество, закаленное на этот счет.

Так вот, серьезных соображений, как уже было отмечено, не приводится. Предлагается чисто механически перенять зарубежный опыт. Во-первых, не совсем понятно, почему нужно кому-то следовать. Ш.Л. Монтескье, выдающийся мыслитель и правовед, считал практически бесперспективными всякие правовые заимствования. В своем сочинении «О духе законов» они пишет, что «..законы должны нахо-

[1] Статья подготовлена в рамках стратегического проекта «Приоритет – 2030».

диться в тесном соответствии со свойствами народа, для которого они установлены, что только в чрезвычайно редких случаях законы одного народа могут оказаться пригодными и для другого народа» [1, с. 109].

Право – явление культуры, оно несет в себе его главные цивилизационные особенности. Правовые регуляторы являются продуктами длительного исторического развития. Во-вторых, нет в мире ни одной правовой системы, которая не была бы в той или иной степени не систематизирована. Право, обладая свойством системности, представляет собой самый структурированный социальный регулятор. Даже в английском праве мы видим разделение на общее право и право справедливости, статутное и прецедентное право. Пожалуй, самый авторитетный российский компаративист В.В. Лафитский, решительно порывает с некоторыми иллюзиями, которые до настоящего времени все ещё довлеют в отечественном образовательном и научном пространстве. Так, он полагает, что вопреки широко распространенным утверждениям, первоисточником общего права были не судебные прецеденты, а воля верховной власти. В далеком прошлом это была воля английского короля, а в наши дни – законодательных и исполнительных органов Соединенного Королевства и его бывших колониальных владений, включая США, Канаду, Австралию. Основное место в правовом регулировании отведено статутному праву. И самое главное: «Все источники статутного права, как правило, не разделяются по отраслям права. *Основное деление – по институтам* (курсив мой – А.К.). Вместе с тем они образуют единую систему строгой иерархической соподчиненности, которая упорядочивается механизмами не только политического и административного воздействия, но и судебного надзора» [2, с. 287].

В этой связи мнения некоторых российских юристов в части отсутствия системного построения общего права можно смело отнести к разряду недоразумений. Статутное право по факту есть строго упорядоченная и систематизированная правовая общность. Причем, системность поддерживается не столько правовыми, сколько политическими и административными ресурсами. Конечно, мы должны понимать, что сфера политического значительно шире, чем правового. Право, как его не понимай, было, есть и будет инструментом политического регулирования.

В континентальной Европе не только существует разделение права на частное и публичное, весьма условное в настоящее время, но и детально разработанная система законодательства. Р. Давид констатирует: «Публичное право и частное право во всех странах романо-германской системы распадаются на одни и те же основные отрасли: конституционное право, административное право, международное публичное право, уголовное право, процессуальное право, гражданское право и торговое право, трудовое право и т.д. То же совпадение наблюдается и на более низком уровне - правовых институтов и понятий…» [3, с. 62].

Основным направлением в развитии континентальной системы права является систематизация. Меняются объекты систематизации – обычаи, законы, административные регламенты, или отрасли, к примеру, гражданское право, но тенденция сохраняется. Она выражается в том, чтобы право оставалось системным образованием.

Другие же авторы придерживаются «консервативного» подхода, в основе которого лежит отраслевое деление. Но и здесь ощущается необходимость внесения не-

которых корректировок. Раздаются даже призывы отказаться от предмета правового регулирования как основного критерия деления норм на отрасли.

Ключевой характеристикой данной категории по-прежнему является однородность общественных отношений. Именно эта качественная определенность пока еще позволяет отграничивать нормы одной отрасли права от другой. Иногда, с трудом. Из личного опыта преподавания дисциплины «Проблемы теории права» могу констатировать, что студенты постоянно жалуются на то, что они по нескольку раз проходят «одно и то же», но в рамках различных отраслей права. Представляется, что это объясняется совпадением предметов правового регулирования различных отраслей законодательства. Проблема состоит лишь в степени такого совпадения.

Тем не менее, *складывается впечатление, что в современной литературе, образовательном процессе вообще перестали различать понятия «отрасль права» и «отрасль законодательства». Куда-то исчезло понятие «смежная отрасль права».* Редкий учебник или монография обходится без трафаретной формулировки, а именно: данная совокупность норм представляет собой «комплексную отрасль права»[2].

Выскажу для большинства юристов категоричную мысль. Она состоит в том, что никаких *комплексных отраслей права нет и быть не может.* Если только не путать отрасли права и отрасли законодательства. В большинстве зарубежных вузов изучают право. Разумеется, отдается предпочтение классическим отраслям. Недаром романо-германскую правовую систему называют системой гражданского права. Этой традиции много веков. В нашей стране привыкли ориентироваться на законодательство, сыпучее как песок. Так вот, отрасль права характеризуется относительно «чистым» предметом правового регулирования. Именно отраслевой принцип был изначально заложен в системе юридического образования и науки. И совсем иное дело – система законодательства. При его формировании государство руководствуется совсем другими категориями, нежели соображениями юридической «чистоты». Это очевидные вещи, которые почему-то не всегда принимаются во внимание. Правда, отрасли права могут называться в зарубежной литературе и правовыми комплексами. Опять же, что под этим понимать? Версии различные, но, так или иначе, всё сводится к предмету регулирования.

Необходимо определиться с понятиями. Но, прежде всего, с теми, которые вынесены в заглавие статьи. В юридической науке и практике давно сложилась такая категория, как правовая общность. Чаще всего под ней понимают некую совокупность отраслей права. К примеру, правовыми общностями являются материальное и процессуальное право. Они регулируют целые комплексы общественных отношений. Некогда было принято считать, что процессуальные нормы выполняют по отношению к материальным некую вспомогательную функцию, то есть, они должны обеспечить реализацию материальных норм права. В настоящее время соотношение материального и процессуального права понимается несколько иначе.

Правовыми общностями или структурными правовыми общностями можно назвать частное и публичное право. Деление права на частное и публичное восходит

[2] В советские времена изучали 10-12 отраслей права. Некоторые из них можно было назвать в таком качестве очень условно. Точное количество «отраслей» в настоящий момент не поддается никакому подсчету.

еще к Древнему Риму. Ульпиан, один из пяти римских юристов, мнения которых относительно римских законов признавались источниками права, удачнее других сформулировал функции частного и публичного права, обозначив разницу между ними [4, с. 330].

Однако и соотношение частного права и публичного изменилось. Как считает известный французский компаративист Р. Давид, деление права на частное и публичное осталось только в традиции. Основные нормы этих отраслей могут иметь различия [3, с. 62-63].

На практике никакого водораздела между ними давно нет. Все отрасли права имеют смешанный характер. Другое дело, что в одних доминирует частное начало, а в других – публичное. Публичное право постоянно расширяет границы правового регулирования.

Представляется, что «социоправо» в юриспруденции должно занять ровно такое же место, какое занимает «социоэкономика» в экономической науке.[3] И поверхностным суждениям здесь не место. Экономика, особенно рыночная, несет серьезные социальные издержки. Рынок не только решает много проблем, но и порождает их.

Обычно восполнять недостатки (издержки) рыночной модели экономики приходится государству. В этой связи закономерным шагом государственного строительства стало социальное государство. Именно оно в состоянии обеспечить достойный уровень жизни своим гражданам, учитывая крайне индивидуальное представление об этой категории.

Социальное государство – объективный этап в его развитии как политико-правового института. Оно не подменяет, но существенно дополняет проект правового государства. Хотя в каждой стране существует свои представления и национальные модели данного государства, имеются какие-то общие черты. Правовое государство, как его представляли «отцы-основатели», преимущественно должно было заниматься только охраной правового порядка. Никаких социальных обязательств перед своими гражданами оно не несло.

Этой модели соответствовало и присущее ей понимание права. Правовые механизмы были вне какой-либо социальной обременительности. До определенного момента «священный» характер собственности был своеобразным правовым каноном. Со временем пришло понимание того, что «собственность обязывает». Данный постулат получил в некоторых государствах конституционное закрепление. Меняется содержание конституций, но он продолжает оставаться актуальным.

Экономика постепенно стала социализироваться. Вместо рыночной экономики стали больше говорить о «социально ориентированной рыночной экономике».

Такие процессы происходят (или должны происходить) и в правовой сфере. Исключительно российской, а затем и советской юриспруденции принадлежит теоретическое, а затем и практическое закрепление «права на достойное существование».

Во многом сегодня нам предстоит пересмотреть роль государства и права. В постсоветский период было принято писать и говорить об излишней «социальной

[3] Основателем принято считать А. Этциони. Предмет данного научного направления в самом общем виде составляет взаимное влияние экономики на человека, и наоборот. Отечественная экономическая наука пошла дальше. Она делает акцент на социальной ориентированности рыночной экономики.

нагруженности» государства. Это квалифицировалось как продолжение советской модели, которая провоцировала иждивенческие настроения. Если говорить откровенно, то основания для этого были. Мотивация к производительному труду минимизировалась уравнительностью, когда фактически за разный труд выплачивалась одинаковая заработная плата. Конечно, это не способствовало развитию экономических отношений в нашей стране.

Отказ от советской модели сопровождался очень чувствительными экономическими переменами. В 90-годы были «отпущены» на волю цены, что спровоцировало массовую нищету в стране. Закрывались предприятия, росла безработица. Недовольство нарастало, что вылилось в драматические события октября 1993 г. Многие авторы и по сей день называют этот период эвфемизмом – «конституционный кризис». В юридической литературе данного этапа господствовали либеральные взгляды. Ни о какой реальной социальной функции государства и права речь не шла. Только существенная деградация социогуманитарной сферы привела к пересмотру приоритетов.

Идеи свободы и равенства очень плохо, а если говорить более конкретно, абсолютно несовместимы друг с другом. Свобода автоматически включает различные основания (демографические, возрастные, социальные, политические и др.) для усугубления неравенства между людьми. И наоборот, требования равенства могут ограничивать свободу. В советский период пожертвовали свободой ради равенства. В постсоветский произошло ровно наоборот. Именно не очень удачное соотношение свободы и равенства включили в повестку дня социальные ориентиры общества и государства.

Социоправо необходимо рассматривать в трех аспектах. Хотя такой подход может вызывать и определенные возражения.

Первый является чисто правовым. В этой связи под социоправом можно понимать некую совокупность отраслей российского права, которые более всего ориентированы на социосферу и посредством тех возможностей, которыми они располагают, могут качественно преобразовывать социальную среду.

Второй аспект характеризует социоправо в качестве одного из направлений в рамках стратегического проекта «Приоритет – 2030» [5]. Объективно социоправо занимает центральное место в рамках данного стратегического проекта.

И, наконец, третий аспект. Его довольно трудно идентифицировать. Социоправо в этом смысле представляет скорее направления, некоторые сферы (сегменты) российского социума, в которых при помощи правовых механизмов необходимо осуществлять определенную, общественно значимую и социополезную деятельность. Из этого вытекает необходимость последовательно рассмотреть социоправо через призму этих аспектов.

Социоправо как комплексная правовая общность и как стратегический проект, в отличие от других, более всех социально ориентирован. Конечно, все отрасли права, в конечном счете, защищают права человека. Тем не менее, важны акценты. Здесь не должно быть место всевозможным декларациям и всякого рода теоретическим конструкциям. Человек должен быть социально защищен. Причем, на всех этапах его жизненного пути. Особенно, когда в силу возраста уже не может сам экономически обеспечивать себя.

Все отрасли права, которые можно «включить» в социоправо, защищают, прежде всего, интересы человека и общества. Условно, отрасли российского права можно считать наиболее крупными элементами социоправа как комплексной правовой общности. И все-таки, наиболее социально ориентированными являются конституционное право, трудовое право, семейное право, право социального обеспечения. Но это не значит, что в социоправо нельзя включать уголовное право или гражданское. Все они, по-своему, в силу предмета правового регулирования, защищают права человека, интересы общества. При этом не стоит забывать и об интересах государства. Особенно тогда, когда они не совпадают с личными и общественными. Всегда приносить в жертву интересы государства в угоду потребностям личности и общества в русле «либеральной» традиции неправильно. Стоит помнить об относительной самостоятельности государства от общества, равно, как и наоборот. Но еще лучше стремится к поиску баланса личного и общественного интереса, публичного и частного. В данном аспекте роль государства трудно переоценить.

В социоправе особо следует выделить роль трудового права и права социального обеспечения. Структурные изменения в экономике ставят на повестку дня вопросы разработки Национальной концепции занятости населения, и может быть даже, нового Трудового кодекса. Действующий как некий «компромисс между капитализмом и социализмом» постепенно утрачивает свое регулятивное воздействие.

Комплексную правовую общность и стратегический проект «Социоправо», по нашему мнению, необходимо развивать в тесном взаимодействии с другими проектами – «Геоправо», «Биоправо», «Киберправо», «Экоправо», «Техноправо», которые предусмотрены Программой развития университета имени О.Е. Кутафина. *В известном смысле стратегический проект «Социоправо» является центровым среди них, поскольку фундаментальной целью этого проекта является Человек – его права и свободы, безопасность, комфортные условия существования и проч.*

Из этого следует, что цели и задачи других проектов, а в целом – целеполагание должны быть едиными, ориентированными на решение именно этой базовой цели. Другими словами, цель – Человек (Социоправо), а средства – это геоправо, киберправо, биоправо, экоправо, техноправо. Да и бизнесправо. Представляется очень важным не допустить перемены мест, как это нередко было в нашей истории. К сожалению, в новейшей, в том числе. Заявления о смерти капитализма в его современном виде, которые звучат на самом высоком политическом уровне, являются слишком запоздалыми. Причем, не только в нашей стране. И, тем не менее, «квазикапиталистические реформы» последних тридцати лет «ударили» именно по человеку. Славянский этнос, некогда государствообразующий (как в имперский период, так и в советский), в настоящее время претерпел самые большие потери: демографические, социокультурные, нравственные, мировоззренческие, смысловые. Фактически исчезли два самых массовых класса, а именно пролетариат и крестьянство. История беспристрастно свидетельствует, что именно славянский этнос был «строительным материалом» имперского и советского проектов. И разумеется, самым пострадавшим.

Промышленность и сельское хозяйство были сферой приложения основных масс славянского населения. Демографические потери, связанные с низкой рождаемостью и высокой смертностью государствообразующего народа, если называть вещи своими именами, являются катастрофическими. По-прежнему, русские являются

самым большим разделенным народом. И что особенно важно, на территории бывшей Российской империи, СССР. Их положение в «самостоятельных» республиках де-юре и де-факто оставляет желать лучшего. Это если оставаться в рамках политкорректности. К сожалению, Российская Федерация до настоящего времени не предпринимает адекватных положению мер реагирования, ограничиваясь ничего не значащими дипломатическими заявлениями. Во все времена такая политика расценивалась как проявление слабости. Она порождает безнаказанность. Наряду с этим буквально на глазах меняются модели поведения мигрантов. Они довольно легко получают российский паспорт. Во всяком случае, быстрее, чем русскоговорящие, проживающие в республиках бывшего СССР. Механизм очевиден. Государство последовательно наращивает усилия по интегрированию мигрантов, оказывая им всемерную поддержку. Россия идет по европейской модели «мультикультурности», которая провалилась с оглушительным треском. Не надо быть провидцем, чтобы предугадать последствия такой политики и в нашей стране.

Чуть более мягкие процессы наблюдаются и в некоторых субъектах Российской Федерации. И снова молчание и надежда на то, что все разрешится само собой. В том-то и дело, что не разрешится. *Политика замалчивания проблем только усугубляет их.*

Особенность настоящего момента состоит в том, что ***никаких иллюзий больше ни у кого нет.*** Сознательно проводимая политика **хаотизации** мировых процессов и попытки внедрить её в нашу страну больше не скрывается. Строя любые планы, необходимо отталкиваться от реальности.

Практически все стратегические проекты, принимая во внимание условность их наименования, уже более или менее объективированы. И что очень важно, благосклонно встречены научной общественностью. За исключением «Геоправа» и «Социоправа». Это принципиально новое. И все-таки, у Геоправа есть известный «задел» в сфере политики (собственно политическая теория и геополитика) и права (международное право). Разумеется, не только.

«Социоправо» ощутимой основы пока не имеет. Самая большая проблема в этой части состоит в том, *чтобы объективировать смысловую, содержательную и главное – практическую составляющую данного стратегического проекта.* Представляется, что усилия должны быть направлены в первую очередь именно на это.

Очевиден междисциплинарный и межотраслевой характер «Социоправа». Что касается междисциплинарности, то данный проект не может быть реализован без интеграции таких отраслей научного знания, как: история, философия, социология, этика, политическая экономия, религиоведение (общенаучные дисциплины). Межотраслевой характер проекта диктует взаимодействие таких юридических дисциплин, как: история государства и права, теория государства и права, конституционное право, муниципальное право, трудовое право и право социального обеспечения, семейное право и международное право. Особенно, международное частное право.

Теперь о социоправе как синтезе определенных направлений деятельности. Коль скоро миссия Университета имени О.Е. Кутафина состоит в том, чтобы генерировать инновационные знания в области права, представляющие собой ценностные, гуманистические и правовые механизмы, позволяющие обеспечить научно-технологическое и социально-гуманитарное лидерство России, моделировать и преображать социальную, информационную, природную, биологическую, простран-

ственную и техно-сферы на национальном и глобальном уровне (п.1.2. Программы развития Университета) [6], то проект «Социоправо» совершенно точно должен быть нацелен на формирование ценностной и гуманистической основы такого лидерства. И, разумеется, правовых механизмов. Но только при условии тесной кооперации с другими стратегическими проектами.

Особенность ситуации состоит в том, что России предстоит долгая и очень упорная борьба за технологическое лидерство. Здесь есть некоторые шансы. При условии определенной политики. За годы «реформ», к счастью, не все успели «оптимизировать».

Что касается социально-гуманитарного лидерства, то в этой сфере, как раз у России есть огромные преимущества. Увы, сбываются мрачные пророчества, как отечественных мыслителей, так и зарубежных о возможной деградации, и даже гибели европейского социокультурного проекта. Регенерация данного проекта как раз связывалась с особой миссией России. Сегодня это признает значительная часть западных интеллектуалов. Политические лидеры в своей основной массе – нет. Однако, консенсус возможен. Но это, как говорится, вопрос времени. Безотносительно к согласию в западных элитах, в этом направлении нам есть чем заняться. Особенность именно этой миссии России состоит, скорее, не в проявлении активности, а в *сохранении здоровых консервативных начал особенного российского социума.*

Представляется очень своевременным принятие Указа Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В данном Указе традиционные ценности обозначены как нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России.

К традиционным ценностям отнесены жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Само появление данного указа радует. Утвержденные Основы государственной политики в этой сфере имеют статус документа стратегического планирования. А это значит, что его положения должны быть материализованы в важнейших социосферах, а именно, в культуре и образовании. Конечно, определенная противоречивость, проблема совместимости заявленных ценностей имеется. Но не это главное. Хорошо, что перезревшая проблема хотя бы как-то стала решаться.

2024 г. объявлен указом Президента РФ Годом семьи [7]. Традиционная крепкая семья должна стать приоритетным направлением социальной политики государства. Семейная проблематика – важнейшая в социоправе. Более широко, в орбиту социоправа входят демографические аспекты. Положение дел здесь откровенно тревожное. За 2022 г. население страны сократилось более чем на полмиллиона человек. За девять месяцев 2023 г. потеряно более 350 тысяч. В целом смертность несколько

сократилась. Но, к сожалению, сократилась и рождаемость. Сегодня она составляет 1,4, в то время, как только для простого воспроизводства общества необходимо, чтобы на одну женщину приходилось более 2.1 ребенка. Почти 70 % браков сегодня заканчивается разводом. Растет возраст, когда женщина рожает впервые. Ожидается, что к 2030 году женщины будут обзаводиться ребенком впервые к 30 годам. Это, конечно же, самым серьезным образом будет сказываться на здоровье населения. Очевидно, что есть необходимость в разработке Концепции семейной политики, которая должна быть нацелена на минимизацию проблем в этой сфере.

Многие выдающие российские мыслители, в частности П.А. Сорокин, квалифицировали Россию как страну идеократическую. Иными словами, Россия играла заметную историческую роль и являлась серьезным геополитическим субъектом только тогда, когда она олицетворяла собой какую-либо идею. Коль скоро советский проект был наиболее удачным за более чем тысячелетнюю историю России, то действующая Конституция 1993 г. установила запрет на идеологию в качестве государственной или обязательной.

О нелепости и вредности данной конституционной нормы сказано и написано много. Однако ничего не меняется. Очевидно, что межеумочное состояние российского общества, подкрепленное «идеологическим многообразием», кого-то устраивает. Но точно не абсолютное большинство российского социума.

В социоправо, кроме духовно-нравственного, органично входит и социополитическое направление, которое обоснованно связано с проблемой сохранения суверенитета страны как главного условия её дальнейшего существования в качестве независимого государства. В самом суверенитете, как политико-правовой категории, наиболее важное значение имеет политический и экономический аспект.

В настоящее время обоснованно ставится вопрос о технологическом, финансовом, продовольственном и даже когнитивном суверенитете. Все они, так или иначе, составляют национальную безопасность государства. Правовые основы обеспечения национальной безопасности – важнейшее направление в рамках социоправа.

Социоправо как следует из названия, интересует, прежде всего, социальная среда. Однако сегодня как бы параллельно с ней функционирует и цифровая сфера. Технологии – это не только благо, но и определенные риски. В этой связи уместно говорить и о цифровом суверенитете. Всемирная паутина представляет не только самые разные возможности, но и несет определенные угрозы, в том числе и национальной безопасности. В рамках социоправа активно развивается и такое направление как медиабезопасность. Сети способны оказывать деструктивное влияние на российское общество, и особенно на молодежь как социальную группу, с которой обоснованно связывается будущее страны. Разработка правовых основ обеспечения медиабезопасности – одно из направлений социоправа.

Цифровые технологии активно внедряются в правовую среду, в частности, в организацию судопроизводства. Мы сегодня обязаны задумываться о правосудии будущего. Технологии должны облегчать доступ к правосудию. В этой связи обозначилась проблема обеспечения цифрового равенства. Не только в сфере правосудия, но и в обществе в целом.

Одно из важнейших направлений социоправа – это противодействие фальсификации истории и сохранение исторической памяти. Наша страна, если говорить откровенно, не совсем адекватно отвечала на массированные попытки фальсификации

нашей истории, обвинения в развязывании мировой войны, насаждении якобы тоталитарных политических и экономических моделей во всем мире и, особенно в Восточной Европе. Сколько поколений студентов выучено по учебникам Фонда Дж. Сороса? И, между прочим, есть результат. На Украине он более очевиден, в России не столь нагляден, но он есть. Развязана настоящая война против России, в которой не выбирают средства. Особенно активны в этой части бывшие союзники нацистской Германии. Эти же страны более других участвуют и в санкциях. Все это очень закономерно. Задача состоит в том, чтобы переложить свою вину на других, освободить себя от всякого рода обязательств. Идет самая настоящая, бескомпромиссная война за умы и сердца людей. Мы не можем позволить себе в очередной раз проиграть.

Права человека едва ли не центровое направление социоправа. Вопреки насаждаемому мнению, именно наша страна внесла решающий вклад в формирование теории и практики прав человека. Особенно, в разработку и принятие Всеобщей декларации прав человека (Принята Генеральной ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) [8]. Парадоксальность ситуации заключается в том, что права человека стали активно использоваться нашими геополитическими противниками в идеологической борьбе. Ранее обеспечение социально-экономических прав было приоритетным направлением. СССР обвиняли в нарушении как раз гражданских и политических прав. Определенные основания для этого были. Ну а где их не было, и нет?

В настоящее время права человека, особенно в западной правовой традиции шагнули столь далеко, что серьезным образом стали противоречить морали, нравственности, православной христианской и мусульманской этике. Не соответствуют они буддизму и иудаизму. Эти религии также являются традиционными для России. Сегодня впору говорить о правовой защите нравственных и религиозных ценностей. Западная цивилизация встала на путь «расчеловечивания человека».

Права человека, как показала история, не могут быть универсальными, одинаково пригодными для разных эпох, цивилизаций, религий. В этой связи ставится задача разработки национальной Концепции прав человека. Она должна органично сочетаться с социокультурным кодом уникальной российской цивилизации. Разработка данной концепции есть важнейшее направление социоправа.

Таким образом, социоправо можно рассматривать как правовую общность, как один из стратегических проектов в рамках «Приоритет – 2030» и как определенные направления деятельности в социосфере. Все вместе они составляют органическое единство, которое обеспечивается правовыми механизмами их реализации.

Кроме того, весьма перспективной может оказаться дальнейшее развитие системы российского права не только по отраслевому принципу, но и дополняться предметными сферами правового регулирования. Социоправо лучший тому пример. Отрасли, условно в него входящие, объединены единством не столько предмета правового регулирования, сколько целеполаганием. Сегодня любая проблема находится, как правило, на стыке различных отраслей знания и различных отраслей правового регулирования одновременно. Можно считать это основной тенденцией современного развития права. Очевидно, что это повлечет за собой несколько иное понимание системно-структурного построения российского права. Здесь не нужно торопиться. Однако общие контуры уже просматриваются. Юридическая наука уже существенным образом трансформировалась. Произошло обоснованное укруп-

нение научных специальностей. И как показывает практика, это дает более продуктивные в научном плане результаты.

Список литературы:

1. Антология мировой правовой мысли: в пяти томах. М., «Мысль», 1999, Т. 3. – С. 109.
2. Лафитский В.В. Миры права в теории и практике сравнительного правоведения: в 2 томах. М., «Проспект», 2021, Т.1. – С. 287.
3. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., «Международные отношения», 1996.
4. Антология мировой правовой мысли: в 5 томах. М., «Мысль»,1999, Т.1. – С. 330.
5. Приоритет 2030. – URL: Приоритет 2030 | Государственная программа поддержки университетов Российской Федерации (дата обращения – 06.11.2024).
6. Приоритет 2030. Программа развития Университета. – URL: Приоритет 2030 (дата обращения – 06.11.2024).
7. Наступивший 2024 год объявлен в России Годом семьи. – URL: 2024 год Указом Президента Владимира Путина объявлен в России Годом семьи (дата обращения – 06.11.2024).
8. Всеобщая декларация прав человека (Принята резолюцией 217 A (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 год). – URL: Всеобщая декларация прав человека — Декларации — Декларации, конвенции, соглашения и другие правовые материалы (дата обращения – 06.11.2024).

Kornev A. V. socio-law and the prospects of formation of the concept of system-structural construction of the Russian law // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 103–113.

The article is mainly devoted to socio-law, which is considered in its three meanings: a specific legal community; one of the strategic projects “Priority - 2030”; and as one of the directions of activity of society and the state using legal means. Its fundamental, central importance among other projects is proved. This fully corresponds to the conceptual provisions of the message to the Federal Assembly of the President of the Russian Federation V.V. Putin dated February 29, 2024. Putin's message to the Federal Assembly of February 29, 2024. Emphasis is placed on socio-law as a legal community. At the same time, the article touches upon the problem of further development of the Russian system of law, which is still based on the branch principle. Argumented objections to the refusal to systematize Russian law, which allegedly does not exist in other legal systems, are given. The distinctions between such categories as branch of law and branch of legislation, which in modern literature, as a rule, are not carried out, are outlined. The problem of forming a concept of system-structural construction of Russian law that meets the demands of the time is raised. The hypothesis of legal communities (legal complexes), which do not cancel, but significantly supplement the branch approach with new methodological possibilities, is put forward.

Keywords: state, legislation, innovation, society, law, priority, legal community, legal complex, system, socio-legal, structure, jurisprudence.

Spisok literatury:

1.Antologiya mirovoj pravovoj mysli: v pyati tomah. M., «Mysl'», 1999, T. 3. – S. 109.
2.Lafitskij V.V. Miry prava v teorii i praktike sravnitel'nogo pravovedeniya: v 2 tomah. M., «Prospekt», 2021, T.1. – S. 287.
3.David R., ZHoffre-Spinozi K. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti. M., «Mezhdunarodnye otnosheniya», 1996.
4.Antologiya mirovoj pravovoj mysli: v 5 tomah. M., «Mysl'»,1999, T.1. – S. 330.
5.Prioritet 2030. – URL: Prioritet 2030 | Gosudarstvennaya programma podderzhki universitetov Rossijskoj Federacii (data obrashcheniya – 06.11.2024).
6.Prioritet 2030. Programma razvitiya Universiteta. – URL: Prioritet 2030 (data obrashcheniya – 06.11.2024).
7.Nastupivshij 2024 god ob"yavlen v Rossii Godom sem'i. – URL: 2024 god Ukazom Prezidenta Vladimira Putina ob"yavlen v Rossii Godom sem'i (data obrashcheniya – 06.11.2024).
8.Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka (Prinyata rezolyuciej 217 A (III) General'noj Assamblei OON ot 10 dekabrya 1948 god). – URL: Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka — Deklaracii — Deklaracii, konvencii, soglasheniya i drugie pravovye materialy (data obrashcheniya – 06.11.2024).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 114–123.

УДК 34.023

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ ФОРМАТ МОЛОДЁЖНОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНОГО ОПЫТА

Хмелевская И. Г.

Юридический институт Белгородского государственного национального исследовательского университета

В современных российских реалиях постоянным компонентом общественно-политической инфраструктуры выступают молодёжные парламенты, учрежденные при законодательных органах в каждом субъекте Федерации. Указанные молодёжные структуры, нормативно являясь совещательным и консультативным параметром, объединены общей концептуальной идеей представительства интересов молодых граждан в непрерывном диалоге с управленческо-властным сектором и их непосредственного участия в реализации эффективной государственной политики. Однако детализация организационно-правовых характеристик региональных молодёжных парламентов демонстрирует существенную разницу по ряду базовых индикаторов – количественному составу молодёжного органа, механизму его формирования, сроку полномочий, цензовой политике. Целью исследования является определение оптимального типового набора атрибутов молодёжных парламентов в пределах анализа конкретных нормативных особенностей территориальных органов подобного формата. Методология исследования предполагает комбинацию общенаучных, частнонаучных и специально-юридических методов. С учётом высокой вариативности содержательных и процедурных нюансов работы молодёжных парламентов, декларируется необходимость умеренной стандартизации их организационных и нормативных характеристик. Сделан вывод о невозможности конструирования продуктивной молодёжной экосистемы, обеспечивающей реальное участие молодых граждан в законотворческой и политической деятельности, без частичной унификации функциональных черт молодёжных парламентских структур.

Ключевые слова: молодёжный парламент, общественная молодёжная палата, совещательные и консультативные органы, законодательные органы, законодательная инициатива, выборы, государство, молодёжь, государственная молодежная политика.

Процесс интенсивного институционального оформления молодежной представительской инфраструктуры в российских органах законодательной и исполнительной властей начался в конце XX ст. и в настоящее время его результатом стало функционирование в каждом субъекте Российской Федерации соответствующего объединения, наделенного определенными правами и выполняющего роль совещательного и консультативного компонента. Молодёжное сообщество достаточно органично встроено в управленческо-властную вертикаль, что предоставляет ему возможность непосредственной реализации своих коммуникативных амбиций посредством участия в разнообразных общественных формированиях – молодёжных парламентах и правительствах, комиссиях и советах и т.д.

Практика показывает, что обозначенная молодёжная платформа представлена преимущественно парламентскими модулями. Своеобразным маркером, свидетельствующим о завершении трансформации внутри диалога государства и молодёжи, стало утверждение в июне 2024 г.а положения о Молодежном парламенте при Народном Собрании (Парламенте) Карачаево-Черкесской Республики [1], который стал «завершающим» 89-м образованием подобного типа.

Данный «финальный аккорд» выдвигает перед исследователями новую актуальную задачу – установить, имеются ли в сложившейся практике предпосылки к созданию «молодёжной экосистемы» как совокупности взаимосвязанных и однородных по своей сути молодёжных органов, представляющих интересы данной социальной страты на всех уровнях и находящихся в непрерывном контакте с государственным сектором.

Можно предположить, что при отсутствии эффективной централизованной координации со стороны федерального центра молодёжные парламенты так и останутся разрозненными самостоятельными единицами, объединёнными лишь общей популистской идеей, а их учреждение – своеобразный тренд, от которого нельзя отказаться в силу необходимости подтверждения политической лояльности.

В рамках ответа на поставленный вопрос мы предприняли попытку провести фактологический анализ организационно-правовых оснований для деятельности молодёжных парламентов в субъектах Федерации и сформировать концепцию о содержательном и процедурном наполнении «типового» органа такого формата.

Ключевыми показателями для рассмотрения организационно-правового генезиса функционирования молодёжных парламентов нами избраны: легальный статус, количественный состав органа, механизм его формирования, срок полномочий, а также возрастной и иные цензы.

В качестве объектов изучения выступили Молодежная палата (Молодежный парламент) при Московской городской Думе [2] (Центральный федеральный округ), Молодежный парламент при Законодательном Собрании Санкт-Петербурга [3] (Северо-Западный федеральный округ), Молодежный парламент при Законодательном Собрании Ростовской области [4] (Южный федеральный округ), Молодежный парламент при Думе Ставропольского края [5] (Северо-Кавказский федеральный округ), Молодежный парламент при Законодательном Собрании Нижегородской области [6] (Приволжский федеральный округ), Молодежный парламент Свердловской области [7] (Уральский федеральный округ), Молодежный парламент Новосибирской области [8] (Сибирский федеральный округ), а также Молодежный парламент Приморского края при Законодательном Собрании Приморского края [9] (Дальневосточный федеральный округ).

Фундаментом для позиционирования региональных молодёжных парламентов в качестве совокупности тождественных по своей сути органов служит их нормативно зафиксированная симметрия. Дублирование формального статуса и перечня базовых задач следует из одного официального акта в другой, утверждая системное единство молодёжных парламентов, которые в общем виде представляют собой совещательные и консультативные органы при региональных законодательных собраниях.

В ряде случаев эта легальная дефиниция дополняется опциональными атрибутами – коллегиальностью, указанием на соответствие деятельности нормативным правовым актам РФ, добровольность формирования и деятельность на общественных началах, усиливающими представительно-совещательную природу молодёжных парламентов.

Функциональная составляющая указанных структур также характеризуется комплексностью и включает следующие элементы: представление и защиту интересов молодёжи; разработку рекомендаций и предложений по совершенствованию зако-

нодательства (преимущественно в сфере молодёжной политики); участие в обсуждении и оценке проектов нормативных правовых актов, регулирующих в том числе права молодёжи; формирование активной гражданской позиции, правовой и политической культуры молодёжного сообщества; повышение интереса молодёжи к работе законодательных и иных структур государственного сегмента; изучение мнения молодёжи о деятельности органов государственной власти; развитие сотрудничества с молодёжными совещательными консультативными органами и т. д.

Таким образом, с практической точки зрения все региональные молодёжные парламенты реализуют одну и ту же функцию, являясь коллегиальной консультативной структурой при законодательном органе и представляющей интересы молодёжи. Это позволяет прогнозировать интегративную природу взаимодействий данных коллективов и определённую потребность в стандартизации их организационно-правового оформления.

Однако, несмотря на тождественность функционального содержания деятельности молодёжных парламентов, детальное изучение процедурных аспектов их создания демонстрирует отсутствие единой политики в данном направлении.

Минимальные различия понятийного спектра диагностируются уже на стадии перечисления молодёжных органов.

Так, в пределах представленной выборки нами выявлены три автономные версии наименования молодёжных парламентов: с привязкой к конкретному субъекту Российской Федерации (Молодежный парламент Новосибирской области); к законодательному органу (Молодежный парламент при Законодательном Собрании Санкт-Петербурга); одновременно к ним обоим (Молодежный парламент Приморского края при Законодательном Собрании Приморского края).

С одной стороны, подобная вариативность – результат гибридных локальных стратегий, не оказывающих принципиальное влияние на работу молодёжных парламентов, с другой – потенциальный риск разного восприятия одной и той же структуры.

Терминологическая зависимость молодёжного парламента от представительного органа региона буквально реплицирует нормативно закреплённое положение первого, косвенно ограничивая его сферу деятельности в пределах законодательной ветви власти, одновременно создавая и условия соподчинённости, и амплуа «младшего партнера», находящегося в непрерывном взаимодействии с государственным сектором.

В свою очередь, категориальная связь исключительно с субъектом Федерации, предоставляя техническую «свободу» от официальных органов, фигурально направляет молодёжный парламент по пути статусной независимости, что с учётом нормативных свойств является лишь имитацией самостоятельности.

Все обозначенные формулировки имеют безусловное право на существование, однако выбор конкретной из них подразумевает генерирование идейного базиса функционирования молодёжных парламентских компонентов в целом.

На наш взгляд, в современных реалиях наиболее оптимальной моделью наименования молодёжных парламентов представляется именно прикрепление к региональной законодательной структуре с перспективой масштабного участия молодёжи в правотворческом процессе.

Использование же в официальном названии молодёжного парламента обозначения и субъекта Российской Федерации, и законодательного органа, по нашему мнению, олицетворяет избыточную интерпретацию.

Следует обратить внимание на ситуацию, когда в отношении молодежного парламента фиксируется ярко выраженный понятийный дуализм – одновременная идентификация молодёжного органа по двум самостоятельным категориям (например, Молодёжная палата (Молодёжный парламент) при Московской городской Думе).

Отождествление молодёжного парламента и молодёжной палаты (или общественной молодёжной палаты) – явление не уникальное. В подобном неопределённом с точки зрения правового статуса организационном формате действует целый ряд региональных структур, в частности, Общественная молодежная палата (Молодежный парламент) при Мурманской областной Думе, Общественная молодежная палата (Молодежный парламент) при Государственном Собрании Республики Мордовия, Молодежная палата (парламент) при Законодательном Собрании Тверской области и др.

Проведённое нами исследование показало, что эпизодически обнаруживаются и примеры, иллюстрирующие полное отсутствие парламентской составляющей в официальном наименовании коллектива, объективно функционирующем как молодёжный парламент (Общественная молодежная палата при Тюменской областной Думе, Общественная молодежная палата при Костромской областной Думе, Общественная Молодежная палата при Курской областной Думе и др.).

Такого рода модель организации молодёжных органов – отчасти дань традициям. Подобная практика обозначения была характерна для ранней стадии становления молодёжного парламентаризма в РФ.

Но современный федеральный опыт реформирования молодёжной парламентской структуры задаёт новый трансформационный вектор.

Молодежный парламент при Государственной Думе Федерального Собрания РФ, на момент учреждения в 2001 г. именуемый Общественной молодёжной палатой [10], а с 2008 г. сочетавший в себе две характеристики [11], в 2023 г. окончательно отказался от категории молодёжной палаты, сохранив причастность только к парламентскому модулю [12].

Станет ли это общенациональной тенденцией – вопрос времени. Де факто разница в обозначениях – не более чем наличие альтернативы, но текущие понятийные разногласия вносят определённый диссонанс в имиджевые и функциональные характеристики молодёжных парламентов, особенно на фоне существования общественных организаций в формате «молодёжных палат», позиционирующих себя как институты гражданского общества.

Вместе с тем детализация содержательных параметров рассматриваемых молодёжных структур только усиливает выявленный контраст между ними.

Критическим параметром, демонстрирующим существенные отличия в опыте функционирования молодёжных парламентов, является численный состав органов и механизм их формирования.

Сама по себе количественная метрика – показатель довольно дискуссионный и не несущий принципиальной нагрузки – в рассматриваемых регионах он варьируется от 40 до 75 членов молодёжного парламента. Но опыт отсутствия императивно

закрепленного числа молодых парламентариев в Ростовской и Свердловской областях служит характерным индикатором, сигнализирующим о существенных процедурных различиях в деятельности молодёжных парламентов.

Методика формирования той или иной структуры – один из ключевых факторов, отражающих её дальнейшую специфику и влияющих на общую эффективность в рамках возлагаемых функций.

В случае с молодёжными парламентами данный критерий вызывает значительный интерес по причине наличия у них формальной связи с законодательной властью, а также имеющейся разницы в способах комплектования составов данных структур.

Регионы предлагают оригинальные концепции наделения молодых граждан статусом члена консультативно-совещательного органа при законодательном собрании, среди которых – делегирование от уполномоченных субъектов, конкурсный отбор, прямые выборы, а также различные комбинации указанных способов.

Первые две из обозначенных практик предполагают включение в состав молодёжных парламентов по представлению отдельных лиц и коллективов и отличаются плановым количеством ступеней – если в рамках стандартного делегирования достаточно одного лишь решения полномочного субъекта, то при конкурсе из выдвинутых кандидатур комиссия по установленным критериям выбирает наиболее подходящих.

Указанные механизмы охватывают довольно широкий круг общественно-политических акторов. Наравне с «шаблонными» звеньями государственно-управленческой конъюнктуры – политическими партиями, органами исполнительной власти, главами и представительными органами муниципальных образований – выдвигать претендентов для включения в состав молодёжного парламента имеют право различные субъекты: от молодёжных правительств регионов, органов студенческого самоуправления образовательных организаций, молодёжных общественных организаций, имеющих статус юридического лица, до элементов территориальной самобытности – например, войскового атамана войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское» [4] и т.д.

Конкурсный отбор в контексте его рассмотрения как отдельного механизма формирования молодёжных парламентов не отличается однородностью. Помимо значительного числа субъектов, уполномоченных выдвигать кандидатов для включения в состав парламентов, а также возможности самовыдвижения, сам конкурс может проводиться различными способами, в частности, в форме демонстрации законотворческих и социально значимых проектов; презентационных видеороликов, содержащих краткие биографические данные, личные и профессиональные достижения, сведения о роде деятельности и мотивах выдвижения в молодежный парламент; а также состоять из нескольких этапов.

Стадийная практика, как правило, предусматривает последовательную оценку портфолио конкурсанта, открытое собеседование (презентацию проектов) и ассесмент-сессию – серию процедур, во время которых кандидатам предлагается выполнить ряд заданий [6].

Выборы, являясь наиболее близким к парламентской природе методом формирования молодёжных органов, предполагают явную параллель с демократическими

ценностями, но порождают композиционную дилемму о тотальном заимствовании традиционной «атрибутики» законодательных структур.

Однако на фоне локальной интеграции выборных механизмов в молодёжную парламентскую среду, диалог о перспективе абсолютного применения избирательных процедур пока не имеет широкого признания.

Это опосредовано как отчасти дифференциальным опытом регионов, так и необходимостью корреспондирующего материального сопровождения выборной конструкции.

В анализируемых субъектах РФ, практикующих выборы в молодёжный парламент, кандидаты избираются от муниципальных районов и городских округов, но, несмотря на формальное сходство по данному показателю, технические аспекты экспонируют различные организационные подходы – например, в Новосибирской области проведение выборов осуществляется региональной Молодёжной избирательной комиссией, в то время как в Ростовской области этот функционал возлагается на молодежные парламенты (советы) муниципальных образований, но фактически реализуется территориальными избирательными комиссиями.

Синкретический подход к созданию молодёжных парламентов, в рамках выборки представленный парными сочетаниями – «делегирование – конкурсный отбор» и «делегирование – прямые выборы», отличается высокой адаптивностью и потенциальным охватом большого числа активных молодых граждан, но наравне с положительными чертами заимствует и недостатки всех автономных способов.

Оценивая результативность презентованных методик формирования молодёжных парламентов, отметим, что конкурсный отбор и прямые выборы являются наиболее удачными и корреспондирующими их сущности. Они позволяют не только выявить реально заинтересованную в решении общественно-политических задач молодёжь, но и предоставляют каждому равные стартовые возможности, что не всегда достигается при выдвижении кандидатур от каких-либо уполномоченных субъектов.

Существуя в формате консультативной и совещательной структуры при законодательном органе, молодёжные парламенты, сформированные исключительно с использованием процедуры делегирования, рискуют превратиться в зависимый от тех или иных объединений и организаций корпус, лоббирующий не собственную молодёжную позицию, а идейную линию представляемых субъектов.

При этом, делегирование может стать весьма эффективной вспомогательной практикой при проведении конкурса или выборов, выделяя перспективных претендентов для последующей диагностики возможности их вхождения в состав молодёжного органа.

Условное «противостояние» выборов и конкурсного отбора подразумевает решение ряда вопросов.

С точки зрения объективности результатов, преимущество находится на стороне выборов – за кандидатов голосует непосредственно молодёжь региона или отдельного муниципалитета, при положительном прогнозе охватывающая значительный электорат. В состав же конкурсных комиссий входит довольно ограниченный круг граждан, не всегда относящихся к молодёжной социальной группе.

В контексте материально-технического обеспечения формирования молодёжных парламентов обе методики предполагают учреждение определённого коллектива

ответственных лиц – комиссии, оргкомитета и т. д., что опосредует необходимость привлечения различных ресурсов.

В этом аспекте конкурс выглядит убедительнее по причине наличия довольно качественной эмпирической базы, выборы же в молодёжные парламенты – практика пока не до конца проработанная и требующая обстоятельной апробации.

Учитывая природу молодёжных парламентов и даже их наделение в ряде субъектов Федерации правом законодательной инициативы, оптимальным форматом конструирования таких компонентов являются все же прямые выборы, которые транслируют следование парламентским принципам и гарантируют легитимацию членства в молодёжных структурах.

При этом, в реальности применение выборного механизма требует детальной нормативной проработки, как минимум, с точки зрения круга ответственных организаторов, избирательного кворума и прочих формальных реквизитов. Иначе в сфере молодёжного парламентаризма возникнет серьезный репутационный риск потери выборами статуса ведущего демократического института.

Суммарный обзор регионального опыта организации молодёжных парламентов акцентирует внимание и на разнице в сроках полномочий данных структур – в одних случаях он равен 2 или 2,5 годам, в других – легислатуре законодательных структур субъектов Федерации.

Полагаем, что юридически регламентированная связь молодёжного парламента с конкретным законодательным органом субъекта Российской Федерации создаёт объективные предпосылки для универсализации обоих периодов деятельности.

Цензовая политика также демонстрирует кардинальные различия в подходах регионов к формированию составов молодёжных парламентов.

Нижняя возрастная граница в выбранных для аналитики субъектах Федерации колеблется от 14 до 18 лет, а верхняя – от 25 до 35 включительно. «Интервальные» значения возможности причисления граждан к молодым парламентариям транслируют интересную динамику – в большинстве регионов период вероятного участия в совещательных структурах составляет около 20 лет. Подобный разрыв обуславливает реальную перспективу одновременного вхождения в молодёжный парламент и школьников, и представителей студенческой и трудящейся молодёжи.

Данный факт несёт в себе смешанную коннотацию – с одной стороны, возникает возможность «широкого представительства», где будет учтено мнение всего молодёжного сообщества, с другой – риск появления коммуникационных сложностей и внутренних разногласий.

Однако в условиях существования законодательно установленных возрастных пределов молодёжной социальной страты – от 14 до 35 лет [13], целесообразно проецировать эти рамки и на работу молодёжных парламентов в целях нивелирования не согласующихся между собой региональных значений.

В ряде регионов субсидиарными цензами являются место жительства потенциального молодого парламентария либо его работа (учёба) на территории определённого субъекта Российской Федерации.

На наш взгляд, подобные требования вполне обоснованы и диктуются потребностью вовлечения молодых граждан в обсуждение вопросов и проблем местной специфики, их осведомлённости о ситуации «как есть» и конструировании предметных предложений о том, «как будет».

Синопсис практического функционирования молодёжных парламентов в отечественном государстве указывает на противоречивую картину – региональные структуры при своём концептуальном единстве отличаются по иным ключевым показателям – наименованию, способу формирования, количественному и возрастному составу, сроку полномочий.

Подобные нормативные контрасты не являются категорическим отрицанием существования национальной молодёжной парламентской инфраструктуры, однако создают препятствия для совместного моделирования новой ценностной парадигмы взаимодействия государства и молодёжного сектора.

Идея рациональной и результативной интеграции молодёжи в управленческие процессы не может быть реализована в условиях расхождения базовых индикаторов молодёжных парламентских единиц и отсутствия координации со стороны федерального центра.

Запрос на ассимиляцию организационных и нормативных характеристик молодёжных парламентов уже высказан самим молодёжным парламентским корпусом в рамках разработки в Приволжском Федеральном округе Стандарта деятельности молодежного парламента (молодежной палаты) при законодательном органе субъекта РФ в субъектах РФ [14]. Но оценка его содержательных параметров и общей эффективности требует консолидации значительных усилий и проверки временем.

Таким образом, генерирование молодёжной экосистемы на данный момент остаётся вероятной перспективой, а не действительностью. Однако дальнейшая умеренная стандартизация создания и фактической работы молодёжных парламентов допускает потенциальную возможность инициирования синергетических процессов в данном направлении, позволяющих обеспечить реальное участие молодых граждан в законотворческой и политической деятельности на регулярной и гарантийной основе.

Список литературы:

1. Постановление Народного Собрания (Парламента) Карачаево-Черкесской Республики от 11 июня 2024 г. № 203 «Об утверждении положения о Молодежном парламенте при Народном Собрании (Парламенте) Карачаево-Черкесской Республики» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 12.10.2024).
2. Постановление Московской городской Думы от 27 сентября 2006 г. № 265 «О Молодежной палате (Молодежном парламенте) при Московской городской Думе» // Официальный сайт Московской городской Думы. – URL: https://duma.mos.ru (дата обращения: 12.10.2024).
3. Постановление Законодательного Собрания Санкт-Петербурга от 16 марта 2022 г. N 110 «Об утверждении Положения о Молодежном парламенте при Законодательном Собрании Санкт-Петербурга» // Официальный сайт Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. – URL: https://www.assembly.spb.ru/ (дата обращения: 12.10.2024).
4. Постановление Законодательного собрания Ростовской области от 25 февраля 2004 года № 296 «О Положении о Молодежном парламенте при Законодательном Собрании Ростовской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 12.10.2024).
5. Постановление Думы Ставропольского края от 28 марта 2019 г. № 1365-VI ДСК «Об утверждении Положения о Молодежном парламенте при Думе Ставропольского края» // Официальный интернет-портал правовой информации Ставропольского края. – URL: https://pravo.stavregion.ru (дата обращения: 12.10.2024).
6. Постановление Законодательного Собрания Нижегородской области от 31 января 2013 г. № 754-V «О принятии Положения о Молодежном парламенте при Законодательном Собрании Нижегородской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 12.10.2024).
7. Постановление Законодательного Собрания Свердловской области от 18 декабря 2018 г. № 1668-ПЗС «О Положении о Молодежном парламенте Свердловской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 12.10.2024).

8. Постановление Законодательного Собрания Новосибирской области от 19 ноября 2014 г. № 202 «Об утверждении Положения о Молодежном парламенте Новосибирской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 12.10.2024).
9. Постановление Законодательного Собрания Приморского края от 26 июля 2023 г. № 1008 «О Положении о молодежном парламенте Приморского края при Законодательном Собрании Приморского края» // Официальный сайт Законодательного Приморского края. – URL: https://www.zspk.gov.ru/ (дата обращения: 12.10.2024).
10. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 4 июля 2001 г. № 1742-III ГД «Об Общественной молодежной палате при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 29. Ст. 2975.
11. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 27 июня 2008 г. № 688-5 ГД «Об Общественной молодежной палате (Молодежном парламенте) при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 27. Ст. 3149.
12. Постановление Государственной Думы от 16 марта 2023 г. № 3315-8 ГД «Об утверждении Положения о Молодежном парламенте при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 12. Ст. 2007.
13. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Российская газета. 2021. № 1.
14. Единый стандарт работы молодежных палат могут внедрить в РФ и Белоруссии. – Текст: электронный // РИА Новости : [сайт]. – 2024. – URL: https://ria.ru/20240618/standart-1953734333.html (дата обращения: 22.10.2024).

Khmelevskaya I.G. The organizational and legal format of the youth parliamentarism in Russia: a comparative analysis of regional experience // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. 114–123.

In modern Russian realities, youth parliaments established under legislative bodies in each constituent entity of the Federation act as a permanent component of the socio-political infrastructure. These youth structures, being normative advisory and advisory parameters, are united by a common conceptual idea of representing the interests of young citizens in a continuous dialogue with the managerial and power sectors and their direct participation in the implementation of effective public policy. However, the detailed organizational and legal characteristics of regional youth parliaments demonstrate a significant difference in a number of basic indicators: the quantitative composition of the youth body, the mechanism of its formation, the term of office, and the censorship policy. The purpose of the study is to determine the optimal standard set of attributes of youth parliaments within the analysis of specific regulatory features of territorial bodies of this format. The research methodology involves a combination of general scientific, private scientific and special legal methods. Taking into account the high variability of the substantive and procedural nuances of the work of youth parliaments, the need for moderate standardization of their organizational and regulatory characteristics is declared. It is concluded that it is impossible to construct a productive youth ecosystem that ensures the real participation of young citizens in legislative and political activities without partially unifying the functional features of youth parliamentary structures.

Keywords: youth parliament, public youth chamber, advisory and advisory bodies, legislative bodies, legislative initiative, elections, state, youth, state youth policy.

Spisok literatury:

1. Postanovlenie Narodnogo Sobraniya (Parlamenta) Karachaevo-Cherkesskoi Respubliki ot 11 iyunya 2024 g. № 203 «Ob utverzhdenii polozheniya o Molodezhnom parlamente pri Narodnom Sobranii (Parlamente) Karachaevo-Cherkesskoi Respubliki» // Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii. – URL: https://www.pravo.gov.ru (data obrashcheniya: 12.10.2024).
2. Postanovlenie Moskovskoi gorodskoi Dumy ot 27 sentyabrya 2006 g. № 265 «O Molodezhnoi palate (Molodezhnom parlamente) pri Moskovskoi gorodskoi Dume» // Ofitsial'nyi sait Moskovskoi gorodskoi Dumy. – URL: https://duma.mos.ru (data obrashcheniya: 12.10.2024).
3. Postanovlenie Zakonodatel'nogo Sobraniya Sankt-Peterburga ot 16 marta 2022 g. N 110 «Ob utverzhdenii Polozheniya o Molodezhnom parlamente pri Zakonodatel'nom Sobranii Sankt-Peterburga» // Ofitsial'nyi sait Zakonodatel'nogo Sobraniya Sankt-Peterburga. – URL: https://www.assembly.spb.ru/ (data obrashcheniya: 12.10.2024).
4. Postanovlenie Zakonodatel'nogo sobraniya Rostovskoi oblasti ot 25 fevralya 2004 goda № 296 «O Polozhenii o Molodezhnom parlamente pri Zakonodatel'nom Sobranii Rostovskoi oblasti» // Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii. – URL: https://www.pravo.gov.ru (data obrashcheniya: 12.10.2024).
5. Postanovlenie Dumy Stavropol'skogo kraya ot 28 marta 2019 g. № 1365-VI DSK «Ob utverzhdenii Polozheniya o Molodezhnom parlamente pri Dume Stavropol'skogo kraya» // Ofitsial'nyi internet-portal

pravovoi informatsii Stavropol'skogo kraya. – URL: https://pravo.stavregion.ru (data obrashcheniya: 12.10.2024).
6. Postanovlenie Zakonodatel'nogo Sobraniya Nizhegorodskoi oblasti ot 31 yanvarya 2013 g. № 754-V «O prinyatii Polozheniya o Molodezhnom parlamente pri Zakonodatel'nom Sobranii Nizhegorodskoi oblasti» // Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii. – URL: https://www.pravo.gov.ru (data obrashcheniya: 12.10.2024).
7. Postanovlenie Zakonodatel'nogo Sobraniya Sverdlovskoi oblasti ot 18 dekabrya 2018 g. № 1668-PZS «O Polozhenii o Molodezhnom parlamente Sverdlovskoi oblasti» // Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii. – URL: https://www.pravo.gov.ru (data obrashcheniya: 12.10.2024).
8. Postanovlenie Zakonodatel'nogo Sobraniya Novosibirskoi oblasti ot 19 noyabrya 2014 g. № 202 «Ob utverzhdenii Polozheniya o Molodezhnom parlamente Novosibirskoi oblasti» // Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii. – URL: https://www.pravo.gov.ru (data obrashcheniya: 12.10.2024).
9. Postanovlenie Zakonodatel'nogo Sobraniya Primorskogo kraya ot 26 iyulya 2023 g. № 1008 «O Polozhenii o molodezhnom parlamente Primorskogo kraya pri Zakonodatel'nom Sobranii Primorskogo kraya» // Ofitsial'nyi sait Zakonodatel'nogo Primorskogo kraya. – URL: https://www.zspk.gov.ru/ (data obrashcheniya: 12.10.2024).
10. Postanovlenie Gosudarstvennoi Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii ot 4 iyulya 2001 g. № 1742-III GD «Ob Obshchestvennoi molodezhnoi palate pri Gosudarstvennoi Dume Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii» // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 2001. № 29. St. 2975.
11. Postanovlenie Gosudarstvennoi Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii ot 27 iyunya 2008 g. № 688-5 GD «Ob Obshchestvennoi molodezhnoi palate (Molodezhnom parlamente) pri Gosudarstvennoi Dume Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii» // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 2008. № 27. St. 3149.
12. Postanovlenie Gosudarstvennoi Dumy ot 16 marta 2023 g. № 3315-8 GD «Ob utverzhdenii Polozheniya o Molodezhnom parlamente pri Gosudarstvennoi Dume Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii» // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 2023. № 12. St. 2007.
13. Federal'nyi zakon ot 30 dekabrya 2020 g. № 489-FZ «O molodezhnoi politike v Rossiiskoi Federatsii» // Rossiiskaya gazeta. 2021. № 1.
14. Edinyi standart raboty molodezhnykh palat mogut vnedrit' v RF i Belorussii. – Tekst: elektronnyi // RIA Novosti : [sait]. – 2024. – URL: https://ria.ru/20240618/standart-1953734333.html (data obrashcheniya: 22.10.2024).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 124 –128.

УДК 34.03

РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФИНАНСОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ГРЕНЛАНДИИ И ФАРЕРСКИХ ОСТРОВОВ

Хрущев Р. С.
Крымский федеральный университета имени В. И. Вернадского

В статье представлено авторское видение, основанное на анализе соответствующих нормативных актов и научных публикациях организации, подчиненных правительству домашнего самоуправления Фарерских островов Правительственном банке Фарерских островов и о Фарерском совете по рискам. Подобный подход к самоуправляющимся (автономным) территориям является совершенно новым как мировой практике, так и в практики королевства Дания, так как существенно расширяет самостоятельность автономных образований в их финансовых действиях, операциях. При этом, получившая широкое самоуправление в 2009 г. Гренландия не обладает аналогичным по сфере действия институтом, а лишь может использовать действующие на ее территории коммерческие банки, однако, с использованием весьма детальных норм специального закона от 7 октября 2015 г.

Ключевые слова: королевство Дания, Фарерские острова, Гренландия, правительственный банк, функции, совет управляющих, директор-распорядитель, Совет по рискам.

Эволюция самоуправления (домашнего правления) Исландии, Фарерских островов и Гренландии – самобытное явление не только в истории Дании, но и в истории государства и права Европы, в том числе с области развития научно-практического осмысления процессов, связанных с развитием понятия «автономия». В данном ключе создание особых финансовых органов в автономных образованиях представляет собой новое явление, ранее практически не известно и, потому, не нашедшее формально-логического объяснения в науке государства и права.

Решение Дании о предоставлении Фарерским островам права вести собственную валютную и денежную политику актом 2005 г. [1] во многом базируется на имеющемся опыте регулирования данных вопросов со стороны Дании в отношении Фарерских островов и Гренландии, получившей широкую автономию в 2009 г. [2]. Создание в данных автономных образованиях собственных законодательных и исполнительных органов власти, в том числе правительств, с предоставлением права формирования собственных бюджетов и оперирования в их рамках финансовыми средствами, предопределило и необходимость образования и нормативного закрепления соответствующих финансовых институтов.

Крупнейшими банковскими организациями в Гренландии являются Grønlandsbanken и BankNordik, которые тесно взаимодействуют с Danmarks Nationalbank [3]. В частности, Банк Гренландии, действуя в качестве акционерного общества, является основным финансовым органом на острове [4].

Основным нормативным актом, регулирующим деятельность данной финансовой организации и аналогичных ей структур, является закон Дании от 15 октября 2015 г. [5], а также изменения к нему от 22 октября 2022 г. [6].

Иначе построена финансовая система Фарерских островов, основу которой составляют парламентские акты № 116 от 24.11.2016 г., о Правительственном банке Фарерских островов (далее – Банк) и о Совете по рискам [7]. Банк является финансовым учреждением и аналитическим агентством правительства Фарер, которое стремится обеспечить финансовую стабильность региона (§ 1.1). Банк – автономное

государственное учреждение, которое действует независимо от политической системы (§ 1.2), находится под управлением Совета управляющих (далее – Совет) и Директора-распорядителя (§ 2.1).

Совет состоит из 5 членов, которых Министр финансов назначает их на 3 года и может переназначать не более 4-х раз (§ 2.2). Если же член Совета управляющих не проработал полный срок, он может быть назначен повторно. Министр финансов назначает членов Совета по рекомендации Исполнительного совета Университета Фарерских островов и самостоятельно председателя.

При этом, как минимум 3 члена Совета должны быть экономистами со степенью магистра (kandidat), полученной в высшем учебном заведении. Члены Совета должны обладать профессиональной компетенцией в одной или нескольких из следующих областей знаний: экономика; финансы и кредитный рейтинг; фарерский язык; особые знания и понимание финансового сектора Фарерских островов или их экономики (§ 2.3.1). Компетенция членов Совета должна охватывать все области, указанные в § 2 абз. 3 п. 1-4 (§ 2.4). При этом, ни один член Совета не может работать в администрации министра правительства или в Правительственном банке (§ 6.1.1).

Совет управляющих назначает и увольняет Директора-распорядителя (§ 3); устанавливает правила и процедуры, регулирующие деятельность Совета и Директора-распорядителя; устанавливает необходимые условия, регулирующие управление ликвидностью правительства; устанавливает условия, регулирующие управления государственным долгом (§ 4.3); должен обеспечить, чтобы Банк следовал правилам и нормам, действующим для государственных правительственных учреждений (§ 5).

Т.к. Банк является государственным финансовым учреждением, муниципалитеты и общественные трасты или фонды могут использовать его в качестве банка (§ 6). Ликвидность и долг правительства управляются Банком в соответствии со специальными правилами, изданными Советом (§ 7).

Банк может привлекать средства на Фарерских островах и за рубежом (§ 8); управляет активами и долговыми обязательствами правительства (§ 9.1).

В тех ситуациях, когда Банк управляет определенными активами и долгами, Управляющий директор должен подготовить и задокументировать вопрос(ы), по которому(ым) должно быть принято решение (§ 9.2).

Ликвидность правительства управляется Банком в соответствии с условиями, установленными Советом управляющих (§ 10.1). Управление ликвидностью должно гарантировать: 1) чтобы у правительства всегда была необходимая ликвидность, и оно могло выполнить свои долговые обязательства; 2) чтобы ликвидность правительства управлялась надлежащим образом, с должным вниманием к фискальной безопасности, чтобы совокупный риск, связанный с ликвидностью и экономикой страны, был минимизирован, и 3) чтобы ликвидность правительства приносила доход в соответствии с рыночными ставками и условиями (§ 10.2).

Ликвидность правительства включает в себя всю ликвидность всех правительственных соответствующих администраций, всех правительственных учреждений и агентств и т.д. в соответствии с § 2, пар. 1 Акта о национальных государственных счетах, и т. д. (§ 10.3); включает в себя наличность в кассе, депозиты в финансовых учреждениях, неиспользованные кредиты в финансовых учреждениях и не ипотечные ценные бумаги (§ 10.4). Министр финансов должен обеспечить, чтобы ликвид-

ность правительства соответствовала не менее 15% ВВП за предыдущий год (§ 11.1).

В случае погашения или рефинансирования казначейского займа могут быть сделаны отступления от требования § 11 п. 1 до тех пор, пока не наступит срок погашения следующего казначейского займа. В таких случаях ликвидность правительства не может, однако, опускаться ниже 13% от ВВП предыдущего года (§ 11.2.1).

В августе каждого года Совет устанавливает сумму, указанную в п. 1 (§ 11.3.1). В том случае, если правительство явно не может выполнить требования, указанные в п. 1, Совет должен рекомендовать министру финансов увеличить ликвидность правительства, а также срок, к которому такие действия должны быть предприняты (§ 11.4.1).

Государственные учреждения не могут размещать средства, брать займы, заниматься производными финансовыми инструментами или предпринимать подобные финансовые решения без разрешения Банка (§5.1.1).

С учетом § 4, Совет должен разработать инвестиционную стратегию для размещения ликвидных средств правительства. Инвестиционная стратегия должна быть публично доступна (§12).

Банк управляет долговыми инструментами правительства и осуществляет это в соответствии с указаниями Совета (§ 13.1). Долговые инструменты могут быть заключены только после подписи министра финансов на основании соответствующих полномочий, предоставленных законом (§ 13.2). Также долговые условия правительства должны отражать рыночные условия (§ 13.3).

Банк отвечает за текущее управление долговыми инструментами правительства в соответствии с установленными инструкциями Совета соответствии с § 4, п. 3 (§ 13.4). Основная задача аналитической деятельности – проведение оценок и анализов финансовых рисков (§ 14.1). Зона ответственности включает в себя надзор и анализ экономических условий с особым акцентом на риски, связанные с финансовой системой, другими сферами экономики, которые могут повлиять на финансовую стабильность страны в целом (§ 14.2).

Банк может собирать, проверять и публично распространять статистические данные что до своих соответствующих сфер деятельности, использовать эти данные (§ 15.1); требовать от юридических и физических лиц, правительственных учреждений / агентств, трастов / фондов, а также от других лиц / агентства, трасты / фонды, государственные корпорации, муниципалитеты и муниципалитеты и муниципальные ассоциации и т.д. представить к определенной дате любую информацию, относящуюся к их компетенции, которая считается релевантной и необходимой для соответствующих сфер ответственности Банка. К таким субъектам относятся: 1) юридические и физические лица, проживающие на Фарерских островах и осуществляющие деятельность в качестве финансовых и страховых учреждений; 2) юридические и физические лица, проживающие на Фарерских островах, которые осуществляют деятельность кроме тех, которые указаны в п. 2, № 1; 3) юридические или физические лица с доминированием на Фарерских островах, которые выпускают ценные бумаги или владеют ими, или занимаются торговлей, клирингом или управлением финансовыми инструментами; 4) отделения и/или дочерние компании и т.д. финансовых учреждений, домицилированных на Фарерских островах, которые не счита-

ются юридическими или физическими лицами, но подпадают под определения, указанные в пп. 1 – 3 (§ 15.2).

Банк может далее распространять все указанные статистические данные или информацию в той мере, в какой это требуется, или с той степенью детализации, которая считается необходимой для выполнения его работы в его сферах ответственности Совету по рискам, органу статистики и другим госучреждениям, которые работают над обеспечением финансовой стабильности страны (§ 16.1). Информация, которая может быть распространена (п. 1), включает все данные, которые позволяют прямо или косвенно идентифицировать индивидуально те организации и т.д. упомянутых в § 15, п. 2 (§ 16.2).

В ходе своей деятельности Банк финансируется за счет ассигнований из годового бюджета, принятого парламентом (§ 18), а его счета проверяются Государственным контролем (§ 19).

Особое положение в законе занимает регламентация вопросов, относящихся к созданию и деятельности Совета по рискам Фарерских островов, который состоит из 5 членов и 5 их заместителей (§ 22.1) назначаемых премьер-министром. На Совет возложены такие обязанности: 1) выявление и поддержание надзора за системными финансовыми рисками на Фарерских островах; 2) публикация наблюдений относительно системных финансовых рисков в финансовой системе Фарер, в соответствии, однако, с п. 2; 3) выпускать предупреждения о возрастающих рисках в финансовой системе Фарер, в соответствии с п. 2; 4) выдавать рекомендации по инициативам, которые могут минимизировать или предотвратить системные финансовые риски в финансовой системе Фарер, в соответствии с п. 2, и 5) выдавать заключения по финансовым системным рискам Фарерских островов (§ 23.1). Значительная часть работы Совета конфиденциальна и не подлежит огласке (§ 23.7-8).

Отдельные организации и т.д., упомянутые в § 15, абз. 2, могут быть наказаны штрафом в случае если они своевременно не предоставят Банку запрашиваемую информацию, либо умышленно или по грубой неосторожности предоставят Банку неверную или вводящую в заблуждение информацию (§ 25.1).

В завершении рассмотрения данной проблемы, можно также упомянуть, что парламентом Фарерских островов в данном направлении были приняты следующие нормативные акты: «закон о Пенсионном фонде рынка труда» [8], «акт о Постоянном эндаумент-фонде Фарерских островов» [9], «закон о кредитных средствах и перезаключении договоров о займах Национального казначейства» [10]· "акт об Экономическом совете» [11].

Таким образом, правовое регулирование финансовых отношений, операций и деятельности финансовых органов в Гренландии и на Фарерах существенно различается. Если в отношении Гренландии действуют в основном законы Дании, а местному парламенту не предоставлено право издавать какие-либо акты в данном направлении, то парламент Фарерских островов не только получил в данном вопросе широкие права, но и активно реализует их через созданный для этой цели Банк и подотчетные ему органы, в том числе Совет по рискам. Подобный подход существенно повышает статус самоуправляемости правительства Фарер, но с учетом необходимых прав и обязанностей создаваемых финансовых органов, определении их прав и обязательств, в том числе контроля Совета по рискам за деятельностью Бан-

ка и общего контроля за организацией и результаты работы со стороны высших органов власти Дании.

Список литературы:

1. Lov om de færøske myndigheders overtagelse af sager og sagsområder. LOV nr 578 af 24/06/2005. – URL: Overtagelsesloven (дата обращения: 21.11.2024)
2. Lov om Grønlands Selvstyre. LOV nr 473 af 12/06/2009. – URL: Selvstyreloven (дата обращения 20.11.2024).
3. Grønland - Samfund, økonomi og politik. – URL: 5.1.4 Banker | Grønland - Samfund, økonomi og politik (дата обращения 20.11.2024).
4. Grønlandsbanken. – URL: Банк Гренландии - Индорес (дата обращения 21.11.2024).
5. Lov for Grønland om kapitalkrav og tilsynsmæssige krav for kreditinstitutter og investeringsselskaber. 15 december 2015. Nr. 1566. // Lovtidende A 2015 Udgivet den 16. december 2015. – URL: A20150156630.pdf; Forslag til Lov for Grønland om kapitalkrav og tilsynsmæssige krav for kreditinstitutter og investeringsselskaber (дата обращения 21.11.2024).
6. Resume af lov om ændring af lov for Grønland om kapitalkrav og tilsynsmæssige krav for kreditinstitutter og investeringsselskaber // Finanstilsinet. NOTAT. 27 oktober 2022. J. nr. / ESLA. – URL: pkt41_fm2023_kapitalkrav_og_tilsynsmaessige_krav_bf_bilag3a_da.pdf (дата обращения 21.11.2024).
7. COVER SHEET Parliamentary Act No. 116, dated 24 November 2016, on the Governmental Bank of the Faroe Islands and the Faroese Risk Council Gjaldstovan Ministry of Finance November 2016. – URL: Landsbankalogin+ensk+versión+rein+-+samanskrivað+EN (1).pdf (дата обращения 21.11.2024).
8. Nr. 39 7. mai 1991 Løgtingslóg um arbeiðsmarknaðareftirlønargrunn, sum seinast broytt við løgtingslóg nr. 103 frá 3. november 2016. – URL: 2016-+løgtingslóg+39+mai+07+1991++seinast+broytt+3+nov+2016 (1).pdf (дата обращения 21.11.2024).
9. Nr. 82 7. juni 2011 Løgtingslóg um Búskapargrunn Føroya, sum seinast broytt við løgtingslóg nr. 131 frá 20. desember 2016. – URL: Løgtingslóg+82+juni+07+2011+um+búskapargrunn.pdf (дата обращения 20.11.2024).
10. LØGTINGSLÓG NR. 116 FRÁ 20. DESEMBER 1991 UM LÁNTØKU TIL LANDSKASSAN OG UMLEGGING AV LANDSKASSALÁNUM / OM OPTAGELSE AF LÅN TIL LANDSKASSEN OG KONVERTERING AF LANDSKASSENS LÅN. Løgtingslóg nr. 116 frá 20.12.1991. – URL: Parliamentary Act on loan facilities and the re-negotiation of National Treasury loans (in Faroese) (дата обращения 20.11.2024).
11. Løgtingslóg um Búskaparráð. - №72 5. mai 2021. 2021. Givið út 10. mai 2021. – URL: 04+Løgtingslóg+nr.72+frá+5+mai+2021+um+Búskaparráð.pdf (дата обращения 20.11.2024).

Khrushchev R. C. Regulation of financial institutions in Greenland and the Faroe islands // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 124-128.

The article presents the author's vision based on the analysis of the relevant regulations and scientific publications of the organisation subordinated to the home government of the Faroe Islands, the Government Bank of the Faroe Islands and the Faroese Risk Board. Such an approach to self-governing (autonomous) territories is completely new both in the world practice and in the practice of the Kingdom of Denmark, as it significantly expands the autonomous entities' independence in their financial actions and operations. At the same time, Greenland, which received wide self-government in 2009, does not have a similar system. Greenland does not have an institution similar in scope, but can only use commercial banks operating on its territory, however, with the use of very detailed norms of the special law of 7 October 2015.

Keywords: Kingdom of Denmark, Faroe Islands, Greenland, government bank, functions, board of governors, managing director, risk board.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 129–136.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 347.9

ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СУДЕБНОГО КОСВЕННОГО (КАЗУАЛЬНОГО) НОРМОКОНТРОЛЯ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Адабашев Т. К.

КрФ ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье анализируются проблемы осуществления судебного косвенного (казуального) нормоконтроля в арбитражном процессе. Обращается внимание на возможность проверки законности нормативных и ненормативных актов не только в рамках отдельных, инициированных для этого судебных процессах, но и при рассмотрении других споров в которых применяются спорные правовые акты. Указывается на необходимость более широкого использования судебного косвенного (казуального) нормоконтроля как инструмента контроля над нормативными и ненормативными правовыми актами.

Ключевые слова: арбитражный процесс, арбитражное судопроизводство, нормоконтроль, абстрактный нормоконтроль, косвенный нормоконтроль, казуальный нормоконтроль, законность, нормативные акты, ненормативные акты, способ защиты.

Одной из основополагающих правовых презумпций, действующих в механизме правового регулирования является презумпция законности нормативно-правовых актов. Можно согласиться с мнением В.А. Толстика, который указывает, что презумпцию законности нормативных правовых актов можно определить, как предположение о том, что нормативные правовые акты признаются законными до тех пор, пока в установленном законном порядке они не будут признаны незаконными (недействующими) [1, с. 546].

Судья Конституционного Суда РФ Г.А. Гаджиев в особом мнении к Постановлению Конституционного Суда РФ от 12.04.1995 г. N 2-П акцентирует внимание на презумпции конституционности федерального законодательства [2].

Ввиду указанного особый смысл приобретает проблема проверки судами законности нормативных и ненормативных правовых актов, поскольку очевидным является факт того, что уполномоченные на принятие правовых актов органы, в своей деятельности не всегда следуют принципу законности, и принимают как целенаправленно, так и ввиду некомпетентности либо случайности такие правовые акты, которые являются незаконными так как не отвечают положениям нормативных актов, имеющих большую юридическую силу: Конституции Российской Федерации, федеральным законам, иным нормативно-правовым актам.

Отметим, что проблемы осуществления судебного нормоконтроля всегда привлекали внимание ученых юристов. Так, указанные вопросы были предметом исследования таких ученых как В. В. Яркова, И. Н. Спицина, И.М. Евлоева, О. А. Бенедской, Е.А. Соболевой. Однако в науке все-таки отсутствует общая позиция относительно данного вопроса. Некоторые учёные считают, что абстрактный нормоконтроль и специальная проверка нормативных актов на соответствие актам с более высокой юридической силой в рамках отдельных судебных дел — это исключительный способ проверки нормативных и ненормативных правовых актов. В то же время другие учёные и юристы допускают возможность казуального нормоконтроля непосредственно при рассмотрении других дел.

В Постановлении Конституционного Суда РФ № 37-П/2017 по делу от 6.12.2017 г. Конституционным судом Российской Федерации анализируются проблемы осуществления судебного нормоконтроля в гражданском, административном, арбитражных процессах, в том числе в аспекте допустимости осуществления арбитражными судами косвенного судебного нормоконтроля [3]. В данном деле заявитель просил признать неконституционными нормы абз. 13 ст. 12 ГК РФ, ч. 2 ст. 13 и п. 1.1 ч. 1 ст. 29 АПК РФ. По мнению заявителя, указанные нормы противоречили некоторым положениям Конституции РФ в связи с тем, что исключали возможность в рамках рассматриваемого арбитражным судом спора проверить обоснованность применяемого метода расчета арендной платы, установленного нормативно-правовым актом, и не применить его, если установит, что последний противоречит нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу, но не был ранее признан недействующим судом общей юрисдикции.

Вышеуказанное подтверждает актуальность исследования механизма косвенного (казуального) нормоконтроля как одного из способов судебной защиты прав и законных интересов организаций и граждан.

В юридической науке принято считать, что проверка нормативных актов на предмет их законности может осуществляться как в порядке самоконтроля самим государственным органом или органом местного самоуправления его издавшим, так и в порядке контроля, осуществляемого иными компетентными органами, в частности судом (судебный нормоконтроль).

В самом общем смысле судебный нормоконтроль можно определить, как один из основополагающих способов защиты прав и законных интересов организаций и граждан, инструмент, позволяющий осуществлять судебную проверку соответствия нормативно-правовых актов государственных органов и органов местного самоуправления, а также ненормативных правовых актов, решений указанных органов и их должностных лиц нормативно-правовым актам, имеющим более значимую в иерархии нормативных актов юридическую силу.

При этом, в доктрине гражданского и арбитражного процесса выделяют несколько способов классификации судебного нормоконтроля.

По мнению В.В. Яркова на сегодняшний день в гражданском и арбитражном процессе сосуществуют два различных процессуальных порядка судебной защиты от применения нелегитимного нормативного правового акта: абстрактный (прямой) и казуальный (косвенный) нормоконтроль [4, с. 557].

Под абстрактным (прямым) нормоконтролем ученый понимает «универсальный механизм проверки законности нормативных правовых актов, самостоятельный способ судебной защиты, который может и должен реализовываться исключительно в порядке административного судопроизводства в процессе рассмотрения судами дел о признании недействующими нормативных актов в связи с несоответствием нормативным актов актам более высокой юридической силы» [4, с. 557]. Казуальный же (косвенный) нормоконтроль определяется ученным как «представляющий собой составляющую процедуры выбора применимой нормы права при рассмотрении конкретного дела, осуществляемой судом ex officio самостоятельный способ защиты права, в рамках которого лица, участвующие в деле, с учетом принципа диспозитивности цивилистического процесса вправе поставить перед судом вопрос

о неприменении нормативного акта, противоречащего нормативному акту большей юридической силы» [4, с. 557].

Между тем, полагаем, что абстрактный нормконтроль может осуществляться не только в рамках административного судопроизводства, но и в рамках арбитражного судопроизводства при рассмотрении дел, отнесенных к подсудности суда по интеллектуальным правам.

Указанный вывод прямо следует из полномочий Суда по интеллектуальным правам по рассмотрению дел об оспаривании нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти в сфере патентных прав и прав на селекционные достижения, права на топологии интегральных микросхем, права на секреты производства (ноу-хау), права на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, права использования результатов интеллектуальной деятельности в составе единой технологии. Судебная компетенция Суда по интеллектуальным правам предусмотрена, в частности, ст. 43.4 Федерального конституционного закона от 28.04.1995 N 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «Об арбитражных судах в Российской Федерации») [5], а также ст. 34 АПК РФ.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что в таких делах рассматривается вопрос о законности нормативных актов. На сегодняшний день это единственная категория дел об оспаривании нормативных актов, которая компетентна арбитражным судам. Во всех остальных случаях дела абстрактного нормоконтроля рассматриваются судами общей юрисдикции в рамках административного судопроизводства.

При этом, если законность нормативных правовых актов, по общему правилу, не проверяется арбитражными судами, а как правило уходит в сферу компетенции судов общей юрисдикции, то при постановке вопроса о соответствии ненормативных правовых актов Конституции РФ, федеральному законодательству и другим нормативным актам заинтересованные лица имеют более широкий круг различных способов. Так, указанные дела могут разрешать как суды общей юрисдикции, осуществляя рассмотрение дел в рамках административного судопроизводства, так и арбитражные суды, осуществляя полномочия по рассмотрению дел, возникающих из административных и иных публичных отношений в порядке арбитражного судопроизводства. Данная проверка происходит согласно правовому регулированию, установленному в гл. 24 АПК РФ.

Тем не менее, полномочия и арбитражных судов, и судов общей юрисдикции по разрешению дел об оспаривании ненормативных правовых актов в порядке арбитражного (гл. 24 АПК РФ) и административного (гл. 22 КАС РФ) судопроизводств представляют собой механизм абстрактного нормоконтроля. Это связано с тем, что такие дела рассматриваются в отдельных судебных процессах, где изучаются только эти вопросы и применяются соответствующие последствия.

Р. В. Зайцев считает, что существуют две формы судебного контроля: прямой (непосредственный) и косвенный (опосредованный). При прямом контроле суд проверяет оспариваемый нормативный акт на соответствие нормативному правовому акту более высокого уровня. Проверка инициируется обращением уполномоченного субъекта. Цель судебного дела — оценить соответствующий акт. Косвенный контроль подразумевает, что суд при рассмотрении конкретных дел выявляет несоответствие подлежащего применению нормативного правового акта другому норма-

тивному акту, имеющему большую юридическую силу. Решение принимается на основании последнего [6, с. 5].

Полагаем, что для целей настоящего исследования казуальный и косвенный нормоконтроль следует рассматривать как идентичные механизмы, позволяющие судам в рамках иных дел, в том числе, частноправового характера давать оценку нормативным и ненормативным актам на предмет соответствия закону и неприменять их к правоотношениям, если такое несоответствие выяснилось.

Хотелось бы отметить, что нормативные основания для реализации судами функций казуального (косвенного) судебного нормоконтроля закреплены в соответствующих положениях действующего законодательства: ч. 2 ст. 120 Конституции РФ, ст. 12 ГК РФ, ч. 2 ст. 15 КАС РФ, ч. 2 ст. 13 АПК РФ, ч. 2 ст. 11 ГПК РФ. Так, по смыслу ст. 12 ГК РФ неприменение судом противоречащего закону акта государственного органа или органа местного самоуправления выделяется в качестве одного из самостоятельных и независимых способов защиты гражданских прав.

Указанные положения материального права воспроизводятся и в соответствующих отраслевых процессуальных законах. В частности, установив при рассмотрении дела несоответствие нормативного правового акта иному имеющему большую юридическую силу нормативному правовому акту, в том числе издание его с превышением полномочий, арбитражный суд принимает судебный акт в соответствии с нормативным правовым актом, имеющим большую юридическую силу (ст. 13 АПК РФ). Теоретический анализ указанной нормы процессуального закона позволяет сделать вывод о том, что в процессе подготовки к судебному разбирательству и рассмотрения арбитражного спора по существу в обязанности арбитражного суда входит выбор подлежащей применению к спорным правоотношениям правовой нормы и ее проверка на предмет непротиворечия законодательству, имеющему более высокую юридическую силу, а также на предмет соблюдения процедуры принятия применимой правовой нормы.

Следует согласится с В.В. Ярковым, который указывает, что «такой способ защиты права, как неприменение судом противоречащего закону акта государственного органа или органа местного самоуправления при рассмотрении конкретного дела (в том числе дела частноправового характера), может быть реализован судом не только по волеизъявлению участвующих в деле лиц, но и ex officio, если в пределах представленной законом свободы усмотрения суд установит данное противоречие, в связи с чем суд обязан разрешить дело в соответствии с нормативным актом большей юридической силы» [4, с. 557].

Раскрывая возможность осуществления косвенного нормоконтроля Конституционный Суд РФ указывает на то, что осуществляемая судом оценка нормативного правового акта на предмет его непротиворечия нормативному правовому акту большей юридической силы, выступая частью процедуры выбора применимых норм права, относится к исключительным прерогативам суда, к самому существу судопроизводства, ключевая цель которого – защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов. Далее. Суд указывает, что праву лица, участвующего в деле и самостоятельно распоряжающегося процессуальными правами на всех стадиях процесса, на основе конституционно значимого принципа диспозитивности, поставить перед судом вопрос о неприменении нормативного правового акта, противоречащего нормативному правовому акту большей юридической силы, и о при-

нятии решения в соответствии с последним, корреспондирует безусловная обязанность суда рассмотреть этот вопрос, отразив в решении мотивы, по которым суд не применил законы и иные нормативные правовые акты, на которые ссылались лица, участвующие в деле. Исполнение данной обязанности обеспечивается, в том числе, вышестоящими судами, осуществляющими судебный контроль над законностью выносимых судебных актов и имеющими полномочия по отмене или изменению судебного акта в связи с неприменением закона, подлежащего применению.

Т.е., исходя из буквального смысла вышеуказанных норм, механизм косвенного нормоконтроля, направлен прежде всего на обеспечение правильного применения законов и иных нормативных правовых актов при рассмотрении арбитражными судами дел. Таким образом, можно сделать вывод о том, что и судебная практика в настоящее время пошла по пути возможности применения правового механизма судебного казуального (косвенного) нормоконтроля.

Так, п. 9 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений разд. I части первой ГК РФ» закрепляет, что согласно абзацу 13 ст. 12 ГК РФ при рассмотрении споров, связанных с защитой гражданских прав, суд не применяет противоречащий закону акт государственного органа или органа местного самоуправления независимо от признания этого акта недействительным [7]. В п. 10 Обзора судебной практики ВС РФ № 3 (2016) со ссылкой на Определение № 308-КГ15-13732 указывается на то, что установленная в административном регламенте обязанность в случае приобретения земельного участка в собственность одним из супругов представить нотариально заверенное согласие супруга вводит дополнительную обязанность для граждан, которая не предусмотрена нормативными правовыми актами, регулирующими оборот земель, а также правовой режим общего имущества супругов и ограничивает оборот земельных участков сельскохозяйственного назначения, что в силу подп. 1 п. 1 ст. 7 Закона № 210 и ч. 5 ст. 1 Закона № 101 не допускается, ввиду чего положения административного регламента, противоречащие правовым актам, имеющим большую юридическую силу, необоснованно применены нижестоящими судами [8].

Полагаем, что в настоящий момент в РФ сложилась обширная правоприменительная практика арбитражных судов [9 - 12], устанавливающая возможность использования правового механизма косвенного нормоконтроля при рассмотрении и разрешении арбитражными судами конкретных дел, находящихся в производстве данных судов, осуществляя тем самым оценку применимых нормативных и ненормативных актов на предмет его соответствия или несоответствия законам и актам с более высокой юридической силой.

В одном из рассматриваемых дел суд пришел к выводу о том, что суды могут дать оценку ненормативному акту государственного органа или органа местного самоуправления и не применять его, если такой ненормативный акт противоречит закону независимо от того, предъявлялись ли требования о признании этого акта недействительным [9]. Примечательно, что в этом судебном акте рассматривается пример нормоконтроля не только в отношении нормативных правовых актов, но и ненормативных актов. Последние имеют исключительно индивидуальное действие в силу своей правовой природы и сущности.

Также стоит отметить что факт того, что заинтересованное лицо предварительное или параллельно не обжаловало нормативные или ненормативные акты в по-

рядке абстрактного контроля не имеет никакого правового значения и такие доводы подлежат отклонению, поскольку не препятствую суду самостоятельно давать оценку соответствующему применимому праву [10].

Между тем, немаловажной проблемой в сфере осуществления косвенного нормоконтроля арбитражными судами, является также вопрос о разграничении компетенции между арбитражными судами в связи с перераспределением полномочий по рассмотрению дел об оспаривании нормативных актов.

Так, в связи с вступлением в действие Кодекса административного судопроизводства из компетенции арбитражных судов были исключены дела об оспаривании нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, если рассмотрение таких дел в соответствии с данным Кодексом не отнесено к компетенции Суда по интеллектуальным правам.

В связи с этим возникает вопрос: могут ли арбитражные суды при рассмотрении дел, которые находятся в их компетенции и подсудны им, осуществлять проверку нормативных актов на соответствие их нормативным актам более высокой юридической силы? Ведь в аналогичных случаях абстрактного нормоконтроля эти вопросы обычно относятся к компетенции судов общей юрисдикции и рассматриваются по правилам административного судопроизводства.

По справедливому мнению В.В. Яркова и И.Н. Спицина «судебная практика на уровне разъяснений ВС РФ не ставит возможность неприменения в конкретном деле нормативного правового акта, противоречащего нормативному акту высшей юридической силы, в зависимость от наличия судебного решения о признании такого акта недействующим, вынесенного по результатам абстрактного нормоконтроля в порядке административного судопроизводства и ВС РФ ориентирует на необходимость соблюдения положений процессуального законодательства, исключающих возможность применения нормативного акта, не соответствующего иному, имеющему большую юридическую силу нормативному акту, при рассмотрении гражданских и административных дел» [4, с. 557-558]

Аналогичным образом разрешен вопрос и в Постановлении КС РФ от 06.12.2017 № 37-П где указано, что исключение из подведомственности арбитражных судов дел об оспаривании нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти не затронуло вытекающего из Конституции РФ полномочия арбитражного суда при рассмотрении дела отказать в применении нормативного правового акта, противоречащего нормативному правовому акту большей юридической силы. Более того, полагаем, что КС РФ правильно разграничил между собой абстрактный и казуальный (косвенный) нормоконтроль, указав на их независимость друг от друга в качестве способов защиты нарушенных прав. В частности, в отличие от признания судом нормативного правового акта не подлежащим применению только в конкретном деле как противоречащего акту большей юридической силы, последствием признания судом нормативного правового акта недействующим полностью или в части является его исключение из системы правового регулирования в целом с распространением соответствующего решения на неограниченный круг субъектов и возможностью пересмотра в установленных случаях судебных решений, основанных на этом акте, в отношении иных, помимо заявителя, лиц.

Полагаем, что полномочие арбитражного суда отказать в применении нормативного правового акта, противоречащего нормативному правовому акту большей

юридической силы, в конкретном деле, приобретает особое значение, когда иные способы реализации права на судебную защиту по не зависящим от лица причинам не могут быть реализованы, как, например, в случае утраты силы оспариваемым актом на момент подачи административного искового заявления или в период производства по делу либо в случае наличия вступившего в законную силу решения суда, принятого по административному иску о том же предмете.

Таким образом, подчеркивается, что косвенный нормоконтроль может использоваться, в том числе, и в тех случаях, когда абстрактный недоступен истцу по объективной причине, в том числе, в случае утраты нормативным актом юридической силы в связи с его отменой до подачи административного иска о его признании недействующим, либо истечением сроков для подачи заявления о признании недействительными ненормативных актов (три месяца). В такой ситуации лицо, чье право было нарушено вправе поставить вопрос о его неприменении при рассмотрении другого дела. Полагаем, при этом, что сфера применения косвенного нормоконтроля не должна ограничиваться лишь указанным случаем поскольку иное сильно сужало бы возможности лиц по защите своих нарушенных прав.

Полагаем, что косвенный нормоконтроль, должен широко использоваться арбитражными судами, поскольку позволяет в том числе реализовывать принцип процессуальной экономии, так как суд может в рамках одного процесса дать оценку подлежащему применению ненормативному или нормативному акту органа государственной власти или местного самоуправления на предмет его соответствия нормативным актам более высокой юридической силы.

Кроме того, считаем, что применение правового механизма косвенного нормоконтроля направлено также и на обеспечение реализации доступности правосудия, как одной из задач арбитражного судопроизводства, поскольку предоставляет сторон возможность использования дополнительного инструментария и способа защиты их прав при рассмотрении споров, не прибегая к необходимости инициирования отдельных судебных разбирательств.

Список литературы:

1. Толстик В.А. Презумпция законности нормативных правовых актов // Юридическая техника. – 2010. – №4. – С. 546-551.
2. Особое мнение Судьи Конституционного Суда РФ Г.А. Гаджиева по делу о толковании ст. 103 (ч. 3), 105 (ч. 2 и 5), 107 (ч. 3), 108 (ч. 2), 117 (ч. 3) и 135 (ч. 2) Конституции Российской Федерации к Постановлению Конституционного Суда РФ от 12 апреля 1995 г. N 2-П // URL: http://www.constitution.ru/decisions/10004579/10004579.htm#1100 (дата обращения: 17.06.2024).
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2017 N 37-П "По делу о проверке конституционности абзаца тринадцатого статьи 12 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 2 статьи 13 и пункта 1.1 части 1 статьи 29 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.Г. Жукова" // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_284491/ (дата обращения: 17.06.2024)
4. Ярков В.В, Спицин И.Н. Судебный нормоконтроль в гражданском и арбитражном процессе: современное состояние и пути совершенствования // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2018. №4. С. 554-567.
5. Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 N 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) "Об арбитражных судах в Российской Федерации" URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6510/(дата обращения: 17.06.2024).
6. Виды судебного нормоконтроля / Р.В. Зайцев // Российский судья. – 2003. – №4. – С.5
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/(дата обращения: 17.06.2024)

8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 3 (2016)" (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.10.2016) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_206241/ (дата обращения: 17.06.2024).
9. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 06.09.2018 N Ф02-3718/2018 по делу N А10-2018/2017 // URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 17.06.2024).
10. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 25.09.2018 N Ф10-3720/2018 по делу N А35-4805/2017 // URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 17.06.2024).
11. Постановление Президиума ВАС РФ от 17 апреля 2012 года N 15837/11 по делу N А47-7623/2010 // URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 17.06.2024).
12. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 21.11.2017 N Ф02-4851/2017 по делу N А33-20110/2015 // URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 17.06.2024).

Adabashev T.K. Problems of implementing judicial indirect (casual) standard control in the arbitration process // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 129-136.

The article analyzes the problems of implementing judicial indirect (casual) normative control in the arbitration process. Attention is drawn to the possibility of checking the legality of normative and non-normative acts not only within the framework of individual trials initiated for this purpose, but also when considering other disputes in which controversial legal acts are applied. The need for wider use of judicial indirect (casual) normative control as a tool for control over normative and non-normative legal acts is pointed out.

Key words: arbitration process, arbitration proceedings, normative control, abstract normative control, indirect normative control, casual normative control, legality, normative acts, non-normative acts, method of protection.

Spisok literatury:

1. Tolstik V.A. Prezumpciya zakonnosti normativnyh pravovyh aktov // YUridicheskaya tekhnika. – 2010. - №4. – S. 546-551.
2. Osoboe mnenie Sud'i Konstitucionnogo Suda RF G.A. Gadzhieva po delu o tolkovanii st. 103 (ch. 3), 105 (ch. 2 i 5), 107 (ch. 3), 108 (ch. 2), 117 (ch. 3) i 135 (ch. 2) Konstitucii Rossijskoj Federacii k Postanovleniyu Konstitucionnogo Suda RF ot 12 aprelya 1995 g. N 2-P // URL: http://www.constitution.ru/decisions/10004579/10004579.htm#1100 (data obrashcheniya: 17.06.2024).
3. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 06.12.2017 N 37-P "Po delu o proverke konstitucionnosti abzaca trinadcatogo stat'i 12 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii i chasti 2 stat'i 13 i punkta 1.1 chasti 1 stat'i 29 Arbitrazhnogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanina V.G. ZHukova" // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_284491/ (data obrashcheniya: 17.06.2024).
4. YArkov V.V, Spicin I.N. Sudebnyj normokontrol' v grazhdanskom i arbitrazhnom processe: sovremennoe sostoyanie i puti sovershenstvovaniya // Vestnik SPbGU. Seriya 14. Pravo. 2018. №4. S. 554-567.
5. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 28.04.1995 N 1-FKZ (red. ot 31.07.2023) "Ob arbitrazhnyh sudah v Rossijskoj Federacii" URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6510/(data obrashcheniya: 17.06.2024).
6. Vidy sudebnogo normokontrolya / R.V. Zajcev // Rossijskij sud'ya. – 2003. - №4. - S.5
7. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 23.06.2015 N 25 "O primenenii sudami nekotoryh polozhenij razdela I chasti pervoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii" URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/(data obrashcheniya: 17.06.2024)
8. Obzor sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii N 3 (2016)" (utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 19.10.2016) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_206241/ (data obrashcheniya: 17.06.2024).
9. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Vostochno-Sibirskogo okruga ot 06.09.2018 N F02-3718/2018 po delu N A10-2018/2017 // URL: https://kad.arbitr.ru/ (data obrashcheniya: 17.06.2024)
10. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Central'nogo okruga ot 25.09.2018 N F10-3720/2018 po delu N A35-4805/2017 // URL: https://kad.arbitr.ru/ (data obrashcheniya: 17.06.2024)
11. Postanovlenie Prezidiuma VAS RF ot 17 aprelya 2012 goda N 15837/11 po delu N A47-7623/2010 // URL: https://kad.arbitr.ru/ (data obrashcheniya: 17.06.2024)
12. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Vostochno-Sibirskogo okruga ot 21.11.2017 N F02-4851/2017 po delu N A33-20110/2015 // URL: https://kad.arbitr.ru/ (data obrashcheniya: 17.06.2024).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 137–142.

УДК 342.536; 342.537

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ПАРЛАМЕНТСКИХ ПРОЦЕДУР: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Адельсеитова А. Б., Легкоступова Н. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В настоящее время исследование организации и деятельности парламента в зарубежных государствах является важным аспектом, периодическое изменение конституционно-процессуального законодательства зарубежных стран направляет к изучению данного явления. Парламентские процедуры являются организационно-правовым и процессуальным фундаментом деятельности парламента. Автором исследуется юридическая природа парламентских процедур как обязательной составляющей комплексного анализа процедурных правил, что непосредственно способствует превращению в жизнь важнейших конституционных принципов, которые положены в основу государственного механизма.

Ключевые слова: парламент, парламентская процедура, правила, классификация, народное представительство.

На современном этапе, несмотря на многовековую историю существования парламента, вопросы организации и деятельности представительного органа остаются всегда актуальными. Зарубежный опыт исследований по вопросам парламентских процедур указывает, что организация деятельности парламента непременно требует ясности и четкости в определении парламентской процедуры. Парламент в любом государстве в состоянии выполнить социальное назначение, оправдать возложенные на него надежды только в том случае, когда его организация и деятельность будет определяться демократическими и рациональными правилами, что и выдвигает требование тщательного анализа достижений, достигнутых зарубежными государствами.

Парламентские процедуры являются организационно-правовым и процессуальным фундаментом деятельности парламента. Эффективность, оперативность принятия решений в парламенте и его структурах зависят напрямую с парламентскими процедурами по реализации компетенции парламента. В конечном счете эффективность деятельности любого парламента зависит от многих факторов, в первую очередь от объема его полномочий (материально-правовой аспект), но не в меньшей степени результативность действий коллегиального представительного органа, каким является парламент, обусловлена тем, насколько целесообразно и при этом демократично организована его работа (процедурный, процессуальный аспект) [1]. Парламент действует в системе разделения властей, является профессиональным, работает на постоянной основе при неукоснительным соблюдении парламентских процедур [2].

Б. М. Топорнин считает, что правила парламентской процедуры в государствах должны способствовать выработке подходов к проблемам общественного развития и способов их решения [3, с. II]. Достижение этой цели непременно требует ясности и четкости в определенности теоретических и методологических подходов.

Первоочередное значение в этой связи приобретает верная методология сравнительного анализа парламентских процедур парламентов различных государств. Исходя из методологических требований юридической науки относительно исследова-

ния этого правового явления, а также на основе изучения приемов и способов, примененных при анализе этой теоретико-конституционной проблемы, изложенных в трудах С.А. Авакьяна, А.С. Автономова, С.Н. Бабурина, С.А. Белова, , И.В. Гранкина, В.В. Еремяна, В.Д. Зорькина, А.А. Клишаса, М.М. Ковалевского, В.В. Комаровой, Н.М. Коркунова, И.В. Котелевской, Б.С. Крылова, М.Н. Лазаревой, А.И. Лукьянова, В.Н. Лысенко, М.Н. Марченко, Дж.С. Милля, А.А. Мишина, С.П. Обухова, И.П. Рыбкина, А.Ф. Смирнова, И.М. Степанова, Т.Я. Хабриевой, В.Е. Чиркина, В.А. Шеховцова и других, мы пришли к выводу о необходимости учета определенных методологических положений и критериев, соблюдение которых позволило бы рассматривать различные стороны парламентской процедуры.

Во-первых, изучение вопросов общего, особенного и одиночного в парламентских процедурах парламентов разных стран. Если общие характеристики выражают главные типичные черты парламентских процедур, то особое выражает черты, присущие отдельным парламентским процедурам. Одиночное в парламентской процедуре отражает ее разнообразие. Выявление же общих черт и особенностей ведет к следующему шагу – оценке ее полезности, к выводу об эффективности или не эффективности, целесообразности или нецелесообразности того или иного элемента парламентской процедуры. Во-вторых, объектом сравнительного анализа могут быть как собственно парламентская процедура, так и ее отдельные элементы. В-третьих, обеспечение сопоставимости и адекватности используемых понятий и терминов.

Во-вторых, учет условий исторического развития и становления парламентской процедуры. Именно с таких позиций предстоит анализировать теоретические и практические аспекты парламентской процедуры парламентов разных стран. В юридической литературе существует не мало аналитических трудов относительно природы парламентских процедур. Назначение и сущность парламентских процедур определяется авторами по разному. Первоначально термин «парламентская процедура», по словам автора известного пособия по парламентскому праву Г. М. Роберта, означал ту совокупность правил и обычаев, на основании которой решались вопросы в английском парламенте [4, с. 24].

По мнению проф. Крылова Б. С., парламентская процедура играет важную роль в деятельности парламентов современных зарубежных государств и «представляет собой совокупность правил, устанавливающих порядок работы парламентов, состав и средство формирования их органов» [5, с. 3].

Б. Н. Топорнин считает, что, во-первых, правила парламентской процедуры являются своеобразным руководством парламентской практикой и в силу этого способствуют превращению в жизнь важнейших конституционных принципов (народовластия, господства права, распределения власти и т.п.), которые положены в основу государственного механизма. Во-вторых, они помогают выработать механизм политического диалога между законодательной и исполнительной властью в поисках совместных решений и компромиссов с целью преодоления кризисных явлений.

В-третьих, без овладения новыми демократическими правилами парламентского производства невозможно создать устойчивой экономики, ни демократической системы управления, ни деловой системы прав и свобод человека.

В-четвертых, эти правила предоставляют депутатам все возможности, включая льготы, привилегии и иммунитеты, для нормального осуществления ими своих обязанностей.

В-пятых, в государствах с развитой многопартийностью они активно регулируют отношения между депутатами и политическими партиями [5, с. II-IV]. Рассматривая под таким углом зрения парламентскую процедуру, следует отметить, что она является тем механизмом, с помощью которого деятельность законодательного органа контролируется общей волей его членов. Общая воля, как определяет Г. М. Роберт, — это «не только полное единодушие и консенсус, это скорее право здравомыслящего большинства на самостоятельное принятие решений. Обратной стороной такого права является право сильного меньшинства жаждать от большинства благоразумия, то есть настаивать на том, чтобы большинство действовало в соответствии со своими выводами» [4, с. 3].

Некоторые современные авторы считают парламентские процедуры установленными нормами права приемами, способами и методами деятельности парламента с целью придания ей юридического значения [6]. Также важно отметить, определяя понятие «парламентские процедуры» нередко используется категория «парламентский процесс», под которым понимается система парламентских процедур, т.е. совокупность правоотношений и действий, возникающих в ходе реализации субъектами данных отношений своих прав и обязанностей[7]. Некоторые ученые классифицируют парламентские процедуры в зависимости от вопросов, по которым парламент уполномочен принимать решения [8].

Отметим, что правила парламентской процедуры имеют важное значение для определения работы парламента, прежде всего, при обсуждении вопросов государственного значения. Если дискуссия проходит без особых разногласий, то для организации работы обычно хватает наличия нескольких правил процедурного характера. Иногда дискуссия приводит к расколу на группы, противоречащие между собой, каждая из которых пытается провозгласить свою волю волей всего состава в целом, поэтому такие правила должны фигурировать как более развернутый процедурный кодекс. Именно поэтому, на наш взгляд, выполнение правил парламентской процедуры позволяет депутатам избежать в каждом случае разногласий при принятии демократических и конструктивных решений, а также не полагаться на решение председателя, который может предпочесть как одной стороне, так и другой, влияя тем самым на принятие решения. С таким выводом нельзя не согласиться, и как метко отмечает Г. М. Роберт, «сущность парламентской процедуры заключается в оказании помощи парламентариям при проведении конструктивных и демократических заседаний, ее правил нужно непременно придерживаться изначально, а не обращаться к ним в затруднительных случаях [4, с. 20].

В таком контексте представляется, что правила парламентской процедуры целесообразно применять с разумной гибкостью, учитывая специфику конкретной ситуации и степень знания этих правил участниками заседания. Но нельзя предполагать, чтобы стремление к безупречному выполнению правил процедуры затрудняло бы проведение дискуссий. Поэтому, с нашей точки зрения, прав Г. М. Роберт, который считает, что «наличие процедурного правила куда важнее его выполнения, ведь оно уже самим своим существованием обеспечивает единообразие обсуждения дел, не зависящих от каприза председательствующего или настроения участников заседа-

ния» [4, с. 22]. В то же время следует заметить, что знакомство с основами парламентской процедуры важно для любого жителя страны, но оно должно использоваться только в интересах дела, а не с целью накопления разнообразных препятствий. Г. М. Роберт считает, что «человек, который постоянно выдвигает возражения процедурного характера относительно правил процедуры участникам, настаивающим на дословном соблюдении, большинство которых незнакомо с этими правилами, только утомляет и раздражает других, замедляет разрешение дела и настраивает людей против самой парламентской процедуры. Такой человек либо не понимает цели парламентской процедуры, либо сознательно искажает ее» [4, с. 20].

Таким образом, следует осознавать истинную цель правил парламентской процедуры, заключающуюся в том, чтобы помочь парламенту лучше всего выполнять работу, ради которой он создавался. Достижение этой цели непременно требует ограничения свободы действий каждого участника заседания, поскольку право участника на неограниченное исполнение его желаний несовместимо с интересами заседания в целом. Довольно своеобразно определяется понятие «парламентской процедуры» в странах с англосаксонской системой права. Парламентская процедура определяется не только как совокупность правил, но и совокупность правовых обычаев и прецедентов. Такое толкование характерно, прежде всего, для английского парламента, где нормы парламентских дебатов составляют часть неписаной Конституции (далее будет рассмотрено более подробно). Такими нормами в дальнейшем руководствовались и законодательные органы других государств, если они не противоречат правилам и прецедентам, существующим в этих странах, например, в США, Франции и др.

Важным моментом для определения и толкования понятия парламентской процедуры является и то, что современные парламенты являются своеобразной ареной для согласования противоречий между различными политическими силами и могут использоваться политическими партиями для активной пропаганды своих программ в демократической борьбе за власть.

Следовательно, активная деятельность парламента в решающей степени зависит от четкости в определении правил парламентской процедуры. Соглашаясь с такими аргументами, мы считаем необходимым привлечь внимание к политическому значению, имеющему понятие «парламентская процедура». В пользу этого утверждения говорит доктрина «процедурного несовершенства» английского парламента, заключающаяся в усилении правительственной власти, когда в политических целях правительство чаще, чем другой орган государства через спикера и партийный механизм в парламенте использует всевозможные процедурные приемы и хитрости, чтобы направить парламентскую деятельность в нужном ему русле. В связи с этим работа английского парламента загружается множеством вопросов, причем ежедневная повестка дня почти никогда не исчерпывается, заседания палат очень длительные, а дебаты не лимитированы временем. Такое положение не может не отражаться на законодательном процессе - основной задаче парламента, а также способствует отвлечению парламента от выполнения контрольной функции в отношении правительства [9, с. 162].

Весомым аргументом, предопределяющим политическое значение парламентской процедуры, по мнению известного ученого-конституционалиста М. Аммеллера является то, что ее влияние на ход государственных дел может оказаться даже более

решающим, чем влияние самой Конституции, если на практике выясняется, что в Конституции есть пробелы. Именно этим объясняется частичное ограничение прав парламента в этой сфере, которое осуществляется либо путем внесения ряда норм по вопросам, ранее регулируемым правилами процедуры в Конституции или в органических законах (например, во Франции), либо путем представления правил парламентской процедуры до вступления их в силу на рассмотрение государственного органа, решающего вопрос о соответствии их конституции. Подобного рода вмешательство во внутренние дела парламента – явление чрезвычайно редкое, однако оно встречается, например, в Монако, Турции [10, с. 167].

Таким образом, рассматривая под таким углом зрения понятие «парламентская процедура», следует отметить, что именно процедурные правила непосредственно способствуют превращению в жизнь важнейших конституционных принципов, которые положены в основу государственного механизма. Они отражают как специфику деятельности каждого парламента, так и отдельные черты, присущие разным парламентам.

Список литературы:

12. Лазарева М.Н. Парламентские процедуры в Чехии и России: сравнительный анализ // Конституционное и муниципальное право.2009. №3
13. Лебедев В.А. Проблемы организации и деятельности законодательной и исполнительной власти в субъектах Российской Федерации. М., 2000. С112-113
14. Топорнин Б.Н. Предисловие // Очерки парламентского права (зарубежный опыт) / Под. ред. академика Б.Н.Топорнина. - М.: РАН ИГП, 1993.- I – XII.
15. Роберт Генри М. Правила парламентской процедуры. Проблемы Восточной Европы. – Вашингтон, 1992. - 273 с.
16. Крылов Б.С. Парламент буржуазного государства. Политическая сущность и правовые формы парламента и парламентаризма на современном этапе: Автореф. дис. … д-ра юрид. наук. - М., 1962. - 31 с.
17. Шарнина Л.А. К вопросу об обусловленности парламентских процедур формой правления //Парламентские процедуры: проблемы России и зарубежный опыт:материалы научной конференции.Москва, 21-23 марта 2002 г. /под ред. С.А. Авакьяна. М.2003.С.52.
18. Саликов М.С. Парламентское процессуальное право-подотрасль конституционного процессуального права //Парламентские процедуры: Проблемы России и зарубежный опыт: материалы научной конференции(Москва, 21-23 марта 2002 г.)/ под ред. С.А.Авакьяна. М., 2003. С.34,35
19. Ковачев Д.А. Парламентсая процедура: понятие, виды, регламентация (на опыте зарубежных стран) // Вестник Межпарламентской ассамблеи. 1994. №4.С.192
20. Бельсон Я.Н. Современное буржуазное государство и народное представительство. - М.:Госюриздат, 1960. – 206 с.
21. Парламенты.Сравнительное исследование структуры и деятельности представительных учреждений 55 стран мира / Под ред. М.Аммелера: Вступ. ст. Ф.И.Калиничева и В.В.Евгеньева. - М.:Прогресс, 1967. - 512 с.

Adelseitova A. B., Legkostupova N.N. On the issue of the legal nature of parliamentary procedures: foreign experience // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 137-142.

Currently, the study of the organization and activities of parliament in foreign states is an important aspect, and periodic changes in the constitutional procedural legislation of foreign countries direct to the study of this phenomenon. Parliamentary procedures are the organizational, legal and procedural foundation of the Parliament's activities. The author examines the legal nature of parliamentary procedures as an obligatory component of a comprehensive analysis of procedural rules, which directly contributes to the implementation of the most important constitutional principles that form the basis of the state mechanism.

Keywords: parliament, parliamentary procedure, rules, classification, people's representation.

Spisok literatury:

1. Lazareva M.N. Parlamentskie procedury v Chekhii i Rossii: sravnitel'nyj analiz // Kon-stitucionnoe i municipal'noe pravo.2009. №3
2. Lebedev V.A. Problemy organizacii i deyatel'nosti zakonodatel'noj i ispolnitel'noj vlasti v sub"ektah Rossijskoj Federacii. M., 2000. S112-113
3. Topornin B.N. Predislovie // Ocherki parlamentskogo prava (zarubezhnyj opyt) / Pod. red. akademika

B.N.Topornina. - M.: RAN IGP, 1993.- I – XII.
4. Robert Genri M. Pravila parlamentskoj procedury. Problemy Vostochnoj Evropy. – Vashington, 1992. - 273 s.
5. Krylov B.S. Parlament burzhuaznogo gosudarstva. Politicheskaya sushchnost' i pravovye formy parlamenta i parlamentarizma na sovremennom etape: Avtoref. dis. … d-ra yurid. nauk. - M., 1962. - 31 s.
6. Sharnina L.A. K voprosu ob obuslovlennosti parlamentskih procedur formoj pravleniya //Parlamentskie procedury: problemy Rossii i zarubezhnyj opyt:materialy nauchnoj konferencii.Moskva, 21-23 marta 2002 g. /pod red. S.A. Avak'yana. M.2003.S.52.
7. Salikov M.S. Parlamentskoe processual'noe pravo-podotrasl' konstitucionnogo pro-cessual'nogo prava //Parlamentskie procedury: Problemy Rossii i zarubezhnyj opyt: materialy nauchnoj konferencii(Moskva, 21-23 marta 2002 g.)/ pod red. S.A.Avak'yana. M., 2003. S.34,35
8. Kovachev D.A. Parlamentsaya procedura: ponyatie, vidy, reglamentaciya (na opyte zarubezh-nyh stran) // Vestnik Mezhparlamentskoj assamblei. 1994. №4.S.192
9. Bel'son Ya.N. Sovremennoe burzhuaznoe gosudarstvo i narodnoe predstavitel'stvo. - M.:Gosyurizdat, 1960. – 206 s.
10. Parlamenty.Sravnitel'noe issledovanie struktury i deyatel'nosti predstavitel'nyh ucherezhdenij 55 stran mira / Pod red. M.Ammelera: Vstup. st. F.I.Kalinicheva i V.V.Evgen'eva. - M.:Progress, 1967.-512 s.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 143–151.

УДК 342.7

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СТАТУСА ЛИЧНОСТИ

Аметов Х. А.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Статья посвящена проблемным и коллизионным вопросам теоретического осмысления сущностного содержания понятий «конституционно-правовой статус личности» и «основы конституционно-правового статуса личности», анализу институтов гражданства, правосубъектности, прав и свобод граждан как основополагающих начал в статусе личности. Особое внимание уделено проблеме отсутствия общепризнанного и единообразного подхода к определению составных элементов, объединенных понятием «конституционно-правовые основы статуса личности» в России, что, как отмечается, оказывает отрицательное влияние не только на уровень теоретического осмысления, но и создает препятствия в правоприменительной плоскости. Была проведена работа по формированию собственной модели основ конституционно-правового статуса личности, при том, не только напрямую закладываемых в понимании законодателя и, соответственно, являющихся аксиоматичными, но также и приведены дополнительные структурные элементы с последующей всесторонней аргументацией. Вторая половина настоящей работы посвящена проблематике частичного отсутствия единой терминологии в области вопросов регулирования прав и свобод человека. Проанализированы такие схожие, на первый взгляд, явления как «человек», «гражданин», «личность» и «каждый» и сделаны соответствующе выводы.

Ключевые слова: конституционно-правовые основы, статус личности, человек, гражданин, правосубъектность, гарантии прав и свобод, конституционно-правовая ответственность, принципы конституционно-правового статуса личности, поколения прав человека.

Одним из ключевых понятийных явлений современной науки конституционного права, при том, как отечественного, так и зарубежного, принято считать статус личности, который, ввиду сформировавшихся естественноисторических предпосылок, а также с учетом развивающейся концепции демократического начала в полной мере определяет положение человека в обществе и государстве. В свою очередь, в основы конституционно-правового статуса личности закладывается практический, фундаментальный смысл, определяющий всю проводимую политику той или иной страны в отношении человека и гражданина, ее курс развития и перспективы.

Понятие конституционно-правовых основ статуса личности не ново: учитывая, что данное явление, без преувеличения, следует считать фундаментальным понятием всей конституционно-правовой науки, сформировалась тенденция к многообразию подходов к толкованию сущности и содержания указанных основ, большинство из которых, не выражая явных противоречий иным мнениям, тем не менее, представлены с учетом субъективного авторского видения. Проведенный анализ позволил выделить достаточно объемный пласт исследований, посвященных данному вопросу.

Отметим, что в науке фигурирует два основных подхода к определению конституционно-правового статуса личности и его основ: узкий и широкий. В соответствии с узким подходом, статусом личности охватываются три главных структурных элемента: права, свободы и обязанности. Последние, существуя в неразрывной взаимосвязи, определяют положение лица, в первую очередь, как гражданина (иностранного гражданина), формируя закономерный акцент на уровне связи данного человека и государства. В отличие от данной точки зрения, приверженцами широ-

кого подхода отмечается, что личность – понятие более обширное, нежели исключительно гражданин определенного государства (о чем еще будет упомянуто далее) и, соответственно, конституционно-правовой статус личности охватывает не только отношения гражданства, но также и правосубъектность, гарантии соблюдения прав и свобод, формы реализации указанных гарантий и т.д. Как видится, большего внимания заслуживает широкий подход к определению конституционно-правового статуса личности.

Также в части дефинитивной составляющей определения содержательного смысла конституционно-правовых основ статуса личности наиболее близкими автору следует отметить следующие доктринальные позиции:

1. Институциональный подход. Представитель - А.В. Курочкин, который в рамках подхода к толкованию правовых явлений через призму процесса усложнения «структуры общества, разрастанием представлений о социальных явлениях, о материальных и нематериальных объектах, с помощью которых развиваются отношения между людьми» [1, с. 65] определяет конституционно-правовые основы статуса личности как совокупность норм конституционного права, регулирующих отношения между тремя главными субъектами: человек, гражданин и государство.
2. Функциональный подход. Представитель – В.Л. Кулапов, настаивающий на точке зрения, что «в содержании каждого государственно-правового явления в диалектическом единстве находятся как элементы государственно-властного, направляющего воздействия государства, так и элементы правового, отражающего характер и степень согласования социально-значимых интересов участников общественной жизни» [2], предопределяет содержание конституционно-правовых основ статуса личности через анализ функций и задач, которые данная личность реализует как по отношению к себе и окружающему ее социуму, так и к государству;
3. Структурный подход. Представитель – А.Н. Ибрагимова. Являясь в полном смысле представителем широкой точки зрения, олицетворяющей статус личности в рамках конституционно-правового регулирования через призму гражданства, правосубъектности, объема прав, свобод и обязанностей, последняя формирует мысль, что кроме вышеизложенного в состав анализируемого явления входят «элементы, закрепленные в иных правовых источниках … гарантии их реализации и юридическая ответственность» [3, с. 75].

Не выражая явных предпочтений одному из анализируемых подходов, отметим, что, как видится, конституционно-правовой статус личности включает в себя совокупность прав, свобод, обязанностей и гарантий их реализации, которые закреплены в Конституции и других нормативных актах, состоящий из множества элементов, которые будут проанализированы нами далее. Соответственно, в контексте настоящего исследования преследуется необходимость в дальнейшем изучении анализируемого института в аспекте неразрывной взаимосвязи трех выше указанных позиций.

Как известно, на протяжении всей истории существования российского государства статус личности, который в досоветский период развития можно было назвать конституционным лишь с весомой долей условности, был неоднородным и в определенные временные интервалы характеризующимся диспропорциональным перевесом в пользу интересов феодалов, буржуазии и т.д. Современное государство Российская Федерация безапелляционно провозгласило принцип равенства каждого

человека и гражданина вне зависимости от социального положения, материального статуса и физических особенностей, соответственно, сформировав курс развития демократической и правовой формы организации общества. Избрав очевидно позитивный курс сохранения исторической преемственности в правообразовании, была обеспечена стабильность правовой системы, юридическая устойчивость в обществе и предотвращено произвольное изменение законов на основе политических движений или краткосрочных интересов.

Однако, учитывая объективно продолжительный характер подобных масштабных преобразований, к сожалению, на практике пока еще приходится говорить о наличии ряда проблем, связанных с реализацией конституционных норм и принципов, в частности, касающихся недостаточного уровня правовой урегулированности механизмов защиты прав и свобод граждан со стороны государства, низкого уровня правовой культуры населения и слабой правовой защищенности юридического статуса личности. Их решение требует комплексного подхода и участия всех заинтересованных сторон. В целях обеспечения фактического соблюдения прав и свобод граждан и создания условий для устойчивого развития демократического государства в России считаем актуальным произвести анализ некоторых проблемных аспектов правового регулирования и защиты конституционно-правового статуса личности.

Понятие конституционно-правового статуса личности (и его основ) не нашло своего легального закрепления в правовой плоскости. Соответственно, возникают закономерные вопросы и в части формирования исчерпывающего перечня составных элементов юридической конструкции. На наш взгляд, одной из ключевых проблем современной науки конституционного права является отсутствие единой классификационной модели конституционных основ, определяющих статус личности в обществе и государстве. Данное обстоятельство в значительной степени затрудняет их систематизацию и анализ, а также приводит к противоречиям в правоприменительной практике. Отмечая необходимость в разработке единой системы классификации, которая будет учитывать в том числе и национальные особенности, обратим внимание на следующее.

Законодательным фундаментом анализируемого явления представляется возможным считать Гл. 2 Конституции РФ. В частности, в ст. 64 Основного закона страны указано, что «Положения настоящей главы составляют основы правового статуса личности в Российской Федерации» [4]. Данная норма, на наш взгляд, позволяет выделить следующие основы конституционно-правового статуса личности (закладываемые в понимании законодателя и, соответственно, являющиеся аксиоматичными):

- основные права и свободы – гарантированные государством возможности для личности в различных сферах жизни. В правовой доктрине устоялась точка зрения о наличии пяти категорий прав и свобод человека: личные, социальные, экономические, политические, духовные;

- обязанности – установленные государством требования к поведению граждан. Конституционные обязанности, как и права, различны и могут быть структурированы по аналогичным категориям;

- правосубъектность – способность лица иметь гражданские права и обязанности и осуществлять их своими действиями. Именно правосубъектность способна отра-

зить социально реализованное бытие Конституции и обеспечить связь между Основным Законом РФ и важнейшими социальными процессами, происходящими в обществе. В отечественной юридической науке конституционная правосубъектность традиционно рассматривается как естественное условие реализации прав, свобод и обязанностей личности, установленное законом;

- допустимые ограничения прав и свобод человека и гражданина. Указанный элемент (основа) конституционно-правового статуса личности выведена, вопреки расхожему мнению о ее относимости к категории общих прав и свобод человека, в отдельную позицию, поскольку даже в части целевого назначения определена законодателем в статье 55 Конституции РФ [4] как приоритетная. Ведь сами ограничения необходимы не только для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, но также и обеспечения обороны страны и безопасности государства. Отчасти считаем анализируемую категорию более близкой к формам и порядку реализации конституционных прав и свобод. Однако эта конституционная основа ввиду, ее спорного классификационного характера, будет рассмотрена немного позже;

- гражданство – принадлежность лица к определенному государству, которая определяет его права и обязанности, а также ответственность. Анализируемая устойчивая правовая связь представляет собой буквально аксиоматичный элемент конституционно-правового статуса личности, не оспариваемый ни в одном из выделенных ранее подходов. Более того, как правило узкие (ограниченные, субъективные) точки зрения зачастую формируются на основе и во исполнение необходимости к анализу института гражданства. Вместе с ним также раскрываются категории иностранного гражданства и апатризма/бипатризма;

- гарантии прав и свобод – как механизмы защиты прав и свобод личности от нарушений со стороны государства и других субъектов;

- принципы конституционно-правового статуса личности. Указанная категория основополагающих начал реализует функцию фундамента для всех складывающихся отношений: законодатель и правоприменители обязаны руководствоваться принципами, поскольку, даже в условиях наличия законодательных пробелов и/или коллизий последние призваны сформировать справедливое и легальное решение.

Тем не менее, считаем, что указанный выше перечень не является исчерпывающим. Конституция РФ, будучи основным законом страны, консолидирует в себе лишь самые основные положения, идеи и курс развития государства, обладает высшей юридической силой, обуславливающей непротиворечивость ее постулатам иных нормативных актов. Опыт расширительного толкования (в том числе федерального законодательства, конституций и уставов субъектов РФ) позволяет обратить внимание еще на два компонента совокупной системы конституционных основ:

- формы реализации конституционных прав и свобод и порядок исполнения возложенных на человека обязанностей. Категория реализации прав и свобод служит процессуальным аспектом для выше приведенных основ конституционно-правового статуса личности.

Исполнение обязанностей, возложенных на человека, также является важной составляющей его правового статуса. Обязанности могут быть закреплены в Конституции, законах и иных нормативных актах. Исполнение обязанностей выражается в

активном участии граждан в общественной жизни, соблюдении правил и норм поведения, а также выполнении своих профессиональных обязанностей. Отметим, что довольно часто именно на этом этапе возникают трудности, при том преимущественно в практической плоскости, связанные с недостаточным уровнем правовой защищенности юридического статуса личности. В связи с чем для обеспечения эффективной реализации конституционных прав и свобод отмечается необходимость в создании благоприятных условий для развития гражданского общества, обеспечении доступа к информации и развитии институтов демократии. В противном случае приобретает актуальность следующий структурный элемент сформированного нами перечня;

- конституционно-правовая ответственность. Зачастую, этот вид ответственности не имеет материального или репрессивного характера и направлен «на охрану нормального порядка функционирования публичной власти и соблюдение предписаний Конституции» [5].

В рамках выделенной нами классификации «основ конституционно-правового статуса личности» видится необходимым обратить также внимание на такой элемент, как процессуальные права личности. На первый взгляд, данная категория должна быть отнесена, наряду с материальными правами, в общую группу основных прав и свобод, приведенную в начале сформированной градации. Однако, мы не можем согласиться с мыслью (несмотря на ее распространенность, в частности, в работах Б. М. Лазарева, Ю.П. Урьяса [6]), что категория процессуальных прав в контексте их соотносимости с основами конституционно-правового статуса личности должна быть исчерпывающе определена группой основных прав человека. Так, процессуальные права – это комплекс прав, предоставляемых участникам процесса для защиты своих интересов и обеспечения принципа справедливости. Данные права определяют процессуально-процедурные формы использования прав и свобод. Более того, одним из важных аспектов реализации процессуальных прав личностью является категория правосубъектности, которая характеризует способность лица к сознательному поведению в границах своего правового статуса. Таким образом, видится выявление «категории на стыке категорий», т.е. элемента основ конституционно-правового статуса личности, логически соотносимого с иными элементами, однако, ввиду объективных признаков, выходящего за рамки каждой из обозначенных категорий. Соответственно, представляется возможным предложить дополнить сформированный перечень основ еще одной категорией – гарантиями обеспечения правового статуса личности.

Таким образом, определив исчерпывающий, как видится, перечень основ, представляется возможным предложить авторский вариант правовой дефиниции «основы конституционно-правового статуса личности». Под последней следует понимать фундаментальные принципы, включающие в себя основные права и свободы человека и гражданина и гарантии их соблюдения, его обязанности, определяемые уровнем правосубъектности, предельным объемом допустимых ограничений прав и свобод человека и гражданина, наличием либо отсутствием устойчивой правовой связи с государством (-вами), выражающиеся в формах реализации конституционных прав и свобод и порядке исполнения возложенных на человека обязанностей, а также возможной конституционно-правовой ответственности.

Анализ доктринальных позиций дефинитивной составляющей определения содержательного смысла конституционно-правовых основ статуса личности, изучение проблематики выделения исчерпывающего перечня категорий, относящихся к основам конституционно-правового личности и, как промежуточный итог, изложение собственного подхода к толкованию анализируемого явления позволили нам акцентировать внимание на имеющихся многочисленных и столь разноплановых позициях конституционно-правовой доктрины, тем не менее, стремящейся к модели всеобъемлющей унификации фундаментальных начал. На текущем же этапе существования российской государственности в условиях уже сформировавшейся, но все еще совершенствующейся правовой среды приходится констатировать факт влияния теоретического дуализма на прикладную действительность.

Учитывая, что правовой статус личности существует в непрерывной взаимосвязи с социальной структурой общества, видится, что говорить о приоритете одной категории прав и свобод над другими не представляется возможным. Приоритетная ныне позиция поколений прав человека, закладывающая идею, что «современные права человека, которые установлены в международно-правовых документах и конституциях правовых государств является результатом длительного исторического становления эталонов и стандартов, которые в настоящее время стали нормой демократического общества» [7], действительно формирует понимание о необходимости уважения и соблюдения всех трех поколений (а на текущий момент уже идет речь о существовании соответственно четвертого и пятого), при этом отрицая приоритет любого из них. Такое взаимодействие правового статуса индивида и правового государства возникает на фоне реальных процессов интеграции универсальных и общечеловеческих ценностей мировой культуры в российское законодательство. Однако, все то же отечественное законодательство в анализируемой части формирует несколько размытое представление об основных элементах конституционно-правового статуса – его субъектах. Речь идет о следующей ситуации: применение и толкование нормативных правовых актов различного уровня иллюстрирует частичное отсутствие единой терминологии в области вопросов регулирования прав и свобод человека. Различные законодательные источники используют разные понятия, стремящиеся к обозначению схожих явлений: такие как «человек», «гражданин», «личность» и «каждый», что может привести к путанице и противоречиям уже на уровне правоприменительной практики.

Как видится, отчасти данная проблема связана с отсутствием унифицированных толкований терминов и абсолютизацией общемировых подходов стран – представителей романо-германской правовой семьи без всестороннего учета национальных особенностей регулирования прав человека в России. Более того, известный принцип: ограничение прав и свобод одних является основополагающим условием для реализации их другими, при указанных обстоятельствах также несколько усугубляет ситуацию.

Решение указанной проблемы представляется очевидным и заключается в необходимости разработки единой терминологии. В рамках данной цели рассмотрим те обстоятельства, которые обуславливают подход законодателя к использованию многообразия терминологических оборотов.

В конституционном праве понятия «человек», «гражданин», «личность» и «каждый» применимы в отношении физических лиц, однако содержательно они имеют

разное значение и применение. Наиболее часто используемыми дефинициями являются понятия «человек» и «гражданин».

Понятие «человек», несмотря на его появление в юридической литературе еще во французской Декларации прав и свобод человека и гражданина 1789 года, в России впервые нашло свое нормативное закрепление в Конституции РФ 1993 года. Специалистами в области отечественной истории данное обстоятельство объясняется тем, что ранее, в особенности – в советский период, «… доктрина не допускала проявлений крайнего индивидуализма, поэтому понятия общества и гражданина как его члена были более применимыми в её рамках, чем «неколлективное» понятие «человек» [8]. В современном же понимании под человеком видится возможным понимать биосоциальное существо, способное осознавать свои действия и нести за них ответственность. Данное понятие, в сущности, следует считать универсальным. На наш взгляд, по вышеуказанной причине наиболее содержательно близким и, вероятно, синонимичным термином выступает понятие «каждый» (и «лицо»). Таким образом осуществляется акцентирование внимания на принадлежности т.н. «базового набора» признанных прав и свобод за всеми субъектами права. Обобщенность понятий исключает также необходимость привязки к категориям гражданства, национальности или других характеристик, подчеркивая равенство всех людей перед законом.

Несколько иначе складывается ситуация в отношении понятия «гражданин». Так, гражданин – это человек, который обладает гражданством определенной страны и связан с ней политическими, социальными и правовыми отношениями. Гражданство определяет постоянную политико-правовую связь лица и государства, находящую выражение в их взаимных правах и обязанностях. В связи с чем во взаимосвязи категорий «человек» и «гражданин» олицетворяется общий и специализированный статус соответственно. Неодинаковым является и конституционно-правовой статус указанных категорий, выражающейся, в частности, в наличии большего числа обязанностей у гражданина, обусловленных специализированными правами.

И завершающий термин – личность. Разграничение понятий «человек» и «личность» в праве является важным аспектом юридической науки. И если человек – это, прежде всего, биологическое существо, обладающее разумом и способное к коммуникации, то личность представляет собой социальное существо, обладающее самосознанием и способное к взаимодействию с другими людьми. В рамках конституционно-правового регулирования, как видится, разграничение понятий «человек» и «личность» в праве позволяет выделить основные аспекты, связанные с определением правового статуса индивида, его прав и обязанностей перед обществом. Личность – это совокупность социально значимых качеств человека, формирующихся в процессе общественной жизни. Личность отражает индивидуальные особенности и характеристики каждого человека, его мировоззрение, ценности и убеждения.

Приведенная нами градация, как видится, может послужить основанием для разработки единого терминологического аппарата, необходимого к закреплению на легальном уровне. Возможно, наиболее целесообразным бы было внести соответствующие дополнения в федеральное законодательство.

Подводя итог настоящему исследованию, отметим следующее. Конституционно-правовые основы статуса личности играют важную роль в обеспечении демократии,

защите прав и свобод граждан, а также в развитии гражданского общества. Они должны быть четко определены и реализованы в соответствии с принципами равенства, неотчуждаемости, непосредственного действия и гарантированности прав и свобод. Только таким образом можно создать справедливое и демократическое общество, в котором каждый гражданин будет чувствовать себя защищенным. В связи с чем именно определению специфики правового регулирования общественных отношений в области правового статуса личности и были посвящены основные положения исследования. Тем не менее, данная проблематика все еще не утрачивает своей актуальности и нуждается в развитии как на уровне теоретического, так и прикладного значения.

Список литературы:

1. Курочкин, А.В. Институциональный подход к правовым явлениям / А.В. Курочкин // Ученые записки Казанского университета: Гуманитарные науки. Том 157, кн. 6. 2015. URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F_62692911/157_6_gum_8.pdf
2. Кулапов, В.Л. Основные принципы функционального подхода при исследовании государственно-правовых явлений / В.Л. Кулапов // Вестник СГЮА. 2022. №2 (145). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-printsipy-funktsionalnogo-podhoda-pri-issledovanii-gosudarstvenno-pravovyh-yavleniy.
3. Ибрагимова, А.Н. К вопросу о структуре и содержании конституционно-правового статуса личности в Российской Федерации / А.Н. Ибрагимова // Вестник экономики, права и социологии, 2021, № 4. URL: https://www.vestnykeps.ru/0421/16.pdf
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
5. Плиев, А.Х. К вопросу о сущности конституционно-правовой ответственности / А.Х. Плиев // Вестник магистратуры. 2019. №6-5 (93). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-suschnosti-konstitutsionno-pravovoy-otvetstvennosti
6. Государственное право Германии [Текст] : сокращенный перевод немецкого семитомного издания : [в 2 т.] / Российская акад. наук, Ин-т гос. и права ; [редкол.: Б. Н. Топорнин (отв. ред.), Б. М. Лазарев, Ю. П. Урьяс]. - Москва : ИГПАН, 1994.
7. Бузуртанова, П.М. «Поколения» прав человека / П.М. Бузуртанова, Л.Б. Гандарова // StudNet. 2021. №6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pokoleniya-prav-cheloveka.
8. Капитонова, Е.А. Физические лица как субъекты конституционного права Российской Федерации: проблемы терминологии / Е.А. Капитонова // Вестник ПензГУ. 2014. №4 (8). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fizicheskie-litsa-kak-subekty-konstitutsionnogo-prava-rossiyskoy-federatsii-problemy-terminologii.

Ametov H. A. Constitutional and legal basis of the status of a person // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 143-151.

This article examines the constitutional and legal foundations of the status of an individual, which determine his or her position in society and the state, rights, freedoms and obligations. The author analyzes such aspects as citizenship, legal personality, constitutional rights and freedoms, as well as the principles and guarantees of legal status. It describes what should be understood by the term "constitutional and legal foundations of the status of an individual", and also offers the author's variation of this definition. Particular attention is paid to the problem of the lack of a single classification model of the constitutional foundations that determine the status of an individual in society and the state, which, as noted, significantly complicates their systematization and analysis, and also leads to contradictions in law enforcement practice. Work was carried out to form our own model of the foundations of the constitutional and legal status of an individual, not only directly laid down in the understanding of the legislator and, accordingly, being axiomatic, but also additional structural elements are provided with subsequent comprehensive argumentation. The second half of this work is devoted to the problem of the partial absence of a unified terminology in the field of issues of regulation of human rights and freedoms. Such similar, at first glance, phenomena as "man", "citizen", "personality" and "everyone" are analyzed and appropriate conclusions are made.

Key words: constitutional and legal foundations, status of the individual, man, citizen, legal personality, guarantees of rights and freedoms, constitutional and legal responsibility, principles of constitutional and legal status of the individual, generations of human rights.

Spisok literatury:

1. Kurochkin, A.V. Institucional`ny`j podxod k pravovy`m yavleniyam / A.V. Kurochkin // Ucheny`e zapiski Kazanskogo universiteta: Gumanitarny`e nauki. Tom 157, kn. 6. 2015. URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F_62692911/157_6_gum_8.pdf
2. Kulapov, V.L. Osnovny`e principy` funkcional`nogo podxoda pri issledovanii gosudarstvenno-pravovy`x yavlenij / V.L. Kulapov // Vestnik SGYuA. 2022. №2 (145). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-printsipy-funktsionalnogo-podhoda-pri-issledovanii-gosudarstvenno-pravovyh-yavleniy
3. Ibragimova, A.N. K voprosu o strukture i soderzhanii konstitucionno-pravovogo statusa lichnosti v Rossijskoj Federacii / A.N. Ibragimova // Vestnik e`konomiki, prava i sociologii, 2021, № 4. URL: https://www.vestnykeps.ru/0421/16.pdf
4. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny`mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
5. Pliev, A.X. K voprosu o sushhnosti konstitucionno-pravovoj otvetstvennosti / A.X. Pliev // Vestnik magistratury`. 2019. №6-5 (93). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-suschnosti-konstitutsionno-pravovoy-otvetstvennosti
6. Gosudarstvennoe pravo Germanii [Tekst] : sokrashhenny`j perevod nemeczkogo semitomnogo izdaniya : [v 2 t. ] / Rossijskaya akad. nauk, In-t gos. i prava ; [redkol.: B. N. Topornin (otv. red.), B. M. Lazarev, Yu. P. Ur`yas]. - Moskva : IGPAN, 1994.
7. Buzurtanova, P.M. "Generations" of human rights / P.M. Buzurtanova, L.B. Gandarova // StudNet. 2021. No.6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pokoleniya-prav-cheloveka
8. Kapitonova, E.A. Fizicheskie licza kak sub``ekty` konstitucionnogo prava Rossijskoj Federacii: problemy` terminologii / E.A. Kapitonova // Vestnik PenzGU. 2014. №4 (8). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fizicheskie-litsa-kak-subekty-konstitutsionnogo-prava-rossiyskoy-federatsii-problemy-terminologii.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 152–158.

УДК 34.096

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. ПРИМЕНЕНИЕ РИСК-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА

Баландин А. Ю.
МГЮА им. О. Е. Кутафина

Возрастающее число компьютерных атак и многообразие цифровой инфраструктуры в сочетании с предметной новизной нормативных актов обеспечения кибербезопасности может сыграть дезориентирующую роль в деятельности субъектов информационных правоотношений, существенно снизить оперативность и эффективность принятия мер обеспечения безопасности киберсреды. В рассматриваемой статье автором приводится методология риск-ориентированного подхода в достижении должного уровня кибербезопасности информационной инфраструктуры, обеспечивающего функционирование различных по роду субъектов в заданном диапазоне критериев эффективности. Сравнительный анализ отраслевого законодательства Российской Федерации, международных нормативных правовых актов и законодательства иностранных государств заложен в основу вывода о возможности применения риск-ориентированного подхода в качестве методологического инструмента обеспечения кибербезопасности объектов информационной инфраструктуры на национальном и на международном ровне, формировании проактивной защиты цифровой среды на основе прогнозирования вектора развития потенциальных киберугроз и приоритетности отражения кибератак для обеспечения функционирования объектов информационной инфраструктуры.

Ключевые слова: кибербезопасность, риск-ориентированный подход, киберугрозы, приоритетность, таксономия кибервреда, управление рисками, кибербезопасность элементов цепочки поставок.

Развитие современного информационного общества детерминировано высокой степенью технологичности и инновационностью социальной среды. Следствием стремительной компьютеризации общественных отношений является расширение цифрового ландшафта, в контексте кибербезопасности, рассматривающегося в качестве неизменного объекта реализации кибератак.

Необходимость обеспечения кибербезопасности информационных активов неоднократно указывалась в качестве одной из приоритетных задач обеспечения суверенитета РФ [1; 2]. Особая значимость рассматриваемому вопросу отводится в документах стратегического планирования [3; 4], поскольку современные реалии аккумулируют новые вызовы в сфере обеспечения безопасности информационных систем вне зависимости от сферы интеграции, а стремительные темпы развития информационной инфраструктуры обуславливают появление новых сегментов цифровой среды, со временем преобразующихся в отдельные функциональные социотехнические экосистемы. В связи с необходимостью защиты подведомственных объектов информационной инфраструктуры и формирования у субъектов информационных правоотношений надлежащей осмотрительности в киберсреде, законодателем принимаются различные по характеру и методу правового воздействия организационно-правовые меры, реализация которых направлена на систематическое повышение эффективности средств противодействия кибератакам и ликвидации уязвимостей компьютерной инфраструктуры.

Наряду с технологической компонентой кибербезопасности [5] не менее важное значение для обеспечения защищенности и устойчивости компьютерной инфраструктуры к деструктивным воздействиям имеет правовая основа деятельности

субъектов информационных правоотношений в киберпространстве, включая подлежащие всеобщей ратификации нормы международного права [6; 7]. Ученое сообщество неоднократно подчеркивало прогностическую функцию права как науки в условиях масштабной цифровизации [8; 9], в том числе в свете *анализа современных правовых рисков и угроз в области правового обеспечения информационной безопасности* [10]. Масштабность трансформации компьютерной среды подчеркивает актуальность аналитического подхода, в том числе для выработки комплексных мер противодействия кибератакам и оценки перспективности их внедрения владельцами информационных систем.

Один из методов обеспечения кибербезопасности цифровой среды основан на установлении приоретизации уязвимостей информационной инфраструктуры в зависимости от степени критичности вероятных негативных последствий при их потенциальной эксплуатации в ходе проведения компьютерных атак. Практическим результатом внедрения данного концепта является применение программных продуктов (SGRC-платформ) с функцией моделирования рисков и аудита информационной безопасности. Принцип моделирования угроз безопасности киберсреды нормативно закреплен в актах отраслевого регулятора [11; 12; 13] и наряду с функцией проектирования эшелонированной защиты является методическим инструментом мониторинга защищенности инфраструктуры [14]. Указанные положения предусматривают возможность совместного проведения уполномоченным федеральным органом исполнительной власти и субъектом информационных правоотношений – владельцем информационной инфраструктуры, всестороннего анализа защищенности эксплуатируемых компьютерных систем при проектировании периметра защиты и мониторинга актуальных сведений о его текущем состоянии. Подобная таксономия детально анализируется и в зарубежной научной литературе [15], ассоциирующей кибербезопасность как средство устранения рисков различного типа. Вполне очевидно, что рассмотренная тактика обоснованно согласуется с финансовыми интересами различных учреждений, представленных в информационной среде, вне зависимости от организационно-правовой формы и принадлежности, поскольку формируется с учетом экономической целесообразности и основывается на комплексной оценке киберриска как вероятного следствия реализации компьютерных угроз. Вместе с тем, в контексте обеспечения кибербезопасности объектов критической информационной инфраструктуры приоритезация отдельных видов угроз не имеет нивелирующее значение по отношению к менее значимым (с точки зрения пагубности для защищаемых процессов и реализуемых с меньшей вероятностью) угрозам. Данное утверждение вполне закономерно и следует из основополагающего принципа, определяющего кибербезопасность как совокупность средств гарантированного обеспечения аутентичности информации и информационных сетей [16, с. 78] без каких-либо изъятий. Кроме того, в системе федеральных органов исполнительной власти реализован институт ведомственного контроля, имеющий аналогичную правовую основу и объединяющий в единую организационно-правовую систему требования к средствам противодействия компьютерным атакам, алгоритмы функционирования объектов информатизации в ходе реализации мер кибербезопасности, а также требования по обеспечению безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры РФ и меры реализации государственного контроля в указанной области.

Ориентированность на оценку потенциальных угроз в качестве методологического инструмента обеспечения кибербезопасности объектов информационной инфраструктуры получило широкое распространение в различных социально-экономических сферах, и в настоящее время применяется субъектами информационных правоотношений вне зависимости от специфики их деятельности и стадии жизненного цикла. Несмотря на присущие каждому из направлений тематические особенности, последовательность интеграции рассматриваемого метода подразумевает наличие сущностного базиса, определяющего его уникальность и ценность практического применения. В любой отраслевой интерпретации просматривается детерминированный конечной целью принцип выявления и оценки рисков как потенциальной угрозы состоянию защищенности, их градации по степени опасности, в сочетании с последующим выстраиванием и управлением структурированной системы проактивной защиты, обеспечивающей функционирование информационной инфраструктуры на минимально необходимом уровне в условиях проведения компьютерных атак, что в конечном счете должно способствовать не противопоставлению протокола обеспечения кибербезопасности сущностными функциональным процессам, а скорее их взаимной синергии.

Следствием рассматриваемой детализации кризисной функциональности объекта организационно-правовой охраны является выработка комплексных мер противодействия противоправному посягательству: наряду с развертыванием в цифровой среде специализированного программного обеспечения широкое практическое применение находит дифференциация уровней доступа к информационным объектам, резервирование и очередность восстановления функций в зависимости от степени критичности цифрового сегмента, передача функций обеспечения кибербезопасности провайдеру управляемых сервисов (MSSP, Managed Security Services Providers) [17].

Инклюзивность риск-ориентированного подхода заключается в обеспечении надлежащей оценки кибербезопасности всех элементов цепочки поставок, включенных в общий анализ устойчивости цифровой инфраструктуры, что призвано снизить риски бесконтрольной интеграции элементов различных свойств в единую систему. Прикладное значение данное положение приобретает в случае инсталляции множества исторически дифференцированных программно-аппаратных решений, имеющих фундаментальные отличия и обладающих характерным набором эксплойтов [18], либо применение IoT (Internet of Things – интернет вещей), представляющего распределенные системы, что, с одной стороны, увеличивает поверхность атаки [19], а с другой стороны, наряду с иными компонентами, имеет элементы, применяющиеся в качестве средств реализации кибератак [20]. В свою очередь, дедуктивность анализа компонентного риска влечет выработку и принятие мер по обеспечению безопасности элементов цепочки поставок, либо корреспондирует данную функцию владельцам интегрируемых сегментов в контексте единой системы обеспечения кибербезопасности.

Применение риск-ориентированного подхода обеспечения кибербезопасности нашло отражение в нормативных правовых актах иностранных государств. Примечателен в данном контексте организационно-правовой опыт правительства США [21], где для негосударственных систем безопасности в 2008 г. в США стартовала программа NIST C-SCRM – Управление рисками цепочки поставок в киберпро-

странстве, направленная на выявление, оценку и снижение рисков, связанных с распределенным и взаимосвязанным характером цепочек поставок продуктов и услуг информационных и операционных технологий [22].

Правительством КНР реализуются меры самостоятельной реализации национальными компаниями оценки рисков работы с иностранными партнерами [23], при этом с определенной периодичностью проводится оценка рисков объектов критически важной информационной инфраструктуры [24].

Вывод. В настоящее время в связи с высокими темпами развития информационных технологий и резкого увеличения цифрового ландшафта риск-ориентированный подход в вопросах обеспечения кибербезопасности представляется наиболее приемлемым и обоснованным не только с точки зрения финансовых затрат, но и с учетом специфики кадрового обеспечения информационной сферы. Реализация данной концепции основывается на процессном управлении и риск-ориентированном мышлении, как альтернативе формальному выполнению нормативных предписаний регулятора, сочетающей централизацию управления и позиционность оценки обеспеченного уровня кибербезопасности в условиях необходимости реализации текущих функциональных процессов на заданном уровне. Изложенное при конструктивном сотрудничестве субъектов информационных правоотношений позволяет анонсировать наиболее эффективную модель беспрерывного функционирования информационных систем в конкретных условиях с заданными критериями, позволяющую с большей эффективностью осуществлять упреждающие меры проактивной защиты технологической среды, и, как следствие, повышать уровень кибербезопасности национальной и наднациональной информационной инфраструктуры.

Список литературы:

1. Новые векторы развития системы правового обеспечения информационной безопасности как одного из приоритетов национальной безопасности (к 30-летию принятия закона Российской Федерации «О безопасности») / Т. А. Полякова, Г. Г. Камалова. – Текст : непосредственный // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 2 (68). – С. 112-121.
2. Обзор международной научно-практической конференции «Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право» – Первые Бачиловские чтения / Т. А. Полякова, А. В. Минбалеев, Н. В. Кроткова. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 2018. – № 9. – С. 138-148.
3. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ – 2021. – 5 июля. – Текст: непосредственный.
4. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собр. законодательства РФ – 2018. – 14 мая. – Текст: непосредственный.
5. Кибербезопасность сетевого периметра объекта критической информационной инфраструктуры / В. С. Горбатов, И. Ю. Жуков, В. В. Кравченко, Д. И. Правиков. – Текст : непосредственный // Безопасность информационных технологий. – 2022. – Т. 29. № 4. – С. 12-26.
6. Проблемы формирования системы международной информационной безопасности в условиях трансформации права и новых вызовов и угроз / Т. А. Полякова, Г. Г. Шинкарецкая. – Текст : непосредственный // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 10 (190). – С. 138-142.
7. Международно-правовые аспекты кибербезопасности / А. А. Данелян, Е. Е. Гуляева. – Текст : непосредственный // Московский журнал международного права. – 2020. – № 1. С. 44-53.
8. Технологические порядки и правовая мысль: дуалистическая парадигма развития / В. С. Осипов, А. В. Минбалеев – Текст : непосредственный // Журнал цифрового права. – 2021. Т. 2. № 3. – С. 71-77.
9. Вопросы построения юридических дефиниций в сфере искусственного интеллекта / В. Б. Наумов, Г. Г. Камалова. – Текст : непосредственный // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2020. – Т. 15. № 1. – С. 81-93.
10. Актуальные проблемы формирования системы правового регулирования обеспечения информационной безопасности в условиях больших вызовов в глобальном информационном обществе и транс-

формации права / Т. А. Полякова, А. В. Минбалеев. – Текст : непосредственный // Теория и практика юридической науки. – 2019. – № 3 (56). С. 67-73.
11. Постановление Правительства РФ от 1 ноября 2012 г. № 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» // Собр. законодательства РФ. – 2012. – 5 ноября. – Текст: непосредственный.
12. Методика оценки угроз безопасности информации : утв. Федеральной службой по техническому и экспортному контролю 5 февраля 2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.08.2023). – Текст: электронный.
13. Методика определения актуальных угроз безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных : утв. заместителем директора ФСТЭК России 14 февраля 2008 г. – URL: https://fstec.ru/dokumenty/vse-dokumenty/spetsialnye-normativnye-dokumenty/metodika-ot-14-fevralya-2008-g (дата обращения: 07.08.2023). – Текст: электронный.
14. Приказ ФСБ России от 11 мая 2023 г. № 213 «Об утверждении порядка осуществления мониторинга защищенности информационных ресурсов, принадлежащих федеральным органам исполнительной власти, высшим исполнительным органам государственной власти субъектов Российской Федерации, государственным фондам, государственным корпорациям (компаниям), иным организациям, созданным на основании федеральных законов, стратегическим предприятиям, стратегическим акционерным обществам и системообразующим организациям российской экономики, юридическим лицам, являющимся субъектами критической информационной инфраструктуры Российской Федерации либо используемых ими». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» – Текст: электронный.
15. Иоаннис Аграфиотис, Джейсон Р.К. Медсестра, Майкл Голдсмит, Сэди Криз, Дэвид Аптон. Таксономия кибер-вреда: определение последствий кибератак и понимание того, как они распространяются. – Текст: электронный // Журнал кибербезопасности. – 2018. – Т. 4. Выпуск 1, tyy006. – URL: https://doi.org/10.1093/cybsec/tyy006 (дата обращения: 07.08.2023).
16. Полякова, Т. А. Новые горизонты развития системы информационного права в условиях цифровой трансформации : Монография / отв. ред. Т. А. Полякова, А. В. Минбалеев, В. Б. Наумов [и др.] – Москва : ИГП РАН, 2022. – 368 с. – Текст : непосредственный.
17. О совершенствовании инфраструктуры SOC MSSP / В. Г. Жуков, М. Н. Жукова. – Текст: непосредственный // Решетневские чтения. – 2016. – Т. 2. – С. 250-251.
18. Анализ моделей и методик, используемых для атрибуции нарушителей кибербезопасности при реализации целевых атак / И. Котенко, С. С. Хмыров. – Текст: непосредственный // Вопросы кибербезопасности. – 2022. – № 4 (50). – С. 52-79.
19. О кибербезопасности систем Интернета Вещей / Д. Е. Намиот, В. А. Сухомлин. – Текст: непосредственный // International Journal of Open Information Technologies. – 2023. – Т. 11. – № 2. – С. 85-97.
20. Жаркова, М. В. Основные аспекты DDOS-атаки как угрозы информационной безопасности в современном мире / М. В. Жаркова. – Текст : электронный // THE BEST SOLUTIONS FOR RESEARCH CHALLENGES. – 2021. – С. 6-10. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46410139 (дата обращения: 17.08.2023).
21. The Comprehensive National Cybersecurity Initiative. – URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/cybersecurity.pdf (дата обращения: 14.08.2023).
22. Кибер-управление рисками цепочки поставок (C-SCRM). – URL: https://csrc.nist.rip/scrm/ (дата обращения: 14.08.2023).
23. Меры по оценке безопасности экспорта данных : утв. Приказом Государственной службы интернет-информации КНР от 7 июля 2022 г. № 11. – URL: http://www.cac.gov.cn/2022-07/07/c_1658811536396503.htm (дата обращения: 17.08.2023). – Текст: электронный.
24. Положение о защите критически важной информационной инфраструктуры : утв. Постановлением Государственного совета КНР от 17 августа 2021 г. – URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2021-08/17/content_5631671.htm (дата обращения: 17.08.2023). – Текст: электронный.

Balandin A.Yu. Implementation of a risk-based approach to issues of public law regulation of cybersecurity in the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 152-158.

The increasing number of computer attacks and the diversity of digital infrastructure, combined with the subject novelty of cybersecurity regulations, can play a disorienting role in the activities of subjects of information legal relations, significantly reduce the efficiency and effectiveness of taking measures to ensure the security of the cyber environment. In the article under consideration, the author provides a methodology for a risk-based approach to achieving the proper level of cybersecurity of the information infrastructure, ensuring the functioning of various entities in a given range of performance criteria. A comparative analysis of the sectoral legislation of the Russian Federation, international regulatory legal acts and legislation of foreign states is the basis for the conclusion that a risk-based approach can be used as a methodological tool to ensure cybersecurity of information infrastructure facilities at the national and international levels, the formation of proactive protection of the digital environment based on forecasting the vector of development of potential cyber threats and the priority of repelling cyber attacks to ensure the functioning of information infrastructure facilities.

Keywords: cybersecurity, risk-based approach, cyber threats, priority, taxonomy of the cyber environment, risk management, cybersecurity of supply chain elements.

Spisok literatury:

1. Novye vektory razvitiya sistemy pravovogo obespecheniya informacionnoj bezopasnosti kak odnogo iz prioritetov nacional'noj bezopasnosti (k 30-letiyu prinyatiya zakona Rossijskoj Federacii «O bezopasnosti») / T. A. Polyakova, G. G. Kamalova. – Tekst : neposredstvennyj // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2022. – № 2 (68). – S. 112-121.
2. Obzor mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Informacionnoe prostranstvo: obespechenie informacionnoj bezopasnosti i pravo» – Pervye Bachilovskie chteniya / T. A. Polyakova, A. V. Minbaleev, N. V. Krotkova. – Tekst : neposredstvennyj // Gosudarstvo i pravo. – 2018. – № 9. – S. 138-148.
3. Ukaz Prezidenta RF ot 2 iyulya 2021 g. № 400 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» // Sobr. zakonodatel'stva RF – 2021. – 5 iyulya. – Tekst: neposredstvennyj.
4. Ukaz Prezidenta RF ot 7 maya 2018 g. № 204 «O nacional'nyh celyah i strategicheskih zadachah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda» // Sobr. zakonodatel'stva RF – 2018. – 14 maya. – Tekst: neposredstvennyj.
5. Kiberbezopasnost' setevogo perimetra ob"ekta kriticheskoj informacionnoj infrastruktury / V. S. Gorbatov, I. YU. ZHukov, V. V. Kravchenko, D. I. Pravikov. – Tekst : neposredstvennyj // Bezopasnost' informacionnyh tekhnologij. – 2022. – T. 29. № 4. – S. 12-26.
6. Problemy formirovaniya sistemy mezhdunarodnoj informacionnoj bezopasnosti v usloviyah transformacii prava i novyh vyzovov i ugroz / T. A. Polyakova, G. G. SHinkareckaya. – Tekst : neposredstvennyj // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2020. – № 10 (190). – S. 138-142.
7. Mezhdunarodno-pravovye aspekty kiberbezopasnosti / A. A. Danelyan, E. E. Gulyaeva. – Tekst : neposredstvennyj // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. – 2020. – № 1. S. 44-53.
8. Tekhnologicheskie poryadki i pravovaya mysl': dualisticheskaya paradigma razvitiya / V. S. Osipov, A. V. Minbaleev – Tekst : neposredstvennyj // ZHurnal cifrovogo prava. – 2021. T. 2. № 3. – S. 71-77.
9. Voprosy postroeniya yuridicheskih definicij v sfere iskusstvennogo intellekta / V. B. Naumov, G. G. Kamalova. – Tekst : neposredstvennyj // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. – 2020. – T. 15. № 1. – S. 81-93.
10. Aktual'nye problemy formirovaniya sistemy pravovogo regulirovaniya obespecheniya informacionnoj bezopasnosti v usloviyah bol'shih vyzovov v global'nom informacionnom obshchestve i transformacii prava / T. A. Polyakova, A. V. Minbaleev. – Tekst : neposredstvennyj // Teoriya i praktika yuridicheskoj nauki. – 2019. – № 3 (56). S. 67-73.
11. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 1 noyabrya 2012 g. № 1119 «Ob utverzhdenii trebovanij k zashchite personal'nyh dannyh pri ih obrabotke v informacionnyh sistemah personal'nyh dannyh» // Sobr. zakonodatel'stva RF. – 2012. – 5 noyabrya. – Tekst: neposredstvennyj.
12. Metodika ocenki ugroz bezopasnosti informacii : utv. Federal'noj sluzhboj po tekhnicheskomu i eksportnomu kontrolyu 5 fevralya 2021 g. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 15.08.2023). – Tekst: elektronnyj.
13. Metodika opredeleniya aktual'nyh ugroz bezopasnosti personal'nyh dannyh pri ih obrabotke v informacionnyh sistemah personal'nyh dannyh : utv. zamestitelem direktora FSTEK Rossii 14 fevralya 2008 g. – URL: https://fstec.ru/dokumenty/vse-dokumenty/spetsialnye-normativnye-dokumenty/metodika-ot-14-fevralya-2008-g (data obrashcheniya: 07.08.2023). – Tekst: elektronnyj.
14. Prikaz FSB Rossii ot 11 maya 2023 g. № 213 «Ob utverzhdenii poryadka osushchestvleniya monitoringa zashchishchennosti informacionnyh resursov, prinadlezhashchih federal'nym organam ispolnitel'noj vlasti, vysshim ispolnitel'nym organam gosudarstvennoj vlasti sub"ektov Rossijskoj Federacii, gosudarstvennym fondam, gosudarstvennym korporaciyam (kompaniyam), inym organizaciyam, sozdannym na osnovanii federal'nyh zakonov, strategicheskim predpriyatiyam, strategicheskim akcionernym obshchestvam i sistemoobrazuyushchim organizaciyam rossijskoj ekonomiki, yuridicheskim licam, yavlyayushchimsya sub"ektami kriticheskoj informacionnoj infrastruktury Rossijskoj Federacii libo ispol'zuemyh imi». Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus» – Tekst: elektronnyj.
15. Ioannis Agrafiotis, Dzhejson R.K. Medsestra, Majkl Goldsmit, Sedi Kriz, Devid Apton. Taksonomiya kiber-vreda: opredelenie posledstvij kiberatak i ponimanie togo, kak oni rasprostranyayutsya. – Tekst: elektronnyj // ZHurnal kiberbezopasnosti. – 2018. – T. 4. Vypusk 1, tyy006 . – URL: https://doi.org/10.1093/cybsec/tyy006 (data obrashcheniya: 07.08.2023).
16. Polyakova, T. A. Novye gorizonty razvitiya sistemy informacionnogo prava v usloviyah cifrovoj transformacii : Monografiya / otv. red. T. A. Polyakova, A. V. Minbaleev, V. B. Naumov [i dr.] – Moskva : IGP RAN, 2022. – 368 s. – Tekst : neposredstvennyj.
17. O sovershenstvovanii infrastruktury SOC MSSP / V. G. ZHukov, M. N. ZHukova. – Tekst: neposredstvennyj // Reshetnevskie chteniya. – 2016. – T. 2. – S. 250-251.
18. Analiz modelej i metodik, ispol'zuemyh dlya atribucii narushitelej kiberbezopasnosti pri realizacii celevyh atak / I. Kotenko, S. S. Hmyrov. – Tekst: neposredstvennyj // Voprosy kiberbezopasnosti. – 2022. – № 4 (50). – S. 52-79.

19. O kiberbezopasnosti sistem Interneta Veshchej / D. E. Namiot, V. A. Suhomlin. – Tekst: neposredstvennyj // International Journal of Open Information Technologies. – 2023. – T. 11. – № 2. – S. 85-97.
20. ZHarkova, M. V. Osnovnye aspekty DDOS-ataki kak ugrozy informacionnoj bezopasnosti v sovremennom mire / M. V. ZHarkova. – Tekst : elektronnyj // THE BEST SOLUTIONS FOR RESEARCH CHALLENGES. – 2021. – S. 6-10. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46410139 (data obrashcheniya: 17.08.2023).
21. The Comprehensive National Cybersecurity Initiative. – URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/cybersecurity.pdf (data obrashcheniya: 14.08.2023).
22. Kiber-upravlenie riskami cepochki postavok (C-SCRM). – URL: https://csrc.nist.rip/scrm/ (data obrashcheniya: 14.08.2023).
23. Mery po ocenke bezopasnosti eksporta dannyh : utv. Prikazom Gosudarstvennoj sluzhby internet-informacii KNR ot 7 iyulya 2022 g. № 11. – URL: http://www.cac.gov.cn/2022-07/07/c_1658811536396503.htm (data obrashcheniya: 17.08.2023). – Tekst: elektronnyj.
24. Polozhenie o zashchite kriticheski vazhnoj informacionnoj infrastruktury : utv. Postanovleniem Gosudarstvennogo soveta KNR ot 17 avgusta 2021 g. – URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2021-08/17/content_5631671.htm (data obrashcheniya: 17.08.2023). – Tekst: elektronnyj.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 159–164.

УДК 39342

ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ (В ТОМ ЧИСЛЕ БИОМЕТРИЧЕСКИХ) ДАННЫХ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: МОДЕЛЬ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Будник Р. А., Сапронов Д. Ю., Иваева Э. А.

Статья посвящена рассмотрению модели публично-правовой защиты персональных (в том числе биометрических) данных на постсоветском пространстве на примере Республики Казахстан. Законодательство Республики Казахстан в области защиты персональных данных прошло в своём развитии не такой длинный путь, но тем не менее правотворческий и правоприменительный опыт этой страны в сравнительно-правовом смысле представляет значительный интерес. С течением времени модель публично-правовой защиты персональных данных Республики Казахстан трансформировалась и изменялась в след за меняющимися информационными отношениями. В статье отмечается влияние развития цифровых технологий и цифровизации государства и права.

Ключевые слова: сравнительное правоведение, законодательство Республики Казахстан, информация, данные, информационное право, персональные данные, биометрические данные, ответственность, информационная безопасность, информационные отношения.

Важным аспектом, связанным с правовым регулированием оборота персональных данных в Казахстане, является необходимость выработки своих национальных правовых подходов к вопросу защиты персональных данных, учитывая при этом мирохозяйственные связи с зарубежными государствами (в первую очередь, с ЕС [1], Китайской Народной Республикой и РФ). В этих условиях необходимость поиска баланса между интересами государства и личности в сфере защиты персональных данных усложняется. Следует также отметить отдельные имеющие проблемы в России в данном вопросе [2], не смотря на активную позицию различных ветвей власти РФ по обеспечению соблюдения законных интересов физических и юридических лиц [3] на основании норм закона 2007 г. [4].

Защита информации о частной жизни как конституционная ценность закреплена в Конституции Казахстана. Закон Республики Казахстан от 21.05.2013 г. № 94-V «О персональных данных и их защите» определяет персональные данные как сведения, относящиеся к определенному или определяемому на их основании субъекту персональных данных, зафиксированные на электронном, бумажном и (или) ином материальном носителе. Кроме этого, так же дано важное правовое определение биометрических данных: персональные данные, которые характеризуют физиологические и биологические особенности субъекта персональных данных, на основе которых можно установить его личность.

За рамки действия закона выведены отношения по поводу оборота следующих видов персональных данных: связанных с личными и семейными нуждами; связанных с архивным делом; персональными данными, которые отнесены к государственным секретам; данными физических лиц, которые собираются в ходе разведывательной, контрразведывательной, оперативно-розыскной деятельности, а также осуществлении охранных мероприятий по обеспечению безопасности охраняемых лиц и объектов в пределах, установленных законами Республики Казахстан.

Кроме того, Закон закрепляет принципы, которыми нужно руководствоваться при сборе, хранении и обработке данных физических лиц: соблюдать конституционные права и свободы, соблюдать законность, собираемые данные относятся к категории ограниченного доступа и являются конфиденциальными, права операторов, собственников и субъектов персональных данных равны, кроме этого необходимо обеспечивать безопасность личности, общества и государства. Важным здесь является то, что в вопросе обеспечения безопасности отдан приоритет личности, а не государству. Как известно, такой подход характерен так же для Европейского Союза, где также отдан приоритет защите прав личности.

Персональные данные законодатель подразделяет на общедоступные и ограниченного доступа. Законодательно закреплена норма, исключающая из общего доступа в течении одного дня, данные собранные с нарушением законодательства. Оговорено, что расходы, связанные с исключением персональной информации из общедоступных источников, возлагаются на собственника и (или) оператора, третье лицо, объём которых определяется судом. Ключевой особенностью регулирования оборота персональных данных в Республике Казахстан является необходимость получить согласие субъекта или его законного представителя в порядке, определяемом уполномоченным органом, кроме этого согласие субъекта или его законного представителя необходимо для распространение персональных данных в общедоступных источниках, кроме случаев публикации информации, обязанность размещения которой установлена законами. Общедоступные данные могут быть собраны и обработаны повторно третьими лицами, при условии ссылки на источник информации. Такая мера позволяет субъекту определить из какого источника получены данные о нём. Трансграничная передача персональных данных так же должна быть оформлена отдельным согласием. Она возможна только в случае, если, будет обеспечен должный уровень защиты персональных данных. Казахстан имеет соглашение о расширенном партнёрстве и сотрудничестве с Европейским Союзом и государствами входящими в него. Что подтверждает курс Республики на углубление сотрудничества с ЕС в правовой сфере. Если государство на территорию которого планируется осуществить передачу персональных данных, не может обеспечить их защиту, она возможна в случае:

- наличия согласия субъекта персональных данных или его законного представителя;
- наличия международного договора, ратифицированного Казахстаном;
- в случае если такая передача обусловлена предусмотренными законодательством Республики Казахстан «целях защиты конституционного строя, охраны общественного порядка, прав и свобод человека и гражданина, здоровья и нравственности населения»;
- обусловленном необходимостью защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина при условии, если получить согласие субъекта или его представителя не представляется возможным.

Сбор и обработка персональных данных должны производиться в соответствии с заранее определёнными законными целями, обработка информации о физических лицах, противоречащая заявленным целям сбора персональных данных запрещена. Кроме этого, избыточный сбор данных о физических лицах так же запрещён.

Важной особенностью получения или отзыва согласия на сбор и обработку персональных данных является необходимость подтверждения у субъекта или его законного представителя согласия на сбор информации. Для этого необходимо использовать государственный сервис контроля доступа к персональным данным или же аналогичный по функционалу не государственный сервис. Такая правовая конструкция позволяет проверить полученное согласие, кроме этого, при сборе персональных данных государственными органами в обязательном порядке следует использовать государственный сервис контроля доступа к персональным данным.

Лица обрабатывающие персональные данные обеспечивают интеграцию своей информационной инфраструктуры с государственным сервисом контроля доступа к персональным данным, кроме случаев: «осуществления деятельности правоохранительных органов, судов и иных уполномоченных государственных органов, которые возбуждают и рассматривают дела об административных правонарушениях, исполнительного производства», когда осуществляется государственная статистическая деятельность, сбора персональных данных государственным органом, осуществляющим регулирование, контроль и надзор финансового рынка и финансовых организаций, информации от физических и юридических лиц в соответствии с законодательством Республики Казахстан, и осуществления органами доходов налогового (таможенного) администрирования и передачи на хранение резервной копии электронных информационных ресурсов, содержащих персональные данные ограниченного доступа, на единую национальную резервную платформу хранения электронных информационных ресурсов в случаях, предусмотренных законами Республики Казахстан. Интеграция с государственным сервисом производится в соответствии с правилами для интеграции объектов информационной инфраструктуры «электронного» правительства. А также с соблюдением норм защиты информации с ограниченным доступом (тайная и конфиденциальная информация). В других случая интеграция производится на добровольной основе.

Предусмотрены следующие функции государственного сервиса контроля доступа к персональным данным:

- предоставление субъектом или его законным представителем согласия (отказа) на сбор и (или) обработку персональных данных, содержащихся в объектах информатизации государственных органов и (или) государственных юридических лиц;
- отзыв субъектом или его законным представителем согласия на сбор и (или) обработку персональных данных, содержащихся в объектах информатизации государственных органов и (или) государственных юридических лиц;
- уведомление субъекта о действиях с его персональными данными, содержащимися в объектах информатизации государственных органов и (или) государственных юридических лиц (доступ, просмотр, изменение, дополнение, передача, блокирование, уничтожение);
- представление субъекту сведений о собственниках и (или) операторах, имеющих согласие на сбор и (или) обработку его персональных данных, содержащихся в объектах информатизации государственных органов и (или) государственных юридических лиц и др.

Отмечается, что организация такого сервиса положительным образом сказалась на защищённости прав граждан Республики Казахстан на защиту своих персональных данных и минимизации их сбора без ведома субъекта.

Лица обрабатывающие персональные данные, могут использовать негосударственные сервисы контроля персональных данных, такой сервис должен обеспечить: предоставление субъектом или его законным представителем согласия (отказа) на сбор и (или) обработку персональных данных; уведомление субъекта о действиях с его персональными данными (просмотр, изменение, дополнение, передача, блокирование, уничтожение); уведомление субъекта о доступе третьих лиц к его персональным данным [5].

Представляется, что подобный правовой механизм подтверждения полученного согласия на получение персональных данных был бы полезен для внедрения в российское законодательство, адаптация его к отечественным реалиям позволила бы вести полностью автоматизированный учёт и контроль за получаемыми согласиями субъектов персональных данных.

Такой подход особенно важен в чувствительных областях, связанных, например, с медицинской информацией, а равно в сфере оборота объектов интеллектуальной собственности, где возможен большой материальный ущерб при минимальном физическом воздействии.

При этом в случаях, когда это противоречит законодательству или при наличии неисполненного обязательства отзыв согласия невозможен.

Согласие на сбор и обработку персональных данных содержит:

1) наименование (фамилию, имя, отчество (если оно указано в документе, удостоверяющем личность), бизнес-идентификационный номер (индивидуальный идентификационный номер) оператора;

2) фамилию, имя, отчество (если оно указано в документе, удостоверяющем личность) субъекта;

3) срок или период, в течение которого действует согласие на сбор, обработку персональных данных;

4) сведения о возможности оператора или ее отсутствии передавать персональные данные третьим лицам;

5) сведения о наличии либо отсутствии трансграничной передачи персональных данных в процессе их обработки;

6) сведения о распространении персональных данных в общедоступных источниках;

7) перечень собираемых данных, связанных с субъектом;

8) иные сведения, определяемые собственником и (или) оператором.

По общему правилу, согласие на сбор и обработку персональных данных не требуется в следующих случаях: осуществления деятельности правоохранительных органов, судов и иных уполномоченных государственных органов, которые возбуждают и рассматривают дела об административных правонарушениях, исполнительного производства; осуществления государственной статистической деятельности; использования государственными органами персональных данных для статистических целей с обязательным условием их обезличивания; реализации ратифицированных международных договоров; защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина, если получение согласия субъекта или его законного представителя невозможно; осуществления законной профессиональной деятельности журналиста и (или) деятельности теле-, радиоканалов, периодических печатных изданий, информационных агентств, сетевых изданий либо научной, литературной или иной

творческой деятельности при условии соблюдения требований законодательства по обеспечению прав и свобод человека и гражданина; опубликования персональных данных кандидатов на выборные государственные должности и др.

Условия доступа к персональным данным определяются в согласии субъекта или его представителя. Доступ к ним запрещается в случае, если обязательства по обеспечению выполнения требований Закона не могут быть выполнены. Субъект персональных данных или его законный представитель вправе подать запрос оператору персональных данных или собственнику письменно, или с использование электронного документа или иным способом, в котором имеется элемент защитных действий, которые не противоречат законодательству Казахстана. Доступ третьих лиц, которые содержаться в информационных системах государственных органов и\или государственных юридических лиц.

Постановлением Правительства Республики Казахстан от 3.09. 2013 г. № 909 «Об утверждении Правил осуществления собственником и (или) оператором, а также третьим лицом мер по защите персональных данных» (с изм. и доп. по состоянию на 08.04.2023 г.) определяется порядок защита персональных данных, в целях реализации прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну; обеспечения их целостности и сохранности; соблюдения их конфиденциальности; реализации права на доступ к ним; предотвращения незаконного их сбора и обработки.

Уполномоченным органом в Республике Казахстан в сфере оборота и защиты персональных данных выступает Министерство цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан (Постановление Правительства Республики Казахстан от 12.07.2019 г. № 501 «О мерах по реализации Указа Президента Республики Казахстан» от 17.07.2019 г. № 24 «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы государственного управления Республики Казахстан»»), которое в рамках своих полномочий, например, формирует и реализует государственную политику в сфере персональных данных и их защиты, разрабатывает порядок осуществления собственником и (или) оператором, а также третьим лицом мер по защите персональных данных, разрабатывает правила определения собственником и (или) оператором перечня персональных данных, необходимого и достаточного для выполнения осуществляемых ими задач, принимает меры по привлечению лиц, допустивших нарушения законодательства о персональных данных и их защите, к ответственности. Функции высшего надзора в области защиты персональных данных, за соблюдением законности возложены на Прокуратуру Республики Казахстан.

Таким образом рассматривая действующую в Республике Казахстан модель защиты персональных данных можно отметить, что она ориентирована на автоматизированную хранение и обработку персональных данных, некоторые ее положения схожи с соответствующими нормами ЕС. Такой поход обеспечивает более полное регулирование общественных отношений по поводу персональных данных, а также их защиту.

Важной особенностью сферы защиты и оборота персональных данных является наличие государственного сервиса управления персональными данными, который используется для подтверждения и отзыва согласий на их обработку, что позволяет цифровизировать учёт согласий и отзывов, что улучшает защищённость персональ-

ных данных, а также повышает контроль физического лица за выданными согласиями и облегчает процедуру их отзыва.

Список литературы:

1.Лозовая О.В. Законодательство Республики Казахстан в сфере защиты персональных данных: сравнительный анализ с правом Европейского Союза. // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2015. № 1 (37). С. 128-133.

2.Защита персональных данных в России // NADVISER. Государство. Бизнес. Технологии. – URL: Защита персональных данных в России (tadviser.ru) (дата обращения : 20.09.2024)

3. Как закон обеспечивает сохранность персональных данных россиян. – URL: Как закон обеспечивает сохранность персональных данных россиян (duma.gov.ru) (дата обращения : 20.09.2024)

4. Федеральный закон "О персональных данных" от 27.07.2006 N 152-ФЗ (последняя редакция). 27 июля 2006 года N 152-ФЗ. – URL: Федеральный закон "О персональных данных" от 27.07.2006 N 152-ФЗ (последняя редакция) \ КонсультантПлюс (consultant.ru) (дата обращения : 20.09.2024)

5. Баратулы М. Защита персональных данных в России и Казахстане. // Стабильность и динамизм Российской Конституции. Материалы XII Международного Конституционного Форума, посвященного 15-летию возрождения юридического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского и XII Международной научно-практической конференции молодых ученых, посвященной Дню прав человека. Саратов, 2021. С. 28-34.

Budnik R.A., Sapronov D.Yu., Ivaeva E.A. Features of public legal protection of personal (including biometric) data in the Post-Soviet Space: the model of the Republic of Kazakhstan // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 159-164.

The article is devoted to the consideration of the model of public legal protection of personal (including biometric) data in the post-Soviet space on the example of the Republic of Kazakhstan. The legislation of the Republic of Kazakhstan in the field of personal data protection has not gone such a long way in its development, but nevertheless the law-making and law enforcement experience of this country in a relatively legal sense is of considerable interest. Over time, the model of public legal protection of personal data of the Republic of Kazakhstan has been transformed and changed in the wake of changing information relations. The article notes the impact of the development of digital technologies and the digitalization of the state and law.

Keywords: comparative law, legislation of the Republic of Kazakhstan, information, data, information law, personal data, biometric data, responsibility, information security, information relations.

Spisok literatury:

1.Lozovaya O.V. Zakonodatel'stvo Respubliki Kazahstan v sfere zashchity personal'nyh dannyh: sravnitel'nyj analiz s pravom Evropejskogo Soyuza. // Vestnik Instituta zakonodatel'stva Respubliki Kazahstan. 2015. № 1 (37). S. 128-133.

2.Zashchita personal'nyh dannyh v Rossii // NADVISER. Gosudarstvo. Biznes. Tekhnologii. – URL: Zashchita personal'nyh dannyh v Rossii (tadviser.ru) (data obrashcheniya : 20.09.2024)

3. Kak zakon obespechivaet sohrannost' personal'nyh dannyh rossiyan. – URL: Kak zakon obespechivaet sohrannost' perso-nal'nyh dannyh rossiyan (duma.gov.ru) (data obrashcheniya : 20.09.2024)

4. Federal'nyj zakon "O personal'nyh dannyh" ot 27.07.2006 N 152-FZ (poslednyaya redakciya). 27 iyulya 2006 goda N 152-FZ. – URL: Federal'nyj zakon "O personal'nyh dannyh" ot 27.07.2006 N 152-FZ (poslednyaya redakciya) \ Konsul'tant-Plyus (consultant.ru) (data obrashcheniya : 20.09.2024)

5. Baratuly M. Zashchita personal'nyh dannyh v Rossii i Kazahstane. // Stabil'nost' i dinamizm Rossijskoj Konstitucii. Materialy HII Mezhdunarodnogo Konstitucionnogo Foruma, posvyashchennogo 15-letiyu vozrozhdeniya yuridicheskogo fa-kul'teta SGU imeni N.G. CHernyshevskogo i HII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii molodyh uchenyh, posvyashchennoj Dnyu prav cheloveka. Saratov, 2021. S. 28-34.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 165–175.

УДК 351.74

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ И ИХ РЕШЕНИЕ

Буткевич С. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье детально рассмотрены организационные и правовые вопросы деятельности службы участковых уполномоченных полиции в современных условиях, непосредственно связанная с предупреждением правонарушений и взаимодействием с населением. Дана подробная характеристика организационных и правовых аспектов осуществления профессионального обучения специалистов для данной службы, в том числе на примере Крымского филиала Краснодарского университета МВД России. В ходе научной разведки также систематизированы и проанализированы проблемные вопросы организации обеспечения общественной безопасности, осуществления превентивной деятельности и работы с гражданами как приоритетные задачи службы участковых уполномоченных полиции. На основании проведенного исследования разработаны авторские рекомендации по совершенствованию системы оценивания служебной деятельности и морально-деловых качеств участковых уполномоченных полиции, подготовлены предложения по оптимизации деятельности службы в целом, ее материального и кадрового обеспечения в частности.

Ключевые слова: мониторинг мнений руководителей, органы внутренних дел, подготовка специалистов, превентивная деятельность, предупреждение правонарушений, совершенствование учебно-воспитательного процесса, участковый уполномоченный полиции, формирование компетенций.

Эффективность и целесообразность перманентных реформ и результативность организационно-штатных преобразований российских правоохранительных органов, не исключая органы внутренних дел (далее – ОВД), предполагают глубинные изменения, обусловленные эволюцией всех сфер жизнедеятельности общества и касающиеся надлежащего функционирования органов государственной власти и управления. Вне сомнений, что на переднем плане превентивной деятельности полиции и взаимодействия с населением находится участковый уполномоченный полиции, который непосредственно и постоянно контактирует с гражданами, владеет информацией об их проблемах и запросах, целенаправленно, предметно, универсально, адресно и (или) точечно работает с асоциальным и антисоциальным контингентом, реальными и потенциальными девиациями на вверенной территории [1–3] (выявление, устранение, сдерживание, нейтрализация, минимизация, корректировка, стабилизация в превентивных целях). Вот почему в приоритетные задачи реализации концепции развития службы участковых уполномоченных полиции территориальных органов МВД России должны входить дальнейшее совершенствование механизмов защиты прав и свобод человека, законных интересов социума в процессе охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, уважительное и внимательное отношение к гражданам, осуществление правового воспитания и просвещения населения на закрепленном административном участке, восстановление авторитета, улучшение имиджа и укрепление доверия общества к полиции и органам власти, культивирование уважения к закону и правопорядку.

Большинство руководителей территориальных органов МВД России на региональном и районном уровнях уделяет особое внимание комплектованию, укрепле-

нию и развитию подразделений ОВД, которые несут наружную службу, осуществляют профилактическую деятельность и непосредственно взаимодействуют с населением [4, с. 170; 5, с. 120]. В первую очередь речь идет об укреплении и всестороннем обеспечении наиболее мобильного и оперативного в тактическом плане подразделения полиции по охране общественного порядка – службы участковых уполномоченных полиции – и интенсификации ее деятельности. Важность и значимость этого подразделения сложно переоценить: ежегодно по стране их сотрудниками рассматривается практически половина поступающих в ОВД обращений граждан (около 16 млн), раскрывается более 270 тыс. преступлений, выявляется свыше 3 млн административных правонарушений. Только в Республике Крым за 2023 г. сотрудниками службы участковых уполномоченных полиции установлены лица, совершившие 3587 преступлений, или 23,4 % от общего количества таких лиц. По их материалам возбуждено 1997 (85,6 % от общего количества) уголовных дел по превентивным составам преступлений, из них против личности – 1319 (+20 %), в том числе по ст. 116.1 УК РФ 281, ст. 119 – 361, ст. 115 – 379; составлено 26 198 протоколов об административных правонарушениях. Общее количество подучетного элемента составляет 3 947 лиц, из них 942 поднадзорных, 1 410 подпадающих под административный надзор (которыми совершено 717 правонарушений), 227 лиц больных алкоголизмом и 131 – наркоманией, 1 132 – допускающих правонарушения в семейно-бытовой сфере, и 105 лиц, совершивших правонарушения, посягающие на общественный порядок и безопасность при проведении общественно-политических и спортивно-массовых мероприятий.

Очевидно, если что-то упустил участковый уполномоченный полиции, впоследствии должны работать сотрудники оперативных и экспертно-криминалистических подразделений, следствия и дознания, правоохранительная система в целом. А когда на административном участке грамотно и квалифицированно несет службу участковый уполномоченный полиции, который владеет информацией о девиантах, делинквентах, криминогенной ситуации, оперативной обстановке и профессионально влияет на них, он может самостоятельно решать основной массив существующих и возможных проблем, устранять их причины, не допуская их эскалации и дальнейшего привлечения к реагированию на их последствия других сотрудников и подразделений ОВД. Иначе говоря, выполняемые задачи и реализуемые полномочия участкового уполномоченного полиции можно назвать многофункциональными и комплексными, поскольку они в полном объеме обеспечивают все виды административной и другой служебной деятельности ОВД (по территориальному принципу). При этом он не только представитель власти, но и юрист, психолог, воспитатель, оратор, авторитет и наставник, часто выполняющий в пределах компетенции на вверенной территории полномочия сотрудников оперативных, криминалистических и лицензионно-разрешительных подразделений, отдельные функции следствия и дознания, дорожно-патрульной службы, подразделений по вопросам миграции, делопроизводителя, тесно, системно и планомерно взаимодействуя с органами публичной власти, частными охранными организациями, институтами общественности и отдельными гражданами [6; 7]. То есть ключевая задача современного участкового уполномоченного полиции – быть универсальным связующим звеном, обеспечивающим объединение и консолидацию усилий муниципалитетов, органов правопорядка и общественных объединений по предупреждению административных право-

нарушений и преступлений. Для этого проводимые им мероприятия должны быть целенаправленными, системными, комплексными, эффективными, организованными, адекватными, целесообразными, гибкими, непрерывными, перспективными, на плановой основе, а превентивная деятельность участковых уполномоченных полиции – иметь опережающий характер, осуществляться на максимально раннем этапе возникновения конфликтных ситуаций и детерминант деликтов.

С другой стороны, руководителям необходимо учитывать, что служебная деятельность участкового уполномоченного полиции значительно объемнее, а потому больше, чем любых других подразделений и служб правоохранительных органов, подвержена влиянию модусных проявлений жизни социума во всем диалектическом единстве и противоречивости антагонизмов просоциального и антиобщественного, традиционного и инновационного, унифицированного и экстраординарного, индивидуального и группового, законного и справедливого, объективного и эмпатичного. Не случайно в целях популяризации профессии участкового уполномоченного полиции и дани уважения к этой службе в Краснодарском университете МВД России в апреле 2019 г. на аллее парка установлен памятник герою повестей и рассказов В.В. Липатова – участковому уполномоченному милиции Федору Ивановичу Аниськину, воплощению тонкого интеллекта и жизненной мудрости, оперативной смекалки и чутья следователя, гражданственности и самозабвенности служения Отечеству, способности к сочувствию и состраданию, как совокупности качеств, необходимых для представителя указанной службы, и воплощающих канона образа советского милиционера. В свою очередь по инициативе Крымского филиала Краснодарского университета МВД России (далее – филиала) с 2015 г. Государственным Советом Республики Крым учреждена стипендия имени Сергея Кузьмича Беспалова – бывшего фронтовика, капитана милиции, погибшего при исполнении служебных обязанностей 27.09.1953 г. Стипендия присуждается на семестр лучшим курсантам (слушателям) филиала, достигших высоких показателей в учебе, научной работе, спортивной и общественной жизни.

17.11.2023 г. «самая народная служба МВД России» – участковых уполномоченных полиции – отметила столетний юбилей, и, как свидетельствуют исследования в этой сфере и изучение архивных материалов, вопросы подготовки личного состава для данных подразделений всегда находились в фокусе пристального внимания руководителей ОВД. Так, в соответствии с приказом НКВД СССР от 10.10.1937 № 00662 ввиду значительного качественного некомплекта начальствующего состава рабоче-крестьянской милиции, в частности участковых инспекторов и их помощников, и его скорейшей ликвидации, существующая сеть курсов с 1.12.1937 г. была переведена на годичную подготовку. Тем не менее, несмотря на наличие вакансий в подразделениях, в приказе указывалось, что комплектование курсов следует производить из числа лучших, наиболее способных, проверенных и заслуживающих продвижения милиционеров, прослуживших в милиции не менее двух лет и имеющих общеобразовательную подготовку не ниже пяти классов средней школы, а также из числа принимаемых младшего начальствующего состава Рабоче-крестьянской Красной армии и войск НКВД. Обучение курсантов должны были обеспечивать квалифицированные педагоги, «из числа наиболее подготовленных, проверенных и имеющих преподавательский (инструкторский) опыт работников» [8, с. 241–242]. Учитывая региональную специфику, согласно приказу начальника УВД Крымской

области от 13.12.1965 № 469 при Управлении охраны общественного порядка был создан временный учебный пункт по первоначальному обучению вновь принятых участковых уполномоченных по трехмесячной программе. В приказе подчеркивались важность и значимость «обеспечения должной политико-воспитательной работы, образцовой служебной дисциплины и нормального учебного процесса на учебных сборах», а к чтению лекций, проведению семинарских и практических занятий привлекался исключительно руководящий состав УООП [8, с. 273].

Сегодня организация подготовки кадров для службы участковых уполномоченных полиции представляет непрерывный, системный, эластичный, последовательный и модернизирующийся процесс, осуществляемый кафедрами филиала в тесном взаимодействии с руководителями профильных служб территориальных органов МВД России. В создании необходимых социально-педагогических условий и формировании у обучающихся набора ключевых (когнитивных, операционных, аксиологических) компетенций, необходимых для успешного прохождения службы в практических подразделениях по завершению обучения, в том числе с учетом региональной специфики [9], задействованы без исключения все кафедры филиала [10; 11]. Но ведущую роль в организации профессиональной подготовки кадров для службы участковых уполномоченных полиции в филиале играет кафедра административного права и административной деятельности ОВД (далее – кафедра), профильная и выпускающая для данной категории сотрудников. В настоящее время обучение осуществляется по программам специалитета, бакалавриата, среднего профессионального образования (в очном и заочном форматах), профессиональной (первоначальной) подготовки и повышения квалификации (в том числе с использованием электронного обучения и дистанционных образовательных технологий). Хотя основными комплектующими органами филиала по подготовке специалистов для служб участковых уполномоченных полиции являются только МВД по Республике Крым и УМВД России по г. Севастополю, обучение по программам первоначальной подготовки осуществляется еще и для удовлетворения потребностей ГУ МВД России по Запорожской и Херсонской областям, а по дополнительным профессиональным программам – практически всех субъектов Российской Федерации.

Помимо организации образовательной деятельности по различным программам, кафедра осуществляет подготовку научно-исследовательских работ, вариативных учебных, методических и научных изданий по соответствующей тематике, в том числе согласованной с профильными службами комплектующих органов, а также координирует направления научных исследований курсантов и слушателей по рассмотрению данной проблематики в рамках работы научного кружка кафедры, включая подготовку докладов, тезисов, научных статей и конкурсных научно-исследовательских работ, проведение круглых столов, научных семинаров, интеллектуальных викторин и брейн-рингов. Предлагаемые кафедрой темы выпускных квалификационных (дипломных) работ тоже учитывают специализацию (профиль подготовки) обучающихся и актуальные потребности службы участковых уполномоченных полиции региона.

В рамках реализации практико-ориентированного подхода к обучению с курсантами и слушателями филиала регулярно проводятся выездные занятия в структурные подразделения территориальных органов МВД России, в частности Государственную инспекцию безопасности дорожного движения, патрульно-постовую

службу полиции, центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей, подразделения по вопросам миграции, центр кавалерии и кинологическую службу, участковые и линейные пункты полиции, организовывается прохождение учебной и преддипломной практик в городских и районных подразделениях участковых уполномоченных полиции. На старших курсах переменный состав филиала привлекается к совместной с сотрудниками практических подразделений работе по правовому просвещению, повышению цифровой и финансовой грамотности населения, в первую очередь в целях недопущения совершения дистанционных мошенничеств. В то же время для развития у обучающихся необходимых компетенций в 2022 г. в учебно-материальную базу кафедры включен участковый пункт полиции, оборудованный как часть специализированного аудиторного фонда филиала, позволяющий отрабатывать умения и закреплять необходимые навыки оперативно-служебной деятельности будущего участкового. А для укрепления связи теории с практикой профессорско-преподавательский состав кафедры не реже одного раза в три года проходит повышение квалификации в форме стажировке в отделе организации деятельности участковых уполномоченных полиции и подразделений по делам несовершеннолетних МВД по Республике Крым.

Безусловно, главный критерий оценивания эффективности организации учебно-воспитательного процесса не датацентричный подход к данным, а мнение заказчика (работодателя) о качестве подготовки специалистов. Такие оценки представители комплектующих органов на системной основе дают на проводимых в филиале конкурсно-оценочных и научно-представительских мероприятиях, защитах материалов практик, бинарных учебных занятиях, итоговых и государственных итоговых аттестациях, конкурсах профессионального мастерства и др. Помимо этого, в целях определения уровня профессиональной подготовки выпускников очной формы обучения ежегодно проводится мониторинг мнений руководителей подразделений территориальных органов МВД России на районном уровне (непосредственных начальников), в которых выпускники филиала проходят службу после окончания обучения. Ключевым направлением проводимого анализа является изучение индикаторов, характеризующих подготовленность выпускников к выполнению служебных обязанностей по полученной специальности (специализации). В качестве метода исследования используется заочное анкетирование руководителей подразделений комплектующих органов с последующим ранжированием полученных данных. Традиционно респонденты могут оценить уровень сформированности перечисленных качеств подготовленных специалистов как высокий, средний или низкий.

Приходится констатировать, что уже после второго года прохождения службы в практических подразделениях каждый четвертый выпускник филиала, завершивший обучение по специальности 40.05.02 Правоохранительная деятельность, специализация «Административная деятельность», узкая специализация «Деятельность участкового уполномоченного полиции», работает в других подразделениях (следствие, дознание, оперативные или обеспечивающие подразделения и др.), не соответствующих профилю подготовки. По нашему мнению, это связано со значительным объемом и разноплановостью задач, выполняемых участковыми уполномоченными полиции, существенным некомплектом и недостаточным материально-техническим обеспечением службы и, как следствие, большим объемом работы, возлагаемой на действующих сотрудников. Кроме того, некоторые руководители ОВД и сотрудники других

подразделений чаще всего необъективно, несправедливо и незаслуженно недооценивают объем возложенных на службу участковых уполномоченных полиции задач и эффективность их выполнения, указывая, что хуже их могут быть только сотрудники патрульно-постовой службы полиции. Для улучшения сложившейся ситуации в отдельных субъектах Российской Федерации руководители регионов устанавливают дополнительные ежемесячные денежные выплаты (от 5 000 до 10 000 руб., например, в Волгоградской, Воронежской и Свердловской областях, а в Ямало-Ненецком автономном округе – по 35 000 руб. участковым уполномоченным полиции, работающим в отдаленным и труднодоступных населенных пунктах) для сотрудников данной службы, разрабатывают системы мер материального и морального поощрения и стимулирования, применяемые и широко освещаемые в медиа, в том числе, ко дням профессиональных праздников (к примеру, в Краснодарском крае, Белгородской и Липецкой областях), и др. Республика Крым и город федерального значения Севастополь пока не уделяют данному направлению деятельности необходимого внимания: например, в Республике Крым некомплект службы составляет 22,7 % (в 2022 г. – 19,8 %), то есть каждая пятая должность вакантна.

Что касается непосредственно отзывов на выпускников, то, как правило, в них отсутствуют отметки низкого уровня сформированных компетенций, абсолютное большинство руководителей отмечает высокий и средний уровни по всем предлагаемым к оцениванию показателям – уровень служебно-профессиональной подготовленности (включая знания, умения и навыки), степень сформированности профессионально значимых и личностных качеств, результаты служебной деятельности выпускников. Традиционно руководителями подготовленных в филиале молодых специалистов высоко отмечаются такие показатели, как: желание служить в ОВД, интерес к работе в занимаемой должности (более 90 %); юридическая подготовка, уровень боевой и физической подготовки (около 70 %); умение принимать правильные решения в сложной обстановке, качество составления служебных документов (60 %). Среди личностных качеств выпускников выделяются: честность (87 %); самостоятельность (80 %); ответственность, дисциплинированность, требовательность к себе, коммуникабельность (73 %); исполнительность, организованность и устойчивость к профессиональной деформации (67 %). Средний уровень инициативности и решительности, который указывают два из трех опрошенных руководителей, можно объяснить недостаточным опытом работы начинающих специалистов в занимаемых должностях. Кроме того, единичные руководители полагают, что сформированный на базе образовательной организации набор компетенций будет устойчивым и достаточным для всей дальнейшей служебной деятельности выпускника (например, сформированные в филиале навыки стрельбы из огнестрельного орудия или выполнения приемов боевой борьбы при фактическом отсутствии в ОВД занятий по огневой и физической подготовке [12; 13]). Такой подход является ошибочным: полученные курсантами и слушателями (независимо от формы обучения) знания, умения и навыки требуют постоянного развития и актуализации.

Что касается обучения участковых уполномоченных полиции по программам первоначальной подготовки и дополнительным профессиональным программам, то проанкетированные сотрудники и их руководители традиционно высказывают удовлетворенность общим уровнем подготовки, полученных знаний, приобретенных умений и сформированных навыков (высокий и выше среднего). Однако практиче-

ская составляющая при проведении учебных занятий закономерно и прогнозируемо была сведена к минимуму при реализации основных программ профессионального обучения в заочном и дистанционном форматах в период пандемии коронавируса COVID-19 и подготовки специалистов для новых субъектов Российской Федерации. При прохождении обучения по различным программам повышения квалификации, реализуемым с использованием электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, слушатели также отмечают ограниченность полноценного взаимодействия с профессорско-преподавательским составом филиала и другими обучающимися, позволяющего офлайн обменяться мнениями, обсудить имеющиеся наработки, поделиться положительным опытом по отдельным вопросам, коллегиально выработать возможные решения проблемных вопросов организации служебной деятельности.

Безусловно, по итогам систематизации и анализа проведенного анкетирования руководителей в филиале разрабатываются и реализуются предложения и рекомендации по совершенствованию организации и корректировке учебно-воспитательного процесса, в первую очередь практико-ориентированного подхода к обучению, поскольку приоритетная задача ведомственной образовательной организации – осуществить качественную подготовку квалифицированных и компетентных специалистов, полностью готовых к прохождению службы на конкретной должности по полученной специализации. По итогам обработки отзывов такими мероприятиями были: проведение комплексных оперативно-тактических учений с курсантами 4-го и слушателями 5-го курсов в целях проверки полученных знаний, закрепления умений и отработки навыков (отработка алгоритмов действий и механизмов взаимодействия сотрудников территориального органа МВД России на районном уровне в повседневных условиях); разработка методических рекомендаций (туториал) по сбору эмпирического материала на производственной (преддипломной) практике для подготовки выпускной квалификационной (дипломной) работы, а также по типовым ошибкам, допускаемым при составлении служебных и процессуальных документов; организация выездных занятий в структурные подразделения МВД по Республике Крым, УМВД России по г. Севастополю и Крымское ЛУ МВД России на транспорте; проведение семинаров-совещаний с курсами и кураторами взводов (учебных групп) по вопросам формирования и развития у обучающихся профессионально значимых морально-деловых и нравственных качеств; упорядочивание и увеличение количества конкурсно-оценочных мероприятий, посвященных профессиональным праздникам подразделений ОВД; приглашение на собрания курсов и профильных взводов выпускников, которые, обучаясь в филиале, достигали успехов в учебе, науке и общественной жизни, а теперь добились определенных результатов в служебной деятельности, и др. Кроме того, за взводами и учебными группами на протяжении всего срока обучения закрепляются кураторы из числа профессорско-преподавательского состава кафедры, которые помогают обучающимся быстрее адаптироваться к требованиям высшей школы, принимают участие в контроле всех видов успеваемости и организации самостоятельной работы, развитию мотивации к добросовестному освоению образовательных программ, организации культурного досуга переменного состава, привитию интереса к дальнейшему прохождению службы в ОВД и работе по получаемой специализации. Другими словами, кафедрой организовывается всесторонняя работа по подготовке специалистов в диапа-

зоне профессионального становления и развития обучающегося, начиная с первичной (в филиале) и вторичной (в практических подразделениях) аккомодации к условиям обучения и службы, привития интереса к выбранной специализации и осваиваемому профилю подготовки и завершая выпуском патриотов своей профессии, юридически грамотных, сознательных и морально зрелых личностей, мониторингом показателей его служебной деятельности в должности участкового уполномоченного полиции.

Вместе с тем следует указать, что бланк служебного отзыва на выпускника, разработанный головным вузом, не учитывает специфику профиля подготовки и дальнейшего места прохождения службы молодым специалистом (в нашем случае – органы предварительного следствия, оперативные подразделения, служба участковых уполномоченных полиции и подразделения по делам несовершеннолетних). Кроме того, сформированность компетенций оценивается по уровням (низкий, средний, высокий), а не по уже привычной и более понятной четырехбалльной системе (от двух до пяти). Именно поэтому для установления устойчивой обратной связи между заказчиком и исполнителем, критического анализа и всестороннего оценивания интеллектуальных, ситуативных, функциональных и коммуникативных компетенций у выпускников, подготовленных по рассматриваемым программам и специализациям, в отзывах предлагается предусмотреть такие разделы и показатели, как уровни:

1) теоретической подготовки по профильным учебным дисциплинам – «Административное право», «Административная деятельность полиции», «Уголовное право», «Уголовно-процессуальное право», «Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел»;

2) теоретической подготовки по специальности, включающий:

– знания: законодательства о службе в ОВД; порядка осуществления производства по делам об административных правонарушениях; методов и особенностей проведения профилактических обходов территории административного участка и индивидуальной профилактической работы; особенностей ведения приема граждан, проживающих на вверенной территории (административном участке); порядка рассмотрения обращений и приема граждан; методов контроля и наблюдения за соблюдением лицами, состоящими под административным надзором, установленных судом временных ограничений их прав и свобод, способов предупреждения безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних;

– умения: правильно уяснять содержание правовых норм и правоприменительных актов и корректно их применять в профессиональной деятельности; составлять и оформлять процессуальные документы и служебную документацию; планировать служебную и профессиональную деятельность, применять на практике теоретические знания; взаимодействовать с органами государственной власти и управления, общественными организациями и населением;

– навыки: составления служебной документации, в том числе в рамках взаимодействия с сотрудниками (работниками) других подразделений ОВД, по выявлению, предупреждению и пресечению правонарушений; контроля за обеспечением условий хранения (сохранностью) гражданского, служебного, боевого и наградного оружия, боеприпасов, патронов к оружию, находящихся в собственности или во временном пользовании граждан;

3) профессиональной служебной и физической подготовки, морально-психологической готовности к прохождению службы в ОВД, в том числе: уровни физической и огневой подготовки; практическая подготовка по специальности; установление психологического контакта в работе с гражданами; умение принимать правильные решения в сложной обстановке;

4) служебно-профессиональной направленности (стремление к профессиональному и личностному росту; желание служить в ОВД; интерес к работе в занимаемой должности; старание освоить специфику службы; соответствие замещаемой должности; возможность включения в резерв кадров или перемещения на вышестоящую должность; количество поощрений и взысканий).

По нашему мнению, полученные данные помогут более точно скорректировать групповую и индивидуальную траектории подготовки квалифицированных специалистов для подразделений участковых уполномоченных полиции, с продвинутыми компетенциями, дефрагментированной и целостной системой деловых качеств, правовых, мировоззренческих, этических, социальных, моральных и психологических взглядов, ценностей, ориентиров, убеждений и установок, которые позволяют креативно и с разумной инициативой выполнять служебные обязанности как в повседневных условиях, так и при осложнении оперативной обстановки (в новых, неопределенных и проблемных ситуациях), с уважительным и внимательным отношением к работе с населением, осуществляя программное предупреждение существующих и возможных асоциальных симптомов, постепенно нейтрализуя и поступательно сокращая противоправные проявления на административном участке в частности и регионе в целом.

Таким образом, организационные и правовые основы деятельности участковых уполномоченных полиции требует постоянного совершенствования, поскольку от профессионализма и морально-деловых качеств личного состава данной службы напрямую зависят эффективность и результативность предупреждения правонарушений как индикаторов и маркеров превентивной деятельности органов правопорядка в целом. Помимо внутриведомственного контроля и мониторинга качества подготовки специалистов для подразделений участковых уполномоченных полиции, не менее важное значение имеют оценки выпускников филиала внешняя – со стороны сотрудников других взаимодействующих подразделений ОВД и независимая – общественностью, муниципалитетами, контролирующими и надзорными органами. Другими словами, определяются и фиксируются восприятие и эвальвация их компетентности, эффективности, результативности и валидности («коэффициент полезного действия»).

Список литературы:

1. Челпанова М.М. Взаимодействие участкового уполномоченного полиции с другими службами и подразделениями ОВД по профилактике правонарушений // Актуальные проблемы деятельности участкового уполномоченного полиции на современном этапе: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 22 ноября 2022 г.). М.: МосУ МВД России им. В.Я. Кикотя, 2022. С. 133–141.

2. Билоконь В.П., Ковган Е.Ю., Зырянов И.В. Некоторые аспекты взаимодействия полиции с институтами гражданского общества // Евразийский юридический журнал. 2023. № 8 (183). С. 84–85.

3. Чудина-Шмидт Н.В., Дейнега Ж.А. Экстремальное поведение современной молодежи как реакция на ментальное воздействие извне // Архонт. 2022. № 1 (28). С. 90–95.

4. См.: Заброда Д.Г., Куряшкин А.Н., Соколов В.А. Характеристика основных форм профилактического воздействия участкового уполномоченного полиции в отношении лиц, допускающих насилие в семейно-бытовой сфере // Юристъ-Правоведъ. 2021. № 2 (91). С. 168–174.

5. Иванов С.И., Иванова А.В. Сущность и содержание категории «общественная безопасность» // Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Симферополь, 20 мая 2022 г.). Краснодар: КрУ МВД России, 2022. С. 119–121.
6. Ховавко С.М., Овчаренко Д.А. О вопросе установления личности неопознанных трупов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9. № 3. С. 535–539.
7. Кисс С.В. Взаимодействие общественности с правоохранительными органами в период с X по XIX вв. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9. № 3. С. 77–86.
8. История полиции Крыма: хрестоматия под общ. ред. С.А. Буткевича. Краснодар: КрУ МВД России, 2018. 414 с.
9. Савочкина Д.О. К вопросу охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности участковым уполномоченным полиции в рекреационных зонах Республики Крым // Безопасность на объектах туристской индустрии в Республике Крым: проблемы правового и организационного обеспечения: монография под ред. С.А. Буткевича. Симферополь: Полиграфинт, 2023. С. 106–112.
10. Коноплева А.А. Возможности реализации эстетического воспитания в процессе изучения социально-гуманитарных дисциплин (на примере учебной дисциплины «Морально-психологическая подготовка») // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии: материалы XXIX Всероссийской научно-методической конференции (Иркутск, 5-6 марта 2024 г.). Иркутск: ВСИ МВД России, 2024. С. 158–160.
11. Тутова О.В., Юракова К.А. О проблемах формирования правового мировоззрения обучающихся в образовательных организациях МВД России // Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы: материалы V Всероссийской научно-практической конференции (Симферополь, 19 мая 2023 г.). Краснодар: КрУ МВД России, 2023. С. 443–446.
12. Усков С.В., Бокий А.Н., Петренко С.И. Проблематика формирования мотивации на занятиях физическим воспитанием в современной системе образования Российской Федерации // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 59-1. С. 387–390.
13. Светличный Е.Г., Никитина Л.Н., Панова О.С. Организация и проведение занятий по огневой подготовке с курсантами образовательных организаций МВД России на первоначальном этапе // Физическая подготовка сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: сб. науч. статей. Т. 3. Волгоград: ВА МВД России, 2021. С. 130–134.

Butkevich S.A. Organizational and legal foundations of the activities of district police officers in modern conditions: problematic issues and their solution // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – 165–175.

The article considers in detail the organizational and legal issues of the activities of the service of district police commissioners in modern conditions, directly related to the prevention of offenses and interaction with the population. A detailed description of the organizational and legal aspects of the professional training of specialists for this service is given, including the example of Crimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. In the course of scientific intelligence, problematic issues of organizing public safety, carrying out preventive activities and working with citizens were also systematized and analyzed as priorities of the service of district police commissioners. Based on the conducted research, author's recommendations have been developed to improve the system of evaluating the performance and moral and business qualities of district police officers, and proposals have been prepared to optimize the activities of the service in general, its material and personnel support in particular.

Key words: monitoring the opinions of managers, Internal Affairs Bodies, training of specialists, preventive activities, prevention of offenses, improvement of the educational process, the district commissioner of the police, the formation of competencies.

Spisok literatury:

1. Chelpanova M.M. Vzaimodejstvie uchastkovogo upolnomochennogo policii s drugimi sluzhbami i podrazdeleniyami OVD po profilaktike pravonarushenij // Aktual'nye problemy deyatel'nosti uchastkovogo upolnomochennogo policii na sovremennom etape: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Moskva, 22 noyabrya 2022 g.). M.: MosU MVD Rossii im. V.Ya. Kikotya, 2022. S. 133–141.
2. Bilokon' V.P., Kovgan E.Yu., Zyryanov I.V. Nekotorye aspekty vzaimodejstviya policii s institutami grazhdanskogo obshchestva // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2023. № 8 (183). S. 84–85.
3. Chudina-Shmidt N.V., Dejnega Zh.A. Ekstremal'noe povedenie sovremennoj molodezhi kak reakciya na mental'noe vozdejstvie izvne // Arhont. 2022. № 1 (28). S. 90–95.
4. Sm.: Zabroda D.G., Kuryashkin A.N., Sokolov V.A. Harakteristika osnovnyh form profilakticheskogo vozdejstviya uchastkovogo upolnomochennogo policii v otnoshenii lic, dopuskayushchih nasilie v semejno-bytovoj sfere // Yurist"-Pravoved". 2021. № 2 (91). S. 168–174.

5. Ivanov S.I., Ivanova A.V. Sushchnost' i soderzhanie kategorii «obshchestvennaya bezopasnost'» // Obespechenie obshchestvennoj bezopasnosti i protivodejstvie prestupnosti: zadachi, problemy i perspektivy: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Simferopol', 20 maya 2022 g.). Krasnodar: KrU MVD Rossii, 2022. S. 119–121.
6. Hovavko S.M., Ovcharenko D.A. O voprose ustanovleniya lichnosti neopoznannyh trupov // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2023. T. 9. № 3. S. 535–539.
7. Kiss S.V. Vzaimodejstvie obshchestvennosti s pravoohranitel'nymi organami v period s H po HIH vv. // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2023. T. 9. № 3. S. 77–86.
8. Istoriya policii Kryma: hrestomatiya pod obshch. red. S.A. Butkevicha. Krasnodar: KrU MVD Rossii, 2018. 414 s.
9. Savochkina D.O. K voprosu ohrany obshchestvennogo poryadka i obespecheniya obshchestvennoj bezopasnosti uchastkovym upolnomochennym policii v rekreacionnyh zonah Respubliki Krym // Bezopasnost' na ob"ektah turistskoj industrii v Respublike Krym: problemy pravovogo i organizacionnogo obespecheniya: monografiya pod red. S.A. Butkevicha. Simferopol': Poliprint, 2023. S. 106–112.
10. Konopleva A.A. Vozmozhnosti realizacii esteticheskogo vospitaniya v processe izucheniya social'no-gumanitarnyh disciplin (na primere uchebnoj discipliny «Moral'no-psihologicheskaya podgotovka») // Podgotovka kadrov dlya silovyh struktur: sovremennye napravleniya i obrazovatel'nye tekhnologii: materialy XHIX Vserossijskoj nauchno-metodicheskoj konferencii (Irkutsk, 5-6 marta 2024 g.). Irkutsk: VSI MVD Rossii, 2024. S. 158–160.
11. Tutova O.V., Yurakova K.A. O problemah formirovaniya pravovogo mirovozzreniya obuchayushchihsya v obrazovatel'nyh organizaciyah MVD Rossii // Obespechenie obshchestvennoj bezopasnosti i protivodejstvie prestupnosti: zadachi, problemy i perspektivy: materialy V Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Simferopol', 19 maya 2023 g.). Krasnodar: KrU MVD Rossii, 2023. S. 443–446.
12. Uskov S.V., Bokij A.N., Petrenko S.I. Problematika formirovaniya motivacii na zanyatiyah fizicheskim vospitaniem v sovremennoj sisteme obrazovaniya Rossijskoj Federacii // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2018. № 59-1. S. 387–390.
13. Svetlichnyj E.G., Nikitina L.N., Panova O.S. Organizaciya i provedenie zanyatij po ognevoj podgotovke s kursantami obrazovatel'nyh organizacij MVD Rossii na pervonachal'nom etape // Fizicheskaya podgotovka sotrudnikov organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii: sb. nauch. statej. T. 3. Volgograd: VA MVD Rossii, 2021. S. 130–134.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 176–181.

УДК 342.5

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ ГРАЖДАН

Вичева А. А.
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье установлено, что охрана здоровья граждан – социальная обязанность государства, направленная на сбережение народа. Проведенное исследование показало, что муниципальный уровень публичной власти обеспечивает доступность медицинской помощи в рамках компетенции, очерченной вопросами местного значения, а именно – созданием условий для оказания медицинской помощи населению. Определено, что функции местного самоуправления выступают средством реализации социальной направленности деятельности местного самоуправления. Обосновывается позиция, что органы местного самоуправления, обеспечивая доступность медицинской помощи и создавая условия для ее оказания, осуществляют социально значимую деятельность. Автор приходит к выводу, что полномочия органов местного самоуправления в области охраны здоровья имеют высокое социальное значение, и выступают в качестве социально ориентированных полномочий, от исполнения которых муниципальная власть отказаться не в праве.

Ключевые слова: социальное государство, органы публичной власти, охрана здоровья, медицинская помощь, доступность, органы местного самоуправления, вопросы местного значения, полномочия, функции, создание условий для оказания медицинской помощи населению.

Социальная ориентация государства предусматривает обеспечение гарантий социальной защищенности населения, когда все уровни публичной власти задействованы в регулировании социальной сферы жизнедеятельности общества, гармонизации отношений между государством и человеком, создании условий для формирования социальной справедливости. Осуществление государством социальной политики, одним из направлений которой, является охрана здоровья населения, создает такое положение для граждан, когда они могут реализовывать свои права и интересы, что в свою очередь способствует не только индивидуальному развитию личности, но и всего государства в целом. Все указанное, предположительно, влияет на современную политику Российской Федерации, где повышаются социальные стандарты, а социальная направленность органов власти становится приоритетной.

Уяснение нормативных предписаний, содержащихся в ст. 7 Конституции РФ, позволяет сделать вывод, что сущность социального государства в России заключается в «создании условий, обеспечивающих достойную жизнь граждан и свободное развитие человека» [1]. Считается, что при «создании условий» органами публичной власти осуществляется нормативное правовое регулирование, формирование благоприятных предпосылок и обстоятельств [2] для осуществления деятельности или реализации конкретного блага. В исследуемой сфере общественных отношений создаются нормативные акты и благоприятные предпосылки для обеспечения достойной жизни.

Достойная жизнь, по мнению Н.Н. Аверьяновой, Н.В. Тюменевой, С.Е. Якушевой представляет собой «состояние социальной защищенности, выраженное в доступности важнейших социальных благ» [3, с. 29]. И.Н. Николаенко в данном аспекте указывает, что это «жизненный уровень, необходимый для поддержания здо-

ровья и благосостояния его самого и его семьи» [4, с. 17]. С учетом указанного, становится понятной логика закрепления в части 2 ст. 7 Основного закона России положения, что здоровье людей находится под охраной государства. Создание условий для поддержания здоровья и обеспечение доступности благ, его поддерживающих, как представляется, является непосредственным проявлением обеспечения достойной жизни со стороны государства. В подтверждение полученного тезиса, следует отметить, что укрепление здоровья граждан, в соответствии с пунктом 32 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [5] является целью государственной политики в сфере сбережения народа, а создание условий для его укрепления, как определено в пункте 29 указанного документа, выступает направлением современной социально-экономической политики России.

Достойный уровень жизни, как отмечает Д.А. Чупилин, обеспечивают и гарантируют социальные права [6, с. 4]. Одним из социальных правы граждан в нашем государстве является, предусмотренное ст. 41 Конституции РФ, право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Анализируя, рассмотренные нормативные положения через призму ст. 2 Основного закона России, приходим к выводу, что охрана здоровья граждан – социальная обязанность государства, направленная на сбережение народа. А.Г. Вишневский к деятельности государства по сбережению народа кроме прочего также относит сохранение и умножение здоровья людей [7, с. 4]. Остановимся на некоторых особенностях исполнения указанной обязанности, направленных на обеспечение стратегического интереса государства.

Следует отметить, что обязанность государства по охране здоровья населения определяется путем ее закрепления в компетенции соответствующего уровня публичной власти. Так, в соответствии с пунктом «ж» ст. 72 Конституции РФ «координация вопросов здравоохранения, в том числе обеспечение оказания доступной и качественной медицинской помощи» находится в совместном ведении РФ и субъектов РФ. Часть 1 ст. 132 Основного закона нашего государства определяет, что органы местного самоуправления «обеспечивают в пределах своей компетенции доступность медицинской помощи». При этом, современное состояние правового регулирования исследуемой сферы общественных отношений, позволяет обосновывать предположение, что муниципальный уровень публичной власти обеспечивает доступность медицинской помощи в рамках компетенции, очерченной вопросами местного значения, а именно - созданием условий для оказания медицинской помощи населению [8, с. 57]. Как представляется, под созданием условий для оказания медицинской помощи следует понимать реализацию комплекса мер по осуществлению органами местного самоуправления текущей (плановой) деятельности, направленной на обеспечения доступности медицинской помощи населению, в том числе оперативной поддержки субъектам предоставления медицинской помощи, муниципального образования в соответствии с международными правовыми актами, Конституцией РФ, федеральным законодательством, законодательством субъектов РФ, муниципальными правовыми актами.

Анализ указанных положений, позволяет обоснованно считать, что социальная обязанность государства в указанной области общественных отношений реализуется на федеральном, региональном, муниципальном уровне власти, обеспечивая при этом реализацию принципа единства публичной власти в РФ. Обратим внимание, что органы государственной власти обеспечивают «оказание медицинской помо-

щи», а органы местного самоуправления – «создание условий для оказания медицинской помощи». Как представляется, такое разграничение предметов ведения обусловлено тем фактом, что только федеральный бюджет и бюджет субъекта РФ может обеспечить обязательства по непосредственному оказанию медицинской помощи, у муниципального бюджета таких возможностей нет. При этом, статья. 41 Конституции РФ содержит положение, что медицинская помощь может оказываться в муниципальных учреждениях здравоохранения. Ретроспективный анализ, позволяет сделать вывод, что действительно до 2011 года в РФ муниципальная власть наравне с государственной обладала полномочиями по оказанию медицинской помощи. Но проведенная реформа, в указанный период, практически повсеместно ликвидировала муниципальную систему здравоохранения в РФ. Однако, в действующей редакции Приказа Министерства здравоохранения РФ от 6 августа 2013 г. № 529н «Об утверждении номенклатуры медицинских организаций» [9] содержится положение, что в муниципальной системе здравоохранения медицинские организации по территориальному признаку могут быть муниципальными. На современном этапе развития российского государства органы местного самоуправления в пределах полномочий обеспечивают доступность медицинской помощи и создают условия для ее оказания, из чего следует, что они являются субъектами исполнения обязанности по охране здоровья населения.

Социальное значение полномочий органов местного самоуправления, на наш взгляд, закрепляется в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. №131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее ФЗ № 131) через юридическую конструкцию «вопросы местного значения», которая представляет собой «вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования, решение которых осуществляется населением и органами местного самоуправления самостоятельно» [10]. Следует отметить, что указанный нормативный правовой акт предусматривает большое количество вопросов местного значения без четкого разделения их на группы, например, по сферам жизнедеятельности, переводя эту область общественных отношений на уровень научных дискуссий. Так, проводя классификацию вопросов местного значения, И.И. Тепляков выделяет социальные вопросы местного значения [11, с. 77]. Из чего возможно предположить, что органы местного самоуправления, исполняя социальную обязанность по охране здоровья, реализуют социальные вопросы местного значения. Возникает вопрос, является ли деятельность по осуществлению социальных вопросов местного значения «социальной»? И.А. Газиева определяет социальную деятельность как «систему социальных действий, направленных на достижение цели через реализацию соответствующих функциональных задач» [12, с. 24]. Функции местного самоуправления выступают средством реализации социальной направленности деятельности местного самоуправления. По качеству выполнения функций муниципальной власти возможно судить об уровне, степени соответствия (или несоответствия) местного самоуправления своему социальному назначению, эффективности этого вида публичной власти в сфере здравоохранения и области оказания медицинской помощи населению.

Встречается позиция, что значительная часть вопросов местного значения связана с социально значимой деятельностью, которую А.В. Курочкин и Д.И. Файзрахманов определяют, как «деятельность … по обустройству жизненного пространства

в пределах поселения и охватывающая сферы, в которых человек организует свое бытие в соответствии со своими потребностями…» [13, с. 115]. Схожее определение указанной деятельности дает Н.В. Реброва, но дополнительно отмечает, что цикл процессов направлен на удовлетворение социально значимой потребности [14, с. 273]. Охрана здоровья и медицинская помощь выступает именно такой значимой потребностью населения муниципального образования. Следует отметить, что медицинская помощь является необходимым базовым социальным благом для любого человека, т.к. от ее наличия зависит качество здоровья населения, которое в свою очередь влияет на уровень и потенциал трудовых ресурсов, способность граждан защитить свое Отечество, охранять окружающую среду, сберегать культурное наследия, т.е. сделать все то, что характерно свободной развитой в демократическом и социальном плане личности, включая развивать местное самоуправление и иные демократические институты государства. Органы местного самоуправления должны знать не только состояние здоровья населения, но и проблемные вопросы оказания медицинской помощи, обусловленные спецификой географического, экономического и демографического характера, соответственно данные вопросы должны решаться с привлечением установленных законодательством форм консультативной демократии, а также с использованием новых информационных технологий, активно внедряющихся в систему здравоохранения РФ. Именно муниципальный уровень публичной власти в первую очередь задействован в удовлетворении указанных потребностей, т.к. именно на этом уровне обеспечивается доступность медицинской помощи (транспортная, информационно-коммуникационная, территориальная и др.) [8, с. 56]. В соответствии с пунктом 2 Замечаний общего порядка № 19 «Право на социальное обеспечение (статья 9)» Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам [15] «право на социальное обеспечение охватывает право на доступ к благам». Представляется, что органы местного самоуправления, обеспечивая доступность медицинской помощи и создавая условия для ее оказания, осуществляют социально значимую деятельность.

Конституция РФ, закрепляя полномочия органов местного самоуправления по обеспечению доступности медицинской помощи не определяет вид муниципального образования, в котором это полномочие должно быть реализовано. Представляется, что все виды муниципальных образований реализуют это конституционное полномочие. Однако, в результате проведенного анализа ФЗ № 131 выяснилось, что существующая двухуровневая система местного самоуправления в Российской Федерации предоставляет возможность исключительно городским, муниципальным округам и муниципальным районам реализовывать вопросы местного значения в области охраны здоровья и оказания медицинской помощи населению. Только указанные муниципальные образования реализуют вопрос местного значения – создание условий для оказания медицинской помощи населению. Если мы предполагаем, что социальное значение муниципальных органов в области охраны здоровья заключается в возможности осуществлении полномочий по созданию условий для оказания медицинской помощи, тогда представляется возможным сделать вывод, что у органов власти поселений такое социальное значение отсутствует, а, следовательно, они не задействованы в реализации исследуемой социальной обязанности государства. Также дискуссионным становиться предположение, что все органы

местного самоуправления обладают конституционными полномочиями по обеспечению доступности медицинской помощи.

В завершение следует отметить, что социальное значение полномочий органов местного самоуправления в области создания условий для оказания медицинской помощи населению заключается в том, что муниципальные образования, с одной стороны реализуют полномочия в области здравоохранения, имеющие государственно-правовую природу, и соответственно имеющую государственную значимость, а с другой стороны, социальное значение исследуемых полномочий состоит в том, что местное самоуправление по своей правовой природе призвано обеспечивать важные социальные функции и задачи: здравоохранение, обеспечение населения товарами и услугами, решение иных важных для граждан вопросов. Поэтому полномочия местных органов в области охраны здоровья граждан имеют высокое социальное значение, и выступают в качестве социально ориентированных полномочий, от исполнения которых муниципальная власть отказаться не в праве.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФЗК, от регулирования 14.03.2020 №1-ФЗК) // Российская газета. 2020. № 144.
2. Вопросы местного значения, права органов местного самоуправления URL: http://komitet4.km.duma.gov.ru/Voprosy-i-otvety/Federalnyj-zakon-ot-6-oktyabrya-2003-god/Vopros/Voprosy-mestnogo-znacheniya-stati-14-16-/item/16596141/ (дата обращения 25.06.2024).
3. Аверьянова Н. Н., Тюменева Н. В., Якушева С. Е. Конституционно-правовое содержание категории «достойная жизнь человека» // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 29-35.
4. Николаенко И.Н. Социально-правовое государство и право человека на достойное существование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2008. – 23 с.
5. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 июля 2021 г. № 27 (часть II) ст. 5351
6. Чупилин Д. А. Социальные споры в цивилистическом процессе: к проблеме понятия // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 8. С. 3-8.
7. Вишневский А.Г. Сбережение народа или депопуляция России? докл. к XI Междунар. науч. конф. Государственного университета - Высшей школы экономики по проблемам развития экономики и общества, Москва, 6-8 апреля 2010 г. / А. Г. Вишневский; Гос. ун-т - Высшая школа экономики. - М. : Изд. дом Государственного университета - Высшей школы экономики, 2010 - 82 с.
8. Вичева А.А. Обеспечение доступности медицинской помощи как новый уровень конституционных полномочий органов местного самоуправления в России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки №1. 2022. С.54-61.
9. Об утверждении номенклатуры медицинских организаций: Приказ Министерства здравоохранения РФ от 6 августа 2013 г. № 529н // Российская газета от 7 октября 2013 г. № 224.
10. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2003. №40. Ст.3822.
11. Тепляков И.И. Вопросы местного значения как предмет ведения органов местного самоуправления: история, теория, практика: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Игорь Игоревич Тепляков. – Казань, 2019. – 226 с.
12. Газиева И.А. Структура социальной деятельности и социальная эффективность // Вестник ВятГУ. 2009. № 4. С.23-28.
13. Курочкин А.В., Файзрахманов Д.И. О содержании социальной функции органов местного самоуправления // Социально-политические науки. 2015. №4. С. 113-117.
14. Реброва Н.В. Сущность понятия «социально значимая деятельность» и ее роль в современном обществе // Научный альманах. 2016. № 3-2 (17). С. 273-275.
15. Перечень замечаний общего порядка (общих рекомендаций), принятых международными договорными органами ООН, действующими в сфере защиты прав и свобод человека, и касающихся толкования отдельных положений международных договоров Российской Федерации. URL: https://www.vsrf.ru/documents/international_practice/33013/ (дата обращения 25.06.2024).

Vicheva A. A. On the issue of the social significance of the powers of local governments in the field of public health protection // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – C. 176–181.

The article establishes that protecting the health of citizens is a social obligation of the state aimed at saving the people. The conducted research has shown that the municipal level of public authority ensures the availability of medical care within the competence outlined by issues of local importance, namely, the creation of conditions for the provision of medical care to the population. It is determined that the functions of local self-government act as a means of implementing the social orientation of the activities of local self-government. The position is substantiated that local governments, ensuring the availability of medical care and creating conditions for its provision, carry out socially significant activities. The author comes to the conclusion that the powers of local governments in the field of health protection are of high social importance, and act as socially oriented powers, from which the municipal government has no right to refuse.

Keywords: welfare state, public authorities, health protection, medical care, accessibility, local governments, issues of local importance, powers, functions, creation of conditions for the provision of medical care to the population.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii. Prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FZK, ot regulirovaniya 14.03.2020 №1-FZK) // Rossijskaya gazeta. 2020. № 144.
2. Voprosy mestnogo znacheniya, prava organov mestnogo samoupravleniya URL: http://komitet4.km.duma.gov.ru/Voprosy-i-otvety/Federalnyj-zakon-ot-6-oktyabrya-2003-god/Vopros/Voprosy-mestnogo-znacheniya-stati-14-16-/item/16596141/ (data obrashcheniya 25.06.2024).
3. Aver'yanova N. N., Tyumeneva N. V., Yakusheva S. E. Konstitucionno-pravovoe soderzhanie kategorii «dostojnaya zhizn' cheloveka» // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 3 (97). S. 29-35.
4. Nikolaenko I.N. Social'no-pravovoe gosudarstvo i pravo cheloveka na dostojnoe sushchestvovanie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. - M., 2008. – 23 s.
5. O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii Ukaz Prezidenta RF ot 2 iyulya 2021 g. № 400 // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 5 iyulya 2021 g. № 27 (chast' II) st. 5351
6. Chupilin D. A. Social'nye spory v civilisticheskom processe: k probleme ponyatiya // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. 2020. № 8. S. 3-8.
7. Vishnevskij A.G. Sberezhenie naroda ili depopulyaciya Rossii? dokl. k XI Mezhdunar. nauch. konf. Gosudarstvennogo universiteta - Vysshej shkoly ekonomiki po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva, Moskva, 6-8 aprelya 2010 g. / A. G. Vishnevskij ; Gos. un-t - Vysshaya shkola ekonomiki. - M. : Izd. dom Gosudarstvennogo universiteta - Vysshej shkoly ekonomiki, 2010 - 82 s.
8. Vicheva A.A. Obespechenie dostupnosti medicinskoj pomoshchi kak novyj uroven' konstitucionnyh polnomochij organov mestnogo samoupravleniya v Rossii // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki №1. 2022. S.54-61.
9. Ob utverzhdenii nomenklatury medicinskih organizacij: Prikaz Ministerstva zdravoohraneniya RF ot 6 avgusta 2013 g. № 529n // Rossijskaya gazeta ot 7 oktyabrya 2013 g. № 224.
10. Ob obshchih principah organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 6 oktyabrya 2003 g. № 131-FZ // Sobr. zakonodatel'stva RF. 2003. №40. St.3822.
11. Teplyakov I.I. Voprosy mestnogo znacheniya kak predmet vedeniya organov mestnogo samoupravleniya: istoriya, teoriya, praktika: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.02 / Igor' Igorevich Teplyakov. – Kazan', 2019. – 226 s.
12. Gazieva I.A. Struktura social'noj deyatel'nosti i social'naya effektivnost' // Vestnik VyatGU. 2009. № 4. S.23-28.
13. Kurochkin A.V., Fajzrahmanov D.I. O soderzhanii social'noj funkcii organov mestnogo samoupravleniya // Social'no-politicheskie nauki. 2015. №4. S. 113-117.
14. Rebrova N.V. Sushchnost' ponyatiya «social'no znachimaya deyatel'nost'» i ee rol' v sovremennom obshchestve // Nauchnyj al'manah. 2016. № 3-2 (17). S. 273-275.
15. Perechen' zamechanij obshchego poryadka (obshchih rekomendacij), prinyatyh mezhdunarodnymi dogovornymi organami OON, dejstvuyushchimi v sfere zashchity prav i svobod cheloveka, i kasayushchihsya tolkovaniya otdel'nyh polozhenij mezhdunarodnyh dogovorov Rossijskoj Federacii. URL: https://www.vsrf.ru/documents/international_practice/33013/ (data obrashcheniya 25.06.2024).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 182–189.

УДК 349.6

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ ВОЕННО-ОБОРОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Воронцов А. Л., Воронцова Е. В.

Юго-Западный государственный университет

В статье рассматриваются организационно-правовые аспекты обеспечения экологической безопасности в сфере военно-оборонной деятельности. С учетом возрастающего значения военно-оборонной деятельности в качестве фактора, оказывающего существенное влияние на состояние окружающей среды, отмечается, что с правовой точки зрения все экологические требования к военно-оборонной деятельности сводятся к необходимости соблюдения норм экологического законодательства применительно к любым объектам военной и связанной с ней хозяйственной инфраструктуры, а также к используемой в Вооруженных силах технике и средствам вооружения. Авторы анализируют положения действующего природоохранного законодательства, подчеркивая специфику его применения в Вооруженных силах, которая обусловлена особенностями функционирования воинских формирований, характером выполняемых ими задач, условиями несения службы. Отмечается, что деятельность по обеспечению экологической безопасности военно-оборонного комплекса не ограничивается работой экологических служб военных округов и флотов. Реализация экологических требований осуществляется еще на этапе проектирования образца вооружения и военной техники и продолжается на этапах их изготовления, испытаний, эксплуатации в войсках., т.е. на всех стадиях их жизненного цикла. Подчеркивается, что с учетом огромного влияния военно-оборонной деятельности на состояние окружающей среды, задачи восстановления ее благоприятного состояния, недопущения экологического вреда при осуществлении военно-оборонной деятельности должны являться важнейшими элементами экологической политики российского государства.

Ключевые слова: окружающая среда, военно-оборонная деятельность, экологическая безопасность, вооружение и военная техника, экологические требования.

В цепочке факторов, оказывающих наиболее существенное влияние на состояние окружающей среды, военно-оборонная деятельность является одним из основных. Еще с глубокой древности действия армий могли заметно сказываться на экологической обстановке, поскольку данные действия нередко сопровождались кардинальными изменениями природного ландшафта, исчезновением объектов растительного и животного мира и другими негативными последствиями. С развитием техники и вооружений значение вышеуказанного фактора только возрастало, причем последствия военной деятельности, как, собственно, боевых действий, так и испытаний того или иного оружия, стали носить более продолжительный и глубокий характер, пагубно влияя не только на окружающую среду, но и на самого человека: достаточно вспомнить последствия применения «Агента «Оранж» во Вьетнаме или последствия испытаний ядерного оружия в СССР.

Что касается Российской Федерации, то современное обострение геополитической ситуации обусловливает активизацию ее военно-оборонной деятельности, актуализируя таким образом и проблему обеспечения экологической безопасности как, собственно, вооруженных сил нашей страны, так и предприятий военно-промышленного комплекса. Не следует забывать, что Вооруженные Силы Российской Федерации являются крупнейшим потребителем природных, человеческих, энергетических и других материальных ресурсов, внося колоссальный вклад в общий процесс антропогенного воздействия на окружающую среду. Кроме того, само

функционирование воинских формирований, использование вооружения и техники сопровождается образованием значительного количества отходов и выбросов, наносящих экологический вред. По оценкам специалистов Службы (экологической безопасности) Вооруженных Сил Российской Федерации суммарный эффект от влияния Вооруженных Сил на окружающую среду в мирное время сопоставим с влиянием отрасли промышленности среднего масштаба [1]. При этом, подобный эффект является результатом всего лишь повседневной деятельности воинских частей и иных воинских формирований: результатом текущего обслуживания вооружения и военной техники, эксплуатации различного рода технических систем (включая системы жизнеобеспечения), транспорта, строительства и ремонта военных объектов и т.д. В случаях же возникновения аварийных ситуаций экологический вред может кратно увеличиваться.

В настоящее время источниками загрязнения окружающей среды являются самые разнообразные военные объекты: в первую очередь, это аэродромы, полигоны, хранилища горюче-смазочных материалов, ремонтные базы, ядерные энергетические установки, склады боеприпасов, места хранения твердых и жидких радиоактивных отходов и отработанного ядерного топлива. Данные объекты располагаются на огромной территории: по данным Росреестра для нужд Министерства обороны Российской Федерации предоставлено 12452,1 тыс. га земель [2]. Некоторые источники загрязнения окружающей среды оказывают свое негативное воздействие постоянно в течение многих десятилетий (к примеру, затопленные ядерные установки подводных лодок и атомных ледоколов), другие же представляют собой потенциальную угрозу экологической безопасности страны (к примеру, биологические и химические лаборатории).

Следует отметить, что экологические проблемы, связанные с осуществлением военно-оборонной деятельности в нашей стране, заметно обострились в начале 90-х гг. XX века. Это было обусловлено общим кризисным состоянием отечественной экономики, а соответственно недофинансированием необходимых природоохранных мероприятий. Кроме того, в ходе проводимой в те годы армейской реформы списывалось огромное количество техники, а ранее действовавшие военные объекты оставались, по сути, бесхозными, поскольку из-за резкого сокращения личного состава Вооруженных сил данные объекты некому было обслуживать. Аналогичные процессы происходили и на предприятиях военно-промышленного комплекса. На местах заброшенных предприятий и производственных полигонов возникали очаги экологического бедствия. Из ржавых цистерн и иных емкостей в почву и грунтовые воды попадало большое количество нефтесодержащих продуктов: мазута, дизельного топлива, керосина и их отходов. Таким образом, образовался так называемый «накопленный эффект» негативного антропогенного воздействия, который еще больше усугубляет экологическую ситуацию. Данный эффект особенно остро проявился на территориях российского Заполярья, поскольку экосистемы данного региона обладают низкой способностью к самовосстановлению и в силу этого являются наиболее уязвимыми. При этом в Арктической зоне Российской Федерации еще со времен СССР располагалось большое количество военных объектов и испытательных полигонов, интенсивное использование которых в ряде случаев привело к катастрофическим экологическим последствиям (к примеру, в некоторых ледниковых озерах вода была практически полностью вытеснена отходами нефтепродук-

тов, а огромные площади на арктических островах и побережье были завалены твердыми отходами: пустыми металлическими бочками, брошенной техникой и др.) [3,4].

Все вышеизложенное подтверждает высказанную нами ранее мысль об огромном влиянии военно-оборонной деятельности на состояние окружающей среды. Отсюда задачи восстановления ее благоприятного состояния, недопущения экологического вреда при осуществлении военно-оборонной деятельности должны являться важнейшими элементами экологической политики российского государства. В свою очередь, это предполагает повышение эффективности действующего специализированного механизма обеспечения экологической безопасности Вооруженных сил Российской Федерации и предприятий военно-промышленного комплекса, т.е. совершенствование экологических требований к процессам производства и эксплуатации вооружения и военной техники, повседневной деятельности личного состава подразделений, соблюдение норм по охране окружающей среды и экологически безопасного поведения, усиление контроля за соблюдением данных требований со стороны командиров и начальников специализированных служб.

В контексте понимания обозначенной проблемы отметим, что с правовой точки зрения все экологические требования к военно-оборонной деятельности сводятся к необходимости соблюдения норм экологического законодательства применительно к любым объектам военной и связанной с ней хозяйственной инфраструктуры, а также к используемым в Вооруженных Силах технике и средствам вооружения.

В этой связи представляется абсолютно логичным, что нормативной основой обеспечения экологической безопасности в сфере военно-оборонной деятельности выступают положения природоохранного законодательства, содержащие общие экологические требования, т.е. требования, предъявляемые к эксплуатации любых объектов.

Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» в целом ряде статей определяет требования по охране окружающей среды (экологические требования), предъявляемые к процессам проектирования, строительства, эксплуатации, реконструкции и др. самых разнообразных объектов (гл. VII). В то же время ст. 41 данного Закона указывает, что все требования, предъявляемые к хозяйственным объектам, «в полной мере распространяются на военные и оборонные объекты, вооружение и военную технику, за исключением чрезвычайных ситуаций, препятствующих соблюдению требований в области охраны окружающей среды» [5,6].

Следует отметить, что круг экологических требований, соблюдение которых является обязательным для всех указанных в Законе объектов, в том числе и объектов военно-оборонной деятельности, достаточно широк. Вместе с тем можно выделить ряд общих требований, суть которых состоит в следующем: проведение природоохранных и природовосстановительных мероприятий; соблюдение установленных нормативов выбросов и сбросов вредных веществ; установление в необходимых случаях санитарно-защитных зон и очистных сооружений с целью исключения возможного загрязнения почвы, воды и воздуха; запрет на применение высокотоксичных химических веществ не подвергающихся распаду и активно воздействующих на здоровье человека и окружающую среду и др.

Реализация вышеперечисленных требований в Вооруженных Силах Российской Федерации имеет свою специфику, которая обусловлена особенностями функционирования воинских формирований, характером выполняемых ими задач, условиями несения службы.

В связи с этим, по вопросам обеспечения экологической безопасности в Вооруженных Силах Министерством обороны Российской Федерации издаются ведомственные правовые акты, которые учитывают вышеуказанную специфику. При этом правовые акты Министерства обороны Российской Федерации полностью синхронизированы с положениями действующего природоохранного законодательства и Федеральным законом от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» и, в частности, со статьей 41[7], формулирующей требования в области охраны окружающей среды при архитектурно-строительном проектировании, строительстве, реконструкции, капитальном ремонте, вводе в эксплуатацию, эксплуатации и выводе из эксплуатации военных и оборонных объектов, вооружения и военной техники. Данные акты регламентируют организацию наблюдения за состоянием окружающей среды на территориях, подведомственных Министерству обороны Российской Федерации, порядок проведения необходимых природовосстановительных мероприятий, связанных с устранением последствий как повседневной деятельности воинских частей, так и последствий проводимых ими учений, стрельб и т.п.; порядок экологической паспортизации военно-оборонных объектов; начисления экологических платежей и т.д. Таким образом, являясь частью общего правового механизма обеспечения экологической безопасности, правовые акты Министерства обороны Российской Федерации, конкретизируют нормы экологического законодательства с учетом специфики военно-оборонной деятельности, выступая в качестве отраслевого адаптера нормативных установлений законодателя.

Для обеспечения экологической безопасности Вооруженных Сил в составе Министерства обороны Российской Федерации функционируют соответствующие организационно-управленческие структуры. Их формирование началось еще в 1992 году с создания Управления экологии и специальных средств защиты. В настоящее время центральным органом военного управления, выполняющим функции руководства обеспечением экологической безопасности войск, является Штаб материально-технического обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации (Штаб МТО), при котором создана Служба экологической безопасности. Данные службы действуют во всех военных округах и на флотах. На них возложены следующие задачи:

- формирование эффективной системы управления обеспечением экологической безопасности Вооруженных Сил;
- выполнение требований законодательства в области охраны окружающей среды, международных договоров и соглашений Российской Федерации, нормативных правовых актов Министерства обороны по обеспечению экологической безопасности;
- снижение (предотвращение) негативного воздействия военных объектов, образцов вооружения и военной техники на окружающую среду при повседневной деятельности Вооруженных Сил;

- предотвращение возникновения и ликвидация экологических последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера на военных объектах;

- очистка (рекультивация) территорий военных объектов от загрязнений компонентов окружающей среды при повседневной деятельности Вооруженных Сил;

- подготовка военнослужащих и лиц гражданского персонала по обеспечению экологической безопасности, формирование их экологической культуры;

- научное и информационно-аналитическое обеспечение экологической безопасности в Вооруженных Силах [8].

В гарнизонах, не имеющих специалистов органов экологической безопасности, мероприятия экологического обеспечения воинских частей осуществляются согласно плану обеспечения экологической безопасности войск военного округа [9].

Однако работой экологических служб военных округов и флотов деятельность по обеспечению экологической безопасности военно-оборонного комплекса не ограничивается. Весь комплекс необходимых мероприятий начинается задолго до начала функционирования того или иного военного объекта или поступления того или иного вида вооружения в войска. Как мы уже упоминали ранее, к военным и оборонным объектам еще на стадии их проектирования предъявляются все экологические требования, предъявляемые к хозяйственным объектам. Что же касается образцов вооружения и военной техники, то обеспечение их экологической безопасности также начинается с первых этапов их создания, т.е. еще в конструкторском бюро того или иного НИИ или иного предприятия военно-промышленного комплекса.

На стадии проектирования образца вооружения и военной техники создается программа обеспечения его безопасности, которая содержит в том числе экологические требования, призванные обезопасить личный состав воинского подразделения, население и объекты окружающей среды от вредного воздействия неблагоприятных экологических факторов, порождаемых данным образцом.

Указанные экологические требования во многом обусловливают используемые материалы, конструктивное исполнение образца вооружения и военной техники. Просчитывается выполнение возможных операций на стадиях создания, испытаний и эксплуатации изделия. Кроме того, проектируется модель возникновения нештатных ситуаций, которая отражает возможные варианты поведения всех технических узлов и управляющих ими людей, в том числе под влиянием факторов окружающей среды. В качестве модели, как правило, выступает макет изделия.

Оценить качество создаваемого образца вооружения и военной техники, степень его соответствия предъявляемым требованиям, обеспечить его экологическую безопасность позволяет и математическая модель, которая воспроизводит поведение реального образца в различных условиях с использованием цифровых технологий. Следует отметить, что значительное усложнение боевой техники, происходящее в последние десятилетия, обусловило и широкое использование цифровых моделей при проектировании и изготовлении ее образцов. Кроме того, именно цифровые технологии позволяют смоделировать аварийные ситуации, либо возможный экологический вред, в том числе накопленный.

Цифровые модели особенно незаменимы при проектировании образцов двигательных установок для большинства видов военной техники, особенно ракетной.

Именно двигатели, в силу создаваемого ими шума, вибраций, выброса в атмосферу огромного количества вредных химических веществ, представляют наибольшую угрозу для экологической безопасности. В силу этого, уже на этапе проектирования происходит нормирование уровня создаваемого двигателем шума, а также нормирование количества токсичных примесей, содержащихся в отработанных газах.

Обеспечение экологической безопасности вооружения и военной техники осуществляется и на стадии изготовления их опытных образцов. Особое значение в данном случае имеют контрольные операции, проводимые после окончательной сборки образца и направленные на выявление соответствия изделия проектным показателям, в том числе экологическим.

Произведенные образцы вооружения в дальнейшем направляются на различные виды испытательных комплексов (полигоны, космодромы) для прохождения испытаний. Первоочередными объектами негативного экологического воздействия в данном случае выступают работники предприятий-изготовителей вооружения, а также жители территорий, непосредственно примыкающих к предприятиям военно-промышленного комплекса. Исходя из этого, с целью уменьшения экологической угрозы для человека, указанные выше испытательные полигоны и иные подобные объекты, как правило, располагаются в районах с низкой плотностью населения (зачастую, очень далеко от места нахождения завода, на котором производится испытываемое вооружение).

Контроль за ходом испытаний осуществляет специально созданная Государственная комиссия, в задачу которой входит определение соответствия представленного образца предъявляемым требованиям. Если изделие полностью удовлетворяет заказчика, которым выступает Министерство обороны Российской Федерации, то выносится заключение о целесообразности принятия данного образца на вооружение. После этого оно включается в государственный оборонный заказ и на предприятиях военно-промышленного комплекса начинается его серийное производство.

Процесс обеспечения экологической безопасности вооружения и военной техники продолжается и после их поступления в войска. Целый комплекс экологических требований реализуется на всех этапах эксплуатации данных изделий. Такими этапами являются: ввод в эксплуатацию, приведение в установленную степень готовности к использованию по назначению, поддержание в установленной степени готовности к использованию, непосредственное использование изделия по назначению, хранение и транспортирование [10]. Каждый из указанных этапов обладает своей спецификой, которая, в свою очередь, определяет и специфику проводимых в воинских частях мероприятий по обеспечению экологической безопасности образцов вооружения и военной техники.

Следует отметить, что эксплуатация вооружения и военной техники сопровождается целым рядом ограничений, направленных на снижение их возможного вредного воздействия на человека и окружающую среду. Как правило, данные ограничения связаны с продолжительностью работы в то или иное время суток, в опасных условиях, с местом размещения военной техники и вооружений, с ограничениями на маршруты движения военной техники и рядом иных ограничений.

Все указанные ограничения относятся к общим экологическим требованиям, которые предъявляются ко всем видам вооружения и военной техники. К таким же

общим требованиям относятся обязательное наличие специальных средств защиты и спецоборудования в точках проведения регламентного обслуживания техники и заправки ее горюче-смазочными материалами, а также на местах снаряжения ее боеприпасами; требование об использовании защитных экранов при эксплуатации изделий, создающих негативное физическое воздействие и др. В то же время существуют образцы вооружения и военной техники, использование которых изначально предполагает нанесение определенного экологического вреда природным объектам, а также создает угрозу жизни и здоровью населения. Применительно к таким образцам разрабатываются специальные (частные) экологические требования, которые учитывают специфику воздействия данных изделий на каждый природный объект.

Таким образом, на всех стадиях жизненного цикла того или иного образца вооружения и военной техники осуществляются мероприятия, направленные на обеспечение его экологической безопасности. Данные мероприятия являются составной частью единого механизма природоохранной деятельности, внося существенный вклад в обеспечение экологической безопасности нашей страны.

Список литературы:

1.Тришункин В. В., Астафеева О. С. Экологическая безопасность Вооруженных Сил Российской Федерации // https://mto.ric.mil.ru/Stati/item/253187/

2.Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2023 году // https: // rosreestr.gov.ru/upload/Doc/16-upr/Doc_Nation-report-2023(1).pdf

3.Эксперт МЧС: более 17 тыс. контейнеров с ядерными отходами лежат на дне морей в Арктике // https://tass.ru/obschestvo/9771681

4.Что загрязняет Арктику // https://rg.ru/2022/08/17/ostatki-ne-sladki.html

5.Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (в ред. от 8 августа 2024 г.) «Об охране окружающей среды» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/

6.Берназ Л. П., Жочкина И. Н., Кичигин Н. В. и др. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ "Об охране окружающей среды" (отв. ред. Н.И. Хлуденева). - М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ООО "Юридическая фирма Контракт", 2018. - 528 с.

7.Клепиков О. В., Ляповцев А. Ю. Правовые основы обеспечения экологической безопасности в Вооруженных силах Российской Федерации // Международный научный журнал «Инновационная наука». - 2015. - № 11. - С. 66-68.

8.Приказ Министра обороны РФ от 14 сентября 2015 г. № 530 «Об утверждении Положения об органах экологической безопасности Вооруженных Сил Российской Федерации» // https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=683582#ZEJDxUUaS5Pae3Jt

9.Указ Президента РФ от 10 ноября 2007 г. № 1495 (в ред. от 1 марта 2024 г.) «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72806/

10. Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 2.601-2019 «Единая система конструкторской документации. Эксплуатационные документы» (утв. и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 29 апреля 2019 г. № 177-ст) // https://base.garant.ru/72651452/

Vorontsov A. L., Vorontsova E. V. Ensuring environmental safety in the sphere of military-defense activities // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 182–189.

The article considers the organizational and legal aspects of ensuring environmental safety in the sphere of military defense activities. Taking into account the growing importance of military defense activities as a factor that has a significant impact on the state of the environment, it is noted that from a legal point of view, all environmental requirements for military defense activities are reduced to the need to comply with environmental legislation in relation to any objects of military and related economic infrastructure, as well as to the equipment and weapons used in the Armed Forces. The authors analyze the provisions of the current environmental legislation, emphasizing the specifics of its application in the Armed Forces, which is due to the peculiarities of the functioning of military formations, the nature of the tasks they perform, and the conditions of service. It is noted that activities to ensure environmental safety of the military defense complex are not limited to the work of environmental services of military districts and fleets. The implementation of environmental requirements is carried out at the stage of designing a sample of weapons and military equipment and continues at the stages of their manufacture, testing, operation in the troops, i.e. at all stages of their life cycle. It is

emphasized that, given the enormous influence of military defense activities on the state of the environment, the tasks of restoring its favorable state and preventing environmental damage during the implementation of military defense activities should be the most important elements of the environmental policy of the Russian state.

Keywords: environment, military defense activities, environmental safety, weapons and military equipment, environmental requirements.

Spisok literatury:

1. Trishunkin V.V., Astafeeva O.S. Ekologicheskaya bezopasnost' Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii // https://mto.ric.mil.ru/Stati/item/253187/
2. Gosudarstvennyj (nacional'nyj) doklad o sostoyanii i ispol'zovanii zemel' v Rossijskoj Federacii v 2023 godu // https: // rosreestr.gov.ru/upload/Doc/16-upr/Doc_Nation-report-2023(1).pdf
3. Ekspert MCHS: bolee 17 tys. kontejnerov s yadernymi othodami lezhat na dne morej v Arktike // https://tass.ru/obschestvo/9771681
4. CHto zagryaznyaet Arktiku // https://rg.ru/2022/08/17/ostatki-ne-sladki.html
5. Federal'nyj zakon ot 10 yanvarya 2002 g. № 7-FZ (v red. ot 8 avgusta 2024 g.) «Ob ohrane okruzhayushchej sredy» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/
6. Bernaz L.P., ZHochkina I.N., Kichigin N.V. i dr. Nauchno-prakticheskij kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 10 yanvarya 2002 g. №7-FZ "Ob ohrane okruzhayushchej sredy" (otv. red. N.I. Hludeneva). - M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii: OOO "YUridicheskaya firma Kontrakt", 2018. - 528 s.
7. Klepikov O.V., Lyapovcev A.Yu. Pravovye osnovy obespecheniya ekologicheskoj bezopasnosti v Vooruzhennyh silah Rossijskoj Federacii // Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal «Innovacionnaya nauka». - 2015. - № 11. - S. 66-68.
8. Prikaz Ministra oborony RF ot 14 sentyabrya 2015 g. № 530 «Ob utverzhdenii Polozheniya ob organah ekologicheskoj bezopasnosti Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii» // https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=683582#ZEJDxUUaS5Pae3Jt
9. Ukaz Prezidenta RF ot 10 noyabrya 2007 g. № 1495 (v red. ot 1 marta 2024 g.) «Ob utverzhdenii obshchevoinskih ustavov Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72806/
10. Nacional'nyj standart RF GOST R 2.601-2019 «Edinaya sistema konstruktorskoj dokumentacii. Ekspluatacionnye dokumenty» (utv. i vveden v dejstvie prikazom Federal'nogo agentstva po tekhnicheskomu regulirovaniyu i metrologii ot 29 aprelya 2019 g. № 177-st) // https://base.garant.ru/72651452/

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 190–194.

УДК 39342

К ВОПРОСУ О ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЕ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)

Мелехин А. В., Пархоменко А. Г., Сапронов Д. Ю., Усанов В. Е.

Статья посвящена рассмотрению особенностей административной и уголовной ответственности за нарушение прав граждан в области персональной информации (персональных данных) на примере Республики Казахстан. Законодательство Республики Казахстан в области защиты персональных данных в своём развитии не такой длинный путь, как аналогичное в европейских странах, но тем не менее опыт этого государства представляет большой практический интерес. Особое внимание уделяется основаниям привлечения к публично-правовой ответственности за нарушения в сфере защиты персональных данных.

Ключевые слова: информация, информационное право, персональная информация, персональные данные, публично-правовая ответственность, Республика Казахстан, административная ответственность, уголовная ответственность, информационная безопасность, сравнительное правоведение.

Публично-правовая защита прав граждан в области персональной информации реализуется посредством привлечения к административной и уголовной ответственности [1; 2]. Развитие информационно-коммуникационных технологий приобрело глобальный характер, они проникли во все сферы общественной жизни и затронули множество государств. Важным аспектом применения цифровых технологий стал вопрос идентификации личности в виртуальном пространстве и защиты персональной информации – персональных данных. Это стало причиной роста объёма собираемых персональных данных.

Собираемые данные о физических лицах становятся объектом интереса различных злоумышленников. В связи с этим многие государства столкнулись с проблемой утечек персональных данных. По этой причине перед законодателями возникла задача, связанная с адаптацией законодательства о персональных данных к изменившимся общественным отношениям. Важной особенностью законодательства о защите персональных данных является ответственность за его нарушение.

В Российской Федерации, как известно, указанная публично-правовая защита обеспечивается, например, положениями ст. 5.27, 13.11, 19.4, 19.4.1, 19.5 и 19.7 КоАП РФ [3] и ст. 137 Уголовного кодекса Российской Федерации [4].

Интересным представляется опыт Республики Казахстан в этом вопросе. Основным документом, регулирующим сферу оборота персональных данных, является принятый в 2013 г. Закон Республики Казахстан от 21.05.2013 г. № 94-V «О персональных данных и их защите» (с изм. и доп.) [5]. Законодательство Казахстана постоянно совершенствуется, адаптируясь к изменяющимся общественным отношениям. Важным элементом правовой защиты персональных данных является ответственность за нарушение правил обработки персональных данных. Она закреплена в ст. 29 данного Закон: «Нарушение законодательства Республики Казахстан о персональных данных и их защите влечет ответственность в соответствии с законами Республики Казахстан».

Административная ответственность за правонарушения в сфере персональных данных закреплена в статьях 79 и 641 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235 (далее – КоАП РК). В соответствии со ст. 79 КоАП РК, под административную ответственность подпадают правонарушения(деяния), связанные с незаконным сбором (или) обработкой, не содержащие признаков уголовно наказуемого деяния. На нарушителей налагается штраф в размере: для физических лиц – десяти месячных расчетных показателей (в настоящее время – 3450 тенге, или порядка 704 руб.); должностных лиц, частных нотариусов, частных судебных исполнителей, адвокатов, субъектов малого предпринимательства или некоммерческие организации – 20 месячных расчетных показателей; для субъектов малого бизнеса – 30 месячных расчетных показателей; для субъектов крупного бизнеса – 70 месячных расчетных показателей.

В случае если правонарушение, которое не имеет уголовной составляющей, совершено с использованием служебного положения наказывается штрафом в размере: для физических лиц – 50 месячных расчетных показателей; для должностных лиц, некоммерческих организаций или субъектов малого предпринимательства – 75 месячных расчетных показателей; для субъектов среднего предпринимательства – 100 месячных расчетных показателей; для субъектов крупного предпринимательства – 200 месячных расчетных показателей. В случае несоблюдения мер по защите персональных данных, при условии, что правонарушение не влечёт за собой уголовную ответственность, санкция предполагает наложение штрафа в размере: для физических лиц – 50 месячных расчетных показателей; для должностных лиц, для некоммерческих организаций или субъектов малого предпринимательства – 150 месячных расчетных показателей; для субъектов крупного предпринимательства – 200 месячных расчетных показателей.

В случае если несоблюдения мер по защите персональных данных повлекло утерю, незаконный сбор и (или) обработку персональных данных, и деяние не имеет признаков уголовного правонарушения, штраф составит: для физических лиц – 200 месячных расчетных показателей; для должностных лиц, некоммерческих организаций или субъектов малого предпринимательства – 500 месячных расчетных показателей; для субъектов среднего предпринимательства – 700 месячных расчетных показателей; для субъектов крупного предпринимательства – 1000 месячных расчетных показателей [6].

Ст. 641 КоАП РК так же затрагивает сферу оборота персональных данных в случае, неосуществления или ненадлежащего осуществления собственником или владельцем информационных систем, содержащих персональные данные, собственником и (или) оператором базы, содержащей персональные данные, а также третьим лицом мер по их защите, налагается штраф в размере: для физических лиц – десяти месячных расчетных показателей; для должностных лиц, некоммерческих организаций или субъектов малого предпринимательства – пятнадцати месячных расчетных показателей; для субъектов среднего предпринимательства – тридцати месячных расчетных показателей; для субъектов крупного предпринимательства – ста месячных расчетных показателей.

В случае если правонарушитель совершил (действие или бездействие) деяние повторно в течение года с момента наложения предыдущего административного

взыскания, для физических лиц штраф составит двадцать месячных расчетных показателей, а для юридических лиц сто пятьдесят месячных расчетных показателей.

Кроме этого, за использование электронных информационных ресурсов, содержащих персональные данные о физических лицах, в целях причинения им имущественного и (или) морального вреда, ограничения реализации прав и свобод, гарантированных законами Республики Казахстан в качестве наказания, может быть вынесено предупреждение или назначен штраф в размере: для физических лиц – 10месячных расчетных показателей; должностных лиц. некоммерческих организаций или субъектов малого предпринимательства – 20 месячных расчетных показателей; для субъектов среднего предпринимательства – 40 месячных расчетных показателей; для субъектов крупного предпринимательства – 200 месячных расчетных показателей. Кроме этого, в случае если собственник или владелец объектов относящихся к критически важным не оповестил об инцидентах, связанных с информационной безопасностью Национальный координационный центр информационной безопасности, на виновного будет наложен штраф в размере: для физических лиц и должностных лиц – 20 месячных расчетных показателей; субъектов малого предпринимательства – 40 месячных расчетных показателей; для субъектов среднего предпринимательства – 60 месячных расчетных показателей; для субъектов крупного предпринимательства – 100 месячных расчетных показателей.

В случае повторного выявления правонарушения, которое произошло в течении года, с момента наложения предыдущего административного взыскания штрафы составят: для физических лиц и должностных лиц – сорока месячных расчетных показателей; субъектов малого предпринимательства – восьмидесяти месячных расчетных показателей; для субъектов среднего предпринимательства – ста двадцати месячных расчетных показателей; для субъектов крупного предпринимательства – двухсот месячных расчетных показателей. Таким образом, в Республике Казахстан административная ответственность подразумевает достаточно высокие штрафы, кроме этого, в случае рецидива и повторения правонарушения, наказание возрастает. Такой подход стимулирует операторов персональных данных поддерживать необходимый уровень информационной безопасности и придерживаться правил обработки персональных данных, дабы избежать ощутимых финансовых потерь. Что касается уголовной ответственности за правонарушения в области защиты персональных данных, то она закреплена в ст. 147 УК Республики Казахстан [7].

В случае несоблюдения мер защиты персональных данных, и причинения в результате этого существенного вреда, виновник наказывается штрафом до трёх тысяч месячных расчётных показателей или исправительными работами в аналогичном размере или «лишением свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.».

В случае незаконного сбора персональных данных, без согласия физического лица, а также причинение существенного вреда «правам и законным интересам лица в результате незаконных сбора и (или) обработки (за исключением распространения)» к лицу применятся следующие санкции – штраф в размере до пяти тысяч месячных расчётных единиц или исправительными работами в аналогичном размере, или общественными работами сроком до восьмисот часов, или ограничением свободы сроком до трёх лет, или лишением свободы на этот же срок.

Если правонарушение совершено с использованием «своего служебного положения или специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, либо путем незаконного доступа к электронным информационным ресурсам, информационной системе или незаконного перехвата информации, передаваемой по сети телекоммуникаций, либо в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или для других лиц, или организаций, а равно в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности либо выполнением профессионального или общественного долга с целью воспрепятствования такой деятельности или из мести за нее», то нарушитель будет лишён свободы на срок до пяти лет, кроме этого ему будет запрещено занимать некоторые должности или же заниматься определёнными видами деятельности сроком от двух до пяти лет или бессрочно.

Правонарушения, связанные с распространением персональных данных, без согласия физического лица, ставшие причиной существенного вреда правам и законным интересам физического лица наказываются: лишением свободы сроком от трёх до шести лет. В случае если правонарушение совершено «в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, в средствах массовой информации или с использованием сетей телекоммуникаций, в том числе через Интернет, а равно в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности либо выполнением профессионального или общественного долга с целью воспрепятствования такой деятельности или из мести за нее» то оно наказывается лишением свободы сроком от трех до семи лет.

Таким образом рассматривая правовую защиту персональных данных в Республике Казахстан, а именно ответственность за правонарушения в этой сфере, можно сделать вывод о том, что правительство этой страны серьёзно подходит к вопросу защиты персональных данных физических лиц, изменив законодательство таким образом, что санкции за нарушение в этой сфере создают серьезные финансовые проблемы для тех кто не уделяется достаточно внимания информационной безопасности обрабатываемой информации о физических лицах.

Однако несмотря на тесное правовое сотрудничество с ЕС в этой области [8], в законодательстве Республики Казахстан отсутствует такая мера, как оборотный штраф для юридических которые допустили правонарушения в области защиты персональных данных. Такой подход может способствовать тому, что крупные компании допустившие право рушения в области защиты персональных данных могут не ощутить в достаточной степени финансовых потерь, которыми сопровождается наложение оборотных штрафов.

Список литературы:

1. Несвит Е.А. Административно-правовая защита прав граждан: вопросы терминологии // Вестник КГУ. 2016. № 5. С. 227-230.

2. Смирнов А.П. О соотношении понятий «охрана прав» и «защита прав» // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 331. С. 123-125.

3. "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 29.10.2024, с изм. от 06.11.2024)\ КонсультантПлюс**.** – URL: "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" (КОАП РФ) от 30.12.2001 N 195-ФЗ (последняя редакция) \ КонсультантПлюс

4. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.10.2024). - "Уголовный кодекс Российской Федерации" (УК РФ) от 13.06.1996 N 63-ФЗ (последняя редакция) \ КонсультантПлюс. – URL: "Уголовный кодекс Российской Федерации" (УК РФ) от 13.06.1996 N 63-ФЗ (последняя редакция) \ КонсультантПлюс

5. Закон Республики Казахстан О персональных данных и их защите (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.08.2024 г.). – URL: Закон о персональных данных и их защите РК 2024 (дата обращения: 14.09.2024).
6. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.10.2024 г.). – URL: КОАП Кодекс об административных правовонарушениях РК 2024 (дата обращения: 14.09.2024).
7. Уголовный кодекс Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 09.09.2024 г.). – URL: УК РК - Уголовный кодекс Республики Казахстан 2024 (дата обращения: 14.09.2024).
8. Соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве между Европейским Союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Казахстан, с другой стороны № SGS16/03809 (г. Астана, 21 декабря 2015 года). Ратифицировано Законом Республики Казахстан от 25 марта 2016 г. № 475-V, временно применялось с 1 мая 2016 г. согласно ноте ЕС, вступило в силу с 1 марта 2020 г. // Параграф. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31396226 (дата обращения: 14.09.2024).

Melekhin A.V., Parkhomenko A.G., Sapronov D.Yu., Usanov V.E. On the issue of public legal protection of personal information (on the example of the republic of Kazakhstan) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 190-194.

The article is devoted to the consideration of the peculiarities of administrative and criminal liability for violation of the rights of citizens in the field of personal information (personal data) on the example of the Republic of Kazakhstan. The legislation of the Republic of Kazakhstan in the field of personal data protection in its development is not such a long way as similar in European countries, but nevertheless the experience of this state is of great practical interest. Special attention is paid to the grounds for bringing to public legal responsibility for violations in the field of personal data protection.

Keywords: information, information law, personal information, personal data, public liability, Republic of Kazakhstan, administrative liability, criminal liability, information security, comparative law.

Spisok literatury:

1. Nesvit E.A. Administrativno-pravovaya zashchita prav grazhdan: voprosy terminologii // Vestnik KGU. 2016. № 5. S. 227-230.
2. Smirnov A.P. O sootnoshenii ponyatij «ohrana prav» i «zashchita prav» // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universi-teta. 2010. № 331. S. 123-125.
3. "Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah" ot 30.12.2001 N 195-FZ (red. ot 29.10.2024, s izm. ot 06.11.2024)\ Konsul'tantPlyus. – URL: "Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah" (KOAP RF) ot 30.12.2001 N 195-FZ (poslednyaya redakciya) \ Konsul'tantPlyus
4. "Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii" ot 13.06.1996 N 63-FZ (red. ot 29.10.2024). - "Ugolovnyj kodeks Rossij-skoj Federacii" (UK RF) ot 13.06.1996 N 63-FZ (poslednyaya redakciya) \ Konsul'tantPlyus. – URL: "Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii" (UK RF) ot 13.06.1996 N 63-FZ (poslednyaya redakciya) \ Konsul'tantPlyus
5. Zakon Respubliki Kazahstan O personal'nyh dannyh i ih zashchite (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 20.08.2024 g.). – URL: Zakon o personal'nyh dannyh i ih zashchite RK 2024 (data obrashcheniya: 14.09.2024).
6. Kodeks Respubliki Kazahstan ob administrativnyh pravonarusheniyah (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 01.10.2024 g.). – URL: KOAP Kodeks ob administrativnyh pravovonarusheniyah RK 2024 (data obrashcheniya: 14.09.2024).
7. Ugolovnyj kodeks Respubliki Kazahstan (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 09.09.2024 g.). – URL: UK RK - Ugolovnyj kodeks Respubliki Kazahstan 2024 (data obrashcheniya: 14.09.2024)
6.8. Soglashenie o rasshirennom partnerstve i sotrudnichestve mezhdu Evropejskim Soyuzom i ego gosudarstvami-chlenami, s odnoj storony, i Respublikoj Kazahstan, s drugoj storony № SGS16/03809 (g. Astana, 21 dekabrya 2015 goda). Ratifici-rovano Zakonom Respubliki Kazahstan ot 25 marta 2016 g. № 475-V, vremenno primenyalos' s 1 maya 2016 g. soglasno note ES, vstupilo v silu s 1 marta 2020 g. // Paragraf. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31396226 (data obrashche-niya: 14.09.2024).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 195–203.

УДК 342.57

ФОРМАЛИЗАЦИЯ НАРОДА В КОНСТИТУЦИЯХ СТРАН СНГ

Нифанов А. Н., Бутов А. Ю.

юридический институт ФГАОУ ВО
«Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

В статье на основе сравнительно-правового метода осуществлен анализ текстов конституцией стран Содружества независимых государств с целью выявления в них норм, формализующих народ как субъект правоотношений. В силу важности заявленного субъекта конституционных отношений, обоснованы нормы-принципы его формализующие. По итогам исследования, установлено, что самым распространенным из таких принципов является народовластие в многообразии проявления и детализации в части закрепления. Исключительность народа, как конституционного субъекта, подчеркивается легализованным сопоставлением с атрибутами государства и основами конституционного строя, а также с традиционными для государства и общества ценностями с учетом интересов народа государством и иными субъектами.

Ключевые слова: народ, единство народа, власть, суверенитет, народности, референдум, выборы.

Категория «народ» находится в фокусе постоянного научного внимания, в том числе, в юриспруденции. Так, при использовании различной аргументации народ рассматривается как источник государственной власти [2, с. 77-80], основа государственной деятельности [3, с. 77] и др.

В дефинитивном ключе уточняют узкий и широкий смысл понимания народа. В первом случае – это общность людей одной национальности, имеющих свой родной язык, обычаи и традиции. Во втором – это совокупность людей, проживающих на территории одного государства, связанных с ним через гражданство (подданство), а также имеющих общность интересов. Солидарны во мнении с Т.А. Дураевым и Н.В. Тюменевой, что «очевидным условным «водоразделом» между аспектами одного понятия является национально-культурный критерий» [1, с. 570-578].

Категория «народ» является и конституционной, поскольку формализуется Базовыми законами различных государств. Придерживаясь широкой смысловой интерпретации, в рамках данной работы представим результаты анализа текстов конституций стран СНГ в связи с легализацией в них категории «народ» с учетом проявления в различных сферах. Уточним, что данная группа стран нами определена по причине наличия общего, в том числе, конституционного-правового исторического опыта.

Итак, проведенный анализ показал, что вариации категории «народ» отражены в различных частях конституций. В частности, это: преамбула (Азербайджан [4], Армения [7], Белоруссия [8], Казахстан [9], Киргизия [5], Молдова [10], Таджикистан [11], Туркмения [6] и Узбекистана [12]); «Основы конституционного строя» (Армения, Белоруссия, Киргизия, Таджикистан, Туркмения); «Права, свободы и обязанности человека и гражданина» (Киргизия, Молдова, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан); «Президент» (Армения, Казахстан, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан); «Основные принципы» (Молдова, Узбекистан); «Парламент» (Казахстан, Таджикистан); «Административно-территориальное и государственное устройство» (Узбекистан); «Власть народа» (Азербайджан); «Избирательная система. Референдум»

(Белоруссия); «Исполнительная власть» (Азербайджан); «Личность, общество, государство» (Белоруссия); «Национальное Собрание» (Армения); «Общество и личность» (Узбекистан); «Основы государства» (Азербайджан); «Общие положения» (Казахстан); «Организация государственной власти» (Узбекистан); «Органы государственной власти» (Киргизия); «Правительство» (Казахстан); «Президент, Всебелорусское Народное Собрание, Парламент, Правительство, Суд» (Белоруссия); «Публичные власти» (Молдова);

Что касается преамбулы, то в конституциях Азербайджана, Армении, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана народ указан в качестве субъекта, принимающего конституцию, а также в качестве ключевого субъекта, с которым связаны история и развитие государства.

Несмотря на то, что Конституция Беларуси была принята Верховным Советом Республики [14], в ее преамбуле народ указан в качестве субъекта принятия данного документа. Такой подход объясним тем, что Верховный Совет Республики имел статус постоянно действующего Парламента Белоруссии. Кроме того, в Конституцию Республики вносились изменения по итогам проведения референдумов.

Конституция Молдовы была принята Парламентом, поэтому в ней указано, что субъектом ее принятия выступили полномочные представители народа Республики Молдова, депутаты Парламента.

Дальнейший анализ показал, что в Азербайджане, Киргизии и Таджикистане на конституционном уровне определено, кто относится к народу того или иного государства. В Азербайджане «народ Азербайджана состоит из граждан Азербайджанской Республики, проживающих на территории Азербайджанской Республики и за ее пределами, рассматривающихся как подвластные Азербайджанскому государству и его законам, что не исключает нормы, установленные международным правом» (ч. II ст. 1) [4].

В Киргизии «народ Кыргызстана составляют граждане всех этносов Кыргызской Республики» (ч. 5 ст. 1). При этом, «каждый, доказавший свою принадлежность к народу Кыргызстана, имеет право приобрести гражданство Кыргызской Республики в упрощенном порядке» (ч. 3 ст. 51) [5].

В Таджикистане «народ Таджикистана составляют граждане Республики Таджикистан независимо от национальности» (ст. 6) [11].

В Узбекистане «народ Узбекистана составляют граждане Республики Узбекистан независимо от их национальности» (ст. 8) [12].

Уточним, что конституционные нормы о народе, в силу важности данного субъекта правоотношений, легализованы, в том числе, нормами-принципами. Так, в конституциях Азербайджана и Молдовы легализован принцип единства народа. В Азербайджане ему посвящена ст. 2 с идентичным наименованием. В соответствии с ней «народ Азербайджана един» (ч. I) и «единство народа Азербайджана составляет основу Азербайджанского государства» (ч. II) [4].

Далее обратим внимание на конституционный принцип единства народа как основы государства (ч. 1 ст. 10 Конституции Молдовы).

В конституциях Азербайджана (ч. II ст. 8), Белоруссии (ст. 79) и Киргизии (ч. 2 ст. 66) единство народа также отражено в контексте его воплощения Президентом. В ч. 2 ст. 40 Конституции Казахстана Президент Республики характеризуется, в том числе, как гарант единства народа.

Важно, что народ включен в базовые принципы государственной власти. В этом аспекте заслуживает положительной оценки конституционной опыт Киргизии (ст. 4) в воспроизводстве в одной норме таких принципов, как:

– «верховенство власти народа, представляемой и обеспечиваемой всенародно избираемыми Президентом и Жогорку Кенешем;

– осуществление государственными органами, органами местного самоуправления и их должностными лицами своих полномочий в интересах народа;

– конституционно-правовая и иная ответственность государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц перед народом» [5].

В ч. 3 ст. 40 Конституции Казахстана формализован принцип ответственности органов власти перед народом в контексте его обеспечения Президентом Республики.

Здесь стоит отметить и ч. 1 ст. 108 Конституции Молдовы, поскольку в ней формализована воля народа, исключительно которой подчиняются вооруженные силы «в целях гарантирования суверенитета, независимости, единства, территориальной целостности страны и конституционной демократии» [10].

Самой распространенным конституционным принципом-установлением о народе является принцип народовластия – положение о народе, как единственном источнике государственной власти (ч. I ст. 1, Азербайджан; ч. 1 ст. 3, Казахстан; ч. 4 ст. 1, Киргизия; ст. 3, Туркмения; ст. 7, Узбекистан) и носителе суверенитета / национального суверенитета (ст. 3, Белоруссия; ч. 1 ст. 2 Молдова; ст. 6, Таджикистан). В Конституции Туркмении народ заявлен только как субъект осуществления суверенитета (ст. 3).

В Молдове обнаружена иная формулировка сопряжения государственной власти и народа: «воля народа является основой государственной власти» (ч. 1 ст. 38) [10].

Посвященная исключительно суверенитету народа, ст. 2 Конституции Азербайджана формализовала, что «суверенным правом народа Азербайджана является свободно и независимо определять свою судьбу и учреждать свою форму правления» (ч. I) [4].

В Конституции Киргизии суверенным правом народа Республики формализовано самостоятельное определение основ конституционного строя (ч. 1 ст. 2).

В Армении выявлена самая лаконичная формулировка: «власть в Республике Армения принадлежит народу» [7].

В порядке детализации стоит отметить ч. 2 ст. 2, согласно которой в Кыргызской Республике формализованы принципы принадлежности всей полноты власти народу, на которых основывается народовластие.

В логике реализации власти народом отражены соответствующие формы и субъекты: свободные выборы, референдумы, а также предусмотренные Конституцией государственные органы, органы местного самоуправления и должностные лица (ст. 2 Конституции Армении); всенародное голосование – референдум и представители, избранные *(перечисляются принципы)* (ч. II ст. 2 Конституции Азербайджана); республиканский референдум и свободные выборы, а также государственные органы (ч. 2 ст. 3 Конституции Казахстана); свободные выборы, проводимые периодически *(перечисляются принципы)* (ч. 1 ст. 38 Конституции Молдовы); общенародный референдум и выборы (ст. 6 Конституции Таджикистана); непосредственно или через

представительные органы (ч. 1 ст. 2 Конституции Молдовы, ст. 3 Конституции Туркмении) и иные органы (ст. 3 Конституции Белоруссии).

По поводу приведенных форм волеизъявления установлены конституционные уточнения в следующей части: решение народом путем референдума любого вопроса, затрагивающего его права и интересы (ч. I ст. 3 Конституции Азербайджана); вынесение наиболее важных вопросов общественной и государственной жизни на обсуждение народа, на всенародное голосование – референдум (ст. 9 Конституции Таджикистана, ст. 9 Конституции Узбекистана); всеобщность выборов депутатов и других лиц, избираемых на государственные должности народом (ст. 64 Конституции Белоруссии); всеобщий референдум народа Каракалпакстана как основание выхода Республики Каракалпакстан из состава Республики Узбекистан (ст. 89).

Логичны также установления о том, кто выступает от имени народа (и государства). В числе таких субъектов: Президент и Парламент / Жогорку Кенеш / Маджлиси Оли на совместном заседании палат / Олий Мажлис (ч. 3 ст. 3 Конституции Казахстана, ч. 6 ст. 1 Конституции Киргизии, ст. 6 Конституции Таджикистана, ст. 10 Конституции Узбекистана).

Необходимо отметить и универсальные формулировки в этом ключе. Так, в Конституции Узбекистана конкретизировано, что «государство выражает волю народа, служит его интересам» (ст. 2) [12] и «государственная власть в Республике Узбекистан осуществляется в интересах народа и исключительно органами, уполномоченными на то Конституцией Республики Узбекистан и законами, принятыми на ее основе» (ст. 7) [12].

Противоположны приведенным нормы, ограничивающие и запрещающие представление народа иными, нежели конституционно предусмотренными субъектами. Подобного рода установления обнаружены в текстах конституций Азербайджана, Молдовы, Туркмении и Узбекистана.

На основании ст. 4 Конституции Азербайджана «никто, кроме избранных народом полномочных представителей, не обладает правом представлять народ, говорить от имени народа и выступать с обращениями от имени народа» [4]. При этом, «никакая часть народа Азербайджана … не может присвоить полномочие по осуществлению власти» (ч. I ст. 6) [4], а «присвоение власти является тягчайшим преступлением против народа» (ч. II ст. 6) [4]. Формулировка ч. 2 ст. 2 Конституции Молдовы аналогична приведенной норме Конституции Азербайджана.

Более лаконична ст. 3 Конституции Туркмении, указывающая, что «никакая часть народа, ни одна организация или отдельные лица не вправе присвоить власть в государстве» [6].

Согласно ст. 10 Конституции Узбекистана, «никакая часть общества, политическая партия, общественное объединение, движение или отдельное лицо не могут выступать от имени народа Узбекистана» [12].

Важность конституционно-правового статуса народа также проявляется в его формализации с традиционными для государства и общества ценностями, а также с учетом интересов народа государством и иными субъектами. Пример ценностной формализации в Белоруссии: «государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны» (ст. 15) [8]. Далее уже в разделе о личности, обществе и государстве указано на «сохранение исторической памяти о героическом прошлом бе-

лорусского народа, патриотизм являются долгом каждого гражданина Республики Беларусь» (ст. 54) [8].

Целесообразно привести конституционные нормы Узбекистана о том, что «брак основывается на традиционных семейных ценностях народа Узбекистана» (ст. 76) [12]; «государство и общество заботятся о формировании у детей и молодежи приверженности национальным и общечеловеческим ценностям, гордости за страну и богатое культурное наследие народа, чувства патриотизма и любви к Родине» (ст. 78) [12].

Очень оригинальна и бесспорно выражает ценностный аспект ст. 52 Конституции Узбекистана, согласно которой «в Республике труд учителя признается основой развития общества и государства, формирования и воспитания здорового, гармонично развитого поколения, сохранения и приумножения духовного и культурного потенциала народа» [12].

Что касается учета интересов, то здесь стоит упомянуть ст. 11 Конституции Таджикистана. В соответствии с ней «Таджикистан, руководствуясь высшими интересами народа, может входить в содружества и другие международные организации, а также выходить из них, устанавливать связи с зарубежными странами» [11]. Аналогичная норма имеется в Конституции Узбекистана (ст. 18).

В ч. 4 ст. Конституции Киргизии закреплено в целях защиты подрастающего поколения общественное сознание народа Республики как маркер проведения различных мероприятий.

Многочисленны конституционные формулировки о «создании условий для изучения и развития языков народа [Казахстана]» (ч. 3 ст. 7) [9]. В Конституции Киргизии подобного рода норма адресована большему количеству субъектов. Это «представители всех этнических групп, образующих народ Республики, которым гарантируется право на создание условий для сохранения, изучения и развития родного языка (ч. 3 ст. 13) [5]. В Узбекистане «Республика обеспечивает уважительное отношение к языкам, обычаям и традициям наций и народностей, проживающих на ее территории, создает условия для их развития» (ст. 4) [12].

В Конституции Таджикистана аналогичная норма отражена без гарантий со стороны государства: «все нации и народности, проживающие на территории республики, вправе свободно пользоваться своим родным языком» (ст. 2) [11].

Стоит заметить, что в Киргизии со стороны государства поддерживаются «народные обычаи и традиции, не ущемляющие права и свободы человека» (ст. 65) [5].

Универсальность конституционно-правового статуса народа проявляется в том, что этот субъект сопоставляется с важнейшими атрибутами государства и различными аспектами основ конституционного строя.

Говоря о государственных атрибутах, мы подразумеваем территорию. Например, в ст. 9 Конституции Белоруссии объявлено, что «территория Республики является естественным условием существования и пространственным пределом самоопределения народа» [8]. В ч. III ст. 11 Конституции Азербайджана в контексте принципа неотчуждаемости территории, отмечено, что «Государственные границы могут изменяться только путем референдума, проводимого по решению Милли Меджлиса Азербайджанской Республики среди всего населения Азербайджана, на основе волеизъявления народа Азербайджана» [4].

В контексте основ конституционного строя в политическом сегменте конституции отражают влияние политических партий на формирование и выражение политической воли народа (ч. 3 ст. 8, Армения; ст. 28. Таджикистан).

В единичном варианте ст. 44 Конституции Туркмении содержит запрет «создания и деятельности политических партий …, посягающих на здоровье и нравственность народа» [6].

В экономическом сегменте отражены различные подходы к земле и природным ресурсам. Согласно Конституции Казахстана, «земля и её недра, воды, растительный и животный мир, другие природные ресурсы принадлежат народу. От имени народа право собственности осуществляет государство» (ч. 3 ст. 6) [9].

В Конституции Молдовы аналогичная норма принадлежности народу ресурсов формализована только применительно к автономно-территориальному образованию Гагаузия (ст. 111).

Противоположен подход в Таджикистане. В ст. 13 установлено, что «земля, ее недра, вода, воздушное пространство, животный и растительный мир и другие природные ресурсы являются исключительной собственностью государства и государство гарантирует эффективное их использование в интересах народа» [11].

В Конституции Киргизии принадлежность какому-либо субъекту заявленных ресурсов не обозначена, но в ч. 2 ст. 16 объявлено, что «земля и природные ресурсы используются как основа жизни и деятельности народа Республики» [5].

В данном же сегменте распространены нормы, сопрягающее экономическое развитие с благосостоянием народа (ч. I ст. 15 Конституции Азербайджана, ч. 2 ст. 1 Конституции Казахстана).

Вне экономического контекста, скорее с социальным окрасом, выявлены нормы в конституциях Азербайджана, Киргизии и Туркмении.

Так, согласно ч. I ст. 16 Конституции Азербайджана «государство заботится о повышении благосостояния народа и каждого гражданина; … охраняет природу, историческое, материальное и духовное наследие народа» (ч.ч. I и II) [4].

Любопытно, что в Узбекистане на граждан возложена обязанность «оберегать историческое, духовное, культурное, научное и природное наследие народа Узбекистана» (ст. 61) [12].

В ч. 1 ст. 19 Конституции Киргизии формализована только государственная забота о благосостоянии народа и его социальной защите.

Без уточнений сфер ст. 13 Конституции Туркмении установила, что «государство … обеспечивает устойчивое развитие на благо всего народа» [6].

В духовном сегменте выявлены нормы в конституциях Армении, Белоруссии и Киргизии. В первом случае речь идет о признании Республикой Армения «исключительной миссии Армянской Апостольской Святой Церкви как национальной церкви в духовной жизни армянского народа» (ч. 1 ст. 18) [7]. Во втором случае заявлено о регулировании законом взаимоотношения государства и религиозных организаций «с учетом их влияния на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа» (ст. 16 Конституции Белоруссии) [8].

Интересно, что в Конституции Киргизии в самостоятельной главе о духовно-культурных основах общества содержится ст. 21, устанавливающая следующее: «государство заботится о развитии культуры народа Кыргызстана, сохраняя обычаи и традиции, не ущемляющие права и свободы человека (ч. 1); почитание старших и

уважение к младшим – священная традиция народа (ч. 2); государство охраняет историческое, материальное и духовное наследие народа Кыргызстана (ч. 3)» [5].

В продолжение раскрытия принципа народовластия, представим конституционные нормы об участии граждан в формировании органов публичной власти и выборах должностных лиц. Так, только в конституциях Белоруссии (ст. 81) и Туркмении (ст. 70) указано, что Президент избирается непосредственно народом.

Более распространена норма в текстах присяги избранных президентов Азербайджана (ч. I ст. 103), Белоруссии (ст. 83), Казахстана (ч. 1 ст. 42), Таджикистана (ст. 67), Узбекистана (ст. 108) о достойном / верном / преданном служением народу. В Конституции Казахстана сделана ремарка о том, что Президент Республики вступает в должность с момента принесения народу присяги.

В ч. 3 ст. 127 Конституции Армении говорится, что Президент Республики вступает в должность на специальном заседании Национального Собрания с принесением народу, а в тексте самой присяги упоминание народа отсутствует.

О принесении присяги депутатами / парламентариями перед народом говорится в ч. 6 ст. 51 Конституции Казахстана, ч. 1 ст. 69 Конституции Киргизии, ст. 49 Конституции Таджикистана.

В Казахстане члены Правительства приносят присягу народу и Президенту (ч. 3 ст.65).

Народ заявлен как субъект, к которому обращаются главы государства. Например, согласно п. 13 ст. 84 Конституции Беларуси, Президент «обращается с посланиями к народу … о положении в государстве и об основных направлениях внутренней и внешней политики» [8]. Аналогичны по содержанию п. 1 ст. 44 Конституции Казахстана, п. 11 ст. 71 Конституции Туркмении и п. 6 ст. 109 Конституции Узбекистана. Более лаконичен (без уточнения содержания обращения) п. 3 ч. 2 ст. 70 Конституции Киргизии.

Согласно ч. 1 ст. 119 и ч. 1 ст. 120 Конституции Армении, Национальное Собрание обращается с посланием к народу в случае введения военного или чрезвычайного положения.

Следует отметить полномочие Президента Казахстана по образованию Ассамблеи народа Казахстана (п. 20 ст. 44). Данному институту отведена важнейшая роль в формировании уникальной модели всеказахстанского единства. Главной задачей Ассамблеи народа Казахстана является реализация государственной национальной политики, обеспечение общественно-политической стабильности в Республике Казахстан и повышение эффективности взаимодействия государственных и гражданских институтов общества в сфере межэтнических отношений [13].

В числе интересующих нас полномочий – полномочие Президента Республики Молдова – «потребовать от народа изъявления его воли по вопросам общенационального значения путем референдума» (п. «f» ст. 88) [10].

В конституциях Армении, Молдовы и Таджикистана народ заявлен в рамках ключевых характеристик парламента. Так, в Армении Национальное Собрание названо представительским органом народа (ч. 1 ст. 88). При этом, депутат представляет весь народ, не обременен императивным мандатом, руководствуется своей совестью и убеждениями (ст. 94).

В ч. 1 ст. 60 Конституции Молдовы Парламент характеризуется высшим представительным органом народа Республики, а депутаты при исполнении мандата находятся на службе у народа (ч. 1 ст. 68).

Согласно ст. 6^1, «Халк Маслахаты Туркменистана является высшим представительным органом, представляющим интересы народа Туркменистана» [6].

Подводя итоги проведенного исследования, сделаем следующие выводы. Категория «народ» является конституционной и формализована в различном объеме всеми конституциями стран СНГ (хотя в данной статье не представлен опыт России). В силу важности данного субъекта конституционных отношений, обоснованы нормы-принципы его формализующие. Установлено, что самым распространенным из таких принципов является народовластие в различном проявлении и детализации в аспекте закрепления. О важности свидетельствуют конституционные сопоставления народа с атрибутами государства и основами конституционного строя, а также с традиционными для государства и общества ценностями с учетом интересов народа государством и иными субъектами.

Список литературы:

1. Дураев Т.А., Тюменева Н.В. К вопросу о конституционно-правовом статусе народа // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2014. Том 14. № 3. С. 570-578.
2. Конева Н.С., Сероус А.В. Народовластие как конституционная ценность // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия. Право. 2013. Т. 13, № 3. С. 77-80.
3. Эбзеев Б.С. Введение в Конституцию России. М., 2013. 560 с.
4. Конституция Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 г. // https://president.az/ru/pages/view/azerbaijan/constitution (дата обращения 11.09.2024 г.).
5. Конституция Кыргызской Республики от 11 апреля 2021 г. // https://web.archive.org/web/20220816085816/http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112213?cl=ru-ru (дата обращения 11.09.2024 г.).
6. Конституция Туркменистана от 18 мая 1992 г. // https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/27017/konstitutsiya- (дата обращения 11.09.2024 г.).
7. Конституция Республики Армения от 6 декабря 2015 г. // https://www.president.am/ru/constitution-2015 (дата обращения 11.09.2024 г.).
8. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. // https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/ (дата обращения 11.09.2024 г.).
9. Конституция Республики Казахстан 30 августа 1995 г. // https://constitution.kz/?ysclid=m3ii72vr19964606816 (дата обращения 11.09.2024 г.).
10. Конституция Республики Молдова от 29.07.1994 г. // https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/22036 (дата обращения 11.09.2024 г.).
11. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. // https://www.mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya?ysclid=m3iisqmhrt957076912 (дата обращения 11.09.2024 г.).
12. Конституция Республики Узбекистан от 30 апреля 2023 г. // https://constitution.uz/ru (дата обращения 11.09.2024 г.).
13. https://assembly.kz/ru/ank/obshchaya-informatsiya/deyatelnost/ (дата обращения 11.09.2024 г.).
14. https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution (дата обращения 11.09.2024 г.).

Nifanov Aleksey N., Butov Andrey Y. Formalization of observers in the legislation of the soviet period // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 195–203.

In this article, based on the comparative legal method, an analysis of the texts of the constitutions of the countries of the Commonwealth of Independent States is carried out in order to identify the norms in them that formalize the people as a subject of legal relations.

Due to the importance of the declared subject of constitutional relations, the norms and principles formalizing it are justified. According to the results of the study, it was found that the most common of such principles is democracy in a variety of manifestations and details in terms of consolidation. The exclusivity of the people as a constitutional subject is emphasized by a legalized comparison with the attributes of the state and the foundations of the constitutional system, as well as with traditional values for the state and society, taking into account the interests of the people by the state and other subjects.

Keywords: the people, the unity of the people, power, sovereignty, nationalities, referendum, elections.

Spisok literatury:

1. Duraev T.A., Tyumeneva N.V. K voprosu o konstitucionno-pravovom statuse naroda // Izvestiya Saratovskogo universi-teta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo. 2014. Tom 14. № 3. S. 570-578.
2. Koneva N.S., Serous A.V. Narodovlastie kak konstitucionnaya cennost' // Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya. Pravo. 2013. T. 13, № 3. S. 77-80.
3. Ebzeev B.S. Vvedenie v Konstituciyu Rossii. M., 2013. 560 s.
4. Konstituciya Azerbajdzhanskoj Respubliki ot 12 noyabrya 1995 g. // https://president.az/ru/pages/view/azerbaijan/constitution (data obrashcheniya 11.09.2024 g.).
5. Konstituciya Kyrgyzskoj Respubliki ot 11 aprelya 2021 g. // https://web.archive.org/web/20220816085816/http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112213?cl=ru-ru (data obrashcheniya 11.09.2024 g.).
6. Konstituciya Turkmenistana ot 18 maya 1992 g. // https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/27017/konstitutsiya- (data obrashcheniya 11.09.2024 g.).
7. Konstituciya Respubliki Armeniya ot 6 dekabrya 2015 g. // https://www.president.am/ru/constitution-2015 (data obrashcheniya 11.09.2024 g.).
8. Konstituciya Respubliki Belarus' ot 15 marta 1994 g. // https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/ (data obrashcheniya 11.09.2024 g.).
9. Konstituciya Respubliki Kazahstan 30 avgusta 1995 g. // https://constitution.kz/?ysclid=m3ii72vr19964606816 (data obrashche-niya 11.09.2024 g.).
10. Konstituciya Respubliki Moldova ot 29.07.1994 g. // https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/22036 (data obra-shcheniya 11.09.2024 g.).
11. Konstituciya Respubliki Tadzhikistan ot 6 noyabrya 1994 g. // https://www.mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya?ysclid=m3iisqmhrt957076912 (data obrashcheniya 11.09.2024 g.).
12. Konstituciya Respubliki Uzbekistan ot 30 aprelya 2023 g. // https://constitution.uz/ru (data obrashcheniya 11.09.2024 g.).
13. https://assembly.kz/ru/ank/obshchaya-informatsiya/deyatelnost/ (data obrashcheniya 11.09.2024 g.).
14. https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution (data obrashcheniya 11.09.2024 g.).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 204–213.

УДК 342.951

АНАЛИЗ ФОРМИРОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О РЫНКЕ ТУРИСТСКИХ УСЛУГ

Пономаренко А. А.

ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»

В статье рассматривается процесс формирования и развития законодательства, регулирующего рынок туристских услуг в России. Автор исследует историю становления туризма как сферы деятельности, а также анализирует основные этапы формирования туристского права в стране. Особое внимание уделяется анализу Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», который является основным нормативным актом, регулирующим отношения в этой сфере. Автор отмечает, что закон претерпел более 20 редакций, но это далеко не последние поправки. Автор подчёркивает, что государственное регулирование туристской деятельности осуществляется на основе принципов, направленных на создание условий для устойчивого развития туризма в России, повышение его конкурентоспособности на мировом рынке и обеспечение безопасности и комфорта для всех участников туристского процесса. Также в статье рассматриваются вопросы разграничения компетенций между федеральными и региональными органами власти в области регулирования туристской деятельности. Кроме того, автор рассматривает вопрос об административной и уголовной ответственности туроператоров (турагентов). В статье отмечается, что законодательство о туризме в России продолжает совершенствоваться и направлено на обеспечение безопасности туристов, защиту их прав и интересов, а также создание благоприятных условий для развития туризма в стране. Данная статья представляет собой анализ формирования и развития законодательства в сфере туризма в России и подчёркивает необходимость дальнейшего совершенствования нормативно-правовых актов, регулирующих эту сферу деятельности.

Ключевые слова: туризм, туристская деятельность, туроператор, турагент, туристский продукт, законодательство о туризме.

Современное экономическое развитие любого государства предполагает определённую долю нахождения в этом развитии туристкой сферы. С каждым годом, появляется все больше и больше граждан, желающих посетить различные туристские объекты как внутри страны, так и за ее пределами. Для государства развитие туризма также является одним из приоритетных направлений, так как туризм выполняет ряд важнейших государственных функций.

В подтверждение последнего можно привести в качестве примера Стратегию развития туризма в РФ на период до 2035г. [1]. В документе отмечается, что отрасль требует комплексного подхода. Он должен включать в себя не только комплексное развитие территории для туристов, но и учитывать иные факторы, такие, как транспортная инфраструктура, коммунальные системы. Кроме того, отмечается, что такие территории станут привлекательными для туристов, если органы власти при принятии соответствующих управленческих решений учтут природные, этнические, культурные и другие особенности территории.

На сегодняшний день вместе с растущим числом российских туристов, растет и количество судебных исков, предъявляемых к туроператорам (турагентам). Статистика показывает неутешительные цифры, согласно которым из проведенных консультаций, консультации по туристским услугам занимают первое, лидирующее место.

Большое количество споров между субъектами туристских услуг возникает из-за наличия коллизий современного законодательства, а также из-за сложности его применения и толкования судами.

С развитием рыночных отношений сфера туризма прошла долгий путь развития и стала одним из самых быстрорастущих направлений социально-экономической и культурной деятельности. Туризм обеспечивает население рабочими местами, делает людей более мобильными и повышает их культурный уровень. В связи с этим возникает вопрос о том, как эффективно применить механизмы нормативно-правового регулирования туристской деятельности.

В 2014 г. в России началась волна банкротств туроператоров, что указывает на несовершенство нормативного регулирования в сфере туризма и снижает доверие туристов к представителям отечественного туристического рынка. Это требует разработки правовых механизмов для совершенствования законодательства и практики его применения в данной области.

Само понятие «туризм» относительно новое с точки зрения исторического движения. Несмотря на то, что в различные временные этапы развития нашего отечества существовали схожие с туризмом институты, они лишь обладали общими и схожими с ним чертами и формировались в основном под воздействием и для удовлетворения государственных нужд, без законодательного урегулирования данного явления.

Исследование формирования туризма и его нормативного регулирования позволяет выявить принципы построения общественных отношений, складывающихся в туристической сфере, что предоставляет возможность определить вектор их развития и избежать повторения ошибок.

Датировать начало становления туризма определённой датой или даже столетием достаточно проблематично. Первоначально люди путешествовали локально, в пределах своего государства без какого-либо законодательного регулирования. Как отмечает Л.Г. Березовая, в России термин «турист» появился в 1902 г. в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, а слово «путешественник» доминировало весь XIX век [2, с. 18].

По мнению В.Е. Егорова, отдельные нормы туристского права стали зарождаться только в XVIII в., когда в соответствии с Указом Петра I от 22.11.1696 г. в Европу отправили 61 стольника для изучения навигацкой науки [3, с. 33]. Аналогичной точки зрения придерживаются Г.П. Долженко и Ю.С. Путрик, которые указывают на то, что к истокам правового регулирования относятся учебные поездки за рубеж молодых дворян [4]. Однако стоит заметить, что обучение молодых дворян было частью государственной политики и не имело отношение к туристическому бизнесу. Некоторые учёные называют этот период ученическим туризмом. XIX в. отмечается в истории как время великих научных экспедиций, но это столетие также не отличалось причастностью к туристическому рынку.

Туризм как сфера услуг впервые был признан на официальном уровне в 1985 г., когда в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 25.09.1985 г. «О Комплексной программе развития производства товаров народного потребления и сферы услуг на 1986–2000 годы» [5] среди 12 перечисленных видов услуг были названы туристско-экскурсионные услуги.

В период советского туризма (до принятия специального закона в 1996 г.) сфера туризма не регулировалась отдельными нормативно-правовыми актами, а входила в область той или иной отраслевой принадлежности. Например, в СССР туризм был закреплён на уровне Конституции [6], но какого-либо дальнейшего преобразования и включения его в регулирование сферы гражданского законодательства произведено не было, несмотря на то, что в 1983 г. научными деятелями того времени было предложено внесение поправок в ГК РСФСР. Ранний советский период характеризовался включением туризма в составную часть культуры, поэтому и регулировался законодательством об образовании и культуре. Советский туризм развивался как государственная монополия, не имел чёткой организационной структуры и устойчивой правовой базы, а также был нацелен на внутреннее экскурсионное обслуживание [7, с. 22]. Стоит отметить, что уже в этот период началось ратифицирование международных актов по туризму, что впоследствии послужило основой для законодательного урегулирования туристической сферы. Были ратифицированы ряд конвенций, например, Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 9.04.1985 г. № 30/248, положения которой (право на информацию, на безопасность и др.) позже нашли отражение в российском законодательстве. Таким образом, в этот период было положено начало договорному оформлению отношений с туристами, стали развиваться туристско-экскурсионные предприятия, а также повысилось внимание к защите прав советских туристов.

К фундаментальным международным документами, обеспечивающим нормативно-правовое основание развития рынка туристских услуг можно отнести разработанную Всемирной туристической организацией Хартию туризма от 01.01.1985 и глобальный этический кодекс туризма от 01.10.1999, а также Гаагскую-декларацию Межпарламентской конференции по туризму от 14.04.1989 г.

В условиях быстро меняющихся экономических и социальных условий, законодательство о защите прав потребителей в России претерпело значительные изменения. В частности, Закон СССР от 22.05.1991 г. «О защите прав потребителей», который запрещал принятие ведомственных актов в сфере защиты прав потребителей и предусматривал возмещение морального вреда, был заменён Законом РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей». Этот закон закрепил основные гарантии защиты прав потребителей, а также развил общеправовой принцип справедливости и скорректировал правовые принципы свободы договора и равенства участников правоотношений [8].

Конституция РФ является основным законом страны и определяет основные принципы и направления развития государства, в том числе и в сфере туризма. В Конституции содержатся положения, которые могут быть рассмотрены как основа для осуществления туристской деятельности:

Ст. 27 закрепляет свободу передвижения граждан внутри страны, а это, в свою очередь, выступает стимулом для развития именно внутреннего туризма.

Ст. 37 предоставляет гражданам право на отдых и досуг, что позволяет им путешествовать и знакомиться с новыми местами.

Ст. 44 и 67 определяют условия для развития морского и круизного туризма.

Ст 8 создаёт благоприятные условия для развития туризма как отрасли экономики.

Ст. 71–73 определяют условия для развития международного туризма и сотрудничества в этой сфере [10].

Эти положения Конституции являются основой для создания законодательства о туризме, разработки государственных программ и проектов в этой области.

На протяжении почти шести лет после прекращения деятельности СССР защита прав потребителей туристского продукта осуществлялась лишь на основании Закона о защите прав потребителей и ГК РФ. Однако в 1996 г. был принят Федеральный закон РФ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [9] (далее – Закон об основах туристской деятельности). Принятый нормативный акт в полной мере отразил важность регулирования сферы туризма и стал первым кирпичиком в фундаменте создания правовой базы, которая в будущем выступила регулятором туристских правоотношений.

Указанный законодательный акт определяет принципы государственной политики, целью которой является установление правовых основ единого туристского рынка, регулирует отношения при оказании туристического обслуживания, а также регламентирует порядок рационального использования туристских ресурсов в России.

Закон о туристской деятельности претерпел множество изменений и редакций за время своего существования. Проведя анализ развития закона на разных этапах, можно выделить основные тенденции и направления работы по совершенствованию системы нормативных актов, регулирующих правоотношения, субъектами которых выступают, в том числе, потребители туристских услуг.

Одним из ключевых направлений было развитие института ответственности туроператора (турагента) и её разграничение между ними. На протяжении десяти лет после появления закона вопрос об ответственности туроператора за качество услуг оставался нерешённым. Закон устанавливал лишь общую степень ответственности, которая распространялась на предоставление достоверной информации. В то время существовало несколько мнений о способах разрешения этой проблемы. Одни авторы основывались на положениях Гражданского кодекса РФ и считали, что должник отвечает не только за свои действия, но и за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств третьими лицами, если законом не установлено, что ответственность несёт непосредственно исполнитель. Другие авторы придерживались противоположной точки зрения и полагали, что третьи лица должны самостоятельно нести ответственность перед потребителем.

Помаз Е.А. в своей публикации отмечает, что окончательное мнение по этому вопросу может быть сформировано на основе единой разработанной законодательной базы [11].

Этот правовой спор был разрешён с принятием новой редакции закона, которая установила повышенную ответственность туроператора. С того времени активно разрабатываются отдельные правила оказания туристских услуг, утверждаемые Правительством РФ, которые направлены на более конкретное урегулирование рассматриваемых отношений. Сам процесс реализации туристского продукта имеет сложную структуру, обусловленную большим количеством субъектов, участвующих в его формировании и реализации, а также особым порядком совершения отдельных действий. Ст. 3.1. Закона об основах туристкой деятельности РФ в сфере туризма. Правила оказания услуг по реализации туристского продукта уста-

навливают порядок заключения, исполнения, изменения и прекращения договора о реализации туристского продукта. Практически все разработанные правила активно используются судами для разрешения конкретных споров. Ввиду стремительного изменения экономических и социальных условий встал вопрос об усовершенствовании законодательства. Закон претерпел более 20 редакций, но это далеко не последние поправки.

Исходя из анализа ФЗ «Об основах туристкой деятельности» следует, что туроператор несет повышенную ответственность за неоказание или ненадлежащее оказание туристу услуг, входящих в туристский продукт. Описанная повышенная ответственность туроператора толкуется многими потребителями, а также некоторыми судами как презумпция исключительной ответственности туроператора. Данное положение распространяется только на ответственность за качество туристского продукта, но не охватывает собой процедуру по его продвижению и реализации. В данной ситуации находим верным более детализированное законодательное разграничение ответственности туроператора и турагента, которое должно оказать разгрузочное воздействие на суды проверочных инстанций в области защиты прав потребителей туристских услуг.

Необходимо классифицировать всю существующую нормативную документацию, регулирующую стандартизацию в туристической отрасли, по следующим категориям: требования к отдельным туристическим услугам. Сюда относятся стандарты, которые определяют качество и безопасность различных видов туристических услуг. Например, это могут быть требования к организации транспортных перевозок, предоставлению услуг гидов или переводчиков.

Стандарты для средств размещения. Эта категория включает в себя нормы и правила, касающиеся отелей, хостелов, гостевых домов и других объектов размещения туристов. Сюда входят требования к уровню комфорта, безопасности, санитарным условиям и другим аспектам проживания.

Нормы для заведений ресторанного хозяйства. Данная группа стандартов регулирует деятельность ресторанов, кафе, баров и других предприятий общественного питания, предоставляющих услуги туристам. Здесь устанавливаются критерии качества продуктов, обслуживания, санитарных норм и т. д.

Правила туристско-экскурсионного обслуживания. В эту категорию входят стандарты, определяющие порядок проведения экскурсий, организацию туристических маршрутов, а также требования к квалификации экскурсоводов и гидов.

Что касается государственного регулирования туристской деятельности, то следует отметить, что оно базируется на принципах, обеспечивающих условия для устойчивого развития туризма в России, повышение его конкурентоспособности на мировом рынке и обеспечение безопасности и комфорта для всех участников туристского процесса.

В рамках изучения формирования законодательства, регулирующего рынок туристских услуг, стоит обратить внимание на вопрос легитимности существования законов на региональном уровне.

В России законодательную базу в области туризма составляют ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», подзаконные нормативные акты различных уровней, в том числе, акты субъектов Федерации, где особо ценна для экономики эта сфера отношений (ст. 2 Закона об основах туристской деятельности).

В научной литературе сложилось несколько позиций относительно вопроса о том, целесообразно ли эту важную отрасль отдавать на ведение не только РФ, но и ее субъектам. Представители точки зрения о необходимости совместного ведения основывают свою позицию на положениях ст. 16 ФКЗ от 17.12.1997 г. №2-ФЗ «О Правительстве Российской Федерации» [12]. В статье отражена позиция о том, что туризм и туристская деятельность относятся к социальной сфере, и, следовательно, в соответствии с п. «е» ст. 72 Конституции РФ входит в предмет совместного ведения [13, с. 6].

Противоположная точка зрения основана на том, что отношения между туристом и турфирмой имеют гражданско-правовую природу (имущественные отношения), и туроператорская деятельность по своей сущности является предпринимательской. Поэтому регулирование туристской деятельности должно относиться только к компетенции РФ. Большая часть регионов страны имеют свое субъектовое законодательство в сфере туризма и применяют его на соответствующей территории.

Как показал анализ положений некоторых субъектовых законодательных актов, все они имеют отличные друг от друга наименования и в основном дублируют нормы федерального законодательства. Однако при анализе массива судебных решений нами не были выявлены судебные акты, в основе которых лежали бы законы субъектов РФ. Если рассматривать практику, то, следует констатировать, что разграничение компетенции по вопросам регулирования сферы туризма не является настолько важным, поскольку, как известно, законодательство субъектов Российской Федерации не должно противоречить федеральному законодательству.

Следует помнить о важной роли подзаконных актов в исследуемой области. Здесь можно констатировать, что со стороны Президента РФ сфера туризма не получила достаточного прямого регламентирования. Как известно, основным регулятором отношений выступает Правительство страны, поскольку в его актах конкретизируются нормы, изложенные в федеральных законах, в актах содержатся основные направления единой государственной политики в исследуемой области.

К одним из основополагающих документов в регулировании туристского обслуживания являются Правила оказания услуг по реализации туристского продукта, утверждённые постановлением Правительства РФ от 18.07.2007 г. № 452 [14].

Заметим, что федеральный исполнительный орган РФ некоторое время назад начал активную работу над улучшением законодательной базы, регулирующей сферу туризма. Одним из последних и наиболее значимых актов, принятых Правительством, является постановление от 16.02.2019 г. «Об утверждении Положения о классификации гостиниц» [15].

Разработка и принятие данного положения были вызваны острой практической необходимостью, которую отмечали многие учёные. В частности, Отческий И.Е. подчёркивал, что потребителям было сложно доказать несоответствие отеля определённой категории, так как в каждой стране существуют разные подходы к отнесению отеля к той или иной категории.

Отсутствие законодательного закрепления таких критериев в нашей стране приводило к отсутствию целостного и объективного понимания. С принятием данного положения эта проблема была устранена [8].

Теперь рассмотрим вопрос об административной и уголовной ответственности туроператоров (турагентов). Несмотря на то, что Закон об основах туристской дея-

тельности содержит бланкетную норму об установлении ответственности за нарушение законодательства о туристской деятельности (ст. 20 Закона), только в 2012 г. были приняты поправки в Кодекс РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [16].

Ст. 14.51 КоАП РФ устанавливает ответственность за осуществление туроператорской деятельности лицом, сведения о котором отсутствуют в едином федеральном реестре туроператоров; за нарушение порядка определения размера финансового обеспечения ответственности туроператора либо непредставление или представление недостоверных сведений в уполномоченный федеральный орган исполнительной власти в сфере туризма для внесения в единый федеральный реестр туроператоров изменений в сведения о туроператоре; за осуществление туроператором, не являющимся членом объединения туроператоров в сфере выездного туризма, деятельности в сфере выездного туризма.

Субъектами вышеперечисленных правонарушений выступают туроператоры, их должностные лица либо юридические лица, осуществляющие деятельность в сфере выездного туризма, но не являющиеся членами объединения туроператоров в сфере выездного туризма. Несмотря на, казалось бы, детальную регламентацию этого вопроса, на практике отмечается некоторая неразборчивость в вопросе о том, какой именно субъект отношений имеет право привлекать к административной ответственности нарушителей. В КоАП РФ, а именно в ч. 1 ст. 23.49 ранее закреплялось положение о том, что таким субъектом выступает Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. Далее, согласно п. 97 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ такими делами занимается Министерство культуры РФ. Но с сентября 2018 г. субъект снова меняется. Им стало Министерство экономического развития РФ.

Таким образом, в КоАП РФ не установлено, какой именно орган отвечает за привлечение к административной ответственности. Это объясняется следующим. Туроператоры и турагенты совершают различные административные правонарушения. В зависимости от признаков, подпадающих под ту или иную статью КоАП РФ, дела рассматривают различные органы государственной власти.

18.05.2018 г. Минкультуры опубликовало письмо №№ 197-01.1-39-СО, в котором сообщается, что должностные лица Минкультуры и его территориальных органов составляют протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных статьёй 14.51 КоАП РФ.

Также в письме говорится, что полномочия по применению мер административного воздействия за нарушения в области защиты прав потребителей туристских услуг закреплены за Роспотребнадзором.

В соответствии с ч. 1 ст. 23.1 КоАП РФ дела об административных правонарушениях, предусмотренные ст. 14.51 КоАП РФ, рассматриваются судьями. Туроператоры и турагенты также несут административную ответственность за продажу товаров, не соответствующих образцам по качеству, выполнение работ либо оказание населению услуг, не соответствующих требованиям нормативных правовых актов, устанавливающих порядок (правила) выполнения работ либо оказания населению услуг (ч.1 ст. 14.4 КоАП РФ).

Законодательство о туризме в России продолжает совершенствоваться и направлено на обеспечение безопасности туристов, защиту их прав и интересов, а также

создание благоприятных условий для развития сферы предоставления туристических услуг в стране. Несмотря на некоторую правовую урегулированность, остаются неразрешенными определенные вопросы. Так, например, корректирования требуют нормы об ответственности туроператоров и турагентов перед потребителями туристских услуг за определенные действия либо, наоборот, бездействия. Кроме того, совершенствование законодательства необходимо и в вопросах страхования туристов. И, наконец, главенствующего внимания требуют вопросы, касающиеся развития именно внутреннего туризма, который в последние годы стал более актуальным для граждан страны.

Говоря о будущем сферы туризма, необходимо констатировать, что оно напрямую связано с созданием эффективного законодательного регулирования. В процессе совершенствования действующих нормативно-правовых актов необходимо, кроме практики регионов государства, ориентироваться на положительный зарубежных и международный опыт, учитывать основные принципы развития этой отрасли. В этом случае российское законодательство о туризме способно стать современным, актуальным и удовлетворить потребности общества.

Результаты диагностики функционирования туристической отрасли государства свидетельствуют о наличии неравномерности развития предпринимательской деятельности на локальных рынках туристских услуг, неоднородной пространственной структ РФ подтверждают необходимость учета пространственно-поляризационных факторов при формировании концепции и реализации стратегии развития национального рынка туристских услуг.

Решение проблем правового регулирования туризма и предоставления туристских услуг в различных видах туризма, например, медицинском или экологическом, требуют комплексного подхода, который должен включать разнообразные и взаимосвязанные правовые, экономические, экологических, организационно-управленческие, технические и иные способы, которые направлены на рациональное использование ресурсов нашей страны.

Проекты изменений и дополнений действующего законодательства о рынке туристских услуг позволят создать новый позитивный туристический имидж для регионов РФ, повысят их конкурентоспособность и инвестиционную привлекательность, также обеспечат увеличение уровня занятости и налоговых поступлений, решат вопросы внутреннего туризма, объемы продажи региональных туристских продуктов, количество туристических маршрутов и сотрудников туристической отрасли.

В условиях быстро меняющейся внешней среды, в которой функционируют субъекты рынка туристских услуг, необходимо учитывать особенности управления его развитием. В создании комплексного туристского продукта задействованы различные субъекты инфраструктуры туризма, а сама туристическая отрасль играет важную роль в социально-экономическом и правовом развитии государства. Это обуславливает необходимость разработки концепции управления развитием рынка туристских услуг. Формирование и реализация концепции должны осуществляться на основе взаимодействия трёх векторов развития: институционально-правового, социально-экономического и интеграционного. Каждый из этих векторов имеет свои специфические цели и задачи.

Для эффективного функционирования туристической отрасли законодательство РФ должно комплексно и системно подходить к данному вопросу:

1) Обеспечить привлечение специалистов в отрасли права, которые обладают специальными знаниями в отношении правового регулирования туристической деятельности с целью разработки качественных нормативных актов, стратегий программ, проведение тренингов и семинаров для субъектов туристической отрасли и лиц, желающих открыть туристическое дело.

2) Определить приоритетные отрасли туризма, которые в экономической сфере могут содействовать увеличению занятости и доходов работающих граждан, увеличению поступлений в бюджет, развитие малого и среднего бизнеса, распространения деловой активности в иных отраслях (транспорт, связь, строительство, торговля и др.).

3) Совершенствование транспортной инфраструктуры, в частности улучшить транспортную доступность к туристическим объектам для отдельных посетителей и организованных групп основными видами транспорта.

Подводя итог, можем сделать вывод о том, что именно законодательное регулирования сферы туризма выступает главным инструментом и одновременно методом регулирования складывающихся правоотношений в этой области. Его дальнейшее развитие будет способствовать повышению качества предоставляемых услуг, устойчивости развития отрасли, обеспечению безопасности туристов и созданию благоприятных условий для развития внутреннего и международного туризма.

Список литературы:

1. Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2019 № 2129-р «О Стратегии развития туризма в РФ на период до 2035 г.». – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72661648/
2. Березовая Л.Г. История туризма и гостеприимства: учебник для академического бакалавриата / Л. Г. Березовая. – М.: Издательство Юрайт, 2017. – 429 с.
3. Егоров В.Е. Динамика права в истории развития организованного туризма в период зарождения // Юридическое образование и наука. – №4. – 2015. – С. 31-34.
4. История туризма в Российской империи, Советском Союзе и Российской Федерации: 1696 г. – современность / Г.П. Долженко, Ю.С. Путрик. Серия «Туризм и сервис» Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», Феникс, 2010. – 304 с.
5. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 25.09.1985 N 915 «О Комплексной программе развития производства товаров народного потребления и сферы услуг на 1986 - 2000 годы» // СП СССР, 1985, № 29, ст. 143.
6. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977). Ведомости ВС СССР, 1977, № 41, ст. 617.
7. Правовое обеспечение туризма: учебник / коллектив авторов; под общ. ред. Е.Л. Писаревского. – М.: Федеральное агентство по туризму, 2014. – 336 с.
8. Отческий И.Е. Защита прав потребителей в обязательствах по возмездному оказанию туристских услуг: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2012. – 151 с.
9. Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ (ред. от 18.04.2018) «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 02.12.1996, № 49, ст. 5491.
10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. – 04.08.2014. – № 31. – Ст. 4398.
11. Помаз Е.А. Должна ли туристическая фирма нести ответственность за действия перевозчиков // Финансовые и бухгалтерские консультации, 2006, № 12, декабрь 2006 г.
12. Федеральный конституционный закон от 17.12.1997 № 2-ФКЗ (ред. от 28.12.2016) «О Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 22.12.1997, № 51, ст. 5712.
13. Губенко Н.Н., Писаревский Е.Л. Туризм в России и за рубежом // Закон. – М.: Известия, 2003, № 4. – С. 3-10.
14. Постановление Правительства РФ от 18.07.2007 № 452 (ред. от 17.10.2014) «Об утверждении Правил оказания услуг по реализации туристского продукта» // Российская газета № 159, 25.07.2007.
15. Постановление Правительства РФ от 16.02.2019 N 158 «Об утверждении Положения о классификации гостиниц» // Собрание законодательства РФ, 25.02.2019, № 8, ст. 786.

16. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 27.06.2018) // Российская газета, № 256, 31.12.2001.

Ponomarenko A.A. Analysis of the formation of legislation on the tourist services market // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. 204–213.

The article examines the process of formation and development of legislation regulating the tourist services market in Russia. The author examines the history of the formation of tourism as a sphere of activity, and also analyzes the main stages of the formation of tourist law in the country. Particular attention is paid to the analysis of the Federal Law "On the Fundamentals of Tourist Activity in the Russian Federation", which is the main regulatory act regulating relations in this area. The author notes that the law has undergone more than 20 editions, but these are not the last amendments. The author emphasizes that state regulation of tourist activity is carried out on the basis of principles aimed at creating conditions for the sustainable development of tourism in Russia, increasing its competitiveness in the world market and ensuring safety and comfort for all participants in the tourist process. The article also examines the issues of delineation of competencies between federal and regional authorities in the field of regulation of tourist activity. In addition, the author considers the issue of administrative and criminal liability of tour operators (travel agents). The article notes that tourism legislation in Russia continues to improve and is aimed at ensuring the safety of tourists, protecting their rights and interests, and creating favorable conditions for the development of tourism in the country. This article is an analysis of the formation and development of legislation in the field of tourism in Russia and emphasizes the need for further improvement of regulatory legal acts governing this area of activity.

Key words: tourism, tourist activity, tour operator, travel agent, tourist product, tourism legislation.

Spisok literatury:

1. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 20.09.2019 № 2129-r «O Strategii razvitiya turizma v RF na period do 2035 g.». – Rezhim dostupa: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72661648/
2. Berezovaya L.G. Istoriya turizma i gostepriimstva: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata / L. G. Berezovaya. – M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2017. – 429 s.
3. Egorov V.E. Dinamika prava v istorii razvitiya organizovannogo turizma v period zarozhdeniya // YUridicheskoe obrazovanie i nauka. – №4. – 2015. – S. 31-34.
4. Istoriya turizma v Rossijskoj imperii, Sovetskom Soyuze i Rossijskoj Federacii: 1696 g. – sovremennost' / G.P. Dolzhenko, YU.S. Putrik. Seriya «Turizm i servis» Rostov n/D: Izdatel'skij centr «MarT», Feniks, 2010. – 304 s.
5. Postanovlenie CK KPSS, Sovmina SSSR ot 25.09.1985 N 915 «O Kompleksnoj programme razvitiya proizvodstva tovarov narodnogo potrebleniya i sfery uslug na 1986 - 2000 gody» // SP SSSR, 1985, № 29, st. 143.
6. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Soyuza Sovetskih Socialisticheskih Respublik (prinyata VS SSSR 07.10.1977). Vedomosti VS SSSR, 1977, № 41, st. 617.
7. Pravovoe obespechenie turizma: uchebnik / kollektiv avtorov; pod obshch. red. E.L. Pisarevskogo. – M.: Federal'noe agentstvo po turizmu, 2014. – 336 s.
8. Otcheskij I.E. Zashchita prav potrebitelej v obyazatel'stvah po vozmezdnomu okazaniyu turistskih uslug: dis. ... kand. yurid. nauk. Moskva, 2012. – 151 s.
9. Federal'nyj zakon ot 24.11.1996 № 132-FZ (red. ot 18.04.2018) «Ob osnovah turistskoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF, 02.12.1996, № 49, st. 5491.
10. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 04.08.2014. – № 31. – St. 4398.
11. Pomaz E.A. Dolzhna li turisticheskaya firma nesti otvetstvennost' za dejstviya perevozchikov // Finansovye i buhgalterskie konsul'tacii, 2006, № 12, dekabr' 2006 g.
12. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 17.12.1997 № 2-FKZ (red. ot 28.12.2016) «O Pravitel'stve Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF, 22.12.1997, № 51, st. 5712.
13. Gubenko N.N., Pisarevskij E.L. Turizm v Rossii i za rubezhom // Zakon. – M.: Izvestiya, 2003, № 4. – S. 3-10.
14. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 18.07.2007 № 452 (red. ot 17.10.2014) «Ob utverzhdenii Pravil okazaniya uslug po realizacii turistskogo produkta» // Rossijskaya gazeta № 159, 25.07.2007.
15. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 16.02.2019 N 158 «Ob utverzhdenii Polozheniya o klassifikacii gostinic» // Sobranie zakonodatel'stva RF, 25.02.2019, № 8, st. 786.
16. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 27.06.2018) // Rossijskaya gazeta, № 256, 31.12.2001.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 214–224.

УДК 342.9

ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 20.3.3 КоАП РФ И СТ. 280.3 УК РФ

Равнюшкин А. В.
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье рассмотрены необходимость и процедура введения в законодательство Российской Федерации административной и уголовной ответственности за публичные действия, дискредитирующие использование Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов страны и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, особенности дальнейшего редактирования новых правовых норм, их взаимная связь. Подчеркнута ведущая роль ч. 1 ст. 20.3.3 КоАП РФ в редактировании, так как ее диспозиция стала ориентиром для изменения соответствующих составов уголовного закона. Статьям 20.3.3 КоАП РФ и 280.3 УК РФ дана правовая характеристика в действующих редакциях. Особое внимание уделено рассмотрению объективных сторон данных деяний. Представлены позиции Верховного Суда и Конституционного Суда Российской Федерации, разъясняющие, в конечном счете, что следует понимать в контексте рассматриваемых норм под публичными призывами и дискредитацией. Благодаря изучению примеров судебной практики, проблемных вопросов квалификации, даны предложения по изменению конструкции ч. 2 ст. 280 УК РФ.

Ключевые слова: дискредитация, Вооруженные силы Российской Федерации, Национальная гвардия Российской Федерации, специальная военная операция, юридическая ответственность.

21.02.2022 г. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным подписал указ о признании независимости Луганской и Донецкой народных республик. На следующий день Совет Федерации Федерального Собрания РФ изданным постановлением № 35 выразил согласие на использование Вооруженных сил Российской Федерации (далее – ВС РФ) на Украине по защите интересов обеих республик. 24 февраля 2022 г. было объявлено о проведении вынужденной специальной военной операции (далее – СВО), целями которых, наряду с выше обозначенной, были названы демилитаризация и денацификация Украины в целях безопасности РФ.

Территориальные органы МВД России стали констатировать многочисленные факты призывов к проведению в стране несанкционированных публичных и других массовых мероприятий, направленных против решений органов власти РФ. В целях предупреждения подобных правонарушений МВД России разместило на официальном интернет-портале информацию с том, что на территории России не отменены ограничительные меры, направленные на борьбу с распространением новой коронавирусной инфекции, а проведение публичных и иных массовых мероприятий запрещено [1]. Тем не менее, по стране прокатились многочисленные несанкционированные акции протеста, связанные, прежде всего, с непониманием целей и задач СВО. Организаторы и участники незаконных публичных мероприятий, а также лица, принявшие участие в массовом одновременном пребывании или передвижении граждан, привлекались к административной ответственности по статьям 20.2 и 20.2.2 КоАП РФ соответственно.

Помимо принятия дополнительных мер по разъяснению гражданам вынужденности проведения СВО, обязанности соблюдения общественного порядка и мер общественной безопасности, на государственном уровне возникло понимание, что необходимы специальные нормы в КоАП и УК РФ, касающиеся административной

и уголовной ответственности за указанные несанкционированные публичные и иные массовые действия, в том числе публичные действия, направленные на дискредитацию использования ВС РФ. 4.04.2022 г. ФЗ № 31 в КоАП РФ была введена ст. 20.3.3, а ФЗ № 32 в УК РФ введена новая ст. 280.3, обладающая административной преюдицией. При повторном в течение года после привлечения к административной ответственности за деяние по ст. 20.3.3 КоАП РФ совершении подобных действий лицо привлекается к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 280.3 УК РФ.

Начала формироваться судебная практика, прежде всего по ст. 20.3.3 КоАП РФ:

«06.03.2022 г. с 14 часов 00 минут до 15 часов 00 минут гражданка Кутилина В.В., находясь на пл. Славы г. Самары, приняла участие в проведении несанкционированного публичного мероприятия в форме митинга, находилась в группе граждан, пришедших выразить протест против использования Вооруженных сил РФ на территории Украины, скандировавших лозунги «Нет войне», чем подрывала доверие к проведению согласия Совета Федерации ФС РФ, утвержденного постановлением от 22.02.2022 №35 – СФ, специальной военной операции по защите граждан ДНР и ЛНР, объявленным решением Президента РФ от 24.02.2022 г., то есть совершила административное правонарушение, предусмотренное ч.1 ст. 20.3.3 КоАП РФ» [2].

25 марта 2022 г. законодатель расширил наименование ст. 20.3.3 КоАП РФ словами «или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях» и диспозицию части первой, где после слов «в указанных целях,» было добавлено «а равно направленные на дискредитацию исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации в указанных целях» [3].

Следует отметить, что еще при внесении пакета документов, включающего и данный законопроект, в Государственную Думу РФ для предварительного рассмотрения, в нем отсутствовали положения, касающиеся ст. 20.3.3 КоАП РФ, так как предусматривал лишь изменения ст. 8.32 КоАП РФ. Соответственно, пояснительная записка о необходимости редакции ст. 20.3.3 КоАП РФ не была подготовлена. Несмотря на то, что проект новой редакции ст. 20.3.3 был внесен только во втором чтении через таблицу поправок, рекомендованных комитетом по государственному строительству и законодательству к принятию [4], является очевидным, что данное новшество направлено на защиту от дискредитации государственных органов РФ, действующих за пределами территории РФ.

Аналогичная ситуация сложилась и при втором редактировании ст. 20.3.3 КоАП РФ [5]. Никаких пояснений о необходимости изменений данной нормы не имелось, но к законопроекту для рассмотрения во втором чтении прилагалась таблица поправок [6]. Согласно внесенным изменениям, была введена административная ответственность за дискредитацию добровольческих формирований, организаций или лиц, оказывающих содействие в выполнении задач, возложенных на ВС РФ. Круг защищаемых лиц расширился.

Наконец, 25.12.2023 г. рассматриваемая статья была подвергнута третьему редактированию [7]. Было изменено название статьи, а в диспозиции первой части уточнено, что подлежит запрету дискредитация оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных не только на ВС РФ, но и войска национальной гвардии РФ [8]. В данном виде редакция действует по настоящее время.

Диспозиция ч. 2 рассматриваемой статьи не менялась.

Собственно, ч. 1 ст. 280.3 УК РФ имела административную преюдицию и была предназначена для защиты от публичных действий, направленных только на дискредитацию использования ВС РФ и от публичных призывов к воспрепятствованию их использования. Вторая часть связью с административной практикой не обладала и предусматривала уголовную ответственность за совершения того же деяния, что и в части первой, но при наступлении определенных последствий.

Федеральным законом от 18 марта 2023 № 58-ФЗ обе части подверглись изменению. Диспозиции обеих частей были дополнены словами: «либо на дискредитацию исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации в указанных целях, а равно на дискредитацию оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации…» [9].

Затем вновь обе части подверглись второй редакции ФЗ от 25.12.2023 № 641-ФЗ, где после слов: «а равно на дискредитацию оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации» было дополнено: «или войска национальной гвардии Российской Федерации» [10]. Следует отметить, что по аналогии с редактированием ст. 20.3.3 КоАП РФ, законопроекты изменений ст. 280.3 УК РФ не сопровождались пояснительными записками, но дополнялись для рассмотрения во втором чтении таблицами поправок [11].

Таким образом, после начала СВО на Украине, законодатель оперативно ввел соответственно в КоАП РФ и УК РФ рассматриваемые нормы, а затем неоднократно их редактировал. При этом диспозиция ч. 1 ст. 20.3.3 редактировалась трижды, а ч. 1 ст. 280.3 – дважды. Разумеется, внимание законодателя, в первую очередь, было обращено на ч. 1 ст. 20.3.3 КоАП РФ, диспозиция которой стала ориентиром для изменения соответствующих составов уголовного закона. После неоднократных редактирований составы ст. 20.3.3 КоАП РФ и ст. 280.3 УК РФ выглядят вполне согласованными.

Однако, прежде чем обратиться к проблемам квалификации и правоприменению обеих статей в КоАП РФ и УК РФ, необходимо рассмотреть их правовую характеристику, тем более что во многом данные деяния совпадают. Следует начать с ч. 1 ст. 20.3.3 КоАП РФ. Видовым объектом данной нормы является общественный порядок и общественная безопасность, непосредственным – общественные отношения в сфере обеспечения должного состояние и функционирования ВС РФ и государственных органов РФ, которые соответственно используются и осуществляют свои полномочия в целях защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, а также состояния и деятельности добровольческих формирований, организаций или лиц, которые оказывают содействие в выполнении задач, возложенных на ВС РФ или войска национальной гвардии. Данная норма направлена на обеспечение нормального состояния и эффективной деятельности перечисленные органов, на защиту их авторитета и поддержание доверия.

Деяния в ч. 1 совершаются в виде действий, а именно публичных действий, направленные на дискредитацию, в том числе публичных призывов.

Что следует понимать под публичными призывами, указано в п. 4 Постановления, однако применительно к ст. 280 УК РФ: «… выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности» [12]. Соответственно, применительно к ч. 1 ст. 20.3.3 КоАП РФ под публичными призывами понимается выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к воспрепятствованию использования ВС РФ.

Сложнее обстоит дело с публичными действиями, направленными на дискредитацию. В уголовном законе оно упоминается только в рассматриваемой статье, а в УК РФ – в ст. 280.3. Во-первых, необходимо определиться с лексемой «публичные действия», во-вторых – с тем, что понимается под «дискредитацией». Отсутствие определений данных понятий порождает неоднозначность в их понимании, что обусловило обращения привлекаемых к ответственности лиц в судебные инстанции с целью признания новых норм противоречащими Конституции РФ.

30 мая 2023 г. в своем Определении Конституционный Суд РФ указал, что «Понятие «публичный характер» является в определенной степени оценочным с учетом многообразия форм придания действиям публичного характера в современном информационном обществе… Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях не определяет специальным образом понятие дискредитации для целей его статьи 20.3.3 , и, соответственно, данному понятию не придается какого-то особого, отличного от общепринятого значения дискредитации, под которой понимается подрыв доверия отдельных граждан и общества в целом к кому-либо, к чьим-либо действиям (деятельности). Объективное многообразие форм действий, направленных на такой подрыв доверия (лингвистических, визуальных и других), позволяет законодателю в данном случае не конкретизировать понятие дискредитации, поскольку направленность носящих публичный характер действий именно на таковую подлежит установлению при рассмотрении дела о соответствующем административном правонарушении» [13].

Никакого специального определения данному понятию ни КоАП РФ, ни в УК РФ нет. Поэтому под публичными действиями, направленными на дискредитацию, следует понимать любые открытые, гласные действия, направленные на умаление авторитета и снижения доверия. По смыслу рассматриваемых правовых норм дискредитируется сам факт соответствующих действий защищаемых объектов: использования, исполнения полномочий, оказания содействия.

В то же время в ходе проверки сообщений или во время производства по ст. 20.3.3 КоАП РФ не исключено проведение экспертиз, в том числе комплексной психолого-лингвистической судебной экспертизы, конкретных случаев дискредитации. Подобная экспертиза может быть назначена, когда материалы о дискредитации являются неоднозначными и спорными, и проводится для определения их содержание и направленности. При этом учитывается контекст их размещения и обстоятельств, в которой они использовались [14]. Согласно специальной методике, эксперты выясняют, содержатся ли в исследуемых материалах лингвистические и психологические признаки убеждения адресата в негативном характере использования вооруженных сил или действий государственных органов; содержится ли в исследуемом материале совокупность психологических и лингвистических признаков побужде-

ния к противодействию использования и действий последних [15]. По результатам исследования даются ответы на вопросы, о теме высказывания, оценка того, о чем говориться, о цели высказывания. Исследуемый материал сравнивается со сравнительными образцами по всем типам признаков (тематические, оценочные, целевые) и по всему объему признаков (психологических и лингвистических). Такие экспертизы являются вполне объективными.

Следует отметить, что по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 20.3.3 КоАП РФ, экспертизы, как правило, не проводятся. Если дискредитация осуществлялась через сеть «Интернет», достаточным является приобщение скриншотов с интернет – ресурсов, транслирующих негативное отношение к проводимой СВО ВС РФ [16], либо справки об исследовании, подготовленные сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений [17]. Даже наличие заключения экспертизы в материалах дела не значит, что судья при рассмотрении дела будет руководствоваться только данным заключением, так как доказательства оцениваются в их совокупности. В качестве примера можно привести одно из судебных решений по делу, в котором имелось экспертное заключение. В решении констатируется, что «оценка действий лица в качестве дискредитации государственных органов Российской Федерации относится к вопросам юридическим, что в полном объеме может быть разрешено судом при рассмотрении дела. Соответствующая экспертиза может быть проведена при возникновении сомнений, однако при оценке обстоятельств настоящего дела, какие-либо сомнения о виновности Балтрукова Д.Н. в совершении административного правонарушения отсутствуют. Основания для проведения лингвистической экспертизы в соответствии со статьей 26.4 КоАП РФ суд второй инстанции не находит» [18]. По конструкции объективной стороны состав правонарушения – формальный. Субъектом административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.3.3 КоАП РФ, является физическое лицо, достигшее к моменту совершения административного правонарушения 16-летнего возраста, обязательно наличие вины в форме умысла.

Согласно диспозиции ч. 2 ст. 20.3.3 КоАП РФ административная ответственность наступает за совершение тех же действий, что и по ч. 1 статьи, но при условии, если они сопровождались призывами к проведению несанкционированных публичных мероприятий, а равно создавали угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи.

Несмотря на то, что диспозиция ч. 2 рассматриваемой статьи является более расширенной по сравнению с диспозицией ч. 1, состав, предусмотренный данной нормой, остается формальным. Примером практики привлечения к ответственности по ч. 2 ст. 20.3.3 КоАП РФ служит дело в отношении жителя Кемеровской области, который не только совершил публичные действия по дискредитации, но и активно призывал принять участие в несанкционированном публичном мероприятии [19].

Ст. 280.3 УК РФ была размещена в гл. 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства». Соответственно видовым объектом являются основы конституционного строя и государственная безопасность.

Непосредственный объект – тот же, что и в ч. 1 ст. 20.3.3 КоАП РФ. Диспозиция ч. 1 ст. 280.3 УК РФ фактически полностью идентична диспозиции ч. 1. ст. 20.3.3 КоАП РФ, за исключением дополнения, что к уголовной ответственности лицо привлекается после его привлечения к административной ответственности за подобное деяние в течение одного года. В виду последнего, отсутствует необходимость дополнительно рассматривать объективную сторону. Следует лишь согласиться с мнением, что дискредитирующая информация не соответствует действительности, так как она искаженная и неточная [20, с. 90]. В тоже время необходимо отметить, что рассматриваемая уголовная норма обладает административной преюдицией не только к ч. 1, но и ч. 2 ст. 20.3.3 КоАП РФ.

В отличие от административной практики, при проверке и расследовании преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 280.3 УК РФ, правоприменители чаще обращаются к результатам экспертизы.

Вот пример судебного решения, которое опиралось в том числе на результаты экспертизы: «… ФИО6, будучи привлеченным к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года, то есть за совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 20.3.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях, заведомо зная, что с (дата) Вооруженными силами Российской Федерации проводится специальная военная операция на территории Республики Украина, не разделяя декларируемых Президентом Российской Федерации, а также Министерством обороны Российской Федерации целей и задач специальной военной операции, являясь противником её проведения, действуя умышленно, с целью дискредитации использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации …, (дата) не позднее 14 часов 46 минут, находясь в неустановленном месте на территории г. Новгорода, используя неустановленное техническое оборудование с доступом в сеть Интернет, открыл свою личную страницу https://(марка обезличена) (Ilja (марка обезличена)) в социальной сети «ВКонтакте», перешел на страницу открытой группы «Нижегородское Гражданское Движение» (URL(марка обезличена)), администратором которой являлся, и достоверно зная, что все публикации в указанной группе с момента их размещения демонстрируются неопределенному кругу лиц, (дата), в 14 часов 46 минут, разместил в открытом доступе и продемонстрировал неопределенному кругу лиц публикацию с графическим изображением с текстом «Нет войне», имеющую URL-адрес https://(марка обезличена), к которой написал текстовое сопровождение «Антивоенные граффити», тем самым умышленно совершил публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации….

В соответствии с заключением экспертов №...Э-22 от (дата):

1. Сам факт размещения вышеуказанной публикации в социальной сети «Вконтакте» в сообществе «Нижегородской Гражданское Движение» в открытом доступе, ее предназначенность для неопределенно широкой аудитории всех лиц, которые могут получить доступ к этому материалу, и обращенность ко всем пользователям сети Интернет в целом свидетельствуют о публичности действий пользователя социальной сети «В Контакте», разместившего публикацию в сообществе «Нижегородское Гражданское Движение».

2. Вышеуказанная публикация обладает признаками дискредитации использования ВС РФ.

3. Вышеуказанная публикация содержит лингвистические и политологические признаки публичного призыва, содержание призыва – побуждение к воспрепятствованию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, в том числе мобилизации.

4. Вышеуказанная публикация содержит призыв к воспрепятствованию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности.

5. Вышеуказанная публикация содержит признаки информационно-психологического воздействия» [21].

Следует отметить, что конкретных случаев дискредитации оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на ВС РФ или войска национальной гвардии Российской Федерации, зафиксированных в судебных решениях, фактически нет, по крайней мере, в открытых источниках не найдено ни одного прецедента. Это обусловлено, в том числе тем, что данная формулировка была добавлена в диспозиции обеих частей рассматриваемой статьи относительно недавно, в декабре 2023 года и правоприменительная практика находится только в начале пути.

Приступая к рассмотрению характеристики ч. 2 ст. 280.3 УК РФ, следует отметить, что деяния в обеих частях совершаются в виде идентичных действий, а именно публичных действий, направленные на дискредитацию, в том числе публичных призывов.

В отличие от ч. 1, состав, предусмотренный частью 2 рассматриваемой статьи, является материальным. Последствия альтернативные: смерть по неосторожности и (или) причинение вреда здоровью граждан, имуществу, массовые нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо создавшие помехи функционированию или прекращение функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи.

Стоит согласиться с мнением, что указанные последствия являются разными по степени общественной опасности, и может быть, действительно, законодателю не стоило их объединять в одной части, так как смерть человека – это невосполнимая потеря, а вред имуществу можно компенсировать [22, с. 158]. Вызывает сложность в применении и тот факт, что большинство перечисленных последствий больше нигде в уголовном законе не указаны.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 280.3 УК РФ, является вменяемое физическое лицо, достигшее в соответствии с 1. 2 ст. 20 УК РФ к моменту совершения преступления 16-летнего возраста. Несмотря на то, что деяние, предусмотренное ч. 2 рассматриваемой статьи, включает в себя вышеперечисленные опасные последствия, законодатель не снизил возрастную планку.

Рассматриваемое преступление совершается умышленно. Лицо осознает общественную опасность публичных действий, направленных на дискредитацию использования ВС РФ и т.д., предвидит возможность или неизбежность умаление авторитета и снижения доверия к ним и желает наступления таких последствий. Кроме то-

го, деяние по ч. 2 включает в себя вторую форму вины, неосторожность, если его последствием является смерть. По отношению же к другим указанным последствиям форма вины может быть, как умышленной, так и неосторожной.

Во всех диспозициях рассматриваемых норм обязательным признаком деяния выступает цель. Однако это не цель, которую стремиться достичь субъект, а цель использования ВС РФ и исполнения государственными органами РФ своих полномочий. Стоит согласиться с мнением, что подобная формулировка не характеризует противоправный характер деяния. Она, наоборот, раскрывает сущность правомерного использования за пределами территории РФ ее Вооруженных сил и государственных органов [23, с. 137]. Это первый прецедент в юридической технике, что по праву необходимо признать новшеством. Соответственно субъект стремится нивелировать достижение ВС РФ, органами власти и т.д. своих целей.

Таким образом, по сути рассматриваемые деяния имеют экстремистский характер, так как, исходя из их смысла, направлены, прежде всего, против интересов РФ и ее граждан, а именно на раскол общества, на умаление авторитета, снижение доверия и оценки использования вооруженных сил и действий государственных органов, которые принудительно навязываются гражданам и обществу.

Объективную сторону составляют деяния в виде разнообразных публичных действий, направленных на дискредитацию. Несмотря на отсутствие разъяснений ВС РФ и обзора практики по поводу применения рассматриваемых норм, что порождает известную неоднозначность в квалификации, КС РФ была выражена достаточно определенная позиция по тому, что следует считать такими действиями. Специальное определение в виде примечания к статьям, так же не появилось. В данном случае мотивы не является обязательным признаком субъективной стороны преступного деяния. Возникает вопрос по поводу содержания ч. 2 ст. 280.3 УК РФ, предусматривающей определенные последствия. Необходимо ввести дополнительную, третью часть, предполагающую более суровое наказание за причинение смерти по неосторожности в результате рассматриваемых преступных действий.

Список литературы:

1. Официальная информация МВД России от 24 февраля 2022 г. 16:46 // Информационный интернет-портал «МВД МЕДИА». URL: https://mvdmedia.ru/news/official/ofitsialnaya-infssormatsiya-mvd-rossii (дата обращения: 23.08.2024).
2. Постановление Ленинского районного суда г. Самары от 14 марта 2022 № 5-459/2022 по ч. 1 ст. 20.3.3 КоАП РФ в отношении Кутилиной В.В. // Ленинский районный суд г. Самары: официальный сайт. URL: https://leninsky--sam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op =case&_id=284343825&_uid=4ee0cef6-2fde-4ba1-8148-d147baef76ce&_deloId=1500001&_caseType= 0&_new=0&srv_num=1 (дата обращения: 23.08.2024).
3. О внесении изменений в статьи 8.32 и 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушения: Федеральный закон от 25 марта 2022 №62-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_412673/#dst100011 (дата обращения: 23.08.2024).
4. О внесении изменений в статьи 8.32 и 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (в части разграничения административной и уголовной ответственности за нарушения правил пожарной безопасности в лесах, а также за публичные действия, направленные на дискредитацию исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации): законопроект №9732-8 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/9732-8 (дата обращения: 23.08.2024).
5. О внесении изменений в статьи 13.15 и 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушения: Федеральный закон от 18 марта 2023 №57-ФЗ // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_442342/#dst100011 (дата обращения: 23.08.2024).
6. О внесении изменений в статьи 13.15 и 20.3-3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (в части установления административной ответственности за распространение в средствах массовой информации сведений, содержащих инструкции по незаконному изготовлению

боеприпасов к огнестрельному оружию, и уточнения ответственности за дискредитацию добровольческих формирований): законопроект № 253972-8. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/253972-8 (дата обращения: 23.08.2024).
7. О внесении изменений в статьи 20.3.1. и 20.3.3. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (об уточнении ответственности за действия, связанные с возбуждением ненависти или вражды, а также за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации, добровольческих формирований и лиц, содействующих в выполнении задач, возложенных на войска национальной гвардии): законопроект № 529672-8. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/529672-8 (дата обращения: 23.08.2024).
8. О внесении изменений в статью 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 25 декабря 2023 № 640-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_465447/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100010 (дата обращения: 23.08.2024).
9. О внесении изменений в Уголовный Кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 марта 2023 № 58-ФЗ [Электронный ресурс]// Доступ из СПС ГАРАНТ: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_442341/ (дата обращения: 23.08.2024).
10. О внесении изменений в Уголовный Кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 25 декабря 2023 № 641-ФЗ [Электронный ресурс]// Доступ из СПС ГАРАНТ: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_465449/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100014 (дата обращения: 23.08.2024).
11. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части уточнения ответственности за незаконное проникновение на охраняемый объект, а также за распространение заведомо ложной информации об оказании добровольческими формированиями содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации): законопроект № 218171-8. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/218171-8 (дата обращения: 23.08.2024).
12. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 № 11 (ред. от 28.10.2021). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/?ysclid=m06kzqwi2j138890909 (дата обращения: 23.08.2024).
13. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лагодича Константина Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью 2 статьи 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30 мая 2023 года // Конституционный Суд Российской Федерации: сайт. URL: https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision688925.pdf (дата обращения: 23.08.2024).
14. Об особенностях комплексных психолого-лингвистических судебных экспертиз информационных материалов, связанных с публичной дискредитацией использования Вооруженных Сил Российской Федерации: методическое письмо (утв. ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, протокол от 17 июня 2022 №2) // Законы, Кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации: сайт. URL: https://legalacts.ru/doc/metodicheskoe-pismo-ob-osobennostjakh-kompleksnykh-psikhologo-lingvisticheskikh-sudebnykh-ekspertiz-informatsionnykh (дата обращения: 23.08.2024).
15. Третьяков А. Обзор писем Минюста об экспертизах по новым статьям о дискредитации // Право.ru: сайт. URL: https://pravo.ru/story/242426 / (дата обращения: 23.08.2024).
16. Постановление Тверского районного суда г. Москвы от 8 сентября 2022 г. № 5-2013/2022 // Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы: сайт. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/tverskoj/cases/docs/content/219dc4e0-3009-11ed-b027-3b9127ce768d (дата обращения: 23.08.2024).
17. Постановление Пресненского районного суда г. Москвы от 6 октября 2022 г. по делу № 5-1212/2022 // Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы: сайт. URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/af41d690-09cc-11ee-ab52-9151df677ebc (дата обращения: 23.08.2024).
18. Решение Санкт-Петербургского городского суда от 6 декабря 2022 г. по делу № 12-4382/2022 // Судебные решения РФ: сайт. URL: https://судебныерешения.рф/73681401 (дата обращения: 23.08.2024).
19. Жителя Кузбасса оштрафовали по новой статье КоАП о дискредитации армии // Информационное агентства «РИА новости»: сайт. URL: https://ria.ru/20220306/shtraf-1776928938.html (дата обращения: 23.08.2024).
20. Мурадян, С. В. Вопросы применения статьи 280.3 УК РФ о дискредитации использования Вооруженных Сил Российской Федерации или исполнения государственными органами своих полномочий / С. В. Мурадян // Криминологический журнал. – 2023. – № 1. – С. 87-94.
21. Приговор Советского районного суда г. Новгорода № 1-169/2023 от 22 декабря 2023 г. по делу № 1-169/2023 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/1Aidq9qIqylB/ (дата обращения: 23.08.2024).
22. Литвяк, Л. Г. Анализ некоторых признаков состава преступления, предусмотренного ст. 280.3 УК РФ / Л. Г. Литвяк // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 12. – С. 156-159.

23. Мартыненко, Н. Э. Актуализация вопросов юридической техники применительно к ст.ст. 207.3, 280.3 УК РФ / Н. Э. Мартыненко, Е. А. Усачева // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16, № 7. – С. 136-140.

Ravnushkin A.V. Legal characteristics and problematic issues of qualification of acts provided for in Articles 20.3.3 of the Administrative Code of the Russian Federation and Article 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. 214–224.

The scientific article examines the need and procedure for introducing administrative and criminal liability into the legislation of the Russian Federation for public actions discrediting the use of the Armed Forces of the Russian Federation in order to protect the interests of the country and its citizens, maintain international peace and security, the specifics of further editing new legal norms, their mutual relationship. The leading role of Part 1 of Article 20.3.3 of the Administrative Code of the Russian Federation in editing is emphasized, since its disposition has become a guideline for changing the relevant constitutions of the criminal law. Articles 20.3.3 of the Administrative Code of the Russian Federation and 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation are given a legal description in the current editions. Special attention is paid to the consideration of the objective sides of these acts. The positions of the Supreme Court and the Constitutional Court of the Russian Federation are presented, explaining, ultimately, what should be understood in the context of the norms under consideration by public appeals and discrediting. Thanks to the study of examples of judicial practice, problematic issues of qualification, proposals are given to change the design of part 2 of Article 280 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: discrediting, Armed Forces of the Russian Federation, National Guard of the Russian Federation, special military operation, legal responsibility.

Spisok literatury:

1. Oficial'naya informaciya MVD Rossii ot 24 fevralya 2022 g. 16:46 // Informacionnyj internet-portal «MVD MEDIA». URL: https://mvdmedia.ru/news/official/ofitsialnaya-infssormatsiya-mvd-rossii (data obrashcheniya: 23.08.2024).
2. Postanovlenie Leninskogo rajonnogo suda g. Samary ot 14 marta 2022 № 5-459/2022 po ch. 1 st. 20.3.3 KoAP RF v otnoshenii Kutilinoj V.V. // Leninskij rajonnyj sud g. Samary: oficial'nyj sajt. URL: https://leninsky--sam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_id=284343825&_uid=4ee0cef6-2fde-4ba1-8148-d147baef76ce&_deloId=1500001&_caseType=0&_new=0&srv_num=1 (data obrashcheniya: 23.08.2024).
3. O vnesenii izmenenij v stat'i 8.32 i 20.3.3 Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniya: Federal'nyj zakon ot 25 marta 2022 №62-FZ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_412673/#dst100011 (data obrashcheniya: 23.08.2024).
4. O vnesenii izmenenij v stat'i 8.32 i 20.3.3 Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah (v chasti razgranicheniya administrativnoj i ugolovnoj otvetstvennosti za narusheniya pravil pozharnoj bezopasnosti v lesah, a takzhe za publichnye dejstviya, napravlennye na diskreditaciyu ispolneniya gosudarstvennymi organami Rossijskoj Federacii svoih polnomochij za predelami territorii Rossijskoj Federacii): zakonoproekt №9732-8 // Sistema obespecheniya zakonodatel'noj deyatel'nosti. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/9732-8 (data obrashcheniya: 23.08.2024).
5. O vnesenii izmenenij v stat'i 13.15 i 20.3.3 Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniya: Federal'nyj zakon ot 18 marta 2023 №57-FZ // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_442342/#dst100011 (data obrashcheniya: 23.08.2024).
6. O vnesenii izmenenij v stat'i 13.15 i 20.3-3 Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah (v chasti ustanovleniya administrativnoj otvetstvennosti za rasprostranenie v sredstvah massovoj informacii svedenij, soderzhashchih instrukcii po nezakonnomu izgotovleniyu boepripasov k ognestrel'nomu oruzhiyu, i utochneniya otvetstvennosti za diskreditaciyu dobrovol'cheskih formirovanij): zakonoproekt № 253972-8. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/253972-8 (data obrashcheniya: 23.08.2024).
7. O vnesenii izmenenij v stat'i 20.3.1. i 20.3.3. Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah (ob utochnenii otvetstvennosti za dejstviya, svyazannye s vozbuzhdeniem nenavisti ili vrazhdy, a takzhe za publichnye dejstviya, napravlennye na diskreditaciyu ispol'zovaniya Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii, dobrovol'cheskih formirovanij i lic, sodejstvuyushchih v vypolnenii zadach, vozlozhennyh na vojska nacional'noj gvardii): zakonoproekt № 529672-8. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/529672-8 (data obrashcheniya: 23.08.2024).
8. O vnesenii izmenenij v stat'yu 20.3.3 Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah: Federal'nyj zakon ot 25 dekabrya 2023 № 640-FZ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_465447/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100010 (data obrashcheniya: 23.08.2024).

9. O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj Kodeks Rossijskoj Federacii: federal'nyj zakon ot 18 marta 2023 № 58-FZ [Elektronnyj resurs]// Dostup iz SPS GARANT: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_442341/ (data obrashcheniya: 23.08.2024).
10. O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj Kodeks Rossijskoj Federacii: federal'nyj zakon ot 25 dekabrya 2023 № 641-FZ [Elektronnyj resurs]// Dostup iz SPS GARANT: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_465449/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100014 (data obrashcheniya: 23.08.2024).
11. O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii (v chasti utochneniya otvetstvennosti za nezakonnoe proniknovenie na ohranyaemyj ob"ekt, a takzhe za rasprostranenie zavedomo lozhnoj informacii ob okazanii dobrovol'cheskimi formirovaniyami sodejstviya v vypolnenii zadach, vozlozhennyh na Vooruzhennye Sily Rossijskoj Federacii): zakonoproekt № 218171-8. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/218171-8 (data obrashcheniya: 23.08.2024).
12. O sudebnoj praktike po ugolovnym delam o prestupleniyah ekstremistskoj napravlennosti: postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 28 iyunya 2011 № 11 (red. ot 28.10.2021). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/?ysclid=m06kzqwi2j138890909 (data obrashcheniya: 23.08.2024).
13. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Lagodicha Konstantina Sergeevicha na narushenie ego konstitucionnyh prav chast'yu 2 stat'i 20.3.3 Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah: opredelenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 30 maya 2023 goda // Konstitucionnyj Sud Rossijskoj Federacii: sajt. URL: https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision688925.pdf (data obrashcheniya: 23.08.2024).
14. Ob osobennostyah kompleksnyh psihologo-lingvisticheskih sudebnyh ekspertiz informacionnyh materialov, svyazannyh s publichnoj diskreditaciej ispol'zovaniya Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii: metodicheskoe pis'mo (utv. FBU RFCSE pri Minyuste Rossii, protokol ot 17 iyunya 2022 №2) // Zakony, Kodeksy i normativno-pravovye akty Rossijskoj Federacii: sajt. URL: https://legalacts.ru/doc/metodicheskoe-pismo-ob-osobennostjakh-kompleksnykh-psikhologo-lingvisticheskikh-sudebnykh-ekspertiz-informatsionnykh (data obrashcheniya: 23.08.2024).
15. Tret'yakov A. Obzor pisem Minyusta ob ekspertizah po novym stat'yam o diskreditacii // Pravo.ru: sajt. URL: https://pravo.ru/story/242426 / (data obrashcheniya: 23.08.2024).
16. Postanovlenie Tverskogo rajonnogo suda g. Moskvy ot 8 sentyabrya 2022 g. № 5-2013/2022 // Oficial'nyj portal sudov obshchej yurisdikcii g. Moskvy: sajt. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/tverskoj/cases/docs/content/219dc4e0-3009-11ed-b027-3b9127ce768d (data obrashcheniya: 23.08.2024).
17. Postanovlenie Presnenskogo rajonnogo suda g. Moskvy ot 6 oktyabrya 2022 g. po delu № 5-1212/2022 // Oficial'nyj portal sudov obshchej yurisdikcii g. Moskvy: sajt. URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/af41d690-09cc-11ee-ab52-9151df677ebc (data obrashcheniya: 23.08.2024).
18. Reshenie Sankt-Peterburgskogo gorodskogo suda ot 6 dekabrya 2022 g. po delu № 12-4382/2022 // Sudebnye resheniya RF: sajt. URL: https://sudebnyeresheniya.rf/73681401 (data obrashcheniya: 23.08.2024).
19. Zhitelya Kuzbassa oshtrafovali po novoj stat'e KoAP o diskreditacii armii // Informacionnoe agentstva «RIA novosti»: sajt. URL: https://ria.ru/20220306/shtraf-1776928938.html (data obrashcheniya: 23.08.2024).
20. Muradyan, S. V. Voprosy primeneniya stat'i 280.3 UK RF o diskreditacii ispol'zovaniya Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii ili ispolneniya gosudarstvennymi organami svoih polnomochij / S. V. Muradyan // Kriminologicheskij zhurnal. – 2023. – № 1. – S. 87-94.
21. Prigovor Sovetskogo rajonnogo suda g. Novgoroda № 1-169/2023 ot 22 dekabrya 2023 g. po delu № 1-169/2023 // Sudebnye i normativnye akty RF: sajt. URL: https://sudact.ru/regular/doc/1Aidq9qIqylB/ (data obrashcheniya: 23.08.2024).
22. Litvyak, L. G. Analiz nekotoryh priznakov sostava prestupleniya, predusmotrennogo st. 280.3 UK RF / L. G. Litvyak // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. – 2023. – № 12. – S. 156-159.
23. Martynenko, N. E. Aktualizaciya voprosov yuridicheskoj tekhniki primenitel'no k st.st. 207.3, 280.3 UK RF / N. E. Martynenko, E. A. Usacheva // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. – 2023. – T. 16, № 7. – S. 136-140.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 225–234.

УДК 342.92

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В СТРАНАХ СНГ: ПРОБЛЕМАТИКА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ

Сильванович Ю. Н.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В статье рассматривается вопрос об обоснованной необходимости формирования единообразного подхода в понимании сущности административной юстиции в контексте общемирового опыта. Предложена авторская классификация государств-членов СНГ по вопросам осуществления административного судопроизводства на их территории, в результате чего были выделены три группы: - страны, осуществляющие административное судопроизводство в рамках гражданского процесса (Беларусь); - страны, осуществляющие административное судопроизводство при помощи специализированных административных органов (Армения); государства с переходной формой (Казахстан). Также обоснована необходимость использования опыта государств и предложено решение проблемы ограниченности возможностей защиты законных интересов в сфере административной юстиции на примере Республики Беларусь. В качестве решения проблемы было предложено заимствование положений ч. 8 ст. 75 Федерального закона РФ № 67 «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» с последующим закреплением позиции, в соответствии с которой предварительное обращение в вышестоящую комиссию, избирательную комиссию с целью обжалования административного решения не является обязательным условием для обращения в суд.

Ключевые слова: административное судопроизводство, страны СНГ, зарубежный опыт, правовая справедливость, Республика Беларусь, Республика Армения, Республика Казахстан, предварительное обращение, административная юстиция.

Исходя из основополагающих идей существования правовых государств в мире, большинство стран признают и активно поддерживают идею гарантированности защиты прав и свобод человека и гражданина, в том числе в сфере возможного взаимодействия с властными субъектами. В связи с этим, помимо существования отлаженного механизма взаимодействия государства и общества возникает необходимость в комплексном функционировании института, способного обеспечить защиту интересов наиболее уязвимой стороны рассматриваемых отношений. Совокупность изложенных факторов обусловила необходимость существования административной юстиции.

Административная юстиция в рамках российского и зарубежного права представлена в собственном развитии как практически не изученная система, и это доктринально-правовое несовершенство порождает недоступность формирования важных и единых концептуальных подходов, содействующих всеохватывающему знанию сопутствующих правовых явлений. Совокупность исторически сформировавшихся посылов всевозможных моделей появления и развития административной юстиции, а также их дальнейшего влияния на все основополагающие сферы общественной жизни обуславливает значительную разрозненность в понятийной и нормативной среде, а также невозможность единообразного изучения места и роли административной юстиции, будь она признана лишь отдельно взятой правовой составляющей общей системы правосудия, или же целым правовым институтом.

По итогу, на сегодняшний день глобальная (мировая) юстиция не способна не только сформировать наиболее оптимальную форму (либо несколько доминирую-

щих форм, разница между которыми была бы обусловлена наличием особых географических и исторических особенностей) реализации административного судопроизводства (будь то осуществление правосудия специализированным квазисудебным органом или же судом общей юрисдикции), но и, ввиду недоступности целостного подхода в теоретико-правовом анализе, с точностью (а не только на уровне доктринальных предположений) определить, собственно, что же под собой предполагает такое правовое явление как административная юстиция.

Мировая юстиция в наиболее общем ее понимании рассматривается в нескольких смыслах: анализ юстиции через призму социальной справедливости. Социальная справедливость в подразумеваемом контексте означает прекращение всех видов социального неравенства, а также предоставление равных возможностей для всех; политическая справедливость (подразумевает необходимость предоставления всем гражданам равных политических прав и возможностей принимать участие в управлении страной); правовая справедливость. Последняя имеет два измерения: формулировка справедливых законов и отправление правосудия в соответствии с ними. Создавая законы, нельзя применять волю правителей к управляемым. Законы должны основываться на общественном мнении и общественных потребностях с учетом основных социальных ценностей, морали и концепции справедливого и несправедливого.

Все рассмотренные нами ранее составные элементы справедливости в полном объеме отражаются и при реализации административного правосудия.

Административная юстиция представляет собой своего рода правовые рамки, в пределах которых осуществляется государственное управление. Необходимо отметить, что становление и развитие моделей административной юстиции является результатом последовательной реализации идеи разделения властей, создания баланса личных и общественных интересов. Причину существования подобных моделей можно увидеть в отличных концепциях права, которых придерживаются правовые доктрины уставной и прецедентной систем права. При этом, видится, что наиболее обширным, способным охватить большинство исторически сложившихся правовых особенностей государств мира, и оттого – наиболее удачным является подход к определению моделей административной юстиции через призму правовых особенностей, обусловленных территориальными и общественными предпосылками.

Государства, возникшие на территории бывшего Советского Союза, преодолели достаточно долгий и тяжелый путь от тоталитарного к демократическому режиму. И, несмотря на всю общность их исторического происхождения, каждое из государств избрало особый путь к становлению своих моделей правового регулирования различных отраслей общественной жизни. Также не остался в стороне и вопрос модели административного судопроизводства.

В наиболее общем виде все государства – члены СНГ в отношении путей осуществления административного судопроизводства на своей территории представляется разделить на три группы: страны, осуществляющие административное судопроизводство в рамках гражданского процесса (например – РФ, Беларусь); страны, осуществляющие административное судопроизводство при помощи специализированных административных органов (например: Литва, Украина, Армения); страны «переходного типа» (например – Казахстан).

Каждой выделенной группе присущи определенные особенности, в связи с чем имеется возможность в выявлении наличия преимуществ и недостатков каждой из них.

Ярким примером государства, в котором административная юстиция осуществляется в рамках гражданского процесса, является Республика Беларусь.

Судебная власть в Беларуси принадлежит судам. Однако политические рычаги влияния на суды и полная подконтрольность финансирования позволяют с уверенностью говорить об ограниченности в Беларуси принципа независимой судебной системы.

В соответствии с абз. 3 с. 2 Кодекса Республики Беларусь от 29.06.2006 г. № 139-З «О судоустройстве и статусе судей»: «Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, уголовного, административного судопроизводства и судопроизводства по экономическим делам» [1]. Основными источниками права, регулирующими вопросы в сфере реализации административной юстиции, остаются ГПК РБ от 11.01.1999 г. № 238-З и Хозяйственный процессуальный Кодекс РБ от 15.12.1998 г. № 219-З.

Следует отметить, что ПИКоАП РБ в своих положениях не использует термин «административное судопроизводство», руководствуясь лишь общим понятием «административный процесс» [2]. Помимо общих и хозяйственных судов, эти категории споров уполномочены рассматривать и иные территориальные органы власти. В данных судах анализируемые категории административных споров рассматриваются по общим правилам гражданского судопроизводства, однако с учетом положений специализированных норм, применимым в каждом отдельно взятом случае.

Подтверждением тому можно привести положения п. 5 решения Конституционного Суда Республики Беларусь от 20.01.2016 г. №Р-1028/2016 «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2015 году», в соответствии с которым: «исходя из специфики взаимоотношений между гражданином и государством, требуется введение специализированного административного судопроизводства, определяющего порядок рассмотрения споров между гражданами и государством в лице государственных органов и должностных лиц» [3].

Проведенный анализ, тем не менее, заставляет усомниться в необходимости реализации подобного рода законодательной инициативы. Прежде всего, – это вопрос целесообразности проведения столь масштабного законотворческого процесса, учитывая тот факт, что вновь созданный кодекс в большей степени будет представлять собой заимствованный либо вовсе отсылочный документ к уже устоявшимся и апробированным нормам ГПК РБ и ХПК РБ.

Следующая проблема является следствием предыдущей и заключается в появлении трудностей и явных противоречий при попытке разграничения предметов ведения между вновь созданным кодексом и отдельными положениями ГПК РБ, ХПК РБ и ПИКоАП РБ. Видится, что в случае создания кодекса административного судопроизводства данный нормативный акт вовсе упразднит ныне действующий ПИКоАП РБ и последний войдет в состав нового законодательного проекта.

Положения Кодекса РБ № 139-З «О судоустройстве и статусе судей» позволяют создавать любые специализированные суды. Стоит отметить позицию Президента Беларуси – Александра Лукашенко. Последний в одном из своих посланий к народу отметил, что: «Надо активно двигаться к моделям, уже апробированным в мире, – суду присяжных, административным судам. Последнее особенно важно для граждан. В этом случае им не придется годами искать правду в госорганах. Именно такие суды призваны разрешить споры между гражданами и чиновниками. Как показывает мировой опыт, они помогают сломать круговую поруку чиновников и защитить обычного, простого человека» [4].

Однако, несмотря на это, активных попыток по созданию узкопрофильных административных судов на территории Беларуси до сегодняшнего дня не предпринималось и, как показывает проведенный анализ текущей правовой политики государства, предпосылки для их появления отсутствуют. Причиной тому отчасти выступает тот факт, что рассматриваемая категория споров составляет весьма маленький процесс от общего числа дел.

При анализе возможных перспектив развития судебной системы в Беларуси с целью дальнейшего прогнозирования в формировании новой его структуры необходимо учитывать также общие тенденции развития. В частности, речь идет о политике унификации в развитии белорусского судоустройства. Одной из наиболее актуальных, на наш взгляд, является проблема ограниченности возможностей защиты своих законных интересов в сфере административной юстиции. Об этом, в частности, свидетельствуют положения статей 335 и 341 ГПК РБ.

Так, в соответствии с ч. 8 ст. 75 Федерального закона № 67 «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»: «Предварительное обращение в вышестоящую комиссию, избирательную комиссию субъекта Российской Федерации, Центральную избирательную комиссию Российской Федерации не является обязательным условием для обращения в суд» [5]. Данная емкая, но при этом комплексная правовая норма способствует действительной возможности по восстановлению нарушенных прав граждан в исследуемой сфере жизни. И, как видится, белорусскому ГПК в своей статье 341 необходимо позаимствовать положения российского Федерального закона № 67 в части указанной нормы. Это позволит не только значительно расширить круг возможностей белорусских граждан в сфере защиты прав в области административной юстиции, но и позволит минимизировать случаи отказов судов от рассмотрения жалоб по совершенно необоснованным причинам, появившимся в результате излишней пробельности правоустанавливающих норм.

Важным этапом правового анализа основ осуществления административного судопроизводства в странах СНГ является изучение существующих особенностей в вопросах реализации административной юстиции на территории Республики Армения. Следует отметить, что данное государство в сравнении с уже анализируемыми нами ранее странами-членами бывшего СССР показательно выделяется своим нетипичным статусом государства со специализированным административным судопроизводством. Таким образом, в результате исследования данной модели представится возможным определить все преимущества и недостатки продолжительного существования отдельного комплекса

административных судов со своей специализированной компетенцией и структурой, а также выяснить, какая модель существования административной юстиции является более успешной, в том числе, на территории стран СНГ.

В соответствии с положениями ст. 92 Конституции Республики Армения, в данном государстве «действуют суды первой инстанции общей юрисдикции, Апелляционный Суд и Кассационный Суд, а в предусмотренных законом случаях и специализированные суды» [6]. Таким образом, правосудие в Республике Армения осуществляется в соответствии с Конституцией и соответствующими данной Конституции законами.

В отличие от тех же ограничений по праву на обращение в суд на территории Беларуси, в законодательстве Республики Армения предусмотрено, что любой субъект права имеет возможность обращаться в Административный суд, если, по его мнению, действия государственных органов или органов местного самоуправления, должностных лиц, принятые ими административные акты нарушают или могут нарушить его права и законные интересы. Этот нюанс является явным законодательным преимуществом и формирует представление об Армении как о правовом государстве.

Таким образом, структура органов административного правосудия, а также порядок обращения с жалобой для защиты нарушенного права в Республике Армения [7], как видится, не только предельно просты и понятны даже лицам, не обладающим специальными знаниями в области юриспруденции, но и эффективны, как с точки зрения законодательной техники, так и практической реализации.

Помимо очевидных преимуществ административно – судебной структуры Армении, в данной Республике создан, на наш взгляд, достаточно успешный механизм отбора, компетенции и навыков судей в сфере административной юстиции.

Так, критерии отбора и процесс отбора и назначения судей идентичны как в отношении гражданской, уголовной, так и административной юстиции. Однако, говоря об административной среде, в отношении судей Административного суда и Апелляционного административного суда выдвинуты требования относительно обязательной специализации последних на административно-правовых отношениях.

И завершающее данный анализ государство – Республика Казахстан. Судебная власть в Республике Казахстан принадлежит только судам и реализуется через постоянных судей. Никакой другой орган или лицо не имеет права осуществлять полномочия судьи или функции судебной власти. Судебная система Республики Казахстан на текущий момент состоит из Верховного Суда Республики Казахстан, местных и иных судов, созданных в соответствии с Конституцией Республики Казахстан.

Верховный суд является высшим судебным органом по гражданским, уголовным и иным делам. Судьи Верховного Суда Республики Казахстан избираются Сенатом по представлению Президента Республики Казахстан по представлению Высшего судебного совета. Судьи местных и иных судов назначаются Президентом Республики Казахстан по представлению Высшего судебного совета. Председатели судебных коллегий Верховного Суда назначаются Президентом Республики Казахстан по представлению Председателя Верховного Суда и решением пленарного заседания Верховного Суда.

Вступившие в законную силу судебные акты местных и иных судов могут быть пересмотрены Верховным Судом Республики Казахстан в кассационном порядке, а также судебные акты специализированной судебной коллегии Верховного Суда Республики Казахстан.

Республика Казахстан в соответствии со сложившимися нормативно-правовыми традициями, при осуществлении административного производства опирается на нормы гражданско-процессуального законодательства. Так, гл. 29 (Производство по делам об оспаривании решений и действий (бездействия) органов государственной власти, местного самоуправления, общественных объединений, организаций, должностных лиц и государственных служащих) и глава 30 (Производство по делам об оспаривании законности нормативного правового акта) Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан от 31 октября 2015 года № 377-V на текущий момент регулирует споры, возникающие в результате публично-правовых отношений. Также важным регулятором отношений выступает Конституционный закон Республики Казахстан от 25 декабря 2000 г. № 132-II «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан». Именно он в статье 3 устанавливает возможность создания специализированных судов: «В Республике Казахстан могут создаваться другие суды, в том числе специализированные суды (военные, финансовые, экономические, административные, по делам несовершеннолетних и другие)» [8].

Однако, следует отметить, что, спустя несколько лет в Казахстане уже представляется возможным наблюдать процесс более глубокого познания истинной роли административных судов и их развитие от института административной репрессии к институту административной юстиции. 1 июля 2021 г. вступил в силу Кодекс Республики Казахстан № 350-VI «Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. В соответствии с ч. 3 ст. 1 данного Кодекса: «Порядок административного судопроизводства на территории Республики Казахстан определяется конституционными законами Республики Казахстан, настоящим Кодексом, основанными на Конституции Республики Казахстан и общепризнанными принципами, и нормами международного права…» [9].

Данный Административный процедурно-процессуальный кодекс был разработан с целью реализации эффективного контроля за действиями административных органов, во избежание случаев заинтересованности контролирующего и подконтрольного субъектов, а также выявления и пресечения коррупционных явлений. Помимо этого, сама ценность данного Кодекса заключается в объединении в едином нормативном акте всех целей, принципов правового регулирования отношений в сфере административного судопроизводства, а также создании единой правовой модели для регулирования публичных отношений.

В целом, исходя из положений Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 г., одной из приоритетных направлений совершенствования условий жизни на территории Казахстана в этот промежуток времени являлось развитие правового института административной юстиции, который, в случае его успешного внедрения, поспособствует достижению цели к созданию правового государства не только в теоретическом, но и практическом смысле. Именно эта концепция задала курс развития и указала, что «важным

направлением на пути к правовому государству является развитие административно-процессуального права, вершиной которого стало бы принятие Административного процессуального кодекса» [10].

Как видится, цель была реализована весьма достойным образом. По сути, принятый в июле 2021 г. Кодекс послужил финальным элементом перехода Казахстана из группы стран, осуществляющих административное судопроизводство в рамках гражданского процесса в страны, осуществляющие административное судопроизводство при помощи специализированных административных органов.

Независимость судебной власти – основополагающий принцип. Он является важным элементом любого демократического государства, основанного на верховенстве закона и являющегося неотъемлемой частью фундаментальной демократической модели разделения властей. Одним из видимых достоинств анализируемого Кодекса является вновь созданный принцип активной роли суда. Как правило, сторонами административных отношений выступают орган государственной власти либо должностное лицо, наделенное властными полномочиями – с одной стороны, а также граждане и юридические лица – с другой.

В текущих условиях, учитывая правовое положение и возможности обеих сторон, говорить о действительном равноправии субъектов, к сожалению, не приходится. Предлагаемый принцип закреплен в ст. 16 Кодекса Республики Казахстан от 29.06.2020 г. № 350-VI и заключается в следующем: «Административное судопроизводство осуществляется на основе активной роли суда. Суд, не ограничиваясь объяснениями, заявлениями, ходатайствами участников административного процесса, представленными ими доводами, доказательствами и иными материалами административного дела, всесторонне, полно и объективно исследует все фактические обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения административного дела. Судья вправе высказать свое предварительное правовое мнение по правовым обоснованиям, относящимся к фактическим и (или) юридическим сторонам административного дела» [11]. Иными словами, суд при осуществлении возложенных на него функций по разрешению административно-правового спора, ввиду предоставленных ему возможностей, сможет выступать в качестве своеобразного компенсационного субъекта, способного уравнять в правах стороны правоотношений должным образом. Ведь, как отмечал судья Верховного суда Республики Казахстан: «судебный контроль за законностью действий административных органов является одним из основных элементов правового государства» [12].

Таким образом, следует отметить, что на текущем этапе правового исследования Республика Казахстан выступает ярким примером и удачным объектом для изучения переходной формы существования административной юстиции в странах СНГ (от стран, осуществляющих административное судопроизводство в рамках гражданского процесса в страны, осуществляющие административное судопроизводство при помощи специализированных административных органов).

Подводя итог настоящему исследованию, отметим следующее.

Выделенные государства – представители стран СНГ были выбраны нами не случайно, а как представители разных моделей существования административного производства: Армения – государство с наличием ярко выраженного специализированного административного судопроизводства, Беларусь – страна –

представитель государств, чье административное судопроизводство осуществляется в рамках гражданского процесса [13], и Казахстан – показательный пример страны, находящейся на переходном этапе существования административной юстиции в странах СНГ (от стран, осуществляющих административное судопроизводство в рамках гражданского процесса в страны, осуществляющие административное судопроизводство при помощи специализированных административных органов). Но, как уже было отмечено, в административном судопроизводстве Казахстана будут применяться положения Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан, если иной порядок не будет предусмотрен вновь созданным Кодексом, т.е. облик Казахстана – промежуточной формы существования административной юстиции в ближайшей перспективе все еще остается актуальным [14].

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что различные модели административной юстиции в мире представляет собой сложные механизмы с программой действия по противопоставлению частного лица государственному субъекту. Видится, что каждая из представленных к изучению моделей и их реализуемые законодательные подходы можно охарактеризовать как несколько своеобразные.

Существующий ныне в доктрине вопрос о целесообразности существования специализированных административных судов при условии, что деятельность последних в значительной степени пересекается с деятельностью общих судов, остается открытым. Все чаще можно встретить предположения, что значимый вес роли истории – единственная причина, по которой все еще сохраняется отдельная система административного правосудия. На наш взгляд, данное мнение, хотя и имеет право на существование, однако весьма поверхностно относится к истинной роли специализированных административных органов правосудия, а именно – обеспечение наиболее беспрепятственной реализации прав как физических, так и юридических лиц на защиту.

Список литературы:

1. Кодекс Республики Беларусь от 29 июня 2006 года № 139-З «О судоустройстве и статусе судей». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414672&doc_id2=30414672#pos=15;-98&pos2=230;-62.

2. Скобелев В.П. Проблемы и перспективы развития административной юстиции в республике Беларусь / В.П. Скобелев // III Московский юридический форум. Международная научно-практическая конференция: в 4 частях. – 2016. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29749970.

3. Решения Конституционного Суда Республики Беларусь от 20 января 2016 г. №Р-1028/2016 «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2015 году». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=K91601028.

4. А. Лукашенко положительно оценивает идею введения суда присяжных. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sb.by/articl es/a-lukashenko-polozhitelno-otsenivaet-ideyu-vvedeniya-suda-prisyazhnykh.html

5.Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/60dc1c108c93c107e537f5500fdb79ce7bf0b752/.

6.Конституция Республики Армения: Принята референдумом РА от 5 июля 1995 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gov.am/u_files/file/Constitution/Constitution-nor.pdf.

7.Туманянц Е.С. Судебная власть и судейское самоуправление в Республике Армения / Е.С. Туманянц // СевероКавказский юридический вестник. – 2017. – № 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-vlast-i-sudeyskoe-samoupravlenie-v-respublike-armeniya.

8.Конституционный закон Республики Казахстан от 25 декабря 2000 года № 132-II «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc _id= 1021164#pos=16;-118.

9.Кодекс Республики Казахстан от 29 июня 2020 года № 350-VI (с изменениями от 02.01.2021 г.) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35132264.
10.Концепция совершенствования административной юстиции в Республике Казахстан. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32990560#pos=0;196.
11.Досанова Ф.П. О перспективе внедрения административной юстиции в рамках обсуждения некоторых положений проекта административного процедурно-процессуального кодекса Республики Казахстан / Ф.П. Досанова, Б.Б. Ермекбаев // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2019. – №4 (58). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/o-perspektive-vnedreniya-administrativnoy-yustitsii-v-ramkah-obsuzhdeniya-nekotoryh-polozheniy -proekta-administrativnogo-protsedurno.
12.Ноздрин В. В РК будет принят Административный процессуальный кодекс: Доступ из официального сайта Верховного Суда Республики Казахстан. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sud.gov.kz/rus/massmedia/ sudya-verhovnogo-suda-valeriy-nozdrin-v-rk-budet-pnnyat-administrativnyy- processualnyy.
13.Самойлюк Р.Н. Сравнительно-правовой анализ деятельности по осуществлению административного надзора в некоторых странах Содружества независимых государств и России / Р.Н. Самойлюк // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. – 2017. – №3-2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelno-pravovoy-analiz-deyatelnosti-po-osuschestvleniyu-administrativnogo
14. Балабиев К.Р. Обзор развития административно-процессуального законодательства на территории постсоветских государств / К.Р. Балабиев // Проблемы экономики и юридической практики. – 2010. – №3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-razvitiyaadministrativno-protsessualnogo-zakonodatelstva-na-territorii-postsovetskih-gosudarstv.

Silvanovich Yu. N. The implementation of administrative proceedings in the CIS countries: the problems of legislative regulation and law enforcement experience // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 225–234.

This article examines the issue of the justified need to form a uniform approach in understanding the essence of administrative justice in the context of global experience. The author's classification of the CIS member states on the implementation of administrative proceedings on their territory is proposed, as a result of which three groups were identified: - countries conducting administrative proceedings in the framework of civil proceedings (Belarus); - Countries that carry out administrative proceedings with the help of specialized administrative bodies (Armenia); States with a transitional form (Kazakhstan). The necessity of using the experience of states is also justified and a solution to the problem of limited opportunities to protect legitimate interests in the field of administrative justice is proposed using the example of the Republic of Belarus. As a solution to the problem, it was proposed to borrow the provisions of Part 8 of art. 75 of the Federal Law of the Russian Federation No. 67 "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the right of Citizens of the Russian Federation to participate in a referendum", followed by the consolidation of the position according to which a preliminary appeal to a higher commission, an election commission for the purpose of appealing an administrative decision is not a prerequisite for going to court.

Keywords: Administrative proceedings, CIS countries, foreign experience, legal justice, Republic of Belarus, Republic of Armenia, Republic of Kazakhstan, preliminary appeal, administrative justice.

Spisok literatury:

1. Kodeks Respubliki Belarus` ot 29 iyunya 2006 goda № 139-Z «O sudoustrojstve i statuse sudej». – [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414672&doc_id2=30414672#pos=15;-98&pos2=230;-62.
2. Skobelev V.P. Problemy` i perspektivy` razvitiya administrativnoj yusticii v respublike Belarus` / V.P. Skobelev // III Moskovskij yuridicheskij forum. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya: v 4 chastyax. – 2016. – [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29749970.
3. Resheniya Konstitucionnogo Suda Respubliki Belarus` ot 20 yanvarya 2016 g. №R-1028/2016 «O sostoyanii konstitucionnoj zakonnosti v Respublike Belarus` v 2015 godu». – [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=K91601028.
4. A. Lukashenko polozhitel`no ocenivaet ideyu vvedeniya suda prisyazhny`x. – [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.sb.by/articl es/a-lukashenko-polozhitelno-otsenivaet-ideyu-vvedeniya-suda-prisyazhnykh.html
5.Federal`ny`j zakon ot 12.06.2002 № 67-FZ «Ob osnovny`x garantiyax izbiratel`ny`x prav i prava na uchastie v referendume grazhdan Rossijskoj Federacii». – [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/60dc1c108c93c107e537f5500fdb79ce7bf0b752/.
6.Konstituciya Respubliki Armeniya: Prinyata referendumom RA ot 5 iyulya 1995 goda. – [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.gov.am/u_files/file/Constitution/Constitution-nor.pdf.

7.Tumanyancz E.S. Sudebnaya vlast` i sudejskoe samoupravlenie v Respublike Armeniya / E.S. Tumanyancz // SeveroKavkazskij yuridicheskij vestnik. – 2017. – № 4. – [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-vlast-i-sudeyskoe-samoupravlenie-v-respublike-armeniya.
8.Konstitucionny`j zakon Respubliki Kazaxstan ot 25 dekabrya 2000 goda № 132-II «O sudebnoj sisteme i statuse sudej Respubliki Kazaxstan». – [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: https://online.zakon.kz/document/?doc _id= 1021164#pos=16;-118.
9.Kodeks Respubliki Kazaxstan ot 29 iyunya 2020 goda № 350-VI (s izmeneniyami ot 02.01.2021 g.) – [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35132264.
10.Koncepciya sovershenstvovaniya administrativnoj yusticii v Respublike Kazaxstan. – [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32990560#pos=0;196.
11.Dosanova F.P. O perspektive vnedreniya administrativnoj yusticii v ramkax obsuzhdeniya nekotory`x polozhenij proekta administrativnogo procedurno-processual`nogo kodeksa Respubliki Kazaxstan / F.P. Dosanova, B.B. Ermekbaev // Vestnik Instituta zakonodatel`stva i pravovoj informacii Respubliki Kazaxstan. – 2019. – №4 (58). – [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: https://cyberleninka.ru/article/n/o-perspektive-vnedreniya-administrativnoy-yustitsii-v-ramkah-obsuzhdeniya-nekotoryh-polozheniy -proekta-administrativnogo-protsedurno.
12.Nozdrin V. V RK budet prinyat Administrativny`j processual`ny`j kodeks: Dostup iz oficial`nogo sajta Verxovnogo Suda Respubliki Kazaxstan. – [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: http://sud.gov.kz/rus/massmedia/ sudya-verhovnogo-suda-valeriy-nozdrin-v-rk-budet-pnnyat-administrativnyy- processualnyy.
13.Samojlyuk R.N. Sravnitel`no-pravovoj analiz deyatel`nosti po osushhestvleniyu administrativnogo nadzora v nekotory`x stranax Sodruzhestva nezavisimy`x gosudarstv i Rossii / R.N. Samojlyuk // Nauka. My`sl`: e`lektronny`j periodicheskij zhurnal. – 2017. – №3-2. – [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelno-pravovoy-analiz-deyatelnosti-po-osuschestvleniyu-administrativnogo
14. Balabiev K.R. Obzor razvitiya administrativno-processual`nogo zakonodatel`stva na territorii postsovetskix gosudarstv / K.R. Balabiev // Problemy` e`konomiki i yuridicheskoj praktiki. – 2010. – №3. – [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-razvitiyaadministrativno-protsessualnogo-zakonodatelstva-na-territorii-postsovetskih-gosudarstv.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 235–241.

УДК 342.92

ФОРМЫ И МЕТОДЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ, ПРЕСЕЧЕНИЮ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Халилев Р. А.
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Автором проанализирован актуальные вопросы, связанные с организацией административной деятельности органов внутренних дел, направленных на пресечение административных правонарушений. В публикации раскрыты основные проблемы, с которыми сталкиваются сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации. Сформулированы предложения, направленные на оптимизацию деятельности сотрудников полиции, которые осуществляют выявление, пресечение и последующее процедурное сопровождение материалов по делам об административных правонарушениях. Отмечена необходимость внесения изменений в Приказ МВД РФ от 28.06.2021 г. №495 «Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России»; Приказ МВД России от 29.03.2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности»; Приказ МВД России от 15.10.2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации».

Ключевые слова: полиция, органы внутренних дел, правонарушение, выявление, пресечение, административная деятельность полиции.

К числу основных направлений деятельности ОВД, согласно ст. 2 Федерального закона «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ [2], относится защита личности, общества и государства от противоправных посягательств, а также предупреждение и пресечение административных правонарушений. От своевременной и профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел зависит реализация прав и свобод человека и гражданина. Общеизвестным является постулат, что охрана общественного порядка является одной из основных задач органов внутренних дел. В основном, функции по обеспечению охраны общественного порядка возложены на структурные подразделения Главного управления по обеспечению охраны общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а именно на подразделения патрульно-постовой службы полиции и участковых уполномоченных полиции. Главное управление по обеспечению охраны общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов РФ МВД РФ – самостоятельное структурное подразделение центрального аппарата МВД РФ, обеспечивающее и осуществляющее в пределах своей компетенции функции МВД РФ по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в области охраны общественного порядка, обеспечения общественной безопасности, координации взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов РФ.

Переходя к рассмотрению проблемных вопрос данной публикации отметим, что многие положения, связанные с проблемой административной деятельности правоохранительных органов в целом и органов внутренних дел в частности были предметом рассмотрения многих учёных, однако вопросы освящаемые в нашей публикации являются относительно новыми для теории административной деятельности

полиции, что свидетельствует об актуальности публикации и предлагаемых нами решений. Реализация основных направлений деятельности органов внутренних дел в процессе охраны общественного порядка осуществляется, в том числе, при помощи форм и методов административной деятельности органов внутренних дел.

Так, в теории административного права выделяют правовые и неправовые формы административной деятельности органов внутренних дел. Правовая форма, по своей сущности, включает правоустановительную и правоприменительную деятельность [11, с. 2-7].

Правоустановительная деятельность органов внутренних дел заключается в издании ведомственных нормативных правовых подзаконных актов, регулирующих специфику служебной деятельности отдельных подразделений органов внутренних дел. Правовые подзаконные акты ведомственного характера раскрывают содержание законодательных норм и обеспечивают конкретизацию их содержания с целью однообразного правоприменения [7, с. 458-459].

Правоприменительная деятельность органов внутренних дел в процесс охраны общественного порядка заключается в составлении процессуальных документов в случае нарушения положений закона и совершении правонарушений, документирование в соответствии с нормами и положениями Федерального закона «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ [2], Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации [3] и иных законодательных и нормативных актов Российской Федерации. К ведомственным нормативным актом, которые регламентируют деятельность подразделений органов внутренних дел по обеспечению общественного порядка относятся: Приказ МВД РФ от 28.06.2021 г. № 495 «Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России» [4]; Приказ МВД России от 29.03.2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» [5]; Приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» [6].

Бесспорно, что в отличие от правовых форм, неправовые сами по себе не влекут возникновение, изменение или прекращение административно-правовых и/или иных отношений, за исключением организационно-управленческих. Их значение состоит в упорядочении организационно-управленческой деятельности, в том числе в структуре органов внутренних дел в процессе охраны общественного порядка от противоправных посягательств.

Так, к их числу можно отнести совещания, собрания, инструктажи, разводы перед заступлением на службу. Такого рода организационно-управленческие формы организации служебной деятельности органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка направлены на устранение противоречий, доведение новелл законодательства, требований вышестоящего руководства, разъяснений контрольно-надзорных органов и ознакомление с оперативной обстановкой в конкретном подразделении, а также на определённой территории, и доведение различного рода значимой служебной и иной информации до сведения сотрудников органов внутренних дел, а также иным информированием личного состава подразделений органов внутренних дел. Например, перед несением службы сотрудники патрульно-постовой

службы полиции прибывают на инструктаж (развод перед заступлением на службу по охране общественного порядка), который позволяет им эффективно реализовывать свои задачи в части обеспечения и охраны общественного порядка с целью реализации прав и свобод граждан, определить приоритетные направления по маршруту патрулирования, ознакомиться с расстановкой сил и средств по охране общественного порядка, получить оперативную (ориентировки) и иную значимую информацию (например, какие подразделения Росгвардии задействованы, состав следственно-оперативной группы на маршруте патрулирования, какие группы наряда находятся по соседству от маршрута патрулирования).

Под методами административной деятельности, согласно теории административного права, понимают совокупность способов и средств, применение которых позволяет эффективно выполнять сотруднику органа внутренних дел свои служебные обязанности при непосредственном несении службы и контакте с гражданами, представителями юридических лиц не зависимо от форм собственности, органов государственной и/или муниципальной власти.

Общепринято классифицировать такие способы административной деятельности органов внутренних дел на методы убеждения и принуждения. На основании Конституции Российской Федерации [1], а также исходя из того, что Россия определила основным вектором своего развития как правого и демократического государства, первостепенное значение играет именно метод убеждения, как наиболее демократичный и гуманный [8, с. 83].

Так, под методом убеждения следует понимать активное моральное, психологическое, материальное воздействие на сознание и поведение граждан, формирование у граждан устойчивых правовых знаний и недопущения правового нигилизма в сознании большинства населения. Методы убеждения как представляется являются экономически более выгодными по сравнению с мерами принуждения, так как они являются менее затратными. К видам убеждения относятся:

- меры воспитательного характера. (Одной из основных мер выступает профилактическая работа среди населения. Благодаря такой форме, согласно Годовому отчёту МВД России о реализации государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» за 2023 г. удалось сократить количество административных правонарушений, посягающих на установленный общественный порядок на 12,9% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года) [9, с. 13]. Представляется, что меры воспитательного воздействия достигаются посредствам агитации и пропаганды. При реализации данной меры раскрывается суть наказаний за совершение административных правонарушений, статистика примирения административных наказаний и его неотвратимость, а также суть поощрительных мер, которые могут быть применены за правомерное поведение (при условии их законодательного закрепления). Кроме того, воспитательные меры могут общими, направленным на неограниченный круг лиц, а также специальный, направленный на определённую группу населения, например, учащиеся старших классов школ и студентов, а также индивидуальные воспитательные меры;

- меры организационного характера. (В качестве таких мер выступают отчёты о результатах проделанной работы отдельных категорий сотрудников органов внутренних дел, особенно участковых уполномоченных полиции. А также оптимальное распределение служебных обязанностей между сотрудниками территориальных

подразделений органов внутренних дел, задействованных в обеспечении охраны общественного порядка с целью организации обеспечения правового воспитания населения).

В случае, если методы убеждения не позволяют в полной мере реализовать основные направления служебной деятельности по охране общественного порядка, сотрудники органов внутренних дел вправе применять методы принуждения. В теории административного права под методом принуждения понимают такое воздействие, которое обеспечивает исполнение конкретными лицами установленных правил помимо их воли. Меры административного принуждения подразделяются на 4 группы: 1) меры административного предупреждения; 2) меры административного пресечения; 3) меры административно-процессуального обеспечения; 4) меры административной ответственности [10, с. 11-26].

Анализируя специфику форм и методов административной деятельности полиции, в сфере охраны общественного порядка автором были разработаны и предложены следующие пути их совершенствования относительно деятельности различных подразделений.

Совершенствование административной деятельности участковых уполномоченных полиции в сфере охраны общественного порядка. Предлагаем в Инструкции по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке (приказ МВД России № 205 от 29.03.2019 г.) [5] закрепить такую форму профилактического воздействия участковых уполномоченных полиции как «помощь лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми», установив также порядок её осуществления.

Кроме этого, целесообразно при планировании профилактических мероприятий применять риск-ориентированный подход, предусматривающий частоту и интенсивность их проведения в зависимости от сложности оперативной обстановки на территории обслуживания участковым уполномоченным полиции. А также с учётом различного рода темпоральных характеристики (сезонность, периодичность проведения культурно-массовых и спортивно-зрелищных мероприятий, а также иных мероприятий) на территории обслуживания.

Совершенствование административной деятельности сотрудников патрульно-постовой службы полиции в сфере охраны общественного порядка.

Проблемные вопросы связаны с:

1)отсутствием нормативного определения понятия «комплексные формы» в аспекте пресечения административных правонарушений, посягающих на такие объекты как здоровье человека, собственность, нравственность и т.д. А также отсутствие положений, определяющих особенности таких, применяющихся на практике, комплексных форм как: патрульный участок, патрульная зона, выставление временных полицейских постов в общественных местах и др.; отсутствие типовых планов проведения комплексных оперативно-профилактических мероприятий, основным участником которых является патрульно-постовая служба полиции и др.).

В связи с этим предлагаем дополнить п. 3 Приказа № 495 МВД России от 28.06.2021 г. [4] следующе формулировкой: «Подразделения патрульно-постовой службы полиции входят в состав комплексных сил и являются основным субъектом

обеспечения правопорядка на улицах и других в общественных местах в структуре Министерства внутренних дел Российской Федерации»;

2) невозможность прямого использования группами управления нарядами патрульно-постовой службы ОВД средств видеонаблюдения, используемых в АПК «Безопасный город» и их аналогов для наблюдения за обстановкой в общественных местах и контроля за несением службы нарядами патрульно-постовой службы полиции и приданными силами.

Справочно отметим, что как показывает практика, с помощью камер видеонаблюдения, только за 5 месяцев 2023 г. вынесено 46,8 миллиона постановлений по делам об административных правонарушениях. «Это 86% от общего числа штрафов», – отметил начальник Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России М.Ю. Черников. Поэтому, полагаем необходимым использование нарядами полиции, а также группами управления нарядами, средств видеонаблюдения, являющихся частями АПК «Безопасный город», что свидетельствует о высокой эффективности средств автоматической фиксации административных правонарушений в сфере безопасности дорожного движения.

3) анализом оперативной обстановки и планированием использования нарядов патрульно-постовой службы полиции и других комплексных сил (вневедомственная охрана Росгвардии, наряды Росгвардии и военной полиции) в охране общественного порядка в общественных местах (ненадлежащее проведения анализа оперативной обстановки в общественных местах, приводящее к неполноте учета факторов, влияющих на расстановки сил и средств патрульно-постовой службы органов внутренних дел и принятию других управленческих решений (например, очаговости совершения преступлений или их сезонного характера).

Для решения этой проблемы считаем необходимым изменить положения, регулирующие порядок проведения инструктажей перед заступлением на службу по охране общественного порядка. Руководитель, который проводит инструктаж перед разводом на заступление на службу по охране общественного порядка, в обязательном порядке, должен предоставить нарядам патрульно-постовой службы полиции всю необходимую информацию обо всех лицах, которые не только поставлены на учёт в органах внутренних дел, но и которые склонны к систематическому употреблению алкогольной и иной спиртосодержащей продукции. Такого рода мера, как нам представляется, может существенно повысить качество несения службы по охране общественного порядка нарядами патрульно-постовой службы полиции.

Такого рода мера, как нам представляется может быть исполнена двумя методами: либо привлекать для проведения инструктажей перед заступлением в наряд по охране общественного порядка участковых уполномоченных полиции, которые каждому наряду и по каждому из маршрутов должны предоставить всю необходимую информацию; либо, с использованием информационных технологий, так, например, сотрудникам патрульно-постовой службы полиции, которые заступают в наряд по охране общественного порядка необходимо предоставлять портативные электронно-вычислительные устройства «планшеты» с возможностью выхода в закрытую и защищенную информационно-телекоммуникацию сеть МВД России, в которой содержится необходимая информация для обеспечения несения службы по охране общественного порядка на определённом маршруте патрулирования сотрудниками патрульно-постовой службы полиции. Думается, что в условиях глобальной

цифровизации и развития постиндустриального общества второй из передоложенных нами вариантов является наиболее привлекательным и эффективным, однако и более финансово и материально затратным.

В связи с чем предлагаем дополнить Приказ № 495 МВД России от 28.06.2021 г. [4], регулирующий вопросы несения службы сотрудниками патрульно-постовой службы полиции такого рода положениями.

4) с низким уровнем взаимодействия подразделений патрульно-постовой службы полиции и иных подразделений органов внутренних дел с подразделениями Росгвардии и военной полиции в процессе несения службы по охране общественного порядка, отсутствие единого центра координации деятельности нарядов. Как показывает практика, подразделения вневедомственной охраны Росгвардии, в соответствии с внутриведомственным приказом Росгвардии передают информацию о выявленном правонарушении в собственную дежурную часть подразделения вневедомственной охраны Росгвардии, которая передаёт информацию в дежурную часть территориального органа внутренних дел, в результате чего утрачивается оперативность пресечения правонарушения и наступательность в данном виде деятельности.

Таким образом, нами были рассмотрены проблемные вопросы, связанные с реализацией сотрудниками органов внутренних дел форм и методов административного пресечения правонарушений в процессе охраны общественного порядка, а также предложены пути их разрешения.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020) // URL: http://ivo.garant.ru/proxy/share?data=q4Og0aLnpN5Pvp_qlYq147fgsY2U8J695LfQTvO68Je64KPXuuKi3qaM6fip2w6j9PKe8Jy1yaDXotGjn-ur87fgk-ST6aPjhwL8nfLRvuOk7rTmpOe52POx8IgQ4LDjheGxrQ==.(дата обращения: 10.08.2024). – Режим доступа: по подписке

2. Федеральный закон «О полиции» от 07 февраля 2011 № 3-ФЗ (последняя редакция) // URL: http://ivo.garant.ru/proxy/share?data=q4Og0aLnpN5Pvp_qlYqz4bvjsI2U8J695LfQTvO68Je64KPXuuKi3qaM6fip2w6j9PKe8Jy1yaDXotGjn-ur87fgk-ST6aPjhwL8nfLRvuOk7rTmpOe52POx8IgS4LjigOKxrQ== (дата обращения: 10.08.2024). – Режим доступа: по подписке.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. // URL: http://ivo.garant.ru/proxy/share?data=q4Og0aLnpN5Pvp_qlYqxjK_xqrzXt9W_qeqZArrho9264KLQp7Tp8ana_sqlmAzxo7XKoNei1KOc6pTyj-G55ajojOOO86LwlUS_3qXYtO6l3Ljs8oLwjeO64owS57et. (дата обращения: 10.08.2024). – Режим доступа: по подписке.

4. Приказ МВД РФ от 28 июня 2021 г. № 495 «Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России» // URL: http://ivo.garant.ru/proxy/share?data=q4Og0aLnpN5Pvp_qlYqz4bfiu42U8J695LfQTvO68Je64KPXuuKi3qaM6fip2w6j9PKe8Jy1yaDXotGjn-ur87fgk-ST6aPjhwL8nfLRvuOk7rTmpOe52POx8I4R5rHgjOO1rQ==. (дата обращения: 10.08.2024). – Режим доступа: по подписке

5. Приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» // URL: http://ivo.garant.ru/proxy/share?data=q4Og0aLnpN5Pvp_qlYqxjK_xqrzXt9W_qeqZArrho9264KLQp7Tp8ana_sqlmAzxo7XKoNei1KOc6pTyj-G55ajojOOO86LwlUS_3qXYtO6l3Ljs8oLwi-O56IER4rSt. (дата обращения: 10.08.2024). – Режим доступа: по подписке

6. Приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // URL: http://ivo.garant.ru/proxy/share?data=q4Og0aLnpN5Pvp_qlYqxjK_xqrzXt9W_qeqZArrho9264KLQp7Tp8ana_sqlmAzxo7XKoNei1KOc6pTyj-G55ajojOOO86LwlUS_3qXYtO6l3Ljs8oLwi-G-6IwY4LCt. (дата обращения: 10.08.2024). – Режим доступа: по подписке

7. Бахрах, Д.Н., Россинский, Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право. / Д.Н. Бахрах и др. М.: Проспект, 2013. С. 458-459.

8. Каплунов, А.И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел: теория и практика: монография / Под общ.ред. В.П. Сальникова. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019. С. 83.
9. Обзор правоприменительной практики по исполнению законодательства об административных правонарушениях в 2023 году. – МВД России, 2023, 13 с.
10. Пехтерев, А.Ф. Административное принуждение в деятельности правоохранительных органов России // Современное право. 2019. № 11. С. 22-26.
11. Катанян, Н.И. Особенности процессуального закрепления административного правонарушения // Вестник магистратуры– 2021. №2. – С. 2-7.

Khalilev R. A. Forms and methods of administrative activities of the police to identify and suppress administrative offenses internal affairs bodies // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 235–241.

The author analyzes current issues related to the organization of administrative activities of internal affairs bodies aimed at suppressing administrative offenses. The publication reveals the main problems faced by employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation. Proposals are formulated aimed at optimizing the activities of police officers who identify, suppress and subsequently provide procedural support for materials on cases of administrative offenses. The need is noted for amendments to the Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation dated June 28, 2021 No. 495 "On approval of the Instructions on the organization of official activities of combat units of the patrol and post police service of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia"; Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated March 29, 2019 No. 205 "On the performance of service by district police officers in the serviced administrative area and the organization of this activity"; Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated October 15, 2013 No. 845 "On approval of the Instructions for organizing the activities of the juvenile affairs units of the internal affairs bodies of the Russian Federation".

Keywords: police, internal affairs bodies, offense, detection, suppression, administrative activities of the police.

Spisok literatury:

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Access from the reference and legal system Garant. - Text: electronic.
2. Federal Law "On Police" dated 07.02.2011 No. 3-FZ (latest revision) // Access from the reference and legal system Garant. - Text: electronic.
3. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated December 30, 2001 No. 195-FZ. // Access from the reference and legal system Garant. - Text: electronic.
4. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation dated June 28, 2021 No. 495 "On approval of the Instructions on the organization of official activities of combat units of the patrol and guard service of the police of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia" // Access from the reference and legal system Garant. - Text: electronic.
5. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated March 29, 2019 No. 205 "On the performance of service by district police officers in the serviced administrative area and the organization of this activity" // Access from the reference and legal system Garant. - Text: electronic.
6. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated October 15, 2013 No. 845 "On approval of the Instructions for organizing the activities of units for minors of the internal affairs bodies of the Russian Federation" (with amendments and additions) // Access from the reference and legal system Garant. - Text: electronic.
7. Bakhrakh D.N., Rossinsky B.V., Starilov Yu.N. Administrative law. / D.N. Bakhrakh et al. Moscow: Prospect, 2013. Pp. 458-459.
8. Kaplunov A.I. Administrative coercion applied by internal affairs bodies: theory and practice: monograph / Under the general editorship of V.P. Salnikov. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. P. 83.
9. Review of law enforcement practice in enforcing legislation on administrative offenses in 2023. - Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023, 13 p.
10. Pekhterev A.F. Administrative coercion in the activities of law enforcement agencies of Russia // Modern law. 2019. No. 11. Pp. 22-26.
11. Katanyan N.I. Features of the procedural consolidation of an administrative offense // Bulletin of the Magistracy - 2021. No. 2. - P. 2-7.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 242–250.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 347

ФОРМЫ И ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ И ПРОДАВЦОВ ПО ДОГОВОРУ РОЗНИЧНОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ ТОВАРОВ

Воробьёва О. А., Прокофьева А. В.

Тольяттинский государственный университет

В статье рассматриваются проблемы гражданско-правовой защиты прав потребителей и продавцов по договору розничной купли продажи товаров. Авторами оценивается состояние правовой урегулированности отдельных досудебной и судебной защиты прав сторон по договору розничной купли-продажи товаров, рассматривается судебная практика, а также предлагаются пути решения выявленных проблем. выявлены проблемы, существующие в сфере досудебной и судебной защиты продавцов и покупателей. Так, по нашему мнению, на законодательном уровне необходимо закрепить обязательный претензионный порядок урегулирования споров, вытекающих из договора розничной купли-продажи. Такое обязывание заинтересованной стороны позволит ей максимально использовать все средства защиты, в том числе взыскать с продавца штраф в размере пятидесяти процентов от суммы, присужденной судом в пользу потребителя. Введение обязательного претензионного порядка также решит проблему судей в вопросе определения момента начала начисления неустойки за неисполнение требования покупателя. Кроме того, необходимо провести мероприятия, направленные на популяризацию процедуры медиации, как одного из способов урегулирования споров, вытекающих из договора розничной купли-продажи товаров. Не стоит забывать и о разрешении споров между продавцом и покупателем в области «электронной торговли», которая нуждается в создании единой платформы по урегулированию споров. Также стоит решить вопрос, касающийся бремени несения расходов за проведение товароведческой экспертизы по инициативе суда. И не менее острой проблемой является проблема «потребительского экстремизма», которая также требует своевременного реагирования со стороны государства.

Ключевые слова: купля-продажа, потребитель, продавец, потребительский экстремизм, претензионный порядок, медиация, электронная торговля.

В сфере досудебной и судебной защиты прав потребителей и продавцов существуют определенные проблемы, непосредственно связанные с недостаточностью правового регулирования данной области. Так, в статье мы рассмотрим вопрос о введении обязательного претензионного порядка урегулирования споров, вытекающих из договора розничной купли-продажи товаров; тему, касающуюся оживления такой процедуры урегулирования потребительских споров, как медиация; изучим процесс разрешения споров в области электронной торговли; раскроем проблемы судебной защиты сторон по договору розничной купли-продажи товаров, а точнее разберем вопрос о распределения бремени несения расходов за проведение товароведческой экспертизы, которая была проведена по инициативе суда, а также таком явлении, как «потребительский экстремизм».

Нарушенные права потребителя могут быть восстановлены им без обращения его в судебные инстанции. Закон РФ «О защите прав потребителей» предусматривает возможность досудебного урегулирования споров, вытекающих из договора розничной купли-продажи товаров. При этом под досудебным порядком обычно понимают предъявление требования потребителя непосредственно продавцу с целью восстановления его нарушенных прав.

Одной из форм защиты прав потребителей в досудебном порядке является предъявление претензии продавцу. Стоит отметить, что соблюдение претензионного порядка в области защиты прав потребителей по спорам, вытекающим из договора розничной купли-продажи товаров, не является обязательным. Это отмечено в

Постановлении Пленума ВС РФ от 22.06.2021 № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства». В п.33 данного Постановления говориться: «Законом Российской Федерации от 7 февраля 1992 года N 2300-I «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей) не предусмотрен обязательный досудебный порядок урегулирования споров.…Не является обязательным досудебным порядком урегулирования спора направление потребителем требования о соразмерном уменьшении покупной цены, об устранении недостатков товара, о замене товара ненадлежащего качества в адрес продавца, изготовителя либо уполномоченной организации или уполномоченного индивидуального предпринимателя» [11]. Таким образом, покупатель самостоятельно решает использовать ли данную форму защиты или же перейти непосредственно к судебному порядку урегулирования спора.

Законодателем не утверждены требования к содержанию претензии, но, проанализировав примеры предъявляемых претензий, можно сказать, что она должна включать в себя имя продавца, которому адресована претензия, данные заявителя, суть самой претензии (информация о приобретенном товаре, а также объем нарушенных прав потребителя). К претензии прикладываются относящиеся к ее существу документы.

По нашему мнению, отсутствие обязательного применения потребителем претензионного порядка урегулирования спора, вытекающего из договора розничной купли-продажи товаров, в настоящий момент является проблемой в области защиты его нарушенного права. Такое же мнение имеет на этот счет и Савинкова А.С., которая говорит о том, что «при отсутствии досудебного (претензионного) порядка у судов возникают сложности в определении момента, с которого начинает течь срок для расчета неустойки, что влияет и на сумму штрафа» [14, с. 322]. Также данную проблему отмечает и Гаманова Е.В., высказывая мнение о том, что путем неиспользования претензионного порядка урегулирования спора потребитель лишает себя права на взыскания с продавца штрафа в размере пятидесяти процентов от суммы, присужденной судом в пользу потребителя [4, с. 20].

Такое право установлено п.6 ст.13 Закона «О защите прав потребителей», где сказано, что «при удовлетворении судом требований потребителя, установленных законом, суд взыскивает с изготовителя (исполнителя, продавца, уполномоченной организации или уполномоченного индивидуального предпринимателя, импортера) за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя штраф в размере пятьдесят процентов от суммы, присужденной судом в пользу потребителя» [7]. Добровольный порядок удовлетворения требования потребителя возможен только при предъявлении претензии с его стороны.

Поэтому в целях облегчения работы судов в вопросе определения момента начала начисления неустойки, а также для полноценного использования всех способов восстановления нарушенных прав потребителя, представляется целесообразным внести поправки в законодательство в виде закрепления обязательного претензионного порядка для споров, вытекающих из договоров розничной купли-продажи товаров. Несмотря на разъяснение Пленума Верховного суда РФ о необязательном использовании претензионного порядка урегулирования споров, вытекающих из договора розничной купли-продажи товаров, его возврат в качестве обязательной

процедуры, по нашему мнению, является обоснованным, с чем также солидарны представители научного сообщества.

Другой формой досудебного урегулирования спора является процедура медиации. Данная процедура закреплена на законодательном уровне в Федеральном законе №193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», где под процедурой медиации понимается «способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения» [15]. Для того чтобы спор между сторонами был урегулирован именно таким способом, им необходимо заключить соглашение о проведении данной процедуры.

Исходя из содержания Федерального закона №193-ФЗ, медиаторы призваны для: проведения между спорящими сторонами переговоров; предоставления им нужного объема информации, необходимого для урегулирования споров между ними; оказания содействия в составлении соглашения; проведения медиативной процедуры.

На данный момент процедура медиации является не широко востребованной. Казалось бы, данная процедура является прекрасным способом для урегулирования спора в досудебном порядке, где стороны приходят к общему решению проблемы, но она кроет в себе некоторые недостатки, из-за которых популярность ее применения значительно падает.

Первостепенной причиной является недостаточное информирование населения о существовании такого способа урегулирования споров, а также о ее сущности. Как отмечает Бондарь К.А., «Федеральный закон № 193-ФЗ изложен сложным языком, что препятствует уяснению сути данной процедуры простым обывателем, а порой даже достаточно квалифицированным юристом. Кроме того, в Законе № 193-ФЗ не предусмотрено правовых механизмов исполнения принятых согласованных решений в процессе медиации» [2, с. 70]. Кроме этого, стоит отметить некое недоверие население и страх, сеющийся из-за наличия неквалифицированных специалистов, а также недобросовестности действий органов власти.

Также причиной непопулярности применения процедуры медиации является очень маленький объем предложений по оказания данной услуги. Если изучить рынок, можно заметить, что лиц, готовых провести процедуру медиации, практически нет. Кроме того, процедура практически всегда носит платный характер, а цена чаще всего является достаточно высокой для обычного гражданина, что побуждает его отказаться от такого способа урегулирования спора. Кужиль А.С. в своей работе приводит статистику использования процедуры медиации и замечает значительное сокращение ее популярности. Так, он говорит, что институт медиации был применен «в 2018– в 1187 спорах, в 2019– в 1047 спорах, в 2020 – в 769 спорах, в 2021 – в 724 спорах» [9, с. 252].

Таким образом, ставится проблема сокращения использования процедуры медиации для решения урегулирования споров. Так как институт медиации также может быть использован и при разрешении споров в сфере защиты прав потребителей, вытекающих из договора розничной купли-продажи, необходимо предпринять меры, направленные на популяризацию использования данной формы урегулирования споров. Для реализации данной цели, по нашему мнению, необходимо провести мероприятия, задачами которых станет распространение информации среди граждан о существовании такой процедуры, как медиация, и о ее достоинствах в вопросе регу-

лирования потребительских споров. Но, кроме этого, так как одной из причин неиспользования данной процедуры является ее платный характер и высокие цены за услугу, стоит задуматься о поправках в законодательство, по которым оплата услуг медиатора при регулировании потребительских споров будет возложена на продавца.

Наблюдая за стремительным развитием экономических отношений в электронном пространстве, мы замечаем, что регулирование споров в области дистанционной торговли характеризуется недостаточностью определенных механизмов. С ростом популярности дистанционного способа приобретения товаров возрастает и количество споров между продавцами и потребителями, касаемо качества приобретенных товаров.

Как отмечает Дьяконова М.О., «электронная торговля предполагает и электронный порядок урегулирования претензий и разногласий ее участников, что оказывается возможным при создании онлайн-платформы, в работе которой потребитель получает возможность заявить требования к изготовителю, продавцу, импортеру, владельцу агрегатора, которые могут находиться в разных юрисдикциях» [6, с. 45]. На данный момент в России не существует единой онлайн-платформы, которая бы осуществляла деятельность по урегулированию потребительских споров.

Нельзя сказать, что споры между потребителями и продавцами в интернет-пространстве никак не разрешаются, так как данная процедура осуществляется посредством отдельной платформы, через которую совершалась покупка, а именно «личного кабинета». Но стоит отметить, что многие споры на таких платформах пытаются решить путем привлечения искусственного интеллекта, что, по мнению Габова А.В., «не подразумевает дебатов сторон, высказывания какой-либо позиции при электронном присутствии (в чате, иной программе) другой стороны и посредника» [3, с. 221]. Таким образом, исключается личное, прямое взаимодействие потребителя и продавца, что, соответственно, сказывается на качестве процедуры разрешения споров.

В научном сообществе бытует мнение, что создание единой платформы для урегулирования потребительских споров в интернет-пространстве поспособствовало бы сокращению издержек на судебную защиту граждан. Мельник В.Д. также поддерживает идею создания единой интернет-платформы, которая позволила бы напрямую взаимодействовать с потребителем, исключая использование искусственного интеллекта, а также предоставила возможность привлекать различного рода специалистов и медиаторов для достижения соглашения между спорящими сторонами [10, с. 60]. Причем, по нашему мнению, привлечение третьих лиц и оказание ими услуг должно осуществляться на безвозмездной основе. Роль обеспечителя оплаты услуг привлекаемых лиц должна быть возложена на государство. Это позволит исключить одну из причин игнорирования института медиации в качестве процедуры разрешения споров.

В случае отсутствия достижения соглашения между спорящими сторонами в лице покупателя и продавца в досудебном порядке, одна из сторон имеет возможность восстановить свои нарушенные права обращением в суд и подачи искового заявления. Данное право возникает у заинтересованного лица в порядке ст.3 ГПК РФ.

При подаче искового заявления в суд заинтересованное лицо должно руководствоваться правилами, установленными в статье 131 ГПК РФ, определяющей со-

держание данного документа. Так, исковое заявление в первую очередь должно содержать наименование суда, в которое оно подается, сведения об истце и ответчике, сведения об объеме нарушенных прав и требования, заявляемые заинтересованным лицом, а также совокупность доказательств, подтверждающих нарушение прав лица. Кроме того, исковое заявление должно содержать сумму иска, а также документы, которые могут подтвердить соблюдение претензионного порядка урегулирования спора. Но в случае со спорами, вытекающими из договора розничной купли-продажи товаров, претензионный порядок не является обязательным.

В области судебной защиты сторон по договору розничной купли-продажи товаров нами была найдена проблема, возникающая в процессе судебного разбирательства, и касается она распределения бремени несения расходов за проведение товароведческой экспертизы, которая была проведена по инициативе суда. По общему правилу, согласно п.2 ст.96 ГПК РФ «в случае, если вызов свидетелей, назначение экспертов, привлечение специалистов и другие действия, подлежащие оплате, осуществляются по инициативе суда, соответствующие расходы возмещаются за счет средств федерального бюджета» [5]. Таким образом, Истец или Ответчик не должны возмещать услуги эксперта из своего бюджета.

Но на практике случается так, что суд не использует данную норму, возлагая обязанность по возмещению расходов эксперта на одну или обе спорящие стороны. Так, частой проблемой в процессе доказывания является момент, связанный с оплатой услуг эксперта при проведении судебной экспертизы по инициативе заинтересованной в этом стороны. Услуги экспертной организации на рынке стоят немало, а сумма по г. Тольятти в зависимости от объекта экспертизы может достигать до двадцати тысяч рублей, что является непосильной ношей для некоторых граждан. Таким образом, они теряют один из способов доказать свою правоту только лишь из-за финансовых трудностей. На наш взгляд, судья в таком случае должен пойти на уступки гражданина и воспользоваться возможностью провести судебную экспертизу по своей инициативе, тем самым возложив расходы по оплате услуг эксперта на государство, или же освободить гражданина от отплаты услуг эксперта в порядке п.3 ст.96 ГПК РФ.

Но в большинстве случаев судья не проявляет такой инициативы, что в последующем сказывается на итоговом решении. Так, Решением мирового судьи судебного участка №114 Центрального судебного района г. Тольятти по гражданскому делу №2-494/2023 Истцу было отказано в иске, а содержание Решения содержало следующее: «В материалах дела не содержатся сведения о назначении по делу судебной товароведческой экспертизы, также следует отметить, что данное ходатайство истцом не заявлялось. Кроме того, Истец в своих показаниях подтвердила, что со стороны продавца ей было предложено провести экспертизу на наличие недостатка в товаре, однако Истец отказалась» [13]. Стоит отметить, что Ответчик в лице продавца предлагал провести Истцу экспертизу, но за его счет, что было непосильно для Истца. Суд не учел данные обстоятельства и не назначил проведение экспертизы по своей инициативе.

Таким образом, в таких ситуациях судам следует более грамотно решать вопрос, связанный с несением бремени расходов по оплате услуг эксперта. Коцарь Е.И. говорит, что «необходимо «оживить» норму, предусмотренную ч.2 ст. 96 ГПК РФ, особенно в спорах о защите прав потребителей, так как на сегодняшний день она

абсолютно непопулярна у судов при разрешении дел, даже с учетом того, что вопрос о ее применении в целом встает не так часто» [8, с. 94].

На сегодняшний момент в сфере защиты прав сторон, вытекающих из договора розничной купли-продажи, существует проблема «потребительского экстремизма». Данное понятие не имеет официального юридического закрепления, но, тем не менее, достаточно распространено в практической деятельности. Понятие потребительского экстремизма приравнивают к такому явлению, как злоупотребление правом, запрет на которое устанавливается ст. 10 ГК РФ. Данная статья предусматривает ответственность лица за злоупотребление правом в виде частичного или полного отказа в судебной защите его прав и законных интересов, а также иные меры, к примеру, возмещение убытков потерпевшему лицу.

На наш взгляд, причина потребительского экстремизма, а именно злоупотребления своим правом, кроется в том, что потребитель, как более слабая экономическая сторона, наделяется большим количеством прав, по сравнению с продавцом, и перестает чувствовать границы их применения, ссылаясь на то, что «клиент всегда прав». Ахмедова З.А. и Тажудинова К.А. отмечают, что «покупатели злоупотребляют своим правом на обмен товара надлежащего качества, меняют его неоднократно и тем самым постоянно обновляют свой гардероб или обстановку» [1, с. 56] . Также не исключена и намеренная порча товара покупателем с целью его возврата под предлогом ненадлежащего качества, если, к примеру, 14-дневный срок на стандартный возврат товара истек. Продавцы чаще всего идут на поводу у таких «нарушителей» и либо совершают обмен товара, либо возвращают денежные средства, апеллируя тем, что такая позиция с их стороны будет наиболее выгодной, чем, если им придется совершать расходы на проведение соответствующей экспертизы и втягивать себя в судебные тяжбы. Кроме того, менее стеснительные потребители могут предъявлять различного рода угрозы продавцу, к примеру, оставление негативного отзыва об их работе и качестве товаров, что ставит продавца в невыгодное положения, так как такие действия со стороны покупателя могут повлиять на репутацию бизнеса.

Как показывает судебная практика, случаев злоупотребления своим правом со стороны потребителя немало. Целью «потребительских экстремистов» в большинстве случаев является получить определенного рода выгоду от продавца, нажиться на нем. Так, из содержания Решения Автозаводского районного суда г. Тольятти от 13 мая 2019 г. по делу № 2-2-1957/2019 мы видим, что Истец, в лице Базалея И.С. обратился в суд с иском к Ответчику, в лице ООО «ЭЛЛАДА ИНТЕРТЕЙД», с требованием возврата денежных средств за купленный автомобиль в размере 739900 руб., разницы между ценой автомобиля по договору и стоимостью нового автомобиля соответствующего аналогичному в размере 324000 руб., неустойки за несвоевременное удовлетворения требования в размере 617062 руб., в счёт компенсации морального вреда 50000 руб., а также расходов по оплате почтового отправления 167 руб. 94 коп. [12].

Судом в ходе разбирательства были установлены следующие обстоятельства: Истец уже ранее обращался в суд с требованием на возврат денежных средств за автомобиль, но после изменил свои исковые требования на устранение недостатков. По данному иску судом было принято решение обязать ООО «ЭЛЛАДА ИНТЕРТЕЙД» устранить недостатки в автомобиле. В новом судебном заседании

Истец утверждал, что обратился за устранением недостатков в дилерский центр ООО «Имола», устно сообщив при этом, что это должно быть устранение по решению суда. Дилерским центром в оказании данной услуги Истцу было отказано. Как выяснилось, ООО «Имола» не являлось участником прошлого судебного процесса, никаких сведений о принятом решении на момент обращения не имело, а значит, ее отказ в безвозмездном устранении недостатков по решению суда был обоснованным. Причем ООО «Имола» отметило, что Истец обратился к ним в тот момент, когда решение суда еще не вступило в законную силу.

В новом судебном заседании Истец в качестве правовых оснований для удовлетворения заявленных требований указывал на нарушение максимальных сроков устранения недостатков. Хотя, как оказалось, напрямую к Ответчику Истец ни разу не обратился. Выдержка из судебного решения Автозаводского районного суда содержит следующее: «Истец недобросовестно пользуется своими правами и явно злоупотребляет ими, так как восстановить якобы нарушенное право Истца возможно гораздо менее затратными (с точки зрения времени и средств) способами, чем обращение в Суд с требованием о возврате уплаченной за товар суммы: устранением обнаруженных недостатков. Истец же после 5-ти лет эксплуатации Автомобиля, после окончания срока действия гарантии, требует возврата уплаченной за товар денежной суммы. Действия Истца подпадают под все признаки потребительского экстремизма». Таким образом, судом было принято решение о полном отказе в удовлетворении требований Истца со ссылкой на злоупотребление своими правами.

На наш взгляд, чтобы сократить случаи «потребительского экстремизма» и уберечь продавцом от лишних судебных разбирательств, необходимо предусмотреть более эффективные меры ответственности за злоупотребление своим правом. Ведь не исключены также случаи судебных ошибок, когда судья игнорирует открытые проявления «потребительского экстремизма» и выносит решение в пользу покупателя, что впоследствии может негативно сказаться как на финансовом положении продавца, так и, возможно, на его репутации. Одним из вариантов дополнительной меры ответственности за злоупотребление своим правом может являться штраф, ведь как показывает практика, лишние денежные затраты чаще всего останавливают людей от совершения действий с негативными последствиями.

Таким образом, нами были выявлены проблемы, существующие в сфере досудебной и судебной защиты продавцов и покупателей. Так, по нашему мнению, на законодательном уровне необходимо закрепить обязательный претензионный порядок урегулирования споров, вытекающих из договора розничной купли-продажи. Такое обязывание заинтересованной стороны позволит ей максимально использовать все средства защиты, в том числе взыскать с продавца штраф в размере пятидесяти процентов от суммы, присужденной судом в пользу потребителя. Введение обязательного претензионного порядка также решит проблему судей в вопросе определения момента начала начисления неустойки за неисполнение требования покупателя. Кроме того, необходимо провести мероприятия, направленные на популяризацию процедуры медиации, как одного из способов урегулирования споров, вытекающих из договора розничной купли-продажи товаров. Не стоит забывать и о разрешении споров между продавцом и покупателем в области «электронной торговли», которая нуждается в создании единой платформы по урегулированию споров. Также стоит решить вопрос, касающийся бремени несения расходов за прове-

дение товароведческой экспертизы по инициативе суда. И не менее острой проблемой является проблема «потребительского экстремизма», которая также требует своевременного реагирования со стороны государства.

Список литературы:

1.Ахмедова З.А., Тажудинова К.А. Потребительский экстремизм в современной России // Вестник Дагестанского государственного университета. 2021. №3. С. 55-60. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/potrebitelskiy-ekstremizm-v-sovremennoy-rossii/viewer (дата обращения: 15.02.2024).
2.Бондарь К.А. Проблемы развития и реализации альтернативной процедуры урегулирования споров с участием посредника (процедуры медиации) // Образование и право. 2023. №6. С. 68-72. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-i-realizatsii-alternativnoy-protsedury-uregulirovaniya-sporov-s-uchastiem-posrednika-protsedury-mediatsii (дата обращения: 15.02.2024).
3.Габов А.В. Онлайн-урегулирование споров участников цифровых платформ (экосистем) // Вестник гражданского процесса. 2022. №1. С. 208-235. // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.02.2024).
4.Гаманова Е.В. Способы защиты прав потребителя в договоре розничной купли-продажи // Синергия наук. 2019. №41. С. 16-22. URL: https://elibrary.ru (дата обращения: 15.02.2024).
5.Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.02.2024).
6.Дьяконова М.О. Альтернативные способы разрешения споров с участием потребителей // Вестник гражданского процесса. 2020. №6. С. 42-65. // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.02.2024).
7.Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.02.2024).
8.Коцарь Е.И. Роль экспертизы в делах о защите прав потребителей. Проблемы реализации механизма доказывания // NOVAUM.RU. 2020. №25. С. 92-95. URL: https://elibrary.ru (дата обращения: 15.02.2024).
9.Кужиль А.С. Развитие института медиации в гражданском процессе // Актуальные проблемы науки и образования в условиях современныз вызовов. 2023. С. 250-256. URL: https://elibrary.ru (дата обращения: 15.02.2024).
10. Мельник В.Д. О создании онлайн-сервиса урегулирования потребительских споров в Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. №7. С. 58-61. // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.02.2024).
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ №18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» от 22.06.2021 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 14.04.2024).
12. Решения Автозаводского районного суда г. Тольятти от 13 мая 2019 г. по делу № 2-2-1957/2019. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 15.02.2024).
13. Решение мирового судьи судебного участка №114 Центрального судебного района г. Тольятти от 17.05.2023 г. по гражданскому делу №2-494/2023. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 15.02.2024).
14. Савинкова А.С. К вопросу о самозащите прав потребителей // Наукосфера. 2022. №10. С. 320-324. URL: https://elibrary.ru (дата обращения: 15.02.2024).
15. Федеральный закон "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)" от 27.07.2010 № 193-ФЗ // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.02.2024).

Vorobyova O. A., Prokofieva A. V. Forms and problems of civil protection of the rights of consumers and sellers under the contract of retail sale of goods // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – C. 242–250.

The article considers the problems of civil legal protection of the rights of consumers and sellers under the contract of retail sale of goods. The authors assess the state of legal regulation of certain pre-trial and judicial protection of the rights of the parties under the contract of retail sale of goods, consider judicial practice, and also suggest ways of solving the identified problems. identified problems existing in the field of pre-trial and judicial protection of sellers and buyers. Thus, in our opinion, at the legislative level it is necessary to establish a mandatory claim procedure for the settlement of disputes arising from the contract of retail sale. Such an obligation of the interested party will allow it to make maximum use of all means of protection, including to recover from the seller a fine in the amount of fifty percent of the amount awarded by the court in favor of the consumer. The introduction of a compulsory claim procedure will also solve the problem of judges in deter-

mining when to start charging penalties for non-fulfillment of the buyer's claim. In addition, it is necessary to take measures aimed at popularization of mediation procedure as one of the ways to settle disputes arising from the contract of retail sale of goods. We should not forget about the resolution of disputes between the seller and the buyer in the field of "e-commerce", which needs a unified platform for dispute resolution. It is also worth addressing the issue of the burden of bearing the costs of conducting commodity analysis. In addition, it is necessary to carry out activities aimed at popularizing mediation procedures as one of the ways to settle disputes arising from the contract of retail sale of goods. We should not forget about the resolution of disputes between the seller and the buyer in the field of "e-commerce", which needs a unified platform for dispute resolution. It is also worth resolving the issue of the burden of bearing the costs of conducting a commodity expert examination at the initiative of the court. And no less acute is the problem of "consumer extremism", which also requires a timely response from the state.

Keywords: purchase and sale, consumer, seller, consumer extremism, claim procedure, mediation, electronic commerce.

Spisok literatury:

1.Akhmedova Z.A., Tajudinova K.A. Consumer extremism in modern Russia // Bulletin of Dagestan State University. 2021. №3. C.55-60. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/potrebitelskiy-ekstremizm-v-sovremennoy-rossii/viewer (date of reference: 14.04.2024).
2. Bondar K.A. Problems of development and realization of alternative procedure of dispute settlement with the participation of an intermediary (mediation procedure) // Education and Law. 2023. №6. C. 68-72. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-i-realizatsii-alternativnoy-protsedury-uregulirovaniya-sporov-s-uchastiem-posrednika-protsedury-mediatsii (date of reference: 14.04.2024).
3.Gabov A.V. Online settlement of disputes of participants of digital platforms (ecosystems) // Vestnik Civil Process. 2022. №1. C. 208-235. // ConsultantPlus: reference legal system [Official site]. URL: http://www.consultant.ru/ (date of reference: 14.04.2024).
4.Gamanova E.V. Ways of protection of the consumer's rights in the contract of retail sale // Synergy of sciences. 2019. №41. C. 16-22. URL: https://elibrary.ru (date of reference: 14.04.2024).
5.The Civil Procedural Code of the Russian Federation from 14.11.2002 № 138-FZ (ed. from 25.12.2023) // ConsultantPlus: reference legal system [Official site]. URL: http://www.consultant.ru/ (date of address: 14.04.2024).
6.Dyakonova M.O. Alternative ways of resolving disputes involving consumers // Vestnik of civil procedure. 2020. №6. C. 42-65. // ConsultantPlus: reference legal system [Official site]. URL: http://www.consultant.ru/ (date of reference: 14.04.2024).
7.The Law of the Russian Federation from 07.02.1992 № 2300-1 (ed. from 04.08.2023) "About protection of the rights of consumers" // ConsultantPlus: a reference-legal system [Official site]. URL: http://www.consultant.ru/ (date of address: 14.04.2024).
8.Kotsar E.I. Role of expertise in cases of consumer rights protection. Problems of realization of the mechanism of proving // NOVAUM.RU. 2020. №25. C. 92-95. URL: https://elibrary.ru
9.Kuzhil A.S. Development of the institute of mediation in the civil process // Actual problems of science and education in the conditions of modern challenges. 2023. C. 250-256. URL: https://elibrary.ru.
10. Melnik V.D. On the creation of an online service for the settlement of consumer disputes in the Russian Federation // Arbitration and Civil Procedure. 2022. №7. C. 58-61. // ConsultantPlus: reference legal system [Official site]. URL: http://www.consultant.ru/ (date of reference: 14.04.2024).
11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 18 "On some issues of pretrial settlement of disputes considered in the order of civil and arbitration proceedings" from 22.06.2021 // ConsultantPlus: reference legal system [Official site]. URL: http://www.consultant.ru/.
12. Decisions of the Avtozavodsky district court of Togliatti from May 13, 2019 in case No. 2-2-1957/2019. URL: https://sudact.ru (accessed on 14.04.2024).
13. Decision of the justice of the peace of the peace of the court of judicial district № 114 of the Central judicial district of Togliatti from 17.05.2023 on civil case № 2-494/2023. URL: https://sudact.ru.
14. Savinkova A.S. To the question of self-protection of consumer rights // Naukosphere. 2022. №10. C. 320-324. URL: https://elibrary.ru (date of reference: 14.04.2024).
15. The federal law "About an alternative procedure of settlement of disputes with participation of the mediator (procedure of mediation)" from 27.07.2010 № 193-FZ // ConsultantPlus: reference legal system [Official site]. URL: http://www.consultant.ru/ (date of address: 14.04.2024).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 251–257.

УДК 347.1

ПРАВОВАЯ ОСНОВА МЕХАНИЗМА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Демин А. А.

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Правовой механизм в юридической литературе рассматривается как инструмент воздействия на общественные отношения. Механизм гражданско-правового регулирования представляет собой совокупность юридических средств, с помощью которых осуществляется упорядочение отношений гражданского общества. В статье показывается обусловленность формирования юридических конструкций механизма гражданско-правового регулирования в зависимости от состояния правоотношения. В результате делается вывод, что наступление юридического эффекта от действия гражданско-правового механизма возможно в регулятивном состоянии правоотношения. Если, в случае нарушения прав, гражданское правоотношение перестает носить регулятивный характер и переходит в охранительное состояние, наступление изначально запланированных юридических последствий становится невозможным. В этом случае требуется приведение гражданского правоотношения вновь в регулятивное состояние путем устранения возникших препятствий через задействование охранительных средств механизма гражданско-правового регулирования. Регулятивное и охранительное состояние правоотношения обуславливает задействование соответствующих юридических средств механизма гражданско-правового регулирования.

Ключевые слова: механизм гражданско-правового регулирования, регулятивное и охранительное состояние гражданского правоотношения, юридические конструкции, правовые средства, функции гражданского права, нарушение права.

В юридической литературе в последние годы о правовом механизме говорится как об инструменте регулирования общественных отношений [1]. Содержательно правовой механизм как юридического порядка впервые раскрыто С.С. Алексеевым. Учёный отмечает, что механизм правового регулирования представляет собой взятую в единстве всю совокупность юридических средств, при помощи которых обеспечивается правовое воздействие на общественные отношения [2, с. 30]. Упорядочение действий субъектов с применением гражданско-правовых норм обусловлено рядом факторов, которые определяют действие механизма гражданско-правового регулирования. Социальное назначение права состоит в том, чтобы регулировать поведение людей. Однако установленные государством правовые нормы не могут выполнять регулирующей роли без сложного механизма их реализации [3, с. 453].

Механизм гражданско-правового регулирования действует в рамках гражданского правоотношения, которое представляет собой динамичное явление и в своем развитии проходит несколько стадий. Каждая из стадий складывающегося отношения требует своего правового упорядочения, начиная с периода своего возникновения, где необходимо задействование различных юридических средств. Например, в ст. 218 ГК РФ закреплены основания приобретения права собственности на вещь, к которым относятся: приобретение права собственности по договору, в порядке наследования и другие. В гл. 28 ГК РФ установлены положения об условиях и порядке заключения договора и возникновении договорного правоотношения. Гл. 30 ГК РФ регулирует взаимодействия сторон по поводу приобретения права собственности на вещь в рамках заключенного договора купли-продажи. Следует отметить, что под

юридическими средствами признаются сочетания (комбинации) юридически значимых действий, совершаемых субъектами. В узком смысле юридические средства являются средства решения субъектами соответствующих задач, достижения своих целей (интересов) [4, с. 87].

Вместе с тем, встречаются ситуации, когда возникшее между сторонами правоотношение не развивается и наступление правовых последствий в виде изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей не происходит. Это может связано с тем, что субъекты правоотношений создали неподходящую модель поведения, выбрав неверную юридическую конструкцию и тем самым, неправильно сформировали правовую основу механизма гражданско-правового регулирования.

Как правило, выход из таких ситуаций субъекты видят в обращении за судебной защитой субъективных прав. Однако в подобного рода случаях защита не всегда может выступать способом разрешения возникшей правовой ситуации. Приведем пример: гражданка В. утверждает, что в период совместного проживания с гражданином З. без вступления в брак передала ему 1 млн. руб. на приобретение квартиры в общую долевую собственность на кредитные средства с первоначальным взносом 2 млн. руб. В последующем каждый из них стал собственником ½ доли в общем праве на квартиру стоимостью 8 млн. руб. Недостающая денежная сумма в размере 6 млн. руб. была перечислена банком на счет экскроу во исполнение заключенного В. и З. кредитного договора, по которому приобретали квартиры выступали в качестве солидарных должников (созаемщики) и залогодателей.

Спустя год, не желая погашать долговые обязательства по кредитному договору, В. обратилась в суд с требованиями о: 1) прекращении в отношении нее правоотношения по кредитному договору; 2) перевода всех обязательств по кредитному договору на гражданина З., и 3) выплате ей компенсации стоимости за принадлежащую ей ½ долю в праве общей собственности на квартиру в размере 1 млн. рублей. В последующем В. изменила свои исковые требования и просила о возврате переданных гражданину З. на приобретение квартиры денежных средств в размере 1 млн. рублей. И несмотря на то, что она является собственником ½ приобретенной на спорные денежные средства квартиры, в качестве основания взыскания 1 млн. рублей В. ссылалась на то, что переданные денежные средства являются неосновательным обогащением З. (см.: Определение Советского районного суда города Нижнего Новгорода по делу № 2-3187/2024 ~ М-1866/2024).

Из ситуации видно, что гражданка В. обратилась в суд с требованием о возврате переданных ею денежных средств в размере 1 млн. руб. и прекращении в отношении нее заемных обязательств с кредитной организацией, с переводом всех обязанностей на другого созаемщика без согласия кредитной организации. Исковые требования З. не признал, сославшись на то, что не нарушал права В.

Рассмотрим спор с точки зрения действия механизма гражданско-правового регулирования сложившихся между В. и З. отношений. Механизм гражданско-правового регулирования представляет собой совокупность юридических средств, с помощью которых осуществляется регулирование отношений. Эта совокупность юридических средств составляет индивидуальную правовую основу регулирования отношений конкретных лиц. Основным средством механизма правового регулирования является правовая норма. Состав правовых норм (юридическая конструкция), используемых в регулировании конкретной ситуации, обуславливается в первую

очередь видом и характером правоотношения [5]. Так, собственником вещи можно стать по различным основаниям, например, посредством приобретения вещи по договору (договорное правоотношение), по наследству (наследственное правоотношение) или по факту создания вещи (вещное правоотношение в результате создания вещи). Получается, что в зависимости от существа правоотношения складывается определенная юридическая конструкция, которая обеспечивает его участникам достижение необходимого юридического эффекта.

Базовая юридическая конструкция может изменяться или дополняться правовыми средствами в зависимости от специфики субъектного состава участников правоотношения, правового режима объектов гражданских прав, в отношении которых действуют участники правоотношений, а также различного рода обстоятельств, с наступлением каждого из которых механизм гражданско-правового регулирования задействуется по-особому. Поэтому юридическая конструкция механизма гражданско-правового регулирования всегда строго индивидуальна и обладает способностью к изменчивости. Изменение базовой конструкции происходит за счет включения в ее в состав других (нетипичных для базовой правовой конструкции) средств или исключения отдельных правовых средств, в связи со спецификой субъектного состава участников правоотношения, правового режима объектов гражданских прав, а также различного рода обстоятельств, имеющих значение для механизма гражданско-правового регулирования.

Задачей механизма гражданско-правового регулирования является упорядочение поведения лиц, действующих для достижения участниками правоотношения поставленных правовых целей (приобрести право собственности на вещь по договору, приобрести имущество по наследству и т. д.). Именно для этого возникают, изменяются и прекращаются гражданские правоотношения [6, с. 31]. И в случае, когда поведение лиц соответствует индивидуальной юридической конструкции механизма гражданско-правового регулирования, состояние правоотношения является регулятивным, т. е. стороны действуют в соответствии со сложившейся индивидуальной моделью, не создавая препятствий для достижения поставленных целей.

В случае нарушения субъективных прав или угрозы их нарушения правоотношение переходит в охранительное состояние и гражданское право начинает выполнять охранительную функцию. В этом случае могут быть задействованы юридические средства механизма гражданско-правового регулирования, обеспечивающие защиту нарушенного субъективного права либо устраняющие угрозу его нарушения. Необходимость в защите возникает всякий раз, когда регулятивные средства механизма «не срабатывают» и не может быть обеспечено удовлетворение определенных сторонами социальных потребностей. Тогда встает вопрос о выборе средств и способов защиты, посредством которых станет возможным возврат правоотношения в регулятивное состояние.

В юридической литературе говорится о защите субъективных гражданских прав при их нарушении или угрозе их нарушения [7]. В.П. Грибанов отмечает, что признавая за тем или иным лицом определенные субъективные права и обязанности, гражданское законодательство предоставляет управомоченному лицу и права на из защиту. Это и понятно, ведь субъективное право, предоставленное лицу, но не обеспеченное от его нарушения необходимыми средствами защиты, является лишь «декларативным правом [8, с. 104]. Д.М. Чечот считает, что защита субъективного

права связана с применением совокупности допустимых законом средств, которые направлены на защиту нарушенного права. Средства защиты применяются в связи с нарушением права и реально обеспечивают восстановление нарушенных правоотношений [9, с. 36]. Защита субъективных гражданских прав, полагает Т.И. Илларионова, представляет собой принудительный (в отношении обязанного лица) способ осуществления субъективного права, применяемый в установленном законом порядке компетентными органами или самим управомоченным лицом в целях восстановления нарушенных прав [10, с. 39]. Проф. Е.В. Вавилин пишет, что целью осуществления субъективного гражданского права является полная реализация предоставленного лицу права [11, с. 36]. Осуществление субъективного гражданского права обеспечивается регулятивными средствами механизма гражданско-правового регулирования. В свою очередь, защита вызвана невозможностью или угрозой невозможности беспрепятственного осуществления субъективных гражданских прав. Например, защита нарушенного вещного права собственности в виде создания препятствий пользования принадлежащей вещью, позволяет задействовать нормы Гл. 20 ГК РФ (Защита права собственности и других вещных прав). В данном случае целью защиты является восстановление возможности пользования вещью и приведение вещного правоотношения в регулятивное состояние.

Для обязательственных правоотношений, возникающих в сфере гражданского (имущественного) оборота, характерным является нарушение в форме неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанным лицом взятых на себя обязательств. Поэтому защита, как правило, обеспечивается судебным (публичным) принуждением к совершению тех действий, к которым лицо обязалось при установлении обязательства. Так, в ст. 308.3 ГК РФ устанавливается, что в случае неисполнения должником обязательства кредитор вправе требовать по суду исполнения обязательства в натуре, если иное не предусмотрено ГК РФ, иными законами или договором либо не вытекает из существа обязательства. Возможен и отказ от исполнения обязательства кредитором в связи с просрочкой должника. Закон допускает, что если вследствие просрочки должника исполнение утратило интерес для кредитора, он может отказаться от принятия исполнения и требовать возмещения убытков (п. 2 ст. 405 ГК РФ).

Для обязательственных отношений в законе предусматривается широкий спектр юридических охранительных средств механизма гражданско-правового регулирования, задействование которых обеспечивает нормальное регулирование обязательственного правоотношения и достижение социальных потребностей лиц. Есть также правовые средства, использование/применение которых приводит к тому, что обязательство прекращается и стороне, чей правовой интерес остался не удовлетворен, средства механизма гражданско-правового регулирования обеспечивают восстановление имущественного положения, которое существовало до нарушения.

Защита нарушенного права невозможна, когда нормы права не предусматривают возможность определенного поведения и достижения соответствующего правового эффекта. Например, покупатель не может немотивированно отказаться от принятия вещи и требовать расторжения договора. В данном случае речь идет о пределах индивидуального правового регулирования. По обоснованному мнению Т.В. Кашаниной, пределами индивидуального регулирования принято считать закрепленные законом рамки, в которых субъектам права предоставляется возможность по соб-

ственному усмотрению определять свое поведение [12, с. 128]. Н.А. Дмитрик относительно пределов индивидуального регулирования говорит, как о мере тех способов, в которых данное поведение может находить свою реализацию [13, с. 12]. Тем самым, невозможность удовлетворения правового интереса лица в регулятивном состоянии гражданского правоотношения может связывается не с нарушением его субъективных прав, а со спецификой правового регулирования, которое не предусматривает или вовсе запрещает наступление таких правовых последствий. И в этом случае, задействование юридических средств защиты механизма гражданско-правового регулирования бесперспективно, поскольку правоотношение не находится в охранительном состоянии. В этом случае юридическая конструкция гражданско-правового механизма не может быть дополнена средствами защиты; требуются нормы, обеспечивающие осуществление субъективного гражданского права [14].

Вернемся к приведенному в начале статьи судебному спору. Решение правовой ситуации видится в том, что в законе отсутствует юридическая конструкция механизма гражданско-правового регулирования, допускающая односторонний отказ от исполнения кредитного договора с переводом долга на другого созаемщика без ведома кредитной организации и залодержателя. Требования гражданки В. о прекращении в отношении нее обязательства по выплате взятого на приобретение квартиры кредита с переводом оставшейся задолженности на З. попросту не основаны на законе. Также невозможно без согласия З. принудить выкупить его принадлежащую гражданке В. на праве собственности ½ доли в квартире по правилам ст. 252 ГК РФ. Более того, сложившиеся между В. и З. взаимоотношения нельзя квалифицировать и в качестве неосновательного обогащения, поскольку В. предоставила З. денежные средства заведомо во исполнение несуществующего обязательства перед ним (пп. 4 ст. 1109 ГК РФ) (См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 16.06.2020 №5-КГ20-29, 2-2159/2019). Следовательно, гражданка В. требует защиту субъективного права в рамках правоотношения, которое не находится в охранительном состоянии, и потому отсутствует возможность задействования механизмом гражданско-правового регулирования юридических средств защиты. В данном случае, действует иной (регулятивный) механизм гражданско-правового регулирования [15].

С учетом изложенного следует сделать вывод, что наступление юридического эффекта, на который рассчитывали участники правоотношения, происходит в регулятивном состоянии правоотношения и обеспечивается соответствующими юридическими средствами механизма гражданско-правового регулирования. Нарушение субъективного права приводит к тому, что гражданское правоотношение перестает носить регулятивный характер и, чтобы обеспечить достижение поставленных целей и удовлетворить частный интерес участников, оно должно приобрести охранительное состояние. Изменение состояния правоотношения обуславливает необходимость привлечения юридических средств защиты механизма гражданско-правового регулирования с возможностью полной смены изначально сформированной конструкции. В нашем примере З. не нарушал права В., на полученные от нее денежные средства он приобрел для нее ½ долю в праве собственности на квартиру, а ее обязательства по кредитному договору возникли по ее воле. Механизм гражданско-правового регулирования в рамках гражданского правоотношения общей долевой собственности и в рамках кредитного договорного правоотношения дей-

ствовал должным образом, правоотношения находились не в охранительном, а регулятивном состоянии, должным образом обеспечивая осуществление права общей собственности З. и В., а также исполнение обязанностей в рамках договорного кредитного отношения.

Список литературы:

1. Сапун В.А. Деятельность по использованию правовых средств в реализации советского права // Проблемы реализации права Мевуз. сб. научн. трудов. – Свердловск, 1990. – С. 25-31.
2. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – М., 1966. – 187 с.
3. Теория государства и права : Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. - 2-е изд., перераб и доп. – М.: Юристъ, 2001. – 776 с.
4. Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. – М.: Юрид. лит., 1984. – 223 с.
5. Демин А.А. Механизм гражданско-правового регулирования: нормативные общности и юридические конструкции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2020. – № 5. – С. 106-110.
6. Толстой Ю. К. К теории правоотношения. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. – 88 с.
7. Чеговадзе Л.А., Дерюгина Т.В. О целях и способах защиты гражданских прав // Цивилист. – 2022. – № 2. – С. 37-42.
8. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. – М.: Статут, 2000. – 411 с.
9. Чечот Д.М. Субъективное право и формы его защиты. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – 72 с.
10. Илларионова Т.И. Механизм действия гражданско-правовых охранительных мер. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1980. – 76 с.
11. Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. - 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2016. – 416 с.
12. Кашанина Т.В. Индивидуальное регулирование в правовой сфере // Советское государство и право. – 1992. – №1. – С. 122-130.
13. Дмитрик Н.А. Способы осуществления субъективных гражданских прав и исполнения обязанностей с использованием сети Интернет: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – 28 с.
14. Дерюгина Т.В. Некоторые проблемы определения пределов осуществления гражданских прав // Российская юстиция. – 2008. |– № 12. – С. 2-4.
15. Демин А. А. О правовых механизмах в гражданском праве // Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 1. – С. 112-117.

Demin A. A. The legal basis of the mechanism of civil law regulation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. – C. 251–257.

The legal mechanism in the legal literature is considered as an instrument of influence on public relations. The mechanism of civil law regulation is a set of legal means by which the regulation of civil society relations is carried out. The article shows the conditionality of the formation of legal structures of the mechanism of civil law regulation depending on the state of the legal relationship. As a result, it is concluded that the onset of a legal effect from the action of a civil law mechanism is possible in the regulatory state of a legal relationship. If, in case of violation of rights, the civil legal relationship ceases to be of a regulatory nature and passes into a protective state, the onset of initially planned legal consequences becomes impossible. In this case, it is necessary to bring the civil legal relationship back into a regulatory state by eliminating the obstacles that have arisen through the use of protective means of the mechanism of civil law regulation. The regulatory and protective state of the legal relationship determines the use of appropriate legal means of the mechanism of civil law regulation.

Keywords: mechanism of civil law regulation, regulatory and protective state of civil law relations, legal constructions, legal means, functions of civil law, violation of law.

Spisok literatury

1. Sapun V.A. Deyatel'nost' po ispol'zovaniyu pravovyh sredstv v realizacii sovetskogo prava // Problemy realizacii prava. Sverdlovsk, 1990.
2. Alekseev S.C. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v socialisticheskom gosudarstve. M., 1966.
3. Teoriya gosudarstva i prava : Kurs lekcij / Pod red. N.I. Matuzova i A.V. Mal'ko. - 2-e izd., pererab i dop. M.: Yurist", 2001.
4. Puginskij B.I. Grazhdansko-pravovye sredstva v hozyajstvennyh otnosheniyah. - M.: Yurid. lit., 1984.
5. Demin A.A. Mekhanizm grazhdansko-pravovogo regulirovaniya: normativnye obshchnosti i yuridicheskie konstrukcii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. – 2020. – № 5.
6. Tolstoj Yu. K. K teorii pravootnosheniya. - L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1959.
7. Chegovadze L.A., Deryugina T.V. O celyah i sposobah zashchity grazhdanskih prav // Civilist. 2022. № 2.

8. Gribanov V.P. Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskih prav. - M.: Statut, 2000.
9. Chechot D.M. Sub"ektivnoe pravo i formy ego zashchity. L., Izd-vo Leningr. un-ta, 1968.
10. Illarionova T.I. Mekhanizm dejstviya grazhdansko-pravovyh ohranitel'nyh mer. - Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1980.
11. Vavilin E.V. Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskih prav. - 2-e izd., pererab. i dop. - M.: Statut, 2016.
12. Kashanina T.V. Individual'noe regulirovanie v pravovoj sfere // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1992. №1.
13. Dmitrik N.A. Sposoby osushchestvleniya sub"ektivnyh grazhdanskih prav i ispolneniya obyazannostej s ispol'zovaniem seti Internet: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2007.
14. Deryugina T.V. Nekotorye problemy opredeleniya predelov osushchestvleniya grazhdanskih prav // Rossijskaya yusticiya. 2008. |№ 12.
15. Demin A. A. O pravovyh mekhanizmah v grazhdanskom prave // Pravovaya paradigma. – 2019. – T. 18, № 1.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 258–265.

УДК 334.732.2

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЕ ФОРМИРОВАНИЕ КРЕДИТНЫХ КООПЕРАТИВОВ В СТРУКТУРЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Невлев В. В.

Белгородский университет кооперации, экономики и права

Исследуются социальные условия и правовые особенности установления отечественных кредитных кооперативов отдельной организационно-правовой формой юридического лица. Характеризуются особенности правового положения видов юридических лиц в российском гражданском законодательстве. Рассматриваются содержание понятия и классификация организационно-правовых форм юридических лиц. Даются определение и правовые рамки характера деятельности и функций кооперативов, их подразделение на производственные и потребительские. Выделены признаки кредитных кооперативов в системе потребительской кооперации. Анализируется некоммерческая сущность деятельности кооперативного кредитования. Показано общее и отличие производственного и потребительского кооперативов. Отмечена зависимость юридических лиц от экономических и политических факторов. Предлагаются пути совершенствования российского законодательства о кооперативах.

Ключевые слова: потребительская кооперация, кредитный кооператив, кооперативное законодательство, правовое регулирование, организационно-правовая форма, юридическое лицо, некоммерческая деятельность, юридическая конструкция, кооперативная идеология, трансформация.

С момента зарождения капитализма в Европе появилась социальная необходимость защиты и оказания помощи рабочим. Такой универсальной формой стала кооперация, которая шагает по планете около 200 лет. Сегодня кооперация – старейшая социально ориентированная система, осуществляющая деятельность на всей территории страны. В теории кооперации обоснованы правовые, организационные, экономические и социальные основы кооперации, раскрыты формы и методы её социально-экономической деятельности, показаны значение в удовлетворении материальных, экономических и иных потребностей пайщиков и обслуживаемого населения, роль в развитии сельских территорий, взаимоотношения кооперации с государством, её место в национальном и международном кооперативном движении.

Социальную миссию и задачи кооперации определяют её ценности и принципы, которые влияют на структуру управления, многоотраслевую хозяйственную и образовательную деятельность, виды работ и профессий, внутрисистемные отношения, современное развитие, обобщение опыта её исторического развития. Умение анализировать правовые и социально-экономические условия функционирования системы кооперации, направления её развития даёт необходимую информацию. Полученные знания позволяют сравнивать другие организации рыночной экономики с организациями кооперации, выделять их преимущества, делать выбор [4, с.28-29].

Кооперация – это автономная и независимая форма общественно полезной деятельности, основанная на добровольном и открытом членстве, демократическом контроле, межкооперативном сотрудничестве для достижения хозяйственных, общественных и потребительских целей. Кооперация подразделяется на потребительскую и производственную. Остановимся более подробно на первом виде.

Потребительская кооперация представляет собой совокупность автономных и независимых потребительских кооперативов, и их союзов, взаимодействующих между собой на основе общепризнанных международных кооперативных принципов в рамках, установленных учредительными документами [16, с. 156-157].

Кооператив – основная организация кооперативной системы, которая является многоотраслевой и многофункциональной. Одним из главных видов потребительской кооперации является кредитная кооперация, а её первичной социально-экономической организацией в кооперативной системе – кредитный кооператив. В своё время кредитная кооперация была создана как вид потребительской кооперации, объединившей сельских и городских товаропроизводителей, рабочих и служащих для удовлетворения потребностей в мелком кредите в форме создания общего денежного фонда. Деятельность кредитной кооперации позволяет оперативно решать задачи малого бизнеса, привлекать в доступную экономическую деятельность малоимущие слои населения [15]. Определяя уровень теоретической разработанности темы статьи, следует указать, что выбранная для изучения проблема не получила полного научного изучения в юридической и кооперативной литературе. Российская наука исследует кредитную потребительскую кооперацию больше в исторической проекции, что отражает её юридический базис.

Целью данного исследования является разработка теоретико-методологических основ гражданско-правового регулирования кредитной потребительской кооперации в России, обоснование ряда теоретических выводов, предложений и рекомендаций, которые могут быть использованы для дальнейших научных исследований, в законотворческой и правоприменительной практике. Достижение названной цели требует решения следующих задач: обобщение и систематизация имеющихся взглядов по проблематике гражданско-правового регулирования кредитной потребительской кооперации; анализ источников правового регулирования кредитной кооперации; определение юридического понятия «кооперация» и «потребительская кооперация»; выявление сущности юридической личности кредитного кооператива и определение его места в системе юридических лиц; проведение юридической классификации кредитных кооперативов; определение правового режима имущественных и корпоративных отношений в кредитном потребительском кооперативе.

Объектом исследования являются закономерности гражданско-правового регулирования общественных отношений, возникающих в сфере кредитной кооперации. Остановимся более подробно на содержании понятий: организационно-правовая форма, кредитный кооператив, юридическое лицо. Характеризуя особенности правового положения отдельных видов юридических лиц, российское гражданское законодательство использует такие понятия как: вид юридического лица (п.1 ст.49; п.2 ст.52; п.5 ст.58; п.1 ст.68; п.3 ст.120 ГК РФ); форма создания юридического лица (п.2, 3 ст.50; п.4 ст.61; п.2 ст.65; п.2,3 ст.66; п1 ст.113; п.1 ст.121 ГК РФ); организационно-правовая форма юридического лица (п.1 ст.54; п.5 ст.58 ГК РФ).

Анализ норм гл. 4 ГК РФ «Юридические лица» позволяет сделать вывод о том, что эти три понятия используются как синонимы. Несмотря на то, что содержание и объем этих терминов официально не определены, однако представляется возможным при рассмотрении вопроса об отдельных видах юридических лиц проводить анализ особенностей их организационно-правовых форм [19]. В литературе под организационно-правовой формой понимается такой вид юридического лица, который отличается от другого вида способом создания, объемом правоспособности, порядком управления, характером и содержанием прав и обязанностей учредителей (участников) в отношении друг друга и юридического лица [9, с. 258-259].

Гражданскому законодательству известны следующие основные организацион-

но-правовые формы (виды) юридических лиц, отвечающие настоящим требованиям: полное товарищество (п.1 ст.69 ГК РФ); товарищество на вере (коммандитное товарищество) (п.1 ст.82 ГК РФ); общество с ограниченной ответственностью (п.1 ст.87 ГК РФ); общество с дополнительной ответственностью (п.1 ст.95 ГК РФ); акционерное общество (п.1 ст.96 ГК РФ); производственный кооператив (артель) (п.1 ст.107 ГК РФ); унитарное предприятие (п.1 ст.113 ГК РФ); потребительский кооператив (п.1 ст.116); общественные и религиозные организации (п.1 ст.117 ГК РФ); фонды (п.1 ст.118 ГК РФ); учреждения (п.1 ст.120 ГК РФ); объединения юридических лиц (ассоциации и союзы) (п.1 ст.121 ГК РФ); иные виды юридических лиц, предусмотренные гражданским законодательством. Все эти легально существующие организационно-правовые формы можно, условно, разделить на 4 примерных группы юридических лиц: хозяйственные товарищества и общества (ст.48, 50, §2 гл.4 ГК РФ); кооперативы (ст.48, 50, §3, ст.116 гл.4 ГК РФ); государственные и муниципальные унитарные предприятия (ст.48, 50, §4 гл. 4 ГК РФ); некоммерческие организации (ст.48, 50, 117-119, 120, 121-123 ГК РФ) [11, с. 416-418].

Остановимся на анализе особенностей такой организационно-правовой формы юридических лиц как кредитные кооперативы. Создание и развитие кредитных кооперативов необходимо рассматривать как важное средство экономического, социального и культурного развития, а также прогресса человека в развитых и развивающихся странах. В Резолюции, принятой Генассамблеей ООН (по докладу Третьего комитета) признаётся, что кооперативы в их различных формах способствуют обеспечению максимально широкого участия в экономическом и социальном развитии всех групп населения, включая женщин, молодежь, пожилых людей и инвалидов, и становятся одним из важнейших факторов социально-экономического развития [17].

Такой подход к юридической конструкции кредитных кооперативов соответствует Декларации о кооперативной идентичности, принятой в 1995 г. XXXI Конгрессом Международного кооперативного альянса (МКА) в г. Манчестере. Согласно данной Декларации, кооператив независимо от вида и формы – одно характерное социальное явление, представляющее собой «автономную ассоциацию лиц, добровольно объединившихся с целью удовлетворения своих экономических, социальных и культурных потребностей посредством совместно владеемого и демократически управляемого предприятия» [10, с. 20]. Действующее гражданское законодательство РФ установило также многообразие потребительских кооперативов и признало за ними статус юридического лица.

Генеральная конференция Международной организации труда, созванная в Женеве 3.06.2002 г. на свою 90 сессию, высоко оценивая значение всех кооперативов, приняла Рекомендацию 2002г. о содействии развитию кооперативов, в которой признала, что применительно к настоящей Рекомендации термин «кооператив» означает самостоятельную ассоциацию людей, которые объединились на добровольной основе для удовлетворения своих общих экономических, социальных и культурных потребностей и устремлений посредством совместного владения предприятием, контролируемым на основе демократических принципов [18]. Рекомендацией МОТ № 193, от 20.06.2002г. «О содействии развитию кооперативов» предлагается стимулировать и укреплять самобытность разных кооперативов на основе: таких кооперативных ценностей, как взаимопомощь, личная ответственность, демократия, равенство, справедливость и солидарность; а также таких этических норм как честность,

открытость, социальная ответственность и забота о других; кооперативных принципов, которые разработаны международным кооперативным движением. Эти принципы: добровольный и открытый характер членства; демократический контроль со стороны их членов; участие членов кооперативов в экономической деятельности, их самостоятельность и независимость; образование, повышение квалификации и информация; сотрудничество между кооперативами; забота об обществе [13, с.89-102].

В успешном обществе должны существовать не только сильные государственный и частный секторы, но и сильные кооперативы. Именно в этом направлении правительство должно проводить политику поддержки и формировать правовые рамки, соответствующие характеру и функциям кооперативов и базирующиеся на кооперативных ценностях и принципах. Эти правовые рамки должны быть направлены на: создание институциональных основ, обеспечивающих как можно более быструю, простую, доступную и эффективную процедуру регистрации кооперативов; содействие политике, нацеленной на создание в кооперативах надлежащих резервов, часть которых оставалась бы неделимой, а также фондов солидарности; принятие мер контроля над кооперативами в соответствии с национальными законодательством и практикой и на условиях, соответствующих их характеру и функциям, содействующих уважению самостоятельности, и которые были бы не менее благоприятными, чем условия, в которых действуют предприятия и социальные организации других форм; содействие объединению кооперативов в кооперативные структуры, отвечающие потребностям членов кооперативов; стимулирование развития кооперативов в качестве самостоятельных и самоуправляемых предприятий, особенно в тех областях, где они призваны играть важную роль или оказывать такие услуги, которые другие организации не обеспечивают [18].

Таким образом, очевидна тенденция к выделению особой организационно-правовой формы кредитных кооперативов. Закрепим данную тенденцию, раскрыв общие признаки производственного и кредитного потребительского кооперативов.

В.П. Камышанский, Н.М. Коршунов, В.И. Иванов отмечают, что все кооперативы создаются для того, чтобы удовлетворять личные потребности своих членов, а получение прибыли – не цель деятельности кооператива, а лишь средство её достижения. Производственные и потребительские кооперативы не являются в чистом виде ни коммерческим юридическим лицом, ни некоммерческой организацией. Это позволяет, несмотря на выявленные особенности и различия, включить их в единую группу организационно-правовых форм – кооперативы [7, с. 218].

В действующем ГК РФ потребительские кредитные кооперативы отнесены к некоммерческим организациям в противовес производственным, что предопределяет соответствующую специфику правового регулирования. Тем самым заложена основа для раздела двух исторически однородных организационно-правовых образований [18]. Ущербность такого подхода справедливо подвергнута критике [1, с.71-81]. Кооперативы независимо от видов их деятельности – торговой, посреднической или производственной – объединяют общекооперативные принципы [12, с. 313-322].

Н.В. Козлова, говоря о различии коммерческих и некоммерческих юридических лиц, отмечает, что коммерческие юридические лица специально создаются для ведения предпринимательской деятельности, и в качестве основной цели своей деятельности преследуют извлечении прибыли (п.1 ст.50 ГК РФ). Учредители (члены) коммерческого юридического лица имеют право на получении доли прибыли [9, с.

258-259]. Напротив, ведя предпринимательскую деятельность, некоммерческие юридические лица, согласно п.1 ст. 50 ГК РФ, не распределяют полученную прибыль между участниками (учредителями, членами). Исключение составляют некоторые виды некоммерческих организаций, сама конструкция которых предполагает распределение прибыли, полученной юридическим лицом, между его участниками. Так, норма п. 5 ст. 116 ГК РФ гласит, что доходы, полученные потребительским кооперативом от предпринимательской деятельности, осуществляемой кооперативом в соответствии с законом и уставом, распределяются между его членами.

По мнению Н.В. Козловой, данная норма является не более чем досадным недоразумением, т.к. доходы, полученные потребительским кооперативом от разрешенной предпринимательской деятельности, по общему правилу, должны направляться на нужды кооператива, а не распределяться между его членами [9, с. 238].

В цивилистической литературе высказывается обоснованное мнение о том, что у потребительских кредитных кооперативов гораздо больше общего с кооперативами производственными, нежели с остальными видами некоммерческих организаций. Основная цель любого кооператива состояла и состоит в удовлетворении материальных и иных потребностей членов кооператива. Достигаться она может путем осуществления предпринимательской деятельности, направленной на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Но извлечение прибыли здесь является не самоцелью, а средством достижения другой цели – удовлетворения потребностей членов кооператива [1, с. 64-65]. Т.е., прибыль, получаемая любым кооперативом от его деятельности, используется на развитие кооператива, вознаграждение его членов соответственно участию в делах кооператива, их социальное обеспечение и другие предусмотренные уставом цели. Таким образом, предпочтительнее, является решение российского законодателя, закрепившего распределение доходов потребительского кредитного кооператива между его членами (п. 5 ст. 116 ГК РФ) [19].

В.Н. Швец приводит пример, когда казахстанский законодатель применительно к потребительским кредитным кооперативам своей республики избрал особый путь, установив в п.4 ст.108 ГК Республики Казахстан, что доходы, полученные потребительским кредитным кооперативом, не могут распределяться между его членами и направляются на уставные цели [19]. Однако такое законодательное решение вряд ли является оправданным, поскольку противоречит природе кредитных кооперативов и целям их создания, преследуемыми членами таких кооперативов.

ГК РФ не дает общего понятие кооператива. Определены только производственные и потребительские кооперативы. Под производственным кооперативом понимается добровольное объединение граждан на основе членства для совместной производственной или иной хозяйственной деятельности (производство, переработка, сбыт промышленной, сельскохозяйственной и иной продукции, выполнение работ, торговля, бытовое обслуживание, оказание других услуг), основанной на их личном трудовом и ином участии и объединении его членами (участниками) имущественных паевых взносов. ГК РФ допускает участие в деятельности кооператива не только физических, но и юридических лиц при условии, что подобное участие предусмотрено законодательством РФ и учредительными документами производственного кооператива. ГК РФ (п.1 ст.50) в зависимости от целей создания, выделил коммерческие и некоммерческие юридические лица. Производственный кооператив

отнесен к коммерческим юридическим лицам [19].

Основными признаками потребительского кооператива являются: добровольная основа образования; объединение на основе членства лиц с переменным составом; взаимопомощь; удовлетворение материальных и иных потребностей своих членов; совместное владение предприятием; следование общепризнанным кооперативным принципам. Потребительским кредитным кооперативом ГК РФ признал добровольное объединение граждан и юридических лиц на основе членства с целью реализации материальных и других потребностей участников, осуществляемое путем объединения его членами имущественных и паевых взносов, и отнес организационно-правовую форму юридического лица – кредитный кооператив, к некоммерческим юридическим лицам [16, с.13-14].

В предусмотренных ГК РФ понятиях «производственный кооператив» и «потребительский кредитный кооператив» содержатся общие признаки: организационно – правовая форма юридического лица; производственный и потребительский кооперативы – это добровольное объединение граждан; организационной основой обоих разновидностей кооперативов является членство; формой объединения соответствующих средств для создания имущественной базы любого кооператива являются паевые взносы членов. Данные признаки весьма существенны. Они свойственны любому кооперативу и достаточно полно представлены в ГК РФ [12, с. 418-423].

Существование в российском правовом поле определенной системы юридических лиц обусловлено влиянием многих факторов экономического и политического характера. Отдельные конструкции юридических лиц могут появляться и исчезать вслед за сменой формы государственного устройства, формы правления и даже политического режима конкретного государства. Как подчеркивает Е.А. Суханов, появление, функционирование и развитие юридических лиц в значительной степени определяется господствующим в экономике типом хозяйственного механизма, то есть принятой системой регуляторов экономической деятельности – рыночной, планово-централизованной, смешанной, переходной. В зависимости от этого расширяется или сужается сеть юридических лиц, появляются или исчезают некоторые их разновидности [8, с. 178-179]. Правовая наука и законодательство европейских государств классифицируют юридические лица по разным критериям [6, с. 35].

В литературе дискутируется вопрос о разграничении организационно-правовых форм юридических лиц – производственного и потребительского кооператива. С.В. Тычинин, исследуя гражданско-правовые аспекты регулирования потребительской кооперации, признал, что кооперативы не следует относить к некоммерческим или коммерческим организациям. Они занимают самостоятельное место в системе юрлиц. Хозяйственные (предпринимательские) функции выполняют коммерческие организации, общественные организации преследуют нематериальные цели. Кооперативы, используя различные формы деятельности, добиваются удовлетворения материальных и иных потребностей своих членов и характеризуются следующими основными чертами: добровольной основой образования; удовлетворением общих социальных и культурных потребностей и устремлений своих членов; совместным владением предприятием; контролем на основе демократических принципов.

В связи с этим делением кооперативов в российском законодательстве на производственные (коммерческие) и потребительские (некоммерческие) не отвечает интересам единого правового обеспечения кооперативных отношений [17, с. 339]. ГК

РФ не соответствует принятому международным кооперативным сообществом понятию кооперативной идентичности. Нельзя было проводить резкую границу между производственными и потребительскими кооперативами путем отнесения первых к коммерческим, а вторых – к некоммерческим организациям [2].

ООН уделяет достаточное внимание проблемам, связанным с влиянием кооперативов на экономику и социальное развитие стран. Так, в Резолюции Генассамблеи ООН 44/58 1989 г.указывалось на необходимость признания кооперативов в качестве самостоятельной формы социально-экономических организаций, обладающих правами, сопоставимыми с правами деловых предприятий в государственном и частном секторах [3, с. 32]. Для формирования правовых норм, соответствующих сущности кредитного кооператива, необходимо в отдельном законе закрепить общее понятие кооператива, которое отражало бы его специфику независимо от разновидностей, позволяющую отличать кредитный кооператив от иных действующих в стране коммерческих и некоммерческих организаций [5, с. 37-46]. Структура и содержание законодательства о кооперативах требует существенной корректировки. В гл. 4 ГК следует закрепить отдельный параграф под названием «Кооперативы и иные социальные организации». Под иными социальными организациями понимаются некоммерческие организации, перечисленные в п. 3 ст. 50 ГК (кроме потребкооперативов). Непосредственно кооперативам выделить 5 ст. такого содержания: ст. 1. Основные положения о кооперативе; ст. 2. Создание, реорганизация и прекращение кооперативов; ст. 3. Управление и контроль в кооперативе; ст. 4. Членские отношения в кооперативе; ст. 5. Имущественные отношения [11, с. 348-356].

Общие положения об отдельных видах кооперативов должны быть урегулированы в Кооперативном кодексе РФ. Его принятие продиктовано необходимостью объединить ранее действовавшие нормативные акты в отношении кооперативов и установить новые нормы общего характера. В общей части необходимо закрепить международные кооперативные принципы, развить положения, закрепленные в ГК. Особенная часть Кооперативного кодекса РФ должна содержать основные положения об отдельных видах кооперативов. Помимо этого, кредитная потребительская кооперация системы Центросоюза (должны регулироваться отдельными федеральными законами, а жилищная кооперация Жилищным кодексом, которые должны основываться на нормах ГК и Кооперативного кодекса РФ. Особенности правового положения конкретного вида кооператива должны регулироваться примерными уставами и принятыми на их основе уставами кооперативов [15].

Таким образом, для решения проблемы места организационно-правовой формы кредитного кооператива в системе юридических лиц должен быть использован путь, который позволит объединить нормы ГК РФ о производственных и потребительских кооперативах, выделить из них общую часть, относящуюся к регулированию обеих разновидностей. Тем более, что пример такого подхода реализован законодателем в ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации». Юридически это можно сделать путём закрепления в гл. 4 ГК РФ унифицированной организационно-правовой формы кооператива [19].

Список литературы:

1. Абова Т.Е. Производственные кооперативы в России. Правовые проблемы теории и практики//Государство и право. 1988. № 8. С. 64-65, 71-81.
2. Абова Т.Е. Кооперативы как субъекты гражданского права // Субъекты гражданского права: сб. статей / Под ред. Т.Е. Абовой. М., 2000.
3. Актуальные проблемы развития потребительской кооперации. М., 1997. С. 32.
4. Беднова Е. Международные кооперативные принципы и российский Закон о производственных кооперативах // Российская юстиция. 2000. №1. С. 28-29.
5. Богатых Е.А. Гражданское и торговое право. М., 1996. С. 37-46.
6. Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М.: Юриздат, 1947. С. 35.
7. Гражданское право. Часть первая: учебник для вузов. - М.: Эксмо, 2007. С. 218.
8. Гражданское право. Том I. / Под ред. Е.А. Суханова. М.: «Волтерс Клувер», 2004. С. 178-179.

9. Козлова Н.В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: учебное пособие. М.: «Статут», 2003. С. 238, 258-259.
10. Кооперативное движение: учебное пособие для кооперативных вузов. 2-е изд. М.: РДЛ, 2003. С. 20.
11. Невлев В.В. Социально-правовая трансформация института кредитной кооперации в Российском законодательстве / В.В. Невлев, Л.В. Соловьева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. Т. 8 (74). №2. Симферополь, 2022. С. 348-356.
12. Макаренко А.П. Теория и практика кооперативного движения. М., 2000. С. 313-322.
13. Резолюция Ассамблеи Организации Объединенных Наций (по докладу Третьего комитета), 88-е пленарное заседание, 19 декабря 2001г. http://www.tnc3000.com/int_oon_res.html.
14. Рекомендация МОТ №193, от 20 июня 2002г. «О содействии развитию кооперативов» п.6, разд. II. http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_80095.html.
15. Соловьева Л.В. Организационно-правовое становление кредитной кооперации в истории России: монография / Л.В. Соловьёва, В.В. Невлев. Белгород: ООО «Эпицентр», 2020. 120 с.
16. Теплова Л.Е. Основы потребительской кооперации. М.: Изд-во Вита-Пресс, 2005. С. 13-14, 156-157.
17. Тычинин С.В. Гражданско-правовое регулирование потребительской кооперации в России: монография. СПб. 2004. С. 339.
18. Тычинин С.В. Потребительская кооперация с позиций гражданского права // Юрист. № 8. 2003.
19. Швец В.Н. Кооператив как особая организационно-правовая форма юридического лица // Представительная власть XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2007. №3 (76).

Nevlev V.V. OrganizationaL and legal formation of credit cooperatives in the structure of legal entities // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 258–265.

Social conditions and legal features for establishing national credit cooperatives as a separate organizational and legal form of a legal entity are explored. Characteristics of the legal status of different legal entities in Russian civil legislation are considered. The content of the concept and classification of organizational and legal forms of legal entities are considered. The definition and legal framework of cooperatives' activities and functions are given; their division into production and consumer ones is considered. Characteristics of credit cooperatives within the consumer cooperation system are highlighted. The non-commercial essence of cooperative lending activities is analyzed. The common features and differences between production and consumer cooperatives are shown. The dependence of legal entities on economic and political factors is noted. Some ways to improve Russian legislation on cooperatives are proposed.

Key words: consumer cooperation, credit cooperative, cooperative legislation, legal regulation, organizational and legal form, legal entity, non-profit activity, legal structure, cooperative ideology, transformation.

Spisok literatury:

1. Abova T.Ye. Proizvodstvennyye kooperativy v Rossii. Pravovyye problemy teorii i praktiki//Gosudarstvo i pravo. 1988. № 8. S. 64-65, 71-81.
2. Abova T.Ye. Kooperativy kak sub"yekty grazhdanskogo prava // Sub"yekty grazhdanskogo prava: sb. statey / Pod red. T.Ye. Abovoy. M., 2000.
3. Aktual'nyye problemy razvitiya potrebitel'skoy kooperatsii. M., 1997. S. 32.
4. Bednova Ye. Mezhdunarodiyye kooperativnyye printsipy i rossiyskiy Zakon o proizvodstvennykh kooperativakh // Rossiyskaya yustitsiya. 2000. №1. S. 28-29.
5. Bogatykh Ye.A. Grazhdanskoye i torgovoye pravo. M., 1996. S. 37-46.
6. Bratus' S.N. Yuridicheskiye litsa v sovetskom grazhdanskom prave. M.: Yurizdat, 1947. S. 35.
7. Grazhdanskoye pravo. Chast' pervaya: Uchebnik dlya vuzov. - M.: Eksmo, 2007. S. 218.
8. Grazhdanskoye pravo. Tom I. / Pod red. Ye.A. Sukhanova. M.: «Volters Kluver», 2004. S. 178-179.
9. Kozlova N.V. Ponyatiye i sushchnost' yuridicheskogo litsa. Ocherk istorii i teorii: uchebnoye posobiye. M.: «Statut», 2003. S. 238, 258-259.
10. Kooperativnoye dvizheniye: uchebnoye posobiye dlya kooperativnykhvuzov.2-ye izd.M.:RDL,2003.S. 20.
11.Nevlev V.V. Sotsial'no-pravovaya transformatsiya instituta kreditnoy kooperatsii v Rossiyskom zakonodatel'stve / V.V. Nevlev, L.V. Solov'yeva // Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I.
12. Makarenko A.P. Teoriya i praktika kooperativnogo dvizheniya. M., 2000. S. 313-322.
13. Rezolyutsiya Assamblei Organizatsii Ob"yedinennykh Natsiy (po dokladu Tret'yego komiteta), 88-ye plenarnoye zasedaniye, 19 dekabrya 2001g. http://www.tnc3000.com/int_oon_res.html.
14. Rekomendatsiya MOT №193, ot 20 iyunya 2002g. «O sodeystvii razvitiyu kooperativov» p.6, razd. II. http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_80095.html.
15. Solov'yeva L.V. Organizatsionno-pravovoye stanovleniye kreditnoy kooperatsii v istorii Rossii: monografiya / L.V. Solov'yova, V.V. Nevlev. Belgorod: OOO «Epitsentr», 2020. 120 s.
16. Teplova L.Ye. Osnovy potrebitel'skoy kooperatsii. M.: Izd-vo Vita-Press, 2005. S. 13-14, 156-157.
17. Tychinin C.B. Grazhdansko-pravovoye regulirovaniye potrebitel'skoy kooperatsii v Rossii: monografiya. SPb. 2004. S. 339.
18. Tychinin C.B. Potrebitel'skaya kooperatsiya s pozitsiy grazhdanskogo prava // Yurist. № 8. 2003.
19. Shvets V.N. Kooperativ kak osobaya organizatsionno-pravovaya forma yuridicheskogo litsa // Predstavitel'naya vlast' XXI vek: zakonodatel'stvo, kommentarii, problemy. 2007. №3 (76).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 266–272.

УДК 347.441.62

СИСТЕМНОЕ ТОЛКОВАНИЕ ДОГОВОРА В ЕВРОПЕЙСКОМ И РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Некрасова Е. В., Подзноев А. И.
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Статья посвящена углубленному анализу института системного толкования договора, который играет важную роль как в российском, так и в европейском праве. В рамках исследования авторы детально рассматривают положения действующего законодательства обеих правовых систем, а также уделяют особое внимание прецедентной практике, отраженной в решениях Верховного Суда Российской Федерации и ранее существовавшего Высшего Арбитражного Суда РФ, которые внесли значительный вклад в развитие правоприменения в данной области. Одним из ключевых аспектов статьи является анализ подходов к системному толкованию договора, которые применяются как в европейском праве, так и в праве Российской Федерации. В исследовании проводится сравнительный анализ этих подходов, что позволяет выявить сходства и различия в правоприменительной практике различных юрисдикций. Авторы подчеркивают, что в обеих правовых системах системное толкование представляет собой важный инструмент, используемый судами для раскрытия действительного смысла и содержания договора, особенно в тех случаях, когда буквальное толкование условий договора не позволяет достичь ясности. В статье детально исследуются доктринальные основы системного толкования договора. Авторы обращаются к научной литературе и теоретическим трудам, где рассматриваются различные методы и приемы толкования договоров, которые позволяют учитывать контекст, цели сторон, их взаимосвязь с другими положениями договора, а также внешние обстоятельства. В данном контексте особое внимание уделяется таким аспектам, как важность учета общих принципов права и норм добросовестности, которые играют решающую роль в разрешении спорных вопросов, связанных с исполнением договорных обязательств. Авторы обосновывают свою позицию, что системное толкование договора является необходимым инструментом в случаях, когда буквальное толкование договора не дает точного понимания смысла и содержания обязательств сторон. Этот подход позволяет учесть не только текст договора, но и весь контекст его заключения, что способствует более справедливому и объективному правоприменению.

Ключевые слова: договор, системное толкование, толкование договора, свобода договора, частное право.

Одним из главных регуляторов гражданских отношений является договор. Понимание договора, как юридического факта уступило место интерпретации договора, как регулятора гражданских отношений и это отодвинуло на второй план иное его трактование. Сегодня, договор оценивается наравне с другими источниками права. Следует заметить, что на практике, зачастую возникают ситуации, когда договор требует толкования. Необходимость в толковании условий договора возникает в связи с их неполнотой или недостаточной ясностью для сторон и необходимостью выбора норм права для урегулирования разногласий. Иногда, даже тщательно подготовленные стандартные формы договоров не лишены недостатков и содержат непонятные или противоречивые положения. К тому же, даже если договор составлен юридически грамотно, после его заключения и особенно на стадии выполнения, между сторонами часто возникают споры по определению содержания и последствий неисполнения того или иного условия договора.

В этом смысле, толкование договора является важным инструментом для устранения спорных вопросов и достижения справедливого разрешения конфликта. Суды, при толковании договора, стремятся установить истинную волю сторон, учиты-

вая не только текст договора, но и контекст его заключения, предварительные переговоры, практику делового оборота и последующее поведение сторон. Важно отметить, что подходы к толкованию договора могут различаться в зависимости от правовой системы, но общими принципами остаются стремление к разумности и справедливости, а также защита добросовестных ожиданий сторон.

Толкование, как процесс, предполагает существование методов и способов его осуществления. Их начала можно найти в прошлом. Так, Ф. Хотман в своем произведении «Iurisconsultus sive de option genre iuris interpretandi», датированном 1589 г., отмечает: «Я нашел триединый всеобъемлющий метод толкования права: первый элемент этого метода мы ищем у грамматиков, второй – у логиков, а третий у юристов» [1, с. 67]. На сегодняшний день, основа толкования, удачно отмеченная Хотманом, не изменилась. Современные методы юридического толкования также базируются на сочетании грамматических, логических и юридических наработок.

Ст. 431 ГК РФ гласит, что при толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Буквальное значение условия договора, в случае его неясности, устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом. Если правила, содержащиеся в части первой ст. 431 ГК, не позволяют определить содержание договора, должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора. При этом, принимаются во внимание все обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи, последующее поведение сторон.

Из смысла ст. 431, следует, что ГК РФ не ограничивается лишь буквальным толкованием, в п. 2 ст. 431 ГК РФ указана полноценная вертикаль методов толкования, которой должны руководствоваться суды [2]. Важной особенностью здесь будет то, что суд вправе переходить к следующему методу толкования только если он не смог определить смысл спорных условий при помощи метода, стоящего выше в этой иерархии.

Объяснение буквальному толкованию дал Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума ВС РФ от 25.12.2018 №49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора», в соответствии с которым, буквальное толкование – это буквальное значение содержащихся слов и выражений, определяемое с учетом общепринятого употребления любым участником гражданского оборота, действующим разумно и добросовестно если иное значение не следует из деловой практики сторон и иных обстоятельств дела [6].

Однако, не всегда данный способ определения смысла договора позволяет дать ответ на искомый вопрос и буквальное толкование как приоритетный метод часто не позволяет выявить однозначное содержание договора. Неясность договорных условий, допускающая более одного варианта их интерпретации, достаточно типична для российских реалий. Как верно отмечается в цивилистической литературе, это происходит, в частности, из-за слабой техники договорной работы некоторых участников гражданского оборота, а в отдельных случаях наблюдается даже умышленное затуманивание разработчиком договорных условий для определенных злоупотреблений. В потребительских договорах это используется для завуалированного введения в заблуждение потребителей, что часто мешает определить содержание

договорного условия даже опытным судьям. В итоге суды часто сталкиваются с необходимостью интерпретивного выбора, не имея способности механически использовать закрепленную в тексте договора истинную волю сторон.

В соответствии с иерархией, закрепленной в ст. 431 ГК РФ, помочь решить данное затруднение призвано системное толкование, которое подразумевает куда более широкий диапазон средств и способов, позволяющих установить истинный смысл договора или конкретного договорного условия. Для этого у суда есть право реконструировать истинную волю сторон на основе анализа поведения сторон и других договорных условий.

Системное толкование не является уникальной разработкой российского права, оно также получило свое распространение и в континентальных правовых системах ЕС. Более того, теоретическая архитектура как в российском, так и в европейском праве тоже совпадает.

В соответствии с п. 43 Постановления Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений ГК РФ о заключении и толковании договора», системное толкование представляет собой такое толкование, которое рассматривается судом в системной связи с иными согласованными частями одного договора с учетом цели договора и существа законодательного регулирования. Значение условий договора устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом (абз. 1 ст. 431 ГК РФ). Толкование условий договора осуществляется с учетом цели договора и существа законодательного регулирования соответствующего вида обязательств [6]. Схожую трактовку можно найти и в п. II - 8:105 Модельных правил европейского частного права, в соответствии с которыми условия трактуются в свете договора, как единого целого [3].

Поскольку системное толкование является самостоятельной юридической категорией, не привязанной к конкретной правовой системе, но практически повсеместно существующей, его значение и наиболее важные компоненты следует определять в соответствии с практическим и законодательным наполнением, придаваемым глобальным правопониманием.

Первым элементом стоит отметить направленность системного толкования на уяснение цели договора, заключаемого сторонами, а также их истинной воли, выраженной при совершении сделки. Если одно из конфликтующих условий или прочтение условия, в большей степени, соответствует типичной цели определенного типа договора, его правовой природе или существу, базовым принципам правового регулирования такого договора, это может помочь определить ту волю, которую стороны, скорее всего, имели или которую логично вменять сторонам в заданных условиях с меньшим шансом ошибиться или спровоцировать нарушение требований разумности и справедливости.

Отражение такой позиции в российском праве можно обнаружить в Постановлении Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах», в котором суд указывает, что норма, определяющая права и обязанности сторон договора, толкуется судом исходя из ее существа и целей законодательного регулирования, то есть суд принимает во внимание не только буквальное значение содержащихся в ней слов и выражений, но и те цели, которые преследовал законодатель, устанавливая данное правило [5].

Вторым элементом системного толкования следует считать учет контекста, в котором формулировались условия договора. Это означает необходимость анализа всех сопутствующих обстоятельств, включая предшествующую и последующую переписку сторон, предыдущие и параллельные договоры, а также общие экономические и правовые условия, в которых функционируют стороны. Такой подход позволяет более точно интерпретировать намерения сторон и избежать ошибок, связанных с изолированным пониманием отдельных положений договора.

Третьим элементом, необходимым для полноценного системного толкования, является использование принципов и норм права, как общих для данной правовой системы, так и специфичных для конкретного типа договоров. Это позволяет не только согласовать различные положения договора между собой, но и обеспечить их соответствие более широкому правовому контексту. В российском праве, данная идея отражена, например, в ст. 431 ГК РФ, согласно которой при толковании условий договора суд принимает во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Однако, если буквальное значение условий договора не дает возможности определить содержание договора, то выясняется действительная общая воля сторон с учетом цели договора, а также всех соответствующих обстоятельств, включая предшествующую переписку и практику, установленную между сторонами.

Четвертым элементом является систематизация договорных условий с учетом их иерархии и приоритетов. Это значит, что при конфликте различных положений договора необходимо определить, какое из них имеет приоритетное значение. В этом контексте может быть полезным принцип lex specialis derogat generali, согласно которому специальная норма имеет преимущество перед общей, если они регулируют одно и то же отношение. Также важно учитывать взаимосвязь между различными условиями договора, чтобы толковать их в логическом и последовательном порядке, обеспечивающем согласованность и предсказуемость правоприменительной практики.

Пятый элемент системного толкования касается учета международных стандартов и практики. В условиях глобализации и интеграции правовых систем важно принимать во внимание международные договоры, стандарты и обычаи, которые могут влиять на толкование и применение национального законодательства. В частности, это может касаться договоров, в которых одна из сторон является иностранным субъектом, или договоров, заключаемых в рамках международных экономических отношений. В этом контексте российское право, в том числе через решения высших судов, также ориентируется на международные стандарты и практику для обеспечения единообразного и справедливого правоприменения.

В случае с европейским правом, необходимо обратиться к Германскому Гражданскому Уложению (далее — ГГУ), которое, как известно, является основой практически для всех европейских Гражданских Кодексов. Данный документ сочетает в себе требование как к субъективному толкованию – § 133 ГГУ, который обращает внимание на то, что при толковании волеизъявления должно исследовать истинную волю сторон, а не придерживаться одного буквального смысла выражений, так и к объективному – § 157 ГГУ, в соответствии с которым договор следует толковать

согласно требованиям доброй совести и принимая во внимание обычаи гражданского оборота [1].

Следует обратить внимание, что модель объективного толкования в российском праве хоть и не закреплена законодательно, но при этом отчетлива очерчена в судебной практике. В п. 43 Постановления Пленума ВС РФ от 25.12.2018 №49 указано, что условия договора подлежат толкованию таким образом, чтобы не позволить какой-либо стороне договора извлекать преимущество из ее незаконного или недобросовестного поведения [6]. Этот же факт можно вывести и из требования толковать договор в системной связи с основными началами гражданского законодательства, среди которых имеется принцип добросовестности (Treu und Glauben).

Следующим конструктивным элементом системного толкования можно назвать приоритет индивидуально согласованных условий над стандартными. Данный принцип широко распространен в европейском праве, однако не закреплен в российском законодательстве. Приоритет индивидуально согласованных условий означает, что при конфликте общих стандартизированных условий, используемых одной из сторон многократно и условий, индивидуально определенных между конкретными сторонами, приоритет имеют последние. Закрепление этого правила можно обнаружить в п. II. - 8:104 Модельных правил европейского частного права (Draft common frame of reference (далее — DCFR)) [3].

Вместе с тем, российское право может предложить уникальный подход к концепции системного толкования. Одним из таких примеров можно назвать правила прочтения условий договора в зависимости от расположения по тексту. Методология такого способа толковнаия берет свое начало в Постановлении Президиума ВАС РФ от 18.02.1997 №1852/96 [7]. По фабуле рассмотренного ВАС РФ дела, стороны заключили договор аренды, в котором указали, что повышение тарифов на энергоносители повлечет увеличение арендной платы. Однако, возникла неопределенность относительно того, связан ли с повышением тарифов на электроэнергию только размер оплаты за электричество или и размер арендной платы в целом. ВАС РФ указал, что поскольку условие помещено в раздел: «Размер арендной платы и порядок взаиморасчетов», это позволяет сделать вывод, что в соответствующем пункте предусмотрено увеличение арендной платы в целом, а не только платы за энергоносители.

Однако, и в европейском праве содержатся уникальные приемы системного толкования. К таким можно отнести презумпцию осмысленности всех условий, которая означает, что условия договора должны толковаться таким образом, чтобы всем им было придано значение, а не лишены силы какие-либо из них. Его закрепление можно обнаружить в ст. 4.5 Принципов международных коммерческих договоров Унидруа 2010, которая гласит, что «Условия договора должны толковаться таким образом, чтобы им всем придать действие и не лишать силы некоторые из них» [4]. Это означает, что, если в договоре содержится ряд конфликтующих условий, но при этом кажется логичным представить одно из них в качестве исключения из другого, применимого к отдельной группе ситуаций, этот вариант лучше, при прочих равных, предпочесть варианту полного устранения одного из условий.

Еще один элемент системного толкования можно вывести, руководствуясь базовым принципом юридической логики lex posterioir derogat priori – позднейшим законом отменяется более ранний, в соответствии с которым, приоритет будет отда-

ваться тому условию, которое было включено в текст договора позже. Законодательного закрепления данного принципа нет, однако он имеет характер аксиомы и не нуждается в формальном закреплении.

При системном толковании суды ориентированы на установление действительной воли сторон с учетом всех обстоятельств. Но проблема состоит в том, что в подавляющем большинстве случаев выявление субъективной воли сторон достаточно усложнено в доказательном плане. Крайне редко судам удается определить на основании ст. 431 ГК РФ истинные намерения сторон, а также на основе анализа цели сделки, содержания предварительных переговоров, устоявшейся практики отношений между сторонами, обычаев делового оборота, дальнейшего поведения сторон, текста типового договора и других обстоятельств, имеющих существенное значение. Все это заставляет суды искать выход за пределами того, что можно назвать толкованием воли сторон в буквальном понимании. В схожих ситуациях суд часто придает тексту договора тот смысл, который ему представляется более справедливым и разумным в контексте природы данного договора. В сущности, в таких случаях суды осуществляют определенное вторжение в сферу автономии воли сторон, не ограничивая ее прямо, но, тем не менее, внося в нее свое правовое усмотрение. Очевидно, что в этих условиях суды не столько толкуют договор, сколько заново его конструируют и творчески уточняют.

Подводя итог, можно отметить, что системное толкование является важным элементом в правотолковании. Имеющийся инструментарий такого рода толкования, позволяет толковать договорные положения тогда, когда буквальное толкование бессильно. Как было отмечено, системному толкованию невозможно дать национальную привязку — его архитектура едина для всех правовых систем, изменяется лишь надстройка. В вопросе существа надстройки важно было обратить внимание на сравнительный подход. Как видно, он обнаружил преимущества и удачные приемы правотолкования, как в европейском, так и в российском праве. Рецепция европейского подхода в российское законодательство и судебную практику необходима, поскольку только таким образом регулирование системного толкования в национальной правовой системе станет более полноценным, а следовательно, более эффективным.

Список литературы:

1. I. Maclean. Interpretation and Meaning In the Renaissance: The Case of Law. – Cambridge University Press, Cambridge, New York, Port Chester, Sydney, 1992. – 237 p.
2. Германское гражданское уложение [электронный ресурс] // URL : http://oceanlaw.ru/wp-content/uploads/2018/02/1900-Гражданское-уложение-1.pdf (дата обращения: 25.08.2024). — Текст: электронный.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ [электронный ресурс] // URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/?ysclid=loongrmnte13445648 (дата обращения: 25.08.2024) — Текст: электронный.
4. Модельные правила европейского частного права [электронный ресурс] // URL : https://studopedia.net/8_71536_II--obstoyatelstva-imeyushchie-znachenie-dlya-tolkovaniya.html (дата обращения: 25.08.2024). — Текст: электронный.
5. Принципы международных коммерческих договоров [электронный ресурс] // URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14121/ (дата обращения: 25.08.2024).
6. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» [электронный ресурс] // URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161322/?ysclid=love0q6ib5380408240 (дата обращения: 25.08.2024). — Текст: электронный.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании до-

говора» [электронный ресурс] // URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314779/?ysclid=love2vivri974287353 (дата обращения: 25.08.2024). — Текст: электронный.
8. Постановление Президиума ВАС РФ от 18.02.1997 №1852/96 [электронный ресурс] // URL : https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=3549&ysclid=love439jep952639106#WsoUOvTIqiIhEIU8 (дата обращения: 25.08.2024). — Текст: электронный.

E. V. Nekrasova, A. I. Podznoev Systematic interpretation of the contract in European and Russian Law: comparative analysis // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. 266–272.

This article is devoted to an in-depth analysis of the institute of systemic interpretation of the contract, which plays an important role in both Russian and European law. As part of the study, the authors examine in detail the provisions of the current legislation of both legal systems, and also pay special attention to the case law reflected in the decisions of the Supreme Court of the Russian Federation and the former Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, which made a significant contribution to the development of law enforcement in this area. One of the key aspects of the article is the analysis of approaches to systemic interpretation of the contract, which are used both in European law and in the law of the Russian Federation. The study provides a comparative analysis of these approaches, which allows us to identify similarities and differences in the law enforcement practice of various jurisdictions. The authors emphasize that in both legal systems, systemic interpretation is an important tool used by the courts to reveal the real meaning and content of the contract, especially in cases where a literal interpretation of the terms of the contract does not allow for clarity. The article examines in detail the doctrinal foundations of systemic interpretation of the contract. The authors refer to scientific literature and theoretical works, which examine various methods and techniques of interpreting contracts that allow one to take into account the context, the goals of the parties, their relationship with other provisions of the contract, as well as external circumstances. In this context, special attention is paid to such aspects as the importance of taking into account the general principles of law and the rules of good faith, which play a decisive role in resolving disputes related to the performance of contractual obligations. The authors substantiate their position that a systematic interpretation of the contract is a necessary tool in cases where a literal interpretation of the contract does not provide an accurate understanding of the meaning and content of the obligations of the parties. This approach allows one to take into account not only the text of the contract, but also the entire context of its conclusion, which contributes to a fairer and more objective law enforcement.

Keywords: contract, systemic interpretation, interpretation of the contract, freedom of contract, private law.

Spisok literatury:

1. I. Maclean. Interpretation and Meaning In the Renaissance: The Case of Law. – Cambridge University Press, Cambridge, New York, Port Chester, Sydney, 1992. – 237 p.
2. Germanskoe grazhdanskoe ulozhenie [elektronnyj resurs] // URL : http://oceanlaw.ru/wp-content/uploads/2018/02/1900-Grazhdanskoe-ulozhenie-1.pdf (data obrashcheniya: 25.08.2024). — Tekst: elektronnyj.
3. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii ot 30 noyabrya 1994 goda № 51-FZ [elektronnyj resurs] // URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/?ysclid=loongrmnte13445648 (data obrashcheniya: 25.08.2024) — Tekst: elektronnyj.
4. Model'nye pravila evropejskogo chastnogo prava [elektronnyj resurs] // URL : https://studopedia.net/8_71536_II--obstoyatelstva-imeyushchie-znachenie-dlya-tolkovaniya.html (data obrashcheniya: 25.08.2024). — Tekst: elektronnyj.
5. Principy mezhdunarodnyh kommercheskih dogovorov [elektronnyj resurs] // URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14121/ (data obrashcheniya: 25.08.2024).
6. Postanovlenie Plenuma VAS RF ot 14.03.2014 № 16 «O svobode dogovora i ee predelah» [elektronnyj resurs] // URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161322/?ysclid=love0q6ib5380408240 (data obrashcheniya: 25.08.2024). — Tekst: elektronnyj.
7. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 25.12.2018 № 49 «O nekotoryh voprosah primeneniya obshchih polozhenij Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii o zaklyuchenii i tolkovanii dogovora» [elektronnyj resurs] // URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314779/?ysclid=love2vivri974287353 (data obrashcheniya: 25.08.2024). — Tekst: elektronnyj.
8. Postanovlenie Prezidiuma VAS RF ot 18.02.1997 №1852/96 [elektronnyj resurs] // URL : https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=3549&ysclid=love439jep952639106#WsoUOvTIqiIhEIU8 (data obrashcheniya: 25.08.2024). — Tekst: elektronnyj.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 273–280.

УДК 34

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ ПО РАЗДЕЛЕНИЮ АКТИВОВ СУПРУГОВ

Никитина А. П., Ткаченко А. С.
Юридический института ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет

В данной статье представлен сравнительный анализ международных стандартов разделения активов супругов, охватывающий основные аспекты законодательства в таких странах, как Россия, Китай, Германия, Турция и США. Основное внимание уделяется различным механизмам разделения имущества, применяемым в каждой из юрисдикций, что позволяет выявить как общие черты, так и существенные отличия в подходах к этому важному аспекту семейного права. Статья анализирует режимы совместной и раздельной собственности, акцентируя внимание на том, как они влияют на процесс разделения активов во время развода. В частности, рассматриваются особенности российских и китайских систем, где совместная собственность является доминирующим принципом, обеспечивая равное деление активов, нажитых в браке, с определёнными исключениями для наследства и подарков. В Германии исследуется применение принципа экономической сопредельной собственности, который позволяет учитывать индивидуальные вклады супругов, что способствует более справедливому разрешению имущественных споров. Отдельное внимание уделяется турецкой системе, в которой сочетаются элементы совместной собственности и современные меры защиты прав супругов, что отражает значительные изменения в правовой культуре страны. В отличие от этого, законодательство США, характеризующееся региональным разнообразием, предоставляет как принципы совместной, так и раздельной собственности, что позволяет судовому процессу учитывать индивидуальные обстоятельства для достижения справедливого результата. Важной частью исследования является роль брачных контрактов как инструмента, служащего для регулирования имущественных вопросов и предотвращения потенциальных конфликтов в будущем, что находит отражение в практике США и, в меньшей степени, других странах. Заключение статьи подчеркивает важность понимания правовых, культурных и социальных особенностей каждой юрисдикции, акцентируя внимание на значимости индивидуального подхода к каждому случаю. Авторы подчеркивают необходимость получения квалифицированной юридической консультации для супругов, рассматривающих вопросы разделения активов, что помогает минимизировать риски и обеспечить защиту прав сторон.

Ключевые слова: разделение активов, супружеские права, развод, Россия, Китай, Германия, Турция, США, общая собственность, справедливое распределение, совместное имущество, раздельное имущество, имущественное уравнение, брачный контракт, гражданский кодекс, правовые системы, финансовые аспекты развода, юридические различия, индивидуальные обстоятельства, иммиграционное право, международные стандарты, семейное право.

В Российской Федерации разделение активов супругов регламентируется Семейным кодексом [1], который выделяет такие понятия, как совместная и раздельная собственность. В основном, активы, приобретенные в период брака, считаются совместной собственностью. Согласно ст. 34 Семейного кодекса РФ, имущество, нажитое во время брака, подлежит равному разделению между супругами при разводе, и это включает в себя не только физические активы, но и долги, возникшие в период совместной жизни. Исключением из этого правила являются активы, которые были получены в результате наследования или дарения, поскольку они считаются раздельной собственностью, принадлежащей исключительно тому супругу, который их получил. Это положение предполагает, что все, что было нажито в официальном браке, автоматически становится общей собственностью, а соответственно и ответственность за совместные долги также делится между супругами.

Важнейшим аспектом российского законодательства является возможность супругов устанавливать режим раздельной собственности через брачный контракт. Этот контракт позволяет супругам заранее определить, как будет делиться имущество при разводе, а также какие обязательства они берут на себя. Брачный контракт должен быть составлен в письменной форме и удостоверен нотариально, что придает ему юридическую силу. С помощью такого договора супруги могут избегать множества сложностей и недоразумений в будущем, а также установить свои правила относительно управления активами. Тем не менее, составление брачного контракта требует серьезного подхода и осознания последствий, поскольку неправильно оформленный документ может привести к юридическим спорам.

Важной частью процесса разделения активов является судебная практика. Судебная система в России допускает возможность учитывать финансовые взносы каждого из супругов, продолжительность брака и другие факторы, способные повлиять на итоговое решение. Например, если один из супругов выполнял большей частью домашние обязанности и не мог обеспечить себя в финансовом плане, суд может принять это во внимание и предоставить ему большую долю активов. Это подразумевает, что суд соответствует принципам справедливости и учитывает индивидуальные обстоятельства каждой стороны.

Кроме этого, необходимо отметить, что долговые обязательства также играют важную роль в разделе активов. В соответствии с ст. 45 Семейного кодекса РФ, долговые обязательства, образовавшиеся во время брака, подлежат разделению, что может существенно осложнить процесс, если один из супругов имеет значительные долги. Кредиторы могут предъявлять требования к обоим супругам, что делает финансовую ситуацию более запутанной и требует тщательного анализа имущества и долгов при разделении.

Таким образом, законодательство РФ по разделению активов супругов основывается на четких принципах, однако реальная практика может варьироваться в зависимости от конкретных обстоятельств. Судебная система предлагает возможности для учета индивидуальных условий, что делает процесс разделения активов сложным и требующим внимания к деталям. Подход россиян к разделению активов супругов подчеркивает важность согласия между сторонами и необходимость подготовки к возможным конфликтам, что, в свою очередь, приводит к значению брачного контракта как средства, позволяющего избежать сложностей в будущем.

Важным этапом в сравнительном анализе международных стандартов по разделению активов супругов является изучение законодательства Китая, которое отличается от российского как по принципам, так и по процессу. В Китае регулирование вопросов разделения имущества супругов основывается на ГК [2], вступившем в силу в 2021 г., который стал основополагающим документом в сфере семейного права.

Как и в России, в Китае выделяются две главные категории собственности: общая совместная собственность и индивидуальная собственность. Однако в отличие от российской системы, в Китае большее внимание уделяется обязательству супругов делиться имуществом [3]. Согласно ГК Китая, все имущество, нажитое супругами во время брака, считается общей собственностью, если иное не предусмотрено брачным контрактом. Это принципиальное отличие между системами: в России совместной считается только та собственность, приобретенная во время брака, в то

время как в Китае подразумевается более широкий подход, предполагающий автоматическое участие обоих супругов в управлении и праве собственности.

Брачный контракт в Китае также регулирует раздел имущества, однако в отличие от России, где подписание такого контракта является скорее исключительным случаем, в Китае он стал стандартной практикой, особенно среди молодежи и в больших городах. Это, безусловно, связано с изменением социокультурных норм и увеличением финансовой независимости молодых людей. А значит, преимущества договоренности о разделе имущества заранее становятся все более актуальными.

Одним из важных аспектов китайского законодательства является то, что оно допускает условия для более гибкого подхода к разделению активов. Если супруги не имеют брачного контракта, суд может учитывать не только фактические активности во время брака, но и причину развода, положение родителей и детей, а также другие обстоятельства, которые могут повлиять на распределение имущества. Таким образом, китайская судебная практика предлагает более широкий арсенал инструментов для достижения справедливости, что, с одной стороны, предоставляет больше возможностей, но с другой – и сложностей в определении принципов справедливого раздела.

Также заметным является понятие супружеской ответственности за долги. В Китае, как и в России, долги, возникшие в период брака, в большинстве случаев будут поделены между супругами. Однако в китайской практике суда более активно учитываются индивидуальные обстоятельства, включая финансовое положение каждого из супругов, что может привести к более сбалансированному и гибкому подходу.

Таким образом, можно сделать вывод, что, хотя российское и китайское законодательства по разделению активов супругов имеют сходства, например, принцип равного распределения активов и возможность использования брачных контрактов, существует множество различий. Китайская система предоставляет более гибкий подход к практике дележа имущества и добавляет элементы учета социальной справедливости, тогда как российская система остается более ориентированной на формальные принципы разделения. Эти различия подчеркивают важность учета культурных, экономических и правовых особенностей каждого государства при рассмотрении вопросов, связанных с разделением активов супругов.

Введение в сравнительный анализ международных стандартов по разделению активов супругов невозможно без рассмотрения законодательства Германии, которое имеет свои уникальные черты и подходы в этой области. Германия руководствуется Федеральным законом о семейном праве [4], который определяет порядок разделения имущества при разводе и выделяет несколько ключевых принципов, отличающих ее от российской и китайской систем.

В отличие от России, где основным режимом считается совместная собственность, в Германии супруги могут выбрать режим экономической сопредельной собственности или совместную собственность. Режим совместной собственности подразумевает, что все активы, нажитые супругами в браке, являются общей собственностью и делятся поровну при разводе. Этот режим применяется автоматически, если супруги не заключили брачный контракт [5], определяющий иные условия. С другой стороны, режим экономической сопредельной собственности предполагает, что каждый из супругов сохраняет за собой права на свои активы, но в случае раз-

вода происходит расчет общего имущества с учетом роста стоимости активов за время брака.

Одним из ключевых аспектов [6], отличающих германское законодательство, является принцип «равного раздела» как основа для определения прав на имущество. На практике это означает, что при разводе каждый из супругов имеет право на половину разницы между стоимостью их активов до и во время брака. Это правило позволяет учесть вложения каждого супруга в совместное имущество, создавая более индивидуализированный подход к разделению активов. Таким образом, супруг, который не работал или занимался домашним хозяйством, может иметь право на компенсацию от партнера, что учитывает вклад в повышение благосостояния семьи.

Еще одной важной чертой германской системы является тот факт, что многие аспекты, связанные с разделением активов, находятся под контролем суда. Германские суды активно рассматривают документы, предоставленные сторонами, и следят за тем, чтобы процесс дележа осуществлялся справедливо и в соответствии с установленным законодательством, что может создать более предсказуемый и упорядоченный процесс по сравнению с некоторыми другими юрисдикциями.

Что касается долгов, то в Германии также действуют ясные правила. Долги, возникшие во время брака, как правило, становятся совместными. Однако, в отличие от России, где оба супруга могут нести солидарную ответственность за долги, в Германии возможно также разделение ответственности по долгам исходя из индивидуальных обстоятельств и их происхождения.

Таким образом, комплексный анализ законодательства о разделе активов супругов в Германии показывает, что эта страна предлагает более гибкий и эффективный подход к разделению имущества по сравнению с российским и китайским законодательствами. Принятые в Германии принципы экономической сопредельной собственности и активная роль судов в процессе дележа обеспечивают более справедливое и индивидуализированное решение для обоих супругов, что делает германскую систему интересной для изучения и сравнения в контексте международных стандартов. Эти различия подчеркивают важность подхода к разделению активов, который учитывает как культурные факторы, так и социоэкономические условия каждого общества.

Также хочу обратить внимание на законодательство Турции, которое имеет свои особенности и отличается от российского, китайского и германского подходов. В Турции вопросы, касающиеся разделения имущества супругов, регулируются Гражданским кодексом [7], принятым в 2001 г. Основным режимом собственности в Турции является режим совместной собственности, однако с определенными нюансами, которые стоит рассмотреть.

В рамках турецкого законодательства все имущество, приобретенное супругами во время брака, автоматически считается совместной собственностью, если иное не предусмотрено брачным контрактом. То есть, как и в России, активы, нажитые в период брака, делятся поровну между супругами при разводе. Тем не менее, в Турции также возможен режим раздельной собственности, который супруги могут установить заранее путем заключения брачного контракта [7]. Брачный контракт может предусматривать, как будет осуществляться раздел имущества, а также управляться совместными активами. Отличительной чертой турецкой системы является акцент на защите прав участников, особенно женщин, что находит отражение в

судебной практике. Турецкие суды могут учитывать не только фактические активы, но и обстоятельства, касающиеся положения сторон, продолжительности брака, участия каждого из супругов в домашних и финансовых обязанностях. Это позволяет создать более индивидуализированный подход к разделению активов. Важно отметить, что суды в Турции достаточно активно вмешиваются в процесс, что позволяет обеспечить соблюдение принципа справедливости.

Что касается долгов, в Турции, как и в России и Китае, долги, возникшие в период брака, в большинстве случаев будут поделены между супругами. Однако важно учитывать, что, подобно германской системе, специфические условия возникновения долгов могут повлиять на их распределение. Таким образом, восприятие и практика разделения активов супругов в Турции ассоциируется с автоматическим признанием совместной собственности, однако с возможностью индивидуализированного подхода через использование брачного контракта и активное участие судов в процессе. Наличие защищающих норм для женщин и акцент на справедливом распределении средств подчеркивают прогрессивный аспект турецкого законодательства.

В сравнении с другими рассматриваемыми юрисдикциями [8], такими как Россия, Китай и Германия, система разделения активов супругов в Турции объединяет элементы коллективизма, характерные для совместной собственности, с прогрессивными мерами социальной справедливости. Эти различия могут оказать значительное влияние на порядок разделения активов в контексте культурных и правовых традиций каждой страны, подчеркивая важность тщательного рассмотрения конкретных условий и обстоятельств в каждом отдельном случае.

Сравнительный анализ международных стандартов по разделению активов супругов в контексте законодательства США [9] демонстрирует уникальные и разнообразные подходы по сравнению с российской, китайской, германской и турецкой системами. В отличие от большинства стран, где регулирование сосредоточено в рамках национального законодательства, в США вопросы разделения имущества часто решаются на уровне отдельных штатов. Это приводит к значительным различиям в применяемых принципах и правилах, что важно учитывать при анализе системы.

В девяти штатах, включая Калифорнию и Техас, применяется режим совместной собственности, в соответствии с которым все активы, приобретенные супругами во время брака, считаются общей собственностью и делятся поровну при разводе. Это напоминает российскую систему, но с важным отличием: в России также учитываются исключения для активов, полученных по наследству или в дар. В большинстве других штатов действует система разделительной собственности, где суды принимают во внимание различные факторы, такие как продолжительность брака, финансовый вклад каждого из супругов и их участие в домашних обязанностях. Такой подход создает более гибкие условия для решения споров о собственности, позволяя судьям принимать решения, основываясь на принципах справедливости и учитывая индивидуальные обстоятельства.

В США также широко используются брачные контракты [10], которые могут быть заключены супругами перед началом брака для определения условий разделения имущества в случае развода. Это может включать указания на то, какие активы будут считаться общими, а какие — раздельными. Брачные контракты в США ста-

новятся все более популярными и служат важным инструментом для предотвращения потенциальных конфликтов в будущем. В этом контексте можно провести параллели с российской практикой, но в США такая форма соглашений встречается гораздо более часто.

Что касается долгов, ситуация в США аналогична множеству других систем. Долги, образовавшиеся во время брака, могут быть разделены между супругами, но при этом суды могут учитывать индивидуальные обстоятельства, такие как источник долгов и финансовое положение каждого из супругов. Это создает ситуацию, в которой разделение долгов не всегда происходит автоматически и может зависеть от мнения суда.

Судебная практика в США также отличается от практик в других странах. В зависимости от штата, судебные решения по разделению имущества могут значительно варьироваться, поскольку суды часто принимают решения на основе справедливости (equity). Это дает судьям большую свободу в интерпретации обстоятельств дела, а значит, возможность предоставлять более индивидуализированные и гибкие решения, адаптированные к конкретной ситуации.

В итоге, законодательство США о разделении активов супругов представляет собой сложную и многоаспектную систему, варьирующуюся от штата к штату. Эти различия в подходах к совместной и разделительной собственности, а также необходимость учитывать индивидуальные обстоятельства каждого дела, подчеркивают важность тщательного понимания местного законодательства и получения юридической консультации. Это делает систему более динамичной, но в то же время создает риски и неопределенности для супругов при вопросах раздела имущества, что важно иметь в виду при сравнении с другими странами.

Итог по сравнению международных стандартов разделения активов супругов в различных юрисдикциях подчеркивает разнообразие подходов и норм, которые определяют этот важный аспект семейного права. В России и Китае преобладает режим совместной собственности, который предполагает равное деление активов, нажитых в браке, с учетом определенных исключений. Германия предлагает гибкий механизм разделения активов через принцип экономической сопредельной собственности, позволяя учитывать индивидуальные вклады каждого супруга. Турция сочетает в себе элементы совместной собственности с прогрессивными мерами, направленными на защиту прав супругов, особенно женщин.

Сравнение с законодательством США показывает, что американская система гораздо более разнообразна благодаря региональным различиям. Здесь применяются как принципы совместной собственности, так и разделительной собственности, что дает возможность более гибкого подхода к разделению активов, учитывающего индивидуальные обстоятельства. Брачные контракты в США играют важную роль в предотвращении конфликтов и определении прав на имущество заранее.

Таким образом, каждый подход имеет свои преимущества и недостатки, и понимание этих различий является ключевым для супругов, рассматривающих вопросы разделения активов. Правовая культура, социальные нормы и конкретные обстоятельства отношений играют значительную роль в формировании законодательства о разделе имущества. Это подчеркивает необходимость индивидуального подхода к каждому случаю и важность юридической консультации для обеспечения справедливости и защиты прав сторон при разводе.

Список литературы:
1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023) – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/
2. Гражданский процессуальный кодекс КНР (принят на 4-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 7-го созыва 9 апреля 1991 г., изменен в соответствии с Решением Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 10-го созыва «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс КНР» 28 октября 2007 г.) – URL: http://chinalawinfo.ru/procedural_law/law_civil_procedure
3. Закон КНР «О браке». – URL: https://chinalawinfo.ru/civil_law/law_marriage
4. Колосок С.В. Институты брака и семьи по германскому праву конца XIX века// Сибирский юридический вестник. – 2014. - № 2. – С.11-15.
5. Лебедева М.Л. Институт брака Германии: специфика регламентации // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. – 2015. – № 2. Т. 2 – С. 65-69.
6. Гражданское уложение Германии (ГГУ) от 18.08.1896 (ред. от 02.01.2002) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Раевич С.И. Турецкий гражданский кодекс 1926 г. / С. Раевич // Советское право. – М., 1928. – № 3. – С. 75 – 76.
8. Давыдова А.Ю. Особенности правового режима имущественных отношений супругов в отдельных зарубежных странах // Вестник экономической безопасности. 2021. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-rezhima-imuschestvennyh-otnosheniy-suprugov-v-otdelnyh-zarubezhnyh-stranah
9. Петрова Е. А. Специфика права США в рамках семьи общего права // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-prava-ssha-v-ramkah-semi-obschego-prava
10. Шведова Дарья Владимировна Роль семьи в американском обществе и семейная политика // Женщина в российском обществе. 2011. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-semi-v-amerikanskom-obschestve-i-semeynaya-politika

Nikitina A.P., Tkachenko A. S. Comparative analysis of international standards for spousal asset division // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 273-280.

The article analyzes the regimes of joint and separate property, emphasizing how they influence the process of asset division during divorce. In particular, it examines the features of the Russian and Chinese systems, where joint property is the dominant principle, ensuring an equal division of assets acquired during marriage, with certain exceptions for inheritance and gifts. In Germany, the application of the principle of economic community property is investigated, allowing for individual contributions of spouses to be taken into account, which contributes to a more equitable resolution of property disputes. Special attention is given to the Turkish system, which combines elements of joint ownership with modern measures to protect spouses' rights, reflecting significant changes in the country's legal culture. In contrast, US legislation, characterized by regional diversity, provides for both joint and separate property principles, allowing the judicial process to consider individual circumstances to achieve a fair outcome. An important part of the study is the role of prenuptial agreements as a tool to regulate property issues and prevent potential conflicts in the future, which is reflected in the practices of the United States and, to a lesser extent, other countries. The conclusion of the article emphasizes the importance of understanding the legal, cultural, and social nuances of each jurisdiction, highlighting the significance of an individualized approach to each case. The authors stress the necessity of obtaining qualified legal advice for spouses considering asset division issues, which helps minimize risks and ensure the protection of the parties' rights.

Keywords: asset division, spousal rights, divorce, Russia, China, Germany, Turkey, USA, community property, equitable distribution, joint property, separate property, property equation, prenuptial agreement, civil code, legal systems, financial aspects of divorce, legal differences, individual circumstances, immigration law, international standards, family law.

Spisok literatury`:
1. Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995 No. 223-FZ (ed. of July 31, 2023) (with amendments and supplements, effective from October 26, 2023) – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/
2. Civil Procedure Code of the People's Republic of China (adopted at the 4th session of the National People's Congress, 7th convocation on April 9, 1991, amended in accordance with the Decision of the Standing Committee of the National People's Congress 10th convocation “On Amending the Civil Procedure Code of the People's Republic of China” on October 28, 2007) – URL: http://chinalawinfo.ru/procedural_law/law_civil_procedure

3. Law of the People's Republic of China "On Marriage." – URL: https://chinalawinfo.ru/civil_law/law_marriage
4. Kolosok S.V. Institutes of Marriage and Family under German Law at the End of the 19th Century // Siberian Legal Bulletin. – 2014. - No. 2. – Pp. 11-15.
5. Lebedeva M.L. The Institution of Marriage in Germany: Specific Regulation // Bulletin of Mari State University. Series: Historical Sciences. Legal Sciences. – 2015. – No. 2. Vol. 2 – Pp. 65-69.
6. Civil Code of Germany (BGB) of August 18, 1896 (ed. of January 2, 2002) // SPS "ConsultantPlus."
7. Raevich S.I. Turkish Civil Code of 1926 / S. Raevich // Soviet Law. – Moscow, 1928. – No. 3. – Pp. 75-76.
8. Davydova A.Yu. Peculiarities of the Legal Regime of Property Relations of Spouses in Individual Foreign Countries // Bulletin of Economic Security. 2021. No. 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-rezhima-imuschestvennyh-otnosheniy-suprugov-v-otdelnyh-zarubezhnyh-stranah
9. Petrova E.A. Specificity of US Law within Common Law Families // Legal Policy and Legal Life. 2014. No. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-prava-ssha-v-ramkah-semi-obschego-prava
10. Shvedova Daria Vladimirovna. The Role of Family in American Society and Family Policy // Woman in Russian Society. 2011. No. 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-semi-v-amerikanskom-obschestve-i-semeynaya-politika

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 281–286.

УДК 347.19

ОБЪЕДИНЕНИЕ УЧАСТНИКОВ ДОГОВОРА ПРОСТОГО ТОВАРИЩЕСТВА КАК ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ СООБЩЕСТВО

Политкин И. А.

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

В статье исследуется возможность участников договора простого товарищества быть гражданско-правовым сообществом. В данной работе автор доказывает, что лица-участники договора простого товарищества имеют признаки объединения (группа лиц, наличие органа внутреннего управления, выражение воли большинством участников решением собрания, наличие у участников единых прав и обязанностей). Путем сравнения законодательных и доктринальных признаков гражданско-правового сообщества, а также характерных черт объединения лиц по договору совместной деятельности доказывается, что участники договора простого товарищества в результате совместной деятельности в рамках договора простого товарищества имеют признаки гражданско-правового сообщества и образуют собой данное неправосубъектное объединение.

Ключевые слова: договор простого товарищества, договор совместной деятельности, гражданско-правовое сообщество, группа лиц, объединение, собрание участников, решения собраний, воля большинства, общая цель, сособственники.

Нормы Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) закрепляют в гл. 9.1 положения о решениях собраний. Закон указывает, что совокупность лиц, имеющих право принимать участие в собраниях, именуется гражданско-правовым сообществом. Нормативно-правовой акт дает уточнение, что таковыми могут являться сособственники общего имущества, участники юридического лица, кредиторы при банкротстве и оставляет список открытым, завершив его словосочетанием «и других». Представляется, что гражданско-правовое сообщество может возникнуть и в результате заключения договора простого товарищества (договора о совместной деятельности), так как подобное договорное объединение отвечает требованиям, которые характеризуют гражданско-правовое сообщество и отличают его от простой неорганизованной общности лиц. К такому же мнению приходят и ученые-цивилисты [1; 2]. Однако, чтобы сделать окончательные выводы, необходимо определить характерные признаки гражданско-правового сообщества, которые могут служить критериями отнесения того или иного объединения к исследуемой категории. Закон не содержит таких признаков, в связи с чем необходимо обратиться к научной доктрине.

С. Ю. Филиппова, проводя буквальное толкование текста ГК РФ, приходит к выводу, что гражданско-правовое сообщество характеризуется следующими свойствами: 1) сообщество – всегда группа лиц; 2) решения собраний участников такой группы признаются юридическим фактом; 3) правовые последствия, вытекающие из принятого собранием решения, если оно было принято с соблюдением всех требований закона, распространяются на всех участников гражданско-правового сообщества, в том числе и тех, которые не принимали участие в собрании или голосовали против принятого решения [3]. Нельзя не согласиться, так как названные признаки вытекают непосредственно из положений закона.

В. В. Груздев считает, что исследуемому явлению присущи следующие признаки: 1) гражданско-правовое сообщество – группа лиц; 2) данная группа формирует общую волю для реализации гражданской правосубъектности участников гражданско-правового сообщества (или юридического лица, если гражданско-правовое сообщество в конкретном случае представлено участниками юридического лица); 3) гражданско-правовое сообщество возникает, когда субъекты, участвующие в правоотношениях, формируют общую волю в силу закона или достигнутого между ними соглашения; 4) наличие так называемой «платформы гражданско-правового сообщества» (под данным понятием автор понимает правоотношения, в которых сообщество принимает участие ввиду того, что они удовлетворяют совпадающим интересам всех участников сообщества); 5) наличие у данной группы лиц общих (единых или тождественных) прав и обязанностей, реализация которых приводит к достижению цели создания гражданско-правового сообщества [1].

Выделенные ученым в большей мере являются признаками гражданско-правового сообщества, однако позиция автора не лишена недостатков. Так, автор не совсем корректно указывает, что участники гражданско-правового сообщества формируют общую волю на собраниях. Вместе с тем, принятие решений на собраниях происходит путем голосования, в результате которого решение считается принятым, если за него проголосовало большинство участников собрания, при условии участия в заседании не менее пятидесяти процентов от общего числа участников сообщества (ч. 1 ст. 181.2 ГК РФ). Соответственно, воля, выраженная в решении собрания, не будет общей, так как участники имеют возможность проголосовать против принятого решения. В данном случае наиболее корректно будет считать, что решение собрания есть выражение воли большинства участников. Общей волю можно назвать только в единственном случае – единогласном принятии решения.

Третий представленный признак также является недостаточно корректным. Автор указывает, что гражданско-правовое сообщество возникает в момент формирования общей воли при участии в правоотношении в силу закона или соглашения. В таком случае, собрание и гражданско-правовое сообщество возникают одновременно и буквально становятся тождественными явлениями, что лишает их самостоятельного гносеологического значения. Гражданско-правовое сообщество – это организованное на время и устойчивое во времени явление. Соответственно, гражданско-правовое сообщество, состоящее из участников юридического лица, существует с момента создания лица и до момента его ликвидации. Таким образом, гражданско-правовое сообщество может существовать и вне конкретных правоотношений. Автор отмечает, что формирование воли происходит в силу закона и/или соглашения. Это утверждение также нельзя назвать корректным. В силу закона или соглашения существует само гражданско-правовое сообщество, а формирование воли на собрании осуществляется на основе тех норм, которые содержатся в законе или соглашении и определяют порядок голосования, принятия решения и т.д.

Говоря о четвертом признаке – «платформе гражданско-правового сообщества» - хотелось бы в первую очередь отметить, что сообщество не может самостоятельно принимать участие в правоотношениях, так как у него отсутствуют соответствующие органы внешнего управления. Сообщество – это объединение самостоятельных субъектов, которые в рамках его деятельности могут принимать решения на собраниях. Решения собраний распространяются на лиц, имевших право принимать уча-

стие в таком собрании и только если это вытекает из существа отношений или в установленных законом случаях могут влиять на волю других субъектов. Соответственно, собрание – это прообраз органа внутреннего управления. Участие в правоотношениях с внешними субъектами возможно только через самостоятельные действия участников, которые получили на собрании согласие от других участников представлять их во внешних правоотношениях, или через органы управления, если сообщество образовано внутри юридического лица. Таким образом, само сообщество не участвует в правоотношениях по поводу каких-либо благ, на которые распространяются интересы его участников. Формируя решение в силу общего (сонаправленного) интереса, участники сообщества делегируют возможность участия во внешних правоотношениях одному или нескольким участникам или органам управления (в случае образования сообщества в юридическом лице). В результате проведенного анализа, характерными признаками гражданско-правового сообщества можно считать следующие: 1) гражданско-правовое сообщество – группа лиц. Наличие этого признака очевидно из положений ст. 181.1 ГК РФ; 2) собрание – орган внутреннего управления гражданско-правового сообщества. Участие во внешних гражданских правоотношениях происходит путем делегирования этих полномочий одному или нескольким участникам или посредством органа управления юридического лица; 3) решения собрания – это выражение воли большинства участников сообщества в правовой форме юридического факта для всех участников сообщества;4) наличие у участников тождественных или единых прав и обязанностей, которые позволяют на этом основании объединять их в группу для достижения общих целей. Очевидно, что в сообщество не могут объединяться лица, которые не заинтересованы в совместном взаимодействии или не связаны общими правами или обязанностями. Данное объединение есть результат совпадения общих интересов участников в отношении каких-либо объектов.

Выделив основные свойства гражданско-правового сообщества, можно перейти к сравнению участников договора простого товарищества с вышеуказанным явлением. Тот факт, что участники договора простого товарищества являются объединением, признавал еще Г.Ф. Шершеневич: «Многочисленные члены товарищеского договора не разделены на две стороны, активную и пассивную, но все находятся в одинаковом юридическом положении» Далее ученый отметил: «…в отличие от других договоров, в которых интересы контрагентов противоположны, в простом товариществе эти интересы тождественны» [4]. На это обстоятельство также указывала И.С. Шиткина. По мнению исследователя, главной целью договора простого товарищества является создание объединения [5]. Подобной позиции придерживаются и ряд других ученых-цивилистов [6; 7; 8; 9].

Действительно, на признаки объединения здесь также указывают наличие общей цели и совместные вклады в общую деятельность. Стоит напомнить, что гражданско-правовое сообщество было охарактеризовано как группа лиц, в то время как участники договора простого товарищества определены как объединение. Есть ли различия? В широком смысле – нет. Указанные дефиниции обладают схожей смысловой нагрузкой и в данном случае их буквальная характеристика не играет какого-либо правового значения, так как основной задачей является указание на наличие нескольких субъектов в рамках исследуемых правовых явлений. Более того, вышеуказанные признаки гражданско-правового сообщества характеризуют его именно

как объединение, так как его участники обладают общими правами и обязанностями, взаимным интересом в отношении какого-либо объекта. В результате, и участников договора простого товарищества и членов гражданско-правового сообщества следует считать объединением.

Второй признак сообщества – решения собраний есть выражение воли большинства участников сообщества в форме юридического факта – также характерен для участников договора совместной деятельности. Положения ст. 1044 ГК РФ говорят о том, что каждый товарищ вправе действовать от имени всех товарищей, если соглашением не предусмотрено, что интересы простого товарищества в правоотношениях должны представлять все товарищи совместно или ведение дел осуществляется отдельными участниками. При совместном ведении дел для совершения какой-либо сделки необходимо согласие всех товарищей. Если интересы объединения представляет один товарищ, то свои действия он может осуществлять исключительно на основании доверенности, выданной ему другими товарищами (ст. 1041 ГК РФ). Таким образом, во всех возможных случаях необходимо согласие на совершение юридически значимого действия со стороны всех товарищей. Такое согласие может быть выражено товарищами после обсуждения условий предполагаемой сделки. Совместное обсуждение этих условий можно характеризовать как собрание участников. Кроме того, собрание и голосование может быть заочным. Положения ст. 181.2 ГК РФ позволяют реализовать подобное. Нормы гл. 55 ГК РФ, в свою очередь, не конкретизируют процесс совместного принятия решений, поэтому, основываясь на ч. 1 ст. 181.1 ГК РФ, здесь будут действовать положения гл. 9.1 ГК РФ. Результатом такого обсуждения будет выражение воли участниками товарищества. Однако закон устанавливает, как уже было отмечено выше, что для принятия общего решения необходимо согласие всех товарищей. Соответственно, в данном случае возможность совершить юридически значимое действие предоставляется только когда воля товарищей по тому или иному вопросу будет общей. Аспект «общей воли» подпадает под область понятия «воли большинства», поэтому данный признак также следует считать присущим участникам договора простого товарищества.

Наличие третьего признака вытекает из анализа второго. На собрании товарищи принимают решения о том, как они будут участвовать во внешних правоотношениях с контрагентами, в само участие в них принимает один или несколько товарищей согласно положениям ст. 1044 ГК РФ.

Говоря о гражданско-правовых последствиях принятых решений, очевидным становится их распространение на всех членов товарищества. Учитывая тот факт, что решения принимаются товарищами совместно, логичным будет и наличие совместной ответственности. Нормы закона подтверждают данный вывод. Так, ч. 1 ст. 1047 ГК РФ указывает, что если деятельность товарищества не связана с осуществлением предпринимательской деятельности, то каждый товарищ отвечает по общим договорным обязательствам всем своим имуществом пропорционально стоимости его вклада. Если обязательства возникли не из договора, то товарищи отвечают солидарно. В ч. 2 данной статьи указано, что, если деятельность товарищества связана с осуществлением предпринимательской деятельности, то ответственность товарищей в таком случае также будет солидарной вне зависимости от оснований возникновения обязательств. Таким образом, закон дает понять, что любое обязательство

приведет к ответственности каждого товарища, однако объем этой ответственности будет зависеть от характера осуществляемой деятельности. Соответственно, вышеуказанное подтверждает наличие названного признака в простом товариществе.

Заключительный признак, связанный с наличием общих прав и обязанностей у всех товарищей, также характерен для данного объединения. В ч. 1 ст. 1043 ГК РФ законодатель указал, что все внесенное товарищами в качестве вклада в деятельность товарищества имущество, а также произведенная продукция и плоды общей деятельности, признаются их общей долевой собственностью, если иное не предусмотрено законом или соглашением. Выше было указано, что все гражданско-правовые последствия деятельности товарищества распространяются на всех товарищей.

Таким образом, у участников возникает общее право собственности, общее право на результаты деятельности товарищества. Стоит напомнить, что сособственники и без вышеуказанных выводов были названы законодателем гражданско-правовым сообществом. Однако вклады могут быть представлены не только имуществом участников, поэтому в некоторых случаях товарищи могут быть объединены не только на основе общего права собственности. Необходимо отметить важность этого фактора, ведь без наличия организационного средства объединения, участники договора не будут обладать первым признаком – быть группой лиц, то есть не смогут в целом являться гражданско-правовым сообществом. В таком случае становится актуальным вопрос: какое же средство может служить основанием объединения? Представляется, что таким средством следует считать сам договор о создании простого товарищества. Вступая в договор, участники объединяют свои вклады для достижения общей цели (ч. 1 ст. 1041 ГК РФ) в силу наличия у них общего интереса в отношении тех или иных благ. Договор, в свою очередь, является правовой формой, которая заключает самосозданные участниками правила поведения на основе положений объективного права [10]. Договор организует взаимодействие участников, согласует их действия и, соответственно, является формой выражения существования объединения в действительности.

Таким образом, объединение участников договора простого товарищества может быть охарактеризовано как гражданско-правовое сообщество.

Список литературы:

7. Груздев, В.В. Гражданско-правовые сообщества: понятие, виды / В.В. Груздев. – Текст : непосредственный // Журнал российского права – 2021 - Т. 25 - № 10. - С. 61-71.
8. Филиппова, С.Ю. Множественность лиц и гражданско-правовое сообщество: сходства и различия / С.Ю. Филиппова. - Текст : непосредственный // «Закон» - 2022 - № 6. - С. 30-41.
9. Филиппова, С.Ю. Гражданско-правовое сообщество: понятие, структура, виды, динамика правовой связи (опыт инструментального исследования) / С.Ю. Филлипова. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Правоведение – 2014 - № 6 (317). - С. 128-142.
10. Шершеневич, Г.Ф. Курс торгового права : [В 4 т.] Т. 1 / Г. Ф. Шершеневич. - Москва : Статут, 2003 - (ППП Тип. Наука). - 523 с.
11. Шиткина, И.С. Правовое регулирование организации и деятельности холдинга как формы предпринимательского объединения: специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : дис. на соиск… докт. юрид. наук / Шиткина Ирина Сергеевна; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2006. - 618 с.
12. Брагинский, М.И. Договорное право [Текст] : [в 5 кн.] / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. - 2-е изд., стер. – Москва : Статут, 2011- Кн. 5, т. 1: Кн. 5 : в 2 т., т. 1 : Договоры о займе, банковском кредите и факторинге. Договоры, направленные на создание коллективных образований. - 2011. - 735 с.
13. Горева, А.А. Договор простого товарищества и его виды: российское право в сравнительно-правовом аспекте / А.А. Горева. - Текст : непосредственный // Вестник гражданского права - 2020. - № 6. - С. 30-66.

14. Савельев, А.Б. Договор простого товарищества в российском гражданском праве: специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : дис. на соиск… канд. юрид. наук / Савельев Алексей Борисович; Московская гос. юрид. академия. – Москва, 2003. - 188 с. – Текст: непосредственный.
15. Щукина, Е.М. Содержание и юридическая природа договора простого товарищества по российскому гражданскому праву: специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : дис. на соиск… канд. юрид. наук / Щукина Елена Михайловна; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2002. - 200 с.
16. Чеговадзе, Л.А. Договор как нормоустановительный источник частного права / Л.А. Чеговадзе // Вестник Пермского университета. Юридические науки. - 2023 - Вып. 2 (60). - С. 330-348.

Politkin I. A. Association of participants in a simple partnership agreement as a civil law community // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 281-286.

The article examines the possibility of the parties to a simple partnership agreement to be a civil law community. In this work, the author proves that the persons participating in the contract of a simple partnership have signs of association (a group of persons, the presence of an internal management body, the expression of will by the majority of participants by a decision of the meeting, the presence of common rights and obligations among the participants). The basis of such an association is the agreement itself on the creation of a simple partnership. By comparing the legislative and doctrinal features of the civil law community, as well as the characteristic features of the association of persons under a joint activity agreement, it is proved that the participants in a simple partnership agreement, as a result of joint activities within the framework of a simple partnership agreement, have signs of a civil law community and form this non-subjective association.

Keywords: simple partnership agreement, joint activity agreement, civil society, group of persons, association, meeting of participants, decisions of meetings, will of the majority, common goal, co-owners.

Spisok literatury:

1. Gruzdev, V.V. Grazhdansko-pravovye soobshchestva: ponyatie, vidy / V.V. Gruzdev. – Tekst : neposredstvennyj // ZHurnal rossijskogo prava – 2021 - T. 25 - № 10. - S. 61-71.
2. Filippova, S.YU. Mnozhestvennost' lic i grazhdansko-pravovoe soobshchestvo: skhodstva i razlichiya / S.YU. Filippova. - Tekst : neposredstvennyj // «Zakon» - 2022 - № 6. - S. 30-41.
3. Filippova, S.YU. Grazhdansko-pravovoe soobshchestvo: ponyatie, struktura, vidy, dinamika pravovoj svyazi (opyt instrumental'nogo issledovaniya) / S.YU. Fillipova. – Tekst : neposredstvennyj // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie – 2014 - № 6 (317). - S. 128-142.
4. SHershenevich, G.F. Kurs torgovogo prava : [V 4 t.] T. 1 / G. F. SHershenevich. - Moskva : Statut, 2003 - (PPP Tip. Nauka). - 523 s.
5. SHitkina, I.S. Pravovoe regulirovanie organizacii i deyatel'nosti holdinga kak formy predprinimatel'skogo ob"edineniya: special'nost' 12.00.03 «Grazhdanskoe pravo; predprinimatel'skoe pravo; semejnoe pravo; mezhdunarodnoe chastnoe pravo» : dis. na soisk… dokt. yurid. nauk / SHitkina Irina Sergeevna; Mosk. gos. un-t im. M.V. Lomonosova. – Moskva, 2006. - 618 s. – Tekst : neposredstvennyj.
6. Braginskij, M.I. Dogovornoe pravo [Tekst] : [v 5 kn.] / M. I. Braginskij, V. V. Vitryanskij. - 2-e izd., ster. – Moskva : Statut, 2011- Kn. 5, t. 1: Kn. 5 : v 2 t., t. 1 : Dogovory o zajme, bankovskom kredite i faktoringe. Dogovory, napravlennye na sozdanie kollektivnyh obrazovanij. - 2011. - 735 s. – Tekst : neposredstvennyj.
7. Goreva, A.A. Dogovor prostogo tovarishchestva i ego vidy: rossijskoe pravo v sravnitel'no-pravovom aspekte / A.A. Goreva // Vestnik grazhdanskogo prava - 2020. - № 6. - S. 30-66.
8. Savel'ev, A.B. Dogovor prostogo tovarishchestva v rossijskom grazhdanskom prave: special'nost' 12.00.03 «Grazhdanskoe pravo; predprinimatel'skoe pravo; semejnoe pravo; mezhdunarodnoe chastnoe pravo» : dis. na soisk… kand. yurid. nauk / Savel'ev Aleksej Borisovich; Moskovskaya gos. yurid. akademiya. – Moskva, 2003. - 188 s. – Tekst: neposredstvennyj.
9. SHCHukina, E.M. Soderzhanie i yuridicheskaya priroda dogovora prostogo tovarishchestva po rossijskomu grazhdanskomu pravu: special'nost' 12.00.03 «Grazhdanskoe pravo; predprinimatel'skoe pravo; semejnoe pravo; mezhdunarodnoe chastnoe pravo» : dis. na soisk… kand. yurid. nauk / SHCHukina Elena Mihajlovna; Mosk. gos. un-t im. M.V. Lomonosova. – Moskva, 2002. - 200 s. – Tekst: neposredstvennyj.
10. CHegovadze, L.A. Dogovor kak normoustanovitel'nyj istochnik chastnogo prava / L.A. CHegovadze // Vestnik Permskogo universiteta. YUridicheskie nauki. - 2023 - Vyp. 2 (60). - S. 330-348.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 287–294.

УДК 347.4

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Рябус О. А.
Ростовский филиал ФГБОУВО «РГУП»

Современное состояние экономических связей и отношений в Российской Федерации демонстрирует нам, что они пронизывают многие сферы жизнедеятельности субъектов. Рост числа гражданских правоотношений достаточно часто приводит к соответствующему пропорциональному росту числа недобросовестных участников таких правоотношений. Соответственно вопросы эффективной защиты участников гражданско-правовых отношений всегда интересовали научное сообщество, правоприменителей, самих добросовестных участников отношений. Эффективная гражданско-правовая защита прав потребителей товаров и услуг отдельные аспекты которой анализируются в статье также является достаточно хорошо разработанным гражданско-правовым институтом. Тем не менее научный и практический интерес к исследуемой тематике не угасает, что позволяет высказать предположение о важности исследуемого института на данном этапе развития общества. Появившись относительно недавно институт защиты прав потребителей занял достаточно важное место в механизме правового регулирования обеспечивая надлежащей и эффективной защитой права и законные интересы потребителей товаров и услуг, как заведомо слабой стороны в правоотношениях. Форма защиты прав и интересов субъекта правоотношений предопределяет конкретную совокупность методов защиты. Говоря о юридической природе категории формы защиты и методы защиты стоит их дифференцировать, поскольку форма — это есть выражение защиты в процедурно-процессуальном порядке, причем для разных видов прав могут быть законодательно установлены разные формы защиты. В рамках частноправовой доктрины известны следующая группа методов защиты гражданских прав: самооборона; прекращение или изменение правоотношений; возмещение ущерба; восстановление штрафных санкций; и компенсация морального вреда. Однозначность правовых предписаний и вытекающие из нее гарантированность защиты прав и законных интересов позволяет сказать, что права потребителя на данном этапе развития профильного законодательства защищены достаточно эффективно. По нашему мнению, установление обязательной досудебной процедуры урегулирования спора позволит выровнять процессы правового регулирования в сфере защиты прав потребителей и в конечном счете сделает защиту указанных прав более эффективной.

Ключевые слова: потребитель, продавец, товар, услуга, защита, законодательства, суд, правоприменительная практика.

Вопросы защиты прав потребителей достаточно актуальные и сейчас получили свое первое отражение еще в правовых актах древневосточных государств. Важность урегулированности данных отношений достаточно велика поскольку способствует стабилизации рынка в целом и конкретных правоотношений в частности. Дальнейшая история правового регулирования защиты прав потребителей имеет общей тенденций расширения круга отношений, на которые распространяется действие законодательства о защите прав потребителей, менялись и санкции от классических санкций древнего мира, и средневековья до современных.

Ретроспективный анализ защиты прав потребителей показывает, что правовые основы защиты были известны в государствах Древнего мира. В современный период в эпоху активного развития глобализационных процессов, всеобщей цифровизации общественной сферы и государственной деятельности, вопросы защиты прав потребителей приобретают особую актуальность.

Дефиниция «потребитель» как указывалось ранее имеет длительную историю возникновения и правового регулирования в целом, как и сам институт защиты прав потребителей, который стоит признать достаточно сильно эволюционировал с развитием государственности: от государств Древнего мира до современности. Появление общественных организаций, ставящих целью защиту прав и законных интересов потребителей, вывело борьбу за права потребителей на новый качественный уровень.

Сейчас многочисленные «организации потребителей также играют важную роль в развитии защиты прав потребителей» [1, с. 28-34]. Также стоит сказать, что «в рамках реализации государственной политики по защите прав и интересов граждан появились административные органы, имеющие целью защиту прав потребителей» [2, с. 4-20] и эффективно ее осуществляющую с помощью государственно-властных полномочий. В России таким органом исполнительной власти является Роспотребнадзор.

Увеличение потребляемых населением количества товаров и услуг помимо позитивного влияния на экономическое развитие в целом, также ведет и к пропорциональному увеличению количества товаров и услуг ненадлежащего качества. И как следствие этого, абсолютное количество таких случаев растет. Как и еще одно из последствий мы можем отметить рост научных исследований в сфере защиты прав потребителей [3, с. 142-150; 4, с. 158-162].

В силу изложенного ряд проблемных вопросов, в том числе связанных с цифровизацией потребительской деятельности в области защиты прав потребителей не имеет надлежащего доктринального освещения и ждет своего разрешения.

Стоит также указать, что российское законодательство в сфере защиты прав потребителей столкнулось в начале с ограничениями в рамках пандемии COVID-19, что привело к увеличению цифрового общения с гражданами практически до 100 %.

Значительные коррективы были и во время введения санкционных ограничений в отношении России, а также связанные с уходом ряда компаний из России и фактическим отказом с их стороны исполнять предписания законодательства при защите прав потребителей в случае возникновении конкретной ситуации в контексте соответствующих договорных конструкций.

Ограничения, возложенные на развитие экономики во время пандемии проявились в стагнации и сокращении потребления или даже полном прекращении потребления отдельных групп товаров и услуг. Поэтому дополнительные гарантии со стороны государства уточнение особенностей правоприменительной практики в рамках деятельности правоприменительных административных органов оказались достаточно своевременными и эффективными.

Как было сказана выше дополнительные легальные гарантии, укрепившие правовой статус потребителей и установившие соответствующую юридическую ответственность при возникновении правонарушений в исследуемой сфере. Становится очевидным, что государство расценивает данное направление защиты прав и законных интересов в качестве первоочередного.

Права потребителей — это лишь один из аспектов системы прав в рамках правового статуса личности. Необходимо отметить, что данные права имеют целью защиту заведомо слабой стороны в рамках соответствующих правоотношений, в частности с участием потребителя, а также защищают и «интересы юридических

лиц и обеспечиваются социальные выгоды, повышающие ценность их собственной продукции».

Рост количества объектов гражданских правоотношений влечет за собой автоматически рост правоотношений по защите потребителей в конкретных договорных конструкциях. Появление новых торговых площадок-маркейтплейсов и всеобщая цифровизация гражданско-правовых отношений порождают новые, ранее неизвестные категории споров требуют ликвидацию соответствующих пробелов как в сфере гражданско-правового регулирования, так и в сфере защиты прав потребителей. Закономерным итогом стало усиление правового регулирования исследуемых отношений с учетом как активного процесса цифровизации, так и своренной экономической и политической ситуации. Как итого стоит отметить рост количества, регулирующих актов и рост интереса научного сообщества к новым способам защиты прав потребителей.

Для нашего государства права потребителей исходя и объема, и тщательности и детальности правового регулирования представляют собой одну из важнейших задач, что в конечном счете влечет к стабилизации отношения частноправового характера и соответствующие им отношения по защите прав потребителей.

«Правовой механизм защиты прав потребителей включает в себя защитные меры, направленные на предотвращение нарушений прав потребителей путем создания общей правовой системы. Защитные меры относятся к процедурам, используемым в случаях нарушения или оспаривания прав потребителей» [5, с. 478-480].

Анализ источников легального регулирования, в рамках которых указаны соответствующие способы и методы защиты прав потребителей дают нам возможность выделить ряд правовых способов, в рамках которых права потребителей будут защищены. Говоря о формах и способах правовой защиты, стоит отметить, что: «далеко не все из них трактуются в рамках доктрины единообразно» [5, с. 479].

Представляется верным утверждение форма защиты прав и интересов субъекта правоотношений предопределяет конкретную совокупность методов защиты». Говоря о юридической природе категории формы защиты и методы защиты стоит их дифференцировать, поскольку форма — это есть выражение защиты в процедурно-процессуальном порядке, причем для разных видов прав могут быть законодательно установлены разные формы защиты. «С помощью конкретных действий можно обеспечить восстановление нарушенных прав, повлиять на преступников и устранить препятствия для реализации их законных прав и интересов» [6, p.108]. Соответственно форма защиты определяя процедурно-процессуальный порядок предусматривает как судебные, так и внесудебные способы защиты конкретного права.

Говоря о способах и методах защиты, необходимо отметить, что ряд из них носит индивидуальный характер, а ряд – коллективный в зависимости от тех или иных правоотношений и желания субъекта, защищающего свои права.

Внесудебный порядок также определяет выбор конкретных способов защиты прав. В целом же в частноправовой доктрине известны следующая группа методов защиты гражданских прав: самооборона; прекращение или изменение

правоотношений; возмещение ущерба; восстановление штрафных санкций; и компенсация морального вреда.

«Спорные вопросы о ненадлежащем качестве приобретенных вещей и правила их возврата устанавливает официальный текст Закон о защите прав потребителей. В первые законопроект был одобрен парламентариями в 1992 г. С тех пор в него ежегодно вносили многочисленные правки» [7, с. 231-235]. Согласно этому закону, «если покупатель намерен воспользоваться возможностью вернуть высококачественный товар, но использованный товар не удовлетворяет его в течение 14 дней, следует помнить, что он должен соответствовать некоторым требованиям: товар не используется; товарный вид и потребительские атрибуты сохранены, нет является брендом производителя; если есть наличные деньги или квитанция на товар (возврат уже может быть в свидетельских показаниях)» [8, с. 22].

Более того, «предусмотрен перечень непродовольственных товаров, которые не подлежат ни возврату, ни обмену (лекарства, гигиенические принадлежности и бытовая химия, косметика и парфюмерия, ткани и прочее)» [9, с. 7-10]. Данная группа товаров заменяется на аналогичный или возвращается с уплатой его стоимости только в случае несоответствия товара нормам, предъявляемым федеральным законодательством к такого рода товарам.

Федеральный законодатель предусматривает обращение к продавцу по месту приобретения, а субъект (покупатель) который защищает свои права и интересы имеет на выбор следующие варианты: возврат товара при условии возврата денежных средств, устранение недостатка, обмен товара на аналогичный или иной эквивалентный с учетом пересчета стоимости, в случае отсутствия подобного товара. Это достигается путем составления соответствующей претензии.

Отметим, что в случае, когда «неисправность вызвана производителем, поставщик должен вернуть деньги. Для подтверждения этого почти всегда назначается экспертиза. Клиенты не должны платить за него, если дефект не вызван по их вине. В случае приобретения товара ненадлежащего качества важно предложить потребителю следующие варианты: полное устранение неисправностей; снижение издержек; замена аналогичного товара; перерасчет стоимости другого товара. Также можно попросить вернуть потраченные деньги (даже проценты, если товар был куплен в кредит)» [10, с. 68-71].

В практике известны ситуации, в рамках которой законодательство предусматривает срок для возврата денежных средств в 10 дней. За указанный период товар должен быть обследован продавцом или изготовителем, но максимальный срок такого обследования для сложно-технических приборов составляет 45 дней. Возвращение денежных средств в более длительный срок на соответствующие счета потребителя обусловлено техническими аспектами, учтенными законодателем при возврате средств безналичной форме. Пропуск данного срока дает право обращения всеми законными способами Роспотребнадзор.

Однозначность правовых предписаний и вытекающие из нее гарантированность защиты прав и законных интересов позволяет сказать, что права потребителя защищены достаточно эффективно. Кроме того, следует отметить, что «законодатели определяют правовые нормы на предмет защиты прав потребителей, руководствуясь общими принципами и категориями доходов» [9, с. 7-10].

«Конкретная ситуация любых социальных отношений, которая является предметом «правового воздействия», является целью поведения участников отношений, а также особым субъективным составом и характером совершаемого поведения» [9, с.7-10].

Законодательство в сфере защиты прав потребителей можно охарактеризовать как «систему правил и норм, позволяющих потребителям товаров и услуг получать их надлежащего качества» [9, с. 7-10], своевременно и обязывающих соответствующие государственные органы вмешиваться в отдельные аспекты предпринимательской деятельности в интересах потребителей товаров и услуг.

Можно констатировать, что нормативные предписания закона четко указывают предмет правового регулирования исследуемых отношений, но в то же время совокупность общественных отношений, регламентируемая данным законом очерчена не конкретно.

Представляется, что «практика потребительских отношений – это отношения между потребителем и субъектом определенного круга лиц при совершении сделок по продаже товаров, выполнению работ и оказанию услуг» [11, с. 18-20].

Стоит указать, что потребительские отношения между физическими лицами и организациями не предпринимательского характера не могут быть отнесены к группе отношений, регламентируемой Законом «О защите прав потребителей»

ГК РФ [15] и Закон РФ «О защите прав потребителей» [16] являются «главными источниками регламентации гражданско-правовых отношений в исследуемой сфере, а также участия потребителей, нормы, затрагивающие права и обязанности потребителей, также включены в различные отраслевые законодательные акты». В частности, «законодательно предусмотрено требование соблюдение досудебного претензионного порядка» [12, с. 117-120].

Закон РФ «О защите прав потребителей» [16] не содержит специфичных норм обязательного характера досудебной процедуре, вместе тем, нормы регламентирующие взаимоотношения с потребителями определенных групп товаров и услуг могут содержать нормы, являющиеся по отношению к Закону специальными и содержащими указанные выше процедуры, позволяющие осуществлять защиту прав и законных интересов более эффективно.

Представляется логичным дополнить Закон РФ «О защите прав потребителей» [16] обязательной претензионной процедурой досудебного урегулирования споров. В противном случае получается, что процедура защиты прав и интересов покупателей различных товаров и услуг будет дифференцированной и будет способствовать единообразию правоприменительной практике [13, с. 336-371].

До указания Верховным судом РФ, что ч. 2 ст. 10 Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [17] предусмотрен «обязательный досудебный порядок урегулирования споров между потребителем и исполнителем услуг по качеству туристского продукта в отношении туроператоров, суды толковали данную норму иначе» [18]. Волгоградский областной суд в апелляционном определении по делу № 33- 8342 от 2018 г. от 7 июня 2018 г. указал: «по смыслу настоящего правила он определяет форму и сроки исковых требований, предъявляемых туристами к статусу туристской продукции, качества и рассмотрения поступивших претензий, но указание на обязательный досудебный порядок разрешения споров отсутствует» [14, с. 271].

По нашему мнению, установления обязательной досудебной процедуры урегулирования спора позволит выровнять процессы правового регулирования в сфере защиты прав потребителей и в конечном счете сделает защиту указанных прав более эффективной.

Санкционное давление зарубежных государств будучи несомненно негативным явлениям вынуждает органы исполнительной власти более гибко относится к вопросу интеллектуальной собственности, что находит сове выражение в налаживании т.н. «параллельного импорта». Будучи с одной стороны достаточно эффективным мероприятием, параллельный импорт с другой стороны в случае использования легального правового инструментария о нем недобросовестными импортерами может наводнить отечественны рынок товарами ненадлежащего качества. При этом при импорте сложных технических предметов организаторы «параллельного импорта» не всегда способны обеспечить гарантию и сервис, что от них прямо требует отечественное законодательство.

Изложенное подводит нас к тому, что «параллельный импорт» без должного государственного внимания – это перспектива нарушения всех базовых прав, гарантированных потребителю. Поэтому «параллельный импорт» должен обуславливаться безоговорочным применением норм о защите прав потребителей к товарам, завезенным как путем параллельного импорта, так и субъектам, организовавший данный завоз.

В целом же законодательство о защите прав потребителей должно стоять на страже как интересов потребителей, эффективно защищая их, так и не позволяя разгореться т.н. «потребительскому террору» в виде злоупотребления своими правами.

Список литературы:

1. Волкова, М. А. Защита прав потребителей / М. А. Волкова // Научные исследования в частном праве России: Сборник научных трудов юридического факультета Российского государственного социального университета / Под редакцией Р.Р. Ленковской. Москва: Издательство» Саратовский источник», 2018. С. 28-34.
2.Крашенинников Е. А., Байгушева Ю. В. Условия функционирования и границы частной автономии // Вестник ВАС РФ. 2013. № 9. С. 4-20.
3. Трифонов, С. Г., Трифонова, К. В. Институт чести, достоинства и деловой репутации: ретроспективный анализ // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2023. Т.48. №4. С. 142-150.
4. Апкаев, Д. М. Пути совершенствования законодательства о возмещении вреда жизни и здоровью // Ученые записки Крымского филиала университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. - 2023. - Т.9 (75). №4. С. 158-165.
5. Шведова, А. Д. К вопросу о формах защиты прав потребителей в Российской Федерации / А. Д. Шведова // Форум молодых ученых. 2021. № 11(63). С. 478-483.
6. Stepanov, D. I. The Problems of Legal Regulation of Consumer Protection 26 in the Russia№Federation / D. I. Stepa№ov // ContemporaryProblems of Social Work. 2016. Vol. 2. № 4(8). P. 108-115.
7. Богдан, В.В. Теоретические проблемы определения специального правового статуса потребителя / В.В. Богдан // Вестник ОГУ. 2018. № 4 (165). С. 231-235.
8. Райлян, А.А. Гражданско-правовая защита прав потребителя: вопросы теории и судебной практики / А.А. Райлян // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. №10. С. 22-24.
9. Чебышева, Т. Новое в защите прав потребителей / Т. Чебышева // «Эж Юрист». 2017. №46. С.7-10.
10. Зауэр, Е. А. Актуальные проблемы защиты прав потребителей и пути их решения / Е. А. Зауэр // Вестник науки. 2018. Т. 3. № 9(9). С. 68-71.
11. Алехина, А.А. Некоторые аспекты досудебного порядка урегулирования споров в гражданском процессе / А.А. Алехина // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2017. № 33. С. 18-20.
12. Галлямов, Б.Р. Правовое регулирование защиты прав потребителей в современных экономических и эпидемиологических условиях // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №3-1 (66). С.117-120.

13. Казарян, К.В. К вопросу о правовом регулировании института диффамации в гражданском праве // Ученые записки Крымского филиала университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т.9 (75). №3. С. 365-371.
14. Белов, В.А. Гражданское право в 2 т. Том 1. Общая часть: учебник для академического бакалавриата / В. А. Белов. М.: Издательство Юрайт, 2019. 451 с.
15. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.09.2023) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
16. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 08.08.2024) «О защите прав потребителей». // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.
17. Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ (ред. от 22.06.2024) «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» // Российская газета. № 231. 03.12.1996.
18. Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ (ред. от 22.06.2024) «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1996. № 49. Ст. 549.

Ryabus O. A. Civil law forms of implementation of the institute of consumer protection: current problems and development prospects // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 287–294.

Current the state of economic ties and relations in the Russian Federation demonstrates to us that they permeate many spheres of life of the subjects. That they permeate many spheres of life of the subjects. The growth of the number of civil legal relations quite often leads to a corresponding proportional growth of the number of unfair participants of such legal relations. Accordingly, the issues of effective protection of participants of civil legal relations have always been of interest to the scientific community. relations have always been of interest to the scientific community, law enforcers, the very bona fide participants of relations. Effective civil-law protection of consumer rights of goods and services some aspects of which are analyzed in the article is also a fairly well developed civil-law institute. Nevertheless, scientific and practical interest in the subject matter under study does not fade, which allows us to suggest the importance of the institution under study at this stage of society development. Appearing relatively recently, the institute of consumer protection has taken a rather important place in the mechanism of legal regulation providing appropriate and effective protection of the rights and legitimate interests of consumers of goods and services, as a known weak party in legal relations. The form of protection of rights and interests of the subject of legal relations predetermines a specific set of methods of protection. Speaking about the legal nature of the category of forms of protection and methods of protection it is worth to differentiate them, because the form is an expression of protection in procedural and procedural order, and for different types of rights can be legislatively established different forms of protection. Within the framework of private law doctrine the following group of methods of protection of civil rights is known: self-defense; termination or change of legal relations; compensation for damages; restoration of penalties; and compensation for moral harm. The unambiguity of legal prescriptions and the resulting guarantee of protection of rights and legitimate interests allows us to say that consumer rights at this stage of development of specialized legislation are protected quite effectively.

In our opinion, the establishment of a mandatory pre-trial dispute resolution procedure will allow to equalize the processes of legal regulation in the field of consumer protection and ultimately make the protection of these rights more effective.

Keywords: consumer, seller, product, service, protection, legislation, court, law enforcement practice.

Spisok literaturi:

1. Volkova, M.A. Zashchita prav potrebiteley / M.A. Volkova // Nauchnyye issledovaniya v chastnom prave Rossii: Sbornik nauchnykh trudov yuridicheskogo fakul'teta Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta / Pod redaktsiyey R.R. Lenkovskoy. Moskva: Izdatel'stvo» Saratovskiy istochnik», 2018. S. 28-34.
2. Krasheninnikov Ye.A., Baygusheva YU.V. Usloviya funktsionirovaniya i predely chastnoy avtonomii // Vestnik VAS RF. 2013. № 9. S. 4-20.
3. Trifonov, S.G., Trifonova, K.V. Institut chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii: retrospektivnyy analiz // Yuridicheskiy vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2023. T.48. №4. S. 142-150.
4. Apkayev, D.M. Puti sovershenstvovaniya zakonodatel'stva o vozmeshchenii vreda zhizni i zdorov'yu. // Uchenyye zapiski Krymskogo filiala universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki. 2023. T.9 (75). №4. S. 158-165.
5. Shvedova, A. D. K voprosu o formakh zashchity prav potrebiteley v Rossiyskoy Federatsii / A. D. Shvedova // Forum molodykh uchenykh. 2021. № 11(63). S. 478-483.
6. Stepanov, D. I. The Problems of Legal Regulation of Consumer Protection in the Russia№ Federation / D. I. Stepa№ov // Contemporary Problems of Social Work. 2016. Vol. 2. № 4(8). P. 108-115.
7. Bogdan, V.V. Teoreticheskiye problemy opredeleniya spetsial'nogo pravovogo statusa potrebitelya / V.V. Bogdan // Vestnik OGU. 2018. № 4 (165). S. 231-235.
8. Raylyan, A.A. Grazhdansko-pravovaya zashchita prav potrebitelya: voprosy teorii i sudebnoy praktiki / A.A. Raylyan // Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess. 2018. № 10. S. 22-24.

9. Chebysheva, T. Novoye v zashchite prav potrebiteley / T. Chebysheva // «Ezh-Yurist». 2017. № 46. S. 7-10.
10. Zauer, Ye. A. Aktual'nyye problemy zashchity prav potrebiteley i puti ikh resheniya / Ye. A. Zauer // Vestnik nauki. 2018. T. 3. № 9(9). S. 68-71.
11. Alekhina, A.A. Nekotoryye aspekty dosudebnogo poryadka uregulirovaniya sporov v grazhdanskom protsesse / A.A Alekhina // Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena. 2017. № 33. S. 18-20.
12. Gallyamov, B.R. Pravovoye regulirovaniye zashchity prav potrebiteley v sovremennykh ekonomicheskikh i epidemiologicheskikh usloviyakh // Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk. 2022. №3-1 (66). S.117-120
13. Kazaryan, K.V. K voprosu o pravovom regulirovanii instituta diffamatsii v grazhdanskom prave // Uchenyye zapiski Krymskogo filiala universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki. 2023. T.9 (75). №3. S. 365-371.
14. Belov, V.A. Grazhdanskoye pravo v 2 t. Tom 1. Obshchaya chast': uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata / V. A. Belov. M.: Izdatel'stvo Yurayt, 2019. 451 s.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 295–303.

УДК 347.61

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ И ПОНЯТИИ ТРАНСГРАНИЧНОГО СЕМЕЙНО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА

Шигонина Л. А.
Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье рассматриваются проблемы определения понятия, особенностей квалификации семейно-правовых договоров в международном частном праве, их места в системе частноправовых договоров, выявляются проблемы и предлагаются пути совершенствования и развития законодательства. Акцентируется внимание на различных взглядах и суждениях относительно семейно-правового договора. Ввиду терминологической неопределенности рассмотрены соотношение понятий «договор», «соглашение» и «согласие». Методологию исследования составляют общенаучные методы научного познания, сравнительно-правовой и методы толкования юридических норм. В результате проведенного исследования предложено определение семейно-правового договора в международном частном праве, указывающее на его отличия от гражданско-правового договора.

Ключевые слова: семейно-правовой договор, международное частное право, согласие, соглашение, гражданско-правовой договор, договор, дефиниция, трансграничный договор, понятие, юрисдикция.

С учетом современных реалий, установлением транснациональных отношений, в мире возникает множество насущных вопросов, которые связаны с семейно-правовыми договорами в международном частном праве. Договорное регулирование семейных отношений осуществляется на международном, региональном, национальном и индивидуальном уровне.

В современной научной литературе семейные правоотношения являются объектом изучения многих специалистов. Научные и практические работники, рассматривая семейные отношения с иностранным элементом, говорят о наличии коллизий в имущественных отношениях, выделяют субъектов алиментных обязательств, дают понятие брака в международном частном праве, сравнивают брачные договоры зарубежных стран, рассматривают вопросы правового регулирования брака и его расторжения [1, с. 101, с. 110; 2, с. 110; 3, с. 124, с. 128-129; 4, с. 3; 5, с. 101; 6, с. 45; 7, с. 22, с. 26]. Однако большая часть работ сводится лишь к констатации источников международного семейного права [8, с. 29, с. 32; 9, с. 86, с. 89; 10, с. 42]. Можно предположить, что изучение транснациональных вопросов семейных отношений затруднено ввиду отсутствия доктринального единства.

Следует отметить, что понятие семейно-правового договора в международном частном праве не сформировано. Именно отсутствие определения понятия транснационального семейно-правового договора является проблемой.

Нельзя в данном случае не согласиться с мнением Е. П. Войтович, что цель самого понятия – «обслуживание» применения норм права [11, с. 47].

Именно для понимания о каких договорах будет идти речь и что понимается под такими договорами необходимо дать его понятие.

Начнем с того, что семейное право в России, являясь частной отраслью права, базируется и отталкивается от гражданского права, в котором международному частному праву посвящен целый раздел в 3 ч. Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), обратившись к которому мы не найдем понятие договора международного

частного права. В Семейном кодексе РФ (далее – СК РФ) отношениям с участием иностранного элемента посвящен раздел седьмой, который также не содержит указанного понятия договора. Отсюда напрашивается вывод, что законодатель не разграничивает само понятие договоров и по аналогии, исходя из ст.420 ГК РФ, понимает его как соглашение субъектов (как минимум двух).

Важно подчеркнуть, что раздел «Семейное право» во многих правовых системах включен в Гражданский кодекс, что подразумевает признание его подотраслью гражданского права. Так, к примеру, к таким странам относится Франция, Япония, Австрия, Испания, Китай и другие.

Рассматривая высказывания о месте семейного права в системе российского права (с теоретической точки зрения), хотелось бы отметить, что до сих пор мнения ученых-правоведов неоднозначны. Одни, считают семейное право самостоятельной отраслью права [12, с. 31], другие – не отграничивают семейное от гражданского, поскольку не видят существенной разницы между предметом [13, с. 215].

Обратимся к принципам международного частного права (далее – МЧП), которые представляют собой «обобщенные, … абстрактные юридические предписания» [14, с. 34], однако исходя их них государство обязано применять иностранное право. Один из принципов о котором говорят исследовали [15] – автономия воли (законодатель прямо не указывает его), наглядно просматривается в ст.1210 ГК РФ, позволяющий сторонам при заключении договора (либо в период его действия) выбирать право применения. Такая же норма усматривается в п.2 ст.161 СК РФ. Таким образом, можно утверждать, что некоторые принципы МЧП и нормы закона прямо указывают на соглашение сторон, т.е. на заключение договора.

Семейно-правовые договоры с международной составляющей следует отличать от международных договоров, которые являются источниками международного частного права и заключаются между государствами для регулирования отношений в области обеспечения прав и свобод частных субъектов, в том числе и участников семейных отношений.

Поскольку МЧП – право, регулирующее частные отношения при наличии иностранного элемента, поэтому раскрывая понятие семейно-правового договора в МЧП, следует исходить из общих начал гражданско-правовых и семейно-правовых договоров.

Среди ученых продолжается дискуссия относительно сущности семейно-правового договора, поскольку правоотношения «воплощенные в договорную форму, разнообразны» [16].

Характеризуя семейно-правовой договор, учитывая, что это соглашение, следует исходить для начала из толкования этого понятия. Так, толковый словарь Ожегова выделяет два значения: «взаимное согласие» и непосредственно сам «договор, устанавливающий условия…» [17], отсюда следует, что согласие и договор не всегда означают одно и тоже.

Большой юридический словарь не отделяет соглашение от договора, контракта, международного договора, конвенции, а использует их как синонимы [18]. Считаем, что применительно к семейно-правовым отношением отождествление терминов является некорректным, поскольку все они имеют свое назначение в гражданско-правовых договорах, разную природу и суть.

А.А. Вихарев, исследуя договор как инструмент регулирования семейных отношений, подметил, что большая часть ученых исходит из того, что семейное законодательство позволяет использовать лишь только те договоры, которые прямо предусмотрены в законе, поскольку любое ограничение правосубъектности возможно только на основании решения суда либо в силу закона [19, с. 145].

После исследования научных трудов за последние несколько лет в области семейного права, хотелось бы отметить, что никто не уделял должного внимания понятию семейно-правового договора, указывали лишь их роль, значение, природу.

Е. П. Войтович и Н. Ю. Чернусь отметили, что чаще всего в работах было указание на свободу семейно-правового договора [20, с. 28].

Другие, рассматривая специфические характеристики семейно-правового договора, классифицировали его с учетом развития семейного, гражданского и медицинского права и проявления «феномена … в пространстве», опираясь «на систематизацию различных идей о сущности семейно-правовых договоров…» на вытекающие из содержания норм закона и на не «онормативленные» [21, с. 75].

А.А. Вихарев, указал на существующий спор о том, что считать договором – «согласие» или «соглашение», подметив, что законодатель использует дефиницию «согласие» [22, с.115]: добровольное, взаимное, обоюдное; либо вообще не называет его, указав лишь на «совместное» принятие решений [23].

Зарубежная коллега - Х.Х. Сайдивалиева подметила, что все семейно-правовые договоры могут заключаться только с членами семьи, т.е. круг лиц ограничен; такие договоры не всегда порождают семейно-правовые обязательства [324, с. 60; 61]; семейный договор направлен на предотвращение споров; его цели не могут совпадать с целями гражданско-правового договора; в семейных договорах принцип свободы не имеет первостепенного значения, и свобода заключения договора ограничена [25, с. 555, 556].

О.Н. Низамиева считает, что семейно-правовым договорам присуща «опережающая (прогностическая) функция» [26, с. 59].

Конкретизируя, можно сказать, что на современном этапе развития, большая часть ученых видит семейно-правовой договор как специфический отраслевой договор, однако до недавнего времени другая часть утверждала, что это всего лишь разновидность гражданско-правового договора, поскольку у него гражданско-правовая природа [27, с. 1].

Сравнивая гражданско-правовой и семейно-правовой договор в МЧП необходимо начать с субъектов. Так, в трансграничных семейных отношениях – это всегда физические лица, причем один из них иностранный гражданин или проживающий за границей россиянин, находящиеся (находившиеся) в состоянии родства или в браке. Гражданско-правовой договор не ограничен ни в выборе субъектов, ни в свободе заключения самого договора, что соответствует основополагающему принципу гражданского права. Семейный договор имеет некоторые ограничения, предусмотренные законодательством. К примеру, ст.40 СК РФ «Брачный договор» позволяет определять лишь имущественные права и обязанности супругов. П. 4 ст. 51 разъясняет последствия дачи согласия на применение метода искусственного оплодотворения, обязанность получения согласия суррогатной матери для возможности быть записанными родителями ребенка.

Как уже отмечалось ранее, законодатель использует такие понятия как «согласие», «соглашение», что дает повод усомниться в их тождественности, поскольку согласие чаще всего – односторонняя сделка, с которой соглашаются заинтересованные лица, а соглашение подразумевает явное волеизъявление каждой из сторон. Такое согласие взаимное и является одним из обязательных условий любого гражданско-правового договора, служит основанием для возникновения прав и обязанностей впервые. А вот что касается соглашения, то оно может не только служить основанием для появления новых отношений, но и стать причиной для изменения либо прекращения семейных правоотношений.

Г.А. Трофимова вообще видит в семейно-правовых договорах виды актов волеизъявления со своими отличительными признаками: по цели, основаниям возникновения, субъектам и последствиям [28, с. 59].

Н.А. Сляднева, рассматривая брачный договор, говорит не просто о соглашении, а о модели поведения супругов/бывших супругов [29, с. 9].

О.М. Толстикова указывает на фидуциарность семейных договоров, а также на особенность отсутствия как возмездности, так и безвозмездности [30, с. 13].

Г.Ю. Федосеева, разрабатывая концепцию правового регулирования брачно-семейных отношений международного характера как объекта международного частного права, предложила составлять в письменной форме и удостоверять нотариально соглашение о выборе применимого права, если заключался брачный договор или соглашение об уплате алиментов [31, с. 30].

Г.В. Концевой, изучая теоретические и практические проблемы правового регулирования алиментных отношений, осложнённых иностранным элементом, в частности, рассматривая соглашение об уплате алиментов, выделил юридический факт, который вместе с условиями, установленными соглашением сторон, образует юридический состав, необходимый для возникновения алиментного правоотношения [32, с. 10].

С.С. Шевчук, выделяя проблемы правовой квалификации семейно-правового договора, справедливо указала, что определение гражданско-правового договора закрепляет «лишь намерение сторон достичь определенных правовых последствий». Кроме того, как справедливо отмечает ученый, применять нормы гражданского законодательства возможно лишь при прямой отсылке в семейном законе, а при отсутствии и наличии пробела – «исходя из общих задач и принципов семейного законодательства» [33, с. 78].

Как видим, семейные отношения являлись объектом исследования многих на протяжении нескольких десятилетий, за последние несколько лет в Государственную Думу было внесено несколько законопроектов, однако не в одном из них не было предложено включение понятия «семейно-правовой договор», хотя происходило усовершенствование вопросов определения модели общего имущества, алиментных обязательств, отношений родителей и детей. транснациональные частные отношения были затронуты при рассмотрении законопроекта о запрете на передачу детей гражданам из недружественных стран (Комитет предложил снять с рассмотрения в связи с отзывом субъектами права законодательной инициативы). В июле 2024 г. внесено предложение [34] о изменении пп.14 п.1 ст.127 и п.1 ст.146 СК РФ, в котором предлагается дополнить информацию о запрете усыновления детей в страны, где разрешена смена пола.

С учетом изложенного можно сделать вывод о том, что закрепление понятия семейно-правового договора в МЧП поможет ответить на многие вопросы и облегчит применение норм в каждом конкретном случае.

Раскрытие понятия семейно-правового договора транснационального характера необходимо учитывать следующие характеристики: во-первых, такой договор регулирует брачные, родительско-детские и приравненные к ним отношения, отношения между другими родственниками; во-вторых, является вспомогательным элементом (п. 2 ст. 161 СК РФ позволяет при заключении договоров регулирующих личные неимущественные и имущественные отношения избрать законодательство, подлежащее применению. Однако, если супруги в своем договоре не выбрали закон, подлежащий применению, то применяется п.1 указанной статьи) для правовых норм; имеет уникальные признаки; в -третьих, свобода договора представлена в ограниченном виде; в-четвертых, в этих договорах управомоченное и обязанное лицо всегда четко определено, поскольку отношения связывают между собой близких людей: супругов, родителей и детей, других родственников (родные братья и сестры, дедушка, бабушка, внуки) [35, с. 39], вне зависимости где они находятся, в-пятых, наличие транснациональной характеристики предоставляет сторонам возможность выбора применимого права к этому договору, при отсутствии которого применяются коллизионные принципы, закрепленные в стране рассмотрения спора, вытекающего из такого договора т.п. Как справедливо отмечено С.Н. Тагаевой в семейном законодательстве РФ при заключении договоров «реализация автономии воли сторон предоставлена лицам, не имеющим общего гражданства или места жительства» [36, с. 20].

Таким образом, выявив признаки трансграничного семейно-правового договора, можно предложить следующее его понятие. Трансграничный семейно-правовой договор – это заключенное в письменной форме соглашение между субъектами (или бывшими субъектами) семейных отношений, которые находятся в разных юрисдикциях и (или) имеющие различное гражданство, в котором реализуется возможность выбрать компетентный правопорядок для урегулирования их имущественных (иногда и личных неимущественных) отношений.

Список литературы:

1. Марышева, Н.И. Брачный договор в международном частном праве: правовое регулирование в России и ЕС / Н.И. Марышева, О.В. Муратова // Журнал российского права. - 2014. - №6 (210). – С.101 - 110. – Текст: непосредственный.
2. Пискунова, Н.И. Правовое регулирование брачного договора в международном частном праве / Н.И. Пискунова // Вестник СГЮА. - 2015. - №6 (107). – С.110 - 114. – Текст: непосредственный.
3. Смирнова, Е.В. Брачный договор с участием иностранного элемента по российскому и зарубежному законодательству / Е.В. Смирнова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. - 2013. - №159. – С.123 -129. – Текст: непосредственный.
4. Малкин, О.Ю. Коллизионное регулирование семейных отношений. / О.Ю. Малкин. - Москва: Изд-во СГУ, 2009. - 124 с. – Текст: непосредственный.
5. Войтович, Е.П. Иностранный элемент в международном частном праве / Е.П. Войтович // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. - 2020. - №38. – С.101 – 112. – Текст: непосредственный.
6. Бухарова, И.В. Правовое регулирование развода при наличии иностранного элемента / И.В. Бухарова // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. - № 4 (29). – 2017. – С.45 - 50. – Текст: непосредственный.
7. Алешукина, С.А. Особенности правового регулирования заключения и признания брака с участием иностранного элемента в праве Российской Федерации и Республики Беларусь / С.А. Алешукина. – Текс: непосредственный // Семейное право: современные проблемы теории и практики: материалы междунар. круглого стола, Минск, 16–17 окт. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: В. Н. Годунов (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2020. – С. 21 - 27.

8. Власова, Г.Б. Проблематика взаимовлияния источников международного права и семейного законодательства / Г.Б. Власова, С.В. Денисенко // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. № 5 (96). – 2018. С.28-33. – Текст: непосредственный.
9. Стригунова, Д.П. К вопросу об источниках международного частного права Российской Федерации / Д.П. Стригунова // Вестник Московского университета МВД России. - 2020. - №8. – С.86 – 90. – Текст: непосредственный.
10. Савенко, О.Е. Источники международного частного права в сфере правового регулирования трансграничных брачно-семейных отношений / О.Е. Савенко - Текст: непосредственный. // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. № 36. – 2018. – С.42-50.
11. Войтович, Е.П. Семейные соглашения в международном частном праве / Е.П. Войтович // Lex russica. - 2022. - Т. 75. - №5. С. 45–52. – Текст: непосредственный.
12. Нечаева, А.М. Семейное право: учебник для вузов / А. М. Нечаева. - 9-е изд., перераб. и доп. - Москва: Издательство Юрайт, 2024. - 251 с. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. - URL: https://urait.ru/bcode/535439 (дата обращения: 28.09.2024). – Режим доступа: по подписке.
13. Шушканов, П.А. Место семейного права в системе российского частного права. / П.А. Шушканов. – Текст: непосредственный. // Право: история, теория, практика. Сборник статей и материалов. Том Выпуск 20. Брянск, 2016. Издательство: ФГБОУВПО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского». - С. 215 - 219 .
14. Гетьман-Павлова, И.В. Международное частное право в 3 т. Том 1 общая часть: учебник для вузов / И. В. Гетьман-Павлова. - 6-е изд., перераб. и доп. - Москва: Издательство Юрайт, 2024. - 320с. - Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. - URL: https://urait.ru/bcode/537640 (дата обращения: 28.09.2024). – Режим доступа: по подписке.
15. Гетьман-Павлова, И.В., Автономия воли сторон в международном частном праве России (доктрина, законодательство и судебная практика) / И.В. Гетьман-Павлова // Материалы круглого стола 25 – 26 октября 2013 г. (г. Париж). – Текст электронный. – URL: http://surl.li/ijbgue (дата обращения: 28.09.2024).
16. Набиуллина, В.Р. Сущность семейно-правовых договоров / В.Р. Наубиуллина // Теория и практика общественного развития. - 2018. - №7. – Текст электронный. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-semeyno-pravovyh-dogovorov (дата обращения: 28.09.2024).
17. Толковый словарь Ожегова: сайт - URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=29647 (дата обращения: 28.09.2024). – Текст: электронный.
18. Большой юридический словарь: сайт / Словари онлайн - URL: http://surl.li/fqycnf (дата обращения: 28.09.2024). – Текст: электронный.
19. Вихарев, А.А. Договор как инструмент регулирования семейных отношений. / А.А. Вихарев // Российский юридический журнал. - № 3 (114). - 2017. - С.144-152. – Текст: непосредственный.
20. Войтович, Е.П. К вопросу о свободе семейно-правового договора. / Е.П. Войтович, Н.Ю. Чернусь // Юридическая наука и практика. - Т. 14. - № 3. - 2018. - С.27-31.
21. Тарусина, Н.Н. Семейно-правовой договор: общая «Феноменология духа» / Н.Н. Тарусина // Юридическая наука. - 2016. - №2. - С.73-78. – Текст: непосредственный.
22. Вихарев, А.А. О классификации договоров (соглашений) в семейном праве России / А.А. Вихарев // Правопорядок: история, теория, практика. - 2020. - №2 (25) - С.113-119. – Текст: непосредственный.
23. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. N 223-ФЗ (дейст. ред. с изм. и дополн.) // Собрании законодательства Российской Федерации от 1 января 1996 г. N 1 ст. 16.
24. Saydivaliyeva, X.X. OILAVIY HUQUQIY SHARTNOMALAR VA ULARNI TASNIFLASH MASALALARI / X.X. Saydivaliyeva // YURISPRUDENSIYA / 6 / 2022. - Pp.56-62. - URL: http://surl.li/diwuhn (дата обращения: 28.09.2024). – Текст: электронный.
25. Saydivaliyeva, X.X. The Role of Family Contracts in the Regulation of Family Relations and Their Juridical Nature The Role of Family Contracts in the Regulation of Family Relations and Their Juridical Nature / X.X. Saydivaliyeva // anuary 2023 Innovation The European Journal of Social Science Research Volume 5(Issue 12). - Pp.553-559. - URL: http://surl.li/xwppfr (дата обращения: 28.09.2024). – Текст: электронный.
26. Низамиева, О.Н. Об опережающей функции семейно-правового договора / О.Н. Низамиева // Вестник ТвГУ. Серия «Право». - 2018. - № 4. - С.53-64. – Текст: непосредственный.
27. Стетюха, М.П. Договоры (соглашения) в семейном праве - некоторые аспекты. / М.П. Стетюха – Текст: электронный // Научное издание. - URL: http://surl.li/pkzifg (дата обращения: 28.09.2024).
28. Трофимова, Г.А. Семейно-правовые акты волеизъявления: согласие, соглашение, договор. / Г.А. Трофимова // Нотаріальный вѢстникъ. - № 5. – 2021. - С.48-60. – Текст: непосредственный.
29. Сляднева, Н.А. Брачный договор по законодательству РФ: специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Наталья Алексеевна Сляднева; Российский государственный институт интеллектуальной собственности. - Москва, 2007. – 23с. – Текст: непосредственный.

30. Толстикова, О.М. Правовая природа брачного договора в российском праве: специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Ольга Михайловна Толстикова; Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. – Москва, 2006. – 32с. – Текст: непосредственный.
31. Федосеева, Г.Ю. Брачно-семейные отношения как объект международного частного права Российской Федерации: специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: автореф. дис. на соиск. … д-ра юрид. наук / Галина Юрьевна Федосеева; Московская государственная юридическая академия. – Москва, 2007. – 50с. – Текст: непосредственный.
32. Концевой, Г.В. Алиментные обязательства в международном частном праве: специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Геннадий Владимирович Концевой; ФГБОУВПО «Саратовская государственная юридическая академия». – Саратов, 2015. – 27с. – Текст: непосредственный.
33. Шевчук, С.С. Об отдельных проблемах правовой квалификации семейно-правового договора / С.С. Шевчук // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. - 2021. - №4 (53). - С. 77–82. - Текст: непосредственный.
34. СОЗД: сайт / Законопроект № 671278-8 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации (в части установления запрета на усыновление и передачу под опеку российских детей гражданам государств, в которых разрешена смена пола)». - URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/671278-8 (дата обращения: 28.09.2024). - Текст: электронный.
35. Тагаева, С.Н. Теоретические проблемы семейно-правовой ответственности в Республике Таджикистан: специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: автореф. дис. на соиск. … д-ра юрид. наук / Тагаева Санавбар Назиркуловна; Институт философии, политологии и права им. А. Баховаддинова. – Душанбе, 2014. – 39 с. – Текст: непосредственный.
36. Тагаева, С.Н. Особенности коллизионных принципов договорного регулирования отношений супругов, обладающих различным гражданством / С. Н. Тагаева // Международное публичное и частное право. – 2019. – № 4. – С. 20-23. – Текст: непосредственный.

Shigonina L. A. On the legal nature and concept of a cross-border family law contract // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. 295 – 303.

The article examines the problems of defining the concept, the specifics of the qualification of family law contracts in private international law, their place in the system of private law contracts, identifies problems and suggests ways to improve and develop legislation. Attention is focused on various views and judgments regarding the family law contract. Due to the terminological uncertainty, the relationship between the concepts of "contract", "agreement" and "consent" is considered. The methodology of the research consists of general scientific methods of scientific cognition, comparative legal and methods of interpretation of legal norms. As a result of the conducted research, a definition of a family law contract in private international law is proposed, indicating its differences from a civil law contract.

Keywords: family law contract, private international law, consent, agreement, civil law contract, contract, definition, cross-border contract, concept, jurisdiction.

Spisok literatury:

1. Marysheva, N.I. Brachnyj dogovor v mezhdunarodnom chastnom prave: pravovoe regulirovanie v Rossii i ES / N.I. Marysheva, O.V. Muratova // Zhurnal rossijskogo prava. - 2014. - №6 (210). – S.101 - 110. – Tekst: neposredstvennyj.
2. Piskunova, N.I. Pravovoe regulirovanie brachnogo dogovora v mezhdunarodnom chastnom prave / N.I. Piskunova // Vestnik SGYuA. - 2015. - №6 (107). – S.110 - 114. – Tekst: neposredstvennyj.
3. Smirnova, E.V. Brachnyj dogovor s uchastiem inostrannogo elementa po rossijskomu i zarubezhnomu zakonodatel'stvu / E.V. Smirnova // Izvestiya RGPU im. A. I. Gercena. - 2013. - №159. – S.123 -129. – Tekst: neposredstvennyj.
4. Malkin, O.Yu. Kollizionnoe regulirovanie semejnyh otnoshenij. / O.Yu. Malkin. - Moskva: Izd-vo SGU, 2009. - 124 s. – Tekst: neposredstvennyj.
5. Vojtovich, E.P. Inostrannyj element v mezhdunarodnom chastnom prave / E.P. Vojtovich // Vestn. Tom. gos. un-ta. Pravo. - 2020. - №38. – S.101 – 112. – Tekst: neposredstvennyj.
6. Buharova, I.V. Pravovoe regulirovanie razvoda pri nalichii inostrannogo elementa / I.V. Buharova // Akademicheskij vestnik Rostovskogo filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii. - № 4 (29). – 2017. – S.45 - 50. – Tekst: neposredstvennyj.
7. Aleshukina, S.A. Osobennosti pravovogo regulirovaniya zaklyucheniya i priznaniya braka s uchastiem inostrannogo elementa v prave Rossijskoj Federacii i Respubliki Belarus' / S.A. Aleshukina. – Teks: neposredstvennyj // Semejnoe pravo: sovremennye problemy teorii i praktiki: materialy mezhdunar. kruglogo

stola, Minsk, 16–17 okt. 2020 g. / Belorus. gos. un-t; redkol.: V. N. Godunov (gl. red.) [i dr.]. – Minsk: BGU, 2020. – C. 21 - 27.
8. Vlasova, G.B. Problematika vzaimovliyaniya istochnikov mezhdunarodnogo prava i semejnogo zakonodatel'stva / G.B. Vlasova, S.V. Denisenko // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. № 5 (96). – 2018. S.28-33. – Tekst: neposredstvennyj.
9. Strigunova, D.P. K voprosu ob istochnikah mezhdunarodnogo chastnogo prava Rossijskoj Federacii / D.P. Strigunova // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. - 2020. - №8. – S.86 – 90. – Tekst: neposredstvennyj.
10. Savenko, O.E. Istochniki mezhdunarodnogo chastnogo prava v sfere pravovogo regulirovaniya transgranichnyh brachno-semejnyh otnoshenij / O.E. Savenko - Tekst: neposredstvennyj. // Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii. № 36. – 2018. – S.42-50.
11. Vojtovich, E.P. Semejnye soglasheniya v mezhdunarodnom chastnom prave / E.P. Vojtovich // Lex russica. - 2022. - T. 75. - №5. S. 45–52. – Tekst: neposredstvennyj.
12. Nechaeva, A.M. Semejnoe pravo: uchebnik dlya vuzov / A. M. Nechaeva. - 9-e izd., pererab. i dop. - Moskva: Izdatel'stvo Yurajt, 2024. - 251 s. – Tekst: elektronnyj // Obrazovatel'naya platforma Yurajt [sajt]. - URL: https://urait.ru/bcode/535439 (data obrashcheniya: 28.09.2024). – Rezhim dostupa: po podpiske.
13. Shushkanov, P.A. Mesto semejnogo prava v sisteme rossijskogo chastnogo prava. / P.A. Shushkanov. – Tekst: neposredstvennyj. // Pravo: istoriya, teoriya, praktika. Sbornik statej i materialov. Tom Vypusk 20. Bryansk, 2016. Izdatel'stvo: FGBOUVPO «Bryanskij gosudarstvennyj universitet imeni akademika I.G. Petrovskogo». - S. 215 - 219.
14. Get'man-Pavlova, I.V. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo v 3 t. Tom 1 obshchaya chast': uchebnik dlya vuzov / I. V. Get'man-Pavlova. - 6-e izd., pererab. i dop. - Moskva: Izdatel'stvo Yurajt, 2024. - 320s. - Tekst: elektronnyj // Obrazovatel'naya platforma Yurajt [sajt]. - URL: https://urait.ru/bcode/537640 (data obrashcheniya: 28.09.2024). – Rezhim dostupa: po podpiske.
15. Get'man-Pavlova, I.V., Avtonomiya voli storon v mezhdunarodnom chastnom prave Rossii (doktrina, zakonodatel'stvo i sudebnaya praktika) / I.V. Get'man-Pavlova // Materialy kruglogo stola 25 – 26 oktyabrya 2013 g. (g. Parizh). – Tekst elektronnyj. – URL: http://surl.li/ijbgue (data obrashcheniya: 28.09.2024).
16. Nabiullina, V.R. Sushchnost' semejno-pravovyh dogovorov / V.R. Naubiullina // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. - 2018. - №7. – Tekst elektronnyj. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-semeyno-pravovyh-dogovorov (data obrashcheniya: 28.09.2024).
17. Tolkovyj slovar' Ozhegova: sajt - URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=29647 (data obrashcheniya: 28.09.2024). – Tekst: elektronnyj.
18. Bol'shoj yuridicheskij slovar': sajt / Slovari onlajn - URL: http://surl.li/fqycnf (data obrashcheniya: 28.09.2024). – Tekst: elektronnyj.
19. Viharev, A.A. Dogovor kak instrument regulirovaniya semejnyh otnoshenij. / A.A. Viharev // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. - № 3 (114). - 2017. - S.144-152. – Tekst: neposredstvennyj.
20. Vojtovich, E.P. K voprosu o svobode semejno-pravovogo dogovora. / E.P. Vojtovich, N.Yu. Chernus' // Yuridicheskaya nauka i praktika. - T. 14. - № 3. - 2018. - S.27-31.
21. Tarusina, N.N. Semejno-pravovoj dogovor: obshchaya «Fenomenologiya duha» / N.N. Tarusina // Yuridicheskaya nauka. - 2016. - №2. - S.73-78. – Tekst: neposredstvennyj.
22. Viharev, A.A. O klassifikacii dogovorov (soglashenij) v semejnom prave Rossii / A.A. Viharev // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. - 2020. - №2 (25) - S.113-119. – Tekst: neposredstvennyj.
23. Semejnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 29 dekabrya 1995 g. N 223-FZ (dejst. red. s izm. i dopoln.) // Sobranii zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 1 yanvarya 1996 g. N 1 st. 16.
24. Saydivaliyeva, X.X. OILAVIY HUQUQIY SHARTNOMALAR VA ULARNI TASNIFLASH MASALALARI / X.X. Saydivaliyeva // YURISPRUDENSIYA / 6 / 2022. - Pp.56-62. - URL: http://surl.li/diwuhn (data obrashcheniya: 28.09.2024). – Tekst: elektronnyj.
25. Saydivaliyeva, X.X. The Role of Family Contracts in the Regulation of Family Relations and Their Juridical Nature The Role of Family Contracts in the Regulation of Family Relations and Their Juridical Nature / X.X. Saydivaliyeva // anuary 2023 Innovation The European Journal of Social Science Research Volume 5(Issue 12). - Pp.553-559. - URL: http://surl.li/xwppfr (data obrashcheniya: 28.09.2024). – Tekst: elektronnyj.
26. Nizamieva, O.N. Ob operezhayushchej funkcii semejno-pravovogo dogovora / O.N. Nizamieva // Vestnik TvGU. Seriya «Pravo». - 2018. - № 4. - S.53-64. – Tekst: neposredstvennyj.
27. Stetyuha, M.P. Dogovory (soglasheniya) v semejnom prave - nekotorye aspekty. / M.P. Stetyuha – Tekst: elektronnyj // Nauchnoe izdanie. - URL: http://surl.li/pkzifg (data obrashcheniya: 28.09.2024).
28. Trofimova, G.A. Semejno-pravovye akty voleiz"yavleniya: soglasie, soglashenie, dogovor. / G.A. Trofimova // Notarial'nyj vЂstnik". - № 5. – 2021. - S.48-60. – Tekst: neposredstvennyj.
29. Slyadneva, N.A. Brachnyj dogovor po zakonodatel'stvu RF: special'nost' 12.00.03 «Grazhdanskoe pravo; predprinimatel'skoe pravo; semejnoe pravo; mezhdunarodnoe chastnoe pravo»: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk / Natal'ya Alekseevna Slyadneva; Rossijskij gosudarstvennyj institut intellektual'noj sobstvennosti. - Moskva, 2007. – 23s. – Tekst: neposredstvennyj.
30. Tolstikova, O.M. Pravovaya priroda brachnogo dogovora v rossijskom prave: special'nost' 12.00.03 «Grazhdanskoe pravo; predprinimatel'skoe pravo; semejnoe pravo; mezhdunarodnoe chastnoe pravo»: avtoref. dis.

… kand. yurid. nauk / Ol'ga Mihajlovna Tolstikova; Rossijskaya akademiya gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente Rossijskoj Federacii. – Moskva, 2006. – 32s. – Tekst: neposredstvennyj.
31. Fedoseeva, G.Yu. Brachno-semejnye otnosheniya kak ob"ekt mezhdunarodnogo chastnogo prava Rossijskoj Federacii: special'nost' 12.00.03 «Grazhdanskoe pravo; predprinimatel'skoe pravo; semejnoe pravo; mezhdunarodnoe chastnoe pravo»: avtoref. dis. na soisk. … d-ra yurid. nauk / Galina Yur'evna Fedoseeva; Moskovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya. – Moskva, 2007. – 50s. – Tekst: neposredstvennyj.
32. Koncevoj, G.V. Alimentnye obyazatel'stva v mezhdunarodnom chastnom prave: special'nost' 12.00.03 «Grazhdanskoe pravo; predprinimatel'skoe pravo; semejnoe pravo; mezhdunarodnoe chastnoe pravo»: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk / Gennadij Vladimirovich Koncevoj; FGBOUVPO «Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya». – Saratov, 2015. – 27s. – Tekst: neposredstvennyj.
33. Shevchuk, S.S. Ob otdel'nyh problemah pravovoj kvalifikacii semejno-pravovogo dogovora / S.S. Shevchuk // Vestnik Sankt-Peterburgskoj yuridicheskoj akademii. - 2021. - №4 (53). - S. 77–82. - Tekst: neposredstvennyj.
34. SOZD: sajt / Zakonoproekt № 671278-8 «O vnesenii izmenenij v Semejnyj kodeks Rossijskoj Federacii (v chasti ustanovleniya zapreta na usynovlenie i peredachu pod opeku rossijskih detej grazhdanam gosudarstv, v kotoryh razreshena smena pola)». - URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/671278-8 (data obrashcheniya: 28.09.2024). - Tekst: elektronnyj.
35. Tagaeva, S.N. Teoreticheskie problemy semejno-pravovoj otvetstvennosti v Respublike Tadzhikistan: special'nost' 12.00.03 «Grazhdanskoe pravo; predprinimatel'skoe pravo; semejnoe pravo; mezhdunarodnoe chastnoe pravo»: avtoref. dis. na soisk. … d-ra yurid. nauk / Tagaeva Sanavbar Nazirkulovna; Institut filosofii, politologii i prava im. A. Bahovaddinova. – Dushanbe, 2014. – 39 s. – Tekst: neposredstvennyj.
36. Tagaeva, S.N. Osobennosti kollizionnyh principov dogovornogo regulirovaniya otnoshenij suprugov, obladayushchih razlichnym grazhdanstvom / S. N. Tagaeva // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. – 2019. – № 4. – S. 20-23. – Tekst: neposredstvennyj.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 304–309.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 343.9

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОВД ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ И СКРЫВШИХСЯ С МЕСТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аскаров С. В.
Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России (г. Ставрополь)

В статье раскрываются меры по совершенствованию работы подразделений внутренних дел территориальных органов МВД России по розыску угнанных и похищенных транспортных средств, а также транспортных средств участников дорожного движения, скрывшихся с места дорожно-транспортных происшествий. Автор приходит к выводу, что руководителям территориальных органов МВД России необходимо правильно организовать работу всех подразделений ОВД по розыску пропавшего водителя и установлению местонахождения транспортного средства, участвовавшего в ДТП, используя весь имеющийся комплекс соответствующих технических и информационных ресурсов.

Ключевые слова: розыск угнанных и похищенных транспортных средств, а также транспортных средств участников дорожного движения, скрывшихся с места ДТП, мероприятие «Перехват», специальное программное обеспечение «Веб».

Расследование дорожно-транспортных происшествий (далее ДТП) с точки зрения криминалистической методики имеет особую сложность для сотрудников следствия, особенно в том случае, когда с места происшествия скрылись виновники в целях уклонения от юридической ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, приведшим к тяжелым последствиям. В такой ситуации особое значение приобретает комплекс следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление примет скрывшегося водителя и транспортного средства, а также направления движения транспортного средства с места происшествия.

Согласно статистическим данным ГУ МВД России по Ставропольскому краю в 2023 г. в крае зарегистрировано 2503 ДТП, по которым 344 чел. погибли, 3219 чел. ранено. Из зарегистрированных по 108 ДТП с пострадавшими, транспортные средства (далее ТС) с места совершения скрылись, по которым 6 человек погибли. По 54 ДТП ТС остались неустановленными, по которым 3 потерпевших погибли [1].

Конечно, нельзя не обратить внимание на тот факт, что официальные данные не в полном объеме отражают реальную картину, поскольку обладают определенной степенью латентности.

Такие трагичные сведения свидетельствуют о том, что в большинстве случаев ДТП случаются в условиях неочевидности, в связи с чем их разрешения напрямую зависят от организации проведения расследования следователем.

В практической деятельности органов предварительного расследования (зачастую специализирующихся на расследовании ДТП) имеются три следственные ситуации, сопряженные с оставлением места происшествия виновным, к которым относятся:

1. Участник ДТП скрылся, одна его личность установлена;

2. Участник ДТП покинул место совершения ДТП, его личность неизвестна, однако у следствия могут иметься предположительные сведения о нем;

3. Участник ДТП сбежал и его личность неустановлена.

В связи с этим розыск преступника должен осуществляться «по горячим следам», а участники следственно-оперативной группы (далее – СОГ) обязаны предпринять все усилия для поимки преступника. Для того, чтобы установить преступника участники СОГ могут прибегнуть к содействию других подразделений ОВД или структурами правоохранительных органов, задействовать современные технологии, постараться выявить возможных очевидцев, опросить потерпевшего (имеются у него какая-либо информация о скрывшемся лице) [2].

С 1 июля 2020 года приказом МВД России от 28.01.2020 № 36 [3] был отменен приказ МВД России от 17.02.1994 № 58 [4], который регламентирован порядок введения плана «Перехват» и руководителям внутренних дел по республикам, начальникам главных управлений, управлений МВД России по иным субъектам Российской Федерации поручено организовать разработку и утверждение до 30.06.2020 года правовых актов по вопросам организации указанной деятельности подчиненных территориальных органов МВД с учетом географических и инфраструктурных особенностей обслуживаемых территорий, имеющейся материально-технической базы, а также эксплуатируемых региональных информационных систем, обеспечивающих сбор и обработку фото-видео информации.

В связи с чем, 02.07.2020 ГУ МВД России по Ставропольскому краю здан приказ № 387 [5], которым утвержден Порядок организации работы подчиненных территориальных органов МВД России на районном уровне по розыску указанной категории транспортных средств, а также начальникам территориальных органов МВД России на районном уровне поручено организовать разработку и утверждение Алгоритма действий при проведении неотложных разыскных мероприятий «Перехват» в подчиненном им территориальном органе.

Так, согласно указанного приказа организация и проведение неотложных разыскных мероприятий по задержанию автомототранспортных средств под условным наименованием «Перехват», заключается в получении максимально полных сведений у заявителя при поступлении сообщения, а также при работе следственно-оперативной группы (других нарядов полиции) на месте происшествия, оперативном ориентировании личного состава, сторонних организаций и общественности, выставлению заградительных постов и организации работы поисковых групп, профессиональном, активном и добросовестном выполнении каждым сотрудником, задействованным в мероприятиях, обязанностей по выявлению, обнаружению и задержанию разыскиваемого транспортного средства.

При определении целесообразности начала вышеуказанного мероприятий обязательно следует учитывать период времени, прошедший с момента совершения незаконного завладения транспортом, оставления ТС места ДТП, среднюю скорость движения транспортного средства с учетом транспортного потока, возможное направление движения, анализ обстоятельств совершенного правонарушения, особенности района и местности, оперативные сведения о передвижении транспорта и преступников, в том числе полученные средствами видеонаблюдения и видеофиксации.

Для эффективного расследования ДТП следователю необходимо заняться орга-

низационными мероприятиями незамедлительно после получения сообщения от оперативного дежурного. Основываясь на подробной информации о ДТП, следователь должен дать указания участникам СОГ по обеспечению сохранности обстановки и следов на месте происшествия, а также по розыску скрывшегося водителя.

Необходимо учитывать тот факт, что основными сведениями, на которых в последующем будет строится все расследование – являются доказательства, полученные при осмотре места происшествия (далее – ОМП). Также, нельзя исключать, что скрывшееся лицо могло специально изменить обстановку ДТП, скрыть некоторые следы, чтобы запутать следствие, также нужно иметь ввиду, что водитель, покинувший место происшествия, может иметь травмы (что может замедлить его отход) или наоборот находится поблизости с местом аварии.

В тех случаях, когда водитель, участвующий в ДТП с места происшествия скрылся, оставив свое средство передвижения, то проведение ОМП является один из наиболее объективных и достоверных источников информации, как о личности водителя, так и о случившихся обстоятельствах. Так согласно статистическим данным ГУ МВД России по Ставропольскому краю в 2023 году из 108 совершенных ДТП с пострадавшими, с места совершения которых ТС скрылись, по 40 из них, ТС остались на месте ДТП, а по 37 ДТП водители, оставившие место ДТП, были установлены в течении дежурных суток.

Начальным этапом производства следственного осмотра является определение границ ДТП и их ограждение, в сохранения исходной обстановки происшествия. При производстве ОМП, работа специалиста-криминалиста, как и следователя, ориентирована на поиск доказательств, а также водителя, покинувшего место ДТП. В целях установления правильной дорожно-транспортной ситуации по оставленным следам (зачастую нехарактерным ДТП), к проведению следственного осмотра привлекается специалист-автотехник [6].

Если в оставленном ТС остался видеорегистратор, то следователю необходимо изъять его вместе с картой памяти, в целях выявления реальной обстановки происшествия. По возможности компетентными лицами составляется субъективный портрет скрывшегося водителя. В целях его отыскания могут быть проинформированы местные средства массой информации (Далее – СМИ) (телевидение, радио, Интернет). Зачастую такие объявления не оставляют равнодушными свидетелей или очевидцев происшествия, в связи с чем, зачастую, они обращаются в территориальный ОМВД с целью дать показания или предоставить имеющиеся у них доказательства.

Существенная роль в раскрытии указанного преступления отведена оперуполномоченным уголовного розыска, соответственно, по прибытию на место происшествия в данной следственной ситуации сотруднику указанного подразделения необходимо получить сведения о находящихся вблизи ДТП камер видеонаблюдения, которые могли зафиксировать скрывшийся с места аварии автомобиль. В том случае, если такие видеозаписи были установлены, то посредством их просмотра устанавливают номерные знаки, скорость автомобиля и предпринимают попытки для его задержания (оповещают все посты ГИБДД об установочных данных ТС, водитель которого скрылся с места преступления).

Группы блокирования формируются из нарядов ОГИБДД, строевых подразделений ДПС ГИБДД, патрульно-постовой, других служб полиции, оснащенных пат-

рульным автотранспортом и выполняют мероприятия, направленные на недопущение выхода разыскиваемого транспорта из блокированной зоны.

В свою очередь поисковые группы формируются из сотрудников уголовного розыска, УУП и ПДН, других подразделений полиции, которые обеспечивают оперативное прикрытие мест возможного появления разыскиваемых лиц и транспорта, проводят проверки лиц, ранее судимых за преступления, связанные с незаконным завладением транспортных средств и склонных к их совершению, отрабатывают автостоянки, гаражно-строительные кооперативы (гаражные комплексы), ремонтные мастерские, иные места возможного отстоя, разукомплектования разыскиваемого транспорта.

Мероприятия «Перехват» продолжаются, пока имеются основания полагать, что принимаемые меры могут дать положительный результат и нет сведений о выходе разыскиваемого транспортного средства из зоны ответственности территориального органа МВД России.

За непосредственную организацию проведения мероприятий «Перехват» ответственность несет начальник, ответственный от руководства, ответственный дежурный и старший смены дежурной части территориального органа МВД России.

Прекращение действия «Перехвата» осуществляется должностным лицом, которыми он был введен в действие, по распоряжению начальника территориального органа МВД России либо ответственным от руководства территориального органа МВД России. Решение о прекращении мероприятий «Перехват» принимается в случае задержания транспортного средства, получения информации о его выходе из зоны проведения поисковых мероприятий, а текже выполнения всего комплекса запланированных мероприятий.

Необходимо отметить, что большинство дорог нашей страны оснащены камерами видеонаблюдения, которые не только фиксируют движение ТС, а также совершенные водителем правонарушения (движение с непристегнутым ремнем, разговор по телефону во время движения, превышение скоростного режима и тому подобное).

В настоящее время МВД РФ создана единая система контроля за передвижением транспортных средств по автомобильным дорогам с использованием специальных технических средств фото-, видеофиксации путем объединения в единое информационно-аналитическое пространство соответствующих технических и информационных ресурсов. В рамках указанных мероприятий издан приказ МВД России от 29.03.2021 № 169 «Вопросы организации эксплуатации сервиса для автоматизации деятельности центров автоматизированной фиксации административных правонарушений в области дорожного движения на базе специального программного обеспечения «Паутина»». Указанное программное обеспечение с 30.09.2022 г. заработала во всех регионах России. Запуск системы «Паутина» позволяет синхронизировать контроль за нарушителями ПДД во всех регионах и за передвижением транспортных средств. Помимо этого, она помогает в розыске автомобилей.

Так, например, 21 мая 2023 г. около 21 ч. вечера на в Ишиме Тюменской области водитель автомобиля Тойота сбил 6-летнюю девочку. Водитель скрылся с места ДТП, родители сами отвезли дочку в лечебное учреждение. Автоинспекторы внесли данные уехавшего автомобиля в систему «Паутина», объявив его в розыск. Вскоре иномарку вычислили в ходе мониторинга видеокамер. 21-летний водитель со ста-

жем вождения менее двух лет пояснил, что увидел, как девочка встала, и не посчитал нужным остановиться, он уехал [7].

По данным ГИБДД Ставропольского края, на территории региона в «Паутину» объединены 249 стационарных комплексов фиксации административных правонарушений, установленных на дорогах региона, а также два мобильных комплекса и комплексы видеофиксации, установленные на стационарных постах на въездных дорогах в регион. «Паутина» помогает отследить передвижение и местонахождение транспортных средств за длительный промежуток времени [8].

На сегодняшний день современные технологии продвинулись до того, что преследовать скрывшееся лицо могут не только на автомобиле, а также с помощью дронов или квадрокоптеров. Использование дронов может срезать углы по ходу предполагаемого движения преступника, а также выявить ТС в труднопроезжих местностях (в лесах, болотистых местностях, горах) [9].

Подводя итоги данного вопроса, хотелось бы отметить, что организация работы подразделений МВД России по установлению лиц, совершивших дорожно-транспортное происшествие и скрывшихся с места преступления, является одной из трудоемких и силозатратных. Поэтому необходимо руководителям территориальных органов МВД России правильно организовывать работу всех подразделений ОВД по розыску скрывшегося водителя и установлению места нахождения ТС, участвующей в аварии используя для этого весь имеющийся комплекс соответствующих технических и информационных ресурсов.

Список литературы:

1. Сведения о показателях безопасности дорожного движения в Ставропольском крае за 12 месяцев 2023 года / Текст : электронный // stat.gibdd.ru : [сайт]. – 2024. – URL: https://www. URL: http://stat.gibdd.ru (Дата обращения: 14.07.2024).
2. Сабитова, Л.Д. Методика расследования дорожно-транспортных происшествий в ситуациях со скрывшимися водителями / Л.Д. Сабитова, А.М. Каминский // Вестник. Государство и право. 2021. № 4 (31). С. 36-40.
3. О совершенствовании работы территориальных органов МВД России по розыску угнанных и похищенных автомототранспортных средств, а также автомототранспортных средств участников дорожного движения, скрывшихся с мест дорожно-транспортных происшествий: приказ МВД РФ от 28.01.2020 № 36 // Консультант Плюс: Доступ из справочной правовой системы. – URL: https://www.consultant.ru (Дата обращения 25.06.2024).
4. О мерах по усилению борьбы с преступными посягательствами на автомототранспортные средства: приказ МВД РФ от 17.02.1994 № 58 (ред. от 12.09.2000) // Консультант Плюс: Доступ из справочной правовой системы. – URL: https://www.consultant.ru (Дата обращения 25.06.2024).
5. О совершенствовании работы подчиненных территориальных органов МВД России на районном уровне по розыску угнанных и похищенных транспортных средств, а также транспортных средств участников дорожного движения, скрывшихся с мест дорожно-транспортных происшествий: приказ ГУ МВД РФ по Ставропольскому краю от 02.07.2020 № 387.
6. Курбанова, З.М. Основы методики расследования дорожно-транспортных происшествий / З.М. Курбанова // Студенческий. 2021. № 19-5 (147). С. 41-43.
7. «Паутина» ГИБДД нашла водителя, сбившего ребёнка / Текст : электронный // avtospravochnaya.com : [сайт]. – 2024. – URL: https://avtospravochnaya.com/pdd/19016-pautina-gibdd-nashla-voditelya-sbivshego-rebjonka (Дата обращения: 24.07.2024).
8. Как работает система «Паутина» от ГИБДД / Текст : электронный // avtospravochnaya.com : [сайт]. – 2024. – URL: ttps://avtospravochnaya.com/pdd/19846-kak-rabotaet-sistema-pautina-ot-gibdd (Дата обращения: 24.07.2024).
9. Прокофьева, Е.В. Возможности применения беспилотных летательных аппаратов при осмотре места происшествия по факту ДТП / Е.В. Прокофьева, Р.А. Мерзликин, В.А. Гаужаева // В сборнике: Мировые тенденции и перспективы развития науки в эпоху перемен: от теории к практике. Материалы I Международной научно-практической конференции. Ростов-н/Д, 2023. С. 305-306.

Askarov S.V. Organization of activities of police departments to identify persons who committed a traffic accident and fled the scene of the crime // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal univer-

sity. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 304–309.

The article reveals measures to improve the work of the departments of Internal Affairs of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia on the search for stolen and stolen vehicles, as well as vehicles of road users who fled from the scene of traffic accidents. The author comes to the conclusion that the heads of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia need to properly organize the work of all departments of the Department of Internal Affairs to search for the missing driver and establish the location of the vehicle involved in the accident using the entire available set of relevant technical and information resources.

Keywords: search for stolen and stolen vehicles, as well as vehicles of road users who fled from the scene of traffic accidents, the Interception event, special software "Web".

Spisok literatury:

1. Svedeniya o pokazatelyah bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v Stavropol'skom krae za 12 mesyacev 2023 goda / Tekst : elektronnyj // stat.gibdd.ru : [sajt]. – 2024. – URL: https://www. URL: http://stat.gibdd.ru (Data obrashcheniya: 14.07.2024).
2. Sabitova, L.D. Metodika rassledovaniya dorozhno-transportnyh proisshestvij v situaciyah so skryvshimisya voditelyami / L.D. Sabitova, A.M. Kaminskij // Vestnik. Gosudarstvo i pravo. 2021. № 4 (31). S. 36-40.
3. O sovershenstvovanii raboty territorial'nyh organov MVD Rossii po rozysku ugnannyh i pohishchennyh avtomototransportnyh sredstv, a takzhe avtomototransportnyh sredstv uchastnikov dorozhnogo dvizheniya, skryvshihsya s mest dorozhno-transportnyh proisshestvij: prikaz MVD RF ot 28.01.2020 № 36 // Konsul'tant Plyus: Dostup iz spravochnoj pravovoj sistemy. – URL: https://www.consultant.ru (Data obrashcheniya 25.06.2024).
4. O merah po usileniyu bor'by s prestupnymi posyagatel'stvami na avtomototransportnye sredstva: prikaz MVD RF ot 17.02.1994 № 58 (red. ot 12.09.2000) // Konsul'tant Plyus: Dostup iz spravochnoj pravovoj sistemy. – URL: https://www.consultant.ru (Data obrashcheniya 25.06.2024).
5. O sovershenstvovanii raboty podchinennyh territorial'nyh organov MVD Rossii na rajonnom urovne po rozysku ugnannyh i pohishchennyh transportnyh sredstv, a takzhe transportnyh sredstv uchastnikov dorozhnogo dvizheniya, skryvshihsya s mest dorozhno-transportnyh proisshestvij: prikaz GU MVD RF po Stavropol'skomu krayu ot 02.07.2020 № 387.
6. Kurbanova, Z.M. Osnovy metodiki rassledovaniya dorozhno-transportnyh proisshestvij / Z.M. Kurbanova // Studencheskij. 2021. № 19-5 (147). S. 41-43.
7. «Pautina» GIBDD nashla voditelya, sbivshego rebyonka / Tekst : elektronnyj // avtospravochnaya.com : [sajt]. – 2024. – URL: https://avtospravochnaya.com/pdd/19016-pautina-gibdd-nashla-voditelya-sbivshego-rebjonka (Data obrashcheniya: 24.07.2024).
8. Kak rabotaet sistema «Pautina» ot GIBDD / Tekst : elektronnyj // avtospravochnaya.com : [sajt]. – 2024. – URL: ttps://avtospravochnaya.com/pdd/19846-kak-rabotaet-sistema-pautina-ot-gibdd (Data obrashcheniya: 24.07.2024).
9. Prokof'eva, E.V. Vozmozhnosti primeneniya bespilotnyh letatel'nyh apparatov pri osmotre mesta proisshestviya po faktu DTP / E.V. Prokof'eva, R.A. Merzlikin, V.A. Gauzhaeva // V sbornike: Mirovye tendencii i perspektivy razvitiya nauki v epohu peremen: ot teorii k praktike. Materialy I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Rostov-n/D, 2023. S. 305-306.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 310–315.

УДК 343.14

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ТЕРРОРИЗМЕ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Биляев В. А., Климовский А. С., Львов В. Г.

В статье рассматриваются особенности доказывания по уголовным делам о терроризме и отмечается первостепенное значение средств оперативно-розыскной деятельности для формирования по таким делам доказательственной базы. Авторы констатируют наличие единого информационного процесса формирования доказательств, которому соответствуют нормативные регуляторы различного уровня – законы и подзаконные акты, в том числе, имеющие ограниченный доступ, и приходят к выводу, о необходимости объединения в едином законодательном акте норм, регулирующих общие алгоритмы познавательных оперативно-розыскных действий (мероприятий) и традиционных следственных действий. Сформулированы положения о внесении дополнений в уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации в целях повышения эффективности борьбы с преступлениями террористической направленности. В целях обеспечения законности, а также повышения эффективности доказывания по уголовным делам, предлагается расширить регламентированный уголовно-процессуальным законодательством арсенал следственных действий за счет включения в УПК РФ системы дополнительных следственных действий, в том числе, и негласного характера, основных на технических возможностях получения и закрепления доказательственной информации путем фактического проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Ключевые слова: терроризм, оперативно-розыскная деятельность, уголовно-процессуальная деятельность, законность, доказывание, формирование доказательств, оперативно-розыскные мероприятия, следственные действия.

Постиндустриальное современное общество пронизано информационными благами. Его трудно представить без высокоскоростных телекоммуникационных сетей, которые наделяют человека свободой общения, а также доступностью информации. Однако, существует и негативные факторы информационной глобализации, которые проявляются в использовании возможностей быстрого получения и обмена информацией в целях совершения преступлений. Телекоммуникационные сети, фактически, глобализировали преступность, а также повысили степень её мобильности. Сеть Интернет также позволила расширить сферу влияния террористических ячеек, основывающих свою противоправную антиобщественную деятельность на идеологическом фундаменте за счет широких возможностей распространения экстремистской идеологии ненависть и вражды. Все это следует учитывать при выработке стратегических и тактических мер противодействия террористической деятельности, которая в настоящее время приобретает угрожающий характер, именно, благодаря ее транснациональным информационным возможностям.

В условиях увеличения потенциала современной террористической деятельности, требуют пересмотра и усовершенствования государственно-правовые средства борьбы с ней, прежде всего, в части расширения возможностей доказывания по уголовным делам, учитывая, что существующая уголовно-процессуальная система, была сформирована в условиях уходящего информационно-технологического уклада. Требуется модернизация уголовно-процессуального законодательства, в части усовершенствования норм доказательственного, права с учетом современных условий информационного прогресса. Это, в свою очередь, должно способствовать повыше-

нию эффективности комплексных мер, направленных на противодействие террористическим угрозам.

Правоотношения, возникающие и реализуемые в процессе доказывания по уголовным делам, а также различные аспекты деятельности государственно властных субъектов по собиранию, проверке и оценке доказательств, всегда находились в самом центре научного внимания большинства российских ученых-процессуалистов. Актуальные вопросы доказывания на досудебных и судебных стадиях уголовного судопроизводства на протяжении последних 20-ти лет исследовались, в частности, в трудах В.С. Балакшина [1], О.И. Бойченко [2], Н.В. Костовской [3], А.С. Александрова и С.А. Фролова [4], В.И. Качалова [5], В.А. Лазаревой [6], Л.Н. Масленниковой [7], А.В. Победкина [8], С.А. Шейфера [9] и многих других ученых. Вместе с тем, большинство авторов методологически не связывали задачу исследования проблематики доказательств и доказывания с потребностями противодействия отдельным видам преступлений, принимая, в качестве основного целевого ориентира, системообразующее для уголовно-процессуальной науки и практики назначение уголовного судопроизводства, закрепленное в ст. 6 УПК РФ. Правовые вопросы и проблемы доказывания, в контексте потребностей противодействия отдельным видам преступлений, как самостоятельный предмет исследований, не нашли должного отражения в научных трудах. Отчасти, это объяснимо условным предметным разграничением между наукой уголовного процесса и криминалистикой, в рамках последней традиционно изучается методика расследования отдельных преступлений, включая также и прикладные аспекты доказывания. Целью настоящего работы является формулирование предложений по усовершенствованию норм доказательственного права в целях повышения эффективности противодействия преступлениям террористического характера, в качестве наиболее значимого направления правоохранительной и уголовно-процессуальной практики.

Необходимо отметить, что уголовно-процессуальная и оперативно-розыскная деятельность тесно связаны и взаимозависимы при реализации практических задач, направленных на противодействие терроризму. Средства оперативно-розыскной деятельности используются для эффективного выявления лиц, которые подготавливают такие преступления, для индивидуального воздействия на них. С помощью оперативно-розыскных мероприятий осуществляется негласный контроль за действиями террористов с последующим пресечением их преступных замыслов. Важно отметить, что результаты оперативно-розыскной деятельности являются поводами и основаниями для возбуждения уголовных дел, а также служат основой для непосредственного формирования источников доказательств, используемых в уголовном судопроизводстве. Процесс доказывания по делам о тайно подготавливаемых преступлениях, к которым относятся уголовные дела о террористической деятельности, невозможен без использования средств оперативно-розыскной деятельности.

В современной обстановке противодействия терроризму все большую значимость для достижения целей уголовного судопроизводства приобретают технические возможности получения и закрепления информации о фактах подготовки и совершения преступлений. Формирование необходимых для этого правовых условий создает для правоприменителя необходимые возможности использования в полном объёме наиболее эффективных комплексных средств и возможностей сбора и за-

крепления доказательственной информации, к которым относятся, прежде всего, средства оперативно-розыскной деятельности [10].

Нормы оперативно-розыскного и уголовно-процессуального законодательства регулируют единый процесс деятельности по выявлению, сбору (извлечению), последующей фиксации, оценке и использованию доказательств, которые основаны на информации, полученной в результате оперативно-розыскной деятельности. Формирование доказательств о фактах подготовки и совершения противоправных действий представляет собой сложно-регулируемую в правовом плане процедуру. Деятельность по выявлению, закреплению и последующему использованию, в реализации задач уголовного судопроизводства, доказательств, в основе которых лежит информация, полученная оперативным путем, представляет собой три условных этапа, которые необходимо рассмотреть более детально.

На первом этапе, как правило до возбуждения уголовного дела, осуществляется поиск и фиксация сведений доказательственного характера сотрудниками оперативных подразделений. Данный этап регламентируется Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности». При этом общие алгоритмы действий оперативных сотрудников, состоящие в поиске, обнаружении и фиксации доказательственных сведений, регулируются нормативными актами с ограниченным режимом доступа (т.к. составляют государственную тайну). Это не позволяет дать объективную оценку таким действия с точки зрения их законности. На уровне закона, порядок оперативно-розыскных действий (мероприятий) не закреплен. На втором этапе происходит передача (представление) собранных материалов сотрудникам следственных подразделений. Нормативно данный процесс регламентируется Инструкцией «О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органам дознания, следователю или в суд» [11]. В свою очередь, УПК РФ не содержит положений, закрепляющих порядок представления результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. На третьем этапе проводится проверка и оценка полученных в результате ОРД сведений, сотрудниками следственными подразделениями, в результате чего, материалы, собранные оперативными сотрудниками, преобразуются в доказательства. Данный этап регламентируется УПК РФ.

Таким образом, единому в информационном плане, процессу выявления (обнаружения), собирания (извлечения), фиксации и представления доказательственных сведений (результатов ОРД), а также последующей проверке и оценке полученных доказательств, соответствуют нормативные регуляторы различного уровня – законы и подзаконные акты, в том числе, имеющие ограниченный доступ. Единый, целостный процесс доказывания, фактически, разрывается в нормативном и организационном плане, что не способствует его оперативности, и, как следствие, эффективности. В указанной ситуации возникает также вопрос о законности такой деятельности, учитывая, что первоначальна стадия формирования доказательств на основе информации полученной в результате оперативно-розыскных мероприятий, законом не регламентирована. Такая правовая ситуация не способствует эффективному уголовно-процессуальному противодействию современным террористическим угрозам, представляющим особую опасность для общества [12].

Процесс доказывания представляет собой цепочку познавательных и удостоверительных действий (операций) информационного характера. На начальном этапе

они реализуются сотрудниками оперативных подразделений, на последующем – следственными органами. Уголовно-процессуальный закон должен выступать единым регулятора этого сложного информационного процесса, подчиненного назначению уголовного судопроизводства. Это требует объединения в едином законодательном акте (в УПК РФ) тех нормативных положений, которые должны регламентировать комплекс всех взаимосвязанных познавательных и удостоверительных действий (операций) оперативно-розыскного и процессуального характера.

Для эффективного пресечения, а также противодействия преступлениям террористического характера и экстремистской направленности требуется законодательное закрепление оперативно-розыскных действий (мероприятий), способствующих изобличению преступников, ещё до реализации задуманных ими целей путём своевременного получения сведений, имеющих доказательственное значения, а также процессуальной фиксации полученных результатов в уголовном судопроизводстве.

На основании вышеизложенного, считаем, что одним из путей разрешения описанной выше комплексной проблемы является объединение в едином законодательном акте норм, регулирующих общие алгоритмы познавательных оперативно-розыскных действий (мероприятий) и традиционных следственных действий.

Необходимо рассмотреть возможность включения в УПК РФ норм, регулирующих порядок осуществления познавательных действий гласного и негласного характера, в частности и тех, которые предусматривают активное использование технических средств обнаружения и фиксации информации. Результатом реализации такого подхода должна стать полноценная систематизация норм доказательственного права в едином источнике – УПК РФ. Это, несомненно, повысит эффективность нормативного регулирования процесса доказывания по делам о терроризме, расследование которых, зачастую, сопровождается реализацией оперативно-розыскных мер предотвращения таких преступлений и оперативным документированием необходимых первичных сведений-доказательств.

Поэтому считаем, что целесообразно дополнить УПК РФ системой дополнительных следственных действий, которые, в качестве их фактического аналога, предусмотрены как оперативно-розыскные мероприятия, Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», а также ведомственными нормативными актами. К ним относятся: негласный аудио и видео контроль лица; негласный аудио и видео контроль места; снятие информации с транспортных телекоммукационных сетей; снятие информации с электронных информационных систем; негласное обследование публично недоступных мест; негласное визуальное наблюдение за лицом, материальным объектом; опрос; сбор образцов для сравнительного исследования, исследование предметов и документов, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности транспортных средств, контроль почтовых отправлений, телеграфный и иных сообщений, оперативный эксперимент.

Необходимо также дополнить уголовно-процессуальный закон нормами, которые закрепляют порядок получения разрешения на те из перечисленных мероприятий (дополнительных следственных действий), которые временно ограничивают конституционные права и свободы граждан, предусмотреть в законе порядок фиксации хода и результатов их проведения, а также возможность проведения указанных следственных действий в целях проверки сообщений о подготовке и совершении преступлений до возбуждения уголовного дела.

Список литературы:
1.Балакшин, В. С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания : важнейшие проблемы в свете УПК Российской Федерации : автореферат дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Балакшин Виктор Степанович. – Екатеринбург, 2005. — 62 с.
2.Бойченко, О. И. Пределы доказывания по уголовным делам : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Бойченко Олег Игоревич. –Краснодар, 2017. – 27 с.
3.Костовская, Н. В. Оценка доказательств при принятии процессуальных решений по уголовному делу судом первой инстанции : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Костовская Наталья Валерьевна. – Екатеринбург, 2010. – 26 с.
4.Александров, А. С., Фролов, С. А. Относимость уголовно-процессуальных доказательств / А. С. Александров, С. А. Фролов. – Н. Новгород : Нижегородская правовая академия, 2011. – 176 с.
5.Качалов, В. И. Теоретические основы доказывания при исполнении итоговых судебных решений в уголовном процессе России / В. И. Качалов. – М. : Юрлитинформ, 2017. – 156 с.
6.Лазарева, В. А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России / В. А. Лазарева – Самара : Самарский университет, 2007. –303 с.
7.Масленникова, Л. Н. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве : монография / отв. ред. Л. Н. Масленникова. –2-е изд. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2021. – 448 с.
8.Победкин, А. В. Уголовно-процессуальное доказывание : монография / А. В. Победкин. – М. : Юрлитинформ, 2009. – 416 с.
9. Шейфер, С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам : проблемы теории и правового регулирования / С. А. Шейфер. – М. : Норма, 2008. – 238 с.
10. Биляев В.А. Правовые проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании: системный поход // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: Материалы V Международной научно-практической конференции, 27-29 апреля 2017 года, г. Симферополь-Алушта / отв. ред. М.А. Михайлов, Т.В. Омельченко : КФУ им. И.В. Вернадского. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2017. – С.18 –20.
11. Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства обороны Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Федеральной службы охраны Российской Федерации, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки Российской Федерации, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. N 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 г. Москва "Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд". [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155629/ (Дата обращения - 05.04.2024).
12. Биляев В.А. Противодействие терроризму уголовно-процессуальными средствами: проблемы и тенденции законодательства // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. – 2018. – № 1. Т. 3 (69). – (Серия: Юридические науки). – С. 78–87.

Bilyaev V.A., Klimovskiy A.S., Lvov V.G. Current issues of evidence in criminal cases on terrorism: problems of legislation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 310-315.

The article considers the peculiarities of proving in criminal cases of terrorism and notes the paramount importance of the means of operative-search activity for the formation of the evidentiary base in such cases. The authors state the presence of a single information process of evidence formation, which corresponds to the normative regulators of different levels - laws and by-laws, including those with limited access, and come to the conclusion that it is necessary to unite in a single legislative act the norms regulating the general algorithms of cognitive operative-search actions (measures) and traditional investigative actions. The provisions on making additions to the criminal procedural legislation of the Russian Federation in order to improve the effectiveness of the fight against terrorist offences have been formulated. In order to ensure legality, as well as to improve the effectiveness of proof in criminal cases, it is proposed to expand the arsenal of investigative actions regulated by the criminal procedural legislation by including in the CPC of the Russian Federation a system of additional investigative actions, including those of a non-secret nature, based on the technical possibilities of obtaining and consolidating evidentiary information through the actual conduct of operational-search activities.

Keywords: terrorism, operational-search activity, criminal procedure, legality, proof, formation of evidence, operational-search activities, investigative actions.

Spisok literatury:
1.Balakshin, V. S. Dokazatel'stva v teorii i praktike ugolovno-processual'nogo dokazyvaniya : vazhnejshie problemy v svete UPK Rossijskoj Federacii : avtoreferat dis. … d-ra yurid. nauk: 12.00.09 / Balakshin Viktor Stepanovich. – Ekaterinburg, 2005. — 62 s.

2.Bojchenko, O. I. Predely dokazyvaniya po ugolovnym delam : avtoref. dis. … kand. yurid. nauk : 12.00.09 / Bojchenko Oleg Igorevich. –Krasnodar, 2017. – 27 s.
3.Kostovskaya, N. V. Ocenka dokazatel'stv pri prinyatii processual'nyh reshenij po ugolovnomu delu sudom pervoj instancii : avtoref. dis. … kand. yurid. nauk : 12.00.09 / Kostovskaya Natal'ya Valer'evna. – Ekaterinburg, 2010. – 26 s.
4.Aleksandrov, A. S., Frolov, S. A. Otnosimost' ugolovno-processual'nyh dokazatel'stv / A. S. Aleksandrov, S. A. Frolov. – N. Novgorod : Nizhegorodskaya pravovaya akademiya, 2011. – 176 s.
5.Kachalov, V. I. Teoreticheskie osnovy dokazyvaniya pri ispolnenii itogovyh sudebnyh reshenij v ugolovnom processe Rossii / V. I. Kachalov. – M. : Yurlitinform, 2017. – 156 s.
6.Lazareva, V. A. Problemy dokazyvaniya v sovremennom ugolovnom processe Rossii / V. A. Lazareva – Samara : Samarskij universitet, 2007. –303 s.
7.Maslennikova, L. N. Dokazyvanie i prinyatie reshenij v sostyazatel'nom ugolovnom sudoproizvodstve : monografiya / otv. red. L. N. Maslennikova. –2-e izd. – M. : Norma : INFRA-M, 2021. – 448 s.
8.Pobedkin, A. V. Ugolovno-processual'noe dokazyvanie : monografiya / A. V. Pobedkin. – M. : Yurlitinform, 2009. – 416 s.
9.Shejfer, S. A. Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugolovnym delam : problemy teorii i pravovogo regulirovaniya / S. A. Shejfer. – M. : Norma, 2008. – 238 s.
10. Bilyaev V.A. Pravovye problemy ispol'zovaniya rezul'tatov operativno-rozysknoj deyatel'nosti v ugolovno-processual'nom dokazyvanii: sistemnyj pohod // Ugolovnoe proizvodstvo: processual'naya teoriya i kriminalisticheskaya praktika: Materialy V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, 27-29 aprelya 2017 goda, g. Simferopol'-Alushta / otv. red. M.A. Mihajlov, T.V. Omel'chenko : KFU im. I.V. Vernadskogo. – Simferopol' : IT «ARIAL», 2017. – S.18 –20.
11. Prikaz Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii, Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii, Federal'noj sluzhby bezopasnosti Rossijskoj Federacii, Federal'noj sluzhby ohrany Rossijskoj Federacii, Federal'noj tamozhennoj sluzhby, Sluzhby vneshnej razvedki Rossijskoj Federacii, Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazanij, Federal'noj sluzhby Rossijskoj Federacii po kontrolyu za oborotom narkotikov, Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii ot 27 sentyabrya 2013 g. N 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 g. Moskva \"Ob utverzhdenii Instrukcii o poryadke predstavleniya rezul'tatov operativno-rozysknoj deyatel'nosti organu doznaniya, sledovatelyu ili v sud\". [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155629/ (Data obrashcheniya - 05.04.2024).
12. Bilyaev V.A. Protivodejstvie terrorizmu ugolovno-processual'nymi sredstvami: problemy i tendencii zakonodatel'stva // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. – 2018. – № 1. T. 3 (69).– (Seriya: Yuridicheskie nauki). – S. 78–87.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 316–322.

УДК 343.7

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УНИЧТОЖЕНИЕ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЕ ИМУЩЕСТВА

Боровских Р. Н., Сабанин С. Н.

В статье рассматриваются актуальные вопросы дальнейшего совершенствования норм об уголовной ответственности за уничтожение или повреждение чужого имущества. Авторы провели анализ социальной обусловленности криминализации отдельных аспектов неосторожного причинения имущественного ущерба путем уничтожения или повржднения имущества. В работе приведены аргументы в обоснование необходимости более четкого разграничения гражданско-правовых и уголовно-правовых отношений при неосторожном причинении имущественного ущерба. Кроме того, анализу подвергнуты отдельные вопросы квалификации указанных деяний. В частности, уточнены особенности юридической оценки предмета преступлений, в том числе, выполнена характеристика особенностей правоприменения при совершении указанных преступлений в отношении «цифрового» имущества, предметов, закрепляющих право на имущество или услуги имущественного характера и некоторых других вещей, выступающих в качестве предмета анализируемых преступлений. Выдвинуты предложения по устранению противоречий в судебной практике при оценке и разграничении преступлений, связанных с уничтожением или повреждением имущества в случае нарушения определенных правил безопасности, от преступлений против собственности. Предложены варианты мер по повышению эффективности применения ст. 167 УК РФ и ст. 168 УК РФ.

Ключевые слова: уничтожение имущества, повреждение имущества, чужое имущество, неосторожное обращение с огнем, поджог, источник повышенной опасности.

Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденная Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208, в качестве одной из основных угроз для экономической безопасности России выделяет недостаточно эффективную системы защиты права собственности [1].

Оценивая эффективность уголовно-правовых средств такой защиты, следует согласиться с мнением специалистов о том, что в современной правоприменительной деятельности в некоторых аспектах «…наблюдается смешение гражданского и уголовного законодательства, просматривается тенденция подмены гражданских правоотношений отношениями уголовно-правового характера, и наоборот» [2]. В целях предупреждения указанного «смешения» представляется целесообразным приведение отдельных уголовно-правовых норм в соответствие реальному состоянию развития общественных отношений собственности.

В этой связи необходимо актуализировать позиции относительно социальной обуслоленности криминализации отдельных видов преступлений против собственности в том виде, в котором они в настоящее время закреплены в уголовном законодательстве РФ. В частности, на наш взгляд, данная задача актуальна в отношении норм, предусматривающих уголовную ответственность за уничтожение или повреждение имущества.

С одной стороны, несмотря на относительно небольшой удельный вес преступлений, предусмотренных ст. 167 и 168 УК РФ, в общем количестве преступлений против собственности, даный вид преступлений представляет существенную угрозу как для отдельных граждан и организаций, так и для

нормального экономического развития нашего государства в целом. Это связано с тем, что при уничтожении или повреждении имущества, во-первых, уменьшается фактический объем материальных ценностей, в отличие от иных преступлений против собственности, где предмет преступления, как правило, не теряет своих потребительских свойств и остается в экономическом обороте, а, следовательно, может быть найден правоприменительными органами и возвращен собственнику. Во-вторых, причиняется имущественный вред, существенно снижающий ценность имущества и возможность его использовать по назначению.

С другой стороны, показатель среднего уровня дохода физических лиц за период нескольких последних лет, позволяет критически оценить установленный «порог» имущественного ущерба, установленный в ст. 168 УК РФ в качестве криминообразующего признака.

Критериии криминализации, которыми должен руководствоваться законодатель при установлении уголовно-правовых запретов, разработаны не только доктриной, но и указаны в позиции Конституционного Суда Российской Федерации[3].

К ним отнесены: достаточная распространенность деяния; соответствующие преступлениям свойства характера и степени общественной опасности; низкий уровень эффективности защиты уголовно-значимых социальных благ правовыми средствами иных юридических отраслей. Представляется, что преступление является социально-обусловленным только при наличии совокупности всех трех указанных факторов. И, наоборот, если какой то из аспектов криминализации отсуствует, то деяние целесообразно выводить за пределы уголовно-правового русла.

Установленный в настоящий момент крупный размер при неосторожном уничтожении или повреждении имущества, на наш взгляд, в его минимальном значении не соответствует степени общественной опасности, достаточной для социальной обусловленоти привлечения лица к уголовной ответственности. Исследования динамики средней заработной платы по России в целом за период с 2021 по 2024 гг. по данным «Росстата о среднемесячной номинальной начисленной заработной плате в целом по экономике РФ за текущий календарный год, а также предшествующие ему 3 года» указывает на устойчивую тенденцию ее роста [4]. Среднемесячный годовой доход физических лиц в России в виде заработной платы в 2023 г. составил более 74 тыс. руб., что с учетом неосторожной формы вины при уничтожении или повреждении чужого имущества к ущербу, когда он незначительно превышает 250 тыс. руб., свидетельствует о том, что нарушенное право собственности может вполне эффективно быть восстановлено с помощью исключительно гражданско-правовых средств. У виновного лица в таком случае не возникнет судимости и всех негативных последствий, связанных с ней.

Более того, многие дорожно-транспортные происшествия сопровождаются ущербом, превышающим 250 тыс. руб., возможно для того, чтобы исключить нецелесообразное массовое привлечение населения к уголовной ответственности по ст. 264 УК РФ из ее диспозиции основного состава преступления в 1998 г. исключены равнозначные, альтернативные признаки, указанные в ней, в виде крупного ущерба и причинения средней тяжести вреда здоровью по неосторожности.

Безусловно, неосторожные уничтожение или повреждение имущества могут иметь существенные масштабы ущерба, которые в силу чувствительности для общества, будут требовать не только возмещения материального или морального вреда потерпевшему в рамках гражданско-правовых отношений, но и превентивного воздействия на виновного уголовно-правовыми средствами. Повышение объема имущественного ущерба при неосторожном уничтожении или повреждении имущества в рамках ст. 168 УК РФ, на наш взгляд, должно учитывать дифференцированный подход законодателя к определению размеров ущерба в отношении физических и юридических лиц, например, как это было сделано при оценке ущерба по ч. 1-4 ст. 159 УК РФ и ч. 5-7 ст. 159 УК РФ.

Помимо оптимизации параметров ущерба для целей положений статьи 168 УК РФ, по нашему мнению, на повышение эффективности анализируемой нормы может повлиять унификация способа причинения вреда. Данный тезис обусловлен следующими обстоятельствами. Термин «источник повышенной опасности» прямо не определен нормами уголовного и гражданского права. Его содержание вытекает из толкования ст. 1079 ГК РФ. Это породило противоречивую судебную практику и дискуссию в научных кругах, относительно обоснованности применения ст. 168 УК РФ при неосторожном причинении крупного ущерба лицом, совершившим дорожно-транспортное происшествие. На наш взляд, в случаях, когда при нарушении определенных правил безопасности законодатель счел необходмым дать юридическую оценку этому обстоятельству, он включил неосторожное причинение вреда в признаки соответствующего преступления, как, например, в ч. 1 ст. 216 УК РФ. При этом следует отметить, что вред в рамках нарушения правил безопасности при проведении строительных и иных работ в ст. 216 УК РФ может быть направлен на частную собственность как физических так и юридичеких лиц. И, наоборот, если законодатель исключает этот признак в качестве криминообразующего, как это произошло со ст. 264 УК РФ, то вероятнее всего он признает целесообразность урегулирования причиненного вреда с помощью гражданско-правовых отношений.

Использование вст. 168 УК РФ способа, который будет имеет уголовно-правовую природу, позволит исключить противоречивость принимаемых судами решений. Кроме того, для разграничения преступлений, посягающих на общественную безопасность в различных сферах, от преступления, предсмотренного анализируемой нормой, в ее редакции целесообразно внести указание на отсуствие признаков нарушений правил безопасности. Таким образом, способом преступления, предусмотренного ст. 168 УК РФ может быть совершение лицом предусмотренного в нем деяния путем «неосторожого обращения с огнем или иным общеопасным способом, не связанным с нарушением правил безопасности».

На эффективность уголовно-правовых средств защиты права собственности влияет не только оценка социальной обусловленности отдельных криминообразующих признаков соответствующих преступлений, но и решение отдельных вопросов правоприменения, связанных с особенностью их квалификации. В указанном аспекте при применении ст.ст. 167, 168 УК РФ возникают вопросы, связанные с характеристикой «чужого имущества».

Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 05.06.2002 № 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности,

уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» разъяснил отдельные обстоятельства, относящиеся к квалификации предмета ст. 167 УК РФ[5]. В частности, в качестве чужого может рассматриваться и имущество, приинадлежащее виновному на правах совместной собственности с другими лицами. В этом случае при оценке ущерба не учитывает стоимость части имущества, принадлежащая виновному.

В правоприменении могут возникнуть и иные вопросы, связанные с характером предмета анализируемых преступлений.

Учитывая особенность механизма уничтожения или поврждения имущества, связанную с причинением вреда не только отношениям собственности, но и непосредственно самому предмету преступного посягательства, так как данное преступление совершается посредством воздействия на конкретный предмет преступления и в результате чего происходит нарушение общественных отношений в сфере собственности. Так, например, в современных условиях научно-технического прогресса в сфере протезирования, при совершении посягательства на здоровье или телесную неприкосновенность личности может возникнуть ситуация фактического причинения существенного вреда имуществу потерпевшего путем уничтожения или повреждения протеза или иного искусственного технического устройства, поддерживающего или обеспечивающего его жизненные функции. Квалификация таких последствий при наличии прочих условий ответственности будет зависеть от предметного содержания вины. В случае, когда умыслом виновного охватывались последствия в виде уничтожения или повреждения имущества при нанесении телесных повреждений, то с учетом значительного имущественного ущерба, его деяние должно квалифцироваться по ст. 167 УК РФ, а также если умышленно причинен вред здоровью, то по совокупности с соответсвующими ст.ст. 115, 112 или 111 УК РФ. Если тяжкий вред здоровью в указанной ситуации причинен по неосторожности, то деяние квалифицируется с учетом признака наступления по неосторожности иных тяжких последствий, предусмотренных ч. 2 ст. 167 УК РФ. Дополнительной квалификации по ст. 118 УК РФ в таком случае не требуется [6].

Ст. 128 ГК РФ к объектам гражданских прав относит вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права). При этом в качестве объекта гражданских прав результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага гражданское законодательство рассматривает отдельно от имущества.

Возникает вопрос о возможности признания цифровой природы предмета преступления, предусмотренного ст. 167 УК РФ. Приведем несколько примеров. Уничтожение аккаунта с совокупностью «виртуальных ценностей», которые можно конвертировать в наличные денеждые средства, может причинить существенный вред отношениям собственности. Уничтожение сайта, разработка которого может стоить от 150 тысяч рублей и до трех миллионов рублей, существенно нарушают интересы собственности.

Основываясь на положениях ст. 128 ГК РФ, представляется, что в целом возможность признания цифрового права в качестве разновидности имущества существует, с учетом норм, регламентированных в ст. 141.1 ГК РФ. Вместе с тем, следует указать, что цифровые права по смыслу ст. 141.1 ГК РФ могут стать предметом преступлений против собственности только тогда, когда они будут признаны в таком качестве в отдельном федеральном законе.

В этой связи судебная практика, пока недостаточно развито законодательсво о цифровых правах при причинении вреда цифровому контенту, применяет нормы уголовного законодательства, которые защищают не отношения собственности, а отношения в сфере компьютерной информации.

Уничтоженные или поврежденные сертификаты, квитанции, доверенности на приобретение товаров или услуг не могут рассматриваться в качестве предмета преступлений, предусмотренных ст. 167, 168 УК РФ, так как они, по сути, не обладают стоимостью как валюта или ценные бумаги, не являются имуществом в прямом смысле, вытекающем из положений ст. 128 ГК РФ, а лишь подтверждают право на получение имущества или услуг имущественного характера.

Отдельные вопросы квалификации могут возникнуть при оценке значительного ущерба, указанного в качестве признака преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 167 УК РФ. Данный признак складывается из оценки стоимости уничтоженного имущества или затрат, необходимых на его восстановление. Вместе с тем высшая судебная инстанция разъясняет, что при оценке данного признака судам также следует учитывать имущественное положение потерпевшего и оценку им значимости поврежденного или уничтоженного имущества. Минимальная сумма указанного ущерба связывается с требованиями примечания к ст. 158 УК РФ и не может быть менее 5 тыс. руб. Вместе с тем такой подход, на наш взгляд, не учитывает дифференциации оценки ущерба для физических и для юридических лиц, что могло бы быть учтено в отдельном примечании к ст. 167 УК РФ, с учетом упомянутых нами ранее подходов законодателя при оценке ущерба по ч. 1-4 ст. 159 УК РФ и ч. 5-7 ст. 159 УК РФ.

Отягчающими обстоятельствами при совершении умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества являются хулиганский мотив либо способ, который состоит в поджоге, взрыве или ином общеопасном способе, а также дополнительных альтернативных последствиях в виде неосторожного причинения смерти человеку либо наступлении иных тяжких последствий по неосторожности.

Следует отметить, что последствие в виде значительного ущерба для вменения оконченного состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 167 УК РФ является обязательным, наряду с любым из перечисленных признаков, относящихся к мотиву, способу или последствиям. При этом покушение на преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 167 УК РФ возможно тогда, когда последствие в виде значительного имущественного ущерба не наступило по независящим от виновного лица обстоятельствам, при условии, что в его деянии не присутствует ни один из перечисленных квалифицированных признаков, а также установлен прямой конкретизированный умысел на причинение именно значительного ущерба. Если деяние совершено с прямым альтернативным или неконкретизированным умыслом, а также при его совершении с косвенным умыслом, в случаях не наступления вреда

в виде значительного ущерба деяние оценивается по ст. 7.17 КоАП РФ, которая предстматривает смежный состав административного правонарушения.

Если значительный размер ущерба не наступил при наличии признаков, предусмотренных ч. 2 ст. 167 УК РФ, то деяние следует квалифицировать как покушение на ч. 2 ст. 167 УК РФ, с учетом прямого контретизированного умысла на причинение значительного ущерба.

Оценивая хулиганский мотив как единственный квалифицирующий признак умышленного уничтожения или повреждения имущества, относящийся к субъективной стороне, дискуссионной представляется социальная обусловленность квалификации анализируемого деяния по ч. 1 ст. 167 УК РФ, а не по ч. 2 анализируемой статьи, при совершении его, например, по найму или из мотива ненависти к отдельной социальной группе. Любой из способов, указанных в ч. 2 ст. 167 УК РФ должен создавать реальную угрозу собственности, жизни или здоровью третьих лиц, помимо причинения вреда или угрозы причинения такого вреда потерпевшему. В противном случае квалификация должна осуществляться по ч. 1 ст. 167 УК РФ.

Подводя итоги, необходимо сказать о том, что положения уголовного законодательства, закрепленные в ст.ст. 167 и 168 УК РФ, в целом являются социально-обусловленными и эффективными уголовно-правовыми средствами защиты права собственности. Вместе с тем, развитие общественных отношений в указанной сфере требует совершенствования как законодательной базы, так и правоприменительной деятельности, которое должно основываться на проведении дальнейших научных исследований.

Список литературы:

1. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/
2. Хоменко А. Н. Гражданско-правовые дефиниции в ракурсе имущественных преступлений / А. Н. Хоменко // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2023. – Том 12, № 2. – С. 152-158.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 N 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» [Электронный ресурс]. – URL: http:// www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212659
4. Справочная информация: «Среднемесячная заработная плата в целом по Российской Федерации» (Материал подготовлен специалистами КонсультантПлюс по данным Росстата) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326052/?ysclid=m1xg6s7uq518037045
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.06.2002 № 14 (ред. от 18.10.2012) «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37182/?ysclid=m1xkosoh9e328027808
6. Яни П. С. Вопросы квалификации умышленного уничтожения или повреждения имущества / П. С. Яни // Законность. – 2017. – № 7. – С. 36-41.

Borovskikh R. N., Sabanin S. N. Issues of improving the provisions of the criminal legislation of the Russian Federation on liability for destruction or damage to property // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 316-322.

The article considers current issues of further improvement of the norms on criminal liability for destruction of or damage to someone else's property. The authors analyzed the social determinacy of criminalization of certain aspects of careless causing of property damage by destruction of or damage to property. The work provides arguments in support of the need for a clearer distinction between civil and criminal law relations in case of careless causing of property damage. In addition, individual issues of qualification of these acts are analyzed. In particular, the features of legal assessment of the subject of crimes

are clarified, including the characteristics of the features of law enforcement in the commission of these crimes in relation to "digital" property, items securing the right to property or property services and some other things acting as the subject of the analyzed crimes are provided. Proposals are put forward to eliminate contradictions in judicial practice in the assessment and distinction between crimes related to the destruction of or damage to property in case of violation of certain safety rules, from crimes against property. Options for measures to improve the effectiveness of the application of Art. 167 of the Criminal Code of the Russian Federation and Art. 168 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: destruction of property, damage to property, someone else's property, careless handling of fire, arson, a source of increased danger.

Spisok literatury:

1. Strategiya ekonomicheskoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda, utverzhdennaya Ukazom Prezidenta RF ot 13 maya 2017 g. № 208 [Elektronnyj resurs]. – URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/
2. Homenko A. N. Grazhdansko-pravovye definicii v rakurse imushchestvennyh prestuplenij / A. N. Homenko // Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informacionnyh tekhnologij. – 2023. – Tom 12, № 2. – S. 152-158.
3. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 10.02.2017 N 2-P «Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij stat'i 212.1 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanina I.I. Dadina» [Elektronnyj resurs]. – URL: http:// www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212659
4. Spravochnaya informaciya: «Srednemesyachnaya zarabotnaya plata v celom po Rossijskoj Federacii» (Material podgotovlen specialistami Konsul'tantPlyus po dannym Rosstata) [Elektronnyj resurs]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326052/?ysclid=m1xg6s7uq518037045
5. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 05.06.2002 № 14 (red. ot 18.10.2012) «O sudebnoj praktike po delam o narushenii pravil pozharnoj bezopasnosti, unichtozhenii ili povrezhdenii imushchestva putem podzhoga libo v rezul'tate neostorozhnogo obrashcheniya s ognem» [Elektronnyj resurs]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37182/?ysclid=m1xkosoh9e328027808
6. Yani P. S. Voprosy kvalifikacii umyshlennogo unichtozheniya ili povrezhdeniya imushchestva / P. S. Yani // Zakonnost'. – 2017. – № 7. – S. 36-41.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 323–332.

УДК 343

ЛИЧНОСТЬ ЭКСТРЕМИСТА КАК ОБЪЕКТ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Гаврилов К. А.

Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации

В статье в рамках проводимого исследования преступности, связанной с проявлениями экстремизма, изучается один из основных элементов криминологической характеристики рассматриваемой категории преступлений – личность экстремиста. Отдельное внимание уделяется социальным, психологическим, экономическим, политическим факторам, способствующим формированию экстремистских убеждений, причинам и условиям, побуждающим к совершению указанных преступлений на фоне проведения специальной военной операции. Изучение указанных вопросов позволит осуществить более точное прогнозирование распространения проявлений экстремизма, что, в свою очередь, будет способствовать выработке более эффективных мер предупреждения преступности.

Ключевые слова: экстремизм, личность экстремиста, религиозный экстремизм, политический экстремизм, профилактика экстремистской преступности, прогнозирование экстремистской преступности.

В современном российском обществе с учетом изменения общественно-политической обстановки, обусловленной проведением специальной военной операции (далее – СВО), внешним давлением целого ряда зарубежных государств, создающих препятствия для нормальной жизнедеятельности населения нашей страны, проявление экстремистских настроений, включая совершение преступлений на фоне экстремистской идеологии, становится все более распространенным явлением.

Государство, прежде всего в лице правоохранительных органов и специальных служб, предпринимает действенные шаги, направленные на борьбу с экстремизмом. Это отражает как сложившаяся судебная практика, так и принимаемые нормативные правовые документы [1]. Основным из них является Стратегия противодействия экстремизму в РФ, акцентирующая внимание на том, что экстремизм является одной из наиболее сложных проблем современного российского общества, что связано, в первую очередь, с многообразием его проявлений, неоднородным составом экстремистских организаций, которые угрожают национальной безопасности РФ [2]. Тем не менее стоит отметить, что несмотря на большой комплекс мер по противодействию экстремизму, Стратегия не в полной объеме отражает вопросы проведения мероприятий по выявлению граждан, склонных к экстремизму, а также не учитывает современную проблематику совершения экстремистских преступлений с учетом СВО; отстает в этом аспекте и правоприменительная практика.

Несмотря на проводимую государством политику, направленную на предупреждение распространения экстремистской идеологии, искоренить это явление единоразово достаточно сложно; при этом проведение специальной военной операции еще более обострило рассматриваемую проблему. Так, если в 2021 г. в г. Санкт-Петербурге возбуждено 8 уголовных дел по делам экстремистской направленности, то в 2022 г. количество увеличилось до 31, а в 2023 г. – до 39 уголовных дел. Обобщение статистических показателей ГИАЦ МВД России позволяет установить, что за 2021 г. было зарегистрирована 1057 преступлений экстремистской направленности. С началом специальной военной операции наблюдается тенденция к увеличению

преступлений данной направленности (2022 г. – зарегистрировано 1566 преступлений, 2023 г. – 1340, 2024 г. за первые четыре месяца (январь-апрель) – уже 544) [3]. Отдельно отметим, что анализ статистики ВС РФ показывает, что в рассматриваемый период показатели публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) неуклонно росли и достигли своего пика в момент начала СВО (2020 г. – 367, +34,9%, 2021 г. – 486, +32,4%, 2022 г. – 531, + 9,3%). В 2023 г. количество данных преступлений несколько снизилось – 235, однако количество осужденных по делам о возбуждении ненависти либо вражды (ст. 282 УК РФ) значительно увеличилось (2020 г. – 63, +231,6%; 2021 г. – 86, +36,5%; 2022 г. – 108, +25,6%, 2023 г. – 408 (+377%) [4].

Отдельно важно отметить, что меняется социальный состав преступников, а также мотивация совершения исследуемой категории преступлений. В частности, проведенное исследование позволило заключить, что мотив совершения преступления из сугубо идеологического преобразуется в исключительно корыстный характер. В 40% случаев мотивом совершения преступления является не идеологический фактор, а материальные блага, за которые человек совершает преступление, выражая чужую политическую или иную волю. Стоит указать, что корыстный мотив совершения экстремистских преступлений в период СВО проявляется зачастую в рамках совершения преступлений, основными причинами совершения которых является недоверие к действующей власти и внутренней политике государства, что в свою очередь влияет не только на изменение характеристик личности преступника, но и находит отражение в динамике изменений различных статистических показателей экстремистских преступлений.

Проникая во все сферы жизнедеятельности общества, экстремизм в настоящее время обрел масштабы, которые без преувеличения позволяют отнести его к одной из основных угроз национальной безопасности России. При этом стоит сказать, что на фоне проведения СВО возросла активная деятельность экстремистских сообществ и граждан, что вызвало у государства незамедлительную реакцию в виде внесения изменений в УК РФ (введены следующие составы: публичные действия, направленные на дискредитацию использования ВС РФ в целях защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности (ст. 280.3 УК РФ); публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства (ст. 280.4 УК РФ); неоднократные пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами (ст. 282.4 УК РФ); публичное распространение заведомо ложной информации об использовании ВС РФ, исполнении государственными органами РФ своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на ВС РФ или войска национальной гвардии РФ (ст. 207.3 УК РФ). Вместе с тем, спектр наносимого экстремистской преступностью вреда чрезвычайно широк и многообразен, а в период проведения СВО стал еще более обширен и посягает на основные конституционные устои общества и государства, поэтому возникает острая необходимость дополнения и уточнения имеющихся нормативных актов, направленных на противодействие экстремизму, а также установления типологии личности рассматриваемой катего-

рии преступников с учетом современных общественно-политических реалий для более точного прогнозирования распространения экстремистской идеологии и выработки более эффективные мер противодействия экстремистской преступности. В этой связи криминологическое исследование личности преступника-экстремиста будет направлено на выявление тех специфических особенностей его структуры, которые обусловливают противоправное поведение [5].

Исследованию личности преступника в разное время было посвящено достаточное количество исследований [6]. При этом есть ряд исследователей, которые в своих работах по изучению криминологической характеристики преступников делают упор на молодежный характер экстремизма, выделяя общие социально-демографические признаки в молодежной среде. П.А. Коваленко [7], Е.Д. Моисеенко [8], С.В. Юхлина [9] в своих исследованиях приводят статистические о совершении молодежью экстремистских преступлений, прослеживают их социальную, демографическую составляющую, а также выделяют ряд типов преступников-экстремистов среди молодежи. В.М. Харзинова в своем исследовании [10] делает упор на особенности криминологической характеристики экстремиста-пропагандиста среди молодежи, делая акцент на способах вовлечения данной категории населения к такой деятельности и их социально-психологической характеристике. Агеев Н.В. и Танага А.Г. в своем исследовании о личности преступника-экстремиста разделяют их на три категории [11]. Дьяков С.В., рассматривая вопросы государственной преступности, предлагает свои варианты типологий государственных преступников по различным признакам, акцентируя внимание на том, что они не охватывают всего многообразия свойств личности [12].

Обобщая данные исследования, можно заключить, что изучение криминологических аспектов личности преступника-экстремиста, несмотря на большой и подробный разбор отдельных категорий личности экстремиста, в частности, таких как религиозный и молодежный, происходило до начала СВО, и не в полной мере отражает реальное состояние экстремистской преступности с учетом современной общественно-политической обстановки в РФ, а также изменений, произошедших в уголовном законодательстве. Выделим работу Андреева Н.А., который в своем исследовании экстремистской преступности в сети «Интернет» один из немногих связал рост экстремистской преступности в том числе и с началом боевых действий [13]. Вместе с тем сегодня вопрос исследования личности преступника-экстремиста в условиях СВО недостаточно изучен, что обуславливает необходимость проведения дополнительного криминологического исследования указанных категорий лиц.

В рамках нашего исследования обратим внимание на тот факт, что в последнее время экстремистские проявления в РФ зачастую имеют иностранное происхождение, а экстремизм становится глобальной проблемой мирового сообщества. В связи с этим государственными структурами уделяется большое внимание данной проблематике. В частности, попытки зарубежных стран повлиять на прошедшие выборы Президента РФ вызвали особую озабоченность и обеспокоенность первых лиц МИД РФ. Так, М. Захарова подчеркивала: «Сегодня они перешли просто к экстремистской деятельности. Запад науськивает, натравливает людей, которые, очевидно, с ним находятся в какой-то связи – идеологической, материальной и так далее, чтобы они приходили на участки и занимались экстремистской деятельностью. Они не имеют права

это делать. Россия, по словам дипломата, делает все для того, чтобы защитить страну. Но понимать нужно, что попытки они [Запад] свои не оставят» [14].

Также стоит отметить, что достаточно существенным источником распространения экстремистской идеологии из-за рубежа в нашу страну является нелегальная миграция. Данная проблема является актуальной, особенно на волне резонансных преступлений, произошедших в государстве, и вызывает острую потребность в ее рассмотрении и скорейшей реакции на государственном уровне. «Вы знаете, что питательная среда для такой экстремистской деятельности, да и просто откровенной уголовщины – это, во многих случаях, нелегальная миграция, идеологическая накачка разного рода лжепроповедников и интернет-сайтов», – так на ежегодном расширенном заседании коллегии МВД в апреле 2024 г. высказался об этой проблеме Президент РФ [15]. Таким образом, наряду с незаконной миграцией, В.В. Путин, обратил внимание и на проблему идеологической пропаганды экстремистского толка через Интернет. Доступность данного контента в Интернете является сейчас большой проблемой, так как не всегда есть возможность проверять множественные потоки информации. Проведение активной пропаганды на различных платформах расширяет возможность «попасться на удочку» и впитать ту информацию, которая побуждает человека на совершение экстремистских преступлений [16].

Все это побуждает государство принимать серьезные меры по противодействию данным экстремистским проявлениям. В частности, в целях предупреждения экстремистской деятельности среди мигрантов Государственная Дума РФ рассматривает законопроекты о внесении изменений в КоАП РФ и УК РФ, в частности, касающиеся выдворения мигрантов из РФ в случае совершения таких деяний [17].

При этом, как возможно заметить, на основании анализа информационных источников и нормативных актов, реакция со стороны государства на распространение экстремистской идеологии идет с некоторым опозданием, должна же носить предупредительный характер. Но для этого должны проводиться исследования, позволяющие делать прогностический анализ. В своем исследовании постараемся внести вклад в деле противодействия экстремистским преступлениям на основе подробного анализа структурных составляющих личности преступника-экстремиста: социально-демографических, уголовно-правовых, нравственно-психологических, социально-ролевых, физико-биологических.

Изучение социально-демографической характеристики личности преступника рассматриваемой категории преступления позволяет сделать вывод о преобладании граждан среднего возраста (30-49 лет) среди совершающих данные преступления [18], т.е. с устоявшейся позицией и негативным отношением к складывающимся общественно-политическим событиям. При этом также увеличивается и количество данных преступлений, совершенных гражданами в возрасте 18-30 лет, что говорит о повсеместном попадании экстремистских течений в молодежную среду, в том числе через различные интернет-ресурсы. Согласимся с мнением В.А. Бурковской, которая в своем исследовании определяет молодежную среду как наиболее уязвимую к воздействию экстремистских идей [19]. Отдельно стоит отметить, что в рамках привлечения к ответственности по вновь введенной статье 280.3 УК РФ количество граждан в возрастной категории 30-49 лет составляет более 70%. Исследование показало, что это, 1) лица, которые, как правило, по личным мотивам высказывают свою позицию, несогласную с политикой государства в отношении

проведения СВО, особенно по вопросу проведения частичной мобилизации, 2) зачастую совершение данных преступлений осуществляется не столько из-за идеологических соображений, сколько за материальное вознаграждение или за возможность получения такового в будущем, обещанного сторонними «кураторами», а также с верой в обещание на предоставление возможности проживания в западных странах. Именно указанные показатель должны быть ориентиром для работы правоохранительных органов и региональных органов государственной власти по предупреждению зарождения и распространения экстремистской идеологии.

Рассматривая уголовно-правовую составляющую личности преступника-экстремиста, можно заключить, что порядка 30% осужденных за экстремистские преступления ранее были судимы за общеуголовные преступления. Это дает основание полагать, что в контексте проведения СВО экстремистскими сообществами осуществляется вовлечение в преступную деятельность лиц, ранее не склонных к проявлению экстремистской мотивации, но склонных к противоправной деятельности целом. Подавляющее большинство лиц, совершающих преступления рассматриваемой категории, ранее привлекались к административственности за совершенные правонарушения, в том числе связанные с вопросами распространения ложных сведений о ВС РФ. Стоит учитывать, что по ст. 280.3 УК РФ кратно возросло количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности за повторное совершение указанных преступлений (с 3 в 2022 г. до 50 в 2023 г.), что свидетельствует о сознательном стремлении граждан совершать данные преступления, твердых убеждениях в правоте своей деятельности и отрицании других точек зрения, а также как о выражении своей гражданской позиции в попытках дестабилизировать общественно-политическую обстановку таким способом. И к указанной группе лиц должен более эффективно применяться административный надзор.

Нравственно-психологические составляющие личности современного экстремиста, с учетом проведения СВО, также имеют ряд своих особенностей. Ключевым признаком рассматриваемой характеристики личности в современных условиях будет являться мотивация, которая будет объективно отражать предпосылки к совершению указанных преступлений и действительное отношение к соблюдению уголовно-правовых запретов. В частности, можно заключить, что основной мотивационной линией будет являться недовольство отдельных граждан или групп лиц проводимой государством политикой, пренебрежительное отношение к устоявшимся нормам права, выражение публичного несогласия с действиями силовых структур нашей страны, что, в свою очередь, будет предаваться огласке и распространению с целью вовлечения в свою деятельность как можно большего числа граждан. Однако, в мотивационной составляющей будет прослеживаться не только стремление внести раскол в общество на фоне недоверия к действиям власти, к проведению СВО, но и попытка решения своих финансовых проблем. Здесь также возможно отметить, что такая мотивация может быть, как умышленная в силу своих убеждений, так и вынужденная в случае, когда человек становится жертвой мошенников.

Рассматривая социально-ролевые аспекты личности современного преступника-экстремиста, стоит указать, что более 80% граждан, совершивших экстремистские

преступления, имеют высшее или средне-профессиональное образование, что отражает высокий образовательный уровень лиц, совершающих указанные преступления. При этом вызывает озабоченность рост количества лиц с высоким уровнем образования в связи с повышением уровня доступности поиска и получения экстремистской информации, в том числе через мессенджеры, социальные сети и Интернет. Активное распространение негативной информации на различных электронных ресурсах способствует неправильному анализу и интерпретации различных сведений и фактов, в особенности о проведении СВО, что в дальнейшем формирует даже у лиц с высоким интеллектуальным уровнем развития и образованием ложных убеждений и мотиваций. Так же рост числа преступников, имеющих высшее образование, связан с деятельностью интернет-мошенников, которые в ходе своей деятельности принуждают граждан совершать различные преступления рассматриваемой направленности. Интересен в контексте исследования и тот факт, что увеличилось количество преступлений, совершаемых учащимися и студентами, а также представителями наиболее престижных специальностей – технических, экономических, естественно-научных, а также индивидуальными предпринимателями (всего порядка 60%), что отражает тенденции к изменению ролевого состава, особенно в период проведения СВО. Это говорит о растущем распространении экстремистской деятельности среди людей с высоким качеством образования (в том числе ученых), которые могут с учетом своих знаний, опыта и влияния осуществлять распространение своих идей, в том числе с помощью различного рода литературы и интернет ресурсов, которые в дальнейшем вносятся государством в соответствующий список [20], а их авторы лишаются возможности осуществлять публикации своего материала для доступа в нашей стране; эта работа должна носить более интенсивный характер.

Проводя анализ показателей социального статуса и рода деятельности экстремистов, можно отметить, что больше половины (56%) экстремистов не имеют постоянного источника дохода и постоянной работы, а всего лишь 10% постоянно трудоустроены. При этом большинство часто меняет место работы [21], испытывает материальные трудности, что также способствует совершению преступления с целью имущественной выгоды, на чем мы уже акцентировали внимание. Большинство экстремистских преступлений совершаются людями низкого достатка, недовольство которых этим фактом является одним из причин, побуждающих к совершению преступления (22). Однако вместе с тем стоит отметить, что отдельные преступления совершаются и гражданами из достаточно обеспеченных категорий населения, где мотивацией уже будет считаться не столько экономическая составляющая, сколько выражение внутреннего протеста происходящим общественно-политическим процессам. И здесь дополнительное внимание должно быть уделено духовно-нравственному воспитанию в школах и вузах, повышению правовой культуры населения. Анализ семейного положения осужденных, связанных с экстремистскими действиями, показывает, что 91,8% из них не состояли в браке на момент вынесения обвинительного приговора. Стоит также отметить, что социально-экономические проблемы, с которыми сталкиваются семьи, в сочетании со сложностями внутрисемейных отношений часто приводят к проявлению экстремистских тенденций. 64,8% респондентов принадлежали к экономически неблагополучным семьям, в то время как 82% имели опыт

взросления в семьях с одним родителем, характеризующихся неблагоприятными условиями [23]. В связи с этим стоит отметить, что семейное неблагополучие зачастую становится причиной вовлечения в преступную деятельность, в том числе и экстремистскую. И государству необходимо обратить внимание на проведение работы по изучению опыта семейного воспитания, проведению исследований по изучению семейных взаимоотношений с акцентированием внимания на различных положительных и отрицательных примерах [24].

Также существенным фактором в оценке личности современного экстремиста являются его психологические свойства, имеющие сугубо негативную окраску: эгоизм, озлобленность, ненависть к окружающим, недоверие и ненависть к власти, политическому строю, действиям силовых структур, самооправдание совершаемых действий, правовой нигилизм, отрицание устоявшихся в обществе норм и правил. Стоит также отметить общность идей, концентрирующихся внутри сознания такой личности и обуславливающие его поведение: концентрация мыслей на экстремистских идеях и неспособность целостного восприятия картины мира; полная убежденность в правильности своих поступков: преступник абсолютно уверен, что для достижения «высоких» целей хороши любые средства [25]; негативная фильтрация: в отношении ненавистной ему идеи, социальной группы и т.п. экстремист использует только то, что характеризует их исключительно с отрицательной стороны [26], что в текущих современных реалиях достаточно актуально и может выражаться в действиях, квалифицируемых как преступления по вновь введенным статьям УК РФ в части, касающихся экстремистских преступлений. Такой набор личных качеств формирует личность со стойкой ненавистью к человеку и полным отрицанием устоявшихся общественных норм. Такие люди, попавшие в ловушку своих мировоззренческих склонностей, часто находят утешение в экстремистских идеологиях, рассматривая их как подтверждение своих убеждений.

Характеризуя личность современного экстремиста с физико-биологической точки зрения можно согласиться с мнением Н.И. Дорохова, который отмечал, что как одной из составляющих детерминант экстремистского поведения лиц могут выступать различные подсознательные импульсы и психологические фрустрации [27], которые, в свою очередь, еще больше усиливают ненависть к окружающим людям и обществу в целом. При этом также стоит отметить и некоторые другие возможные черты: наличие нервно-психических заболеваний (психопатии, неврастении, пограничные состояния), которые повышают возбудимость нервной системы, затрудняют социальный контроль за действиями, а также наследственные заболевания, особенно отягощенные алкоголизмом и наркоманией. За такими людьми в современных общественно-политических условиях должен быть установлен дополнительный надзор (со стороны медицинских организаций и правоохранительных органов).

Подводя итоги можно отметить, что личность современного экстремиста в основном присущи черты политического экстремиста. Ее основными признаками будет являться ярко негативная линия поведения, направленная против проводимых государством общественных, политических мероприятий, а также радикальное несогласие с действиями ВС РФ; стремление к активному вовлечению в экстремистскую деятельность новых граждан, целенаправленное формирование

нравственно и духовно деградированной личности с целью дальнейшего деструктивного влияния на общество в целом. Вместе с тем очевидно, что структура личности экстремиста неоднородна, ее составляющие элементы разнообразны и зависят от множества факторов, как внешних (воздействие западных государств и незаконная деятельность мигрантов), так и внутренних (идеологическая мотивация, корыстная мотивация). На фоне проводимых государством мер по борьбе с экстремизмом, особенно с учетом изменений в проводимой политике, очевидно, что их недостаточно для качественного решения поставленных задач. В связи с этим предлагается внести изменение в подпункт «д» п. 32 «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г.» касаемо организации содействия государственным организациям по противодействию распространения недостоверной информации в сети Интернет, а также введению мер по борьбе с психологическим воздействием на население нашей страны со стороны украинских и западных спецслужб.

С учетом выявленных особенностей личности современного преступника-экстремиста, в целях предупреждения распространения экстремистской идеологии предлагаются следующие меры: с 14-летнего возраста активизировать работу в школах по профилактике экстремизма, разъяснительную работу о недопустимости совершения подобных преступлений и об ответственности за их совершение; в высших учебных заведениях давать разъяснения по перечню террористов и экстремистов, а также по материалам такого характера; проводить индивидуальную и групповую работу со студентами вузов, работниками системы высшего образования по вопросам недопущения распространения фейков, экстремистских материалов, в том числе связанных с проведением СВО; проводить работу с ранее судимыми гражданами (проведение адресных проверок), особо обратить внимание на тех, кто привлекался к административной ответственности; осуществление дополнительного контроля, психологическое наблюдение, консультирование.

В дальнейшем всестороннее изучение личности преступников-экстремистов позволит осуществлять выявление данной категории лиц на ранних стадиях, осуществить прогнозирование развития рассматриваемого вида преступности в рамках складывающейся государственной политики и жизни общества, а также будет способствовать проведению эффективных мер по предупреждению и профилактике борьбы с экстремизмом с учетом современных общественно-политических реалий.

Список литературы:

1. Варданян А. В., Кулешов Р. В. Генезис экстремизма и терроризма в России как ретроспективный аспект криминалистического научного познания/А.В.Варданян, Р.В.Кулешов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2015. № 3 (31). - С.40-45.
2. Указ Президента Российской Федерации**.** Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 “Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года” URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/7409436 (дата обращения: 25.08.2024 г.).
3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 года [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/reports/item/35396677 (дата обращения: 15.06.2024).
4. Ульянов, М.В. Новые тенденции экстремистской и террористической преступности и меры противодействия угрозам национальной безопасности // Вопросы безопасности. – 2023. – № 2.
5. Зорькина, А. А. «Криминологическая характеристика преступника-экстремиста» //Образование и право. - № 11. - 2018. - С. 196-199.
6. Шеслер, А. В. Личность преступника в криминологических исследованиях советского периода / А. В. Шеслер // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14, № 2. – С. 193-205.
7. Коваленко, П. А. Криминологическая характеристика личности, совершающей преступления экстремистской направленности / П. А. Коваленко // Modern Science. – 2021. – № 5-1. – С. 219-224.

8. Моисеенко, Е.Д. Криминологическая характеристика личности экстремиста среди молодежи/ Е.Д. Моисеенко // Международный научно-исследовательский журнал. – 2014. - № 12-2(31). – С. 58-60.
9. Юхлина, С. В. Криминологическая характеристика личности экстремиста среди молодежи / С. В. Юхлина // Детство - территория безопасности: Сборник материалов конференции, Москва, 07 декабря 2023 года. – Москва: Центр вынужденных переселенцев "Саратовский источник", 2023. – С. 290-294.
10. Харзинова, В. М. Социально-психологическая, криминологическая характеристика личности экстремиста, террориста, занимающегося пропагандой среди молодежи / В. М. Харзинова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8, № 4-1. – С. 112-115.
11. Агеев, Н. В., Танага, А. Г. Криминологическая характеристика личности преступника в преступлениях экстремистской направленности // Эпомен. – 2021. – № 55. – С. 31-36.
12. Дьяков, С. В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: уголовно-правовое и криминологическое исследование / С. В. Дьяков; Ассоц. Юридический центр. - 2-е изд., испр. и доп. - Санкт-Петербург: Юридический центр-Пресс, 2012. - 265с.
13. Андреев, Н. А. Криминологическая характеристика личности преступника, совершающего преступления экстремистской направленности в сети Интернет / Н. А. Андреев // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2023. – № 1(59). – С. 31-35.
14. Мероприятие Российского общества «Знание» [Электронный ресурс]. URL: https://www.1tv.ru/news/2022-11-24/442183. (дата обращения: 25.08.2024 г.)
15. Расширенное заседание коллегии МВД России [Электронный ресурс] URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/73770. (дата обращения: 25.08.2024 г.)
16. Майстренко, Г. А. Противодействие политическому экстремизму: современные тенденции / Г.А. Майстренко // Теории и проблемы политических исследований. — 2021. — Т. 10, № 1А. — С. 16–23.
17. Госдума поддержит законопроект о депортации мигрантов за правонарушения [Электронный ресурс.] URL: https://www.garant.ru/news/1736535/.(дата обращения: 25.09.2024 г.)
18. Статистическая отчетность судебного департамента при Верховном суде РФ по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за 2022-2024 гг. URL: //www.cdep.ru.
19. Бурковская, В. А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: дис… д-ра юрид. наук. – М., 2006. – С. 154.
20. Российская Федерация. Законы. О противодействии экстремистской деятельности от 25.07.2002 № 114-ФЗ // Российская газета. – 2002 г. - № 138-139. – с изменениями и дополнениями в ред. от 15.05.2024.
21. Розум, А. Ю. Криминологическая характеристика личности экстремиста / А. Ю. Розум // Уголовное право в эволюционирующем обществе: Сборник научных статей научно-практической конференции молодых учёных и студентов, Курск, 26 мая 2023 года / Редколлегия: Ю.А. Сидорова (отв. ред.). – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2023. – С. 245-250.
22. Электронный ресурс «Бизнес ФМ». «В России участились нападения на военкоматы». URL: https://www.bfm.ru/news/530895/. (дата обращения: 25.08.2024 г.)
23. Крюкова, Е. С. Личность лица, совершающего публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности / Е. С. Крюкова // Молодой ученый. – 2023. – № 41(488). – С. 187-191.
24. Синцов, Г. В. Неблагополучная семья как фактор проявления экстремизма в молодёжной среде // Нива Господня. Вестник Пензенской Духовной Семинарии. – 2019. – № 2(12). – С. 101-105.
25. Лебедева, И. Н. Психология личности террориста / И. Н. Лебедева // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2012. – № 9. – С. 123-128.
26. Севостьянов, Р.А. Криминологические и психологические особенности личности экстремиста: теоретические аспекты // Вопросы российского и международного права. - 2022. - Том 12, № 7А. - С. 175-180.
27. Дорохов, Н. И. Портрет современного террориста: нравственно-психологические и личностные аспекты / Н. И. Дорохов // Военно-юридический журнал. – 2006. – № 5. – С. 18-24.

Gavrilov K.A. The identity of an extremist as an object of criminological research // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 323-332.

In the article, as part of the ongoing study of crime related to manifestations of extremism, one of the main elements of the criminological characteristics of the category of crimes under consideration is studied – the identity of an extremist. Special attention is paid to the social, psychological, economic, and political factors contributing to the formation of extremist beliefs, the causes and conditions that encourage the commission of these crimes against the background of a special military operation. The study of these issues will allow for a more accurate prediction of the spread of manifestations of extremism, which, in turn, will contribute to the development of more effective crime prevention measures.

Keywords: extremism, personality of an extremist, religious extremism, political extremism, prevention of extremist crime, forecasting of extremist crime.

Spisok literatury:

1. Vardanyan A. V., Kuleshov R. V. Genezis ekstremizma i terrorizma v Rossii kak retrospektivnyj aspekt kriminalisticheskogo nauchnogo poznaniya/A.V.Vardanyan, R.V.Kuleshov // YUridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. - 2015. № 3 (31). - S. 40-45.
2. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii. Ukaz Prezidenta RF ot 29 maya 2020 g. № 344 “Ob utverzhdenii Strategii protivodejstviya ekstremizmu v Rossijskoj Federacii do 2025 goda” URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/7409436 (data obrashcheniya: 25.08.2024 g.).
3. Kratkaya harakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii za yanvar' – dekabr' 2023 goda [Elektronnyj resurs]. URL: https://mvd.rf/reports/item/35396677 (data obrashcheniya: 15.06.2024).
4. Ul'yanov, M.V. Novye tendencii ekstremistskoj i terroristicheskoj prestupnosti i mery protivodejstviya ugrozam nacional'noj bezopasnosti // Voprosy bezopasnosti. – 2023. – № 2.
5. Zor'kina, A. A. «Kriminologicheskaya harakteristika prestupnika-ekstremista» // Obrazovanie i pravo. - № 11. - 2018. - S. 196-199.
6. SHesler, A. V. Lichnost' prestupnika v kriminologicheskih issledovaniyah sovetskogo perioda / A. V. SHesler // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. – 2020. – T. 14, № 2. – S. 193-205.
7. Kovalenko, P. A. Kriminologicheskaya harakteristika lichnosti, sovershayushchej prestupleniya ekstremistskoj napravlennosti / P. A. Kovalenko // Modern Science. – 2021. – № 5-1. – S. 219-224.
8. Moiseenko, E.D. Kriminologicheskaya harakteristika lichnosti ekstremista sredi molodezhi/ E.D. Moiseenko // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. – 2014. - № 12-2(31). – S. 58-60.
9. YUhlina, S. V. Kriminologicheskaya harakteristika lichnosti ekstremista sredi molodezhi / S. V. Y Uhlina // Detstvo - territoriya bezopasnosti: Sbornik materialov konferencii, Moskva, 07 dekabrya 2023 goda. – Moskva: Centr vynuzhdennyh pereselencev "Saratovskij istochnik", 2023. – S. 290-294.
10. Harzinova, V. M. Social'no-psihologicheskaya, kriminologicheskaya harakteristika lichnosti ekstremista, terrorista, zanimayushchegosya propagandoj sredi molodezhi / V. M. Harzinova // Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'. – 2016. – T. 8, № 4-1. – S. 112-115.
11. Ageev, N. V., Tanaga, A. G. Kriminologicheskaya harakteristika lichnosti prestupnika v prestupleniyah ekstremistskoj napravlennosti / N. V. Ageev, A. G. Tanaga // Epomen. – 2021. – № 55. – S. 31-36.
12. D'yakov, S. V. Prestupleniya protiv osnov konstitucionnogo stroya i bezopasnosti gosudarstva: ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie / S. V. D'yakov; Assoc. YUridicheskij centr. - 2-e izd., ispr. i dop. - Sankt-Peterburg: YUridicheskij centr-Press, 2012. - 265s.
13. Andreev, N. A. Kriminologicheskaya harakteristika lichnosti prestupnika, sovershayushchego prestupleniya ekstremistskoj napravlennosti v seti Internet / N. A. Andreev // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2023. – № 1(59). – S. 31-35.
14. Meropriyatie Rossijskogo obshchestva «Znanie» [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.1tv.ru/news/2022-11-24/442183. (data obrashcheniya: 25.08.2024 g.)
15. Rasshirennoe zasedanie kollegii MVD Rossii [Elektronnyj resurs] URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/73770. (data obrashcheniya: 25.08.2024 g.)
16. Majstrenko, G. A. Protivodejstvie politicheskomu ekstremizmu: sovremennye tendencii / G.A. Majstrenko // Teorii i problemy politicheskih issledovanij. — 2021. — T. 10, № 1A. — S. 16–23.
17. Gosduma podderzhit zakonoproekt o deportacii migrantov za pravonarusheniya [Elektronnyj resurs.] URL: https://www.garant.ru/news/1736535/.(data obrashcheniya: 25.09.2024 g.)
18. Statisticheskaya otchetnost' sudebnogo departamenta pri Verhovnom sude RF po vsem sostavam prestuplenij Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii za 2022-2024 gg. URL: //www.cdep.ru.
19. Burkovskaya, V. A. Kriminal'nyj religioznyj ekstremizm: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie osnovy protivodejstviya: dis… d-ra yurid. nauk. – M., 2006. – S. 154.
20. Rossijskaya Federaciya. Zakony. O protivodejstvii ekstremistskoj deyatel'nosti ot 25.07.2002 № 114-FZ // Rossijskaya gazeta. – 2002 g. - № 138-139. – s izmeneniyami i dopolneniyami v red. ot 15.05.2024.
21. Rozum, A. YU. Kriminologicheskaya harakteristika lichnosti ekstremista / A. YU. Rozum // Ugolovnoe pravo v evolyucioniruyushchem obshchestve: Sbornik nauchnyh statej nauchno-prakticheskoj konferencii molodyh uchyonyh i studentov, Kursk, 26 maya 2023 goda / Redkollegiya: YU.A. Sidorova (otv. red.). – Kursk: YUgo-Zapadnyj gosudarstvennyj universitet, 2023. – S. 245-250.
22. Elektronnyj resurs «Biznes FM». «V Rossii uchastilis' napadeniya na voenkomaty». URL: https://www.bfm.ru/news/530895/. (data obrashcheniya: 25.08.2024 g.)
23. Kryukova, E. S. Lichnost' lica, sovershayushchego publichnye prizyvy k osushchestvleniyu ekstremistskoj deyatel'nosti / E. S. Kryukova // Molodoj uchenyj. – 2023. – № 41(488). – S. 187-191.
24. Sincov, G. V. Neblagopoluchnaya sem'ya kak faktor proyavleniya ekstremizma v molodyozhnoj srede // Niva Gospodnya. Vestnik Penzenskoj Duhovnoj Seminarii. – 2019. – № 2(12). – S. 101-105.
25. Lebedeva, I. N. Psihologiya lichnosti terrorista / I. N. Lebedeva // Zakonnost' i pravoporyadok v sovremennom obshchestve. – 2012. – № 9. – S. 123-128.
26. Sevost'yanov, R.A. Kriminologicheskie i psihologicheskie osobennosti lichnosti ekstremista: teoreticheskie aspekty // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. - 2022. - Tom 12, № 7A. - S. 175-180.
27. Dorohov, N. I. Portret sovremennogo terrorista: nravstvenno-psihologicheskie i lichnostnye aspekty / N. I. Dorohov // Voenno-yuridicheskij zhurnal. – 2006. – № 5. – S. 18-24.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 333–339.

УДК 347.4

СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ «СПОСОБ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ» И «ФОРМА СДЕЛКИ»

Герасимовский С. В.

Крымский юридический институт (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

В статье исследуется вопрос соотношения понятий «способ волеизъявления» и «форма сделки». Позиция автора основана на нормативных правовых актах, регулирующих анализируемую область права, а также на научных трудах ученых, изучающих вопросы сделок в гражданском праве. Статья подробно освещает сущность формы сделки с точки зрения Гражданского кодекса Российской Федерации. Автором определены теоретические и практические вопросы, которые остались без внимания ученых и требующих теоретического и практического решения. По результатам исследования, выделены основные различия между способами волеизъявления и формой сделки. Рассматриваемая в данной статье тема будет интересна специалистам в области юриспруденции, в том числе в сфере юридической помощи гражданам и сопровождения юридических действий организаций.

Ключевые слова: гражданское право, сделки, понятие сделки, способы волеизъявления, форма сделки.

Несмотря на сформировавшиеся средства и приемы юридической техники, приходится констатировать, что до настоящего времени ни законодатель, ни ученые-правоведы, к сожалению, не выработали единых подходов к унификации юридической терминологии и правил конструирования юридических норм.

Следует отметить, что не всегда оправданная активность по принятию нормативно-правовых актов только усугубляет сложившуюся ситуацию. С целью единообразного толкования указанных в законе терминов авторы законопроектов нашли своеобразный выход, «расшифровывая», что следует понимать под тем или иным термином в принятом законе, не принимая порой во внимание сложившиеся в юриспруденции правила, традиции и превалирующие точки зрения ученых. В результате использования такого метода тот или иной термин начинает «обрастать» различными определениями в зависимости от отрасли права либо от сферы его применения. В связи с чем, к сожалению, приходится согласиться с А.А. Гайдамакиным, который указывает: «С конца XIX в. намечается тенденция принижения и даже полного отрицания значения логики для правовой теории и практики» [1, с. 92].

Цивилистика и гражданское законодательство также не являются исключением дуалистического отношения к пониманию и толкованию отраслевой терминологии. Применительно к сделке примером этому являются такие термины, как «форма сделки» и «волеизъявление». В некоторых случаях отдельные авторы смешивают понятие воли (волеизъявления) и формы сделок, что приводит к утверждению точки зрения о том, что способ, посредством которого участники сделки выражают свою волю при ее совершении (словами устно, письменно, при помощи конклюдентных действий или путем молчания), называется формой сделки.

Относительно вышеуказанных категорий в течение долгого времени идет достаточно оживленная полемика, и до сих пор однозначного мнения как у цивилистов, так и у практиков по данному вопросу не сложилось.

Весьма популярным в научной литературе считается подход, отождествляющий волеизъявление с формой сделки.

В российской цивилистике зачастую форму сделки принято определять, как «выражение воли участников сделки» [2, с. 288], в связи с чем довольно распространенным является подход, в соответствии с которым формы сделок отождествляются со способами волеизъявления [3, с. 8–12, 4, с. 76, 5, с. 22]. Ряд авторов утверждают, что «не может существовать сделка без формы», основываясь на постулате: «Форма – это способ изъявления воли» [6, с. 26]. Но такой подход представляется достаточно спорным, так как он основан на недостаточно глубоком анализе норм гражданского законодательства и употребляемых в нем терминов. Сторонники другой точки зрения утверждают, что основополагающим в сделке является волевой признак.

Так, еще Ф. К. фон Савиньи в своем труде «Система современного римского права» сформулировал определение сделки следующим образом: «Под волеизъявлениями или сделками следует понимать такие юридические факты, которые не только являются свободными деяниями, но и воля действующего в которых непосредственно направлена на установление или прекращение правовых отношений» [7, с. 99]. Г.Ф. Шершеневич определял сделку как выражение воли, непосредственно направленное на определенные юридические последствия, то есть на установление, изменение или прекращение юридических отношений [8, с. 150–151].

Достаточно распространенным является взгляд на сделку, как на фактический состав, который содержит по меньшей мере одно или несколько волеизъявлений, направленных на вызывание определенного правового последствия, но может содержать и дополнительные, помимо волеизъявления, элементы [9, с. 10–11].

К следующему взгляду на рассматриваемую проблему можно отнести мнение о том, что понятие «способ волеизъявления» шире понятия «форма сделки», поскольку первое относится не только к сделкам, но и к иным юридически значимым действиям, в том числе неправомерным [10, с. 147], а также о нетождественности данных понятий [11, с. 20–24].

Следует отметить, что категории «форма сделки» и «способы волеизъявления» не являются равнозначными и в германской правовой системе, где под формами сделки понимают письменную форму, официальное засвидетельствование и нотариальное заверение, а внешними действиями (изъявлениями воли) являются речь, молчание, а также жесты [12, с. 316, 328].

Легальное определение сделки закреплено ст. 153 ГК РФ, согласно которой сделкой признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Из данного определения следуют основные признаки сделки, согласно которым она: представляет собой правомерное действие участников гражданского оборота; является волевым актом, поскольку для ее совершения необходимо не только желание (воля) и действие (волеизъявление) лица, совершающего сделку; всегда направлена на порождение юридических последствий, как-то: возникновение, прекращение или изменение гражданских правоотношений.

В связи с тем, что право имеет сознательно-волевой характер и по своей сути является проявлением воли и сознания людей, создающих правовые нормы [13, с. 114], наиболее актуальным из указанных признаков является волевой.

Волеизъявлением является внешнее проявление воли в предусмотренном или допустимом законом способе, что делает волю субъекта доступной для восприятия другими лицами. При этом волеизъявление в различных сделках может проявляться по-разному.

Обратимся к обоснованию разграничения категорий «форма сделки» и «способ волеизъявления (проявления воли)». Применительно к сделке категорию «форма» следует рассматривать как внешнее оформление содержания, документ, деловую бумагу, закрепляющую все условия сделки, тогда как «волеизъявление» лишь опосредует динамику возникновения правоотношений (в односторонних сделках – прав и обязанностей у лица, ее совершившего), и в случае «совпадения» встречных волеизъявлений контрагентов (в дву- или многосторонних сделках), сделка оформляется надлежащим образом. Форма [лат. fōrma – вид, облик, наружность] – способ существования содержания, неотделимый от него и служащий его выражением.

Статья 158 ГК РФ «Форма сделок», предусматривающая, что сделки могут заключаться в устной и письменной форме, определение формы сделки не раскрывает. В самом названии статьи термин «форма» употребляется в единственном числе, а при анализе других статей ГК РФ следует констатировать, что данный термин применяется только в отношении сделки, совершаемой в письменной форме – простой, нотариальной или с последующей государственной регистрацией. Несмотря на устоявшуюся цивилистическую позицию об «устной форме сделок», ни в одной из статей ГК РФ такая форма не упоминается, а в ст. 159 ГК РФ говорится лишь о возможности совершения сделок устно (т.е. о способе, процедуре).

Таким образом, ст. 158 ГК РФ закрепляет только одну форму сделок – письменную, допуская при этом совершение юридически значимых действий без специального оформления – в устном порядке.

Нелогичность самого употребления термина «устная форма сделки» подтверждается тем, что: во-первых, ст. 159 ГК РФ определяет не устную форму сделки, а регламентирует, когда сделка может совершаться устно; во-вторых, в самом названии ст. 159 ГК РФ – «Устные сделки», в отличие от ст. 160 ГК РФ – «Письменная форма сделки», термин «форма» не содержится; в-третьих, ни в ст. 158 ГК РФ, ни в ст. 159 ГК РФ и нигде далее в ГК РФ термин «устная форма сделки» как таковой не употребляется; в-четвертых, последствия несоблюдения формы предусмотрены только для письменных сделок.

Обратимся к аргументам, подтверждающим несостоятельность термина «устная форма сделки». Можно ли заключить слова в форму? Представляется, что да, ведь слова складываются в устную речь, обладающую стилем, манерой или другими особенностями. Но это будет форма речи (способ осуществления речевой деятельности), которая формально нигде, кроме как в памяти или на носителях аудиозаписи, не закрепляется. Форма речи для юридических последствий не имеет никакого значения, так как контрагенту важно не то, как сказал, а что сказал (выразил волю) другой участник сделки.

Следовательно, в отличие от письменных сделок: 1) придание устным сделкам какой-либо формы для законодателя является юридически безразличным и терминологически неактуальным; 2) каких-либо негативных последствий при несоблюдении формы для устных сделок не предусмотрено; 3) при инициировании вопроса

недействительности устной сделки такое основание для признания сделки недействительной, как нарушение формы, к устным сделкам неприменимо.

Соблюдение надлежащего оформления сделки предполагает: закрепление или возможность воспроизведения на материальном носителе содержания сделки; возможность ознакомления с условиями сделки, как правило, путем прочтения; включение в содержание сделки всех существенных условий и реквизитов, предусмотренных законом; в необходимых случаях последующее нотариальное удостоверение или государственную регистрацию сделки.

При несоблюдении двух последних сделка может являться оспоримой, незаключенной или недействительной. Являясь волевым актом, сделка обладает такими свойствами, как внутренняя воля лица, ее совершающего (желанием совершить сделку), и волеизъявлением (проявлением этого желания внешне тем или иным способом). Под волеизъявлением следует понимать внешнюю реализацию воли лица, когда для определенного или неопределенного круга субъектов становится объективно реальным восприятие совершенной лицом односторонней сделки или его желание совершить много- или двустороннюю сделку.

Гражданское законодательство не ограничивает и детально не регламентирует способы выражения воли. В соответствии с принципом автономии воли (п. 2 ст. 1 ГК РФ) и диспозитивно-дозволительным методом гражданско-правового регулирования субъекты гражданского оборота вправе самостоятельно тем или иным способом проявить волю к заключению сделки (определить способ волеизъявления). Но при этом гражданское законодательство императивно устанавливает, в каких случаях легитимность и юридическая значимость действия лица должна быть подтверждена только в письменной форме.

Волеизъявление лица, совершающего сделку, может быть выражено следующими способами: **устно** (п. 1. ст. 158 ГК РФ); согласно п. 1 ст. 159 ГК РФ сделка, для которой законом или соглашением сторон не установлена письменная (простая или нотариальная) форма, может быть совершена устно. Данная статья не содержит в себе указаний на сделки, требующие государственной регистрации, поэтому следует уточнить, что не могут быть совершены устно сделки, требующие нотариального удостоверения или государственной регистрации, а также сделки, для которых несоблюдение простой письменной формы влечет их недействительность.

Выражение воли субъектов гражданских правоотношений словами является наиболее распространенным и универсальным способом. Таким образом, указанная статья ГК РФ устанавливает общее правило, согласно которому стороны вправе словесно определить условия сделки, если закон или они сами не требуют изложить данные условия в письменной форме. Но помимо словесного способа, выразить волю в устной сделке можно и другим образом. Такими способами могут являться чтение по губам, жесты, при помощи дактильной (пальцевой) азбуки, т.е. когда волеизъявление воспринимается визуально или при помощи осязания.

Письменно (п. 1. ст. 158 ГК РФ). Письменное волеизъявление имеет самостоятельное значение, потому что служит средством фиксации воли и закрепления всех предлагаемых условий сделки: предмета, прав и обязанностей, срока, ответственности сторон и т.д. Письменным следует считать то, что отражено письменными знаками (не обязательно буквами), может быть воспроизведено на бумаге или ином материальном носителе и воспринимается посредством прочтения. Прочтение

предполагает знание языка данного вида письма или обозначений, т.е. грамотность соответствующего вида. Письменное волеизъявление у 2-х и более лиц может быть реализовано путем: а) составления единого документа, подписываемого обеими сторонами; б) обмена несколькими письменными документами (письмами, телеграммами), исходящими от сторон и выражающими их согласованную волю (ст. 434 ГК РФ). Одностороннее письменное волеизъявление может быть проявлено, например, в доверенности, письменном отказе от завещания, юридически значимом сообщении. Как указано в п. 66 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25, в юридически значимом сообщении может содержаться информация о сделке, например об одностороннем отказе от исполнения обязательства, и иные сведения, имеющие правовое значение (в частности, уведомление должника о переходе права) [14].

При отграничении письменного волеизъявления и письменной формы сделки следует иметь в виду нетождественность этих понятий. Так, простая письменная форма сделки предполагает составление документа с соблюдением определенных требований: он должен включать в себя условия сделки, подписи сторон или уполномоченных лиц и соответствовать иным требованиям в случаях, указанных в п. 1 ст. 160 ГПК РФ. В отношении письменного волеизъявления каких-либо квалифицированных требований не предъявляется, за исключением случаев, предусмотренных законом, например, ст. 435 ГК РФ «Оферта».

Согласно п. 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.03.2012 № 14 ГК РФ не запрещает совершать одностороннюю сделку путем направления должником кредитору по обязательству, возникающему из такой сделки, соответствующего документа посредством почтовой, телеграфной, телетайпной, телефонной, электронной или иной связи, позволяющей достоверно установить, что документ исходит от лица, совершившего сделку (ст. 156, п. 1 ст. 160, п. 2 ст. 434 ГК РФ) [15].

В настоящее время в гражданском обороте широко распространены сделки, заключаемые в сети Интернет, в связи с чем гражданское законодательство приравнивает волеизъявление, выраженное электронным способом, скрепление документа при помощи электронно-цифровой подписи к письменному способу волеизъявления (п. 1 ст. 160 ГК РФ).

Конклюдентным действием (п. 2 ст. 158 ГК РФ). Воля участников гражданского оборота к совершению сделки может проявляться при совершении ими особых действий, которые называются конклюдентными (от лат. concludo – «заключаю», «делаю выводы»). В такой ситуации воля к совершению сделки не находит ни словесного, ни письменного выражения, а следует из поведения. Пункт 2 ст. 158 ГК РФ указывает, что конклюдентные действия имеют значение воли к совершению сделки только применительно к сделкам, совершаемым устно, то есть когда закон или соглашение сторон не требуют «формальной» фиксации волеизъявления.

Молчанием (п. 3 ст. 158 ГК РФ). В соответствии с п. 3 ст. 158 ГК РФ молчание признается выражением воли совершить сделку в случаях, предусмотренных законом или соглашением сторон.

Обоснованность наличия такого способа проявления воли, как молчание, является достаточно спорным. Данный вывод можно сделать, прежде всего, при комплексном анализе норм самого ГК РФ. Также следует обратить внимание на то, что данный способ волеизъявления наблюдается при двусторонних и

многосторонних сделках, при этом проявление молчания возможно как со стороны, предлагающей заключить сделку (акцептанта), так и соглашающейся стороны (оферента).

Данный вывод подтверждается следующими положениями гражданского законодательства.

При сравнительном анализе норм п. 4 ст. 157.1 ГК РФ и п. 3 ст. 158 ГК РФ можно сделать вывод, что в п. 4 ст. 157.1 ГК РФ закреплено общее правило о невозможности рассмотрения молчания как согласия на совершение сделки, а п. 3 ст. 158 ГК РФ лишь указывает на возможность исключения из общего правила: «Если это предусмотрено законом или соглашением сторон». То есть данными нормами регулируется процедура волеизъявления молчанием соглашающейся стороны.

С другой стороны, п. 2. ст. 438 ГК РФ указывает: «Молчание не является акцептом, если иное не вытекает из закона, обычая делового оборота или прежних деловых отношений сторон». Данная норма, в свою очередь, регулирует процедуру волеизъявления молчанием «предлагающей» стороны. И в первом, и во втором случае гражданское законодательство указывает не невозможность проявления волеизъявления молчанием, оставляя при этом некоторые исключения.

Таким образом, следует отметить, что законодатель достаточно чётко определяет наличие, во-первых, только одной формы сделок – письменной и, во-вторых, последствия ее несоблюдения, тогда как в отношении способов волеизъявления он предусматривает широкий спектр их вариативности.

В конечном итоге следует сделать вывод о том, что форму сделки нельзя отождествлять с волеизъявлением, так как форма сделки – это закрепление в предусмотренном законом порядке существенных условий сделки, а волеизъявление – внешнее проявление воли, т.е. такое осознанное поведение, благодаря которому воля становится способной к объективному восприятию.

Список литературы:

1.Гайдамакин, А. А. Полемические заметки о логике права и правосознании / А. А. Гайдамакин // Государство и право. – 2007. – № 7. – С. 92-95.
2.Гражданское право : учебник: В 3 т. Т.1. – 4-е изд., перераб. и доп. / Е.Ю. Валявина, И.В. Елисеев [и др.] отв. ред. А.П.Сергеев, Ю.К. Толстой. – М.: ТК Велби, 2006. – 776 с.
3.Андреев, В. К. Сделка и ее недействительность / В. К. Андреев // Юрист. – 2014. – № 1. – С. 8-12.
4.Иванчак, А.И. Гражданское право Российской Федерации. Общая часть : учебник / А.И. Иванчак. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2018. – 271 с.
5.Татаркина, К.П. Форма сделок в гражданском праве России: Монография / К.П. Татаркина. – Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2012. – 264 с.
6.Семенов, М.И. Заключение сделок посредством конклюдентных действий. Правовая природа и правовые проблемы / М.И. Семенов // Право и экономика. – 2002. – № 7. – С. 25-27.
7.Savigny, F.C. System des heutigen römischen Rechts / F.C. Savigny. – Bd. 3. – Berlin, 1840. – 429 p.
8.Шершеневич, Г.Ф. Курс гражданского права : Введ. Общ. часть. Особ. часть / Г.Ф. Шершеневич. – Тула : Автограф, 2001. – 719 с.
9.Крашенинников, Е.А. Фактический состав сделки / Е.А. Крашенинников // Очерки по торговому праву. – Ярославль, 2004. – Вып. 11. – 93 с.
10. Красавчиков, О.А. Юридические факты в советском гражданском праве / О.А. Красавчиков // Категории науки гражданского права. – Избранные труды: – В 2 т. – Т. 2. – М.: Статут, 2005. – 492 с.
11. Виниченко, Ю.В., Никитина, Ю.Д. О значении молчания в российском гражданском праве / Ю.В. Виниченко, Ю.Д. Никитина // Налоги. – 2010. – № 12. – С. 20–24.
12. Жалинский, А.Э., Рерихт, А.А. Введение в немецкое право / А.Э. Жалинский, А.А. Рерихт. – М.: Спарк, 2001. – 767 с.
13. Теория государства и права: учеб. для вузов / [отв. ред. В.Д. Перевалов]. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2007. – 496 с.
14. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 8.
15. Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2012. – № 5.

S. V. Gerasimovsky. Correlation of the categories «Means of legal volition» and «form of transaction» // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. - C. 333–339.

The article explores the issue of correlation between the concepts of «means of legal volition» and «form of transaction». The author's position is based on statutory acts regulating the analysed area of law and on scholarly papers of researchers studying the issues of transactions in civil law. The article highlights in detail the nature of the form of transaction in terms of the Civil Code of the Russian Federation. The author identified theoretical and practical issues that were left without attention of scientists and require theoretical and practical solutions. The findings of the study made it possible to distinguish the main differences between the means of legal volition and the forms of transaction. The subject considered in the article will be of interest to experts in the field of law, in particular, specialists in the field of legal assistance to citizens and legal support of legal actions of organizations.

Key words: civil law, transactions, the concept of transaction, means of legal volition, form of transaction.

Spisok literatury:

1. Gajdamakin, A. A. Polemicheskie zametki o logike prava i pravosoznanii / A. A. Gajdamakin // Gosudarstvo i pravo. – 2007. – № 7. – C. 92-95.
2. Grazhdanskoe pravo : uchebnik: V 3 t. T.1. – 4-e izd., pererab. i dop. / E.YU. Valyavina, I.V. Eliseev [i dr.] otv. red. A.P.Sergeev, YU.K. Tolstoj. – M.: TK Velbi, 2006. – 776 s.
3. Andreev, V. K. Sdelka i ee nedejstvitel'nost' / V. K. Andreev // Yurist. – 2014. – № 1. – S. 8-12.
4. Ivanchak, A.I. Grazhdanskoe pravo Rossijskoj Federacii. Obshchaya chast' : uchebnik / A.I. Ivanchak. – 2-e izd., pererab. i dop. – Moskva : Statut, 2018. – 271 s.
5. Tatarkina, K.P. Forma sdelok v grazhdanskom prave Rossii: Monografiya / K.P. Tatarkina. – Tomsk : Izd-vo Tomsk, gos. un-ta sistem upr. i radioehlektroniki, 2012. – 264 s.
6. Semenov, M.I. Zaklyuchenie sdelok posredstvom konklyudentnykh dejstvij. Pravovaya priroda i pravovye problemy / M.I. Semenov // Pravo i ehkonomika. – 2002. – № 7. – S. 25-27.
7. Savigny, F.C. System des heutigen römischen Rechts / F.C. Savigny. – Bd. 3. – Berlin, 1840. – 429 p.
8. Shershenevich, G.F. Kurs grazhdanskogo prava : Vved. Obshch. chast'. Osob. chast' / G.F. Shershenevich. – Tula : Avtograf, 2001. – 719 s.
9. Krasheninnikov, E.A. Fakticheskij sostav sdelki / E.A. Krasheninnikov // Ocherki po torgovomu pravu. – Yaroslavl', 2004. – Vyp. 11. – 93 s.
10. Krasavchikov, O.A. Yuridicheskie fakty v sovetskom grazhdanskom prave / O.A. Krasavchikov // Kategorii nauki grazhdanskogo prava. – Izbrannye trudy: – V 2 t. – T. 2. – M.: Statut, 2005. – 492 s.
11. Vinichenko, YU.V., Nikitina, YU.D. O znachenii molchaniya v rossijskom grazhdanskom prave / YU.V. Vinichenko, YU.D. Nikitina // Nalogi. – 2010. – № 12. – S. 20–24.
12. Zhalinskij, A.EH., Rerikht, A.A. Vvedenie v nemeckoe pravo / A.EH. Zhalinskij, A.A. Rerikht. – M.: Spark, 2001. – 767 c.
13. Teoriya gosudarstva i prava: ucheb. dlya vuzov / [otv. red. V.D. Perevalov]. – 3-e izd., pererab. i dop. – M.: Norma, 2007. – 496 s.
14. Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossijskoj Federacii. – 2015. – № 8.
15. Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii. – 2012. – № 5.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 340–346.

УДК 343.144

УСТНАЯ РЕЧЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОПРОСА КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ЕГО ТАКТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ

Гулакова И. И., Ховавко С. М.

В статье рассматриваются коммуникативные особенности производства допроса на стадии предварительного расследования. Основным следственным действием, направленным на вербальную коммуникацию, является допрос. Так, деятельность следователя по расследованию уголовного дела в основном основана на его коммуникативных навыках, и организуется по типу «человек-человек», в связи с чем требования, предъявляемые к культуре его речи, непосредственно влияют на качество выполнения возложенных на субъект расследования задач. Авторы обосновывают значение речевой культуры следователя как необходимое условие для юридически грамотного составления процессуальных документов. При этом проведен детальный анализ и описаны недостатки, выявленные в деятельности субъекта расследования, что позволяет сделать вывод о необходимости их устранения, и будет способствовать динамичному формированию культуры профессиональной речи следователя и ее развитию в процессе следственной практики. В работе представлено авторское видение способов разрешения указанных аспектов.

Ключевые слова: следователь, допрос, устная речь, речевая культура, юридическая грамотность, тактический прием.

Анализ следственной практики позволяет сделать вывод о наличии ряда нерешённых вопросов, связанных с коммуникативными особенностями производства допроса на стадии предварительного расследования. Именно в отношении доказательной базы возникают ключевые и переломные моменты, влияющие на допрос и дальнейшие следственные действия. Фактологическая и вещественная информация предоставляется для ознакомления всем участникам конкретного дела. Материал преподносится именно в том виде, какого будет его значение по уголовному законодательству.

Язык общения рассматривается как ключевой элемент во взаимодействии людей, с целью дальнейшей передачи информации. Именно такой контактирующий тип общения признаётся основополагающим и при передаче информации между следователем и допрашиваемым. Допрос - это речевая форма, во время которой на уровне слов и их значения следователь может изменить ход дальнейшего ведения дела. На уровне устного общения следователь расставляет приоритеты для получения значимой информации. В рассматриваемом контексте устной речи следователя в криминалистической литературе уделяется недостаточное внимания и не учитываются её свойства, комплекс которых может позволить решить тактические задачи в ходе допроса.

Рассмотреть такую многогранную и сложную тему в рамках этой статьи невозможно, в связи с чем мы проводим разграничение в письменном и устном информативном потоке. Общение в допросе предполагает разделение на роли, и на основании установленной законом субординации, закрепляется выявленная информация. Информационно эта которая в значительной степени влияет на дальнейшее ведение дел. Следователи и люди, участвующие в обмене информации с другой стороны проговаривают факты. Анализируют информацию. В зависимости от пола, возраста и других особенностей следователь делает предположения о возможных вариантах

ведения разговора. На основании психо-возрастных характеристик методика ведения допроса выстраивается на подходящий уровень для отвечающей стороны.

Речь следователя в ходе допроса представляет собой выстроенную композицию, последовательно передающую информацию. Следователь, как рупор передающий поток, далее это сама информация от него и дальнейшее её достижение до допрашиваемого элемента. Следователь получает информацию о состоянии допрашиваемого, что улучшает процесс. Лингвистический анализ устной речи между следователем и допрашиваемым позволяет выявить сложные взаимосвязи между участниками и обогатить понимание процесса допроса.

Следователю важно получать комплексную ответную связь, корректируя дальнейшие действия и обновлённую тактику поведения. Именно эти тонкости взаимодействия достаточно точно прослеживаются через лингвистический анализ.

Несколько слов или даже устойчивых выражений складываются в законченную мысль. Несколько предложений, складываются более в точную смысловую конструкцию. Правильно расставленные звуковые акценты. Паузы так же имеют важное психологическое значение и соединяясь в речевые такты. Логически верно выстроенная конструкция усиливает воздействие на допрашиваемого и помогает максимально правильно улавливать смысловой посыл представителя власти.

Логические паузы объединяют группы слов, связанных смыслом, и разделяют их. Например, следователь прочитал допрашиваемому выдержку из протокола допроса свидетеля сразу без остановок: «…они снабжали его деньгами своих друзей…». Без пауз непонятно, КОГО и ЧЬИМИ деньгами снабжали. Если нужна пауза после слова «ЕГО», то имеется в виду, что он был снабжён деньгами друзей, а если пауза перед словом «ЕГО», то получается, что друзья снабжали его, и мысль искажается. Понимание смысловых связей между элементами фразы помогает определить место логической паузы, чтобы слова, тесно связанные по смыслу, находились в одном речевом звене и не разделялись.

Вся речь строится вокруг центрального слова каждого речевого звена, которое является организующим центром. Другие слова данного звена дополняют и конкретизируют значение центрального слова, подчиняясь ему. Логическое ударение падает на это центральное слово, чтобы выделить его из остальных. Можно изменить силу звука, повысив или понизив его тональность, или изменить скорость произношения для достижения желаемого эффекта. Акцент на центральное звено в устной речи обычно достигается комбинацией различных методов или одним из них. Логические паузы и ударения делают речь понятной, что является важным качеством для следователя. Также важна правильная и четкая техника произношения звуков.

Любая успешная речь следователя должна быть не только информативной, но и выразительной. Эффектное воздействие через слова неизбежно присуще каждой речи, однако выразительная речь способна оказывать более сильное воздействие. Средства, используемые для достижения выразительности в речи, можно разделить на логические и эмоционально-выразительные, все они базируются на изменении интонации, придающей речи эмоциональность и выразительность. Интонация в устной речи представляет собой дополнительную семиотическую систему, которую следователь может использовать для воздействия на допрашиваемого и передачи не только информации, но и эмоционального подтекста.

Любому выражению придается особый смысл в зависимости от интонации, которая формируется контекстом и расположением слов. Интонация играет важную роль в передаче различных оттенков мысли даже при одинаковом лексическом составе и синтаксической структуре предложения. Она служит для придания речи субъективного личностного характера [5, с. 93]. Поэтому сообщение следователя, взаимодействующего с допрашиваемым, не ограничивается просто словами, поскольку это недостаточно для полной коммуникации. Набор слов может иметь различные значения в зависимости от смещения слогов и экспрессивного контекста. Это подчеркивает важность правильного использования интонации и выразительности в процессе общения. Ситуация, проявляющееся в ней отношение человек к конкретным явлениям, определяет не только слоговую перестройку, но и элементный состав сообщения следователя. К таким элементам относятся интонационные слоговые перестройки, которые несут в себе смысловую нагрузку, тем самым увеличивая объем сообщения. Писанное и печатное слово не способно с такой высокой эмоциональностью, убедительностью, проникновенностью, какая присуща устной речи, передать тончайшие оттенки мысли и чувства, что показывает главное преимущество устной речи, заключающееся в дополнительной выразительности, которую возможно придать человеческим голосом.

В ходе выполнения своих обязанностей следователь, проводя допрос в рамках расследования, стратегически подходит к процессу и уже на старте выбирает определенную тактику поведения. При этом он активно использует возможности устной речи для передачи различных сообщений. В одних случаях следователь намеренно раскрывает допрашиваемому информацию о своем внутреннем состоянии, настроении, целях и особенностях личности. В других случаях он проявляет себя более сдержанно, тщательно обдумывает свои высказывания, контролирует и подавляет проявление личных эмоций. Интересно, что при такой концентрации и строгости достигается более сильное воздействие устной речи на допрашиваемого. Отмечено, что проявление своих чувств является мощным средством привлечения внимания других, однако именно способ, которым говорящий удерживает свои эмоции, часто вызывает большее волнение у слушателя.

Главным отличием личного общения от переписки является своеобразная необратимость во времени, которое представляется в форме последовательности звуков. Переписка по-другому выражается. В ней происходит иная последовательность буквенных и зрительных символов в пространстве. Письменное сообщение представляет возможность возвращения к нему во времени и повторному прочтению, устное же, воспринимается единожды. Данные особенности требуют от субъекта расследования прибегать к повторам, с целью нивелирования последствий временной необратимости и разъяснения трудных для понимания утверждений. Слово или действие по-разному могут интерпретировать разные люди. У них могут быть разные зрительные образы и отношение к ним.

При обсуждении данной темы становится актуальным еще один аспект – умение использовать не только слова, но и невербальные выражения для передачи мыслей. В частности, пантомимические жесты, мимика и другие неязыковые средства могут играть ключевую роль в коммуникации между следователем и допрашиваемым. Уровень активности неязыковых средств существенно отражает общую культуру следователя, а также влияет на эффективность его общения. Когда такие выражения

натуральны и соответствуют контексту, они способствуют успешному взаимодействию; наоборот, их принудительное или искусственное использование может затруднить понимание и усложнить общение между участниками.

В процессе взаимодействия между следователем и допрашиваемым происходит не только целенаправленный обмен информацией с целью воздействия, но также происходит «утечка» информации в виде неконтролируемых реакций [6 с. 158]. Эта информация существенным образом передаётся через внешний облик, поведение, особенности речи и другие аспекты как следователя, так и допрашиваемого. Поэтому рекомендуется следователям, взаимодействующим с допрашиваемым в рамках допроса, тщательно контролировать своё личное поведение и речь, обращать внимание на реакции допрашиваемого. В случае уязвимого момента следует применять другие тактические приемы в устной речи для достижения поставленных целей. Однако важно понимать, что никакие проявления реакций допрашиваемого не могут служить определенным указанием на правдивость или ложность его показаний.

Солидаризируясь с замечанием Н.В. Морозовой, что «является мифом утверждение о том, что существуют заведомо безошибочные методы распознавания ложных показаний на основе «внешних проявлений лжи» в виде характерной мимики лица, покраснения, колебаний в ответах и т.д.» [7, с. 85]. Из чего следует вывод, что анализ внешних проявлений поведения допрашиваемого лица, целесообразен для использования в тактических целях, а не для «диагностики его причастности».

Для более наглядного понимания, как допрашиваемый воспринимает устное сообщение следователя, важно разобраться в его структуре. Можно рассматривать устное сообщение как совокупность темы, ее конкретного содержания, внутреннего смысла и образов, которые возникают благодаря выразительным средствам языка. Тема сообщения определяется кругом вопросов, которые нужно прояснить в ходе допроса. Она раскрывается в процессе передачи информации допрашиваемому в рамках тактичных и достаточных для достижения целей следователя объема. Зрительные, слуховые и другие образы, возникающие под влиянием языковых средств, помогают допрашиваемому четко представить суть высказывания следователя. Взаимосвязь между образами и словесным описанием позволяет допрашиваемому адекватно воспринимать информацию, передаваемую следователем.

Изучение способности восприятия устной речи представляет собой сложную задачу психологического характера, особенно когда это изучение применяется в контексте уголовного судопроизводства. Это имеет огромное значение, поскольку эффективное использование устной речи в допросах требует учета закономерностей процесса восприятия, обработки и усвоения информации, передаваемой следователем устным путем. Исследование восприятия устной речи является сложным из-за многогранных аспектов изучения самой речи и процессов ее восприятия.

Для характеристики понимания воспринятого на слух речевого сообщения следователя целесообразно соотнести этот процесс с понятиями предмета, содержания, основной мысли сообщения (часто подтекста) и интеллекта допрашиваемого, в связи с чем могут быть выделены три уровня понимания допрашиваемым переданной в речевой форме информации [8, с. 34]:

1) общее представление о предмете или основной мысли сообщения. Это самый поверхностный уровень понимания сообщения следователя, находясь на котором допрашиваемый понимает только то, о чем сообщает следователь. С психологиче-

ской точки зрения в подобной ситуации допрашиваемый имеет только смутное представление, но не понятие о содержании и внутренней мысли сообщения следователя. Зачастую это бывает, когда допрашиваемому, обладающему низким образовательным уровнем и неразвитым интеллектом, следователь сообщает в подробностях, но без должных объяснений процесс и результаты сложного экспертного исследования доказательств;

2) восприятие предметности речевого оборота, понимание внутреннего наполнения сообщения. Допрашиваемое лицо в этой ситуации понимает не только абстрактную картину образа, но и его смысловую нагрузку. Он отслеживает мыслительную последовательность изложения информации, сопоставляет излагаемые следователем факты. Такой уровень понимания свойственен лицу, обладающему высокой общей эрудицией, хотя и не имеющему знаний и навыков в специальных юридических дисциплинах.

3) понимание внутренней мысли сообщения (если она даже непосредственно и не сформулирована следователем) и раскрытие тактического замысла следователя. Для понимания внутренней мысли сообщения и для раскрытия тактических замыслов следователя допрашиваемый осуществляет мыслительные операции. Процесс этот столь быстротечен и не осознаваем, что может быть проанализирован только теоретически. Допрашиваемый, находящийся на данном уровне понимания, уясняет не только содержание сведений, заключенных в сообщении, но и его внутреннюю идею, то, ради чего следователь ему сообщает эти сведения, что желает этим достичь, а подчас и предвидит последующие действия следователя. Допрашиваемый такого уровня понимания характеризуется широким кругозором, острым природным умом либо наличием знаний в области криминалистики и уголовного судопроизводства.

Бесспорно, что наличие у допрашиваемого криминалистических навыков и умений – явление чрезвычайно редкое. Чаще ситуация раскрытия замыслов следователя допрашиваемым возникает в случаях, когда допрашиваемый широко эрудирован, обладает сильным характером, острым природным умом. Готовясь к худшему исходу противоправной деятельности, преступник заранее изучает все то, что ему может помочь в предстоящем единоборстве со следователем, и для этого бывает на судебных заседаниях, тщательно изучает книги и фильмы, раскрывающие «технологию» работы следователя. У преступников иногда находят учебники криминалистики, судебной медицины. Нетрудно догадаться для чего им понадобилась эта литература. Имели место случаи распространения среди отбывающих наказание лиц специально разработанных рецидивистами своеобразных «пособий, содержащих» советы, как готовиться к допросу еще до совершения преступления, как тянуть допрос, топя его существо в процедурной и формально-юридической стороне. Вследствие этого необходимо быть готовым к применению «контрприемов» допроса.

Естественно, нельзя провести абсолютного разграничения допрашиваемых по таким показателям, как уровень понимания сообщения следователя, однако отмеченные особенности практически необходимо учитывать, так как следователю постоянно приходится сталкиваться с людьми, имеющими различный подход к восприятию информации. Не вызывает сомнения, что подходы для допроса маргинала и человека с высшим образованием, подростка и человека пожилого возраста, психически здорового человека и с расстройством аутического спектра должны быть

разными. Именно в верном подборе механизма речевого сообщения, которое будет доступно объекту допроса по его эмоциональному и интеллектуальному уровню и окажет необходимое воспитательное воздействие, и заключается речевое мастерство следователя. Именно от понимания устной речи следователя допрашиваемым зависит ее действенность как в информативном, так и эмоциональном плане, вследствие чего восприятие является анализом и синтезом определенных средств языка: фонем, слов, слогов, предложений, интонации. Понимание, в свою очередь, выступает конечным итогом, своеобразным синтезом смысловых и сигнальных систем анализируемых средств.

Прежде всего, следователю необходимо учитывать линейный характер понимания устной речи, в которой допрашиваемого интересуют не отдельные слова и даже не отдельные фразы, а смысл сообщения следователя в целом. Воспринимая речь следователя, допрашиваемый не акцентирует внимание на каждой отдельно взятой фразе, а пытается уловить смысловую нагрузку общего объема информации, логически соединяя контекст предыдущей фразы с последующей. Данный факт лежит в основе возможностей человеческой памяти, удерживающей всю накопленную информацию. Процесс понимания устной речи допрашиваемым не есть зеркальное отражение речи следователя, прежде всего, в виду селективного характера восприятия, а также в результате потерь информации из-за «помех» и «шумов» различного рода. На понимание устного сообщения оказывает положительное влияние установка допрашиваемого на общение, наличие психологического контакта, внимание, отсутствие в речи следователя непонятных слов и фраз, достаточно медленный темп речи, грамматически правильное построение сообщения, использование лексико-фразеологических и логико-эмоциональных средств выразительности [9, с. 70].

В силу того, что уровни восприятия тесно связаны с чувственным мышлением, конечный образ зачастую преобразуется во время его поступления и в результате его переосмысливания через призму необходимого вектора. Как итог, в завершающем этапе восприятия присутствуют как элементы первоначального «оригинала», так и результат обдумывания, в котором произошли неизбежные процессы деления информации на главную и периферийную, явления подверглись конкретизации или обобщению и т.д. Подобная замена образа представляется как логическое следствие переосмысления речевого восприятия.

Резюмируя сказанное, отметим, что особенностью речевого восприятия является более четкое и ясное понимание той информации, которая подается в самом начале повествования или завершает его. В психологическом сообществе данное правило восприятия имеет термин «закон края» или «закон первого и последнего места», при котором происходит воздействие на допрашиваемого информацией, излагаемой в середине сообщения и ее необходимо подавать в эмоционально окрашенной форме, соотносить ее с моментами наивысших эмоциональных состояний допрашиваемого.

Список литературы:

1. Гулакова И.И., Дарсалия Л.Д. Влияние невербального общения на успешную коммуникацию // В сборнике: Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики в контексте межкультурной коммуникации. Материалы I Всероссийской научно-практической онлайн-конференции. Под редакцией О.Ю. Ивановой. Орел, 2021. С. 386-391.

2. Гулакова И.И. Прагмалингвистический анализ речевого поведения в конфликтной ситуации // В сборнике: Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение. материалы II Международной научно-практической конференции: памяти профессора кафедры английской филологии Ф.А. Литвина. 2017. С. 296-298.

3. Гулакова И.И., Чаплыгина В.Н. К вопросу о речевой культуре следователя при составлении процессуальных документов // В сборнике: Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью. Всероссийская научно-практическая конференция. Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова; Редколлегия: А.В. Булыжкин и др., 2015. С. 139-143.
4. Гулакова И.И., Чаплыгина В.Н. К вопросу о невозможности переноса некоторых расхожих слов и выражений в приговор из обвинительного заключения // В сборнике: Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью. Всероссийская научно-практическая конференция. Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова. Орел. 2018. С. 59-62.
5. Харламова Н.Д., Бадиков Д.А. Тактические аспекты применения приемов психологического воздействия при производстве допроса и очной ставки // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2019. № 2 (79) С. 92-95
6. Морозова Н.В. Некоторые тактические аспекты проведения допроса при расследовании преступлений против личности // Государственная служба и кадры. 2021. № 3. С. 157-158.
7. Морозова Н.В. Некоторые особенности проведения допроса при расследовании страхового мошенничества // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2019. № 1 (78). С. 83-86.
8. Калюжный А.Н., Чаплыгина В.Н. Производство допроса: процессуальные основы и тактические особенности // Адвокатская практика. 2015. № 5. С. 33-38.

Gulakova I.I., Khovavko S.M. Investigator's oral speech during interrogation as a means of realising his tactical techniques // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 340-346.

This article considers communicative features of interrogation at the stage of preliminary investigation. The main investigative action aimed at verbal communication is interrogation. Thus, the activity of the investigator on the investigation of a criminal case is mainly based on his communicative skills, and is organised by the type of 'human-to-human', in this regard, the requirements imposed on the culture of his speech, directly affect the quality of performance of the tasks assigned to the subject of investigation. The authors substantiate the importance of speech culture of the investigator as a necessary condition for legally competent drafting of procedural documents. Thus the detailed analysis is carried out and the shortcomings revealed in activity of the subject of investigation are described, that allows to draw a conclusion about necessity of their elimination, and will demand dynamic formation of culture of professional speech of the investigator and its development in the process of investigative practice. In the work the author's vision of ways to resolve these aspects is presented.

Key words: investigator, interrogation, oral speech, speech culture, legal literacy, tactical technique.

Spisok literatury:

1. Gulakova I.I., Darsaliya L.D. Vliyanie neverbal'nogo obshcheniya na uspeshnuyu kommunikaciyu // V sbornike: Aktual'nye voprosy lingvistiki i lingvodidaktiki v kontekste mezhkul'turnoj kommunikacii. Materialy I Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj onlajn-konferencii. Pod redakciej O.YU. Ivanovoj. Orel, 2021. S. 386-391.
2. Gulakova I.I. Pragmalingvisticheskij analiz rechevogo povedeniya v konfliktnoj situacii // V sbornike: YAzyk. Kul'tura. Kommunikaciya: izuchenie i obuchenie. materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii: pamyati professora kafedry anglijskoj filologii F.A. Litvina. 2017. S. 296-298.
3. Gulakova I.I., CHaplygina V.N. K voprosu o rechevoj kul'ture sledovatelya pri sostavlenii processual'nyh dokumentov // V sbornike: Ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie problemy bor'by s prestupnost'yu. Vserossijskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya. Orlovskij yuridicheskij institut MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova; Redkollegiya: A.V. Bulyzhkin i dr., 2015. S. 139-143.
4. Gulakova I.I., CHaplygina V.N. K voprosu o nevozmozhnosti perenosa nekotoryh raskhozhih slov i vyrazhenij v prigovor iz obvinitel'nogo zaklyucheniya // V sbornike: Ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie problemy bor'by s prestupnost'yu. Vserossijskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya. Orlovskij yuridicheskij institut MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova. Orel. 2018. S. 59-62.
5. Harlamova N.D., Badikov D.A. Takticheskie aspekty primeneniya priemov psihologicheskogo vozdejstviya pri proizvodstve doprosa i ochnoj stavki // Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova. 2019. № 2 (79) S. 92-95
6. Morozova N.V. Nekotorye takticheskie aspekty provedeniya doprosa pri rassledovanii prestuplenij protiv lichnosti // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2021. № 3. S. 157-158.
7. Morozova N.V. Nekotorye osobennosti provedeniya doprosa pri rassledovanii strahovogo moshennichestva // Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova. 2019. № 1 (78). S. 83-86.
8. Kalyuzhnyj A.N., CHaplygina V.N. Proizvodstvo doprosa: processual'nye osnovy i takticheskie osobennosti // Advokatskaya praktika. 2015. № 5. S. 33-38.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 347–352.

УДК 343.721

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДИСТАНЦИОННЫЕ ХИЩЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНОЛОГИИ «ДИПФЕЙК»

Евтушенко И. И.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Рассматриваются вопросы уголовно-правового противодействия мошенничествам, совершаемым с помощью технологий искусственного интеллекта, цифровой обработки информации и ее последующей подмены, так называемые технологии DeepFake. Обращено внимание, что все чаще злоумышленники получают полную информацию о человеке, его персональных данных путем неправомерного доступа к ним. На основе зарубежного опыта противодействия DeepFake анализируются законодательные инициативы в России о введении новых составов преступлений или дополнении уже имеющихся составов преступлений новыми квалифицирующими признаками, связанными с незаконным оборотом персональных данных граждан. Автор предлагает ввести концептуальное понятие дистанционного хищения без деления его на формы, так как при дистанционном способе виктимации потерпевшего криминообразующим фактором является именно способ виктимации, а не способ изъятия имущества. Введение в УК РФ особенного вида – дистанционного хищения как раз должно учесть особенности получения информации о человеке в качестве квалифицирующего признака и ее подмены для введения потерпевшего в заблуждение.

Ключевые слова: дистанционное хищение, дистанционные мошенничества, дистанционная кража, дипфейк, персональные данные, компьютерная информация, преступления, совершаемые с помощью ИТТ.

Последнее время все большее распространение получают ситуации виктимации потерпевших через звонки и сообщения в социальных сетях и различных мессенджерах. И если еще несколько лет назад мошенники использовали методы массовой рассылки или случайного обзвона, то сейчас их общение с жертвой становится все более персонифицированным, тщательно подготовленным.

Преступники собирают, обрабатывают и затем используют большие массивы персональных данных о потерпевших, получаемые ими как из открытых источников – официальных аккаунтов организаций, предприятий, органов власти, так и неправомерно – из распространяемых «украденных» баз данных как частных организаций (служб доставки, такси, банков и т.п.), так и органов государственной власти (миграционного учета, ГАИ, Росреестра и т.д.), социальных учреждений (больниц, поликлиник, образовательных организаций). Поскольку у преступного мира высок спрос на любые персональные данные о людях, всегда будут находиться как технические уязвимости в защите баз данных, так и прямой подкуп уполномоченных сотрудников. Сами потерпевшие зачастую невольно помогают злоумышленникам собирать о себе информацию – в социальных сетях, в самих мессенджерах активно раскрывают информацию о себе, публикуют общедоступные истории, номера телефон, даты рождения, семейное положение. Таким образом, информация о каждом человеке может быть собрана без использования специальных познаний в компьютерных технологиях.

Но особое беспокойство у общества и профессиональных участников рынка информационных услуг вызывает все большее проникновение в нашу повседневную

жизнь технологий искусственного интеллекта, цифровой обработки информации и ее последующей подмены, так называемые технологии DeepFake, когда с помощью новейших программных средств искусственный интеллект подменяет один голос, лицо на другие, или даже фальсифицирует потоковое видео.

Технология DeepFake – это способ цифровой обработки информации с использованием технологий искусственного интеллекта в результате которого исходные файлы фото, видео или аудио подвергаются изменению, зачастую фальсифицируются без согласия и даже ведома как правообладателя, так и участников.

Как отмечают авторы исследования, проведенного в 2019 г. – 90-95% всех дипфейков создаются без согласия правообладателя и это были случаи фальсификации интимных изображения женщин [1]. И если еще 5-10 лет назад для использования данной технологии требовались глубокие познания в области компьютерных технологий и наличие специального профессионального программного обеспечения, то на сегодняшний день программистами создана масса готовых мини-программ, использующих технологию искусственного интеллекта для обработки небольших видео. Поэтому сегодня создание и распространение фальшивых изображений приняло массовый характер. Однако на практике возникают вопросы: как отличить оригинальные продукты от подделок? Как отличить дипфек, созданный правомерно правообладателем или с его согласия от неправомерного? Этот вопрос интересует и многих ученых [2, с. 215-240], как криминологов, так и криминалистов.

Исследователи отмечают два вектора развития права в сфере правового регулирования использовании технологии подмены личности, по которому пошли мировые державы. При этом следует различать два аспекта правого регулирования использования данной технологии: гражданско-правовой и уголовно-правовой.

В целом следует отметить, что развитие правового регулирования в сфере применения технологии искусственного интеллекта идет по пути разработки правовых рамок его использования. Соответственно, любое противоправное применение данной технологии должно быть запрещенным.

В сфере уголовно-правового регулирования, все больше юристов и руководителей федеральных органов власти обращают внимание на необходимость разработки эффективных механизмов противодействия противоправному использованию дипфейков и защиты прав добросовестных граждан, организаций, государства от преступных посягательств. Так, в частности, в России на государственном уровне в декабре 2023 г. по итогам прошедшей стратегической сессии, посвященной нацпроекту «Экономика данных» было принято решение о создании цифровой платформы для обнаружения дипфейков, созданных с помощью технологий искусственного интеллекта [3]. Однако эта платформа не сможет защитить обычных граждан от потокового поддельного аудио- или видео-звонка через мессенджеры, которые часто используют преступники в своих целях.

В США был предложен законопроект о введении уголовной ответственности за создание и использование технологии Дипфейк без согласия изображаемых лиц. В Китае же данную технологию посчитали полезной и обязали правообладателей наносить на изображение специальную маркировку, а ее отсутствие влечет существенные штрафы как для создателя дипфейка, так и цифровой платформы, его разместившей [4, с. 91-104].

В России в части установления уголовной ответственности за создание и использование дипфейков одновременно реализуются две стратегии противодействия преступности: и введение в УК РФ самостоятельного состава преступления, и дополнение уже существующих квалифицирующими признаками, усиливающими наказуемость деяний, совершенных с использованием дипфейков.

Первая стратегия подвергается критике из-за возможной конкуренции и дублирования норм, например, со ст. 146 УК РФ в части присвоения авторства или неправомерного использования произведения автора. Возникнут и другие примеры двойного вменения [5, с. 76-83]. Однако это не мешает Пленуму Верховного Суда РФ рекомендовать осуществлять двойное вменение по ст. 272 и 159.6 УК РФ в случаях компьютерного мошенничества. Именно поэтому в Государственной Думе РФ еще в декабре 2023 г. прошел первое чтение законопроект о введении новой статьи 272^1 в УК РФ, предусматривающий ответственность «за использование и (или) передачу (распространение, предоставление, доступ), сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, полученной путем неправомерного доступа к средствам ее обработки, хранения или иного вмешательства в их функционирование, либо иным незаконным путем, а также за создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для незаконного хранения и (или) распространения персональных данных» [6]. Ко второму чтению рекомендовано учесть замечания, высказанные в официальных отзывах ВС РФ и Правительства РФ в части разграничения с административной ответственностью. Кроме того, у нас возникают вопросы и о конкуренции со ст. 272 УК РФ, где предметом уголовно-правовой охраны также могут быть персональные данные в цифровом виде, которые являются охраняемой законом компьютерной информацией.

Вторая стратегия была реализована в виде законопроекта об ужесточении ответственности для уже существующих составов преступлений путем дополнения их квалифицирующим признаком «с использованием изображения или голоса (в том числе фальсифицированных или искусственно созданных) потерпевшего или иного лица, а равно с использованием биометрических персональных данных потерпевшего или иного лица», который был принят к рассмотрению Государственной Думой РФ 16.09.2024 г. [7, с. 76-83]. Однако на представленный законопроект были получены отрицательные заключения как ВС РФ, так и Правительства РФ. В частности, отмечено, что из пояснительной записки законопроекта не следует, чем использование технологии подмены личности при совершении мошеннического обмана повышает общественную опасность совершаемого преступления, и почему другие, более тяжкие преступления террористического характера или экстремисткой направленности не предлагается дополняться таким же квалифицирующим признаком.

Следует отметить, что в настоящее время положения уголовного законодательства о защите личной тайны, охраняемой компьютерной информации и положения федерального закона о защите персональных данных не согласованы между собой. Е.В. Хохолова в своем диссертационном исследовании отмечает, что данные понятия пересекаются, но не совпадают, различаясь режимом правовой охраны. Так, «персональные данные могут находиться в режиме конфиденциальности (ограниченного доступа) или доступной информации (общедоступной)». При чем, их общедоступность должна исключать уголовную ответственность за их собирание или распространение. И соответственно, предлагает «ввести в научный оборот опреде-

ление неприкосновенности персональных данных» [8, с. 13-14] как самостоятельного права человека. Полагаем, что предложение Е.В. Хохоловой о дополнении УК РФ новым составом преступлений в виде ст. 137^1 УК РФ «Нарушение неприкосновенности персональных данных» в главе «Преступления против конституционных прав и свобод граждан» более обоснованы, чем рассмотренный уже в Государственной Думе законопроект о введении новой ст. 272^1 УК РФ в главу «Преступления против компьютерной информации», поскольку определяющим для квалификации являются особенности предмета посягательства – персональные данные о человеке, не находящиеся в открытом доступе, а объектом – его право на личную неприкосновенность, а не способ их изъятия или форма записи этих сведений – в цифровом виде.

При криминализации деяний в УК РФ определяющими могут быть разные признаки состава преступления. И тут важно в первую очередь определиться с объектом посягательства: что защищает государство? Личную тайну о человеке? Собственность? Компьютерную информацию о человеке или его собственности? Полагаем, что внесение изменений в УК РФ последних лет нарушило систему и принципы криминализации деяний, о чем не раз говорили авторитетные ученые. В настоящий момент мы имеем различные составы преступлений, пересекающиеся между собой, но имеющие различные объекты посягательства. И поскольку эти объекты разные, то необходимой квалифицировать такие деяния по совокупности, например, ст. 159^6 и 272 УК РФ, или 137 и 272 УК РФ. Но при дистанционных хищениях мы будем квалифицировать не только дважды за одно, но и трижды: по ст.ст. 272^1, 143^1 и 159 (альтернативно ст. 158) УК РФ. Такое положение нельзя признать допустимым.

Как отмечает МВД России, «почти две трети преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (70,2%) совершается путем кражи или мошенничества: 475,3 тыс.». А за 8 месяцев 2024 г. доля преступлений, совершенных с использованием ИТТ возросла с 32,9% в январе-августе 2023 г. до 39,2% [9]. Учитывая степень распространенности дистанционных хищений, а их число по статистике за 2023 год возросло на 28%, необходимо в целом усилить уголовную ответственность за такие хищения. Дистанционный способ изъятия ценностей гражданина учтен законодателем как квалифицирующий признак в п. «г» ч.3 ст. 158, ст. 159^1 и ст. 159^6 УК РФ и, соответственно, влекущий более строгое наказание. И при этом Верховный Суд РФ полагает возможным дополнительное вменение статей 272 или 273 УК РФ. Т.е., особенности способа изъятия имущества фактически дважды учитываются при квалификации и влекут еще более строгое наказание по совокупности преступлений, что является прямым нарушением международного принципа справедливости – «не дважды за одно».

Потерпевшему, государству, да и правоприменителю, по сути, нет разницы, по какой статье уголовного закона будут квалифицированы действия мошенников: как кража или как собственно мошенничество. Поэтому считаем целесообразным вместо введения новых квалифицирующих признаков в составы преступлений против собственности, ввести концептуальное понятие дистанционного хищения без деления его на формы (кража, мошенничество, вымогательство), так как при дистанционном способе виктимации потерпевшего криминообразующим фактором является

именно способ виктимации, а не способ изъятия имущества. Дистанционный способ изъятия имущества не повышает степень общественной опасности самого преступления, а значительно затрудняет раскрываемость этих преступлений (так, по итогам 2023 года по главе 28 УК РФ раскрываемость оказалась чуть выше 6%, а по дистанционным мошенничествам – 10%!!!). Вместе с тем введение в УК РФ особенного вида – дистанционного хищения как раз должно учесть особенности получения персональных данных о человеке в качестве квалифицирующего признака и подмены информации для введения потерпевшего в заблуждение.

Как мы отмечали ранее, дистанционные хищения независимо от способа изъятия имущества, объединяют несколько существенных особенностей: изъятие денежных средств совершается в условиях неочевидности, когда преступник и потерпевший не видят друг друга и, как правило, незнакомы; преступник находится, как правило, в другом субъекте РФ и даже за пределами РФ; такие преступления носят организованный, тщательно подготовленный характер, позволяющий вовлечь неопределенно большой круг потерпевших, в том числе путем неправомерного завладения базами персональных данных граждан, используя современное программное обеспечение, новейшие технические разработки и устройства; предметом таких преступлений выступают только денежные средства, которые обезличены, могут быть переданы преступнику как в безналичной, так и наличной форме; потерпевший в момент изъятия денежных средств с его счета вообще не осознает факта хищения [10, с. 65-67].

Все вышеуказанные признаки позволяют выделить дистанционные хищения в особую криминологически значимую группу, в которую должны входить и кражи, и мошенничества, и вымогательства, совершенные с применением информационно-телекоммуникационных технологий. Соответственно, и меры противодействия таким хищениям должны быть общими, учитывающими не столько способ изъятия денежных средств, сколько способ виктимации потерпевших.

Что касается введения новых составов преступлений – статей 143^1 и 272^1 в УК РФ, то этот вопрос требует еще более детального изучения на предмет исключения двойного или тройного вменения совместно с преступлениями против собственности.

Список литературы:

1. Simonite T. Most Deepfakes are Porn, and They’re Multiplying Fast // URL:: https://www.wired.com/story/most-deepfakes-porn-multiplying-fast/ (дата обращения: 20.09.2024)
2. Виноградов В.А., Кузнецова Д.В. Зарубежный опыт правового регулирования технологии «дипфейк» // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. – Том 17. – № 2. С. 215–240.
3. Арялина М. Минцифры планирует создать систему для выявления дипфейков // URL:: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2024/03/21/1026954-mintsifri-planiruet-sozdat-sistemu-dlya-viyavleniya-dipfeikov?utm_campaign=vedomosti_public&utm_content=1026954-mintsifri-planiruet-sozdat-sistemu-dlya-viyavleniya-dipfeikov&utm_medium=social&utm_source=telegram_ved (дата обращения: 20.09.2024)
4. Дремлюга Р.И., Моисейцев В.В., Парин Д.В., Романова Л.И. Национальное правовое регулирование использования и распространения реалистичных аудиовизуальных поддельных материалов (deepfake): опыт Китая //Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. – Т. 24. – № 4. С. 91–104.
5. Ситник В.Н./ Перспективы установления уголовной ответственности за преступления, совершенные с использованием технологии дипфейк// Уральский журнал правовых исследований. – 2022. – № 3. С. 76–83.
6. Законопроект № 502113-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части установления ответственности за незаконные использование и передачу, сбор и хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные)» // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/502113-8 (дата обращения: 20.09.2024)

7. Законопроект № 718538-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части установления уголовной ответственности за совершение преступлений с использованием технологий подмены личности)» // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8#bh_histras (дата обращения: 20.09.2024)
8. Хохлова Е.В. Незаконные действия с персональными данными: уголовно-правовое исследование специальность 5.1.4 «Уголовно-правовые науки»: автореф. дис. … канд. юрид. наук. / Хохлова Елена Васильевна. – Саратов, 2024. – 26 с. – Текст: непосредственный.
9. Состояние преступности в РФ за январь-декабрь 2023 г.// URL: https://мвд.рф/ (дата обращения: 20.09.2024)
10. Евтушенко, И. И. Дистанционные хищения: понятие и признаки / И. И. Евтушенко, А. А. Венедиктов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 12-2. – С. 65-67.

Evtushenko I.I. On the issue of criminal liability for remote theft committed using deepfake technology // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 347–352.

The issues of criminal law counteraction to fraud committed with the help of artificial intelligence technologies, digital information processing and its subsequent substitution, the so-called DeepFake technologies, are considered. Attention is drawn to the fact that more and more often intruders receive complete information about a person and his personal data through unauthorized access to them. Based on the foreign experience of countering DeepFake, legislative initiatives in Russia on the introduction of new elements of crimes or the addition of existing elements of crimes with new qualifying signs related to the illegal trafficking of personal data of citizens are analyzed. The author proposes to introduce the conceptual concept of remote theft without dividing it into forms, since with the remote method of victimization of the victim, the criminalizing factor is precisely the method of victimization, and not the method of seizure of property. The introduction of a special type of remote theft into the Criminal Code of the Russian Federation should take into account the peculiarities of obtaining information about a person as a qualifying feature and its substitution for misleading the victim

Keywords: remote theft, remote fraud, remote theft, deepfake, personal data, computer information, crimes committed with the help of ITT.

Spisok literatury:

1. Simonite T. Most Deepfakes are Porn, and They’re Multiplying Fast // URL:: https://www.wired.com/story/most-deepfakes-porn-multiplying-fast/ (data obrashheniya: 20.09.2024)
2. Vinogradov V.A., Kuzneczova D.V. Zarubezhny`j opy`t pravovogo regulirovaniya texnologii «dipfejk» // Pravo. Zhurnal Vy`sshej shkoly` e`konomiki. 2024. – Tom 17. – № 2. S. 215–240.
3. Aryalina M. Mincifry` planiruet sozdat` sistemu dlya vy`yavleniya dipfejkov // URL:: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2024/03/21/1026954-mintsifri-planiruet-sozdat-sistemu-dlya-viyavleniya-dipfeikov?utm_campaign=vedomosti_public&utm_content=1026954-mintsifri-planiruet-sozdat-sistemu-dlya-viyavleniya-dipfeikov&utm_medium=social&utm_source=telegram_ved (data obrashheniya: 20.09.2024)
4. Dremlyuga R.I., Moisejcev V.V., Parin D.V., Romanova L.I. Nacional`noe pravovoe regulirovanie ispol`zovaniya i rasprostraneniya realistichny`x audiovizual`ny`x poddel`ny`x materialov (deepfake): opy`t Kitaya //Aziatsko-Tixookeanskij region: e`konomika, politika, pravo. 2022. – T. 24. – № 4. S. 91–104.
5. Sitnik V.N. Perspektivy` ustanovleniya ugolovnoj otvetstvennosti za prestupleniya, sovershenny`e s ispol`zovaniem texnologii dipfejk// Ural`skij zhurnal pravovy`x issledovanij. – 2022. – № 3. S. 76–83.
6. Zakonoproekt № 502113-8 «O vnesenii izmenenij v Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii (v chasti ustanovleniya otvetstvennosti za nezakonny`e ispol`zovanie i peredachu, sbor i xranenie komp`yuternoj informacii, soderzhashhej personal`ny`e danny`e)». – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/502113-8 (data obrashheniya: 20.09.2024)
7. Zakonoproekt № 718538-8 «O vnesenii izmenenij v Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii (v chasti ustanovleniya ugolovnoj otvetstvennosti za sovershenie prestuplenij s ispol`zovaniem texnologij podmeny` lichnosti)» // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8#bh_histras (data obrashheniya: 20.09.2024)
8. Xoxlova E.V. Nezakonny`e dejstviya s personal`ny`mi danny`mi: ugolovno-pravovoe issledovanie special`nost` 5.1.4 «Ugolovno-pravovy`e nauki»: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk / Xoxlova Elena Vasil`evna. – Saratov, 2024. – 26 s. – Tekst: neposredstvenny`j.
9. Sostoyanie prestupnosti v RF za yanvar`-dekabr` 2023 g. – URL: https://mvd.rf/ (data obrashheniya: 20.09.2024)
10. Evtushenko, I. I. Distancionny`e xishheniya: ponyatie i priznaki / I. I. Evtushenko, A. A. Venediktov // Gumanitarny`e, social`no-e`konomicheskie i obshhestvenny`e nauki. – 2020. – № 12-2. – S. 65-67.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 353–361.

УДК 343

КРИМИНАЛЬНЫЙ ПРОМЫСЕЛ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ «АВТОМОБИЛЬНЫХ» ВОРОВ В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Зарубина К. А.[1]
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

В настоящем исследовании рассмотрены вопросы зарождения криминального промысла «автомобильных» воров в России и его современное состояние. Определено, что средство передвижения всегда представляло особую ценность в обществе и воспринималось, как объект преступного посягательства. В дореволюционный период таким средством передвижения была лошадь, а криминальный промысел, связанный с хищениями лошадей на профессиональной основе, именовался конокрадством. Однако с развитием автомобильной промышленности и массовым распространением автомобиля среди населения в советский период уже не лошадь, а автомобиль становится одним из «привлекательных» объектов для преступного посягательства. Установлено, что в поздний советский период кражи автомобилей превращаются в устойчивый криминальный промысел, хотя настоящего расцвета это криминальное «ремесло» достигает в современности. Определено, что современный профессиональный «автомобильный» вор представляет из себя высоко квалифицированного специалиста, который постоянно совершенствует свои преступные умения и навыки и стремится достигнуть значительного материального обогащения за счёт совершения хищений авто, однако современные меры противодействия этому опасному преступному промыслу требуют модернизации. Для решения данной проблемы в работе приведены некоторые предложения по совершенствованию мер борьбы с промыслом профессиональных «автомобильных» воров.

Ключевые слова: «автомобильный» вор, профессиональная преступность, криминальный профессионализм, криминальная специализация, меры противодействия преступности, кража автомобиля, угон автомобиля, автомобиль, криминальный промысел.

В дореволюционный период в России основным средством передвижения была лошадь, обладание которой особо высоко ценилось в обществе. Её считали живым сельскохозяйственным инвентарём и мерилом богатства. По данным военно-конской переписи в конце XIX в. в европейской части России насчитывалось более 12 млн. лошадей [1, с. 138–141], а российское государство по численности лошадей в хозяйствах среди европейских стран стабильно занимало первое место [2, с. 13–23]. При этом, естественно, это движимое имущество на протяжении всего периода развития российского государства было одним из самых «привлекательных» объектов для преступного посягательства, ввиду чего к концу XIX – началу XX в. эта преступная деятельность превратилась в устойчивый криминальный промысел, именуемый конокрадством, за занятие которым в соответствии с нормами действующего в этот период уголовного законодательства предусматривалась высокая степень ответственности [3, с. 61–65]. Однако научно-технический прогресс, изобретение автомобиля и его использование, как основного средства передвижения большей частью населения, внесли некоторые коррективы в развитие данного криминального промысла. Конокрадство, как особо опасное устойчивое криминальное явление, постепенно сошло на нет, в то время, как хищение автомобилей, как ос-

[1] **Финансирование.** Публикация подготовлена в рамках выполнений государственного задания на 2024 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (номер 085102020-0033).

новного средства передвижения населения, реализуемое на постоянной основе, со временем превратилось в новое преступное «ремесло».

Первый отечественный автомобиль в России был собран в 1896 г. Согласно официальным статистическим сведениям, в 1910 г. в губерниях Российской империи всего насчитывалось 3,5 тыс. автомобилей, а в 1917 г. – 12 тыс. [4, с. 226–228], в то время как в США в 1919 г. всего было зарегистрировано 7,5 млн. автомашин [5, с. 183]. Так, в дореволюционный период автомобиль, цитируя советских киногероев был, скорее, роскошью, чем средством передвижения, в связи с чем объектом преступного посягательства в это время он не являлся.

Действительно, массовое распространение автомобилей среди населения произошло в советский период. Так, в 1940 г. в СССР, согласно сохранившимся сведениям, было произведено 145,4 тыс. автомобилей, в 1953 г. – 354 тыс., 1958 г. – 511 тыс., в 1962 г. – 577,5 тыс., в 1963 г. – 587 тыс. [6, с. 81], в 1970 г. – 916,1 тыс. [7, с. 83], в 1980 г. – 2 199 тыс. [8, с. 103], в 1991 г. – 2 119 тыс. [9, с. 210] Как видим, начиная с 1970 г. в СССР отмечен резкий рост автомобилестроения, что сделало автомобиль более доступным средством передвижения для советских граждан, что, в свою очередь, определило автомобиль в качестве «привлекательного» объекта для преступных посягательств.

Впервые в отечественном уголовном законодательстве в качестве самостоятельной уголовно-правовой нормы угон автомототранспортного средства появляется в 1965 г. после внесения соответствующих изменений в УК РСФСР 1960 г. (Указ Президиума ВС РСФСР от 03.07.1965) [10]. Ст. 212.1 УК РСФСР 1960 г. предусматривала ответственность за угон автомототранспортных средств или других самоходных машин без цели хищения. Хищение автомобилей, в свою очередь, квалифицировалось по ст. 144 (Кража – тайное хищение чужого имущества) УК РСФСР 1960 г. [11]

Отметим, что ст. 212.1 УК РСФСР 1960 г. с изменениями действовала вплоть до середины 1994 г., когда Федеральным законом от 01.07.1994 № 10-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» эта норма была исключена и фактически заменена ст.148.1, предусматривающей привлечение к уголовной ответственности за неправомерное завладение транспортным средством, лошадью или иным ценным имуществом без цели хищения [12].

Так, в 1965 г. советский законодатель впервые разграничил угон без цели хищения автомобилей и хищение авто, квалифицируемое по составу преступления – кража, определяя более высокую степень общественной опасности для кражи (в основных составах за кражу по УК РСФСР 1960 г. предусматривалось наказание до 3-х лет лишения свободы, а за угон – до 1 года). Так, уже в советское время законодатель различал корыстную и некорыстную цели неправомерного завладения автомобилем, что особо выделяло «автомобильных» воров в числе лиц, угоняющих авто для «заработка» на нём.

Отметим, что указанная законодательная новелла объяснялась напряжением криминогенной ситуацией в СССР в соответствующей сфере. Так, основываясь на данных судебной практики, исследователь В.В. Лунеев справедливо подчёркивает, что именно в период с 1967 г. по 1990 г. в СССР отмечен значительный рост краж автомобилей (их количество увеличилось в 27,4 раза). Однако основной рост при-

шёлся на последние 3 года [13, с. 419] – на период, когда преступная деятельность «авто воров» стала приобретать «профессиональные» черты.

Исследователь А.И. Гуров также справедливо отмечает, что если в конце 1960-х гг. этот вид краж характеризовался лишь отдельными элементами профессионализма, то в конце 1980-х гг. – начале 1990-х гг. он превратился в настоящую воровскую специальность. Ввиду этого учёный выделял следующие основные узкие криминальные специализации советских «авто воров»: угонщик машины; лицо, занимающееся техническим переоборудованием и «камуфляжем» авто; «подделыватель документов» для продажи автомобиля; сбытчик похищенного автомобиля; перегонщик автомашины [14].

Так, именно в поздний советский период занятие автомобильным кражами стало приобретать признаки профессионального криминального промысла. Однако, действительный, расцвет криминального профессионализма «автомобильных» воров произошёл после распада СССР, когда командно-административная система хозяйствования была окончательно заменена рыночной системой экономических отношений, позволяющей физическим лицам самостоятельно вести экономическую деятельности и более свободно осуществлять купле-продажу различных товаров, в том числе и автомобилей, что в советское время было крайне затруднено.

В подтверждение этому укажем, что именно в современный период развития российского государства в деятельности «автомобильных» воров стали обнаруживаться все признаки криминального профессионализма.

Во-первых, у постсоветских «автомобильных» воров отмечается узкая криминальная специализация и высокая преступная квалификация. Так, по справедливому замечанию отдельных исследователей, многие преступники-профессионалы стали специализироваться на кражах автомобилей определённых марок. Такая криминальная специализация необходима для того, чтобы хищение автомобиля прошло «успешно». Для этого «профессионалам» необходимо в совершенстве знать строение этих машин, а также особенности работы защитных систем автомобилей разных марок. Кроме того, во время хищения преступники используют современное техническое оборудование, например, специальные устройства, блокирующие любые радиосигналы, производимые защитными автомобильными системами, сканеры, позволяющие распознать «цифровой ключ» в момент, когда владелец автомобиля дистанционно включает охранную сигнализацию и многое другое [15, с. 170–175].

Следующий важнейший признак криминального профессионализма – это восприятие преступной деятельности, как средства для извлечения дохода. В связи с этим отметим, что, согласно статистике, автомашины, похищенные путём кражи, в 46,1 % случаях продаются [16, с. 204–217], а в 32,7 % случаев похищенный автомобиль разбирается на запчасти, которые впоследствии также продаются. Это, в свою очередь, указывает на особую корыстную ориентацию данной разновидности преступной деятельности.

Кроме того, отметим, что для достижения цели материального обогащения на постоянной основе отмечается активное «проникновение» преступников-профессионалов, осуществляющих хищения автомобилей на постоянной основе, в организованные преступные формирования. Так, сегодня нередки ситуации, когда руководители организованных преступных группировок (далее – ОПГ) «нанимают» профессиональных автоугонщиков для выполнения части «преступных обязанно-

стей» криминальной группировки. Другие члены, в свою очередь, занимаются «перебивкой номеров», третьи – подготовкой необходимых для продажи автомашин документов, а четвёртые – «сбывают» краденые авто на рынке [17, с. 186–190]. Таким образом реализуется преступная «схема», в которую надёжно «встраиваются» профессиональные «автомобильные» воры. Кроме того, в результате реализации таких криминальных «схем» в деятельности профессиональных «авто воров» обнаруживается ещё один признак криминального профессионализма – наличие у лица связей с преступной средой.

В качестве примера приведём деятельность организованной преступной группировки, члены которой были осуждены Приговором № 1-198/2023 1-5/2024 от 25 января 2024 г. Елецкого городского суда за совершение 4 преступлений, предусмотренных п. «а, в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, п. «в» ч.3 ст. 158 УК РФ, п. «а, в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, п. «а, в» ч.2 ст. 158 УК РФ. Согласно материалам следствия, в действиях членов преступного формирования обнаруживались специальные криминальные умения и навыки. Например, для совершения преступлений гражданин Н. – член преступной группы – использовал специально изготовленный металлический предмет, предназначенный для проникновения в салон автомашин и запуска их двигателей, с помощью которого лицу удалось похитить сразу несколько автомобилей. При этом члены преступного формирования специализировались исключительно на кражах отечественных автотранспортных средств, вступив в преступный сговор для получения значительной материальной выгоды [18].

Другой пример – деятельность преступной группировки, промышляющей автомобильными кражами в 2020 г. на территории муниципальных образований Свердловской области и Пермского края. Так, ранее судимый гражданин В., преследуя цель незаконного личного обогащения, имея специальные технические устройства для безключевого доступа и запуска двигателей автомобилей, а также различные специальные приспособления, предназначенные для вскрытия автомобильных замков и запуска двигателей автомашин, обладая специальными знаниями об устройстве автомобилей, навыками безключевого доступа в автомобили иностранного производства, создал преступную группу с целью совершения краж дорогостоящих автомобилей иностранного производства и значительного материального обогащения. Для достижения преступной цели профессиональный «автомобильный» вор привлёк двух лиц, имеющих связи на автомобильном рынке для организации работы по купли-продажи краденных автомобилей, а также других участников преступной группы для выполнения иных «обязанностей». В результате ими было совершено несколько хищений автомобилей с дальнейшей их перепродажей и получением материальной прибыли, в то время как деятельность организатора преступного формирования имела ярко выраженную профессиональную криминальную направленность [19].

Так, соглашаясь с мнением некоторых исследователей, отметим, что современный профессиональный «автомобильный» вор – это достаточно грамотный, хорошо технически вооруженный «профессионал», использующий в преступной деятельности особые криминальные умения и навыки, а также новейшие электронные технологии и разработки [20, с. 95–101].

Оценивая общую динамику краж автомобилей в современности, отметим, что, по данным официальной судебной статистики МВД России, в 2023 г. зарегистрировано

3782 кражи автомобилей, в 2022 г. – 5006, в 2021 г. – 6978, в 2020 г. – 9528, в 2019 г. – 14290, в 2018 г. – 16776 краж [21]. Как видим, несмотря на общую тенденцию снижения количества автомобильных краж, число таких преступлений по-прежнему существенное, а их раскрываемость достаточно низкая (раскрываемость угона автомобилей составляет 74 %, а кражи автомобиля – 24 %) [22, с.114–124]. При этом раскрываемость автомобильных краж, совершаемых «профессионалами», на общем фоне высокого уровня латентности профессиональной преступности [23, с. 32–37; 24, с. 251–252], ещё более низкая.

Это даёт основание полагать, что профессиональные «автомобильные» воры сегодня представляют реальную опасность для российского общества и государства, что требует разработки эффективных мер противодействия такой особо опасной противоправной деятельности.

Оценивая правовые меры борьбы с профессиональными «автомобильными» ворами, отметим, что сегодня их можно привлечь к уголовной ответственности только по ст. 158 (Кража) УК РФ, в то время как ст. 166 (Угон) УК РФ предусматривает ответственность за угон автомобиля без цели хищения, а единственной правовой возможностью оценить систематичность такой преступной деятельности после упразднения института неоднократности в 2003 г. является применение института рецидива, не позволяющего, действительно, «вычленить» среди основной массы «автомобильных» воров именно преступников-профессионалов, ввиду неполного совпадения понятий рецидивист и преступник-профессионал. Это даёт право заключить, что современные уголовно-правовые меры противодействия профессиональным «автомобильным» ворам несколько ограничены.

Среди организационно-управленческих мер противодействия промыслу профессиональных «автомобильных» воров выделим совершенствование работы современной системы правоохранительных органов в сфере борьбы с этим опасным криминальным промыслом. Так, например, с целью оперативного обнаружения похищенных авто сотрудниками ГАИ уже продолжительное время используется автоматизированная информационная система «Автопоиск», позволяющая проверять похищенные автомобили по единой информационной базе данных [25, с. 773–775]. Также отмечается постоянное совершенствование профессиональной подготовки личного состава органов предварительного следствия, подразделений уголовного розыска, усиление оперативного, методического, технического и экспертного сопровождения уголовных дел соответствующей «категории» для обеспечения эффективного противодействия «автомобильным» ворам, в том числе и промышляющим данным видом краж на постоянной основе.

Среди современных технических мер борьбы с промыслом профессиональных «авто воров» выделим постепенное усовершенствование защитных противоугонных автомобильных систем, расширение системы видеонаблюдения на парковках, а также модернизацию систем спутникового мониторинга транспорта, например, ГЛОНАСС/GPS-трекера для удалённого определения местоположения автомобиля в любое время и др.

Ещё одно важное направление противодействия промыслу профессиональных «автомобильных» воров – это виктимологическая работа с населением, которая выражается в информировании автолюбителей о «типичных» преступных схемах хищения автомобилей. Так, например, сотрудниками правоохранительных органов

систематически разрабатываются и распространяются среди населения специальные памятки и брошюры с информацией о способах совершения «автомобильных» краж и мерах защиты от них. Также правоохранителями и другими заинтересованными органами с автолюбителями проводятся соответствующие разъяснительные беседы, консультирование, ведётся прочая информационная работа [26, с. 95–101].

Однако несмотря на принимаемые меры ряд объективных обстоятельств всё же заставляет активизировать работу в указанном направлении. Так, распространению промысла профессиональных «автомобильных» воров в настоящее время способствуют: постоянное увеличение количества автотранспортных средств; открытость границ с отдельными странами (например, с Казахстаном и Белоруссией), дающая возможность преступникам более свободно «сбывать» краденые авто за пределы страны; активное «проникновение» профессиональных «автомобильных» преступников в организованный криминальный мир, позволяющее «вывести» этот криминальный промысел на «новый уровень»; значительное и постоянное усовершенствование технических приспособлений, используемых при совершении краж автомобилей, нередко опережающее техническое обеспечение правоохранителей, осуществляющих борьбу с такими преступниками, а также некоторые другие обстоятельства [27, с. 37–40]. Кроме того, как отмечалось ранее, число краж автомобилей при общей тенденции к сокращению, по-прежнему, значительное, что при общей низкой раскрываемости данной разновидности краж и высоком уровне латентности профессиональной преступной деятельности указывает на имеющиеся проблемы в сфере противодействия профессиональным «автомобильным» ворам.

В связи с этим для модернизации мер противодействия профессиональному промыслу «автомобильных» воров внесём некоторые предложения:

- введение в УК России по аналогии с п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ, «адресованной» к профессиональным карманникам, специальной нормы, предусматривающей более высокую степень ответственности за хищение автомобилей, как деяния, имеющего высокий потенциал применения криминального профессионализма;
- дальнейшее усовершенствование организации экспертно-криминалистического, информационного, кадрового, технологического и другого обеспечения деятельности ОВД по борьбе с криминальным промыслом «автомобильных» воров с выстраиванием эффективного взаимодействия правоохранителей с современными предприятиями по производству противоугонных автомобильных систем, систем спутникового мониторинга транспорта, а также прочих систем защиты автотранспорта от краж с целью оперативного обмена информацией и новыми технологическими разработками в сфере борьбы с «авто ворами»;
- активизация профилактической работы в сети Интернет, на ТВ, в СМИ с распространением пропагандистских роликов, информационных памяток о «типичных» способах хищений автомобилей профессиональными преступниками, системах защиты транспортных средств от преступных посягательств и алгоритмах поведения жертвы преступного посягательства при хищении автомобиля.

Таким образом, средство передвижения во все времена имело особую ценность и являлось «привлекательным» объектом для преступного посягательства, и, если в дореволюционный в России период основным средством передвижения была лошадь, то с развитием отечественной автомобильной промышленности и массовым распространением автомобилей среди советского населения, конокрадство посте-

пенно «выродилось», а «автомобильное» воровство, как опасный криминальный промысел, стало активно развиваться. Зародившись в советский период, промысел профессиональных «автомобильных» воров в настоящее время достиг значительного развития. Современный профессиональный «автомобильный» вор представляет из себя высоко квалифицированного специалиста, который постоянно совершенствует свои преступные умения и навыки и стремится достигнуть значительного материального обогащения за счёт совершения хищений авто. В связи с этим можно констатировать, что для современного российского общества этот промысел представляет реальную опасность, и несмотря на принимаемые в государстве меры по противодействию данной разновидности преступной деятельности, «автомобильные» воры, по-прежнему, наращивают криминальный профессионализм, что обуславливает необходимость дальнейшего совершенствования мер противодействия деятельности этой «категории» преступников, в том числе посредством введения в Уголовный кодекс РФ специальной нормы, предусматривающей более высокую степень ответственности за хищение автомобилей, улучшения экспертно-криминалистического, информационного, кадрового, технологического и другого обеспечения деятельности органов внутренних дел по борьбе с криминальным промыслом «автомобильных» воров с выстраиванием эффективного взаимодействия правоохранителей с современными предприятиями по производству различных систем защиты автотранспорта от угона, активизации соответствующей профилактической работы с населением с использованием сети Интернет, ТВ и СМИ с целью расширения целевой аудитории информационного воздействия.

Список литературы:

1. Самойлова, Е. Н. Состояние крестьянского коневодства Курской губернии в 80-е гг. XIX В. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2011. – № 3 (19). – С. 138–141. – Текст: непосредственный.
2. Мельникова, Д.А. История коневодства Российской империи во второй половине XIX – начале XX века в отечественной историографии // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. – 2018. – № 3 (60). – С. 13–23. – Текст: непосредственный.
3. Зарубина, К.А. Конокрадство, как опасный криминальный промысел в дореволюционной России, или как наказывали за кражу лошадей? // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9 (75). – № 3. – С. 61–65. – Текст: непосредственный.
4. Статистический сборник за 1913–1917 гг. Труды Центрального Статистического Управления. – Москва, 1922. – Том VII – 307 с. – Текст: непосредственный.
5. Лан, В. США от первой до второй мировой войны. – Ленинград: Государственное издательство политической литературы, 1947. – 492 с. – Текст: непосредственный.
6. СССР в цифрах. 1913–1963 гг. Краткий статистический сборник / Центр. стат. упр. при Совете Министров СССР. – М., 1964. – 223 с. – Текст: непосредственный.
7. СССР в цифрах. 1913–1970 гг. Краткий статистический сборник / Центр. стат. упр. при Совете Министров СССР. – М., 1971. – 234 с. – Текст: непосредственный.
8. СССР в цифрах. 1913–1980 гг. Краткий статистический сборник / Центр. стат. упр. при Совете Министров СССР. – М., 1981. – 220 с. – Текст: непосредственный.
9. СССР в цифрах. 1913–1990 гг. Краткий статистический сборник / Центр. стат. упр. при Совете Министров СССР. – М., 1991. – 320 с. – Текст: непосредственный.
10. Указ Президиума ВС РСФСР от 03.07.1965 о внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР [электронный документ] URL: https://base.garant.ru/1306527/ (дата обращения 04.08.2024).
11. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. [электронный документ] URL: https://docs.cntd.ru/document/9037819 (дата обращения 04.08.2024). – Текст: электронный.
12. Федеральный закон от 01.07.1994 № 10-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» [электронный документ] URL: https://base.garant.ru/1309410/ (дата обращения 04.08.2024). – Текст: электронный.
13. Лунеев, В.В. Курс мировой и российской криминологии в 2 т. – М.: Издательство Юрайт, 2015. – Т.2 – 872 с. – Текст: непосредственный.

14. Профессиональная преступность: прошлое и современность [электронный документ] URL: http://yurpsy.com/files/biblio/gurov/10.htm (дата обращения 04.08.2024). – Текст: электронный.
15. Венедиктов, А.А., Венедиктова, Ю.Е. Схемы преступной деятельности организованных групп, специализирующихся на кражах автомобилей // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – №3–2. – С. 170–175. – Текст: непосредственный.
16. Павлик, Е.М. Криминологический анализ угонов и хищений автотранспорта // Ленинградский юридический журнал. – 2023. – № 1 (71). – С. 204–217. – Текст: непосредственный.
17. Михайлов, Б.П., Воронцов, А.В., Завьялов И.А. Особенности криминальной среды России // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 6. – С. 186–190. – Текст: непосредственный.
18. Приговор № 1-198/2023 1-5/2024 от 25 января 2024 г., Елецкий городской суд (Липецкая область) [электронный документ] URL: https://sudact.ru/regular/doc/Rn44afFhaHNq/ (дата обращения 04.08.2024). – Текст: электронный.
19. Приговор № 1-462/2023 от 27 декабря 2023 г. по делу № 1-343/2022; Орджоникидзевский районный суд г. Екатеринбурга (Свердловская область) [электронный документ] URL: https://sudact.ru/regular/doc/Y7aVZ30mgY6v/ (дата обращения 04.08.2024). – Текст: электронный.
20. Плодовский, Ю.В. Галушкин, А.А. Кража автомобилей – традиционное профессиональное преступление // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2013. – № 3. – С. 95–101.
21. Состояние преступности [электронный документ] URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/12/ (дата обращения 05.08.2024). – Текст: электронный.
22. Виноградов, А.А. Криминалистические особенности признаков элементов механизма угона и кражи автомобиля // Труды Академии управления МВД России. – 2020. – № 1 (53). – С. 114–124.
23. Артемьев, Н.С., Забелич, А.А. Характеристика профессиональной преступности и личности профессионального преступника // АВБсП. – 2017. – № 1. – С. 32–37. – Текст: непосредственный.
24. Мельникова, О.А. Преступники-рецидивисты третьего возраста в контексте профессиональной дифференциации // Вестник СГТУ. – 2008. – № 1. – С. 251–252. – Текст: непосредственный.
25. Скороходова, Л.А., Галимова, С.А., Бартанов, В.П. Проблемы информатизации в органах внутренних дел: экономико-управленческие аспекты // Экономика и социум. – 2015. – №3–2 (16). – С. 773–775. – Текст: непосредственный.
26. Вакуленко, Н.А. Важные криминологические характеристики жертв угонов автотранспортных средств и их учет при осуществлении виктимологической профилактики // ЮП. – 2016. – № 4 (77). – С. 95–101. – Текст: непосредственный.
27. Богданов, А.В., Хазов, Е.Н. Актуальные вопросы противодействия кражам и угонам автомототранспортных средств оперативными подразделениями ОВД // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 1. – С. 37–40. – Текст: непосредственный.

Zarubina K.A. Criminal trade of professional «car thieves» in Russia: history and modernity // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 352-361.

This study examines the issues of the origin of the criminal trade of «automobile» thieves in Russia and its current state. It is determined that the means of transportation has always been of particular value in society and the state and was perceived as an object of criminal encroachment. In the pre-revolutionary period, such a means of transportation was a horse, and the criminal trade associated with the theft of horses on a professional basis was called horse theft. However, with the development of the automotive industry and the mass distribution of the car among the population during the Soviet period, it is no longer a horse, but a car that becomes one of the «attractive» objects for criminal encroachment. It has been established that in the late Soviet period, car theft turned into a steady criminal trade, although this criminal «craft» reaches its true heyday in modern times. It is determined that a modern professional «car thief» is a highly qualified specialist in the field of criminal car business, who constantly improves his criminal skills and strives to achieve significant material enrichment by committing car theft, while modern measures to counter this dangerous criminal trade require modernization. To solve this problem, the paper provides some suggestions for improving measures to combat the fishing of professional «car thieves».

Keywords: «automobile» thief, professional crime, criminal professionalism, criminal specialization, crime prevention measures, car theft, car theft, car, criminal trade.

Spisok literatury:

1. Samojlova, E.N. Sostojanie krest'janskogo konevodstva Kurskoj gubernii v 80-e gg. XIX V. // Uchenye zapiski. Jelektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2011. – № 3 (19). – S. 138–141. – Tekst: neposredstvennyj.
2. Mel'nikova, D.A. Istorija konevodstva Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka v otechestvennoj istoriografii // Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina. – 2018. – № 3 (60). – S. 13–23. – Tekst: neposredstvennyj.

3. Zarubina, K.A. Konokradstvo, kak opasnyj kriminal'nyj promysel v dorevoljucionnoj Rossii, ili kak nakazyvali za krazhu loshadej? // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Juridicheskie nauki. – 2023. – T. 9 (75). – № 3. – S. 61–65. – Tekst: neposredstvennyj.
4. Statisticheskij sbornik za 1913–1917 gg. Trudy Central'nogo Statisticheskogo Upravlenija. – Moskva, 1922. – Tom VII – 307 s. – Tekst: neposredstvennyj.
5. Lan, V. SShA ot pervoj do vtoroj mirovoj vojny. – Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury, 1947. – 492 s. – Tekst: neposredstvennyj.
6. SSSR v cifrah. 1913–1963 gg. Kratkij statisticheskij sbornik / Centr. stat. upr. pri Sovete Ministrov SSSR. – M., 1964. – 223 s. – Tekst: neposredstvennyj.
7. SSSR v cifrah. 1913–1970 gg. Kratkij statisticheskij sbornik / Centr. stat. upr. pri Sovete Ministrov SSSR. – M., 1971. – 234 s. – Tekst: neposredstvennyj.
8. SSSR v cifrah. 1913–1980 gg. Kratkij statisticheskij sbornik / Centr. stat. upr. pri Sovete Ministrov SSSR. – M., 1981. – 220 s. – Tekst: neposredstvennyj.
9. SSSR v cifrah. 1913–1990 gg. Kratkij statisticheskij sbornik / Centr. stat. upr. pri Sovete Ministrov SSSR. – M., 1991. – 320 s. – Tekst: neposredstvennyj.
10. Ukaz Prezidiuma VS RSFSR ot 03.07.1965 o vnesenii izmenenij i dopolnenij v Ugolovnyj kodeks RSFSR [jelektronnyj dokument] URL: https://base.garant.ru/1306527/ (data obrashhenija 04.08.2024).
11. Ugolovnyj kodeks RSFSR 1960 g. [jelektronnyj dokument] URL: https://docs.cntd.ru/document/9037819 (data obrashhenija 04.08.2024). – Tekst: jelektronnyj.
12. Federal'nyj zakon ot 01.07.1994 № 10-FZ «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Ugolovnyj kodeks RSFSR i Ugolovno-processual'nyj kodeks RSFSR» [jelektronnyj dokument] URL: https://base.garant.ru/1309410/ (data obrashhenija 04.08.2024). – Tekst: jelektronnyj.
13. Luneev, V.V. Kurs mirovoj i rossijskoj kriminologii v 2 t. – M.: Izdatel'stvo Jurajt, 2015. – T.2 – 872 s.
14. Professional'naja prestupnost': proshloe i sovremennost' [jelektronnyj dokument] URL: http://yurpsy.com/files/biblio/gurov/10.htm (data obrashhenija 04.08.2024). – Tekst: jelektronnyj.
15. Venediktov, A.A., Venediktova, Ju.E. Shemy prestupnoj dejatel'nosti organizovannyh grupp, specializirujushhihsja na krazhah avtomobilej // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. – 2019. – №3–2. – S. 170–175. – Tekst: neposredstvennyj.
16. Pavlik, E.M. Kriminologicheskij analiz ugonov i hishhenij avtotransporta // Leningradskij juridicheskij zhurnal. – 2023. – № 1 (71). – S. 204–217. – Tekst: neposredstvennyj.
17. Mihajlov, B.P., Voroncov, A.V., Zav'jalov I.A. Osobennosti kriminal'noj sredy Rossii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2013. – № 6. – S. 186–190. – Tekst: neposredstvennyj.
18. Prigovor № 1-198/2023 1-5/2024 ot 25 janvarja 2024 g., Eleckij gorodskoj sud (Lipeckaja oblast') [jelektronnyj dokument] URL: https://sudact.ru/regular/doc/Rn44afFhaHNq/ (data obrashhenija 04.08.2024).
19. Prigovor № 1-462/2023 ot 27 dekabrja 2023 g. po delu № 1-343/2022; Ordzhonikidzevskij rajonnyj sud g. Ekaterinburga (Sverdlovskaja oblast') [jelektronnyj dokument] URL: https://sudact.ru/regular/doc/Y7aVZ30mgY6v/ (data obrashhenija 04.08.2024). – Tekst: jelektronnyj.
20. Plodovskij, Ju.V. Galushkin, A.A. Krazha avtomobilej – tradicionnoe professional'noe prestuplenie // Vestnik RUDN. Serija: Juridicheskie nauki. – 2013. – № 3. – S. 95–101. – Tekst: neposredstvennyj.
21. Sostojanie prestupnosti [jelektronnyj dokument] URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/12/ (data obrashhenija 05.08.2024). – Tekst: jelektronnyj.
22. Vinogradov, A.A. Kriminalisticheskie osobennosti priznakov jelementov mehanizma ugona i krazhi avtomobilja // Trudy Akademii upravlenija MVD Rossii. – 2020. – № 1 (53). – S. 114–124.
23. Artem'ev, N.S., Zabelich, A.A. Harakteristika professional'noj prestupnosti i lichnosti professional'nogo prestupnika // AVBsP. – 2017. – № 1. – S. 32–37. – Tekst: neposredstvennyj.
24. Mel'nikova, O.A. Prestupniki-recidivisty tret'ego vozrasta v kontekste professional'noj differenciacii // Vestnik SGTU. – 2008. – № 1. – S. 251–252. – Tekst: neposredstvennyj.
25. Skorohodova, L.A., Galimova, S.A., Bartanov, V.P. Problemy informatizacii v organah vnutrennih del: jekonomiko-upravlencheskie aspekty // Jekonomika i socium. – 2015. – №3–2 (16). – S. 773–775.
26. Vakulenko, N.A. Vazhnye kriminologicheskie harakteristiki zhertv ugonov avtotransportnyh sredstv i ih uchet pri osushhestvlenii viktimologicheskoj profilaktiki // JuP. – 2016. – № 4 (77). – S. 95–101.
27. Bogdanov, A.V., Hazov, E.N. Aktual'nye voprosy protivodejstvija krazham i ugonam avtomototransportnyh sredstv operativnymi podrazdelenijami OVD // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2016. – № 1. – S. 37–40. – Tekst: neposredstvennyj.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 362–368.

УДК 340

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ И ПРЕСЕЧЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С РЕЛИГИОЗНЫМ ЭКСТРЕМИЗМОМ

Зоз В. А., Куксов В. А.

Данная статья посвящена анализу правовых основ деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации по предупреждению и пресечению преступлений, связанных с религиозным экстремизмом. В статье рассматриваются ключевые законодательные акты, регулирующие данную сферу, включая Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности», Уголовный кодекс РФ, а также нормативно-правовые акты МВД России. В работе проводится анализ правовых инструментов, используемых оперативными подразделениями для выявления, пресечения и предотвращения преступлений, связанных с религиозным экстремизмом. Особое внимание уделяется правовым аспектам проведения оперативно-розыскных мероприятий, а также мерам по профилактике религиозного экстремизма. В статье обосновывается необходимость совершенствования правового регулирования деятельности оперативных подразделений в сфере противодействия религиозному экстремизму, а также предлагаются конкретные меры по оптимизации правоприменительной практики.

Ключевые слова: религиозный экстремизм, оперативно-розыскная деятельность, правовые основы, предупреждение преступлений, нормативно-правовые акты МВД России, деятельность оперативных подразделений ОВД РФ.

В современном обществе особенно остро стоит вопрос о происхождении религиозного экстремизма. Углубленное рассмотрение указанного феномена выступает крайне важной задачей, где прежде всего необходимо рассмотреть значение термина «религиозный экстремизм». Исследование, проведенное на основе литературы по политологии, религиоведению и юриспруденции за последние десять лет, выявило, что между экспертами не сложилось единого мнения по поводу того, что собой представляет религиозный экстремизм. Данное разночтение мнений научного сообщества напрямую влияет на сложности, с которыми сталкиваются правоохранительные органы в борьбе с такими явлениями, делая их работу более сложной. В определении «религиозного экстремизма», рассмотренным И.В. Барабашом ключевыми являются два аспекта: экстремизм и религия, которому мы и будем придерживаться [5].

Экстремизм выходит за рамки установленных законодательных норм, нацелен на подрыв устоявшихся ценностей и суверенитета, будь то моральные принципы, культурные традиции, социальные обычаи или юридические законы. Этот феномен можно встретить в разнообразных аспектах жизни, от личных взаимоотношений до общественных явлений, таких как политика, религия или отношения к окружающей среде. В его основе лежит не просто агрессия, а идеологически обусловленная мотивация, придающая экстремистским действиям осмысленность и целенаправленность [10]. В отличие от обыденного понимания, связывающего экстремизм исключительно с преступностью и насилием, этот термин охватывает гораздо более широкий спектр действий и убеждений, которые идут вразрез с общепринятыми стан-

дартами поведения и мышления, независимо от того, проявляется ли он со стороны индивидуума, группы или сообщества.

Важность анализа влияния культурных, социальных и политических аспектов на поведение, склонное к экстремизму, неоспорима. Особое внимание следует обратить на последствия антисоциального воспитания, где прививается приверженность культуре насилия, и на влияние внешней среды и на развитие индивида.

В контексте рассмотрения религии, как указывал Эмиль Дюркгейм, в своём исследовании «Элементарные формы религиозной жизни», она представляет собой систему убеждений и обрядов, объединённых вокруг священных понятий, играющих роль связующего элемента среди верующих. Эти верования и обряды, принятые в рамках религиозного сообщества, способствуют укреплению единства его членов [9].

Следует подчеркнуть, что в основе любой религии лежат не только ее учения и обряды, но и сообщество верующих, которые продвигают эти учения и сохраняют его традиции. Если верующих, готовых поддерживать эти идеи, становится недостаточно, это может привести к уменьшению влияния религии на общество.

В этом контексте, изучение религиозного экстремизма приобретает особенную значимость. Данное явление выражается через активные действия некоторых религиозных групп, нацеленные на регулирование между и внутри религиозных отношений. Главной особенностью религиозного экстремизма является применение агрессивных методов для «принуждения» людей принять чужие верования, что часто включает в себя использование как физического, так и психологического воздействия, а также отказ от основополагающих принципов.

А.В. Богданов, А.Н. Книжникова и Е.Н. Хазов подчеркивают актуальность и необходимость нахождения эффективных подходов к проблеме экстремизма, которая вызывает волнение на глобальном уровне из-за увеличения экстремистских действий, мотивированных ненавистью и причиняющих значительный финансовый вред. Вопросы борьбы с экстремизмом и терроризмом не нашли единого решения, что приводит к тому, что каждая страна разрабатывает собственные методы решения этих проблем. В России особое внимание уделяется поиску путей предотвращения данных явлений, что является одной из ключевых задач [6].

В центре внимания безопасности и неприкосновенности государственного устройства России стоит гарантирование прав и свобод каждого из ее граждан (в т.ч. лиц, временно прибывающих на территории РФ). Эффективная защита этих аспектов предотвращает обесценивание интересов людей на индивидуальном уровне. Важность этих принципов подчеркнута в ст. 2 Конституции РФ [1].

Растущий экстремизм представляет собой значительную угрозу для России, особенно в контексте территориальной целостности страны. Это явление напрямую противоречит основам конституционного строя, установленным в Российской Федерации, где четко прописан запрет на незаконное захватывание власти и самопроизвольное присвоение полномочий, что экстремисты, стремящиеся к достижению своих целей через насилие, подрывают. В этом контексте, борьба с экстремизмом остается одним из ключевых вызовов, стоящих перед государством, поскольку он подрывает фундаментальные принципы государственности.

Конституционное устройство страны подразумевает защиту территориальной целостности государства. Но действия экстремистов, направленные на создание не-

зависимых структур или отделение от России, подрывают этот принцип. В качестве примера действий, подрывающих государственное единство, можно указать попытки Чеченской Республики обрести независимость от РФв середине 90-х годов XX в.

Действия с экстремистским уклоном направлены на захват управленческих рычагов и подрыв единства России. Они вызывают необходимость внимательного рассмотрения и создания эффективных ответных стратегий.

На международной арене действия, целью которых является подрыв территориальной неделимости страны, часто воспринимаются как сепаратизм. Эти действия могут охватывать все, начиная от стремлений отделить часть государства, заканчивая попытками разрушить её структуру в целом. Обычно такие мероприятия не обходятся без применения насильственных методов и могут включать в себя этапы планирования, организации, оказания помощи либо побуждения к действиям подобного рода.

В Конституции РФ, указано, что истинным носителем суверенитета и властных полномочий является её многонациональный народ (ч. 1 ст. 3). В соответствии с законодательством, деятельность или создание групп, направленных на насильственное изменение основ государственного устройства, подрыв целостности страны, угрозу её безопасности, формирование вооруженных подразделений или провоцирование конфликтов на почве социальных, расовых, национальных, или религиозных различий, строго запрещается (ч. 5 ст. 13). Кроме того, Конституция подчеркивает равенство всех граждан в глазах закона и суда, исключая возможность дискриминации на любом основании, будь то социальное, расовое, национальное, языковое или религиозное принадлежность (ст. 19).

Рассматривая актуальность тематики религиозного экстремизма на глобальном уровне, следует обратить внимание на роль, которую играет Конвенция, принятая Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС). В 2019 году Российская Федерация присоединилась к ряду стран, ратифицировавших этот документ, который стал важным шагом в укреплении международных усилий по борьбе с этой проблемой. Особое внимание в рамках Конвенции уделяется признанию межгосударственного и трансграничного измерения экстремизма, подчеркивая необходимость его искоренения через совместные действия [3].

Члены ШОС достигли важного прогресса в унификации ключевых понятий, упомянутых в первой статье соответствующей Конвенции, включая определения «экстремизма», действий экстремистского характера, экстремистских группировок и мер противодействия данному явлению. Это существенно облегчает разрешение вопросов, связанных с юридическим регулированием незаконных действий, обсуждаемых в сфере сотрудничества по противодействию экстремизму. В рамках сотрудничества, страны нацелены на развитие плодотворного взаимодействия, используя для этого как дипломатические, так и специализированные каналы общения. Особое значение придается вкладу неправительственных организаций в развитие сотрудничества между различными религиями и культурами, что является ключевым аспектом в их совместной работе.

В контексте борьбы с экстремизмом, в том числе с его религиозными формами, следует выделить ряд ключевых стратегий. Во-первых, обновление и улучшение законодательства, связанного с борьбой против экстремистских действий в странах, входящих в состав ШОС, является приоритетом. В дополнение, чрезвычайно важно

четко определить задачи и полномочия учреждений, задействованных в противодействии экстремизму. Кроме того, укрепление транснационального сотрудничества между государствами способствует предотвращению въезда экстремистов-мигрантов. Мониторинг информационного пространства, включая СМИ и сеть «Интернет», на предмет обнаружения и блокировки деструктивного контента, также играет ключевую роль. При этом продвижение антиэкстремистских взглядов среди общества также выступает приоритетной задачей.

В обсуждении вопросов взаимодействия ключевым моментом становится возможность отправки международных обращений (запросов), цель которых – решение проблем, встречающихся на пути официальных институтов. При этом основополагающим принципом является соблюдение конфиденциальности и ограничение доступа к информации, не относящейся к данному запросу. Отдельно стоит отметить прогресс в форме возможности направления представителей для участия в расследовании и раскрытии на территории страны, ритифицировавшей соответствующую Конвенцию, в случае если подозреваемые в преступлениях находятся в ее пределах. Данные действия основываются на официальном запросе о допуске сотрудников на территорию другого государства.

Инициативы, предложенные в рамках упомянутой Конвенции, задают новые горизонты международному и транснациональному взаимодействию, поскольку они впервые устанавливают международные стандарты для борьбы с экстремизмом, включая уточнение и правовую оценку экстремистских терминов. Это представляет собой значительный прогресс в координации усилий на глобальном уровне.

На уровне РФ, противодействие экстремизму осуществляется посредством механизма государственного контроля и принуждения, соответствующие федеральному законодательству. Ключевое развитие в этой области связано с внесением изменений в Федеральный закон № 114-ФЗ от 25.06.2002 г. [4].

Изучение определенных сегментов Федерального закона, посвященного борьбе с экстремизмом, приводит к выявлению ряда ключевых особенностей противоправной активности. На основе проведенного анализа, можно утверждать, что экстремизм напрямую подрывает основы конституционного строя России. Также, становится причиной для угрозы сохранению территориальной единства государства. Кроме того, действия экстремистского характера нарушают принципы конституционных отношений между гражданами в пределах РФ.

Определение того, что считается экстремизмом, охватывает не только конкретные примеры, изложенные в федеральном законодательстве под номером, но и дополняется различными формами поведения, указанными в УК РФ [2]. Для того чтобы квалифицировать действия индивида или группы как экстремистские, ключевым является установление их угрозы конституционному строю и соответствие характеристикам уголовно наказуемых деяний.

В целях предупреждения и пресечения экстремистской деятельности в России, ключевую роль играют как разъяснения, предоставленные Федеральным законом № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», так и статьи Уголовного кодекса РФ. Эти нормативные акты направлены на поддержание конституционного строя и безопасности граждан, обеспечивая четкие рамки для идентификации и последующего пресечения экстремизма. Экстремистские преступления варьируются от публичных призывов к экстремизму и разжигания межэтнической

ненависти до организации и участия в экстремистских группах, включая попытки насильственного захвата власти и военные перевороты (терроризма, как крайней формы выражения экстремизма [8]).

В соответствии с УК РФ, эти преступления являются противоправными деяниями, квалифицируемыми по следующим статьям:

- ст. 278 «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти»;
- ст. 279 «Вооруженный мятеж»;
- ст. 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»;
- ст. 282 “Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства”;
- ст. 282.1 “Организация экстремистского сообщества;
- ст. 282.2 «Организация деятельности экстремистской организации»;
- ст. 282.3 «Финансирование экстремистской деятельности»;
- ст. 282.4. “Неоднократные пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами”;

Важно отметить, что концепция так называемых «экстремистских» преступлений исключительна для российского уголовного законодательства, чтобы углубленно разобраться в природе экстремизма. Такой подход позволит точнее идентифицировать элементы и признаки экстремистских действий, учитывая при этом защищаемые законом ценности и правила. В свете дискуссий о возможностях усовершенствования законодательства, акцент на данном проблеме требует более тщательного исследования. Анализируя текущие нормы законодательства и его применение, можно выявить наиболее слабые места, нуждающиеся в устранение, предложив соответствующие поправки и дополнения. Это, в свою очередь, способствовало бы повышению эффективности борьбы с экстремизмом, в том числе снижению его религиозных проявлений, за счет более точного и обдуманного регулирования.

Одна из форм нарушений, характеризующихся как экстремистская деятельность, включает в себя проявления религиозного экстремизма. Эта категория действий направлена на подстрекательство к национально-религиозной ненависти и принижение чувства национального самоуважения. В круг лиц, причастных к осуществлению подобных действий, входят различные общественные и религиозные группы, медиаорганизации, а также отдельные журналисты.

В настоящее время в России наблюдается высокая активность проявлений националистическо-религиозных идей, подкрепляемых работой множества групп и организаций, нацеленных на распространение такой идеологии. Среди них выделяются группировки как «Русское национальное единство», «Народная национальная партия» и другие, вносящие значительный вклад в распространение националистических взглядов. Особую остроту вопрос о национализме приобретает в крупных городах, таких как Москва и Санкт-Петербург, где зафиксированы наибольшее количество проявлений агрессии и даже преступлений, мотивированных националистическими убеждениями («Россия для русских», «Непровославным смерть» и др.), против лиц неславянской внешности. Эти действия, как подтверждает научный анализ, часто осуществляются представителями молодежи, вовлеченной в деятельность националистически настроенных объединений [7].

Особое внимание следует уделить тому факту, что в контексте уголовного судопроизводства жертвами могут являться исключительно лица, занимающие ключевые государственные и общественные позиции. При этом под термином «общественные деятели» подразумеваются те, кто несет ответственность за управление или активно вовлечен в деятельность политических организаций, общественных движений, фондов, профсоюзов и различных ассоциаций на всех уровнях власти, как федеральном, так и региональном.

Покушение на убийство или совершение убийства представляет собой преступление, которое осуществляется сознательно и прямым образом вторгается в жизнь государственного или общественного деятеля в связи с его государственной или общественной деятельностью. Для признания этого преступления экстремизмом необходимо иметь специальную цель у лица, совершившего это преступление – прекратить государственную, общественную или политическую деятельность жертвы, либо наличие специального мотива у лица, подстрекающего к этому – отомстить жертве за упомянутую деятельность. Согласно ФЗ от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», публичные призывы к экстремизму, выступления, а также любые действия, поддерживающие или оправдывающие экстремистские деяния, могут повлечь за собой уголовную ответственность. Это подтверждается ст. 280 УК РФ, которая устанавливает наказание за публичные призывы к экстремистской деятельности.

Подводя итог, следует отметить, что защита прав и свобод каждого гражданина является основными принципами обеспечения безопасности и целостности конституционного строя РФ. Для достижения этой цели необходимо обратить внимание на обеспечение основных принципов конституционного строя, так как экстремистская деятельность нацелена на нарушение общественных ценностей и принципов конституционного порядка. Отсутствие такой защиты может привести к бессмысленности защиты интересов отдельного лица. Соответствующие принципы закреплены в Конституции РФ, Международных договорах и в Уголовном кодексе РФ. Законодательство Российской Федерации сконцентрировано на защите прав и свобод граждан, что является одним из важных механизмов обеспечения безопасности и целостности государства.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020, с изменениями на 04.10.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001 (дата обращения: 01.10.2024).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // КонсультантПлюс: сайт. URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 01.10.2024).
3. О ратификации Конвенции Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму: Федеральный закон от 26.07.2019 № 196-ФЗ // Консультант Плюс: сайт. URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329961/ (дата обращения: 01.10.2024).
4. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ // КонсультантПлюс: сайт. URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (дата обращения: 01.10.2024).
5. Барабаш И.В. Религиозный экстремизм и терроризм // Современные социальные и экономические процессы: проблемы, тенденции, перспективы регионального развития. 2023. № 1. С. 91–92.
6. Богданов А.В., Книжникова А.Н., Хазов Е.Н. Особенности противодействия оперативными подразделениями органов внутренних дел преступлениям экстремисткой направленности. Криминологический журнал. 2020. № 2. С. 82–90.

7. Мадаминов А.А. Терроризм и экстремизм – угроза XXI века // Экономика и социум. 2021. № 2-2 (81). С. 3–7.
8. Порватова Л.В., Куксов В.А. Проблема международного терроризма: пути решения проблемы // Правопорядок в России: проблемы совершенствования. XV Всероссийская конференция: сборник статей, Москва, 15–19 марта 2021 года. М.: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2021. С. 257–261.
9. Сенин И.Н., Филина Н.В. Проявление религиозного экстремизма в России // Право и государство: теория и практика. 2022. № 5 (209). С. 29–32.
10. Иванов С.И., Шишина Е.А. Проблемы профилактики радикального религиозного экстремизма и некоторые направления их решения в современных условиях // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня образования службы уголовного розыска. 2019. С. 100–107.

Zoz V.A., Kuksov V.A. The legal basis of the activities of the operational units of the internal affairs bodies of the Russian Federation for the prevention and suppression of crimes related to religious extremism // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. 362–368.

This article is devoted to the analysis of the legal foundations of the activities of the operational units of the internal affairs bodies of the Russian Federation for the prevention and suppression of crimes related to religious extremism. The article examines key legislative acts regulating this area, including the Federal Law «On Countering Extremist Activity», the Criminal Code of the Russian Federation, as well as regulatory legal acts of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The paper analyzes the legal instruments used by operational units to identify, suppress and prevent crimes related to religious extremism. Special attention is paid to the legal aspects of conducting operational investigative measures, as well as measures to prevent religious extremism. The article substantiates the need to improve the legal regulation of the activities of operational units in the field of countering religious extremism, and also suggests specific measures to optimize law enforcement practice.

Keywords: religious extremism, operational investigative activities, legal foundations, crime prevention, normative legal acts of the Ministry of Internal Affairs of Russia, activities of operational units of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020, s izmeneniyami na 04.10.2022) // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001
2. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 13.06.1996 № 63-FZ // Konsul'tantPlyus: sajt. URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (data obrashcheniya: 01.10.2024).
3. O ratifikacii Konvencii SHanhajskoj organizacii sotrudnichestva po protivodejstviyu ekstremizmu: Federal'nyj zakon ot 26.07.2019 № 196-FZ // Konsul'tant Plyus: sajt. URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329961/ (data obrashcheniya: 01.10.2024).
4. O protivodejstvii ekstremistskoj deyatel'nosti: Federal'nyj zakon ot 25.07.2002 № 114-FZ // Konsul'tantPlyus: sajt. URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/
5. Barabash I.V. Religioznyj ekstremizm i terrorizm // Sovremennye social'nye i ekonomicheskie processy: problemy, tendencii, perspektivy regional'nogo razvitiya. 2023. № 1. S. 91–92.
6. Bogdanov A.V., Knizhnikova A.N., Hazov E.N. Osobennosti protivodejstviya operativnymi podrazdeleniyami organov vnutrennih del prestupleniyam ekstremistkoj napravlennosti. Kriminologicheskij zhurnal. 2020. № 2. S. 82–90.
7. Madaminov A.A. Terrorizm i ekstremizm – ugroza XXI veka // Ekonomika i socium. 2021. № 2-2 (81). S. 3–7.
8. Porvatova L.V., Kuksov V.A. Problema mezhdunarodnogo terrorizma: puti resheniya problemy // Pravoporyadok v Rossii: problemy sovershenstvovaniya. XV Vserossijskaya konferenciya: sbornik statej, Moskva, 15–19 marta 2021 goda. M.: Moskovskij universitet MVD Rossii im. V.YA. Kikotya, 2021. S. 257–261.
9. Senin I.N., Filina N.V. Proyavlenie religioznogo ekstremizma v Rossii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2022. № 5 (209). S. 29–32.
10. Ivanov S.I., SHishina E.A. Problemy profilaktiki radikal'nogo religioznogo ekstremizma i nekotorye napravleniya ih resheniya v sovremennyh usloviyah // Aktual'nye problemy teorii i praktiki operativno-rozysknoj deyatel'nosti: materialy VII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu so dnya obrazovaniya sluzhby ugolovnogo rozyska. 2019. S. 100–107.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 369–375.

УДК 351.811.121

ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ВОВЛЕЧЕНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ДЕСТРУКТИВНУЮ, В ТОМ ЧИСЛЕ ЭКСТРЕМИСТСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Зырянов И. В.
Крымский филиала Краснодарского университета МВД России

Криминологи, и практические работники правоохранительных органов относят преступления, совершаемые в рассматриваемой сфере, к наиболее острым социальным проблемам, требующим повышенного внимания и новых подходов в превентивной деятельности в отношении них, в том числе реализуемых посредством мер виктимологической профилактики. Необходимо, в том числе уделять более пристальное внимание правоохранительным органам семейно-бытовым отношениям, которые в идеале должны характеризоваться как родственные, близкие, соседские, к сожалению, в семье присутствует большое количество конфликтов, которые могут косвенно способствовать вовлечению несовершеннолетних в деструктивную, в том числе экстремистскую деятельность. Нестабильность и накаленность социальной обстановки, уровень дискомфорта и неустроенности граждан оказывают непосредственное воздействие на вовлечение несовершеннолетних в деструктивную, в том числе экстремистскую деятельность.

Ключевые слова: причины и условия, несовершеннолетние, деструктивная деятельность, экстремизм, сотрудники полиции, преступление, административное правонарушение.

В настоящий момент времени МВД России является основным субъектом обеспечения охраны общественного порядка и играет лидирующую роль в построении надлежащего взаимодействия с гражданским обществом, повышения социального рейтинга и в том числе доверия населения страны к правоохранительным органам, повышении юридического правосознания в обществе, незамедлительном и качественном реагировании на готовящиеся и совершенные преступления и правонарушения, а также выявление и устранение причин и условий, им способствующих.

Нестабильность и накаленность социальной обстановки, уровень дискомфорта и неустроенности граждан оказывают непосредственное воздействие на вовлечение несовершеннолетних в деструктивную, в том числе экстремистскую деятельность. И криминологи, и практические работники правоохранительных органов относят преступления, совершаемые в рассматриваемой сфере, к наиболее острым социальным проблемам, требующим повышенного внимания и новых подходов в превентивной деятельности в отношении них, в том числе реализуемых посредством мер виктимологической профилактики.

Необходимо, в том числе уделять более пристальное внимание правоохранительным органам семейно-бытовым отношениям, которые в идеале должны характеризоваться как родственные, близкие, соседские, к сожалению, в семье присутствует большое количество конфликтов, которые могут косвенно способствовать вовлечению несовершеннолетних в деструктивную, в том числе экстремистскую деятельность. Личность, само ее поведение детерминирует совершение преступлений в рассматриваемой сфере [1].

Сегодня к наиболее актуальным вопросам в деятельности органов внутренних дел относят повышение эффективности профилактического воздействия на лиц, находящихся на профилактическом учете, в том числе и несовершеннолетних

склонных к деструктивной деятельности, в том числе и экстремистской. МВД России, на которое возложена основная нагрузка по выявлению причин и условий, способствующих совершению правонарушений и преступлений в рассматриваемой сфере, не всегда способно выработать и реализовать эффективный механизм государственного реагирования на данные правонарушения. Это обусловило необходимость оценки с научной точки зрения теоретических, нормативных и правоприменительных аспектов, связанных с деятельностью органов внутренних дел (полиции) по профилактике правонарушений и преступлений в рассматриваемой сфере.

Рассматривая совокупность причин и условий, способствующих совершению правонарушений и преступлений в рассматриваемой сфере, обособленное место, предопределяющее большую часть данных деликтов, занимает, в том числе и злоупотребление алкогольными напитками, влекущее определенное психическое и физиологическое заболевание – «алкоголизм» [2]. Однако в криминологической литературе приводятся данные о наиболее распространенных, типичных обстоятельствах, порождающих преступность. Но в разных своих сочетаниях и проявлениях указанные обстоятельства могут порождать различные виды преступности, поразному определять ее качественные и количественные характеристики [3].

Вместе с тем при рассмотрении причин и условий, способствующих совершению правонарушений и преступлений в рассматриваемой сфере необходимо обращать внимание на сам механизм образования во времени и пространстве различных социальных процессов, которые предопределили данное асоциальное поведение.

Здесь необходимо выделить взаимосвязь непосредственно между психическим отношением данного лица к планируемому преступному деянию, зарождению асоциального поведения и непосредственно переходом к прямому физическому действию, выражающемуся в физическом насилии над потерпевшим. Здесь непосредственно и могут повлиять на личность и мотивацию правонарушителя причины и условия, возникшие в данный момент времени и косвенно способствующие совершению данного насильственного действия в рассматриваемой сфере.

Основополагающее значение для регулирования профилактики правонарушений и преступлений в рассматриваемой сфере, осуществляемой МВД России, имеет Конституция Российской Федерации. Как основной закон она регулирует наиболее значимые сферы для государственного управления и общественных отношений в обществе. Закрепляя на законодательном уровне данные сферы, выступают основополагающими основами государственного регулирования, на которых и основывается деятельность государственных органов по профилактике правонарушений и преступлений в рассматриваемой сфере. Так ст. 2 Конституции РФ провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью и устанавливает обязанностью государства по их соблюдению и защите, что непосредственно и отражается в деятельности сотрудников полиции в целях профилактике правонарушений и преступлений в рассматриваемой сфере.

Стоит обратить внимание и на ст. 21 в которой закрепляется достоинство личности, недопустимости подвергаться пыткам, насилию либо другому жестокому обращению, которое унижает человеческое достоинство при проведении профилактической работы. В ч. 1 ст. 23 Конституции РФ закреплена норма о недопустимости разглашения сведений и информации о частной жизни семьи. Правоприменительная деятельность правоохранительных органов по профилактике правонарушений в ис-

следуемой сфере должна носить конфиденциальной характер в целях защиты права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну.

Сведения о частной жизни семьи, полученные в рамках своей профессиональной деятельности, а также в связи с проверкой зарегистрированных в установленном порядке заявлений и сообщений об административных правонарушениях, о происшествиях являются информацией для служебного пользования и не подлежат разглашению и распространению.

Государством гарантируются такие категории как материнство, детство и семья, в соответствии со ст. 38 Конституции РФ они находятся под защитой государства. В данной норме закреплено то, что забота о детях, их воспитание равное право и обязанность родителей, что непосредственно влияют на профилактическую деятельность правоохранительных органов, так как криминогенные факторы внешней среды, а также семейное неблагополучие зачастую влекут за собой проявления жестокости по отношению к детям. Не кто иной, как они менее всего защищены от поведенческих срывов родителей либо лиц, ответственных за их воспитание.

Еще одним подтверждением социальной значимости детей значиться то, что ч. 4 п. 4 ст. 61.1 закрепил, что они являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Ч. 3 ст. 55 Конституции РФ указывает условия, при которых могут ограничиваться права и свободы человека и гражданина, при осуществлении различных мер принуждения при профилактическом воздействии. Так же при анализе норм основного закона государства в рассматриваемой сфере стоит учесть изменения, одобренные в ходе общероссийского голосования 01.07.2020, а именно п.1 пп. ж 1 ст.72 о том, что защита семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака находиться в совместном ведении РФ и ее субъектов [5].

Так, рассматривая Всеобщую декларацию прав человека, как одного из важных документов международного уровня [8], в котором признано, что семья является основной ячейкой общества, обладающей правом на защиту, как со стороны государства, так и общества от различного рода правонарушений.

Основным законом, регулирующим деятельность полиции в целом, является ФЗ «О полиции» [7] в котором определена социально-защитная модель деятельности органов внутренних дел. Так приоритетными направлениями полицейской деятельности является защита личности, общества, государства от противоправных посягательств, предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений, в том числе в исследуемой сфере. Данный нормативно-правовой акт закрепляет общие права и обязанности полиции, при этом выделяя в отдельную группу основные права и обязанности сотрудника полиции, так же регулирует применение отдельных мер государственного принуждения, что в свою очередь отражается в непосредственной деятельности правоохранительных органов по пресечению правонарушений и преступлений в рассматриваемой сфере. Так, ч. 4 ст. 12 ФЗ «О полиции» указывает, что обязанностью полиции является выявление причины административных правонарушений и условия, способствующие их совершению, принимать в пределах своих полномочий меры по их устранению; выявлять лиц, имеющих намерение совершить преступление, и проводить с ними индивидуальную профилактическую работу. Так же стоить отметить такие нормы как ч. 2 ст. 20, ч. 3 ст. 21, п. 5 ч. 1 ст. 23 ФЗ «О полиции», которые дают право применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

Осуществляя профилактическое воздействие на субъекта правонарушения необходимо следовать нормам ФЗ «О полиции» закрепляющих неразглашение фактов о частной жизни граждан, ставших известными им в связи с выполнением служебных обязанностей (ст.27 ч.1 п.8), а также вхождение в жилое помещение, в том числе сведения, касающиеся частной жизни и здоровья граждан или затрагивающие их честь и достоинство (ст.15 п.3 ч.5).

Помимо прав и обязанностей ФЗ «О полиции» предусмотрел гарантии правовой защиты для сотрудников полиции, реализующих профилактическое воздействие в отношении правонарушителей. Сотрудник полиции выступает в качестве представителя государственной власти и находится под защитой государства, его законные требования обязательны для выполнения гражданами и должностными лицами, воспрепятствование выполнению сотрудником полиции своих обязанностей, оскорбление сотрудника полиции, оказание ему сопротивления, насилие или угроза применения насилия к нему, невыполнение законных требований влекут административную или уголовную ответственность. Другие федеральные законы [6] также конкретизируют механизмы профилактического воздействия полиции в отношении лиц, допускающих правонарушения в рассматриваемой сфере, например, Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23.06.2016 № 182-ФЗ [4]. Так, нормы этого нормативно правового акта закрепили перечень субъектов профилактики административных правонарушений, а также в ч. 2 ст. 17 – формы профилактического воздействия: профилактическая беседа; профилактический учет; профилактический надзор, которые осуществляет в своей деятельности сотрудники полиции.

МВД России является основой в организации и проведении профилактических мероприятий, направленных на нейтрализацию и последующее недопущение правонарушений в рассматриваемой сфере общественных отношений. Их реализация в соответствии с п. 9 ч. 2 ст. 6 Закона об основах системы профилактики осуществляется посредством применения специальных (полицейских) мер предупреждения административно-правового характера. Пожалуй, основной проблемой профилактики правонарушений и преступлений в рассматриваемой сфере сегодня является отсутствие четкой законодательной закрепленности на уровне федерального законодательства. Проведя анализ нормативных правовых актов, являющихся правовой основой профилактического воздействия на лиц склонных к совершению правонарушения и преступления в рассматриваемой сфере, хотелось бы отметить, что профилактика данных деяний должно рассматриваться полицией при реализации возложенных на ее функции, как общественно опасное деяние, представляющее существенный вред охраняемым законом общественным интересам.

На сегодняшний день деятельность органов внутренних дел нуждается в проведении комплекса оперативно-профилактических мероприятий, в целях устранения проблемных аспектов, касающихся отсутствия согласованности между отдельными нормативными правовыми актами. Положения, сформулированные в ФЗ «О полиции», регламентируют, что на всех сотрудников полиции распространяется обязанность по предупреждению, профилактике и пресечению преступлений и административных правонарушений. При этом значительная роль здесь отводится деятельности по профилактике, которая представляет собой целостную систему и состоит из взаимосвязанных элементов. Обращаясь к самой дефиниции «профилактика»,

можно отметить, что в широком смысле она предполагает комплекс действий, направленных на недопущение совершения преступного деяния. Кроме того, рассматриваемое понятие предусматривает и работу с категорией лиц, подверженной совершать преступления. Рассматривая толкование «профилактики» в узком смысле слова, можно отметить, что это деятельность, которая предусматривает под собой цель выявить причины совершения преступления, условия и обстоятельства, способствовавшие его совершению. В криминологии существует дискуссия по поводу того, какое же все-таки понятие шире «профилактика» или «деятельность по предупреждению преступлений». К однозначному выводу на сегодня правоведы так и не пришли, но большая часть из них склоняется ко второму варианту. Оперативно-профилактические мероприятия (операции) являются наиболее действенным методом профилактики, под которыми понимается комплекс мер, осуществляемых с целью недопущения совершения преступлений в границах определенной территории.

Проанализировав нормативную базу, а именно – ФЗ «О полиции», №182- ФЗ, Федеральный закон от 15.08.1995 № 144- ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», УК РФ, УПК РФ, КоАП РФ и иные приходим к выводу, что в указанных документах отсутствует такой термин как «комплексная оперативно-профилактическое мероприятие (операция)». Профилактическое воздействие на несовершеннолетних носит индивидуальный характер, что объясняется личными социально-психологическими особенностями подростков. Как любая комплексная оперативно-профилактическая операция, оперативно-профилактическое мероприятие под условным наименованием «Твой выбор» состоит из подготовительного, основного и заключительного этапа. На подготовительном этапе необходимо проведение организационных мероприятий, к которым относят:

1. Создание рабочей группы по подготовке и проведению оперативно-профилактического мероприятия, составление графика проведения мероприятий. Как правило, рассматриваемое нами мероприятие, проводится в период с 15 по 21 апреля каждого года, поэтому целесообразно минимум за десять дней уведомить об этом службы и подразделения ОВД, которые принимают в нем участие. Кроме того, определяется ответственное за проведение оперативно-профилактической операции подразделение, перечень задействованных сил и средств, порядок их взаимодействия, предусматривается формирование графиков реализации задач проведения мероприятий и контроль за их исполнением. Безусловно, основным модератором проведения данного мероприятия является специализированная структура ОВД – это ПДН МВД России.

2. Следующим мероприятием на данном этапе является проведение анализа оперативно-служебной информации о состоянии групповой преступности несовершеннолетних. Важно отметить, что для оптимизации проведения подготовительных мероприятий в рамках оперативно-профилактического мероприятия «Твой выбор» необходимо определить фактическое либо прогнозируемое осложнение оперативной обстановки. С учетом того, что данное оперативно-профилактическое мероприятие является заранее спланированным, учитываются показатели фактического осложнения оперативной обстановки, по нашему мнению, прогнозируемые 40 17 показатели осложнения оперативной обстановки могут учитывать на заключительном этапе, в качестве рекомендаций.

Одним из наиболее эффективных рычагов социализации несовершеннолетних, склонных к совершению правонарушений или уже вступивших в конфликт с законом, является привлечение их к общественно полезным видам деятельности. Уникальную возможность переформатирования взглядов таких подростков предоставляют мероприятия, проводимые социально ориентированными некоммерческими общественными организациями и объединениями. По данным Министерства экономического развития РФ, на территории страны в соответствии с постановлением Правительства РФ от 30.07.2021 г. № 12902 в настоящее время (по состоянию на 22 ноября т.г.) зарегистрировано более 50,4 тыс. НКО. Больше всего НКО зарегистрировано в республике Башкортостан 1146, к примеру, в Республике Крым 501. Треть всех НКО реализуют программы в сфере семьи и детства. Посредством участия в проводимых мероприятиях молодые люди могут проявить свою гражданскую позицию, проникнуться социальными проблемами общества, защитить свои права, проявить активность и стать значимой частью современного общества.

В то же время рассматриваемая категория несовершеннолетних в большинстве случаев о работе НКО не информирована либо нуждается в индивидуальном сопровождении для включенности в проектные мероприятия. В этой связи в ряде регионов вовлечение детей «группы риска» в акции общественных объединений и фондов осуществляется посредством наставничества, в том числе на площадках ресурсных центров. По нашему мнению, оперативно-профилактическое мероприятие «Твой выбор» содержит элементы индивидуально профилактического мероприятия в виду того, что осуществляется профилактическое воздействие в отношении конкретного субъекта. Важно указать, что в соответствии с Инструкцией по организации деятельности ПДН ОВД, выявление и профилактика групповых правонарушений является одним из направлений работы данного подразделения, в том числе посредствам комплекса оперативно-профилактических мероприятий (операций) (п.95.1.1), однако при этом постановка на профилактический учет и дальнейшая индивидуально-профилактическая работа носит повседневный характер осуществляется в отношении несовершеннолетних с заведением учетно-профилактической карточки или дела и реализуется в отношении различных категорий, которые могут и не проверятся в рамках рассматриваемого нами мероприятия.

Нами предлагается в ходе оперативно-профилактических мероприятий (операции) рассмотреть вопрос о проверке подростков, состоящих на учете в ПДН, но не всех, а только тех которые соответствуют цели мероприятия, а именно: – причастных к экстремисткой деятельности; – участвующих в незаконных массовых акциях; – склонных к проявлению «Скулшутинга» и «Колумбайн», «Зацепингу»; – входящих в состав групп антиобщественной направленности; – употребляющие наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо одурманивающие вещества. – употребляющие алкогольную и (или) спиртосодержащую продукцию. Модератор мероприятия по собственному усмотрению, с учетом оперативной обстановки может корректировать данные категории - проверить родителей или иных законных представителей, состоящих на профилактическом учете (п.49.2).

Проработать вопрос участия в оперативно-профилактическом мероприятии (операции) представителей комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органов, осуществляющих управление в сфере образования, органов управления здравоохранением, органов управления социальной защитой населения, органов службы занятости, органов по делам молодежи, учреждений уголовно-исполнительной системы и других субъектов профилактики. 5. Совместно с адми-

нистрациями образовательных организаций принять дополнительные меры к повышению уровня осведомленности сотрудников органов внутренних дел о склонных к деструктивному поведению несовершеннолетних. Обеспечить организацию необходимых профилактических мер по недопущению совершения ими правонарушений и преступлений.

В дальнейшем на этапе проведения мероприятия необходимо организовать и проконтролировать проведение мероприятий по выявлению, постановке на профилактический учет и разобщению групп несовершеннолетних антиобщественной направленности.

Список литературы:

1. Вакуленко Н.А., Ачкасова М.Г. Актуальные статистико-криминологические параметры семейно-бытовой преступности современности. Юрист-Праоведа.2022, №2 (101). С. 90
2. Криминология: Учебник для вузов / Под ред. проф. Малкова В.Д. 4 изд., перераб. и доп. – М.: ЗАО «Юстицинформ», – 2011. – С. 56.
3. Криминология / Под ред. Кудрявцева В.Н., Эминова В.Е. 2 изд. – М.: – Юристъ, 1997. С. 76.
4. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Доступ из справ. –правовой системы «Гарант».
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) [Электронный ресурс] // Доступ из справ. -правовой системы «Гарант».
6. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [Электронный ресурс] // Доступ из справ. -правовой системы «Гарант».
7. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». [Электронный ресурс] // Доступ из справ. -правовой системы «Гарант».
8. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) [Электронный ресурс] // Доступ из справ. -правовой системы «Гарант».

Zyryanov I. V. Causes and conditions conducive to the involvement of minors in destructive, including extremist activities // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – C. 369-375.

Criminologists and law enforcement practitioners consider crimes committed in this area to be the most acute social problems that require increased attention and new approaches in preventive activities against them, including those implemented through victimological prevention measures. It is necessary, among other things, to pay closer attention to law enforcement agencies to family and household relations, which ideally should be characterized as kindred, close, neighborly, unfortunately, there are a large number of conflicts in the family that can indirectly contribute to the involvement of minors in destructive, including extremist activities. The instability and intensity of the social situation, the level of discomfort and unsettled citizens have a direct impact on the involvement of minors in destructive, including extremist activities.

Keywords: causes and conditions, minors, destructive activity, extremism, police officers, crime, administrative offense.

Spisok literatury:

1. Vakulenko N.A., Achkasova M.G. Actual statistical and criminological parameters of modern family and household crime. Lawyer-Lawyer.2022, No.2 (101). p. 90
2. Criminology: Textbook for universities / Edited by Prof. Malkova V.D. 4th ed., reprint. and additional. – M.: CJSC "Justicinform", – 2011. – p. 56.
3. Criminology / Ed. Kudryavtseva V.N., Eminova V.E. 2nd ed. – M.: – Jurist, 1997. p. 76.
4. Federal Law No. 182-FZ dated 06/23/2016 "On the basics of the crime prevention system in the Russian Federation" [Electronic resource] // Access from the help. - the legal system "Garant".
5. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) [Electronic resource] // Access from the help. - the legal system "Garant".
6. Federal Law No. 120-FZ dated June 24, 1999 "On the basics of the system of prevention of neglect and juvenile delinquency" [Electronic resource] // Access from the help. - the legal system "Garant".
7. Federal Law No. 3-FZ of February 7, 2011 "
8. Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on 12/10/1948) [Electronic resource] // Access from the help. - the legal system "Garant".

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 376–388.

УДК 343.2

КРИТЕРИИ МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ ДЕЯНИЯ: ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОГО ТОЛКОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СОСТАВОВ ХИЩЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЛИЦОМ СВОЕГО СЛУЖЕБНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Кабанова Л. Н.

Тольяттинский государственный университет (Тольятти, Россия)

В статье представлен обзор проблем неопределенности правового регулирования обстоятельств (критериев), характеризующих малозначительность деяний. К ним относятся незакрепленность в доктрине и законе общепризнанного понятия «малозначительное деяние» и отсутствие четких критериев его определения. Приведена систематизация научных знаний о параметрах оценки степени общественной опасности по признакам субъективной и объективной стороны состава преступления, учитываемых в целях определения малозначительности. Отражены межотраслевые связи с административно-деликтным правом. Проанализированы наиболее спорные проблемы применения института малозначительности в судебной практике на примере квалифицированных составов хищений, связанных с использованием лицом своего служебного положения, выявлены проблемы судебного толкования. Обосновывается вывод о том, что в правоприменительной практике понятие малозначительности деяния часто наделяется противоречивыми смыслами. Цель – изучение правовой природы и развития специфичной и неоднозначной категории «малозначительность» в уголовном праве; определение критериев малозначительности в контексте ч. 2 ст. 14 УК РФ с учетом современных подходов науки и практики по деяниям, квалифицированным как тот или иной вид хищения, совершенный лицом с использованием служебного положения. Задачи– выявление и анализ конструктивных признаков понятий «малозначительное деяние», «малозначительность», «общественная опасность»; выявление проблем судебного толкования критериев малозначительности хищений по деяниям, квалифицированным как тот или иной вид хищения, совершенный лицом с использованием своего служебного положения; формулирование направлений по совершенствованию действующего законодательства. Сделан вывод, что толкование общей нормы о малозначительности не позволяет во всех случаях применять ее напрямую ввиду использования законодателем в ч. 2 ст. 14 УК РФ противоречивого терминологического аппарата. Предлагается уточнить такие критерии в уголовном законе. Обосновано введение специального процессуального порядка прекращения уголовных дел в связи с малозначительностью.

Ключевые слова: малозначительность, малозначительное деяние; критерии малозначительности квалифицированных составов хищений, связанных с использованием лицом своего служебного положения; общественная опасность; прекращение уголовного дела в связи с малозначительностью.

В ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), закрепляется положение, согласно которому *не является преступлением* действие (бездействие), хотя *формально* и содержащее признаки какого-либо *деяния*, предусмотренного УК РФ, но в *силу малозначительности* не *представляющее общественной опасности*.

Юридическая природа малозначительного деяния, как показало исследование в науке определяется неоднозначно. С одной стороны, обосновывается выделение основного признака малозначительности – разновидность преступления как часть родового понятия. С другой стороны – производится сопоставление преступления и малозначительного деяния, которое должно обладает меньшей степенью общественной опасности [22]. В контексте ч. 2 ст. 14 УК РФ малозначительное деяние – вид преступного деяния, поэтому не может обладать иными качественными и количественными параметрами общественной опасности, выходящими за границы понимания общественной опасности преступления.

Общественная опасность состоит «в свойстве деяния причинять вред охраняемым системой права общественным отношениям, вне зависимости от степени такого вреда» [18]. Деяние, по мнению автора, становится общественно опасным, когда его «последствия причиняют вред общественным отношениям, находящимся под охраной закона. Однако признание его преступлением или малозначительным деянием происходит после оценки правоприменителем характера и степени общественной опасности конкретного действия субъекта» [21].

В исследованиях встречается и противоположная точка зрения – понятие общественной опасности считается универсальным понятием, характеризующим все правонарушения [10]. С развитием практики применения института малозначительности критерии уточнялись. Одним из основных критериев следует считать количественную характеристику общественной опасности [12]. Некоторые специалисты считают, что малозначительное деяние не может содержать признаков состава преступления [16], в то время как другие считают, что оно формально соответствует признакам, но фактически не является преступлением [4]. Устанавливается также первичность связи малозначительности деяния с признаками состава преступления [18]. В других публикациях обосновывается введение института уголовного проступка, поскольку малозначительность не позволяет проводить «дифференциацию уголовной ответственности за преступления, не представляющие значительной общественной опасности» [3].

Использование термина «малозначительное деяние» складывается из двух юридических терминов «деяние» и прилагательного «малозначительное». Однако деяние по конструкции нормы (ч. 1 ст. 14 УК РФ) – это есть преступление, а малозначительности придается прямо противоположное значение [8]. Как следует из текста уголовного закона – «не является преступлением действие в силу малозначительности …», таким образом, критерии малозначительности в положениях уголовного закона не раскрываются, лишь производится толкование их в положениях Пленумов Верховного Суда РФ по различным видам преступлений.

Впервые при толковании малозначительности по делам о преступлениях против военной службы раскрывается понятие *«малозначительное деяние»*, которое определяется как деяние, хотя формально и содержащее признаки состава преступления, но с учетом характера совершенного деяния и роли лица в его совершении, тяжести наступивших последствий, содержания мотивов и целей и иных обстоятельств не представляющее общественной опасности (п. 5 постановления Пленума Верховного Суда от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы»).

Как неоднократно подчеркивал Конституционный суд РФ, если норма уголовного закона не позволяет ее применять напрямую на практике ввиду ее неопределенности, то искомая степень определённости может обеспечиваться за счет судебного толкования. Однако и в правоприменительной практике малозначительности придается противоречивый смысл, что и будет предметом исследования в нашей статье.

Проанализировав ряд материалов доследственной проверки и уголовных дел с квалифицированными составами хищений, связанных с использованием лицом своего служебного положения, мы отметили, что ни на стадии возбуждения уголовного дела, ни на стадии предварительного расследования решения в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в деянии состава преступления ввиду его мало-

значительности не принимались, такие дела направлялись в суд с обвинительным заключением. Суды, в свою очередь, неоднозначно проводили толкование обстоятельств, характеризующих малозначительность, а прекращение уголовных дел в связи с малозначительностью производилось на основании тех же оценочных критериев определения *существенности причиненного вреда* преимущественно в практике ВС, в порядке кассационного обжалования. Таким образом, несмотря на попытки ВС РФ на уровне официальных рекомендаций определить критерии малозначительности по разным видам преступлений, на практике применение этого института характеризуется высокой долей субъективизма ввиду несовершенства правового регулирования. Отдельно статистический учет показателей по малозначительности не производится, показатели входят в общую категорию «по реабилитирующим основаниям» прекращения уголовного дела на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в деянии состава преступления.

Критерии малозначительности хищений, главным образом, установлены в решениях и официальных разъяснениях ВС РФ. Не возникает никаких сомнений, что необходимость в уточнении критериев малозначительности будет расширяться с накоплением опыта правоприменения. В целях более точного теоретического обоснования проведем анализ правовой природы и развития данной специфичной и неоднозначной категории.

Отметим, что норма, близкая по смыслу и с одинаковым морфемным составом с современной «малозначительностью» присутствовала уже в Судебнике «Великого князя Ивана Васильевича» 1497 г. Правовые нормы при «незначительности» способствовали самостоятельному примирению сторон, что приводило к снижению судебной нагрузки и достижению принципа социальной справедливости.

В уголовном праве советского периода производство по делу (его возбуждение, расследование), имеющего все признаки состава преступления, с ничтожными и маловажными последствиями представлялось нецелесообразным[1].

В практике ВС РФ традиционно уже сложившиеся рекомендации сформулированы при применении малозначительности прежде всего по разным видам хищения: мошенничество, присвоение или растрата, кража. Так, в п. 25.4 постановления Пленума ВС РФ от 27.12.2002 г. № 29 «О практике по делам о краже, грабеже и разбое» выделены объективные признаки малозначительности. Объективная сторона малозначительного деяния, выражается, прежде всего в отсутствии существенного имущественного ущерба. Субъективная же сторона заключается в желании виновного совершить именно малозначительное деяние, а не причинить более «весомый» вред потерпевшему. Оценка деяния как малозначительного должна проводиться по нескольким критериям – размеру ущерба, форме вины и направленности умысла, а также по другим обстоятельствам.

Позднее, с учетом внесенных изменений в указанное постановление, критерии малозначительности хищений были расширены, судам были даны разъяснения о применении положений ч. 2 ст. 14 УК РФ в отношении хищений «формально содержащих квалифицирующие признаки». В постановлении Пленума ВС от 22.12.2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» определяются критерии характера и степени общественной опасно-

[1] О дополнении Уголовно-процессуального Кодекса статьями 4-а, 203-а, 222-а: декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 9 февраля 1925 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1925. № 9. Ст. 68.

сти для разграничения признака существенности причиненного вреда. Характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления. При учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь в виду прежде всего направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред. Степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла (прямой или косвенный) либо неосторожности (легкомыслие или небрежность).

В п. 33 постановлении Пленума ВС РФ от 30.11.2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» лишь дублируются положения уголовного закона ч. 2 ст. 14 УК РФ. В приведенных постановлениях в разъяснениях по деяниям, квалифицированным как тот или иной вид хищения, толкование понятия «малозначительное деяние» не производится.

В постановлении Пленума ВС от 18.05.2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» дается толкование термина «малозначительное деяние». Малозначительным является деяние хотя формально и содержащее признаки состава преступления…, но с учетом характера совершенного деяния и роли лица в его совершении, содержания мотивов и целей, тяжести наступивших последствий и иных обстоятельств не представляющее общественной опасности (п. 5 постановления Пленума ВС от 18.05.2023 г. № 11).

Таким образом, анализ официальной позиции судов позволяет выделить обстоятельства, характеризующие малозначительность хищений: направленность умысла, размер причиненного ущерба; роль подсудимого в преступлении, совершенном в сговоре; характер обстоятельств, способствовавших совершению деяния; умысел, мотив и цели, которыми руководствовался подсудимый (обвиняемый); обстоятельства, способствовавшие совершению деяния. Наличие квалифицирующих признаков не препятствует применению положений ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Анализ положений п. 5 постановления Пленума ВС от 18.05.2023 г. № 11 позволяет выделить обстоятельства, характеризующие *малозначительность правонарушения*: обстоятельства, относящиеся к личности и постпреступному поведению, то есть такие активные действия виновного, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему. Такие действия, как указано в тексте Постановления, не могут являться обстоятельствами, характеризующими малозначительность правонарушения, они могут учитываться при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности или при назначении уголовного наказания.

Правоприменитель при толковании малозначительности при рассмотрении уголовных дел о преступлениях против военной службы использует термин «малозначительное правонарушение», тогда как в первом абзаце анализируемого положения п. 5 подробно раскрывается определение понятия «малозначительное деяние». Полагаем, что в данном случае в тексте разъяснения не допущена опечатка. Сочетание юридических терминов определено не случайно, подчеркивается природа малозначительности как обстоятельства, исключающего преступность деяния, влекущего реабилитирующие последствия.

Далее обратимся к анализу законодательной конструкции административной малозначительности. В ст. 2.9. КоАП РФ установлена возможность освобождения от административной ответственности при малозначительности административного правонарушения. Толкование административной малозначительности представлено в п. 21 постановления Пленума ВС от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административные правонарушения». Здесь критерии также представлены в виде общего перечня оценочных обстоятельств: характер правонарушения, размер причиненного ущерба, тяжесть последствий. Оценка личности лица, совершившего правонарушение, добровольное устранение последствий правонарушения, его имущественное положение, не являются обстоятельствами, характеризующими малозначительность правонарушения. Они в силу ч. 2 и 3 ст. 4.1 КоАП РФ учитываются при назначении наказания.

Таким образом, в соответствии со ст. 2.9 КоАП РФ малозначительность признается одним из самостоятельных оснований освобождения от административной ответственности. Малозначительность как основание освобождения от уголовной ответственности в уголовном законе не предусмотрена. Малозначительность по ч. 2 ст. 14 УК РФ – совокупность абстрактных критериев, позволяющих не считать преступлением действие, формально содержащие признаки какого-либо деяния, но не обладающего признаком общественной опасности. Однако общие критерии, следующие из толкования официальной позиции судов, фактически одинаковы.

Итак, продолжая рассуждения о материально-правовой составляющей малозначительности отметим, что одним из признаков малозначительности выступает исключение такого важнейшего признака преступления как общественная опасность – «… не представляющее общественной опасности» – говориться в положении ч. 2 ст. 14 УК РФ. Что же все-таки в уголовно-правовой доктрине понимается под общественной опасностью? Подавляющее большинство российских ученых считает, что данное явление представляет собой основной материальный признак исключительно преступления [4; 11; 18]. Встречаются точки зрения о том, что понятие общественной опасности рассматривается как «универсальное понятие, которое характеризует все правонарушения» [10].

Нередко ученые констатируют отсутствие общественной опасности ряда криминализованных деяний, в том числе тех преступлений, состав которых сконструирован на основании административной преюдиции [13]. Описанные в законе деяния являются общественно опасными», – утверждает Ю.Е. Пудовочкин [17], поэтому многие авторы характеризуют общественную опасность преступления как субъективную [9], или конъюнктурную [15].

В контексте нашего исследования, заслуживает внимания мнение судьи К.В. Арановского, выраженное в тексте постановления Конституционного суда РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П[2]. Общественная опасность трактуется как субъективное состояние, зависящее от восприятия и выражения виновного через призму законодательных решений. Нам представляется, следует различать общественную опас-

[2] Особое мнение судьи *К. В. Арановского* к Постановлению Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 2.

ность преступления – оценку осуществляет законодатель и индивидуальную общественную опасность совершенного деяния – оценку должен осуществлять правоприменитель, уделяя внимание направленности деяния на охраняемые социальные ценности и причиненный им вред. Оценка общественной опасности, производимая органами предварительного расследования и судами, совершенного хищения, по мнению специалистов [1; 2; 5], должна происходить исходя из изучения совокупности параметров, обозначенных в таблице.

Таблица №1. Классификация параметров оценки степени общественной опасности по признакам субъективной и объективной стороны состава преступления в целях определения малозначительности.

параметр (признак)	обоснование	пример
по объекту (предмету) преступления	незначительность стоимости похищенного имущества	хищение предметов небольшой стоимости и/или хищение небольшого количества продуктов питания или одежды
	незначительность причиненного вреда по оценке потерпевшего	хищение вещей, которые не являются необходимыми для жизни и здоровья потерпевшего
	незначительность социальной опасности преступления	хищение предметов или имущества, которые не представляют серьезной угрозы для общества
	значимость похищенного предмета для потерпевшего	у потерпевшего нет сильной эмоциональной привязанности к похищенному предмету, и он не является для него важным
признаку объективной стороны	незначительность последствий	отсутствие значительного ущерба для потерпевшего, возможность полного возмещения ущерба, отсутствие угрозы для жизни и здоровья потерпевшего
	особенности способа	хищение без насилия или угрозы насилия в отношении потерпевшего; хищение без использования специальных инструментов и устройств, применения оружия или других опасных предметов при совершении хищения
	особенности места	хищение из общественного места, где отсутствует особая охрана, хищение из места, где отсутствует возможность скрыться с похищенным имуществом, хищение в малолюдном месте, где отсутствует возможность привлечения внимания окружающих
	особенности обстановки	хищение в состоянии крайней необходимости
по признаку субъективной стороны	отсутствие умысла на продолжаемое хищение	субъект воспользовался чужой банковской картой всего один раз при наличии возможности ее дальнейшего использования
	особенности мотивации	наличие у субъекта преступления мотивов, не связанных с личной выгодой (желание помочь близкому человеку, нехватка денег на лечение и т.д.).
	особенности целей	преступление было совершено в целях удовлетворения незначительных потребностей (хищение спиртосодержащих напитков для немедленного употребления); отсутствие у субъекта преступления цели получения

параметр (признак)	обоснование	пример
		значительной выгоды или обогащения
	дополнительный вред при хищении был причинен непреднамеренно	при открытом хищении виновный при попытке скрыться с места происшествия вынужденно осуществляет физический контакт с лицом, пытающимся воспрепятствовать его противоправной деятельности
по признаку субъекта преступления	имущественное положение субъекта	наличие у виновного незначительного дохода или тяжелого материального положения
	отсутствие у виновного предыдущих судимостей за подобные преступления	
	наличие смягчающих обстоятельств	добровольное возмещение ущерба, сотрудничество с правоохранительными органами, признание вины и т.д.
по признаку степени реализации преступного намерения	совершение неоконченного преступления	при отсутствии умысла на причинение значительного или более крупного ущерба
	отсутствие преднамеренности действий соучастника	соучастник случайно стал участником группового преступления и не имел предварительного намерения совершать хищение
по признаку позитивного постпреступного поведения лица	возмещение ущерба	лицо, совершившее хищение, вернуло похищенное имущество или возместило ущерб
	сотрудничество с правоохранительными органами	лицо, совершившее хищение, сотрудничает с правоохранительными органами, помогая им раскрыть другие преступления
	исправление лица	лицо, совершившее хищение, проявляет желание исправиться и принимает меры для этого
	отсутствие повторных преступлений	лицо, совершившее хищение, не совершает повторных преступлений или схожих правонарушений (мелких хищений)
исходя из характеристики потерпевшего	финансовая стабильность потерпевшего	потерпевший имеет достаточно высокий уровень дохода и хищение не повлияет негативно на его финансовое состояние
	степень влияния хищения на повседневную жизнь потерпевшего	хищение не оказало значительного влияния на повседневную жизнь потерпевшего
	качестве потерпевшего выступает юрлицо, которое отказывается считать причиненный хищением ущерб существенным вредом, негативно влияющим на функционирование организации/предприятия	

Таким образом, при разрешении вопроса о признании деяния малозначительным судами используются различные критерии, как относящиеся ко всем элементам состава преступления, так и связанные с иными обстоятельствами. Анализ судебной практики не позволил выявить единый подход даже при оценке малозначительности

по критерию стоимости похищенного, о необходимости формализации которого часто пишут в научной литературе.

Особо следует подчеркнуть, что, несмотря на указание недопустимости учета характеристик личности виновного и его постпрестпного поведения, в частности, при рассмотрении судами уголовных дел о преступлениях против военной службы (п. 5 постановления ВС от 18.05.2023, указанные критерии используются при обосновании отсутствия общественной опасности хищения. Далее определим связь малозначительности деяния с признаками состава преступления. В уголовно-правовой доктрине встречаются различные подходы: «малозначительное деяние не содержит в принципе признаков состава преступления» [16], «оно формально соответствует признакам, но фактически не является преступлением [23].

Л. Д. Гаухман настаивал на том, что толкование закона подразумевает различие между формальным и фактическим наличием состава преступления [4]. Ю. Е. Пудовочкин также устанавливает первичность связи малозначительности деяния с признаками состава преступления [17]. В публикациях других авторов обосновывается введение института уголовного проступка, поскольку малозначительность не позволяет проводить «дифференциацию уголовной ответственности за преступления, не представляющие значительной общественной опасности» [19].

Процессуальной основой прекращения уголовного дела (по сложившейся практике) в связи с малозначительностью служат положения п. 2 ст. ч. 1 ст. 24 УПК РФ – за отсутствием в деянии состава преступления, суды добавляют при этом словосочетание – «ввиду малозначительности». Однако самостоятельного процессуального основания в нормах уголовно-процессуального кодекса, закрепляющих основание прекращения уголовного дела и уголовного преследования не предусмотрено, что позволяет принимать решения о прекращении уголовного дела в виду малозначительности только в процессе кассационного обжалования на уровне ВС.

Учет обстоятельств, характеризующих малозначительность хищений в кассационной практике Верховного Суда. Далее проанализируем складывающуюся кассационную практику применению института малозначительности на примере квалифицированных составов хищений, связанных с использованием лицом своего служебного положения.

Примечательно, что при прохождении дела через все инстанции решение о прекращении в связи с малозначительностью принималось только на уровне Верховного Суда РФ (далее – ВС РФ). В кассационном определении ВС РФ (от 20 августа 2022 № 15-УДП20-7-К1 решения Зубово-Полянского районного суда Республики Мордовия от 29 октября 2019 г. и Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26 марта 2020 г. по делу № 1-132\2019 были отменены, а уголовное дело прекращено на основании п. 2 ч.1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в деянии состава преступления в виду его малозначительности. При рассмотрении дела по существу действия Ф. были квалифицированы по ч. 3 ст. 159.2 УК РФ – с использованием служебного положения. В суде первой инстанции, в рассматриваемом примере, судами был применен альтернативный институт – освобождение от уголовной ответственности. В качестве обстоятельств, характеризующих малозначительность ВС указал отсутствие *существенного вреда* в результате совершенного Филипповой Е.Д. деяния, а также должной степени общественной опасности в ее действиях, позволяющей рас-

ценивать их как преступное деяние, отсутствие существенных последствий, наступивших в результате преступления.

Квалифицирующий признак «с использованием служебного положения» также не стал препятствием по другим аналогичным решениям: определение ВС РФ от 24 марта 2022 г. № 53-УД22-3-К8; определение ВС РФ от 22.12.2022 г. № 41-УД22-33-К4. Во всех приведенных примерах, там, где дело прекращалось, суды указывали – «доказательств существенности вреда не представлено».

В практике также известны случаи ошибочной оценки обстоятельств, характеризующих малозначительность (определение ВС РФ от 12.03.2020 г. № 72-УД20-3).

При оценке обстоятельств, характеризующих малозначительность в практике ВС в 2023 г. по делам о хищениях с квалифицирующим признаком – «с использованием служебных полномочий[3]» суды в качестве критериев принимали во внимание обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, включая его посткриминальное поведение. Таким образом, в судебной практике нет единого подхода к применению института малозначительности: суды разного уровня неоднозначно оценивают обстоятельства дела, характеризующие критерии малозначительности. Оценка обстоятельств, характеризующих малозначительность в соответствии с ч. 2 ст. 14 УК РФ осуществляется фактически только на уровне Верховного Суда РФ.

Обсуждение результатов. Отсутствие специально установленных критериев для однозначного и предсказуемого выбора между малозначительным деянием (само по себе используемое понятие «деяние» в контексте ч. 2 ст. 14 УК РФ – противоречие) и, например, хищением не позволяет обеспечить единообразие правоприменительной практики В судах разного уровня нет единого подхода к оценке обстоятельств, характеризующих малозначительность деяния, не представляющего общественной опасности.

Судебное толкование критериев малозначительности хищений при принятии решений в порядке кассационного обжалования в ВС в течение последних 3-х лет идет по пути широкого толкования. В качестве критериев рассматриваются и данные, характеризующие личность, и роль лица в совершении преступления, и тяжесть наступивших последствий, и содержание мотивов и целей и иных обстоятельств, которые в своей совокупности не должны представлять общественную опасность.

Главный критерий разграничения в судебной практике по делам о хищениях – отсутствие «достаточности» или «существенности» причинного вреда. Во всех приведенных примерах, там, где дело прекращалось, суды указывали – «доказательств существенности вреда не представлено». Таким образом для определения критериев малозначительности хищений существенное значение имеет не столько размер ущерба, сколько его значимость для потерпевшего. Оценка степени общественной опасности, таким образом, складывается из совокупности оценочных категорий, что также делает затруднительным обеспечение единообразной судебной практики.

В уголовном законе прямо не предусмотрено, что малозначительное деяние содержит признаки состава преступления, законодатель апеллирует понятием «деяние», таким образом, приходится обращаться к толкованию высшей судебной ин-

[3] *См., например:* определение Верховного Суда РФ от 20 апреля 2023 г. № 39-УД23-6-К1, определение ВС РФ от 17 августа 2023 г. № 41-УД23-11-К4.

станции страны. Во всех решениях ВС не оспаривается установление признаков состава преступления. Однако сама конструкция нормы ч. 2 ст. 14 УК РФ построена так, что малозначительное деяние одновременно не может являться общественно опасным. Таким образом, нельзя отстаивать тот подход, что при выявлении признаков состава преступления правоприменитель автоматически устанавливает общественную опасность, по крайней мере, исходя из толкования действующего уголовного законодательства.

Этот подход, как нам представляется, важно донести до правоприменителей для обеспечения единообразной судебной практики по дифференциации уголовной ответственности, в частности, за хищения, не представляющие значительной общественной опасности. Если обстоятельства прекращения дела по реабилитирующим основаниям можно установить на этапе рассмотрения дела, они должны быть установлены с применением понятного, не допускающего неоднозначных трактовок закона, без необходимости применения его по аналогии, что прямо запрещено положениями ст. 3 УК РФ. Проблему обостряет и отсутствие самостоятельного процессуального основания прекращения дела в связи с «ограниченной» общественной опасностью (малозначительностью).

Таким образом, представляется спорной, можно сказать, уже сложившейся практики ВС по прекращению уголовных дел по реабилитирующим основаниям при совершении отдельных видов хищения лицом с использованием своего служебного положения. Следует согласиться с мнением Н. А. Лопашенко о том, что сложившаяся судебная практика противоречит основам дифференциации уголовной ответственности, заложенным в уголовном законе [12].

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ. 1. Нормы современного уголовного законодательства для признания деяния малозначительным предусматривают одновременно наличие следующих критериев: деяние должно содержать признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом, и одновременно деяние не может являться общественно опасным. Однако, здесь и возникает один из сложных вопросов, требующих более тщательного рассмотрения – как определить уровень «маловажности» и «ничтожности» последствий, какая характеристика должна быть определяющей при установлении малозначительности – субъективная, объективная или их совокупность. Оценка степени общественной опасности, таким образом, складывается из совокупности оценочных категорий, что также делает затруднительным обеспечение единообразной судебной практики.

2. Приведенный в статье краткий анализ доктринальных положений, складывающейся судебной практики по делам о хищениях, официальных позиций Верховного Суда РФ о критериях малозначительности, следуя логике законодательной техники построения уголовно-правовой нормы о малозначительном деянии, приходим к выводу о необходимости закрепления самостоятельного ***обстоятельства*** – «Малозначительность», с введением новой главы – 8.1 УК РФ «Иные обстоятельства, исключающие преступность деяния». Предлагается к обсуждению следующая формулировка ст. 42.1 УК РФ: «Не является преступлением действие (бездействие) хотя формально и содержащее признаки какого-либо состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом, но с учетом характера совершенного деяния, роли лица в его совершении, тяжести наступивших последствий, содержания мотивов и

целей и иных обстоятельств, ***существенно*** снижающих степень общественной опасности, не являются преступлением.

Критерии «существенности» и «несущественности» степени общественной опасности для отдельных видов преступлений могут различаться. Предлагается раскрывать их в соответствующих Постановлениях Пленумов ВС РФ, внося изменения, по мере накопления судебной практики. Как нам представляется такое положение нормы о малозначительности в структуре норм Общей части УК РФ логично, позволяет точно определить, что это обстоятельство, исключающее преступность деяния, которое должно приниматься во внимание каждый раз правоприменителем при оценке фактических обстоятельств по делу. При этом необходимо дополнить положение нормы о малозначительности исключением из общего правила, о том, что с учетом специфики объекта и объективной стороны отдельных видов преступлений, они ни при каких обстоятельствах не могут быть признаны малозначительными, поскольку существенно нарушают охраняемые общественные отношения. Предложение по формулировке в этой части авторы работы не приводят по причине необходимости проведения дополнительных научных изысканий в рамках исследования применения института малозначительности по всем группам преступлений. В качестве примера такого исключения, основываясь на проведенное исследование, применительно к хищениям, можно назвать такой признак как совершение хищения лицом с использованием своего служебного положения. Это исключение обусловлено необходимостью для лиц, наделенных властными полномочиями, повышенных стандартов поведения по сравнению с остальными гражданами, не имеющих соответствующих полномочий.

3. С точки зрения установления процессуального порядка применения предлагается дополнить положения уголовно-процессуального законодательства специальной нормой о прекращении дела в связи с малозначительностью в гл. 4 УПК РФ.

Список литературы:

1. Винокуров В. Н. Общественная опасность и малозначительность деяния // Уголовное право. 2023. № 10 (158). С. 3-11
2. Винокуров В. Н. Структура общественной опасности и основание признания деяния малозначительным // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 1 (163). С. 120-131.
3. Гаврилов Б. Я., Крымов В. А., Шпагина Ю. В. Уголовный проступок: новые грани российского законодательства // Право. Журнал высшей школы экономики. 2022. № 1. С. 115-139.
4. Гаухман Л. Д., Журавлев М. П. К вопросу о понятии хищения // Уголовное право. 2014. № 6. С. 11-16. DOI: 10.52390.
5. Жилкин М. Г., Качалов В. В. Критерии малозначительности хищений и их учет в судебной практике // Уголовное право. 2024. N 3. С. 16-25.
6. Иванова О. М. Хищение чужого имущества как уголовно-правовая категория / монография, М: «Юрлитинформ». 2022. 200 с.
7. Корсун Д. Ю. Уголовно-правовая природа малозначительного деяния (ч. 2 ст. 14 УК РФ) // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. № 4. С. 155-159. DOI: 10.33693/2541-8025.
8. Краев Д. Ю. Малозначительность деяния (ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации): вопросы правоприменения // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19, № 3. С. 294-309. DOI 10.19073/2658-7602-2022-19-3-294-309.
9. Кудрявцев В. Н. Криминализация и криминология // Lex Russica (Русский закон). 2005. Т. 64. № 1. С. 81.
10. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. Избранные труды / монография. СПб.: Юридический центр Пресс. 2003. 443 с.
11. Лопашенко Н. А. Авторский курс в 4 книгах. / монография, сер. «Уголовное право». Том IV. Корыстные (без признаков хищения) и некорыстные посягательства на собственность. М.: Издательство Юрлитинформ. 2019. 192 с.
12. Лопашенко Н. А. О некоторых проблемах в понимании малозначительного деяния по уголовному праву // Уголовное право. 2019. № 5. С. 65-78. DOI: 10.52390.

13. Лопашенко Н. А. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации // Правоприменение. 2020. Т. 4. № 4. С. 126-140.
14. Ображиев К. В. Малозначительные хищения чужого имущества стоимостью свыше 2500 рублей // Уголовное право. 2021. № 6. С. 39-48. DOI: 10.52390.
15. Понятовская Т. Г. Концептуальные основы уголовного права России: история и современность. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та. 1994. С. 70.
16. Потетинов В. А. О понятии малозначительности деяния в уголовном законодательстве России: историко-правовой анализ и критерии оценки // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 4(39). С. 329-337.
17. Пудовочкин Ю. Е. Оценка судом общественной опасности преступления: научно-практическое пособие. М.: РГУП, 2019. С. 25.
18. Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Динамизм и стабильность судебной практики // Журнал российского права. 2019. № 7. С. 56-64. DOI: 10.35750/2071-8284-2023-3-117-126/.
19. Рогова Е. В. Дифференциация уголовной ответственности: нравственные основы Уголовный проступок: новые грани российского законодательства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 1 (104). С. 238-245., DOI: 10.24411/2312-3184
20. Сизова В. Н. Уголовное законодательство современной России: проекты, проблемы и прогнозы. Москва. 2022. Проспект. 488 с.
21. Сотсков Ф. Н. Сущность и решение актуальных проблем уголовного права России / монография. Москва: Экслибрис-Пресс. 2011. 208 с.
22. Хмелевская Т. А. Мелкое хищение чужого имущества и малозначительное деяние: вопросы судебного и доктринального толкования // Труды Оренбургского института (филиала) Московского государственной юридической академии. 2023. № 1 (55) С. 94-98.
23. Шарапов Р. Д. Малозначительность хищения чужого имущества // Уголовное право. 2020. № 6 (124). С. 83-96. DOI: 10.52390/20715870_2020_6_83/.

Kabanova L. N. Criteria of insignificance of an act: problems of judicial interpretation on the example of qualified elements of theft related to the use of a person's official position // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 376-388.

The article presents an overview of the problems of uncertainty of legal regulation of circumstances (criteria) characterizing the insignificance of acts. These include the lack of consolidation in the doctrine and law of the generally recognized concept of "insignificant act" and the absence of clear criteria for its definition. The article systematizes scientific knowledge on the parameters for assessing the degree of public danger based on the features of the subjective and objective side of the crime taken into account for the purpose of determining insignificance. Interbranch connections with administrative-tort law are reflected. The most controversial problems of applying the institution of insignificance in judicial practice are analyzed using the example of qualified elements of theft related to the use of an official position by a person; problems of judicial interpretation are identified. The conclusion is substantiated that in law enforcement practice the concept of insignificance of an act is often endowed with contradictory meanings. The goal is to study the legal nature and development of the specific and ambiguous category of "insignificance" in criminal law; Definition of insignificance criteria in the context of Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation taking into account modern approaches of science and practice for acts qualified as one or another type of theft committed by a person using his official position. Objectives: identification and analysis of constructive features of the concepts of "insignificant act", "insignificance", "social danger"; identification of problems of judicial interpretation of the criteria of insignificance of theft for acts qualified as one or another type of theft committed by a person using his official position; formulation of directions for improving the current legislation. It is concluded that the interpretation of the general rule on insignificance does not allow its direct application in all cases due to the use by the legislator of contradictory terminology in Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is proposed to clarify such criteria in the criminal law. The introduction of a special procedural procedure for terminating criminal cases due to their insignificance is justified.

Key words: insignificance; insignificant act; criteria for the insignificance of qualified elements of theft related to the use by a person of his official position; public danger; termination of the criminal case due to insignificance.

Spisok literatury:

1. Vinokurov V. N. (2023) Obshchestvennaya opasnost' i maloznachitel'nost' deyaniya [Public danger and insignificance of the act]. In *Ugolovnoe parvo*, no. 10 (158), pp. 3-11.
2. Vinokurov V. N. (2024) Struktura obshchestvennoi opasnosti i osnovanie priznaniya deyaniya maloznachitel'nym [The structure of public danger and the grounds for recognizing an act as insignificant]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, vol 28, no. 1 (163), pp. 120-131.
3. Gavrilov B. Ya., Krymov V. A., Shpagina Yu. V. (2022) Ugolovnyi prostupok: novye grani rossiiskogo zakonodatel'stva [Criminal misdemeanor: new facets of russian legislation]. In *Pravo. Zhurnal vysshei shkoly ekonomiki*, no. 1, pp. 115-139.

4. Gaukhman L. D., Zhuravlev M. P. (2014) K voprosu o ponyatii khishcheniya [On the question of the concept of theft]. In *Ugolovnoe parvo*, no. 6. pp. 11-16, DOI: 10.52390.
5. Zhilkin M. G., Kachalov V. V. (2024) Kriterii maloznachitel'nosti khishchenii i ikh uchet v sudebnoi praktike [Criteria for the insignificance of embezzlement and their consideration in judicial practice]. In *Ugolovnoe parvo*, no. 3, pp.16-25.
6. Ivanova O. M. (2022) *Khishchenie chuzhogo imushchestva kak ugolovno-pravovaya kategoriya* [Theft of someone else's property as a criminal law categor], Moscow, Yurlitinform», 200 p.
7. Korsun D. Yu. (2019) Ugolovno-pravovaya priroda maloznachitel'nogo deyaniya (ch. 2 st. 14 UK RF) [Criminal law nature of a minor act (part 2 of article 14 of the criminal code of the Russian Federation)]. In *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki*, no. 4, pp. 155-159, DOI: 10.33693/2541-8025.
8. Kraev D. Yu. (2022) Maloznachitel'nost' deyaniya (ch. 2 st. 14 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii): voprosy pravoprimeneniya [Insignificance of an act (part 2 of article 14 of the criminal code of the Russian Federation): issues of law enforcement]. In *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie*, vol 19, no. 3, pp. 294-309. DOI 10.19073/2658-7602-2022-19-3-294-309.
9. Kudryavtsev V. N. (2005) Kriminalizatsiya i kriminologiya [Criminalization and criminology]. In *Lex Russica (Russkii zakon*), vol 64, no. 1, p. 81.
10. Kuznetsova N. F. (2003) *Prestuplenie i prestupnost'. Izbrannye trudy* [Crime and crime. Selected works] St.Petersburg. Yuridicheskiĭ tsentr Press. 443 p.
11. Lopashenko N. A. (2019) Avtorskii kurs v 4 knigakh. / monografiya, ser. «Ugolovnoe pravo»/ Tom IV. *Korystnye (bez priznakov khishcheniya) i nekorystnye posyagatel'stva na sobstvennost'* [Mercenary (without signs of theft) and non-mercenary encroachments on property]. Moscow. Izdatel'stvo Yurlitinform. 192 p.
12. Lopashenko N. A. (2019) Nekotorykh problemakh v ponimanii maloznachitel'nogo deyaniya po ugolovnomu pravu [On Some Problems in the understanding of a minor act in criminal law]. In *Ugolovnoe parvo*, no. 5, pp. 65-78, DOI: 10.52390.
13. Lopashenko N. A. (2020) Obshchestvennaya opasnost' prestupleniya: ponyatie i kriterii verifikatsii [Public danger of crime: concept and verification criteria]. In *Pravoprimenenie*, vol 4. no. 4, p. 126-140.
14. Obrazhiev K. V. (2021) Maloznachitel'nye khishcheniya chuzhogo imushchestva stoimost'yu svyshe 2500 rublei [Minor theft of someone else's property worth more than 2500 rubles]. In *Ugolovnoe parvo*, no. 6, pp. 39-48, DOI: 10.52390.
15. Ponyatovskaya T. G. (1994) *Kontseptual'nye osnovy ugolovnogo prava Rossii: istoriya i sovremennost'* [Conceptual foundations of russian criminal law: history and modernity]. Izhevsk. Udmurt. un-ta. 70 p.
16. Kuznetsova N. F. (2003) *Prestuplenie i prestupnost'. Izbrannye trudy* [Crime and Crime. Selected works] St.Petersburg. Yuridicheskiĭ tsentr Press. 443 p.
17. Potetinov V. A. (2019) O ponyatii maloznachitel'nosti deyaniya v ugolovnom zakonodatel'stve Rossii: istoriko-pravovoi analiz i kriterii otsenki [On the concept of insignificance of an act in the criminal legislation of Russia: historical and legal analysis and evaluation criteria]. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, vol 4 (39), pp. 329-337.
18. Pudovochkin Yu. E. (2019) *Otsenka sudom obshchestvennoi opasnosti prestupleniya:* nauchno-prakticheskoe posobie [Assessment of the public danger of a crime by the court]. Moscow. RGUP. 25 p.
19. Pudovochkin Yu. E., Babaev M. M. (2019) Dinamizm i stabil'nost' sudebnoi praktiki [Dynamism and stability of judicial practice]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 7, pp. 56-64, DOI: 10.35750/2071-8284-2023-3-117-126/.
20. Rogova E. V. (2023) Differentsiatsiya ugolovnoi otvetstvennosti: nravstvennye osnovy Ugolovnyi prostupok: novye grani rossiiskogo zakonodatel'stva [Differentiation of criminal responsibility: moral foundations criminal offense: new facets of russian legislation]. In *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*, no. 1 (104), pp. 238-245, DOI: 10.24411/2312-3184.
21. Sizova V. N. (2022) *Ugolovnoe zakonodatel'stvo sovremennoi Rossii: proekty, problemy i prognozy* [Criminal Legislation of Modern Russia: Projects, Problems and Forecasts]. Moscow. Prospekt. 488 p.
22. Sotskov F. N. (2011) *Sushchnost' i reshenie aktual'nykh problem ugolovnogo prava Rossii* [The essence and solution of actual problems of criminal law in Russia]. Moscow. Ekslibris-Press. 208 p.
23. Khmelevskaya T. A. (2023) Melkoe khishchenie chuzhogo imushchestva i maloznachitel'noe deyanie: voprosy sudebnogo i doktrinal'nogo tolkovaniya [Petty theft of someone else's property and insignificant act: issues of judicial and doctrinal interpretation]. In *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskogo gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii*, no. 1 (55), pp. 94-98.
24. Sharapov R. D. (2020) Maloznachitel'nost' khishcheniya chuzhogo imushchestva [Insignificance of theft of someone else's property]. In *Ugolovnoe parvo*, no. 6 (124), pp. 83-96, DOI: 10.52390/20715870_2020_6_83/.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 389–396.

УДК 343

О КАЧЕСТВЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ «ФИНАНСОВЫМ ПИРАМИДАМ» И НЕЗАКОННЫМ ВАЛЮТНЫМ ОПЕРАЦИЯМ

Карязов Н. В.

Статья посвящена вопросам качества расследования преступлений, связанных с организацией «финансовых пирамид» и незаконных валютных операций. Определяются современные тенденции данного вида преступлений: приводится статистика преступной деятельности в рассматриваемой сфере, анализируется практика расследования данных преступлений на основе изучения конкретных уголовных дел. Раскрываются признаки указанных «финансовых пирамид» в условиях современного процесса цифровизации. Актуальность темы обусловлена значительным распространением преступлений, связанных с нелегальной деятельностью на финансовом рынке, противодействие которым является одной из приоритетных задач правоохранительных органов.

Ключевые слова: расследование преступлений, финансовая пирамида, незаконная валютная операция, национальная платежная система, оперативно-розыскные мероприятия

Практика расследования преступлений экономической направленности свидетельствует о необходимости внесения изменений в законодательство о национальной платёжной системе в части регулирования деятельности иностранных платежных систем, с учетом международного опыта.

Федеральным законом от 02.08.2019 № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О национальной платежной системе» и Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [1] установлены требования к иностранным платежным системам, работающим в России. Закреплено, что информация об иностранной организации, являющейся оператором иностранной платежной системы, в рамках которой осуществляются трансграничные переводы денежных средств физических лиц, должна быть включена в реестр операторов иностранных платежных систем Банка России, при этом осуществление любых действий возможно исключительно через обособленное подразделение такой компании на территории РФ.

В ходе мониторинга практики расследования уголовных дел о преступлениях, связанных с противоправной деятельностью на финансовом рынке, проблем, обусловленных отсутствием на территории РФ представительств операторов иностранных платежных систем либо их отказом от взаимодействия с правоохранительными органами, не выявлено. Международный опыт регулирования деятельности иностранных платежных систем свидетельствует о целесообразности проработки вопроса об ужесточении контроля в данной сфере, необходимо учитывать не только криминогенную, но экономическую обстановку в стране, в том числе последствия ухода международных платежных систем и появляющиеся в этой связи перспективы. При этом, следует отметить, что «мы находимся на поворотном витке кризисного состояния всей валютно-финансовой составляющей в мировой валютной системе» [2, с. 281].

Пресечение преступлений, связанных с нелегальной деятельностью на финансо-

вом рынке, является одной из приоритетных задач правоохранительных органов и, с учетом внедрения новых, прежде всего дистанционных способов незаконной активности, предопределяет необходимость совершенствования существующих подходов к борьбе с современной преступностью и повышению эффективности раскрытия и расследования таких деяний. «Большое число пирамид существует в виде проектов в интернете, но ряд из них совмещают его с личным общением с потенциальными вкладчиками» [3, с. 78].

В 2023 г. ЦБ РФ выявлено более 5700 финансовых пирамид и нелегальных поставщиков финансовых услуг, что на 15,5% больше показателя 2022 г. «По сравнению с 2022 г. выявлено на 46% больше финансовых пирамид, нелегальных кредиторов – на 9%. При этом почти на 30% снизилось количество нелегальных участников рынка ценных бумаг» [1]. По данным Росфинмониторинга 90 % «финансовых пирамид» находится в системе «Интернет». Кроме того, «как правило, бенефициары, собственники находятся в офшорах. Фигуранты конкретно – это в основном граждане Украины, Латвии, Великобритании, Болгарии и других стран. Но 11 финансовых пирамид закрыто на сегодняшний день, и более 60 уголовных дел сейчас разбирается в отношении их» [2, с. 281].

В истории России были преступные «финансовые пирамиды», которые принесли значительный ущерб, гражданам. Так, к таковым возможно отнести «МММ», которая начала свое функционирование в 1989 г. Едва ли найдется взрослый человек, который не слышал о «МММ». Изначально, компания занималась ввозом и продажей в России иностранной оргтехники, но уже в 1992 г. ее руководитель С. Мавроди сменил организационную форму компании на Акционерное общество открытого типа (АООТ). С этого момента начинается история пирамиды, которая по оценкам экспертов обманула 10 миллионов вкладчиков» [3, с. 78].

Негативная конъюнктура финансового рынка, обусловленная введением экономических санкций со стороны недружественных нам стран, привела к снижению привлекательности легальных финансовых институтов, находящихся под надзором Банка России, и способствовала активизации нелегальной деятельности.

В феврале этого года состоялось заседание Координационного совещания руководителей правоохранительных органов РФ по теме «Об эффективности деятельности правоохранительных органов по противодействию преступным посягательствам на финансовом рынке», 10 где отмечалось, что в качестве современных рисков выступают: «создание в интернет-пространстве финансовых пирамид, которые, как правило, маскируются под легальные гражданско-правовые формы, и последующая их навязчивая популяризация в сети» и «вовлечение в криминальный оборот криптовалют и иных виртуальных активов».

Пресечение незаконной деятельности «финансовых пирамид» является одной из приоритетных задач правоохранительных органов и, с учетом активного внедрения новых, прежде всего, дистанционных способов преступной деятельности, предопределяет необходимость выработки совместных скоординированных мер борьбы с преступностью на финансовом рынке и повышению эффективности деятельности по раскрытию и расследованию преступлений рассматриваемой категории. Негативная конъюнктура финансового рынка, обусловленная введением экономических санкций со стороны недружественных нам стран, привела к снижению привлекательности легальных финансовых институтов, находящихся под надзором Банка

России, и способствовала активизации нелегальной деятельности.

Под мошенничеством, именуемом «финансовыми пирамидами», как правило, понимается «преступление, способом которого является привлечение финансовых средств от физических и юридических лиц (инвесторов, вкладчиков и пр.) с созданием иллюзии продуманности и обоснованности инвестиционной деятельности и обещанием быстрого обогащения, с осуществлением последующих выплат денег, а равно предоставления имущества не в результате собственной экономической деятельности, а за счет новых финансовых поступлений от вкладчиков, так как собственного имущества заемщика недостаточно для удовлетворения всех имущественных требований вкладчиков, что влечет причинение им материального ущерба» [4, с. 75].

К признакам преступных «финансовых пирамид», которые существуют в настоящее время, возможно отнести следующие: «обещание высоких доходов и «золотых гор», схема Понци; ориентир на том, чтобы участники приводили новых вкладчиков; многие операции внутри пирамиды происходят через криптовалюты; легкость осуществления операций внутри мошеннических схем; заманчивые условия; нет офлайн-площадки, только социальные сети или сайты; сайт мошенника можно распознать по следующим факторам: современное яркое оформление и минимальное количество контактов, реквизитов и иной информации» [5, с. 3].

Интернет-проекты функционируют как по типу «финансовых пирамид», так и в виде «инвестиционных компаний», которые привлекают как можно большее число участников для сбора денежных средств и криптовалюты. В реализации подобных преступных схем наметился ряд тенденций, ранее не свойственных «финансовым пирамидам», а именно: деятельность осуществляется исключительно в сети «Интернет»; отсутствуют представительства (офисы) как на территории РФ, так и за ее пределами; связь с представителем «интернет-проекта» возможна исключительно посредством сети «Интернет» или телефона; отсутствует возможность установить идентификационные данные организатора деятельности «интернет-проекта»; создание отдельных небольших интернет-проектов в разных субъектах РФ и максимальная конспирация связей данных «финансовых пирамид» с их организаторами, осуществляющими управление незаконной деятельностью дистанционно, в том числе через посредников или доверенных лиц; использование для привлечения в «финансовую пирамиду» медийных личностей, блогеров, шоуменов и т.д., которые публично демонстрируют в социальных сетях свои истории успеха, создавая (как умышленно, так и в силу добросовестного заблуждения) рекламу незаконной деятельности злоумышленников, обеспечивающей приток новых вкладчиков-инвесторов; ориентация на привлечение небольших сумм денежных средств за счет охвата максимально большого количества вовлеченных в «финансовую пирамиду» участников, что также позволяет злоумышленникам частично обезопасить себя от обращения пострадавших лиц в полицию, поскольку похищенные денежные средства не влекут причинения значительного ущерба для каждого отдельного вкладчика и последние не готовы тратить свое личное время на попытки их возврата и изобличение преступников; привлечение в качестве вкладчиков лиц, имеющих незаконные (либо незадекларированные) доходы, которые не могут разместить свои средства в иных (легальных) инвестиционных проектах без объяснения источника получения таких средств. К тому же организаторы «пирамид» обоснованно рассчи-

тывают, что такие лица не станут сообщать в правоохранительные органы о совершенных в отношении них преступных действиях. В целях своевременного пресечения указанной деятельности налажено постоянное взаимодействие с подразделениями Росфинмониторинга и Банка России, которые осуществляют мониторинг функционирования подозрительных организаций и в случае установления в их работе признаков противоправности, информируют правоохранительные органы.

Кроме того, комплекс мероприятий по документированию фактов хищения денежных средств граждан под предлогом инвестирования проводится в рамках Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [6] по результатам проверки поступающих обращений граждан.

Одной из ключевых проблем, связанных с расследованием уголовных дел о преступлениях рассматриваемой категории, является высокий уровень их латентности. Сайты интернет-проектов как правило зарегистрированы в иностранных государствах, организаторы активно используют подменные номера, а обналичивание и легализация похищаемых денежных средств осуществляется посредством сети дропов.

В целях оказания управленческого воздействия на деятельность подразделений, осуществляющих расследование преступлений на финансовом рынке оказывается методическая и практическая помощь: организуется сбор, обобщение и анализ сведений о преступлениях, связанных с деятельностью «финансовых пирамид», по результатам которого осуществляется подготовка аналитических обзоров с предложениями по расследованию преступлений, связанных с «финансовыми пирамидами». Криминальная обстановка в сфере экономической деятельности в РФ, несмотря на принимаемые на государственном уровне меры по смягчению налоговой нагрузки, борьбе с «черным рынком» и незаконными финансовыми операциями, а также либерализации законодательства и развитию правосознания в сфере предпринимательской деятельности, продолжает оставаться сложной.

Сегодня активно развивается целая индустрия по разработке и применению всевозможных схем незаконных финансовых операций, уклонения от уплаты налогов, незаконному выводу активов за рубеж, легализации и отмыванию денежных средств, полученных преступным путем, созданию механизмов, обеспечивающих сокрытие доходов вне юрисдикции РФ. Это подрывает основы экономики, внешние экономические связи, наносит репутационный и экономический ущерб государству.

Доходы, полученные от незаконной деятельности, уклонение от уплаты налогов, таможенных и иных платежей, являются источником «грязных денег», которые питают криминальную среду, нелегальный бизнес и коррупцию. При этом государство сталкивается с активным оттоком капитала из страны, что обескровливает экономику, поскольку скрытые за границей средства, выбывают с финансового рынка РФ.

В сложившейся обстановке особое значение приобретает задача повышения эффективности деятельности органов внутренних дел по выявлению и расследованию преступлений, связанных с незаконными валютными операциями по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте РФ на банковские счета нерезидентов с предоставлением кредитной организации, обладающей полномочиями валютного контроля, подложных документов.

На законодательном уровне РФ принимаются активные меры по предотвращению сокрытия денежных средств субъектов экономической деятельности страны за

ее пределами, в том числе доходов, добытых преступным путем. Федеральным законом от 28.05.2013 г. № 1РФ Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям» [7] в УК внесена дополнительная ст. 193.1 «Совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте РФ на счета нерезидентов с использованием подложных документов».

Данная статья предусматривает уголовную ответственность за осуществление денежных переводов на счет одного или нескольких нерезидентов с представлением кредитной организации, обладающей полномочиями агента валютного контроля, документов, связанных с проведением таких операций и содержащих заведомо недостоверные сведения об основаниях, целях и назначении перевода.

Расследование названных преступлений требует своевременного изъятия и ареста крупных сумм наличных средств и денежных средств, находящихся на счетах компаний, используемых при совершении преступления резидентов и нерезидентов, в целях обращения их в доход государства. При этом необходимо обратиться к прокурору в целях инициирования соответствующих исковых заявлений об обращении преступного дохода в пользу государства. Одной из проблем расследования преступлений указанной категории является отсутствие практических рекомендаций, а также разъяснений ВС РФ. Кроме этого, данной статьей охватывается только узкий круг действий по выводу капитала за пределы РФ, которые связаны только исключительно с валютными операциями между резидентом и нерезидентом. При этом криминальные элементы разрабатывают и внедряют другие способы незаконного вывода за рубеж денежных средств, используя операции на фондовых рынках либо совершая «зеркальные» сделки с ценными бумагами. Однако сама суть таких операций остается одна – незаконный вывод из страны денежных средств.

В качестве положительных примеров расследования преступлений рассматриваемой категории можно привести следующие уголовные дела. Так, уголовные дела расследовались по обвинению руководителей и участников международного преступного сообщества П., К. и др., которым было предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 и 3 ст. 210 и ч. 3 ст. 193.1 УК РФ. Проведенным расследованием установлено, что с 2013 по 2014 гг. К. совместно с владельцем молдавского банка «М» П. и известным в Республике Молдова политиком и предпринимателем В. создали и возглавили международное преступное сообщество для организации незаконного вывода денежных средств из РФ в иностранные государства. В преступную деятельность были вовлечены владельцы российских банков, которые организовали незаконные валютные операции с молдавским банком «М» по подложным документам. Руководители структурного подразделения международного преступного сообщества С. и П. организовали открытие расчётных счетов подконтрольным компаниям для зачисления на них более 176 млрд руб. клиентов, а руководители казначейства совместно с директором казначейства молдавского банка П. приобрели на эти средства иностранную валюту и перечислили ее на счета молдавского банка «М», тем самым выведя ее из финансовой системы Российской Федерации. С обвиняемыми П., К. и др. заключены соглашения о досудебном сотрудничестве. Так, при расследовании данных уголовных дел был проведен комплекс следственных и оперативно-розыскных мероприятий, а именно: - допрошены большое количество свидетелей из числа сотрудников перечисленных выше кредитных организаций, произведены обыски, выемки документации, в том числе

содержащие сведения из автоматизированной банковской системы российских кредитных организаций, и их последующие осмотры, а также проведены оперативно-розыскные мероприятия на территории г. Москвы и других субъектов РФ, в ходе которых изъяты финансово-хозяйственная документация, регистрационные документы, печати, а также иные предметы и документы в отношении резидентов и нерезидентов, используемых в незаконной деятельности; по результатам проведенных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий в порядке ст. 91, 92 УПК РФ по подозрению в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 и 3 ст. 210 и ч. 3 ст. 193.1 УК РФ, задержаны К., С., П. и др., которым предъявлено обвинение в совершении указанных преступлений, после чего в отношении них избраны меры пресечения в виде заключения под стражу; - в рамках международного сотрудничества на территории Республики Молдова и Латвийской Республики изъяты финансовые документы по деятельности нерезидентов; - проведены сложные трудоемкие судебные бухгалтерские экспертизы по установлению сумм денежных средств, выведенных российскими кредитными организациями на счета нерезидента (банка «М») под видом валютных сделок. В ходе изучения особое внимание уделено установлению структуры, их участников, а также распределению преступных ролей между ними. Данные сведения подтверждались допросами свидетелей, а также результатами оперативно-розыскных мероприятий. В ходе расследования уголовного дела установлено, кто именно является организатором и лидером преступной организации, роль каждого соучастника, наличие лиц, оказывающих услуги по регистрации юридических лиц, используемых при совершении преступления, дистанционно управляющих их счетами, организовывающих взаимоотношения с клиентами, приобретавших валюту на ММВБ и других источников, изготавливавших подложные решения судом Молдавской Республики, составляющих банковские документы прикрытия валютных операций с молдавским банком и другими нерезидентами. После получения указанных сведений проводились совместные совещания с сотрудниками оперативных подразделений, на которых была выработана тактика проведения их реализации, заключающейся в проведении обысковых мероприятий, направленных на обнаружение и изъятие предметов и документов, имеющих доказательственное значение, задержание участников преступного сообщества, проведение других неотложных следственных действий. Перед проведением реализации, при составлении и согласовании совместного плана следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий необходимо определить наиболее оперативно значимую информацию, которая может быть утрачена либо уничтожена лицами, в отношении которых происходит реализация оперативной информации, для чего привлекаются наиболее подготовленные сотрудники. Таким образом, согласованное, совместное планирование следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий необходимо для полноты, всесторонности и качества проводимых мероприятий, которые направлены на получение и формирование доказательственной базы по совершенному преступлению. Также, совместный план следственных действий и оперативнорозыскных мероприятий дает возможность осуществлять более качественный ведомственный контроль, соблюдение сроков выполнения поставленных задач. При расследовании уголовных дел данной категории обязательно необходимо направить запросы об оказании правовой помощи компетентным органам иностранных государств, в которых зарегистрированы нерезиденты, располо-

жены кредитные организации, на счета которых переводились денежные средства российских компаний. Исполнение данных международных запросов требует значительного времени, что влияет на сроки предварительного следствия. Документы, полученные в рамках данных запросов, являются важными доказательствами по делу, поскольку содержат сведения о лицах, регистрирующих нерезидентов, открывавших им расчетные счета, а также контролировавших их денежные потоки. Кроме этого, важно своевременно изъять в кредитных организациях РФ всю финансово-хозяйственную документацию, предоставленную в качестве обоснования валютных операций, назначить и провести бухгалтерские и почерковедческие судебные экспертизы, с целью установления сумм переводов, а также принадлежности подписей в документах, лицам, привлекаемым к уголовной ответственности по делу. На основании собранных по делу доказательств, органам следствия и оперативным сотрудникам УСБ ФСБ России удалось пресечь деятельность международного преступного сообщества, которое организовало незаконный вывод денежных средств из РФ в иностранные государства.

Данные уголовные дела являлись трудоемкими в расследовании ввиду международного характера исследуемых обстоятельств, поскольку незаконные валютные операции совершались на территориях РФ, Республики Молдовы, Украины, Латвийской Республики, а денежные потоки направлялись на банковские счета нерезидентов в зарубежные страны. Кроме того, данные уголовные дела имели государственное значение, обусловленное защитой престижа и репутации Российской Федерации, как участника внешнеэкономической деятельности. Учитывая изложенное, следственным подразделениям необходимо активно выявлять и расследовать преступления данной категории, поскольку эта противоправная деятельность наносит существенный вред экономическим интересам государства. Использование полученного опыта в выявлении и расследовании незаконных валютных операций, а также разработка новых методов позволит эффективно противостоять развитию данного вида преступлений. Важно отметить, что стратегическое «повышение финансовой грамотности населения, формирование устойчивого недоверия к любым формам интернет-инвестирования является основой успешного противодействия такому крайне негативному социальному явлению, как современные виртуальные финансовые пирамиды» [8, с. 51].

Список литературы:

1.Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 31. Ст. 4423.
2. Осипова М.Г. Первая финансовая пирамида и первый финансовый кризис в истории мировой валютной системы // Юго-восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2013. № 20. С. 281.
3. Матвеева Е.Е. Риски финансовых пирамид и финансовое мошенничество // Материалы международной научно-практической конференции «Финансовая грамотность как противодействие финансовым махинациям». Курск, 2024. С. 78.
4. Белицкий В.Ю. Формирование понятия мошенничеств, совершенных по принципу "финансовых пирамид" // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2. С. 75.
5. Авагян А.А., Мирзоян М.А., Кабанова Н.А. Проблема финансовых пирамид и современных способов мошенничества на финансовых и криптовалютных рынках // Вестник Евразийской науки. 2024. Том 16. № 4. С. 3.
6. Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.
7. Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 26. Ст. 3207.
8. Кокорев А.С., Шавыкин Я.В. Направления повышения финансовой грамотности населения в части противодействия современным финансовым пирамидам // Культура и безопасность. 2022. № 1. С. 51.

Karyazov N.V. On the quality of the investigation of certain types of economic crimes: the experience of countering "financial pyramids" and illegal currency transactions // Scientific notes of V. I. Ver-

nadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 389-396.

The article is devoted to the issues of the quality of investigation of crimes related to the organization of "financial pyramids" and illegal currency transactions. The current trends of this type of crime are determined: statistics of criminal activity in the field under consideration are provided, the practice of investigating these crimes based on the study of specific criminal cases is analyzed. The signs of these "financial pyramids" in the context of the modern process of digitalization are revealed. The relevance of the topic is due to the significant spread of crimes related to illegal activities in the financial market, countering which is one of the priorities of law enforcement agencies.

Keywords: crime investigation, financial pyramid scheme, illegal currency transaction, national payment system, operational investigative measures.

Spisok literatury:

1.Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2019. № 31. St. 4423.
2. Osipova M.G. Pervaya finansovaya piramida i pervyj finansovyj krizis v istorii mirovoj valyutnoj sistemy // YUgo-vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya. 2013. № 20. S. 281.
3. Matveeva E.E. Riski finansovyh piramid i finansovoe moshennichestvo // Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Finansovaya gramotnost' kak protivodejstvie finansovym mahinaciyam». Kursk, 2024. S. 78.
4. Belickij V.YU. Formirovanie ponyatiya moshennichestv, sovershennyh po principu "finansovyh piramid" // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 2. S. 75.
5. Avagyan A.A., Mirzoyan M.A., Kabanova N.A. Problema finansovyh piramid i sovremennyh sposobov moshennichestva na finansovyh i kriptovalyutnyh rynkah // Vestnik Evrazijskoj nauki. 2024. Tom 16. № 4. S. 3.
6. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1995. № 33. St. 3349.
7. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2013. № 26. St. 3207.
8. Kokorev A.S., SHavykin YA.V. Napravleniya povysheniya finansovoj gramotnosti naseleniya v chasti protivodejstviya sovremennym finansovym piramidam // Kul'tura i bezopasnost'. 2022. № 1. S. 51.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 397–404.

УДК 343.9

ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИЗМА В СТРУКТУРЕ АНТИКРИМИНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА: В УСЛОВИЯХ НОВЫХ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кондратюк С. В.

Рассмотрены проблемы криминологической профилактики проявлений экстремизма. На материале новых субъектов Российской Федерации показаны признаки распространения экстремистской идеологии в молодежных социальных группах. Социологическими методами выявлены механизмы рекрутирования участников экстремистских сообществ. Определены формы социального поведения, открытые для наполнения их экстремистским содержанием. Предложены меры криминологической профилактики проявлений экстремизма. Обращено внимание на необходимость совершенствования нормативно-правового обеспечения криминологической профилактики экстремизма. Показано значение взаимодействия государственных органов с общественными организациями, действующими в сфере антикриминальной политики. Статья заинтересует криминологов – ученых и практиков, по вопросам криминологической профилактики экстремизма, с учетом региональной специфики. Материал статьи может стать основой вузовских учебных курсов криминологического направления, а также послужить отправной точкой диссертационных исследований по правовым и социальным наукам.

Ключевые слова: антикриминальная политика, экстремизм, криминологическая профилактика, духовно-нравственных ценности, атрибуты внешности, стереотипы поведения.

Актуальность темы исследования. В современной России, благодаря усилиям криминологов, теоретиков в области уголовного права и уголовного процесса, социологов и политологов, а также правоприменителей формируется антикриминальная государственная политика [1-3]. Импульс к развитию указанная политика получает от достижений практики преодоления преступности. Разрабатываемая антикриминальная политика государства распределена по направлениям, которые соответствуют актуальным видам преступности [4; 5]. К таким направлениям относим антиэкстремистское. По данному направлению антикриминальной политики совершенствуется криминологическая профилактика проявлений экстремизма, осуществляемая в сотрудничестве государственных органов с общественностью [6-8]. На сегодня немаловажное значение приобретает реализация антикриминальной политики в условиях новых субъектов Российской Федерации.

Цель статьи: предложить меры криминологической профилактики проявлений экстремизма в условиях новых субъектов РФ.

В ходе исследования применены социально-криминологические методы наблюдения, расспроса и анкетирования, преимущественно молодёжных групп.

Обсуждение. В Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента РФ от 9.11.2022 г. No 809, обозначены нравственные ориентиры для формирования мировоззрения российского общества. Сегодня на освобожденной территории новых субъектов РФ наблюдается морально-патриотический подъем. Однако, на этой волне в общественное сознание проникают идеи экстремизма. Воздействуя на духовные и нравственные устои, такая враждебная идеология расшатывает систему безопасности страны.

Ранее проведенными на основе анкетирования исследованиями нам удалось выделить сложившиеся в новых субъектах РФ условия для распространения экстремизма в форме идеологии и социальной практики фашизма [9]. Однако, для осуществления эффективного преодоления экстремизма нужны дополнительные научные данные о специфике формирования и проявления этой идеологии на территории указанных регионов России. Поэтому остается первостепенной задача установления факторов, способствующих проникновению чуждых идей в общественное сознание. Криминологическое исследование данного явления на освобожденной территории приобретает значение для успешной интеграции указанных регионов в пространство российского социума.

Экстремизм рассматривается с позиций криминологии такими отечественными учеными, как П.В. Агапов, Ю.М. Антонян, Е.А. Антонян, А.И. Долгова и другими. Система профилактики преступлений данного вида сформирована благодаря трудам Г.А. Агаева, З.М. Бешуковой, Е.В. Демидовой-Петровой, В.В. Меркурьева, А.Б. Сафари, В.Е. Эминова, других. Исследованы детерминирующие факторы экстремизма, связанные с современными изменениями социальной коммуникации [10-12].

С теоретической точки зрения, криминологическая профилактика базируется на системе конкретных знаний о ее объекте [13-15]. Такие знания отображают закономерности и выражаются в принципах (мировоззренческих, научных, моральных и др.), применяемых в профилактической работе [16-18]. Отсюда методология профилактики может быть определена как система познанных закономерностей и установленных принципов, применимых на практике. Соответственно, методология криминологической профилактики в условиях новых субъектов Российской Федерации базируется на изученных закономерностях проникновения и закрепления чуждых идей экстремистского содержания. Очевидно, что такая методология не может предусмотреть всего многообразия складывающихся ситуаций. Но она ставит преграды недоброкачественным мерам профилактического воздействия. Методология криминологической профилактики опирается на принципы научности, системности, конкретности. Проведение исследования в условиях новых субъектов Российской Федерации потребовало уточнения методологического аппарата. Направленность исследования на разработку мер криминологической профилактики экстремизма предопределяет учет специфики сложившейся социальной обстановки на освобожденной территории.

Научное решение вопросов криминологической профилактики экстремизма в рассматриваемых условиях возможно с опорой на методологическое ее содержание. Авторы отмечают, что для нестабильных социумов методологическое обоснование и научное решение проблем противодействия преступности связано с необходимостью учета, в первую очередь, политической составляющей общественной практики [19-21]. Однако, такой подход в преодолении негативных факторов приводит только к тактическому успеху. Между тем, выделение и познание всей системы социальных факторов делает криминологическую профилактику эффективной в долгосрочной перспективе.

В рассматриваемом случае система признаков экстремизма отображает совокупность общественных взглядов идеологического содержания. Такая система может служить основой криминологической профилактики проявлений экстремизма в обществе. При этом, совокупность признаков должна отображать динамику измене-

ний системы общественных отношений и распространения взглядов экстремистского содержания. Очевидно, что динамика изменения условий, способствующих укреплению экстремизма в общественном сознании, определена действующими на настоящий период факторами социального значения. Такие факторы определяют направления развития общественных отношений, а также особенности и тенденции социально-экономического, политического и культурного развития новых субъектов Российской Федерации. Поэтому научное рассмотрение указанных факторов становится необходимым для построения системы мер криминологической профилактики экстремизма.

Существенными факторами, в контексте антикриминальной политики, называем исторический, экономический, идеологический и другие. Так, Луганская и Донецкая народные республики достаточно продолжительное время (более 8 лет) развивались самостоятельно. Однако, в период своего становления и развития они постоянно подвергались вооруженной агрессии со стороны Украины. Результатом агрессивной политики со стороны указанного государства стал геноцид народа Донбасса. В настоящее время такое враждебное воздействие в адрес населения новых субъектов РФ усиливается как в военном отношении, так и в идеологическом, экономическом, политическом и по другим направлениям. Поэтому условия протекания общественных процессов можно распределить на военно-политические, идеологические, экономические и другие. Такая многофакторность социальных явлений затрудняет построение криминологической профилактики экстремизма. Отмечаем наличие сложной диалектической связи между элементами выстраиваемой системы профилактических мер. Поэтому в круге условий, способствующих проявлениям экстремизма в обществе необходимо выделить факторы системообразующие. В сложных системах криминологической профилактики такими факторами, как правило, становятся экономические и политические процессы. Ведущее место в указанной системе занимает экономический фактор.

Из различных научных источников криминологического направления можно видеть, что на освобожденной территории РФ существенными криминогенными факторами остается политическая нестабильность, низкий уровень жизни населения, высокая степень социальной дифференциации [22-24]. В ответ, государство прилагает существенные усилия экономического, политического, организационного характера. Возрождается экономика новых субъектов РФ, на их территории политическую активность проявляют парламентские партии, видны существенные социально-организационные усилия представителей власти. Вместе с тем, ученые обращают внимание на нравственное содержание проводимой государством экономической политики [25]. Вопросы экономики смыкаются с проблематикой духовно-нравственного содержания. Указанная проблематика включает задачи преодоления экстремизма в общественном сознании. Так, факторы морально-нравственный, наряду с экономическим и политическим, должны учитываются в формируемой системе криминологической профилактики экстремизма.

В настоящее время часть населения на освобожденной в ходе СВО территории все еще находится в условиях экономической, финансовой, энергетической, медицинской, пенсионной нестабильности. Защищая с оружием в руках свой исторический выбор, население новых субъектов РФ вправе требовать для себя преференций в социальной, экономической, политической, правовой сферах. Демократизация

всех направлений общественной жизни сопровождается усилением гуманистических начал и возрастанием участия общественности в процессе подготовки законов и других нормативных актов. Обращаем внимание на проблемность нормативно-правового обеспечения профилактических мер, направленных на преодоление экстремистских тенденций в условиях указанных регионов. В результате осуществленных кардинальных политических решений общество на освобожденной территории стремится к непосредственному участию во власти и в контроле за ее деятельностью. Однако, как показали наши наблюдения, население иногда выходит за рамки правового поля в стремлении силовым путем решить накопившиеся социальные проблемы. Так, военно-политический фактор следует признать существенным для построения системы криминологической профилактики проявлений экстремизма в указанных регионах России.

Также, при проведении исследования социальных явлений на освобожденной территории нам пришлось дополнительно учитывать следующие обстоятельства. Во-первых, продолжающиеся боевые действия вызывают в обществе реакцию обоснованной подозрительности к социологическим исследованиям. Действительно, противник широко использует различные формы идеологических диверсий, в том числе и сфальсифицированные интервью. Во-вторых, продолжающие со стороны вооруженных сил Украины обстрелы жилых кварталов прифронтовых городов укореняют чувство страха в обществе. Именно этим могут быть объяснены крайне резкие суждения в блогосфере, а также в комментариях, полученные в ходе проведенного нами анкетирования. Поэтому от адресантов можно ожидать эмоционально окрашенных выражений, что вызвано негативным психологическим состоянием на момент проведения расспроса.

Адресантами сведений, полученных в ходе такого рода коммуникаций, стали студенты гуманитарных специальностей вузов Луганской и Донецкой народных республик – действующие и демобилизованные военнослужащие. С учетом указанных обстоятельств, нами избрана форма беседы с представителями студенческой молодежи, без акцентирования на целях проводимого исследования. Местом таких бесед послужили учебные аудитории вузов. Время проведения социологического расспроса мы старались выбирать после учебных занятий, консультаций и других плановых мероприятий. В таком общении затрагивались вопросы, исследованные в ходе проведенного ранее анкетирования, охватившего широкие слои жителей освобожденной территории новых субъектов Российской Федерации. С учетом того, что многие из опрошенных приняли участие в ранее проведенном анкетировании, то целью бесед с ними ставилось уточнение личностного отношения к различным проявлениям экстремизма в повседневной общественной практике.

По результатам проведенных исследований выделяем следующие признаки проявлений экстремизма в социуме указанных регионов. Так, по нашим наблюдениям, в символике молодежных групп встречаются изображения «пламя, солнце и орёл», «солнцеворот», «черное солнце», синкретические знаки, рунические символы и т.п. Зашифрованный числом 88 призыв экстремистского содержания присутствует в названии одного фитнес-клуба. Символика христианства объединена с символами фашизма. Встречается применение нацистских приветствий в различной форме.

Полученные результаты связываем с механизмом внедрения идей экстремизма в общественное сознание. Распространение указанных поведенческих стереотипов в

обществе мы рассматриваем в плане вербовки новых участников экстремистских сообществ. На ее первоначальном этапе реализуется отрыв такого новобранца от привычного круга общения. По нашим наблюдениям, инструментом для разрыва социальных связей служат именно атрибуты внешности и поведения, такие как особые прическа, одежда, аксессуары, татуировки, а также жаргон, кличка, манера поведения, приветствия, самоназвание. Поэтому внедрение в социальную практику подобных атрибутов внешности и поведенческих стереотипов следует рассматривать как показатель распространенности экстремизма в социуме.

Проявления экстремизма мы обнаружили в ходе проведения творческих мероприятий, таких как заседания союза писателей и поэтов, литературные вечера, встречи с деятелями искусства. В большинстве своем, в литературных произведениях и поэтических текстах авторов-участников творческих союзов представляемые ими произведения несут выраженный патриотический смысл. Однако, при этом, некоторые тексты проникнуты ненавистью к представителям чуждых социальных групп, призывами к их преследованию по признакам национальности, языка, культуры.

Беседы с представителями молодежи, участвовавшими в боевых действиях, позволили нам выявить особенности восприятия ими атрибутивных и поведенческих признаков экстремизма. Так, многие из наших респондентов не видят негативного смысла в изображениях рунических символов, «солнцеворот», «мальтийский крест», в буквосочетаниях, выполненных готическим шрифтом, в цифровых надписях и т.п. Более того, некоторые из наших собеседников демонстрировали собственные татуированные рисунки подобного содержания. В них они вкладывают смысл народной традиции, забытых героев древней истории, мистических знаний. Многие из наших респондентов используют подобные знаки и особенности поведения в силу подражания, либо из желания «присоединиться к стае». Считаем, что существует опасность наполнения подобных символов и форм поведения враждебным содержанием экстремистского толка. В освобожденных регионах уже сложились социальные группы, готовые воспринять идеологию и практику экстремизма. Очевидно, существующий вакуум в общественном сознании не может не оставаться вне враждебного внимания со стороны недружественных сил. В качестве меры профилактического воздействия по антиэкстремистскому направлению считаем необходимым введение цензуры литературных и публицистических произведений, распространяемых, в том числе и по каналам социальной коммуникации.

Таким образом, обобщая результаты проведенных исследований, мы можем констатировать следующее.

1. Экстремистское поведение укореняется в социуме новых субъектов Российской Федерации. Вербальная и невербальная коммуникация в молодежной среде приобрела формы ксенофобии. Наблюдается их направленность на преследование социальных групп по признакам национальности, языка и культурных установок.

Сложившиеся формы социального поведения молодежных групп открыты для наполнения их экстремистской идеологией, что требует незамедлительного применения мер криминологической профилактики, в рамках антикриминальной политики государства.

2. В качестве мер криминологической профилактики в условиях новых субъектов Российской Федерации предлагаем внедрить государственное цензурирование произведений литературы и искусства, СМИ, блогосферы.

Направлениями криминологической профилактики экстремизма на территории освобожденных регионов России должны стать художественная и физическая культура, политическая активность парламентских партий, преодоление чуждых стереотипов группового поведения.

3. Предлагаемые меры криминологической профилактики проявлений экстремизма требуют доработки нормативно-правового обеспечения, в части их пресечения в общественном информационном пространстве.

Список литературы:

1. Номоконов В.А. Антикриминальная политика: методологические и нравственные основы / В.А. Номоконов // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 3. С. 106-116.
2. Куршев А.Х. Антикриминальная политика России в XXI в.: проблемы и способы их решения / А.Х. Куршев // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14, № 4. С. 146-150.
3. Шатковская Т.В. Генезис советской антикриминальной политики / Т.В. Шатковская, Т.М. Нинциева // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2020. № 4(40). С. 102-109.
4. Биккинин И.А. Антикриминальная стратегия государства: теоретические и практические аспекты реализации / И.А. Биккинин, С.И. Муцалов // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2020. № 4(40). С. 109-115.
5. Джатиев В.С. О российской антикриминальной политике / В.С. Джатиев // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 2(33). С. 31-37.
6. Номоконов В.А. Некоторые проблемы оптимизации антикриминальной политики / В.А. Номоконов // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 3. С. 36-42.
7. Ярычев Н.У. К вопросу об интерпретации антикриминальной политики в дореволюционном праве / Н.У. Ярычев, О.В. Мормыло // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2020. № 4(40). С. 125-129.
8. Александрова И.А. Концепция антикриминальной политики и противодействие преступности в экономической сфере / И.А. Александрова // Вестник Нижегородской правовой академии. 2016. № 9(9). С. 67-69.
9. Кондратюк С.В. Фашизм: социологическое исследование и детерминирующие факторы в условиях новых субъектов Российской Федерации / С.В. Кондратюк // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 1(36). С. 103-110.
10. Бидова Б.Б. Феномен экстремизма и экстремистские преступления: / Б.Б. Бидова, Е.Э. Ганаева. Кисловодск: Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования и науки «Учебный центр «Магистр», 2016. 182 с.
11. Теоретические основы предупреждения преступности на современном этапе развития российского общества / П.В. Агапов, Г.В. Антонов-Романовский, В.К. Артеменков [и др.]. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2016. 656 с.
12. Социогуманитарные основы противодействия экстремизму в молодежной среде / Р.А. Андрианова, А.П. Вихрян, Ю.А. Зубок [и др.]. Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2022. 305 с.
13. Расторопов С.В. Особенности прокурорского надзора за исполнением законов о предупреждении экстремистской деятельности несовершеннолетних / С.В. Расторопов, П.В. Агапов, Р.В. Закомолдин // Вестник Самарского юридического института. 2024. № 2(58). С. 74-80.
14. Краснова К.А. Экономический подход к противодействию коррупции / К.А. Краснова, П.В. Никонов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 5(79). С. 113-118.
15. Исмайлов Д.А. Терроризм как угроза национальной безопасности Российской Федерации / Д.А. Исмайлов // Академия права. 2023. № 3(3). С. 43-49.
16. Прокурорский надзор в сфере противодействия проявлениям экстремизма в условиях радикализации и роста протестной активности населения: вопросы теории и практики (часть 1) / В.В. Меркурьев, П.В. Агапов, Е.С. Стешич, В.Н. Смыслова // Юристъ-Правоведъ. 2021. № 1(96). С. 57-62.
17. Прокурорский надзор в сфере противодействия проявлениям экстремизма в условиях радикализации и роста протестной активности населения: вопросы теории и практики (часть 2) / В.В. Меркурьев, П.В. Агапов, Е.С. Стешич, В.Н. Смыслова // Юристъ-Правоведъ. 2021. № 2(97). С. 26-32.

18. Кобец П.Н. Защита имущественных прав потерпевших от террористического акта: гражданско-правовой аспект / П.Н. Кобец, К.А. Краснова, М.А. Волкова // Адвокатская практика. 2018. № 5. С. 16-21.
19. Бешукова З.М. К вопросу о понятии механизма уголовно-правового противодействия экстремистской деятельности / З.М. Бешукова // Национальная безопасность / Nota Bene. 2018. № 6(59). С. 66-78.
20. Устинов А.А. Детерминанты правонарушений экстремистской направленности в учреждениях УИС (на примере ГУФСИН России по Пермскому краю) / А.А. Устинов, А.А. Сохацький // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 2. С. 105-108.
21. Колобов О.А. Детерминирующие факторы экстремистской деятельности представителей молодежи по отношению к мигрантам / О.А. Колобов, А.П. Шмелев // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 6. С. 156-162.
22. Репецкая А.Л. Специфика политики противодействия преступности в условиях осуществления СВО / А.Л. Репецкая // Актуальные проблемы политики противодействия преступности (к юбилею доктора юридических наук, профессора Репецкой Анны Леонидовны): Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 27 сентября 2022 года. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2023. С. 59-63.
23. Головко Л.В. Денацификация Украины: необходимость формирования правового механизма важность уголовно-правовой основы денацификации / Л.В. Головко // Международная жизнь. 2022. № 12. С. 38-43.
24. Мачитидзе Г.Г. Денацификация Украины и культурный код России / Г.Г. Мачитидзе // Вестник Института мировых цивилизаций. 2022. Т. 13, № 3(36). С. 36-39.
25. Антикриминальная стратегия и ее криминологическая составляющая / Т.Н. Иванова, С.В. Кондратюк, М.А. Михайлов [и др.]. Москва: Издательство «Юрлитинформ», 2023. 288 с.

Kondratyuk S. V. Prevention of extremism in the structure of the state's anti-criminal policy: in the conditions of the new subjects of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 397-404.

The problems of criminological prevention of manifestations of extremism are considered. Based on the material of the new subjects of the Russian Federation, signs of the spread of extremist ideology in youth social groups are shown. Sociological methods have revealed the mechanisms of recruiting members of extremist communities. The forms of social behavior that are open to filling them with extremist content have been identified. Measures of criminological prevention of manifestations of extremism are proposed. Attention is drawn to the need to improve the regulatory and legal support for criminological prevention of extremism. The importance of the interaction of state bodies with public organizations operating in the field of anti-criminal policy is shown. The article will be of interest to criminologists, scientists and practitioners, on the issues of criminological prevention of extremism, taking into account regional specifics. The material of the article can become the basis of university educational courses in criminology, as well as serve as a starting point for dissertation research in legal and social sciences.

Keywords: anti-criminal policy, extremism, criminological prevention, spiritual and moral values, attributes of appearance, stereotypes of behavior.

Spisok literatury:

1. Nomokonov V.A. Antikriminal'naia politika: metodologicheskie i nravstvennye osnovy / V.A. Nomokonov // Aziatsko-tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo. 2023. T. 25, no 3. S. 106-116.
2. Kurshev A.KH. Antikriminal'naia politika Rossii v XXI v.: problemy i sposoby ikh resheniia / A.KH. Kurshev // Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. 2021. T. 14, no 4. S. 146-150.
3. SHatkovskaia T.V. Genezis sovetskoi antikriminal'noi politiki / T.V. SHatkovskaia, T.M. Nintsieva // Vestnik CHechenskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.A. Kadyrova. 2020. no 4(40). S. 102-109.
4. Bikkinin I.A. Antikriminal'naia strategiia gosudarstva: teoreticheskie i prakticheskie aspekty realizatsii / I.A. Bikkinin, S.I. Mutsalov // Vestnik CHechenskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.A. Kadyrova. 2020. no 4(40). S. 109-115.
5. Dzhatiev V.S. O rossiiskoi antikriminal'noi politike / V.S. Dzhatiev // Kriminologiia: vchera, segodnia, zavtra. 2014. no 2(33). S. 31-37.
6. Nomokonov V.A. Nekotorye problemy optimizatsii antikriminal'noi politiki / V.A. Nomokonov // Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. 2012. no 3. S. 36-42.
7. IArychev N.U. K voprosu ob interpretatsii antikriminal'noi politiki v dorevoliutsionnom prave / N.U. IArychev, O.V. Mormylo // Vestnik CHechenskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.A. Kadyrova. 2020. no 4(40). S. 125-129.
8. Aleksandrova I.A. Kontseptsiia antikriminal'noi politiki i protivodeistvie prestupnosti v ekonomicheskoi sfere / I.A. Aleksandrova // Vestnik Nizhegorodskoi pravovoi akademii. 2016. no 9(9). S. 67-69.
9. Kondratiuk S.V. Fashizm: sotsiologicheskoe issledovanie i determiniruiushchie faktory v usloviiakh novykh subektov Rossiiskoi Federatsii / S.V. Kondratiuk // Pravoporiadok: istoriia, teoriia, praktika. 2023. no 1(36). S. 103-110.

10. Bidova B.B. Fenomen ekstremizma i ekstremistskie prestupleniia: / B.B. Bidova, E.E. Ganaeva. Kislovodsk: Avtonomnaia nekommercheskaia organizatsiia dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniia i nauki «Uchebnyi tsentr «Magistr», 2016. 182 s.
11. Teoreticheskie osnovy preduprezhdeniia prestupnosti na sovremennom etape razvitiia rossiiskogo obshchestva / P.V. Agapov, G.V. Antonov-Romanovskii, V.K. Artemenkov [i dr.]. Moskva: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'iu «Prospekt», 2016. 656 s.
12. Sotsiogumanitarnye osnovy protivodeistviia ekstremizmu v molodezhnoi srede / R.A. Andrianova, A.P. Vikhrian, IU.A. Zubok [i dr.]. Moskva: Rossiiskii universitet druzhby narodov (RUDN), 2022. 305 sp.
13. Rastoropov S.V. Osobennosti prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov o preduprezhdenii ekstremistskoi deiatel'nosti nesovershennoletnikh / S.V. Rastoropov, P.V. Agapov, R.V. Zakomoldin // Vestnik Samarskogo iuridicheskogo instituta. 2024. no 2(58). S. 74-80.
14. Krasnova K.A. Ekonomicheskii podkhod k protivodeistviiu korruptsii / K.A. Krasnova, P.V. Nikonov // Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii. 2020. no 5(79). S. 113-118.
15. Ismailov D.A. Terrorizm kak ugroza natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii / D.A. Ismailov // Akademiia prava. 2023. no 3(3). S. 43-49.
16. Prokurorskii nadzor v sfere protivodeistviia proiavleniiam ekstremizma v usloviiakh radikalizatsii i rosta protestnoi aktivnosti naseleniia: voprosy teorii i praktiki (chast' 1) / V.V. Merkur'ev, P.V. Agapov, E.S. Steshich, V.N. Smyslova // IUrist-Pravoved. 2021. no 1(96). S. 57-62.
17. Prokurorskii nadzor v sfere protivodeistviia proiavleniiam ekstremizma v usloviiakh radikalizatsii i rosta protestnoi aktivnosti naseleniia: voprosy teorii i praktiki (chast' 2) / V.V. Merkur'ev, P.V. Agapov, E.S. Steshich, V.N. Smyslova // IUrist-Pravoved. 2021. no 2(97). S. 26-32.
18. Kobets P.N. Zashchita imushchestvennykh prav poterpevshikh ot terroristicheskogo akta: grazhdansko-pravovoi aspekt / P.N. Kobets, K.A. Krasnova, M.A. Volkova // Advokatskaia praktika. 2018. no 5. S. 16-21.
19. Beshukova Z.M. K voprosu o poniatii mekhanizma ugolovno-pravovogo protivodeistviia ekstremistskoi deiatel'nosti / Z.M. Beshukova // Natsional'naia bezopasnost' / Nota Bene. 2018. no 6(59). S. 66-78.
20. Ustinov A.A. Determinanty pravonarushenii ekstremistskoi napravlennosti v uchrezhdeniiakh UIS (na primere GUFSIN Rossii po Permskomu kraiu) / A.A. Ustinov, A.A. Sokhats'kii // Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. 2018. no 2. S. 105-108.
21. Kolobov O.A. Determiniruiushchie faktory ekstremistskoi deiatel'nosti predstavitelei molodezhi po otnosheniiu k migrantam / O.A. Kolobov, A.P. SHmelev // Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. no 6. S. 156-162.
22. Repetskaia A.L. Spetsifika politiki protivodeistviia prestupnosti v usloviiakh osushchestvleniia SVO / A.L. Repetskaia // Aktual'nye problemy politiki protivodeistviia prestupnosti (k iubileiu doktora iuridicheskikh nauk, professora Repetskoi Anny Leonidovny): Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Irkutsk, 27 sentiabria 2022 goda. Irkutsk: Baikal'skii gosudarstvennyi universitet, 2023. S. 59-63.
23. Golovko L.V. Denatsifikatsiia Ukrainy: neobkhodimost' formirovaniia pravovogo mekhanizma vazhnost' ugolovno-pravovoi osnovy denatsifikatsii / L.V. Golovko // Mezhdunarodnaia zhizn'. 2022. no 12. S. 38-43.
24. Machitidze G.G. Denatsifikatsiia Ukrainy i kul'turnyi kod Rossii / G.G. Machitidze // Vestnik Instituta mirovykh tsivilizatsii. 2022. T. 13, no 3(36). S. 36-39.
25. Antikriminal'naia strategiia i ee kriminologicheskaia sostavliaiushchaia / T.N. Ivanova, S.V. Kondratiuk, M.A. Mikhailov [i dr.]. Moskva: Izdatel'stvo «IUrlitinform», 2023. 288 s.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 405–412

УДК 343.7

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

Пестрецов М. А., Куксов В. А.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Данная статья посвящена анализу правового регулирования деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации в сфере борьбы с преступлениями против собственности. В условиях стремительного развития криминального мира, совершенствования форм и методов преступной деятельности, возрастает актуальность эффективной правовой основы для работы оперативных подразделений. В статье рассматриваются вопросы: обзора законодательной базы, регламентирующей деятельность оперативных подразделений; специфика правового регулирования в контексте борьбы с конкретными видами преступлений против собственности; коллизии в правовом регулировании деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации по противодействию преступлениям против собственности; перспективы совершенствования правового регулирования. В заключении статьи подчеркивается, что совершенствование правового регулирования деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел является важнейшей предпосылкой для успешного противодействия преступлениям против собственности. Авторы призывают к продолжению дискуссии по данному вопросу, а также к реализации предложенных мер по оптимизации законодательства.

Ключевые слова: оперативные подразделения, органы внутренних дел, преступления против собственности, правовое регулирование, законодательные аспекты правосудия, оперативно-розыскная деятельность.

В современной России преступления против собственности остаются одной из наиболее актуальных проблем, угрожающих общественной безопасности и экономическому благополучию граждан. Эффективное противодействие такого рода преступным проявлениям невозможно без четкой и скоординированной работы оперативных подразделений органов внутренних дел. Правовое регулирование их деятельности является ключевым элементом в системе мер по обеспечению защиты прав собственности и поддержанию законности и правопорядка в стране.

Разработка и совершенствование законодательных и нормативных актов, регламентирующих функционирование оперативных подразделений, требует глубокого понимания специфики их работы, а также учета современных вызовов и угроз. В статье предполагается рассмотреть основные аспекты правового регулирования деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел РФ, анализ полномочий, предоставляемых законодательством для борьбы с преступлениями против собственности, и оценка эффективности существующих мер и механизмов.

Оперативные подразделения ОВД играют ключевую роль в борьбе с преступлениями против собственности. Их деятельность регламентируется рядом законодательных и нормативных актов, цель которых - определение правовых основ, методов и подходов к расследованию и пресечению преступлений. Важной ступенью в их работе является сбор и анализ информации о происшествиях, а также планирование оперативно-розыскных мероприятий. Применение специализированных техно-

логий и инновационных методов расследования позволяет эффективно противостоять преступности, в том числе с использованием информационных баз данных и систем видеонаблюдения. Сотрудничество с общественностью и другими правоохранительными органами также играет важную роль в обеспечении комплексного подхода к проблеме. Постоянное обучение и повышение квалификации сотрудников способствуют улучшению их профессиональных навыков, что напрямую влияет на эффективность итоговой борьбы с преступлениями против собственности.

Анализ эффективности правового регулирования деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел России по противодействию преступлениям против собственности показывает, что законодательство достаточно адаптировано к современным вызовам. Особое внимание уделяется определению полномочий и методов работы, что позволяет действовать оперативно и целенаправленно. Однако, несмотря на наличие крепкой правовой базы, встречаются случаи несоответствия реальных результатов работы ожидаемым эффектам. Такое различие между теоретической подготовкой и практической эффективностью указывает на потребность в усилении мер по повышению квалификации сотрудников и внедрению новых технологий в работу. Кроме того, проблемой остаётся также взаимодействие с другими правоохранительными структурами и органами власти, что также требует дополнительной правовой регламентации для оптимизации совместной работы.

Основные принципы, лежащие в основе деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел РФ, направлены на эффективное противодействие преступлениям против собственности. Центральное место среди принципов занимает законность, предусматривающая строгое соблюдение норм права при проведении оперативно-розыскных мероприятий. В современных условиях растущей киберпреступности и сложности схем мошенничества необходимо обратить внимание на аспекты, касающиеся усовершенствования методик раскрытия и расследования преступлений. Сложность заключается в отставании нормативной базы от реалий преступного мира, что требует её постоянного анализа и обновления.

Кроме того, важнейшим фактором в эффективной работе по противодействию преступлениям против собственности выступает профессиональная подготовка сотрудников. Несмотря на наличие обширной нормативно-правовой базы, дефицит специализированных навыков и знаний в области инновационных технологий и методик расследования отрицательно сказывается на оперативности и качестве работы подразделений. Таким образом, анализ позволяет сделать вывод о необходимости пересмотра и адаптации текущих правовых норм к современным требованиям и условиям противодействия преступлениям, угрожающим собственности граждан, что, в свою очередь, будет способствовать повышению эффективности оперативных подразделений органов внутренних дел.

На текущем этапе действия России и ее институтов происходят на фоне обширных и глубоких изменений, затрагивающих все аспекты социальной жизни и международные взаимоотношения. Сложные, противоречивые и быстро меняющиеся процессы отличают как международную арену, так и внутреннюю ситуацию в стране. Переходные процессы в политической и социоэкономической сферах способствуют криминализации общества, что ведет к увеличению преступности, ее агрессивности и организованности, а также к сотрудничеству местных преступных группировок с международными преступными организациями.

Усиление разделения общества на небольшую группу состоятельных людей и большинство, которое испытывает финансовые трудности, вместе с растущим числом людей, живущих в нищете, и увеличением безработицы ведет к учащению преступных деяний. Задачей государства становится не только укрепление законодательной базы для обеспечения порядка в обществе и государственной жизни, но и активизация работы специализированных подразделений в области выявления и расследования преступлений, связанных с посягательствами на чужое имущество.

Источники нормативно-правового регулирования, касающиеся применения информационно-технологических решений в рамках деятельности органов внутренних дел РФ для борьбы с преступлениями, направленными против собственности, а также для создания и поддержания оперативно-розыскных баз данных в целях аналитической работы, классифицируются на три главные группы. В первую группу входят федеральные законы и подзаконные акты, которые определяют принципы использования информационных технологий на уровне всей страны. Эта категория также включает в себя законодательные акты, устанавливающие фундаментальные определения, относящиеся к информационным и информационно-телекоммуникационным технологиям.

Источники второй категории состоят из федеральных законов, которые уточняют как правоохранительные органы должны использовать информационные технологии. В свою очередь, к третьей категории относятся нормативные акты, выпущенные ведомствами внутренних дел, которые касаются методов ведения оперативно-розыскной работы и формирования соответствующих учетов.

Нормативные правовые акты первой группы. Фундаментальные понятия, несущие ключевое значение для процесса оперативно-розыскной информации, закреплены в законодательных актах РФ с высшей юридической силой, обеспечивающих общее правовое регулирование операций с регистрационной информацией. Конституция России, в первую очередь, гарантирует свободу поиска, получения, передачи, производства и распространения информации по любым законным путям, как отмечено в ст. 29. Законодательство РФ прописывает правила, регулирующие область свободы личности и конфиденциальности. Законы защищают личную жизнь, семейные тайны, переписку, телефонные разговоры и другие виды переписки. Судебные решения могут ограничить эти права. Согласие личности необходимо для сбора, хранения, использования и распространения информации о её частной жизни. Федеральный закон от 27.07.2006 г. играет ключевую роль в определении основ понятий в сфере информационного законодательства.

Нормативные правовые акты второй группы. В ряде законодательных актов федерального уровня находит отражение и непосредственная деятельность правоохранительных органов в сфере уголовной регистрации и создания учетов. Однако единого закона, призванного упорядочить этот процесс с учетом специфики деятельности различных субъектов уголовной регистрации и дифференциации используемых ими методов и способов, пока не имеется. Общим для всех субъектов ОРД законодательным источником в рассматриваемом плане является Федеральный закон от 25.07.1998 г. № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации». Ст. 9 этого Закона содержит исчерпывающий перечень граждан, подлежащих обязательной государственной дактилоскопической регистрации. Наряду с сотрудниками силовых структур и представителями профессий

повышенного риска в него входят граждане РФ, иностранные граждане и лица без гражданства, подозреваемые в совершении преступления, обвиняемые в совершении преступления либо осужденные за совершение преступления, подвергнутые административному аресту, совершившие административное правонарушение, если установить их личность иным способом невозможно. Еще одним нормативным правовым источником подобного плана является Федеральный закон от 3.12.2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации».

Государственная геномная регистрация представляет собой деятельность, осуществляемую указанными в настоящем ФЗ государственными органами и учреждениями по получению, учету, хранению, использованию, передаче и уничтожению биологического материала и обработке геномной информации – определенных фрагментов дезоксирибонуклеиновой кислоты человека. Цель геномной регистрации заключается в последующей идентификация личности человека. Геномная информация используется для предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, а также для установления преступников. Актуальна она и в ходе розыска пропавших без вести, для установления личности граждан по неопознанным трупам, а также для установления родственных отношений разыскиваемых (устанавливаемых) лиц. Согласно положениям ст. 11 указанного Закона, формирование и поддержание учета геномной информации на уровне федеральной базы данных возложен на органы внутренних дел. В ст. 15 определен круг пользователей геномной информации, к которому отнесены суды, органы предварительного следствия, органы дознания и органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность.

Положение о порядке проведения обязательной государственной геномной регистрации лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, а также всех категорий преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, утверждено постановлением Правительства РФ от 11.10.2011 г. № 828. Общими для всех правоохранительных органов является и ряд норм УПК РФ, предусматривающих исполнение отдельных поручений органов следствия и дознания, в том числе – связанных с получением образцов для сравнительного исследования (почерка, отпечатков пальцев или иных образцов) у подозреваемых, обвиняемых, а также у свидетелей или потерпевших в случаях, когда возникла необходимость проверить, оставлены ли ими следы в определенном месте или на вещественных доказательствах [1].

В Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ (далее – ФЗ «Об ОРД»). В частности, ст.ст. 6 и 10 этого Закона определяют, что органы, уполномоченные на осуществление ОРД, могут создавать информационные системы и использовать их в своих целях для решения задач, возложенных на них этим Федеральным законом. Содержание задач ОРД, как известно, вытекает из положений ст. 2 данного Закона. Основываясь на ее положениях, можно кратко констатировать, что правоохранительные органы, в том числе и органы внутренних дел, имеют право осуществлять оперативно-розыскную регистрацию и создавать оперативно-розыскной учет для обеспечения безопасности личности, общества и государства, борьбы с преступностью и проведения розыскной работы.

Следует отметить, что гласные способы получения учетно-регистрационной информации регламентируются положениями п. 4 ч. 2 ст. 38; п. 2 ч. 2 ст. 40; ст. 202 УПК РФ, а также ст. 14 ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в

Российской Федерации» и ст. 9 ФЗ РФ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации».

Негласное добывание учетно-регистрационных сведений регламентировано положениями п. 3 ч. 1 ст. 6 и ч. 1 ст. 10 ФЗ об ОРД и п. 7 ч. 2 ст. 10; ч. 2 ст. 11; ч. 8 ст. 14; п. 7 ч. 2 ст. 22 ФЗ «О персональных данных». Кроме того, для получения регистрационной информации (как целевой, так и сопутствующей) субъектами оперативно-розыскного анализа может использоваться весьма широкий и эффективный инструментарий, заложенный в ст.ст. 6 – 8 Федерального закона об ОРД.

Одним из основных законодательных источников, регулирующих процессы обретения регистрационной информации, а также создания учетов органов внутренних дел, является Федеральный закон РФ от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции».

В частности, пп. 1, 2 п. 1 ст. 12 этого Закона обязывают полицию «принимать и регистрировать (в т.ч. в электронной форме) заявления и сообщения о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, осуществлять в соответствии с подведомственностью проверку заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях и принимать по таким заявлениям и сообщениям меры, предусмотренные законодательством Российской Федерации», а также «документировать обстоятельства совершения преступления, административного правонарушения, обстоятельства происшествия, обеспечивать сохранность следов преступления, административного правонарушения, происшествия».

Согласно пп. 27 п. 1 ст. 12 этого же Закона полиция обязана «проводить в соответствии с федеральным законом государственную дактилоскопическую регистрацию и государственную геномную регистрацию». В этой связи в соответствии с пп. 32 п. 1 ст. 13 Закона она вправе «получать, учитывать, хранить, классифицировать, использовать, выдавать и уничтожать в соответствии с законодательством Российской Федерации дактилоскопическую информацию и геномную информацию».

В соответствии с пп. 19 п. 1 ст. 13 Закона полиция имеет право «производить регистрацию, фотографирование, аудио-, кино- и видеосъемку, дактилоскопирование лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления, заключенных под стражу, обвиняемых в совершении преступления, подвергнутых административному наказанию в виде административного ареста, иных задержанных лиц, если в течение установленного срока задержания достоверно установить их личность не представилось возможным, а также других лиц в соответствии с федеральным законом». Получаемая регистрационная информация является основой различных полицейских учетов, создание которых регламентировано ст. 17 ФЗ РФ «О полиции». В целом способы получения регистрационной информации органами внутренних дел регламентированы пп. 1, 2, 9, 27 п. 1 ст. 12; пп. 2-5, 16, 18, 19, 24, 27, 32, 33, 35 п. 1 ст. 13 Федерального закона РФ «О полиции».

Для целей уголовной регистрации в соответствии с пп. 33 п. 1 ст. 13 Закона полиция вправе «использовать… информационные системы, видео- и аудиотехнику, кино- и фотоаппаратуру, а также другие технические и специальные средства, не причиняющие вреда жизни и здоровью граждан, а также окружающей среде; вести видеобанки и видеотеки лиц, проходивших (проходящих) по делам и материалам проверок полиции; формировать, вести и использовать банки данных оперативно-справочной, криминалистической, экспертно-криминалистической, разыскной и

иной информации о лицах, предметах и фактах; использовать банки данных других государственных органов и организаций, в том числе персональные данные граждан, если федеральным законом не установлено иное». Необходимо отметить, что российское законодательство регулирует меры, связанные с уголовной регистрацией, не только применительно к деятельности полиции.

В ст. 20 Федерального закона от 3.04.1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» отмечается, что «для осуществления своей деятельности органы федеральной службы безопасности могут без лицензирования разрабатывать, создавать и эксплуатировать информационные системы, системы связи и системы передачи данных, а также средства защиты информации». П. 15 ч. 2 ст. 30 Закона РФ от 1.04.1993 г. № 4730-I «О Государственной границе Российской Федерации», определяющий полномочия пограничных органов, предоставляет им право «вести необходимые для осуществления контроля за поддержанием режима гограницы, пограничного режима и режима в пунктах пропуска через границу регистрацию лиц и учеты фактических данных, статистику и использовать для этих целей информационные системы в порядке, не противоречащем федеральному закону».

Нормативные правовые акты третьей группы. Основная цель любого законодательного документа такого уровня – установить ключевые организационные действия для поддержки информационных потребностей в контексте выполнения задач ОРД, учитывая полномочия различных силовых структур. Это дает простор для инновационных подходов в исполнении этой роли, адаптируясь к текущим условиям и ресурсам оперативных единиц, их иерархии и специфике основных направлений их деятельности. В ОВД действует приказ МВД России от 7.12.2012 г. № 1088, утверждающий Типовое положение об информационном центре территориального органа МВД РФ. Его содержание примечательно тем, что он обозначает сложившуюся структуру централизованных оперативно-справочных, криминалистических, розыскных учетов, экспертно-криминалистических коллекций и картотек органов внутренних дел, которые широко используются в аналитической работе. Существенное значение для нормативного обеспечения рассматриваемых информационных процессов имеет Инструкция по организации формирования, ведения и использования экспертно-криминалистических учетов ОВД РФ, утвержденная приказом МВД России от 10 февраля 2006 г. № 70. Она рассматривает сотрудников оперативных подразделений наряду со следователями и дознавателями в качестве субъектов формирования и использования экспертно-криминалистических учетов. Не преуменьшая важности указанного нормативного правового акта, в адрес его разработчиков следует высказать одно существенное замечание. К экспертно-криминалистическим учетам здесь предлагается приобщать учетно-регистрационные данные, получаемые в ходе проведения ОРМ, другими словами, – результаты ОРД. Однако контроль за ведением указанных банков данных разработчиками Инструкции возлагается на руководителей экспертно-криминалистических подразделений [2], которые не являются субъектами ОРД и, следовательно, не могут осуществлять функции по систематизации такого рода сведений [5].

Учитывая мнения ученых В.С. Овчинского, Д.В. Гребельского, К.К. Горяинова и других, мы считаем, что любое направление противодействия преступности должен определяться отраслевой политикой, в том числе оперативно-розыскной, в сфере противодействия преступности и как ее части –противодействия преступлениям

против собственности, связанным с использованием информационных технологий [4]. По нашему мнению, необходимо остановиться на таком важном аспекте как правовая основа оперативно-розыскной идентификации. В положениях ФЗ об ОРД, предусматривающих проведение ОРМ есть «наведение справок», «исследование предметов и документов» и «отождествление личности», которые связаны с осуществлением различных видов оперативно-розыскной идентификации [2].

Сегодняшняя система правовых норм включает в себя сложную структуру законов и подзаконных актов, которые регулируют процесс использования результатов изучения объектов и документов, особенно касающихся их идентификационных аспектов, в качестве доказательств в уголовных делах. Этому способствуют разработанные меры, предполагающие активное взаимодействие оперативных подразделений с экспертно-криминалистическими группами, которые применяют научные подходы и методологии для выполнения своих задач. Эффективность такого взаимодействия подкреплена многоуровневой системой законодательства, охватывающей как общие, так и специфические аспекты проведения оперативно-розыскных мероприятий. Исходя из основ закона, связанного с ОРД, в начальном анализе их деятельность можно уподобить сбору информации. Это упрощение не полностью передает суть применяемых методов, однако придает им определенную легальность с юридической стороны.

Подводя итог изложенному, можно констатировать, что состояние правового регулирования противодействия преступлениям против собственности, не в полной мере соответствует требованиям времени и нуждается в усовершенствовании. Совершенствование законодательства в сфере противодействия преступлениям против собственности является важной задачей, направленной на обеспечение правопорядка и защиту прав граждан. Только системный подход к решению существующих проблем позволит создать более эффективную систему правового регулирования, способствующую повышению результативности деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // КонсультантПлюс: сайт. URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 01.10.2024).
2. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ // КонсультантПлюс: сайт. URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 01.10.2024).
3. Инструкция по организации формирования, ведения и использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации: утв. приказом МВД России от 10 февраля 2006 г. № 70 // Официальный интернет портал справочно-правовой системы «Гарант». URL.: https://base.garant.ru/72222630/ (дата обращения: 01.10.2024).
4. Овчинский В.С. Криминологические, уголовно-правовые и организационные основы борьбы с организованной преступностью в Российской Федерации: автореф. дис. д-ра юрид. науч. М., 1994. 61 с.
5. Колычева А.Н., Зоз В.А. Специальные знания, используемые при назначении судебных экспертиз по преступлениям против личности и собственности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (75). № 4. С. 249–253.

Pestretsov M.A., Kuksov V.A. Legal regulation of the activities of operational units of the internal affairs bodies of the Russian Federation to combat crimes against property // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – S. 405–412.

This article is devoted to the analysis of the legal regulation of the activities of operational units of the internal affairs bodies of the Russian Federation in the field of combating crimes against property. In the context of the rapid development of the criminal world, the improvement of forms and methods of criminal activity, the relevance of an effective legal framework for the work of operational units is increasing. The article dis-

cusses the issues of: review of the legislative framework governing the activities of operational units; the specifics of legal regulation in the context of combating specific types of crimes against property; conflicts in the legal regulation of the activities of operational units of the internal affairs bodies of the Russian Federation to combat crimes against property; prospects for improving legal regulation. In conclusion, the article emphasizes that improving the legal regulation of the activities of operational units of the internal affairs bodies is the most important prerequisite for successfully countering crimes against property. The authors call for continued discussion on this issue, as well as for the implementation of the proposed measures to optimize legislation.

Keywords: operational units, internal affairs bodies, crimes against property, legal regulation,legislative aspects of justice, operational investigative activities.

Spisok literatury:

1. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 18.12.2001 № 174-FZ // Konsul'tantPlyus: sajt. URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (data obrashcheniya: 01.10.2024).
2. Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti: Federal'nyj zakon ot 12.08.1995 № 144-FZ // // Konsul'tantPlyus: sajt. URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (data obrashcheniya: 01.10.2024).
3. Instrukciya po organizacii formirovaniya, vedeniya i ispol'zovaniya ekspertno-kriminalisticheskih uchetov organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii: utv. prikazom MVD Rossii ot 10 fevralya 2006 g. № 70 // Oficial'nyj internet portal spravochno-pravovoj sistemy «Garant». URL.: https://base.garant.ru/72222630/ (data obrashcheniya: 01.10.2024).
4. Ovchinskij B.C. Kriminologicheskie, ugolovno-pravovye i organizacionnye osnovy bor'by s organizovannoj prestupnost'yu v Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. d-ra yurid. nauch. M., 1994. 61 s.
5. Kolycheva A.N., Zoz V.A. Special'nye znaniya, ispol'zuemye pri naznachenii sudebnyh ekspertiz po prestupleniyam protiv lichnosti i sobstvennosti // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. 2023. T. 9 (75). № 4. S. 249–253.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 413–418.

УДК 343.2/.7

ВЛИЯНИЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА УГОЛОВНУЮ ПОЛИТИКУ РОССИИ

Свердлов Д. Р.
Кубанский государственный университет

В публикации рассмотрены факторы военно-политического характера, оказывающие существенное влияние на развитие отечественной уголовной политики. Отмечается её реакционность, делается вывод, что такого рода факторы будут оказывать существенное влияние на институционализацию отечественного уголовного права во время проведения специальной военной операции. Определено, что нормы, принимаемые под воздействием военно-политических факторов являются амбивалентными (разнонаправленными), они с одной стороны обеспечивают охрану общественных отношений от преступных посягательств, а с другой обладают идеологической направленностью, одна из основных целей повышение уровня патриотизма и чувства защищенности в социуме, а также стимулирование позитивного, общественно значимого посткриминального поведения, лица совершившего преступление с целью обеспечения пополнения личным составом Вооруженных сил Российской Федерации. Автором установлена определенного рода историческая преемственность уголовной политики под воздействием военно-политических факторов. В публикации указывается на необходимость теоретического рассмотрения и законодательно закрепления организационно-правого статуса военнопленного на уровне федерального законодательства.

Ключевые слова: уголовная политика, военно-политические факторы, специальная военная операция, освобождение от уголовной ответственности, освобождение от наказания, уголовно-правовая реакция, уголовно-правовая охрана, военнопленный.

Уголовная политика была и остается одним из основных инструментов, в руках государства, который обеспечивает охрану суверенитета страны и конституционного строя. Видные теоретики отечественной уголовно-правовой науки М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин отмечают, что уголовная политика неотделима от политической доктрины государства в целом. Она определяет вектор развития уголовно-правовых исследований, именно по этой причине уголовная политика и уголовно-правовые исследования должны быть концептуанализированы в качестве самостоятельного направления общеполитического курса государства [1, с. 133]. По мнению указанных авторов, уголовная политика – это концентрированная, социально обусловленная, концептуальная реакция государства на возникающую и существующую совокупность криминальных угроз [2, с. 9]. Бесспорно, уголовная политика должна быть направлена на реализацию задач, закрепленных в ч.1 ст. 2 УК РФ.

Признавая уголовную политику государства элементом внутренней политики, от части социальной политики, военно-политические факторы выводят её на внешнеполитическую орбиту, так как они обусловлены геополитическими вызовами и рисками, которые выражаются в: воинственной риторике западных элит; расширении Североатлантического альянса (НАТО); откровенной, наглой и циничной русофобии; применением двойных стандартов; оправдании нацизма и отрицание результатов Нюрнбергского, Токийского и иных трибуналов; фашизмующем реваншизме; уничтожении энергетической инфраструктуры; «накачке» киевского режима вооружением; агрессии против мирного населения Донбасса; систематических обстрелах Белгородской области, а также вторжении вооруженных формирований Украины на территорию Курской области. Следует указать, что изменения полити-

ческих тенденций, как на внутренним, так и на внешнем треках находит свое отражение в содержании уголовной политики, ярчайшим примером этому служит проведение РФ специальной военной операции (далее – СВО), основными задачами которой является демилитаризация и денацификация Украины, а также полное исключение риска вступления Украины в НАТО и закрепление ее внеблокового статуса.

Соглашаясь с постулатом, о том, что все отрасли права, которые обеспечивают реализацию государственной политики в сфере борьбы с преступностью, являются производными от уголовного законодательства, позволим себе отметить, что одним из средств объективизации уголовной политики государства является процесс, связанный с внесением изменений в действующее уголовное законодательство. Раскрывая взаимосвязь российской уголовной политики и СВО Н.А. Лопашенко указывает, что только в 2022 г. законодателем принято 15 федеральных законов, которые вносили изменения и дополнения в действующий УК РФ, при этом одна треть из них напрямую связна с проведением СВО [3, с. 116], а в 2023 г. 17 федеральных закона, 3 из которых законодательная реакция на общественные отношения, возникшие в результате проведения СВО. Такого рода тенденция свидетельствует о реакционном характере отечественной уголовной политики, когда законодатель реагирует на непредвиденно меняющиеся, объективно происходящие социальные процессы, либо на новые внезапно возникшие криминальные риски и угрозы, с целью их правового урегулирования и регламентации в первом случае, и минимизации во втором.

Соглашаясь с мнением исследователей, что цели уголовной политики (криминализации), как правило, не рассматриваются в качестве самостоятельного предмета исследования [4, с. 116], позволим себе отметить, что цели уголовной политики, которые обусловлены военно-политическими факторами являются амбивалентными (разнонаправленными) по своему содержанию. С одной стороны, законодатель, внося изменения в действующую редакцию УК РФ, стремится традиционно обеспечить уголовно-правовую охрану социально значимых общественных отношений, криминализируя при этом, например, дискредитацию ВС РФ (ст. 280^3 УК РФ) путем установления уголовно-правового запрета. А с другой стимулировать социально позитивное, посткриминальное поведение, внося в уголовный закон ст. 78^1 УК РФ, основная задача которой заключается в том, чтобы лицо совершившее преступление приняло решение о заключении контракта о прохождении военной службы.

Полагаем, что особо следует указать на влияние военно-политических фактов на совершенствование правового регулирования освобождения от уголовной ответственности и наказания, погашения судимости, приостановления уголовных дел и прекращения уголовного преследования в периоды мобилизации, военного положения и в военное время. Отметим, что такого рода правовые институты реализации уголовной политики впервые реализован в законодательной практике современной России. Опыт привлечения к благому делу по охране интересов Родины, подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и осужденных лиц отечественная законодательная практика имеет, однако она имела свою историческую парадигму и свои геополитические особенности. Отметим, что положения Приказа № 298 НКО СССР (Объявление Положений о штрафных батальонах и ротах и штатов штрафного батальона, роты и заградительного отряда действующей армии) от 26.09.1942 г. [5] распро-

странялось только на военнослужащих, совершивших преступления и направляемые в штрафное подразделение по решению соответствующего военного трибунала, с примирением отсрочки исполнения приговора в соответствии с примечанием 2 ст. 28 УК РСФСР 1926 г., которое определяло, что приговор, присуждающий в военное время военнослужащего к лишению свободы без поражения прав, может быть по определению суда, вынесшего приговор, отсрочен исполнением до окончания военных действий с тем, что осужденный направляется в действующую армию, а также при условии, что военнослужащий в составе действующей армии проявил себя стойким защитником СССР, допускалась по ходатайству соответствующего военного начальства освобождение от назначенной ранее меры социальной защиты, либо замена ее более мягкой мерой социальной защиты по определению суда, вынесшего приговор [6].

Проведенный анализ изменений и дополнений, внесенных в УК РФ, начиная с 2014 г., свидетельствует об устоявшейся тенденции направленной на криминализацию общественно-опасных деяний, посягающих на конституционный строй РФ и безопасность государства, и усиление уголовно-правовой репрессии в выше обозначенных сферах. Основная цель такого рода уголовно-правовых новелл – обеспечение стабильности государственно-политической системы, сохранение устойчивости государственного курса нивелирует угрозы, связанные с дестабилизацией социума, возникновения бунтов и переворотов. Крах государственной системы управления неизбежно приводит к общественным потрясениям, росту социальной напряженности, параличу органов государственного управления, что мы переживали в 90-е годы прошлого столетия.

Исходя из выше обозначенного, отметим, что одной из концептуальных задач уголовной политики, в современных условиях, является минимизация дестабилизирующих факторов, которые оказывают негативное воздействие на сознание населения. Представители иностранных спецслужб, а также лица, находящиеся под иностранным влиянием, стремятся подорвать авторитет всех ветвей власти, расшатать российское общество посредством распространения заведомо ложной информации о деятельности органов государственной власти, военно-политического управления страны. Стабильно и эффективно функционирующее государство обеспечивает охрану прав, свобод и интересов, как отдельных граждан, так и всего социума в целом. Исходя из приведенного, можно сделать обоснованный вывод, что защита интересов государства является первоочередной задачей уголовной политики.

Кроме того, контент-анализ публикаций большинства западных и ряда отечественных либеральных средств массовой информации позволяет отметить, что реализуемая под воздействием военно-политических факторов отечественная уголовная политика подвергается системной, но необоснованной критике, особенно в части ограничения свободы слова, когда вводились нормы, устанавливающие ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ, исполнении государственными органами РФ своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ или войска национальной гвардии РФ, а также публичные действия, направленные на дискредитацию использования ВС РФ в целях защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, исполнения государственными

органами РФ своих полномочий, оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ или войска национальной гвардии РФ.

Признавая влияние военно-политических факторов на уголовную политику реакционным, отметим, что таким образом государство стремится продемонстрировать своё отношение к происходящим процессам, оказать идеологическое и воспитательное воздействие на сознание большинства населения страны, продемонстрировать оппонентам историческую, политическую и национальную сплоченность российского социума. По мнению М.В. Бавсуна, идеологический компонент такой реакции нельзя недооценивать, более того, его реализация во многом способна обеспечить больший эффект, чем реализация самих изменений, вносимых в уголовное законодательство. Уголовный закон, по его мнению, выступает лишь способом выражения «идеологического заказа», результатом которого сегодня является повышенный спрос на усиление охраны трех основных составляющих (конституционный строй, экономика и нравственность), разрушение которых в обязательном порядке приведет и к разрушению государства [7, с. 491].

Следует отметить, что военно-политические факторы являются динамическими и обладают временными признаками, так например применение в ходе проведения СВО частных военных компаний заложило основу для уголовно-правовых дискуссий их правовой природы, статуса и допустимости применения [8; 9]. Военно-политическое решение, которое положило конце использования и применения РФ различного рода частных военных компаний в зоне СВО, сняло этот вопрос с повестки для уголовно-правовых исследований.

В рамках перспективных направлений развития уголовной политики под воздействием военно-политических факторов, а также принимая во внимание аксиоматичность положений, что Россия является правовым государством, обеспечивающее равное соблюдение прав и свобод человека, а также руководствуясь принципом гуманизма и справедливости, представляется целесообразным отметить необходимость разработки федерального закона об организационно-правовом статусе военнопленных на территории РФ. Безусловно такого рода нормативный правовой акт в обязательном порядке должен базироваться на нормах Конституции РФ, Женевской конвенции от 12.08.1949 г. об обращении с военнопленными, УК РФ, УПК РФ, а также УИК РФ. В федеральном законе о статусе военнопленного следует определить организационно-правовой статус военнопленного, его основные права и обязанности, процедуры первичного медицинского и криминалистического осмотра, процедуры отбора криминалистически значимых образцов (отпечатки пальцев, ДНК, фотографирование и пр.), процесс сегрегации военнопленных – военных преступников от военнопленных, порядок проведения опросов и сбора оперативно значимой информации, условия и порядок содержания, возможность общения с родственниками, процесс и возможность интернирования в нейтральную страну, заключение международного договора о возможности интернирования и прочее. Отметим, что в современной литературе существует позиция о необходимости разработки федерльного закона о статусе российских военнопленных [10, с. 32-35], однако укажем, что большая положений, о которых указывают авторы, закреплены в действующем российском законодательстве и детализированы в подзаконных актах соответствующих министерств и ведомств.

Подводя итог, отметим, что уголовная политика государства, особенно под воздействием военно-политических факторов носит реакционный характер, представляется, что следует отходить от такого рода модели реализации уголовной политики, однако исполнение такого рода задачи является довольно-таки сложной в силу вышеизложенных причин, тут следует согласиться с А.И. Бойко, который еще в 2012 г. указал, что закон не поворотлив, его генетический консерватизм следует преодолевать, но не бесшабашной политизацией (в том числе геополитизацией) нормативных правил и доктринальных представлений о них, а юридическими же приёмами [11]. Также отметим, что военно-политические факторы в ближайшей перспективе будут продолжать оказывать существенное влияние на развитие и формирование уголовной политики Российской Федерации.

Список литературы:

1. Пудовочкин, Ю. Е. Уголовная политика и уголовное право сильного государства / Ю. Е. Пудовочкин, М.М. Бабаев // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18, № 2(147). – С. 131-144. - С. 133.
2. Бабаев, М. М. Проблемы российской уголовной политики / М. М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2019. – С. 9
3. Лопашенко Н. А. Основные итоги реформирования уголовного законодательства в 2022 г.: аналитический обзор // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 4. — С. 115–135. - С. 116
4. Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Современное нормотворчество как основа формирования новой теории криминализации // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — No 1. — С. 110–125.
5. Объявление Положений о штрафных батальонах и ротах и штатов штрафного батальона, роты и заградительного отряда действующей армии. Приказ Народного Комиссара Обороны Союза ССР от 28.09.1942 г. № 298. ЦАМО. Ф. 4. Оп. 12 Д. 105. Л. 689-696.
6. Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 года. Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР, 06.12.1926, №80, ст.600
7. Бавсун, М. В. Влияние факторов геополитического характера на изменение уголовно-правовой политики государства / М. В. Бавсун // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – Т. 9, № 3. – С. 483-493, с. 491
8. Упоров А.Г., Упоров К.А. Юридический статус и правовое положение частных военных компаний (на примере ЧВК «Вагнер») // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. №2 (41). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskiy-status-i-pravovoe-polozhenie-chastnyh-voennyh-kompaniy-na-primere-chvk-vagner (дата обращения: 30.09.2024);
9. Трунов И.Л. Частные военные компании и международное гуманитарное право. Вопросы регулирования // Государственная служба и кадры. 2023. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/chastnye-voennye-kompanii-i-mezhdunarodnoe-gumanitarnoe-pravo-voprosy-regulirovaniya (дата обращения: 30.09.2024).
10. Басов, А. В. Некоторые аспекты развития научных взглядов в сфере обеспечения прав российских военнопленных / А. В. Басов, В. В. Коноплев // Крымские юридические чтения: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 21 июня 2024 года. – Симферополь: Литературно-издательский центр «Строки», 2024. – С. 32-35.
11. Бойко А.И. Геополитика, идеология, преступность, правоохранительная деятельность // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/geopolitika-ideologiya-prestupnost-pravoohranitelnaya-deyatelnost (дата обращения: 30.09.2024).

Sverdlov D. R. Influence of military-political factors on the criminal policy of Russia // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 413-418.

The publication examines military-political factors that have a significant impact on the development of domestic criminal policy. Its reactionary nature is noted, and it is concluded that such factors will have a significant impact on the institutionalization of domestic criminal law during a special military operation. It is determined that the norms adopted under the influence of military-political factors are ambivalent (multidirectional), on the one hand, they ensure the protection of public relations from criminal encroachments, and on the other hand, they have an ideological focus, one of the main goals is to increase the level of patriotism and a sense of security in society, as well as stimulate positive, socially significant post-criminal behavior of a person who committed a crime in order to ensure replenishment of the personnel of the Armed Forces of the Russian Federation. The author has established a certain kind of historical continuity of criminal policy under the influence of military-political factors. The publication points to the need for theoretical consideration and leg-

islative consolidation of the organizational and legal status of a prisoner of war at the level of federal legislation.

Key words: criminal policy, military-political factors, special military operation, release from criminal liability, release from punishment, criminal-legal reaction, criminal-legal protection, prisoner of war.

Spisok literatury:

1.Pudovochkin, YU. E. Ugolovnaya politika i ugolovnoe pravo sil'nogo gosudarstva / YU. E. Pudovochkin, M.M. Babaev // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2023. – T. 18, № 2(147). – S. 131-144., s. 133
2.Babaev, M. M. Problemy rossijskoj ugolovnoj politiki / M. M. Babaev, YU.E. Pudovochkin. – Moskva : Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu "Prospekt", 2019. – 296 s., s. 9
3.Lopashenko N. A. Osnovnye itogi reformirovaniya ugolovnogo zakonodatel'stva v 2022 g.: analiticheskij obzor // Lex russica. — 2023. — T. 76. — № 4. — S. 115–135., s. 116
4.Pudovochkin YU. E., Babaev M. M. Sovremennoe normotvorchestvo kak osnova formirovaniya novoj teorii kriminalizacii // Lex russica. — 2023. — T. 76. — No 1. — S. 110–125., s. 116
5.Ob"yavlenie Polozhenij o shtrafnyh batal'onah i rotah i shtatov shtrafnogo batal'ona, roty i zagraditel'nogo otryada dejstvuyushchej armii. Prikaz Narodnogo Komissara Oborony Soyuza SSR ot 28.09.1942 g. № 298. CAMO. F. 4. Op. 12 D. 105. L. 689-696.
6.Ugolovnyj kodeks RSFSR v redakcii 1926 goda. Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij RKP RSFSR, 06.12.1926, №80, st.600
7.Bavsun, M. V. Vliyanie faktorov geopoliticheskogo haraktera na izmenenie ugolovno-pravovoj politiki gosudarstva / M. V. Bavsun // Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. – 2015. – T. 9, № 3. – S. 483-493, s. 491.
8.Uporov A.G., Uporov K.A. YUridicheskij status i pravovoe polozhenie chastnyh voennyh kompanij (na primere CHVK «Vagner») // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2024. №2 (41). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskiy-status-i-pravovoe-polozhenie-chastnyh-voennyh-kompaniy-na-primere-chvk-vagner (data obrashcheniya: 30.09.2024);
9.Trunov I.L. CHastnye voennye kompanii i mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo. Voprosy regulirovaniya // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2023. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/chastnye-voennye-kompanii-i-mezhdunarodnoe-gumanitarnoe-pravo-voprosy-regulirovaniya (data obrashcheniya: 30.09.2024).
10. Basov, A. V. Nekotorye aspekty razvitiya nauchnyh vzglyadov v sfere obespecheniya prav rossijskih voennoplennyh / A. V. Basov, V. V. Konoplev // Krymskie yuridicheskie chteniya: Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Simferopol', 21 iyunya 2024 goda. – Simferopol': Literaturno-izdatel'skij centr «Stroki», 2024. – S. 32-35.
11. Bojko A.I. Geopolitika, ideologiya, prestupnost', pravoohranitel'naya deyatel'nost' // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. 2012. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/geopolitika-ideologiya-prestupnost-pravoohranitelnaya-deyatelnost (data obrashcheniya: 30.09.2024).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 419–424

УДК 343.9

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЦИФРОВОЙ ИНФОРМАЦИИ: ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРИЗНАКИ

Семёнова И. В.

Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации

В целях глубокого осмысления сути цифровых преступлений и ключевых методов их выявления, анализа и профилактики в области криминалистики, важно разработать классификацию, основанную на уголовном и криминалистическом подходах. При этом криминалистический подход является более обширным и включает в себя уголовно-правовые аспекты, хотя также и расширяет их рамки, не ограниченные строго законодательством. Цифровые преступления имеют отличительную особенность от иных преступлений. Их латентность носит превалирующих характер, в связи с этим обнаружение, фиксация, анализ собранной информации обладает наибольшей ценностью в контексте расследования преступлений в рассматриваемой сфере. Объекты, подвергающиеся исследованию обладают индикаторами по которым определяется их соотношение к совершенным преступлениям. Классификация в таком случае помогает выделить важные черты компонентов события, делая возможным осуществление глубокого анализа, позволяет изучить элементы, важные для конкретного случая, и оценить их изменения и развитие. На основе проведенного анализа автором предлагаются и обосновываются информационные признаки, на которых строится классификация. Среди них выделяются внешние и внутренние информационные признаки, позволяющие определить относимость и допустимость доказательств в ходе проведения расследования преступлений объектом и предметом которых является цифровая информация и сети ее передачи.

Ключевые слова: классификация, систематизация, криминалистика, признаки, основания, информация, компьютерные, цифровые, преступления.

Использование методов классификации является устоявшейся практикой в научных исследованиях, в том числе и в области криминалистики. Независимо от того, к какой научной школе относится специалист, данный подход предполагается как неотъемлемый элемент исследовательского процесса. В современной криминалистике разработаны различные классификации, которые применяются для анализа преступных действий, действий после совершения преступления и мер, направленных на предотвращение, раскрытие и расследование преступлений, а также их рассмотрение в судах. Так систематизацией и классификацией в криминалистической науке занимались А. Ю. Головин [1], Вехов В. Б. [2]; в угловно-правовой отрасли – Михаль О. А. [3], Кадников Н.Г. [4]; общими вопросами классификации преступлений занимались Кривоченко Л. Н. [5], Образцов В.А. [6], Донец С. П. [7], Бойко А. И., Ратьков А. Н. [8], Марчук В. В. [9] и другие.

Для создания основ методологии расследования преступлений эксперты в области криминалистики опираются на принципы уголовного права и криминалистики. Такой подход является предпочтительным при разработке универсальных процедур по выявлению, исследованию и предотвращению преступлений в сфере информационных технологий, что проявляется во множестве аспектов.

В целях глубокого осмысления сути киберпреступлений и ключевых методов их выявления, анализа и профилактики в области криминалистики, важно разработать классификацию, основанную на уголовном и криминалистическом подходах. При

этом криминалистический подход является более обширным и включает в себя уголовно-правовые аспекты, хотя также и расширяет их рамки, не ограниченные строго законодательством.

Цифровые преступления выделяются тем, что часто после их совершения потерпевшие не стремятся к аресту злоумышленников, возможно из-за страха перед дополнительными расходами и потерей репутации. В то же время, хакеры, попавшиеся на горячем, зачастую не скрывают свои действия от полиции, рассчитывая на славу в определённых кругах, что в будущем может принести им выгоду. Это противоречие понятно с психологической точки зрения: жертвы избегают дополнительного внимания к инциденту, а преступники используют свою известность для продвижения в мире киберпреступности [10, с.73].

Систематический анализ – это ключевой метод исследования общественных процессов, который видит их как эволюционирующие конструкции. В процессе изучения окружающей обстановки важно учесть множество разнообразных систем, существующих вокруг нас. Это требует признания диалектической материалистической перспективы, основанной на признании одновременного существования единства и многообразия в природе. Также нарастает тенденция использования криминалистической систематизации как фундамента для упорядочивания накопленной информации.

Эффективное расследование преступлений требует учета накопленного опыта и научных данных по делам схожей направленности. Применяя стандартизированные методики, эксперты могут опираться на проверенные техники и тактические методы при изучении уголовных дел. Это помогает формировать специфические подходы и комплект криминалистического инструментария для добычи улик, учитывая уникальность каждого преступления.

Специализированные методики объединяют в себе не просто действенные инструменты и наставления, а также руководства по их применению, стратегию планирования и характерные версии для определенных видов преступлений. Они выделяют специфические черты определенного преступления, однако не претендуют на то, чтобы охватить все возможные рекомендации по осуществлению оперативно-розыскных действий (ОРД) для каждого индивидуального случая в рамках этой категории [11, с. 40].

Л.А. Щербич подчеркивает, что характерной особенностью криминалистической классификации является то, что она не может осуществляться на базе одного и навсегда заданного признака. Это подтверждается не только сложностью классифицируемых объектов, но и их внутренним содержанием и строением. Также в широком смысле криминалистическая классификация представляет собой специфическую разновидность систематизации научных знаний [12].

Организация собранной информации основывается на основных принципах и задачах классификации. Не каждый атрибут может быть причислен к информационным характеристикам в контексте криминалистики. Таким образом, систематизация видов преступлений предполагает их перевод из сферы информационного характера в строго организованную, логично устроенную и взаимосвязанную структуру.

О. Я. Баев считает, что существует промежуточный принцип уголовно-правовой классификации преступлений. Он основан на идее, что отдельные виды и группы

преступлений можно систематизировать исходя из общности их совершения. Это подразумевает, что стабильные элементы, которые описываются в криминалистике, а также способы, которыми преступления проявляются, имеют объединяющую основу [13, с. 20].

Поддерживая мнение, высказанное О. П. Грибуновым, о значимости криминалистической классификации преступлений. Это имеет фундаментальную важность для создания новых и улучшения существующих методов расследования конкретных типов преступлений [14, с. 36].

Михаль, О. А. Указывает, что основное положение логического принципа, предписывающего ясное разграничение между категориями в классификации, заключается в необходимости наличия уникальных признаков для каждого типа преступлений. Это означает, что последствия совершения преступления в рамках одной категории должны юридически отличаться от последствий преступлений другой категории [15, с. 20].

Существующая система криминалистической классификации показала свою эффективность и продолжает развиваться как специализированная область криминалистики, появляется потребность в создании подходов для обнаружения, исследования и превенции киберпреступлений. Это становится задачей, для решения которой необходимо использовать инструменты криминалистики. В числе ключевых методик, направленных на познание в этой сфере, стоит выделить классификационный анализ, который способствует формированию криминалистической классификации, цель которой – создание структурированного комплекса знаний, базирующегося на соответствующих методических основах.

Основные функции таких процессов как классификация и систематизация в криминалистике включают обмен информацией, анализ прошедших событий, предупреждение, прогнозирование и образовательный аспект. Классификация помогает выделить важные черты компонентов события, делая возможным глубокий анализ. Это позволяет углубленно изучить элементы, важные для конкретного случая, и оценить их изменения и развитие. Каждый анализируемый элемент характеризуется различными атрибутами, такими как цель, понятность, контролируемость, конкурентоспособность, адаптивность к условиям и другие [16, с. 240].

Сущность ситуации определяется через характеристики, отражающие внутреннее положение объекта и его взаимодействие с окружающей средой. Разделяя информационные аспекты на внутренние и внешние, мы получаем полную картину о нарушении. Эти аспекты, объединенные вместе, создают целостное восприятие инцидента.

Для того чтобы понять, насколько объект конкурентоспособен среди доказательств, необходимо анализировать информацию, связанную с ним. Состояние объекта и его взаимодействие с окружением определяются через специфические характеристики. Эти характеристики подразделяются на два типа: внутренние, описывающие и отражающие его связи с окружающей средой и преступлением и внешние признаки и его отношение преступному деянию. Интеграция этих двух аспектов дает полное описание факта правонарушения.

Управляемость определяется как способность системы откликаться на внешние воздействия и изменять свое состояние или поведение. Это связывает

характеристики и функции в одно целое, создавая общую систему классификации.

В процессе изучения преступления, анализируются следы, оставленные на месте происшествия, которые помогают воссоздать хронологию событий. Расположение вещественных доказательств в пространстве может многое рассказать о ходе преступления. Для оценки информационной ценности улик используется система ключевых индикаторов. Если улика соответствует высоким критериям этих показателей, она считается важной для расследования. В противном случае, её роль незначительна. Исследование преступной деятельности включает в себя детальный анализ происшествия и устойчивости следов, оставленных на месте преступления. Рассмотрение внешних признаков, свидетельствующих о событиях прошлого и настоящего, помогает восстановить цепочку происходившего. Основываясь на данных о прошлых и текущих признаках, эксперты могут воссоздать хронологию событий.

Информационные индикаторы, относящиеся к внутреннему уровню, отражают состояние объекта в условиях отсутствия внешних влияний. Они используются для анализа преступной активности, рассматриваемой как комплексный процесс. Исследование внутренних параметров объекта позволяет оценить её постоянство, соблюдение или нарушение законодательства, возможности контроля и адаптации, уровень баланса, взаимную согласованность элементов системы, наличие необходимых ресурсов и ключевые внутренние характеристики. Анализируя показатели за разные периоды, можно отследить динамику изменений в криминальной среде.

Изучая преступления, важно анализировать оставленные следы и их стабильность в контексте событий. Определяя информационные признаки прошлого и настоящего, мы можем выстроить хронологию происшествий. Рассматривая расположение предметов относительно других элементов, можно понять их информационную ценность. Классификация и определение ключевых показателей помогают оценить информационные качества объектов. Если эти характеристики превосходят стандартные показатели по сравнению с аналогами, объект считается конкурентоспособным, в противном случае – нет.

Специфика упорядочивания знаний в криминалистике напрямую зависит от предмета исследования, который является ключевым элементом. В работах ученых указывается, что системный подход применяется в различных областях знания, будь то естествознание, техника или гуманитарные дисциплины, и он соответствует типу исследуемых объектов. Главная цель классификации в криминалистике заключается в логической организации и представлении информации, собранной в ходе исследования, в максимально понятном виде.

Происходит эволюция преступлений, связанных с информационной сферой. Теперь они затрагивают не просто данные, но и влияют на критические информационные системы, а также сети. При оценке таких действий важно учитывать особенности каждого типа преступления. В современных условиях расследование требует комплексного подхода и специализированных инструментов. Следует подчеркнуть, что в области цифровых технологий ещё не создан единый теоретический аппарат, включая определения и термины.

Разработка классификации преступлений, важна. Она позволяет сформировать основу для характеристики таких цифровые преступления, усовершенствовать

методы выдвижения и анализа версий, а также улучшить качество и эффективность расследований. Кроме того, это поможет следователям в проведении соответствующих операций, улучшит тактику следственных действий и поможет в анализе ситуаций, связанных цифровой информацией и сетями ее передающими. Новая классификация также способствует уточнению и обогащению криминалистической терминологии и практических рекомендаций.

В криминалистике ключевое значение имеет глубокое понимание киберпреступлений, включая методы их выявления, изучения и пресечения. Классификация таких преступлений строится на основе уголовного законодательства и криминалистических принципов, причём последние обладают более широким спектром и обогащают уголовно-правовую базу, не ограничиваясь ею. Киберпреступления составляют разнообразную группу, разделённую по определённым критериям, что играет важную роль в борьбе с ними, их обнаружении и последующем раскрытии.

Список литературы:

1.Головин А. Ю. Криминалистическая систематика: монография / А. Ю. Головин. – М.: ЛексЭст, – 2002 (Тип. АДИ Бизнес-Карта). – 305с.
2.Вехов, В. Б. Компьютерные преступления: Способы совершения, методики расследования / В. Б. Вехов; Ассоц. рос. работников правоохранит. органов. – М.: Право и закон, –1996. – 179с.
3.Михаль О. А. Соотношение прикосновенности к преступлению с классификацией преступлений / О. А. Михаль // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2008. – № 3(30). – С. 20-22.
4.Кадников Н. Г. Классификация преступлений по уголовному праву России: монография / Н.Г. Кадников. – М.: Юриспруденция, –2020. –278с.
5.Кривоченко Л.Н. Классификация преступлений. – Харьков: Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, – 1983. – 129 с.
6.Образцов В.А. Криминалистическая классификация преступлений / Образцов В. А. – Красноярск: Издательство Красноярского университета, – 1988. – 175с.
7.Донец С. П. Квалифицирующие и привилегирующие признаки составов преступлений: правовая природа, классификация, особенности законодательной регламентации и правоприменения: монография / С.П. Донец. – М.: Юрлитинформ, – 2019. – 157 с.
8.Бойко А. И., Ратьков А. Н. Классификация преступлений и ее значение в современном праве / Бойко А. И., Ратьков А. Н.; Сев.-Кавк. акад. гос. службы, Рост. юрид. ин-т. – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, – 2003. – 185с.
9.Марчук В. В. Методологические основы квалификации преступления: монография / В. В. Марчук. – М.: Юрлитинформ, – 2016. – 438 с.
10. Чакрян В. Р. Понятие компьютерных преступлений и их классификация / В. Р. Чакрян, В. В. Кешишян // Символ науки: международный научный журнал. – 2020. – № 12-2. – С. 71-75.
11. Яблоков Н.П. Криминалистическая классификация преступлений в методике расследования и ее виды // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2015. – №5. – С. 40-50.
12. Щербич Л. А. Роль криминалистической классификации в построении криминалистических методик расследования преступлений // ЮП. – 2007. –№1. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-kriminalisticheskoy-klassifikatsii-v-postroe-nii-kriminalisticheskih-metodik-rassledovaniya-prestupleniy (дата обращения: 11.10.2024).
13. Баев О.Я. Основы методики уголовного преследования и профессиональной защиты от него: на примере уголовно-процессуального исследования должностных и служебных преступлений. – М., – 2009. – С. 20.
14. Грибунов О.П. Криминалистическая классификация преступлений против собственности, совершаемых на транспорте // Юристъ-Правоведъ. – 2016. – № (75). – С. 35-40.
15. Михаль Олег Александрович. Уголовно-правовая классификация преступлений: монография / О. А. Михаль; М-во внутренних дел Российской Федерации, Омская акад. – Омск: Омская акад. МВД России, – 2009. – 279 с.
16. Паршикова Г. В. Когнитивное сознание и систематизация знаний посредством категоризации / Г. В. Паршикова // Социально-гуманитарные знания. – 2020. – № 5. – С. 239-243.

Semenova I. V. Criminalistic classification of crimes in the field of digital information: information signs // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – S. 419–424.

In order to deeply understand the essence of digital crimes and key methods of their detection, analysis and prevention in the field of criminology, it is important to develop a classification based on criminal and criminalistic approaches. At the same time, the criminalistic approach is more extensive and includes criminal law aspects, although it also expands their scope, which is not strictly limited by legislation. Digital crimes have a distinctive feature from other crimes. Their latency is prevalent, and therefore the detection, fixation, and analysis of the collected information is of the greatest value in the context of investigating crimes in the field under consideration. The objects under investigation have indicators that determine their ratio to the crimes committed. Classification in this case helps to identify important features of the event components, making it possible to carry out in-depth analysis, allows you to study the elements important for a particular case and assess their changes and development. Based on the analysis, the author proposes and substantiates the information features on which the classification is based. Among them, external and internal information signs are distinguished, which make it possible to determine the relevance and admissibility of evidence during the investigation of crimes, the object and subject of which is digital information and its transmission networks.

Keywords: classification, systematization, criminalistics, signs, grounds, information, computer, digital, crimes.

Spisok literatury:

1. Golovin A. YU. Kriminalisticheskaya sistematika: monografiya / A. YU. Golovin. – M.: LeksEst, – 2002 (Tip. ADI Biznes-Karta). – 305s.
2. Vekhov, V. B. Komp'yuternye prestupleniya: Sposoby sovershеniya, metodiki rassledovaniya / V. B. Vekhov; Assoc. ros. rabotnikov pravoohranit. organov. – M.: Pravo i zakon, –1996. – 179s.
3. Mihal' O. A. Sootnoshenie prikosnovennosti k prestupleniyu s klassifikaciej prestuplenij / O. A. Mihal' // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. – 2008. – № 3(30). – S. 20-22.
4. Kadnikov N. G. Klassifikaciya prestuplenij po ugolovnomu pravu Rossii: monografiya / N.G. Kadnikov. M.: YUrisprudenciya, 2020. - 278s.
5. Krivochenko L.N. Klassifikaciya prestuplenij. - Har'kov: Vishcha shkola. Izd-vo pri Har'k. un-te, – 1983. – 129 s.
6. Obrazcov V.A. Kriminalisticheskaya klassifikaciya prestuplenij / Obrazcov V. A. – Krasnoyarsk: Izdatel'stvo Krasnoyarskogo universiteta, – 1988. – 175s.
7. Donec S. P. Kvalificiruyushchie i privilegiruyushchie priznaki sostavov prestuplenij: pravovaya priroda, klassifikaciya, osobennosti zakonodatel'noj reglamentacii i pravoprimeneniya: monografiya / S.P. Donec. – M.: YUrlitinform, – 2019. – 157 s.
8. Bojko A. I., Rat'kov A. N. Klassifikaciya prestuplenij i ee znachenie v sovremennom prave / Bojko A. I., Rat'kov A. N.; Sev.-Kavk. akad. gos. sluzhby, Rost. yurid. in-t. – Rostov n/D.: Izd-vo SKAGS, 2003. - 185s.
9. Marchuk V. V. Metodologicheskie osnovy kvalifikacii prestupleniya: monografiya / V. V. Marchuk. - M.: YUrlitinform, – 2016. – 438 s.
10. CHakryan V. R. Ponyatie komp'yuternyh prestuplenij i ih klassifikaciya / V. R. CHakryan, V. V. Keshishyan // Simvol nauki: mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal. – 2020. – № 12-2. – S. 71-75.
11. YAblokov N.P. Kriminalisticheskaya klassifikaciya prestuplenij v metodike rassledovaniya i ee vidy // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo. – 2015. – №5. – S.40-50.
12. SHCHerbich L. A. Rol' kriminalisticheskoj klassifikacii v postroenii kriminalisticheskih metodik rassledovaniya prestuplenij // YUP. – 2007. –№1. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-kriminalisticheskoy-klassifikatsii-v-postroe-nii-kriminalisticheskih-metodik-rassledovaniya-prestupleniy (data obrashcheniya:
13. Baev O.YA. Osnovy metodiki ugolovnogo presledovaniya i professional'noj zashchity ot nego: na primere ugolovno-processual'nogo issledovaniya dolzhnostnyh i sluzhebnyh prestuplenij. – M., – 2009. – S. 20.
14. Gribunov O.P. Kriminalisticheskaya klassifikaciya prestuplenij protiv sobstvennosti, sovershaemyh na transporte // YUrist"-Pravoved". – 2016. – № (75). – S. 35-40.
15. Mihal' Oleg Aleksandrovich. Ugolovno-pravovaya klassifikaciya prestuplenij: monografiya / O. A. Mihal'; M-vo vnutrennih del Rossijskoj Federacii, Omskaya akad. - Omsk: Omskaya akad. MVD Rossii, – 2009. – 279 s.
16. Parshikova G. V. Kognitivnoe soznanie i sistematizaciya znanij posredstvom kategorizacii / G. V. Parshikova // Social'no-gumanitarnye znaniya. – 2020. – № 5. – S. 239-243.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 425–434.

УДК 343.34

ЭКСТРЕМИСТСКИЙ И ХУЛИГАНСКИЙ МОТИВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Ситникова М. П., Исмайлов Д. А.

На протяжении продолжительного времени в нашем государстве и гражданском обществе наблюдаются изменения в поведении отдельных лиц и криминальной субкультуре. Однако действующее законодательство не преследует эти изменения, и правоприменительная практика не применяет новые уголовно-правовые нормы. Цель проведения настоящего исследования заключается в обращении внимания на проблемы квалификации преступлений с экстремистскими и хулиганскими мотивами. Методологической основой выступили общенаучные и научные методы познания, различные подходы и определения экстремистских и хулиганских преступлений, представленные в законодательстве и правоприменительной практике. Проводится статистический анализ совершенных преступлений за последние 10 лет, исследуется судебная практика для уточнения вопросов квалификации. В результате проведенного исследования обращено внимание на трудно доказываемые мотивы преступлений. Кроме того, подчеркивается необходимость разграничения понятий экстремистских и хулиганских преступлений. Предлагается изменение действующего законодательства, в частности, исключение уголовно-правовой нормы, указанной в п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ, и регулирование данных отношений в ст. 213.1 УК РФ.

Ключевые слова: экстремизм, хулиганство, проблемы квалификации, классическое хулиганство, экстремистское хулиганство, квалификация экстремизма и хулиганства, криминологические основы, криминология, национальная безопасность, мотивы преступлений.

Современный мир переживает период постоянного изменения общественных отношений в политической, экономической и культурной сферах. Данная трансформация формирует и общественную жизнь в России, и как часть этого процесса все более серьезными становятся такие негативные явления, как сепаратизм, терроризм, экстремизм. Нередко перечисленные явления связаны с использованием хулиганских и экстремистских мотивов, в следствии чего проведение данного исследования является актуальным.

В настоящее время сепаратизм приобрел форму социально-политического движения, согласно которому отдельная группа людей насильственными методами отделяется от своего государства или конкретного региона, что обусловлено этническо-языковыми, религиозными различиями. Результаты таких действий вполне способны приводить к насилию среди населения и, как следствие, совершению массовых преступлений.

Автор А.Д. Козуева предлагает понятие «сепаратизм» рассматривать как социально-политическое движение, согласно которому участвующие в нем лица стремятся увеличить самостоятельность региона. Это может быть выражено как получение большей автономии или усиление уже имеющейся, а также в крайних случаях – отделение региона от территории государства [7, с. 560]. Таким образом, автор указывает на разную степень независимости, к достижению которой могут стремиться общественно-политические движения. Приведенное суждение позволяет нам сконцентрировать внимание на масштабе и преследовании разнообразных целей.

Терроризм, в свою очередь, является насильственным актом, направленным на уничтожение основных принципов национальной безопасности отдельных лиц, гарантий личной безопасности граждан, используемым для достижения политических

или идеологических целей путем запугивания населения [3, с. 47]. Террористические организации совершают террористические атаки, похищения людей и другие преступления, чтобы вызвать панику и беспокойство в обществе [4, с. 161]. Указанный вид преступных явлений может быть международным или внутренним, и его борьба стала одним из главных приоритетов в сфере безопасности.

Экстремизм – одна из наиболее острых проблем современного мира. Он имеет давнее происхождение и до настоящего времени остается неотъемлемой частью преступности. Своей сущностью экстремизм опасен как «прямым» действием, так и «опосредованным»: с одной стороны, он наносит существенный вред существующим государственным, общественным институтам и конституционному строю, с другой - способствует деградации мировоззренческих социально-одобряемых установок, распространению в обществе идей нетерпимости и ксенофобии, предпочтению противозаконных насильственных методов решения социальных проблем.

Учитывая вышеизложенное, проблема экстремизма стала предметом внимания ученых различных направлений науки: проводятся многочисленные конференции, в публикациях освещаются различные аспекты феномена, но комплексного научного осмысления о понимании экстремизма до сих пор не существует, что несомненно связано с созданием определенных проблем для науки и негативно влияет на качество антиэкстремистского законодательства. В настоящее время экстремизм воспринимается как широко распространенное в мире явление, предупреждение которого стало одним из основных направлений внутренней политики государства.

Идеологию экстремизма принято считать главной движущей силой терроризма, угрожающей мировому порядку и стабильности. Законодательные меры противодействия экстремизму заключаются в защите основных прав и свобод людей, их жизни и здоровья, что является важной частью правовой системы во многих развитых государствах. Центральная задача идеологов экстремизма – заставить власть реагировать при помощи нарушения законности и правопорядка с целью оказаться в центре обычно бюрократизированного и инертного политического процесса. Наименее радикальные экстремисты последовательно выискивают болевые точки, созданные властью, такие как государственная и общественная безопасность, и наносят по ним соответствующий удар доступными идеологическими средствами. Наиболее радикальные экстремисты используют политику террора для создания собственной псевдореальности страха и паники перед лицом насилия и неопределенности.

В рамках данного исследования сконцентрировано внимание на достаточной актуальной проблеме в российском обществе и предложены пути для их решения.

В правовой сфере существует дискуссия относительно определения и классификации различных форм экстремизма. Так, например, В.И. Плохова использует термин «экстремистское хулиганство», утверждая, что преступления экстремистской направленности охватывают все правонарушения, мотивированные политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненавистью, или враждой, а также направленные против какой-либо социальной группы. Однако, указанный автор отмечает, что перечисленные преступления имеют разную степень опасности для общества – от убийств до менее тяжких правонарушений. В.И. Плохова также подчеркивает, что законодательство не определяет конкретные действия, которые считаются «экстремистским хулиганством». Вместо этого, автором рассматривается

«экстремистское хулиганство» как грубое нарушение общественного порядка, выражающее пренебрежение к обществу [10, с. 103]. Автор справедливо замечает, что «классическое хулиганство», в отличие от экстремистских преступлений, чаще всего совершается спонтанно и беспричинно, в то время как экстремистские преступления всегда мотивированы идеологическими, политическими, национальными или религиозными причинами.

Преступления с экстремистскими и хулиганскими мотивами представляют серьезную угрозу для общественной безопасности и государственной стабильности. Их квалификация является сложным процессом, требующим учета множества факторов, таких как мотивация преступника, социальные и политические обстоятельства, а также степень причиненного обществу вреда.

Из предоставленных статистических данных Генеральной прокуратурой РФ демонстрируется, что в 2017 г. количество преступлений экстремистской направленности составило 1521, что означает рост на 4,9% по сравнению с предыдущим годом. Однако, в 2018 г. наблюдалось снижение на 16,8%, с общим числом преступлений 1265. В 2019 г. произошло еще более значительное снижение на 53,8%, с общим числом преступлений 585. В 2020 г. произошел рост на 42,4%, с общим числом преступлений 833, когда в 2021 г. также наблюдается дальнейший рост на 26,9%, с общим числом преступлений 1057. И, наконец, в 2022 г. было зафиксировано самое высокое число преступлений экстремистской направленности – 1556, что составляет рост на 47,2% [2]. Несмотря на регулярные изменения в российском уголовном законодательстве, направленные на борьбу с экстремизмом, квалификация экстремистских преступлений по-прежнему вызывает сложности. Причина заключается в несовершенстве и противоречиях в нормах Особенной части УК РФ. Анализ российского законодательства выявляет пробелы и несоответствия, затрудняющие эффективную борьбу с экстремизмом.

Правовое регулирование хулиганства предусмотрено ст. 213 УК РФ, где определяется хулиганский мотив. Особенность приведенной нормы заключается в отличии от других составов преступлений, где мотив ненависти или вражды является квалифицирующим признаком, в случае с хулиганством он выделяется отдельно и является криминообразующим [9, с. 44], что на наш взгляд предоставляет полное право выделить экстремистское хулиганство в самостоятельную уголовно-правовую норму. Законодатель рассматривает хулиганские и экстремистские мотивы деяний как равнозначные по уголовно-правовому значению. Объективная сторона хулиганства включает действия, явно нарушающие общественный порядок, проявляя открытое неуважение к обществу.

И.Н. Улиткин, проводя диссертационное исследование констатирует, что в преступлении с хулиганским мотивом «…доминирующим обстоятельством выступает внутреннее психическое отношение лица, совершающего преступное деяние, охватывающее осознание факта причинения вреда обществу в целом. При признании преступлений совершенными по указанному мотиву следует устанавливать, что он выступал в качестве доминирующего» [19, с. 121].

Постановлением Пленума ВС РФ от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» регламентируется в том числе, что под преступлениями, совершенными из хулиганских побуждений, следует понимать умышленные действия

против личности или имущества лица, совершенные без какого-либо мотива или с использованием незначительных побуждений.

Помимо рекомендаций ВС по уголовным делам, стоит отметить, что ст. 213 УК РФ включает в себя дополнительные признаки, такие как ненависть или вражда к определенной социальной группе по национальному, расовому, идеологическому, религиозному или другим признакам. Законодателем в п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ регламентирована ответственность за хулиганство, мотивированное экстремизмом. Следовательно, возникает вопрос: можно ли в целом совершить хулиганство с мотивом ненависти или вражды? По сути, в одной норме объединены два преступления, имеющие существенные различия: 1) мотив – хулиганский и ненависти или вражды; 2) объективная сторона – выражена в хулиганских действиях, предполагающих грубое нарушение общественного порядка, выражающих неуважение к обществу, иногда с применением оружия, в то время как экстремистское хулиганство характеризуется действиями, мотивированными ненавистью или враждой; 3) объект – в классическом хулиганстве – общественный порядок, а у преступлений, мотивированных ненавистью или враждой – основы конституционного строя, направленные на обеспечение целостности и безопасности многонационального и многорелигиозного общества.

Указанные отличия ставят под сомнение целесообразность объединения в одной норме хулиганства с экстремистским мотивом. Важно отметить, что практически любое публичное преступление в той или иной степени нарушает общественный порядок. В итоге, криминализация хулиганства сводится к тому, что оно изначально направлено на нарушение этого блага, что отражается в объективных и субъективных признаках хулиганства, описанных в ч. 1 ст. 213 УК РФ. Криминализация «экстремистского» хулиганства основана на причинении вреда принципу равенства людей независимо от их национальности, расы, религии, социального статуса и других различий. Иными словами, общественный порядок нарушается косвенно, через нарушение других ценностей, которые защищаются уголовным правом. Поэтому, с точки зрения криминализации деяния, объединение в одну уголовно-правовую норму настолько разных по своей направленности проявлений человеческой активности под собой никаких оснований не имеет [6, с. 21-22].

Постановление Пленума ВС РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» в п. 3 также гласит, что «…квалификация преступлений против жизни и здоровья, совершенных по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, по пункту «л» части 2 ст. 105, или по пункту «е» ч. 2 ст. 111, или по п. «е» ч. 2 ст. 112, или по п. «б» ч. 2 ст. 115, или по ст. 116 УК РФ исключает возможность одновременной квалификации содеянного по другим пунктам указанных частей этих статей, предусматривающим иной мотив или цель преступления (например, из хулиганских побуждений)».

С.В. Борисов считает, что «…при юридической оценке деяния недопустимо учитывать одновременно хулиганские и какие-либо иные побуждения, так как содеянное подлежит квалификации именно с учетом основного, главного мотива, выступившего внутренней движущей силой, сформировавшей стремление виновного совершить преступление, в пользу которого избран волевой акт и который положен в

основу решения, согласно статье УК РФ» [1, с. 338]. Трудно не согласиться с автором, поскольку мотив преступления, как внутренняя движущая сила преступника, имеет решающее значение для определения характера и тяжести совершенного деяния. Изучение мотива позволяет понять причины преступления и, соответственно, правильно квалифицировать его. Экстремистские преступления мотивированы ненавистью или враждой, или их комбинацией. Поэтому, с юридической точки зрения, экстремистское хулиганство не может быть охарактеризовано как «совершенное без повода или по незначительному поводу». Напротив, экстремистские преступления всегда совершаются по определенным причинам и мотивированы факторами, такими как принадлежность жертвы к политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной или иной социальной группе, отличающейся от группы преступника. Преступники также намеренно выбирают будущих жертв, демонстрируя избирательность в своих действиях и враждебное отношение к определенным группам населения. Рассматривать совершение этих преступлений как совершенные «без повода или по незначительному поводу» — значит недооценивать степень общественной опасности таких деяний [18, с. 103-104].

Отметим, что уголовный закон не раскрывает понятие ни хулиганского, ни экстремистского мотива. Однако, из общепринятых в научной литературе определений [5, с. 115-116], а также нормативно-правовых актов можно сделать вывод, что хулиганство характеризуется желанием нарушителя противопоставить себя обществу, проявляя неуважение к нему в целом, вне зависимости от конкретных людей, находящихся поблизости. Мотив хулиганства направлен на демонстрацию пренебрежения к общественным нормам. В отличие от этого, преступления, совершаемые по мотивам ненависти или вражды направлены против конкретных групп людей, выделяющихся по признакам национальности, расы, религии, политической принадлежности или социальной принадлежности. Эти различия в мотивации подчеркивают фундаментальное различие между этими типами преступлений.

Безусловно, в одном преступлении могут сочетаться различные мотивы, однако квалификация деяния должна осуществляться в соответствии с той статьей УК РФ, которая соответствует выбранному волевому акту и принятому решению. Тем не менее, мы полностью согласны с С.М. Кочои отметившим, что «…допускать возможность совершения преступления с несколькими разнозначными мотивами – значит создавать серьезные проблемы в правоприменительной практике и в конечном счете оставлять безнаказанными действия экстремистов…» [8, с. 24]. Хотя закон не содержит четкого определения экстремистского хулиганства, оно должно быть мотивировано ненавистью или враждой, основанной на социальных, политических, идеологических, расовых, национальных или религиозных различий. Квалифицируя же противоправные действия по двум мотивам, значение хулиганского мотива как главного критерия хулиганства практически обесценилось.

На этом фоне А.В. Ростокинский справедливо отмечает, что «новеллы законодательства об ответственности за совершение хулиганства оказывают негативное воздействие на состояние борьбы с насильственной преступностью, включая экстремистское насилие» [17, с. 17-18]. Считаем, что с точки зрения уголовной ответственности, нельзя ставить на один уровень преступление, совершенное без какого-либо повода, и преступление, совершенное под влиянием ясных идеологических

установок. Ответственность за последнее должна быть значительно жестче и отделена в плане юридических конструкций от других составов.

Анализ статистических данных показывает, что с 2014 по 2024 гг. суды общей юрисдикции РФ рассмотрели всего 6 уголовных дел по ст. 213 УК РФ. Данный показатель демонстрирует сравнительно небольшое количество дел на недостаточную эффективность применения нормы, предусмотренной п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ. Стоит отметить, что преступления данной категории часто связаны с использованием оружия или предметов, которые используются в качестве оружия.

В апреле 2015 г. Хамовнический районный суд Москвы рассмотрел уголовное дело против гражданина М., обвиняемого в хулиганстве на почве политической ненависти, что выразилось в повреждении огнестрельным оружием знака с гербовой символикой Посольства Турецкой Республики. Мотивом послужило несогласие с позицией Турецкой Республики по вопросу геноцида армян. По итогам рассмотрения дела суд привлек гражданина М. к уголовной ответственности по пп. «а» и «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ [16]. В декабре 2019 г. Виноградовский районный суд рассмотрел дело № 1-148/2019 против гражданина К. Обвиняемый, находясь в общественном месте в присутствии посторонних, грубо нарушал общественный порядок, демонстрируя явное неуважение к обществу и общепринятым нормам поведения, унижал человеческое достоинство и выражал негативное отношение к определенной социальной группе по национальному признаку. Суд признал гражданина К. виновным по п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ [15].

На основании решения Благовещенского городского суда по уголовному делу № 1-1041/2020 установлено, что 2.12.2019 г., на крыльце у входа в организацию между гражданином П. и гражданином Б. произошел словесный конфликт, сопровождаемый взаимными оскорблениями с использованием нецензурной брани. Гражданин Б., руководствуясь мотивом национальной ненависти и вражды к русским, намеревался совершить хулиганство с использованием предметов в качестве оружия. В свою очередь последний испытывал этническую ненависть и вражду к русскому народу, выражая мнение о необходимости уничтожения представителей этой нации. Такое поведение было квалифицировано как экстремистское, поскольку выражало открытое презрение к обществу и отдельным людям по национальному признаку. Благовещенский городской суд признал гражданина Б. виновным в совершении преступления по пп. «а» и «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ [13]. В июне 2020 г. Брянский областной суд вынес решение по делу гражданина Г., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных пп. «а» и «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ. Согласно материалам уголовного дела, гражданин Г., находясь в общественном месте, грубо нарушил общественный порядок, нанеся не менее трех ударов ножом по телу, руководствуясь ненавистью к конкретной социальной группе [12].

Следующую ситуацию необходимо рассматривать как проявление хулиганских и экстремистских побуждений. Во время избирательной кампании на территории Российской Федерации гражданин К., находясь на избирательном участке, совершил действия, направленные против политической партии. Подсудимый использовал нецензурную брань в отношении окружающих и умышленно повредил входную дверь офиса партии «Единая Россия», проявляя ненависть к данной политической организации. В июле 2020 г. Индустриальный районный суд города Ижевска Уд-

муртской Республики квалифицировал эти действия по п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ как проявление хулиганских и экстремистских побуждений [11].

В январе 2024 г. Центральный районный суд города Омска признал гражданина Х. виновным по п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ. Гражданин Х. по причине отказа в поступлении в пограничный институт ФСБ России встал напротив крыльца здания УФСБ России по Омской области, желая показать превосходство над сотрудниками как социальной группе, и показывая к ним и к обществу пренебрежение, высказывал оскорбление в адрес сотрудников УФСБ РФ. Затем умышленно снял с себя верхнюю одежду и нижнее белье, повернувшись лицом к проходящим и проезжающим гражданам, продолжал демонстрировать ненависть и пренебрежительное отношение к сотрудникам УФСБ как социальной группе и обществу. Его действия нарушили общественный порядок, выразили неуважение к обществу и нанесли моральный ущерб сотрудникам УФСБ [14].

Небольшое количество рассмотренных дел указывает на недостатки в конструкции данной уголовно-правовой нормы и свидетельствует о том, что лица, совершающие хулиганские действия на основе ненависти, часто остаются безнаказанными, что тем самым создает опасность для общества и подрывает верховенство закона в современном обществе. На основании вышеизложенного, в целях совершенствования правовых мер противодействия экстремистской деятельности, и с учетом конструкции действующей ст.213 УК РФ, считаем возможным и необходимым исключить из п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ уголовно-правовую норму, предусматривающую ответственность за хулиганские действия по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» и дополнить в УК РФ норму ст. 213.1 «Преступление экстремистской направленности с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия – Преступление экстремистской направленности, то есть совершенное по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, - наказывается штрафом в размере от семисот тысяч до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от четырех до пяти лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на срок до семи лет».

Анализ некоторых проблем проявлений экстремизма свидетельствует о необходимости решительных и жестких мер по защите национальных интересов от преступной идеологии устрашения, дискриминации и разобщенности народов. Антиэкстремистское законодательство это важная составляющая политики России, нацеленная на устойчивое развитие страны. Его совершенствование и реализация ключевых положений требует консолидации усилий государственных органов и институтов гражданского общества.

Решая проблему борьбы с экстремизмом в России необходимо уделять внимание снижению уровня поляризации взглядов различных религиозных групп. До сих пор нередки случаи, когда противостояние представителей различных конфессий выходит за рамки нормального плюрализма, и экстремизм, развивающийся в таком противостоянии, нельзя объяснить многообразием религиозных убеждений граждан.

Проблема острого политического противостояния отдельных религиозных конфессий должна быть решена путем дальнейшей гармонизации политических позиций сторон при активной идеологической работе всех государственных органов.

Вне всякого сомнения, работу любых радикальных сект в РФ необходимо пресекать посредством правоприменительной деятельности. Плюрализм и открытость российского общества представляются в недостаточной степени эффективными средствами противодействия радикализму. Демократические ценности способны превалировать только в условиях взаимного доверия и уважения между всеми участниками политического процесса. Существует угроза демократии, исходящая от отдельных радикальных групп, действующих в РФ при поддержке правительств иностранных государств, что делает таких экстремистов более опасными.

Необходимо совершенствовать законодательство и терминологию в этой области, с целью установления четких обособленных границ дозволенного в идеологической сфере. Указанное обстоятельство позволит избежать необоснованных ограничений и обозначить неприемлемые действия, за которые должна быть установлена ответственность. Системна научная работа, направленная на всеобщее понимание угроз ненависти и дискриминации, способствует выработке гармоничного и универсального правового подхода к решению проблемы экстремизма.

Для эффективной борьбы с экстремизмом необходима совместная работа всех уровней власти. Ключевую роль играет искоренение коррупции и повышение качества государственного управления. Необходим и высокий уровень доверия внутри системы управления и активное взаимодействие всех участников процесса.

Противодействие идеологии экстремизма в современном мире требует комплексного подхода, основанного на разработке и внедрении стратегии, позволяющей эффективно решать этнические, религиозные и другие социальные конфликты. Развитие и интеграция на международном уровне невозможны, если экстремистские организации продолжают разрушать жизнь целых народов. Ликвидация экстремизма станет сильным импульсом для создания новых форм международного взаимодействия, основанных на взаимопонимании и сотрудничестве, без ненависти и недоверия. В целом, недостатки уголовно-правовой системы и ошибки в ее применении создают проблемы в борьбе с экстремистской деятельностью. Проведенный анализ системы позволяет выработать рекомендации по решению ряда проблем, связанных с квалификацией экстремистских преступлений. Эти меры могут способствовать повышению эффективности правового противодействия в данной сфере государственной деятельности.

Список литературы:

1.Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дис. …докт.юрид.наук. М., 2012. 484 с.

2.Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики [Электронный ресурс]. URL: http://crimestat.ru/ (дата обращения: 01.08.2024).

3.Исмайлов Д. А. Терроризм как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Академия права. 2023. № 3(3). С. 43-49.

4.Исмайлов Д.А. Основные угрозы национальной безопасности Российской Федерации: криминологический анализ и современные тенденции // Академия права. 2024. № 1(4). С. 153-162.

5.Капинус О.С. Убийства: мотивы и цели: нац. вражда. ревность. расовая ненависть. тщеславие. кров. месть. религиоз. ненависть. корысть. сострадание. хулиг. побуждения. ненависть. зависть. трансплантация органов. Москва: Изд-во ИМПЭ-ПАБЛИШ, 2004. 310 с.

6.Кибальник А., Соломенко И. «Экстремистское» хулиганство - нонсенс уголовного закона // Законность. 2008. № 4(882). С. 14-20.

7.Козуева А.Д. Понятие сепаратизма: его сущность, предпосылки и причины возникновения // Молодой ученый. 2016. № 7 (111). С. 559-563.
8.Кочои С.М. Расизм: уголовно-правовое противодействие: монография. М-во образования и науки Российской Федерации, Московская гос. юридическая акад. Москва: Проспект, 2007. 144 с.
9.Кунашев А.А. Хулиганство как преступление с двумя основными мотивами // Законность. 2010. № 2(904). С. 44-47.
10. Плохова В.И. «Классическое» хулиганство, преступления из хулиганских побуждений и экстремистское хулиганство (статья 1) // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 2-1(74). С. 103-107.
11. Постановление № 1-390/2020 от 3 июля 2020 г. по делу № 1-390/2020 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/O7Z1MkscoSmd/ (дата обращения: 01.08.2024).
12. Постановление № 22-993/2020 22К-993/2020 3/1-48/2020 от 29 июня 2020 г. по делу № 22-993/2020 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/6biDuvrkjadg/ (дата обращения: 01.08.2024)
13. Приговор № 1-1041/2020 от 12 ноября 2020 г. по делу № 1-473/2020 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/1zpqweI8NQUl/ (дата обращения: 01.08.2024).
14. Приговор № 1-128/2024 1-508/2023 от 29 января 2024г. по делу №1-128/2024 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/WqDC5XW8MoUY/ (дата обращения: 01.08.2024).
15. Приговор № 1-148/2019 от 9 декабря 2019 г. по делу № 1-148/2019 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/tgxf9Y3FQFdC/ (дата обращения: 01.08.2024).
16. Приговор № 1-54/2015 от 2 апреля 2015 г. по делу № 1-54/2015 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Ty5LILT6N3Qw/ (дата обращения: 01.08.2024).
17. Ростокинский А.В. О сходной сущности и различиях квалификации хулиганства и экстремизма // Российский следователь. 2007. №7. С. 17-19.
18. Ситникова М.П. К вопросу квалификации преступлений с экстремистским мотивом как отягчающим ответственность обстоятельством // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. №10. С. 102-109.
19. Улитин И.Н. Факультативные признаки субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья: теоретико-прикладное исследование: специальность 12.00.08 "Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право": диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук, 2021. 219 с.

Ismailov Dmitry A., Sitnikova Marina P. Extremist and hooligan motives for crimes: problematic aspects of qualification // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 425-434.

For a long time, changes in the behavior of individuals and the criminal subculture have been observed in our state and civil society. However, the current legislation does not pursue these changes, and law enforcement practice does not apply new criminal law norms. The purpose of this study is to draw attention to the problems of qualification of crimes with extremist and hooligan motives. The methodological basis was general scientific and scientific methods of cognition, various approaches and definitions of extremist and hooligan crimes presented in legislation and law enforcement practice. A statistical analysis of the crimes committed over the past 10 years is carried out, judicial practice is being investigated to clarify qualification issues. As a result of the conducted research, attention is drawn to the difficult-to-prove motives of crimes. In addition, the need to distinguish between the concepts of extremist and hooligan is emphasized.

Keywords: extremism, hooliganism, qualification problems, classical hooliganism, extremist hooliganism, qualification of extremism and hooliganism, criminological foundations, criminology, national security, motives of crimes.

Spisok literatury:

1. Borisov S.V. Prestupleniya ekstremistskoj napravlennosti: problemy zakonodatel'stva i pravoprimeneniya: dis. …dokt.yurid.nauk. M., 2012. 484 s.
2. General'naya prokuratura Rossijskoj Federacii. Portal pravovoj statistiki [Elektronnyj resurs]. URL: http://crimestat.ru/ (data obrashcheniya: 01.08.2024).
3. Ismajlov D. A. Terrorizm kak ugroza nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii // Akademiya prava. 2023. № 3(3). S. 43-49.
4. Ismajlov D.A. Osnovnye ugrozy nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: kriminologicheskij analiz i sovremennye tendencii // Akademiya prava. 2024. № 1(4). S. 153-162.

5. Kapinus O.S. Ubijstva: motivy i celi: nac. vrazhda. revnost'. rasovaya nenavist'. tshcheslavie. krov. mest'. religioz. nenavist'. koryst'. sostradanie. hulig. pobuzhdeniya. nenavist'. zavist'. transplantaciya organov. Moskva: Izd-vo IMPE-PABLISh, 2004. 310 s.
6. Kibal'nik A., Solomenko I. «Ekstremistskoe» huliganstvo - nonsens ugolovnogo zakona // Zakonnost'. 2008. № 4(882). S. 14-20.
7. Kozueva A.D. Ponyatie separatizma: ego sushchnost', predposylki i prichiny vozniknoveniya // Molodoj uchenyj. 2016. № 7 (111). S. 559-563.
8. Kochoi S.M. Rasizm: ugolovno-pravovoe protivodejstvie: monografiya. M-vo obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii, Moskovskaya gos. yuridicheskaya akad. Moskva: Prospekt, 2007. 144 s.
9. Kunashev A.A. Huliganstvo kak prestuplenie s dvumya osnovnymi motivami // Zakonnost'. 2010. № 2(904). S. 44-47.
10. Plohova V.I. «Klassicheskoe» huliganstvo, prestupleniya iz huliganskih pobuzhdenij i ekstremistskoe huliganstvo (stat'ya 1) // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 2-1(74). S. 103-107.
11. Postanovlenie № 1-390/2020 ot 3 iyulya 2020 g. po delu № 1-390/2020 // Sudebnye i normativnye akty RF [Elektronnyj resurs]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/O7Z1MkscoSmd/ (data obrashcheniya: 01.08.2024).
12. Postanovlenie № 22-993/2020 22K-993/2020 3/1-48/2020 ot 29 iyunya 2020 g. po delu № 22-993/2020 // Sudebnye i normativnye akty RF [Elektronnyj resurs]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/6biDuvrkjadg/ (data obrashcheniya: 01.08.2024)
13. Prigovor № 1-1041/2020 ot 12 noyabrya 2020 g. po delu № 1-473/2020 // Sudebnye i normativnye akty RF [Elektronnyj resurs]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/1zpqweI8NQUl/ (data obrashcheniya: 01.08.2024).
14. Prigovor № 1-128/2024 1-508/2023 ot 29 yanvarya 2024g. po delu №1-128/2024 // Sudebnye i normativnye akty RF [Elektronnyj resurs]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/WqDC5XW8MoUY/ (data obrashcheniya: 01.08.2024).
15. Prigovor № 1-148/2019 ot 9 dekabrya 2019 g. po delu № 1-148/2019 // Sudebnye i normativnye akty RF [Elektronnyj resurs]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/tgxf9Y3FQFdC/ (data obrashcheniya: 01.08.2024).
16. Prigovor № 1-54/2015 ot 2 aprelya 2015 g. po delu № 1-54/2015 // Sudebnye i normativnye akty RF [Elektronnyj resurs]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Ty5LILT6N3Qw/ (data obrashcheniya: 01.08.2024).
17. Rostokinskij A.V. O skhodnoj sushchnosti i razlichiyah kvalifikacii huliganstva i ekstremizma // Rossijskij sledovatel'. 2007. №7. S. 17-19.
18. Sitnikova M.P. K voprosu kvalifikacii prestuplenij s ekstremistskim motivom kak otyagchayushchim otvetstvennost' obstoyatel'stvom // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. 2015. №10. S. 102-109.
19. Ulitin I.N. Fakul'tativnye priznaki sub''ektivnoj storony v sostavah prestuplenij protiv zhizni i zdorov'ya: teoretiko-prikladnoe issledovanie: special'nost' 12.00.08 \"Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugolovno-ispolnitel'noe pravo\": dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskih nauk, 2021. 219 s.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 435–441.

УДК 343.348

ОТГРАНИЧЕНИЕ НАДРУГАТЕЛЬСТВА НАД ТЕЛАМИ УМЕРШИХ И МЕСТАМИ ИХ ЗАХОРОНЕНИЯ ОТ НЕКОТОРЫХ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Скворцова О. В., Гула А. В.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Статья посвящена установлению признаков, по которым необходимо отграничивать преступление, предусмотренное статьей 244 Уголовного кодекса Российской Федерации, от смежных с ним составов преступлений, так как разрешение данного проблемного аспекта квалификации прямым образом влияет на правоприменение указанной нормы. Среди деяний, которые обладают схожими признаками элементов состава посягательства на тела умерших и места их захоронения, в настоящей статье рассмотрены: убийство, сопряженное с изнасилованием; хищение; вандализм, а также соотношение такого явления, как каннибализм, и надругательства над телами умерших. В работе высказано предложение по редактированию части 2 статьи 244 Уголовного кодекса Российской Федерации. А именно, поддержана позиция изложить часть 2 статьи 244 Уголовного кодекса Российской Федерации в новой редакции, которая будет включать квалифицирующий признак, предусматривающий ответственность за хищение вещей из места захоронения.

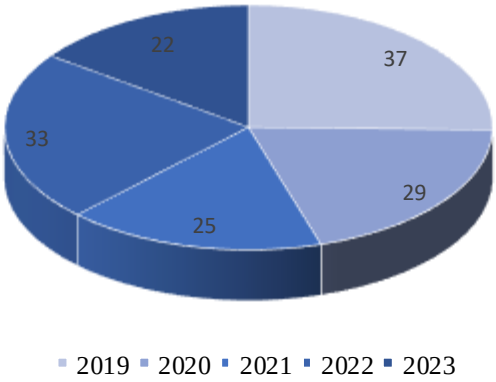
Ключевые слова: смежный состав преступления, хищение, каннибализм, некрофилия, надругательство над телами умерших и местами их захоронения, вандализм, квалифицирующие признаки.

При совпадении одного или нескольких признаков различных преступных деяний имеет место быть такое уголовно-правовое явление как смежные составы преступлений. Вопрос отграничения ст. 244 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) от смежных с ней составов прямым образом влияет на квалификацию деяния, регламентируемого данной нормой, и правоприменение данной статьи. Вместе с этим, в настоящее время отсутствует единая позиция ученых в области уголовного права и практикующих юристов относительно ряда вопросов, касающихся некоторых аспектов толкования анализируемой уголовно-правовой нормы. Так, на сегодняшний день является неразрешенным вопрос: «Как правильно квалифицировать хищение предметов, которые находятся в месте захоронения?». Этими обстоятельствами непосредственно и обуславливается актуальность данной работы.

Также для того, чтобы обосновать актуальность исследования, необходимо рассмотреть анализируемую статью в динамике правоприменительной практики, а именно, изучить данные судебной статистики, которые отражают количественный фактор преступности за определенный временной отрезок. Исходя из данных показателей судебной статистики, мы видим, что показатели совершения деяния, предусмотренного ст. 244 УК РФ, носят неравномерный характер, отсутствуют тенденции к росту или снижению числа зафиксированных случаев совершения указанного преступления.

Итак, рассмотрим данные судебной статистики [2] за последние 5 лет, изображенные на круговой диаграмме:

количество обвинительных приговоров по статье 244 УК РФ в период с 2019 г. по 2023 г.



Целью исследования, представленного в данной статье, главным образом, является комплексный анализ отграничения уголовно-наказуемого деяния, направленного на надругательство над телами умерших и местами их захоронения, от составов преступлений, имеющих схожие признаки, то есть смежных. В рамках реализации цели исследования планируется выявление ряда признаков, содержащих показатели, отграничивающие надругательство над телами умерших и местами их захоронения от того или иного смежного состава преступления.

Уголовно-правовой анализ надругательства над телами умерших и местами их захоронения позволил выделить некоторые спорные аспекты, непосредственно связанные с отграничением от смежных составов преступлений и квалификацией. Так, к указанным аспектам считаем необходимым, в первую очередь, отнести такие: вопросы, возникающие при квалификации убийства, сопряженного с изнасилованием (пункт «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ), и квалификации надругательства над телом умершего, а именно, в контексте поставленной проблемы: по каким критериям соотнести совершение полового сношения с трупом и преступление, предусмотренное пунктом «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ?; случаи, при которых каннибализм подпадает под действие ст. 244 УК РФ; каким образом необходимо проводить разграничение вандализма от надругательства над телами умерших и местами их захоронения; наиболее спорный в настоящее время вопрос относительно ст. 244 УК РФ: «Как правильно квалифицировать хищение предметов, которые находятся в месте захоронения?».

Итак, одним из поставленных перед настоящим исследованием вопросом является отграничение убийства, сопряженного с изнасилованием, от состава, предусматривающего ответственность за надругательство над телом умершего. Иными словами, существует необходимость выяснить, какова разница между половым сношением с умершим человеком (совершением акта некрофилии) и надругательством над телом умершего. Сложилось несколько концепций относительно данного вопроса:

1) убийство, которое преследует своей целью совершение полового сношения с трупом, надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 105 и 244 УК РФ соответственно;

2) другой подход предполагает квалификацию по пункту «к» части 2 статьи 105 как «Убийство, сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера» [3, с. 1068].

Последняя позиция на наш взгляд является ошибочной. Так, при условии, что умысел субъекта преступления был направлен конкретно на совершение полового акта с умершим человеком, такое деяние не образует объективной стороны и, соответственно, состава изнасилования. Это объясняется, в первую очередь, тем, что умерший человек не способен сопротивляться изнасилованию и насильственным действиям сексуального характера.

В данном вопросе ключевое значение для квалификации имеет умысел лица, преступное деяние. В случае, если умысел субъекта непосредственно направлен на то, чтобы совершить изнасилование в процессе причинения смерти, и он совершает половое сношение с ещё живой жертвой, то имеет место убийство, сопряженное с изнасилованием. Если же виновный осознает и имеет основания полагать, что потерпевшая является мертвой, и он совершает половое сношение с уже умершим человеком, и умысел его направлен именно на это (т.е. на совершение акта некрофилии), то имеет место состав преступления, регламентируемый ч. 1 ст. 244 УК РФ и предусматривающий ответственность за надругательство над телом умершего, и дополнительно совершенное деяние квалифицируется по ч. 1 ст. 105 УК РФ «Убийство» [3, с. 1069].

Ещё одним дискуссионным вопросом является квалификация каннибализма и его соотношения с надругательством над телами умерших и местами их захоронения.

Каннибализм – это использование органов либо тканей человека в качестве пищи. Как таковой каннибализм в действующем уголовном законодательстве не закреплен. В сложившейся судебной практике убийство с целью употребления человеческих останков сводится к квалификации преступления, предусмотренного пунктом «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ «Убийство, совершенное в целях использования органов или тканей человека». Однако, если виновное лицо, употребляющее в пищу человеческие останки, непосредственно не причастно к убийству потерпевшего, то уголовная ответственность наступает исключительно по ч. 1 ст. 244 «Надругательство над телом умершего» [3, с. 1066-1067]. Если же умысел на поедание человеческих органов или тканей появился уже после убийства потерпевшего, то преступление квалифицируется как убийство и дополнительно по ч. 1 ст. 244 УК РФ [4, с. 27].

Значимым вопросом для процесса квалификации является выявление признаков, по которым можно отграничить надругательство над телами умерших и местами их захоронения от состава преступления, предусмотренного ст. 214 УК РФ – «Вандализм». Объектом вандализма выступает, в первую очередь, общественный порядок, а по ст. 244 объектом является общественная нравственность. Разница имеется и в субъекте преступления. Если субъектом преступления по ст. 244 является лицо, достигшее 16 лет, то по ст. 214 «Вандализм» предусмотрен пониженный возраст уголовной ответственности – 14 лет [5, с. 223]. Основной признак, благодаря которому можно провести разграничение этих составов преступлений – это предмет преступления. Предметами надругательства над телами умерших и местами их захоронения могут выступать тела умерших, места захоронений, кладбищенские здания и сооружения для церемоний в связи с погребением. Предметами же такого деяния как вандализм, в соответствии со ст. 214 УК РФ, выступают здания и сооружения, имущество на общественном транспорте или других общественных местах. Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что те предметы, которые расположены на кладбище, но не подпадают под признаки предметов посягательства на тела умерших и места их захоронения могут являться предметами вандализма [6, с. 205].

Это также подтверждается и судебной практикой. Так, гражданин Т., будучи в состоянии алкогольного опьянения умышленно повредил (нанес удары ногами) пролёты забора, ограждающего территорию кладбища, в результате чего 10 пролётов данного забора пришли в полную негодность. Судом было установлено, что действия гражданина Т. отвечают составу преступления, закрепленного ч. 1 ст. 214 УК РФ – вандализм (а именно, порча имущества в иных общественных местах) [7]. Кладбище – это общественное место и данное преступление было направлено именно на порчу общественного имущества. И, наконец, центральный дискуссионный вопрос относительно ст. 244 УК РФ: «Как правильно квалифицировать хищение предметов, которые находятся в месте захоронения?».

В уголовно-правовой науке сложилось 4 основных подхода к решению указанной дилеммы: 1) хищение вещей, находящихся на поверхности места захоронения или внутри могилы, требует квалификации по ст. 158 УК РФ «Кража». Данная позиция объясняется тем, что такие вещи имеют собственников. Собственниками являются лица, предавшие имущество захоронению [8, с. 118]. Тем самым, приняв подобное решение, собственники этих предметов реализовали свое правомочие по распоряжению. При этом похищаемые вещи должны обладать признаком материальной ценности. Сторонники этого подхода предлагают включить хищение из мест захоронения в качестве квалифицирующего признака в ч. 2 ст. 158 УК РФ; 2) следующий подход предполагает, что совершение хищения из места захоронения категорически не может подпадать под действие ст. 158 «Кража», поскольку захороненные вещи априори не могут иметь собственника, так как указанные вещи признаются «добровольно исключенными из гражданского оборота». Поэтому содеянное не является преступлением против собственности и должно быть квалифицировано только лишь по ст. 244 УК РФ; 3) третья позиция основывается на необходимости квалификации по совокупности преступлений, регламентируемых ст. 158 и 244 УК РФ. Это мнение обусловлено тем, что при совершении хищения из места захоронения в действиях виновного усматриваются как корыстные побуждения, так и противоречащие моральным устоям циничные действия, оскверняющие память об умершем человеке [8, с. 118-119]; 4) и, наконец, четвёртая позиция, наиболее верная с нашей точки зрения, подразумевает дополнение ст. 244 УК РФ ещё одним квалифицирующим признаком, который бы охватывал и, тем самым, урегулировал вопрос толкования и квалификации хищения из места захоронения [9, с. 84].

Важно заметить, что ч. 2 ст. 244 УК РФ включает в себя следующие квалифицирующие признаки: «а) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; б) по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы; в) с применением насилия или с угрозой его применения» [1].

Исходя из того, что наиболее целесообразным, с нашей точки зрения, является четвертый подход к квалификации хищения из мест захоронения, поддерживаем инициативу, которая состоит в том, чтобы добавить в ч. 2 ст. 244 УК РФ еще один квалифицирующий признак. Данный признак предусматривает уголовную ответственность за надругательство над телами умерших и местами их захоронения, совершенное: «г) с хищением предметов, находящихся при умершем и (или) в месте захоронения».

Аргументируем поддерживаемую нами позицию. Во-первых, хищение из места захоронения не соотносится с категорией преступлений против собственности, поскольку у вещей, которые находятся в могиле, отсутствует собственник: сам умерший уже не обладает правосубъектностью и, как следствие, правомочиями собственника. Вместе с тем, нельзя в таком случае забывать о наличии у умершего лица наследников. В Постановлении Пленума ВС РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» сказано: «Наследник, принявший наследство, независимо от времени и способа его принятия считается собственником наследственного имущества, носителем имущественных прав и обязанностей со дня открытия наследства вне зависимости от факта государственной регистрации прав на наследственное имущество и ее момента (если такая регистрация предусмотрена законом)» [10]. Однако вполне логично полагать, что после захоронения какого-либо имущества наследники утрачивают право собственности на него. Иными словами, наследники в таком случае добровольно выражают отказ от имущества. Из этого следует, что вещи, которые находятся в месте захоронения, не являются ничьей собственностью, поэтому говорить о составе преступления, посягающем на чью-либо собственность, нецелесообразно.

Во-вторых, такой подход к решению обозначенного вопроса позволит достичь согласованности при квалификации и приведет к отсутствию разночтений в толковании нормы.

В-третьих, предложенный квалифицирующий признак будет являться отягчающим для данного состава преступления и, предположительно, будет предусматривать назначение виновному более строгого наказания.

Обобщая вышесказанное, считаем целесообразным тезисно изложить выводы, которые удалось сделать в ходе настоящего исследования:

1. надругательство над телом умершего, совершенное в форме акта некрофилии не образует совокупности преступлений, предусмотренных п. «к» ч. 2 ст. 105 («Убийство, сопряженное с изнасилованием») и ст. 244 УК РФ. Объясняется это тем, что совершение изнасилования в отношении мертвого лица не представляется возможным. В том случае, когда виновный убил жертву в целях совершить половое сношение с трупом, содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 105 «Убийство» и ч.1 ст. 244 УК РФ;
2. каннибализм необходимо квалифицировать по совокупности части 1 статьи 244 и п. «м» ч. 2 ст. 105 «Убийство, совершенное в целях использования органов или тканей потерпевшего» только тогда, лицо совершает убийство, преследуя цель употребления в пищу человеческих останков. Если же виновный, употребивший человеческую плоть, не убивал потерпевшего, то ответственность наступает только по ч. 1 ст. 244 УК РФ;
3. ключевым критерием отграничения надругательства над телами умерших и местами их захоронения от вандализма выступает то, на что направлено посягательство – предмет преступления. Существенным признаком предмета при совершении вандализма является то, что имущество, на которое воздействует субъект преступления – общественное;
4. что касается решения вопроса «Как правильно квалифицировать хищение предметов, которые находятся в месте захоронения?», то в исследовании были рассмотрены различные мнения. Авторами исследования поддерживается позиция

включить в часть 2 статьи 244 УК РФ квалифицирующий признак, который предусматривал бы ответственность за хищение имущества из мест захоронения.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации 13.03.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // КонсультантПлюс: СПС. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=lzwx0gqo3x227198769 (дата обращения: 07.09.2024). – Текст: электронный.
2. Официальный сайт Судебной статистики РФ. URL: Судебная статистика РФ (sudstat.ru) / (дата обращения: 07.09.2024).
3. Бабкина, Ю. А. Надругательство над телами умерших : особенности квалификации / Ю. А. Бабкина. – Текст: электронный // Эволюция российского права : материалы XIX Международной научной конференции молодых ученых и студентов (29- 30 апреля 2021 г.) – Екатеринбург, 2021. – С. 1064 - 1070. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46417490_73466317.pdf (дата обращения: 04.09.2024). – Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.
4. Маринкин, Д. Н. Особенности уголовной ответственности за каннибализм на территории Российской Федерации / Д. Н. Маринкин, А. А. Савицкая – Текст: электронный// Вестник Прикамского социального института. – 2020. - № 2 (86). – С. 24-29. – КиберЛенинка: научная электронная библиотека. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-kannibalizm-na-territorii-rossiyskoy-federatsii/viewer (cyberleninka.ru) (дата обращения: 04.09.2024).
5. Алетин, Р. А. Проблемы квалификации вандализма / Р. А. Алетин – Текст: электронный // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. - № 4. – С. 222-225. – КиберЛенинка: научная электронная библиотека. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-vandalizma/viewer (дата обращения: 04.09.2024).
6. Зарубин, А. В. Разграничение вандализма со смежными составами преступлений / А. В. Зарубин. – Текст: электронный // Противодействие преступлениям, совершаемым несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних : материалы Междунар. науч.-практич. конф. (13 февраля 2015 г.) – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – С. 201-205. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36258717_61315438.pdf (дата обращения 05.09.2024). – Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.
7. Приговор Руднянского районного суда Смоленской область от 02.06.2021 по делу № 149/2021 // Судебные решения РФ. – URL: https://www.судебныерешения.рф/59821606/extended (дата обращения: 05.09.2024). – Текст: электронный.
8. Грузинская, Е. И. Хищение имущества, находящегося при трупе : вопросы квалификации / Е. И. Грузинская, А. О. Тахтенкова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2015. - № 2. – С. 116-121. – ISSN: 1608-8794. – Текст: непосредственный.
9. Сорокина, Ю. В. Хищение предметов из могилы, с тела захороненного человека и из гроба : вопросы квалификации / Ю. В. Сорокина // Вопросы современной юриспруденции. – 2013. - № 10 (30). – С. 81-85. – ISSN: 2309-3536. – Текст: непосредственный.
10. О судебной практике по делам о наследовании: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130453/ (дата обращения: 05.09.2024). – Текст: электронный.

Skvortsova O.V., Gula A.V. Delineation of the abuse of the bodies of the dead and their places of burial from some related crimes // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 435-441.

The article is devoted to the identification of the signs by which it is necessary to distinguish the crime provided for in Article 244 of the Criminal Code of the Russian Federation from related crimes, since the resolution of this problematic aspect of qualification directly affects the enforcement of this norm. Among the acts that have similar signs of elements of the encroachment on the bodies of the dead and their burial places, this article considers: murder involving rape; theft; vandalism, as well as the correlation of such phenomena as cannibalism and abuse of the bodies of the dead. The paper makes a proposal to edit part 2 of Article 244 of the Criminal Code of the Russian Federation. Namely, the position was supported to set out part 2 of Article 244 of the Criminal Code of the Russian Federation in a new version, which will include a qualifying feature providing for liability for theft of things from a burial site.

Keywords: related crime, theft, cannibalism, necrophilia, abuse of the bodies of the dead and their burial places, vandalism, qualifying signs.

Spisok literatury:

1.Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii 13.03.1996 № 63-FZ (red. ot 08.08.2024) // Konsul'tantPlyus: SPS. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/5b3e04338020a09b25fe98ea83bc9362c8bc5a76/ (data obrashcheniya: 07.09.2024). – Tekst: elektronnyj.

2.Oficial'nyj sajt Sudebnoj statistiki RF. URL: Sudebnaya statistika RF (sudstat.ru) / (data obrashcheniya: 07.09.2024).
3.Babkina, YU. A. Nadrugatel'stvo nad telami umershih : osobennosti kvalifikacii / YU. A. Babkina. – Tekst: elektronnyj // Evolyuciya rossijskogo prava : materialy XIX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii molodyh uchenyh i studentov (29- 30 aprelya 2021 g.) – Ekaterinburg, 2021. – S. 1064 - 1070. – URL:.https://elibrary.ru/download/elibrary_46417490_73466317.pdf (data obrashcheniya: 04.09.2024). – Rezhim dostupa: dlya zaregistrirovannyh pol'zovatelej.
4.Marinkin, D. N. Osobennosti ugolovnoj otvetstvennosti za kannibalizm na territorii Rossijskoj Federacii / D. N. Marinkin, A. A. Savickaya – Tekst: elektronnyj// Vestnik Prikamskogo social'nogo instituta. – 2020. - № 2 (86). – S. 24-29. – KiberLeninka: nauchnaya elektronnaya biblioteka. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-kannibalizm-na-territorii-rossiyskoy-federatsii/viewer (cyberleninka.ru) (data obrashcheniya: 04.09.2024).
5.Aletin, R. A. Problemy kvalifikacii vandalizma / R. A. Aletin – Tekst: elektronnyj // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. – 2015. - № 4. – S. 222-225. – KiberLeninka: nauchnaya elektronnaya biblioteka. – URL:.https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-vandalizma/viewer (data obrashcheniya: 04.09.2024).
6.Zarubin, A. V. Razgranichenie vandalizma so smezhnymi sostavami prestuplenij / A. V. Zarubin. – Tekst: elektronnyj // Protivodejstvie prestupleniyam, sovershaemym nesovershennoletnimi i v otnoshenii nesovershennoletnih : materialy Mezhdunar. nauch.-praktich. konf. (13 fevralya 2015 g.) – M. : YUNITI-DANA, 2015. – S. 201-205. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36258717_61315438.pdf (data obrashcheniya 05.09.2024). – Rezhim dostupa: dlya zaregistrirovannyh pol'zovatelej.
7.Prigovor Rudnyanskogo rajonnogo suda Smolenskoj oblast' ot 02.06.2021 po delu № 149/2021 // Sudebnye resheniya RF. – URL:.https://www.sudebnyeresheniya.rf/59821606/extended (data obrashcheniya: 05.09.2024). – Tekst: elektronnyj.
8.Gruzinskaya, E. I. Hishchenie imushchestva, nahodyashchegosya pri trupe : voprosy kvalifikacii / E. I. Gruzinskaya, A. O. Tahtenkova // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. – 2015. - № 2. – S. 116-121. – ISSN: 1608-8794. – Tekst: neposredstvennyj.
9.Sorokina, YU. V. Hishchenie predmetov iz mogily, s tela zahoronennogo cheloveka i iz groba : voprosy kvalifikacii / YU. V. Sorokina // Voprosy sovremennoj yurisprudencii. – 2013. - № 10 (30). – S. 81-85. – ISSN: 2309-3536. – Tekst: neposredstvennyj.
10. O sudebnoj praktike po delam o nasledovanii: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 29.05.2012 № 9 (red. ot 24.12.2020) // Konsul'tantPlyus: spravochno-pravovaya sistema – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130453/ (data obrashcheniya: 05.09.2024). – Tekst: elektronnyj.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 442–445.

УДК 34.09

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО СТАТУСА ОСУЖДЕННЫХ ЖЕНЩИН В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ

Степанян А. В.
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний

В статье рассмотрены особенности правового статуса женщин-осужденных в таких странах, как Армения, США и Япония, а также проведен сравнительный анализ этих особенностей с Россией. Было рассмотрено сравнение особенностей применения и отбывания наказания в разные периоды и в условиях создания нормативно-правовых актов разного уровня. Изучена специфика применения наказания в разных странах в зависимости от их правовой системы и государственной структуры. При изучении материалов учитывались различные аспекты, содержания и статусов осужденных женщин. По результатам исследования были выявлены страны с наиболее суровыми и наиболее гуманными условиями содержания для осужденных женского пола.

Ключевые слова. Осужденные, правовой статус, сравнительный анализ, пенитенциарные системы, международные стандарты, Бангкокские правила.

В различные периоды истории пенитенциарная система менялась в зависимости от уровня жизни и менталитета общества. При этом, правовой статус женщины на протяжении всей истории был примерно одинаковым. Долгое время они существовали практически вообще без прав, в мире царил полный патриархат. Крепостные женщины особенно чувствовали безысходность своего положения, т.к. часто подвергались разного рода насилию. Позже, стал активно рассматриваться вопрос о правах женщин, Указ 1744 г. «О раздельном содержании в тюрьмах и острогах лиц мужского и женского пола», принятый во времена правления Елизаветы Петровны. Даже в сегодня данный вопрос всё еще активно обсуждается, хотя правовой статус мужчин и женщин одинаковый, что закреплено в ст.19 Конституции РФ.

Рассматривая женщин в качестве осужденных, стоит отметить, что в более ранние периоды истории положение мужчин и женщин было примерно одинаковым, то есть к ним применялись одни и те же наказания, однако были исключения в части половой распущенности. Например, мужчина мог быть наказан лишь за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности вне зависимости от возраста и положения женщины, женщин же наказывали за половую распущенность, прелюбодеяния и т.д, поскольку считалось, что спальня женщины должна быть открыта лишь для мужа [4, с. 43]. Далее для женщин во многом появились исключения, например, отсрочка отбывания наказания, ограничение применения смертной казни в отношении женщин. Несмотря на это, всё же условия для женщин в исправительных учреждениях во многом не подходили для их нормального содержания. Уголовно-исполнительным кодексом РФ (далее – УИК РФ) установлено, что осужденные женщины отбывают наказания во всех исправительных учреждениях, кроме исправительных колоний строгого и особо режима и тюрьмах. При этом для них предусмотрены достаточно комфортные условия: льготы для беременных женщин и женщин, имеющих детей в домах ребенка (например, неограниченное количество походов в душ, посылок (передачей) и бандеролей и т.д), специализированное материально-бытовое обеспечение, с учетом физиологических особенностей женского организма и т.д. При этом, важный вклад внесли Бангкокские пра-

вила ООН 2010 г., которые закрепили наиболее оптимальные условия содержания осужденных женского пола. Однако не все страны придерживаются предписаний указанного документа.

Рассматривая пенитенциарную систему США важно отметить, что зачастую в каждом штате имеется лишь одно исправительное учреждение для женщин, в связи с чем женщины испытывают дополнительные лишения, так как не имеют возможности перевестись в другое исправительное учреждение или же отбывать наказание ближе к дому, поскольку женщина может проживать в одной части штата, а исправительное учреждение дислоцироваться в противоположной его части. Касаемо перевода ст.81 УИК РФ предусматривает перечень обстоятельств, необходимых для перевода осужденных из одного учреждения в другое. Говоря о США стоит отметить, что у осужденных лишь одно основание – реорганизация исправительного учреждения, при этом женщину придется переводить в совершенно другой штат вдали от семьи и дома. Если же у женщины напряженные отношения с другими осужденными или персоналом учреждения, то ей придется справляться с данной проблемой самой. При этом пенитенциарная система США не предусматривает возможность выезда осужденной, имеющей ребенка, за пределы исправительного учреждения в выходные и праздничные дни для совместного времяпровождения с ребенком. Когда мужчины находятся в тюрьме, их партнерши могут брать детей к ним на свидание. Однако, из-за статистики о том, что многие женщины-заключенные являются основными воспитателями детей, обычно об их детях заботится другая женщина-член семьи. Касаемо материально-бытового обеспечения, женщины содержатся в двухместных камерах размером 33 $м^2$, при этом также есть учреждения, где женщины содержатся в общих камерах по типу общежития [1, с. 11]. Ст. 99 УИК РФ предусмотрена норма жилой площади, которая составляет 3 $м^2$ для женщин. Из чего можно сделать вывод, что США предоставляет осужденным женщинам больше площади, чем Россия. Также на собрании отряда заключенных выбираются кандидаты для участия в «Программе досрочного освобождения», которая может длиться от 3 месяцев до 1,5 лет. Согласно ст.175 УИК РФ для условно-досрочного освобождения имеются особые условия в зависимости от группы преступления и срока лишения свободы, кроме того, осужденный должен обратиться с ходатайством об условно-досрочном освобождении. Касаемо одежды, по прибытию в учреждение осужденным выдается комплект одежды установленного образца. По выходным и в спортивные праздники разрешается носить спортивный костюм, также возможно ношение обручального кольца и одной пары сережек без камней в форме «гвоздиков». Цепи и подвески с разрешения могут носиться под одеждой, ношение прозрачной одежды не допустимо. В учреждениях России ношение украшений и предметов роскоши запрещено. Заключенные США могут снимать нижнее белье только в своих камерах, а спать должны в ночных рубашках. УК США также предусматривает наказания, не связанные с лишением свободы, например, пробация. Службы пробации США – альтернатива уголовно-исполнительной инспекции в России. То есть, они выполняют их функции в полном объеме. Мужчины и женщины в данном случае уравнены в правах и обязанностях. Кроме того, пробация в России – комплекс мероприятий, направленных на ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию осужденного, а в США – вид наказания.

Японская пенитенциарная система известна своей жестокостью и даже женщины не смогли стать исключением. Японцы придерживаются принципа «вор должен сидеть в тюрьме», при этом некомфортно. То есть, тюрьма должна стать местом, куда совсем не хочется попасть. Из 60,5 тыс. осужденных в Японии – 5 тыс. женщин [3, с. 10]. УК Японии не содержит наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, поскольку ее жители считают, что если человек совершил преступление, то должен в полной мере ощутить последствия своего поведения и с первого раза понять, что больше он не хочет возвращаться в тюрьму. Женщины также отбывают наказание в тюрьмах, т.к. других наказаний просто нет. Законодательство предусматривает возможность женщин после родов находиться с младенцем 12 мес., однако женщины редко просят реализации своего права, поскольку не знают о его существовании. По данным Минюста Японии, из 184 женщин, родивших детей в заключении в период с 2011 по 2017 г., только трем разрешили остаться с младенцами [2, с.178]. Для родов заключенных-женщин в Японии обычно переводят в ближайшее к месту заключения родильное отделение гражданской больницы. Но они часто остаются в наручниках пока не войдут в родильную палату, а затем, как только они покидают эту палату, их надевают снова. В России согласно ч.1 ст.100 УИК РФ в исправительных колониях общего режима для женщин могут организовываться дома ребенка. По состоянию на 1.01.2023 г. на территории исправительных учреждений для женщ функционирует 13 домов ребенка [6], в которых согласно ч.2 ст.100 УИК РФ могут содержаться дети до 4 лет, при этом, если осужденной осталось отбывать наказание менее года, то ребенок может быть оставлен до 5 лет.

В республике Армения правовой статус осужденных женщин незначительно отличается от статуса мужчин. Условия содержания в уголовно-исправительном учреждении для осужденных женщин регулируется нормами УИК Республики Армения, как в принципе и для всех осужденных, вне зависимости от их половой принадлежности. Как отмечал Ю. М. Антонян, «на каждого, кто впервые приходит в исправительно-трудовую колонию для женщин, это место производит самое гнетущее впечатление. Вызывает гнев и протест сам факт нахождения женщины за тюремными воротами и в тюремном обличье, самой природой, казалось бы, предназначенных для совершенно иной судьбы». Женщины, осужденные к лишению свободы содержатся в уголовно-исправительном учреждении «Абовян», в котором условия отбывания наказания максимально адаптированы к женщинам [5, с. 38]. Также женщины, совершившие преступление по неосторожности, отбывают наказание в открытых исправительных учреждениях, являющихся аналогом колонии-поселения в РФ. Гуманизация коснулась и армянской пенитенциарной системы, которая выразилась в заметном изменении внешнего вида осужденных, которые стали лучше одеваться и пользоваться косметикой. Осужденным предоставляется возможность родить, находясь в исправительном учреждении. При этом им разрешено формировать «семьи», в которых может быть от 2 до 10 женщин, представляющие собой самоорганизованные группы осужденных, осуществляющих определенные социальные связи. При этом состав «семьи» должен быть примерно одинаков по возрасту, материальному обеспечению, образованию и статусу. Например, семья, состоящая из 5 чел. – женщин 25-27 лет, имеющих детей. При этом, в каждой семье может быть свой лидер. Говоря о пенитенциарной системе России в исправительных учреждениях предполагается запрет на создание групп «по интересам», суб-

культурных объединений и т.д., так как такие группы могут быть опасны как для других осужденных, так и для персонала учреждения.

При анализе правового статуса осужденных женского пола в нескольких странах, а именно Армении, США, Японии и России выявлены многочисленные особенности. При этом, на наш взгляд, пенитенциарная система России наиболее гуманна для женщин, т.к. предполагает создание особых условий, в которых женский организм (женское здоровье и особенности психики) не будет претерпевать существенных изменений, которые могут привести к ухудшению их состояния. В России активно поддерживается материнство и детство, в связи с чем осужденным не только разрешается иметь детей в домах ребенка на территории исправительного учреждения, но и выезжать в выходные и праздничные дни к своим детям для совместного времяпровождения. Наиболее суровой оказалась пенитенциарная система Японии, т.к. женщины содержаться в тюрьмах наравне с мужчинами. При этом в части беременности и родов Япония также устанавливает суровые правила. США и Армения скорее являются «золотой серединой» среди указанных пенитенциарных систем.

Список литературы:

1.Короткова О. А. Правовое положение женщины: к вопросу о Российской историко-правовой традиции // Право и практика. – 2019. – №4. – С.41-45.
2.Алфимова О. А. Особенности отбывания осужденных к лишению свободы женщин в пенитенциарных учреждениях США // Вестник Кузбасского института. – 2023. – №1 (54). – С. 11-14.
3.Квашис В. Е. Исполнение наказания в Японии (сравнительно-правовые аспекты) // Вестник КРУ МВД России. – 2019. – №2 (44). – С. 10-12.
4.Антонян Ю. М. Преступность среди женщин / Российское право. Москва. – 1992. – С.175-180.
5.Краткая характеристика Уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. URL: https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/ (дата обращения: 23.06.2024).
6.Тумасян Д. А. Особенности исполнения наказания в виде лишения свободы осужденных женщин в Республике Армения // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2014. – №4 (55). – С. 38-40.

Stepanian A. V. Comparative analysis of the legal status of convicted women in different countries // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 442-445.

The article examines the features of the legal status of female convicts in countries such as Armenia, the USA and Japan, as well as a comparative analysis of these features with Russia. A comparison was made of the features of the application and serving of punishment in different periods and in the conditions of the creation of normative legal acts of different levels. The specifics of the application of punishment in different countries depending on their legal system and government structure have been studied. According to the results of the study, countries with the most severe and most humane conditions of detention for female convicts were identified. While studying the materials, various aspects, contents and statuses of convicted women were taken into account.

Keywords: Convicts, legal status, comparative analysis, penitentiary systems, international standards, Bangkok Rules.

Spisok literatury:

1.Korotkova O. A. Pravovoe polozhenie zhenshchiny: k voprosu o Rossijskoj istoriko-pravovoj tradicii // Pravo i praktika. –2019. №4. – S.41-45.
2.Alfimova O. A. Osobennosti otbyvaniya osuzhdennyh k lisheniyu svobody zhenshchin v penitenciarnyh uchrezhdeniyah SShA // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2023. №1 (54). S.11-14.
3.Kvashis V. E. Ispolnenie nakazaniya v Yaponii (sravnitel'no-pravovye aspekty) // Vestnik KRU MVD Rossii. 2019. №2 (44). S.10-12.
4.Antonyan Yu. M. Prestupnost' sredi zhenshchin / Rossijskoe pravo. Moskva. 1992. – S.175-180.
5.Kratkaya harakteristika Ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii. URL: https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/ (data obrashcheniya: 23.06.2024).
6.Tumasyan D. A. Osobennosti ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya svobody osuzhdennyh zhenshchin v Respublike Armeniya // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. – 2014. №4 (55). – S. 38-40.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 446–455.

УДК 343

ПОНЯТИЕ «ВОВЛЕЧЕНИЯ» В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ И ЕГО СООТНОШЕНИЕ СО СМЕЖНЫМИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ ТЕРМИНАМИ

Сунгатуллин А. Н.
Казанский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации

Проблема исследуется с позиции понимания термина «вовлечение» в уголовно-правовой науке и законодательстве в соотношении указанного термина с другими понятиями. Термин «привлечение» представляется синонимом термина «вовлечение», а термин «вербовка» – особой формой вовлечения другого лица в преступную деятельность или совершение преступления. Особые трудности встречаются при соотношении исследуемого термина со «склонением» и «подстрекательством». Автор приводит позиции ученых в контексте содержательного понимания уголовно-правового термина «вовлечение» в соотношении с указанными понятиями. По одной из позиций, вовлечение и склонение выступают специальными видами подстрекательства. Сторонников другой позиции можно разделить на две группы: одни считают, что вовлечение охватывается склонением, другие же считают, что склонение охватывается вовлечением. Есть мнение, что между указанными терминами нет никаких практических отличий. В статье подчеркивается необходимость нераздельного рассмотрения «вовлечения» и «склонения» как единого механизма. Позиция Пленума Верховного Суда РФ, изложенная в актах толкования, позволяет рассматривать упомянутые термины таким образом. В заключении автор приводит собственные понятия вовлечения и склонения, а также предлагает способ совершенствования ряда статей уголовного кодекса, путем корректировки их диспозиций и унификации терминологии.

Ключевые слова: вовлечение; подстрекательство; склонение; совершение преступлений; антиобщественные действия; несовершеннолетний.

Вопросы терминологического характера в контексте уголовного законодательства – привычный предмет дискуссий среди юристов-практиков и ученых-правоведов. Еще на заре прошлого столетия П.И. Люблинский отмечал, что: «наиболее правильным было бы такое состояние законодательства, при котором каждый термин имел бы свое законодательное определение» [1, с. 14]. Чаще всего противоречия устраняются посредством легального разъяснения, однако встречаются несоответствия доктринального толкования легальному, легального – существующей правоприменительной практике.

Вовлечение представляет собой один из неоднозначных терминов современного отечественного уголовного права. Термин «вовлечение», впервые использованный в ст. 210 УК РСФСР 1960 года («Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность»), позже был использован также в ст. 210.2 УК РСФСР («Вовлечение несовершеннолетних в немедицинское потребление лекарственных и других средств, не являющихся наркотическими, влекущих одурманивание»). В действующем законодательстве он употребляется в качестве конструктивного или квалифицирующего признака в 11 статьях Уголовного кодекса (ст. ст. 150-151.2, ст. 205.1, ч. 1.1 ст. 212, ст. 240, ч. 2 ст. 242, ст. 281.1, ч. 1.1 ст. 282.1, ч. 1.1 ст. 282.2, ч. 2 ст. 361 УК РФ), в 6 из них называется в одном ряду с терминами «склонение» и «вербовка» (ст. 205.1, ч. 1.1 ст. 212, ст. 281.1, ч. 1.1 ст. 282.1, ч. 1.1 ст. 282.2, ч. 2 ст. 361 УК РФ), а в одной – только с термином «склонение» (ст. 151.2 УК РФ). Между тем, термин «склонение» самостоятельно используется в 4 статьях (ст. ст. 110.1, 184, 230-230.1 УК РФ), а термин «вербовка» в 2 статьях (ст. 127.1, ч. ч. 1-2 ст. 359 УК РФ). В ст. 242.2 УК РФ используется также термин «привлечение», который следует рассматривать как аналог «вовлечения».

Перманентная полемика научного сообщества, в ходе которой уголовно-правовое

значение термина «вовлечение» неоднократно подвергалось всевозможным интерпретациям, к сожалению, так и не привела к образованию единообразного понимания и уяснению общего смысла данного термина среди ученых-юристов. Кроме того, в соотношении с такими понятиями уголовного права, как подстрекательство и склонение, в научных исследованиях выделяются явно ошибочные признаки дифференциации таковых.

Представляется приоритетным направлением научного поиска установление значения термина «вовлечение» в доктрине. В юридической науке под вовлечением в контексте ст. ст. 150-151 УК РФ в наиболее общем смысле понимаются: «действия взрослого лица … направленные на возбуждение желания у несовершеннолетнего совершить преступление» [2, с. 152] или «… антиобщественные действия» [2, с. 155]. Данная позиция является универсальной и широкоупотребительной. В значительном количестве исследований понятие «вовлечения» за некоторым исключением раскрывается именно таким образом [См., напр., 3, с. 21; 4, с. 9; 5, с. 15].

Однако некоторые ученые формулируют собственные определения рассматриваемого термина. К примеру, Н.Н. Бугера под вовлечением понимает: «умышленные действия лица, направленные на фактическое совершение вовлекаемым лицом преступления», а под склонением: «умышленные действия … направленные на возбуждение желания участвовать в совершении преступления» [6, с. 39]. Между тем, разграничение сопоставляемых понятий усматривается в отличиях с объективной и субъективной стороны. Получается, что при склонении виновное лицо не желает совершения склоняемым лицом преступления, а лишь воздействует на сферу его сознания и этим ограничивается. Исходя из этого, в полной мере согласиться с предложенными понятиями мы не можем. Следует отметить, что ряд авторов, в особенности рассматривающих склонение как вид специального подстрекательства, напротив, допускают подстрекательство, а значит и склонение, как его отражение в Особенной части уголовного закона, с косвенным умыслом [См., напр., 7, с. 99; 8, с. 143].

В целом, в доктрине уголовного права сложилось единообразие в понимании объективного аспекта вовлечения как системы некоторых действий. Однако при дальнейшей характеристике исследуемого термина, мнения ученых серьезно расходятся.

В части соотношения склонения, вербовки и вовлечения в доктрине встречается мнение, что их различие состоит в способах указанных действий [9, с. 115]. Анализ актов легального толкования позволяет развеять данное заблуждение. Так, вовлечение исторически предполагало «все виды физического насилия и психического воздействия» [См., напр., 10; 11], склонение также предполагает «любые умышленные действия» [См., напр., 12], что отражено также и в примечании 1 к ст. 230.1 УК РФ. При этом, вербовку для целей ст. 205.1, ч. 1.1 ст. 212, ст. 281.1, ч. 1.1 ст. 282.1, ч. 1.1 ст. 282.2, ч. ч. 1-2 ст. 359 и ч. 2 ст. 361 УК РФ следует рассматривать как особую форму вовлечения другого лица в занятие определенной преступной деятельностью или совершение какого-либо преступления, специфика которой заключается в наличии процедуры поиска, отбора и найма лиц для вовлечения в занятие названной деятельностью или совершение преступления. В частности, данное определение основано на позиции Пленума Верховного Суда РФ для ст. 127.1, однако в данном случае предполагается также подавление воли вербуемого и наличие цели – его эксплуатация [13]. В таком контексте вербовка, по существу, сама по себе предполагает особый способ вовлечения другого лица в названные действия.

Наибольшую дискуссионность в науке уголовного права представляет разграничение

понятий «склонение», «вовлечение» и «подстрекательство». Предлагаем к рассмотрению некоторые основные позиции. Большой популярностью в уголовно-правовой науке пользуется позиция, согласно которой «вовлечение» и (или) «склонение» произрастают из положений о подстрекательстве. Иными словами, исследователи считают, что указанные категории являются специальными видами подстрекательства [См. подр.: 7, 14, 15]. Такой подход в наиболее общем смысле противоречит правовой характеристике указанных конструкций. До последней четверти двадцатого века положения ст. 210 УК РСФСР действительно обладали приматом над положениями о подстрекательстве, то есть их оценка с позиции специального подстрекательства была возможна. В частности, это заметно исходя из анализа предписаний Пленума Верховного Суда СССР относительно порядка квалификации оконченного преступления, в совершение которого был вовлечен несовершеннолетний. Ее предписывалось осуществлять по совокупности ст. 210 УК РСФСР и нормы, устанавливающей ответственность за конкретное, совершенное совместно с несовершеннолетним, преступление [16]. При этом, уже в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 5 декабря 1986 года № 17 «О выполнении судами руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР по применению законодательства при рассмотрении дел о преступлениях несовершеннолетних» порядок квалификации был скорректирован и стало предписано применять совокупность ст. 210 УК РСФСР и положений о соучастии в конкретном преступлении [17]. С некоторыми изменениями данный порядок сохраняется и по сей день.

Кроме этого, если исходить хотя бы из положения, закрепленного в ч. 4 ст. 33 УК РФ, то толкование понятия подстрекательства семантически было бы неверным осуществлять через языковую единицу, представляющую собой форму или подвид объясняемой конструкции. Согласно правилам русского языка, скорее подстрекательство выступает производной от склонения категорией. Однако большинство исследователей указывают и на слабые места данной позиции.

Например, как справедливо отмечает В.Г. Мирзоян: «подстрекателем не может быть лицо, склонившее другое лицо к совершению административных правонарушений» [18, с. 15]. Еще четверть века назад на это особо указывала и Т.М. Чапурко в своем диссертационном исследовании [19, с. 68-69]. Термин «вовлечение», собственно, как и «склонение», употребляется законодателем не только применительно к преступным деяниям, но и к антиобщественным.

Между тем, в отношении научного суждения о вовлечении и склонении как о специальных видах подстрекательства, мы полностью солидарны с мнением А.С. Некоза, который совершенно точно отмечает, что: «в тех случаях, когда закон конструирует отдельные нормы об ответственности за деяния, объективно сходные с соучастными действиями … формирование этого основания подчинено иным целям и задачам, иным принципам, иным закономерностям, нежели установления основания ответственности собственно за соучастие в преступлении» [20, с. 49]. Особое значение указанная мысль принимает при квалификации действий взрослого лица по совокупности ч. 4 ст. 33 и ст. 150 УК РФ при наличии признаков совершенного несовершеннолетним лицом преступления. Мы не можем рассматривать указанный пример квалификации как конкуренцию общего и частного или нарушение принципа справедливости, поскольку вред причиняется различным объектам уголовно-правовой охраны. С одной стороны, причиняется вред нормальному развитию несовершеннолетнего, а с другой стороны – соответствующему объекту уголовно-правовой охраны, пострадавшему в результате совершения конкретно-

го преступления.

Ряд исследователей при соотношении содержания «склонения» и «вовлечения» сходятся в том, что одно всенепременно является лишь разновидностью другого, или наоборот. Так, А.И. Кокунов рассматривает вовлечение в контексте «специального запрета склоняющего воздействия» [21, с. 18-19]. Иными словами, вовлечение представляет собой одну из разновидностей склонения наряду с вербовкой, содействием, понуждением, принуждением и вымогательством. Более того, А.И. Кокунов предлагает заменить термином «склонение» термин «вовлечение» во всех нормах, где употребляется последний, именуя одновременное использование в законодательстве данных конструкций, как: «юридико-техническую ошибку – синонимию» [Там же, с. 29-30]. Если такая позиция является не слишком популярной в уголовно-правовой науке [См., напр., 22, с. 6], то синонимичными данные термины считают и некоторые другие исследователи, предлагая, однако, напротив, подвергнуть замене термин «склонение», либо отмечают «вовлечение» как наиболее предпочтительный конструкт [См., напр., 23; 24, с. 10].

По нашему мнению, проблема соотношения исследуемого нами термина со склонением состоит вовсе не в синонимии, а лишь в отсутствии единства мнений в уяснении их содержания и соотношения, и прибегать к радикальным мерам, пренебрегая исторической их ценностью и юридической уникальностью, вовсе ни к чему. Теоретически замена одного термина другим позволит лишь избавиться от проблемы, не разрешив ее, в сущности.

Кроме того, ряд ученых-юристов соотносят «вовлечение» и «склонение» по их количественному содержанию. Мы считаем такой подход не совсем верным. Так, спорным нам кажется мнение А.В. Травникова касательно того, что: «вовлечение является более емким понятием, включающим в себя склонение» [15, с. 20]. Этой точки зрения придерживается и, например, В.В Палий [25, с. 64-65]. Действительно, конструкция «вовлечение» содержательно может считаться более емкой по отношению к содержанию «склонения», но с той лишь точки зрения, что такой признак, как емкость, измеряется качеством, то есть при употреблении термина «склонение» для целей квалификации последующие действия склоняемого лица фактически значения не имеют, а при употреблении термина «вовлечение» в некоторых случаях значение имеют лишь последствия, выразившиеся в действиях последнего (ст. ст. 150-151 УК РФ).

Между тем, нужно обратить внимание на то, что «склонение», по сути, возникло из положений, предусмотренных ст. 210 УК РСФСР. Доказательство тому простое – еще до введения в действие в 1974 году ст. 224.2 УК РСФСР («Склонение к потреблению наркотических средств»), ч. 2 которой предусматривала ответственность за совершение действий, предусмотренных диспозицией, в т.ч. в отношении несовершеннолетнего лица, указанные действия подлежали квалификации именно по ст. 210 УК РСФСР, на что неоднократно указывал Пленум Верховного Суда СССР [10; 26]. Облачение уголовно-правового «склонения» в самостоятельную оболочку, впрочем, не позволило полностью разорвать исторически сложившуюся связь с «вовлечением», что следует из наметившейся в настоящее время тенденции на совместное указание этих терминов. Как нам кажется, это обстоятельство отражает неразрывность содержания «склонения» и «вовлечения» в отечественном уголовном праве.

Есть в юридической науке и нейтральная позиция. Некоторые исследователи не видят необходимости в строгом смысловом разделении исследуемой конструкции со «склонением». Так, О.В. Кашин отмечает, что: «использование того или иного термина определя-

ется законодательной техникой, удобством конструкции» [27, с. 112]. Г.А. Есаков также не разделяет склонение и вовлечение содержательно, указывая, что: «разница в квалификации склонения и вовлечения может быть прослежена лишь в лингвистическом аспекте» [28, с. 351]. В укрепление этой позиции Т.И. Нагаева также отмечает практическую невозможность содержательного разграничения данных терминов [29, с. 521]. Как нам кажется, позиция «невмешательства» может быть чревата произвольным толкованием, а значит неверной квалификацией преступных действий. С другой стороны, продолжающаяся десятилетиями дискуссия в отечественной правовой среде до сих пор не привела к образованию конструктивного решения.

Исследование поставленных перед нами вопросов – об определении понятия «вовлечение», а также о его положении среди смежных уголовно-правовых категорий позволяет сделать ряд важных выводов.

Во-первых, в доктрине имеются существенные разногласия, когда речь заходит о соотношении исследуемого нами термина со склонением, а также с подстрекательством. Выше мы отметили основные позиции, которые отстаивают отечественные правоведы. Так, в доктрине превалирует позиция, согласно которой вовлечение и склонение выступают специальными видами подстрекательства [См. подр.: 7; 14; 15]. Сторонников следующего подхода следует разделить на две подгруппы: одни считают, что склонение поглощает вовлечение [См. подр.: 21; 22], тогда как другие оппонируют им совершенно полярной позицией, согласно которой склонение всеобъемлюще охватывается вовлечением [См. подр.: 23; 24]. Кроме того, ряд исследователей убеждены, что между вовлечением и склонением совершенно отсутствует практическая разница, либо она настолько незначительна, что прикладного характера разрешение данного вопроса не имеет [См. подр.: 27; 28; 29].

Во-вторых, склонение и вовлечение в уголовном праве действительно представляют собой взаимосвязанные категории, что отражается и в их правовой природе, и в некоторых случаях в использовании законодателем в одном ряду данных терминов. Как нам кажется, это позволяет рассматривать их как составляющие единого уголовно-правового механизма.

В-третьих, поскольку термины «склонение» и «вовлечение» представляют собой девербативы, или отглагольные существительные, достоверно определить, относятся ли они к имени действия (от лат. nomen actionis), или к имени результата (от лат. nomen resultatis), представляется решительно невозможным. В этом смысле важным значением обладают два аспекта: динамический (определение процесса) и статический (определение результата). При определении исследуемого термина в доктрине применительно к ст. ст. 150-151 УК РФ, как правило, употребляются слова, характеризующие его как процесс (действия, деятельность и т.д.). По-нашему мнению, такой подход может быть неверным. Однако учитывая позицию Пленума ВС РФ [См. подр.: 30; 31], указывающую на значение для квалификации лишь действий виновного при склонении, а при вовлечении - также последующих действий потерпевшего, полагаем, что склонение относится к имени действия, а значит, является процессом, а вовлечение в контексте ст. ст. 150-151 УК РФ к имени результата, и представляет собой, собственно, следствие процесса. Схожие размышления можно наблюдать в исследованиях некоторых ученых-юристов [См., напр., 9, с. 120; 15, с. 10]. Вместе с тем, ст. 240 и ч. 2 ст. 242 УК РФ не вписываются в понимание «вовлечения» как результата, поскольку для целей квалификации последствия не имеют

значения. Получается, что вовлечение в современном уголовном праве следует рассматривать дифференцированно, в зависимости от конструкции объективной стороны состава преступления: и как действие (ст. 240, ч. 2 ст. 242 УК РФ) и как результат (ст. ст. 150-151 УК РФ). Впрочем, данное обстоятельство указывает на непоследовательное использование законодателем терминологии и не является удовлетворительным.

Обобщая вышесказанное, необходимо отметить, что полноценное осмысление исследуемого нами термина на современном этапе развития теории и практики уголовного права неизбежно происходит с одновременным уяснением содержания термина «склонение», поскольку тесная их взаимосвязь бесспорна и подтверждается единством научных взглядов хотя бы на этот счет.

При этом, склонение в уголовном праве всегда отражается в динамическом аспекте, то есть обладает характером действия, тогда как вовлечение может быть выражено как в динамическом (ст. 240, ч. 2 ст. 242 УК РФ), так и в статическом (ст. ст. 150-151 УК РФ) аспектах. Необходимость выражения вовлечения в динамическом аспекте отсутствует ввиду наличия такой категории, как склонение, а значит наиболее целесообразен статический подход к его определению.

Выявленные закономерности позволяют сформулировать определения терминов «склонение» и «вовлечение» следующим образом.

1) Склонение – это любые умышленные действия, сопряженные с убеждением, физическим или психическим принуждением, вследствие которых склоняемое лицо сохраняет возможность руководить своими действиями (бездействием), направленные на вовлечение другого лица в совершение преступления или предусмотренных законом антиобщественных действий.

2) Вовлечение – оконченное склонение к совершению преступления или антиобщественных действий, выраженное в совершении преступления, приготовлении к преступлению, покушении на преступление или в совершении предусмотренных законом антиобщественных действий вовлеченным лицом.

Даже если законодатель материально не закрепил конструкции «склонение» и «вовлечение» в одном ряду, однако мы и находим такой подход наиболее приемлемым решением, мы убеждены, что фактически вовлечению, как результату, всегда предшествует склонение как действие (система действий). Особое значение данное суждение принимает при исследовании ст. 150 УК РФ. В этом контексте Ю.Е. Пудовочкин еще 10 лет назад отмечал, что: «признавать последствием исследуемого преступления совершение преступления несовершеннолетним не только нецелесообразно, но и неправильно» [32, с. 6]. Необходимо понимать, что до сих пор уголовное законодательство содержит существенный пробел, проявляющийся в сдерживании правоприменителя от наказания взрослого преступника за оконченное преступление как минимум до того момента, пока несовершеннолетний не предпримет попытку совершения преступления, к которому его склонили. Другими словами, взрослое лицо, которое уже проявило негативное воздействие на несовершеннолетнего, признается совершившим преступление лишь за действия последнего. В случае, если подросток отказывается от совершения преступления, к которому его склоняют, взрослый может быть привлечен к ответственности только за покушение на совершение преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ.

Оговоримся, что законодателем уже было найдено оптимальное решение указанной проблемы. Указав в диспозиции статьи 151.2 УК РФ как склонение, так и вовлечение, не было нанесено смыслового ущерба статье, однако вместе с этим была допущена возмож-

ность квалификации преступных действий взрослого лица как оконченного преступления еще до момента принятия самим несовершеннолетним каких-либо решительных шагов к реализации того, к чему его склоняют. В этой связи, мы выступаем за дополнение диспозиции статьи 150 УК РФ термином «склонение», что позволит разрешить указанную проблему, не прибегая к положениям о покушении, поскольку вред нормальному развитию несовершеннолетнего наносится уже в момент его склонения к совершению преступления.

Однако указывая на ст. 151.2 УК РФ нельзя не сделать замечание относительно используемой формулировки, которая, принимая во внимание, что вовлечение и склонение – две части одного целого, выглядит не вполне корректно. В данном случае словесная конструкция «склонение или иное вовлечение» указывает на подвидовое значение термина «склонение» по отношению к термину «вовлечение». Диспозиция данной статьи требует изменения и представления указанной формулировки в следующем виде: «склонение (вовлечение) …», либо «склонение или вовлечение …». Данную словесную конструкцию предлагается использовать также вместо термина «вовлечение» в ст. ст. 150, 240, ч. 2 ст. 242, термина «склонение» в ст. 230, а также термина «привлечение» в ст. 242.2 УК РФ. Это позволит не только стандартизировать терминологию в данной области, но и признать состав преступления, предусмотренный ст. 150 УК РФ формальным, а также и учитывая, что в остальных случаях конструкция состава преступления и так является формальной, назначать более суровое наказание при наличии последствий – за вовлечение несовершеннолетних в совершение предусмотренных законом действий. Указанные предложения позволят оптимизировать правоприменение по указанным положениям уголовного законодательства

Список литературы:

1. Люблинский, П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса / П.И. Люблинский. –Текст: непосредственный // Записки юридического факультета Петроградского университета: Выпуск V. – Петроград: Типолитография Руманова, 1917. – 267 с.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации в 4 т: Т. 2. Особенная часть. Разделы VII-VIII / отв. ред. В.М. Лебедев. – Москва: Юрайт, 2024. С. 152.
3. Зазирная, М.М. Преступления в сфере оборота порнографических материалов и предметов: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Зазирная Мария Максимовна. – Москва, 2016. – 23 с.
4. Коровин, Е.П. Вовлечение в совершение противоправных или антиобщественных действий в уголовном праве России: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: автореф. дисс. … канд. юрид. наук / Коровин Евгений Павлович. – Ростов-на-Дону, 2008. – 27 с.
5. Николаева, Ю.В. Дифференциация ответственности за посягательства на интересы несовершеннолетних в уголовном праве России: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: автореф. дисс. … д-ра юрид. наук / Николаева Юлия Валентиновна. – Москва, 2012. – 66 с.
6. Бугера, Н.Н. Соотношение понятий «Вовлечение» и «Склонение» в уголовном праве России // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. №3 (29). С. 35-40.
7. Абакаров, З.А. Ответственность за подстрекательство к совершению преступления по российскому уголовному праву: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: дисс. на соиск. … канд. юрид. наук / Абакаров Зелимхан Абдулхакимович. – Саратов, 2006. – 205 с.
8. Гришаев, П.И. Соучастие по уголовному праву / П.И. Гришаев, Г.А. Кригер. – Москва: Госюриздат, 1959. – 255 с.
9. Палий, В.В. Склонение, вербовка, вовлечение как средства конструирования составапреступления. Актуальные проблемы российского права. 2023. №18 (12). С. 114-122.
10. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 12.09.1969 № 8 «О судебной практике по делам о вовлечении несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность» // СПС «Гарант».
11. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 03.12.1976 № 16 «О практике применения судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность» // СПС «Гарант».
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике поделам о пре-

ступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Официальный интернет-портал правовой информации.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // Официальный интернет-портал правовой информации.
14. Горенко, М.Г. Институт специальных видов организации, подстрекательства и пособничества преступной деятельности (теоретико-правовое и прикладное исследование): специальность 5.1.4 «Уголовно-правовые науки»: дисс. на соиск. … канд. юрид. наук / Горенко Максим Геннадьевич. – Краснодар, 2023. – 301 с.
15. Травников, А.В. Вовлечение в совершение противоправных или антиобщественных действий в уголовном праве России: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: дисс. на соиск. … канд. юрид. наук / Травников Александр Владимирович. – Москва, 2022. – 246 с.
16. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 03.07.1963 № 6 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» // СПС «Гарант».
17. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 05.12.1986 № 17 «О выполнении судами руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР по применению законодательства при рассмотрении дел о преступлениях несовершеннолетних» // СПС «Гарант».
18. Мирзоян, В.Г. Подстрекательство к совершению преступления в российском и зарубежном уголовном праве: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Мирзоян Валентина Георгиевна. – Краснодар, 2012. – 27 с.
19. Чапурко, Т.М. Уголовно-правовые средства предупреждения преступлений несовершеннолетних: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: дисс. на соиск. ...канд. юрид. наук / Чапурко Татьяна Михайловна. – Москва, 1998. – 176 с.
20. Некоз, А.С. Уголовная ответственность за подстрекательство к преступлению: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: дисс. на соиск. … канд. юрид. наук. – Москва, 2019. – 253 с.
21. Кокунов, А.И. Уголовно-правовой запрет склоняющего воздействия: специальность 5.1.4 «Уголовно-правовые науки»: автореф. дисс. … канд. юрид. наук / Кокунов Алексей Игоревич. – Нижний Новгород, 2023. – 34 с.
22. Осипьян, А.В. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений или иных антиобщественных действий (уголовно-правовые и криминологические аспекты): специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Осипьян Анна Валерьевна. – Ростов-на-Дону, 2004. – 28 с.
23. Олейникова, Т.А. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и иных антиобщественных действий: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: дис. на соиск. … канд. юрид. наук / Олейникова Татьяна Александровна. – Ростов-на-Дону, 2005. – 166 с.
24. Шевченко, Г.В. Виктимологическая профилактика вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Шевченко Галина Валерьевна. – Москва, 2015. – 28 с.
25. Палий, В.В. Вовлечение в совершение преступления и склонение к совершению преступления или антиобщественных действий: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: дисс. на соиск. … канд. юрид. наук / Палий Виктория Владимировна. – Москва, 2006. – 188 с.
26. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 25.02.1966 № 1 «О судебной практике по делам о незаконном изготовлении и распространении наркотических и иных сильнодействующих и ядовитых веществ» // СПС «Гарант».
27. Кашин, О.В. Подкуп как проявление склонения, вовлечения и вербовки в статьях Особенной части уголовного кодекса Российской федерации // Человек: преступление и наказание. 2015. №2 (89). С. 112.
28. Есаков, Г.А. Настольная книга судьи по уголовным делам / Г.А. Есаков, А.И. Рарог, А.И. Чучаев; отв. ред. А.И. Рарог. – Москва: Проспект, 2007. – 569 с. Текст: непосредственный.
29. Нагаева, Т.И. Применение терминов «вовлечение» и «склонение» в российском уголовном праве // Lex russica. 2011. №70 (3). С. 515-540.
30. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 1 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Официальный интернет-портал правовой информации.
31. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Официальный интернет-портал правовой информации.
32. Пудовочкин, Ю.Е. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: новые решения и новые проблемы // Пенитенциарная наука. 2012. №19. С. 4-8.

.

Sungatullin A.N. Reflections on the concept of «involvement» and the relationship with related criminal legal categories from the standpoint of legal science // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – S. 446-455.

The author examines the problem of understanding «involvement» in domestic jurisprudence as a criminal legal construct. The problem under study acquires particular significance when the said construction is correlated with other categories of criminal law, in particular with inducement and incitement. The author cites several positions of scientists in the context of a substantive understanding of the criminal legal construct of «involvement» in relation to the indicated categories. Thus, according to one of the positions, involvement and inducement are special types of incitement. Supporters of the other position can be divided into two groups: some believe that involvement is covered by inducement, while others, quite the opposite, believe that inducement is covered by involvement. The third position states that there are no practical differences between these constructions. The article points out the need for an inseparable consideration of «involvement» and «inducement» as a single mechanism. The position of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, set out in acts of interpretation, allows us to consider the mentioned structures in this way. In conclusion, the author gives his own concept of involvement of minor in committing crime.

Keywords: involvement; minor; incitement; inducement; committing crimes; antisocial actions.

Spisok literatury:

1. Lyublinskij, P.I. Tekhnika, tolkovanie i kazuistika ugolovnogo kodeksa / P.I. Lyublinskij. –Tekst: neposredstvennyj // Zapiski yuridicheskogo fakul'teta Petrogradskogo universiteta: Vypusk V. – Petrograd: Tipolitografiya Rumanova, 1917. – 267 s.
2. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii v 4 t: T. 2. Osobennaya chast'. Razdely VII-VIII / otv. red. V.M. Lebedev. – Moskva: Yurajt, 2024. S. 152.
3. Zazirnaya, M.M. Prestupleniya v sfere oborota pornograficheskih materialov i predmetov: special'nost' 12.00.08 «Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugolovno-ispolnitel'noe pravo»: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk / Zazirnaya Mariya Maksimovna. – Moskva, 2016. – 23 s.
4. Korovin, E.P. Vovlechenie v sovershenie protivopravnyh ili antiobshchestvennyh dejstvij v ugolovnom prave Rossii: special'nost' 12.00.08 «Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugolovno-ispolnitel'noe pravo»: avtoref. diss. … kand. yurid. nauk / Korovin Evgenij Pavlovich. – Rostov-na-Donu, 2008. – 27 s.
5. Nikolaeva, Yu.V. Differenciaciya otvetstvennosti za posyagatel'stva na interesy nesovershennoletnih v ugolovnom prave Rossii: special'nost' 12.00.08 «Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugolovno-ispolnitel'noe pravo»: avtoref. diss. … d-ra yurid. nauk / Nikolaeva Yuliya Valentinovna. – Moskva, 2012. – 66 s.
6. Bugera, N.N. Sootnoshenie ponyatij «Vovlechenie» i «Sklonenie» v ugolovnom prave Rossii // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2014. №3 (29). S. 35-40.
7. Abakarov, Z.A. Otvetstvennost' za podstrekatel'stvo k sovershen iyu prestupleniya po rossijskomu ugolovnomu pravu: special'nost' 12.00.08 «Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugolovno-ispolnitel'noe pravo»: diss. na soisk. … kand. yurid. nauk / Abakarov Zelimhan Abdulhakimovich. – Saratov, 2006. – 205 s.
8. Grishaev, P.I. Souchastie po ugolovnomu pravu / P.I. Grishaev, G.A. Kriger. – Moskva: Gosyurizdat, 1959. – 255 s.
9. Palij, V.V. Sklonenie, verbovka, vovlechenie kak sredstva konstruirovaniya sostava prestupleniya. Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2023. №18 (12). S. 114-122.
10. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda SSSR ot 12.09.1969 № 8 «O sudebnoj praktike po delam o vovlechenii nesovershennoletnih v prestupnuyu i inuyu antiobshchestvennuyu deyatel'nost'» // SPS «Garant».
11. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda SSSR ot 03.12.1976 № 16 «O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva po delam o prestupleniyah nesovershennoletnih i o vovlechenii ih v prestupnuyu i inuyu antiobshchestvennuyu deyatel'nost'» // SPS «Garant».
12. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 15.06.2006 № 14 «O sudebnoj praktike po delam o prestupleniyah, svyazannyh s narkoticheskimi sredstvami, psihotropnymi, sil'nodejstvuyushchimi i yadovitymi veshchestvami» // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii.
13. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 24.12.2019 № 58 «O sudebnoj praktike po delam o pohishchenii cheloveka, nezakonnom lishenii svobody i torgovle lyud'mi» // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii.
14. Gorenko, M.G. Institut special'nyh vidov organizacii, podstrekatel'stva i posobnichestva prestupnoj deyatel'nosti (teoretiko-pravovoe i prikladnoe issledovanie): special'nost' 5.1.4 «Ugolovno-pravovye nauki»: diss. na soisk. … kand. yurid. nauk / Gorenko Maksim Gennad'evich. – Krasnodar, 2023. – 301 s.
15. Travnikov, A.V. Vovlechenie v sovershenie protivopravnyh ili antiobshchestvennyh dejstvijv ugolovnom prave Rossii: special'nost' 12.00.08 «Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugolovno-ispolnitel'noe pravo»: diss. na soisk. … kand. yurid. nauk / Travnikov Aleksandr Vladimirovich. – Moskva, 2022. – 246 s.
16. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda SSSR ot 03.07.1963 № 6 «O sudebnoj praktike po delam o prestupleniyah nesovershennoletnih» // SPS «Garant».
17. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda SSSR ot 05.12.1986 № 17 «O vypolnenii sudami rukovodyashchih raz"yasnenij Plenuma Verhovnogo Suda SSSR po primeneniyu zakonodatel'stva pri rassmotrenii del o prestupleniyah nesovershennoletnih» // SPS «Garant».
18. Mirzoyan, V.G. Podstrekatel'stvo k sovershen iyu prestupleniya v rossijskom i zarubezhnom ugolovnom prave:

special'nost' 12.00.08 «Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugolovno-ispolnitel'noe pravo»: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk / Mirzoyan Valentina Georgievna. – Krasnodar, 2012. – 27 s.
19. Chapurko, T.M. Ugolovno-pravovye sredstva preduprezhdeniya prestuplenij nesovershennoletnih: special'nost' 12.00.08 «Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugolovno-ispolnitel'noe pravo»: diss. na soisk. ...kand. yurid. nauk / Chapurko Tat'yana Mihajlovna. – Moskva, 1998. – 176 s.
20. Nekoz, A.S. Ugolovnaya otvetstvennost' za podstrekatel'stvo k prestupleniyu: special'nost' 12.00.08 «Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugolovno-ispolnitel'noe pravo»: diss. na soisk. … kand. yurid. nauk. – Moskva, 2019. – 253 s.
21. Kokunov, A.I. Ugolovno-pravovoj zapret sklonyayushchego vozdejstviya: special'nost' 5.1.4 «Ugolovno-pravovye nauki»: avtoref. diss. … kand. yurid. nauk / Kokunov Aleksej Igorevich. – Nizhnij Novgorod, 2023. – 34 s.
22. Osip'yan, A.V. Vovlechenie nesovershennoletnih v sovershenie prestuplenij ili inyh antiobshchestvennyh dejstvij (ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty): special'nost' 12.00.08 «Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugolovno-ispolnitel'noe pravo»: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk / Osip'yan Anna Valer'evna. – Rostov-na-Donu, 2004. – 28 s.
23. Olejnikova, T.A. Vovlechenie nesovershennoletnego v sovershenie prestupleniya i inyh antiobshchestvennyh dejstvij: special'nost' 12.00.08 «Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugolovno-ispolnitel'noe pravo»: dis. na soisk. … kand. yurid. nauk / Olejnikova Tat'yana Aleksandrovna. – Rostov-na-Donu, 2005. – 166 s.
24. Shevchenko, G.V. Viktimologicheskaya profilaktika vovlecheniya nesovershennoletnih v sovershenie anti-obshchestvennyh dejstvij: special'nost' 12.00.08 «Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugolovno-ispolnitel'noe pravo»: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk / Shevchenko Galina Valer'evna. – Moskva, 2015. – 28 s.
25. Palij, V.V. Vovlechenie v sovershenie prestupleniya i sklonenie k sovershenyu prestupleniya ili anti-obshchestvennyh dejstvij: special'nost' 12.00.08 «Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugolovno-ispolnitel'noe pravo»: diss. na soisk. … kand. yurid. nauk / Palij Viktoriya Vladimirovna. – Moskva, 2006. – 188 s.
26. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda SSSR ot 25.02.1966 № 1 «O sudebnoj praktike po delam o nezakonnom izgotovlenii i rasprostranenii narkoticheskih i inyh sil'nodejstvuyushchih i yadovityh veshchestv» // SPS «Garant».
27. Kashin, O.V. Podkup kak proyavlenie skloneniya, vovlecheniya i verbovki v stat'yah Osobennoj chasti ugolovnogo kodeksa Rossijskoj federacii // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2015. №2 (89). S. 112.
28. Esakov, G.A. Nastol'naya kniga sud'i po ugolovnym delam / G.A. Esakov, A.I. Rarog, A.I. Chuchaev; otv. red. A.I. Rarog. – Moskva: Prospekt, 2007. – 569 s. Tekst: neposredstvennyj.
29. Nagaeva, T.I. Primenenie terminov «vovlechenie» i «sklonenie» v rossijskom ugolovnom prave // Lex russica. 2011. №70 (3). S. 515-540.
30. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 28.06.2011 № 1 «O sudebnoj praktike po ugolovnym delam o prestupleniyah ekstremistskoj napravlennosti» // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii.
31. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 09.02.2012 № 1 «O nekotoryh voprosah sudebnoj praktiki po ugolovnym delam o prestupleniyah terroristicheskoj napravlennosti» // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii.
32. Pudovochkin, Yu.E. Vovlechenie nesovershennoletnego v sovershenie prestupleniya: novye resheniya i novye problemy // Penitenciarnaya nauka. 2012. №19. S. 4-8.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 456-462

УДК 347.961

СОВРЕМЕННЫЙ АНАЛИЗ ЦИФРОВИЗАЦИИ НОТАРИАТА: ПРОБЛЕМАТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ

Руденко А. В., Шестакова Д. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Аннотация. В статье рассматривается процесс и актуальные особенности цифровизации нотариата. В последние десять лет правительство и законодатель стараются вести активную процедуру по переводу документооборота в электронный режим пользования. В эту же сферу изменений входит и нотариальная деятельность, ускорение которой как раз напрямую и связано с возможностью удаленного доступа до электронной информационной системы нотариата, проведением сделок в он-лайн режиме, создание электронных документов и иное. В статье проводится сравнение действующего законодательства о нотариате с предыдущей редакцией, изучаются позитивные и негативные стороны цифровизации нотариата в условиях российской правовой действительности.

Ключевые слова: нотариат, законодательство о нотариате, цифровизация, электронный нотариат, дистанционный сделки, электронная информационная система нотариата, ЭИС.

На сегодняшний день понятие нотариата четко не определено в законодательстве, в следствии чего оно чаще всего даётся через его функции: согласно ст. 1 Основ законодательства о нотариате он призван обеспечивать защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения нотариусами предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени Российской Федерации [1].

В связи с этим представляется разумным скорректировать данное законодателем определение и представлять нотариат через систему органов и должностных лиц, деятельность которых направлена на закрепление, воплощение и защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения нотариальных действий, основанных на действующем законодательстве Российской Федерации. Данное определение поможет устранить противоречия, существующие в правовой доктрине на тему юридической природы нотариата и его устройства. Помимо этого, регламентация понятия нотариата позволит дать более сформированную и чуткую характеристику такому термину как «электронный нотариат», который плотно вошел в доктринальный обиход. Подобные обстоятельства требуют действий, что значительно сократит количество ошибок или спорных ситуаций, которые возникают или могут возникать в данной области.

Прежде чем перейти к разбору понятия электронного нотариата стоит разобрать вопрос самой концепции цифровизации нотариальной деятельности. Как мы знаем, право действительно, пока может удачно находить баланс между состояниями статики и динамики. Действующая правовая система должна ориентироваться на изменения, происходящие в обществе для дальнейшего урегулирования возникающих общественных отношений (право в

динамике). Между тем необходимо сохранять авторитет права и базироваться на основных институтах и принципах права.

Нотариальная деятельность, выведенная в цифровое пространство на данный момент существует уже практически 10 лет, что создало как значительный комплекс практических и теоретических примеров. В связи с этим стоит обозначить, что при углублении в вопрос цифровизации нотариата целесообразнее будет использовать более распространенное понятие электронного нотариата. По мнению В. В. Яркова, это «комплексные действия по сбору, передаче и хранению юридически значимой информации, а также осуществление нотариальных действий и взаимодействие с государственными органами с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и электронно-цифровой подписи нотариуса» [4].

В эпоху компьютеризации общества назревает вопрос об упрощении процесса удостоверения сделок, документов. Этот процесс уже имеет позитивное подкрепление на примере реализации электронного документооборота зарубежом, к примеру во Франции [6]. Там существуют нотариальные конторы, полностью отказавшиеся от бумажного формата работы. Свою деятельность они осуществляют, пользуясь определенной информационной системой и занимаясь пересылкой документов по электронной почте. Примерами такой информационной системы служит «Paris Notaires Infos», занимающейся вопросами горячей линии по вопросам, связанным с нотариальной деятельностью, а также «Annuaire des Notaires et Offices Notariaux à Paris 75», помогающий найти необходимого нотариуса. [9; 10]

Присоединение Российской Федерации к подобной системе позволит обмениваться опытом, а также сможет вывести нотариат на международный уровень. К примеру, европейские нотариусы имеют доступ к программе EUFiDES, дающей им возможность обмениваться документами, сравнивать правовые ситуации, будучи уверенными, что данные не фальсифицированы и исходят от настоящих нотариусов.

Работа в области цифровизации нотариата дала свои первые плоды в 2013 годы с введением поправок в Федеральный закон «Об основах законодательства Российской Федерации о нотариате». Была добавлена глава VII.1. «Единая информационная система нотариата». Данная система направлена на упрощение делопроизводства и нацелена на более глубокое понимание граждан о возможностях нотариальной деятельности, предоставляемых услугах, а также об образцах документов. Она полезна так же и для нотариусов, которые могут получать оттуда необходимые сведения для совершения нотариальных сделок, к примеру выписки о должниках из банков, информацию о наследниках, уведомления о залоге или имуществе клиента.

Еще одним важным шагом на пути цифровизации нотариата стало появление реестра наследственных дел. Этот реестр полезен как гражданам, которые могут ознакомиться со статусом своего наследственного дела, у какого нотариуса оно находится, так и структурам государственного уровня, таким как судебные органы, которые так же могут получать оттуда необходимую информацию о наследодателе и наследниках.

Последним шагом на пути реформирования нотариата, является принятие Федерального закона "О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации". Согласно информации с сайта Госдумы Российской

Федерации, в новом законе предусмотрены такие направления в развитии нотариата, как [8]:

1. Возможность автоматизированной проверки информации о нотариальном документе
2. Формирование правил взаимодействия ЕИС нотариата с иными информационными системами;
3. Право нотариуса в некоторых случаях устанавливать личность гражданина посредством единой биометрической системы;
4. Возможность представления сведений об открытии наследственного дела с использованием сети «Интернет»;
5. Расширение возможностей удаленного обращения лиц за совершением нотариального действия;
6. Возможность удостоверения сделки двумя и более нотариусами.

Действительно, положения содержат процедуры упрощения работы государства и граждан с нотариатом. Однако следует помнить, что при подобном реформировании законодательства необходимо обеспечить и возможности для осуществления деятельности. К примеру, положение о возможности удостоверения сделки несколькими нотариусами может затянуть процесс, так как они могут руководствоваться различными нормами и правилами осуществления деятельности, порождая коллизии в планируемых сделках - несовпадение мнений нотариус относительно допустимости проведения или удостоверения сделок, относительно состояния клиентов, легальности документов или иных аспектов нотариальных действий будет вести к спорным ситуациям. Регламентация процедуры отдельных нотариальных действий до сих пор не находит свое отражение в действующем законодательстве. Следовательно, при возникновении противоречий необходимо будет обращаться в суд, вследствие чего возникнут дополнительные траты для клиента и, соответственно, потеря времени.

В своё время, ещё в конце 2018 г Министерство Юстиции Российской Федерации создало перечень независимых от нотариуса причин, при наличии которых предоставление заявления о государственной регистрации прав и прилагаемой к нему документов в орган регистрации прав в электронной форме является невозможным, что дало определённую возможность нотариусам избегать пользования системой цифрового нотариата на вполне легальных условиях. Так, отсутствие доступа к сервисам единой информационной системы нотариата или отказ по техническим причинам в обработке заявления о государственной регистрации прав, позволило нотариусам не нести ответственность в случае невозможности исполнения действий, требуемых клиентам. [3] Стоит отметить, что эти условия могут быть связаны с довольно-таки распространённой в отдельных отдаленных местностях причиной, которая связана с отсутствием у нотариусов необходимого технического оснащения. Довольно затруднительно указывать на эту причину как на ошибку или недоработку самого нотариуса, учитывая специфику географического разнообразия жилых пунктов Российской Федерации и их оснащенность доступом не то что ко всемирной компьютерной сети, а даже к сотовой связи.

Кроме того, нотариусами зачастую являются люди в возрасте, многим из которых представляется затруднительным успевать за развитием информационных технологий. Из-за чего существует необходимость внедрения специа-

лизированных курсов по повышению квалификации нотариусов, возможно даже с условием принудительного обучения для повышения квалификации нотариусов или их помощников. Данные программы призваны помочь разобраться с принципами работы с ЕИСН, электронным удостоверением сделок и иными нотариальными действиями, допустимыми в электронном нотариате.

В дополнение существует проблема, связанная с электронной подписью клиента. При тесном взаимодействии нотариуса с электронными технологиями им необходимо иметь для работы графический планшет или иное оборудование, позволяющее проставлять электронную подпись. Практика показывает, что зачастую данные средства попросту отсутствуют, что затрудняет деятельность нотариуса. Возникают так же проблемы фальсификации подписи, что порождает сомнения по поводу ее достаточности для совершения юридически значимых действий.

Следующей возникает проблема с отслеживанием электронных действий нотариусов. Согласно положениям Гражданского кодекса в ст. 1130 указывается, что завещатель может изменить и отменить составленное им завещание в любое время после его составления. Следовательно, нотариусам так же необходимо менять информацию и в реестре наследственных дел. Срочность исполнения данного действия подчиняется общим правилам. Однако также не урегулировано положение касательно вопроса о приоритете электронных завещаний над привычными бумажными, что создает необходимость самостоятельного толкования нотариусом или судьей сложившихся обстоятельств.

В дополнение к общей картине проблем электронного нотариата можно добавить и проблематику цифрового нигилизма граждан, которые могут быть вовлечены в правовые процедуры, посредством использования схожих цифровым нотариальным действиям систем. Подобные действия могут носить мошеннический характер, ускоряющие процедуру переоформления собственности, на лиц, занимающихся противозаконной деятельностью. И хоть на нотариуса ложиться обязанность по установлению законности сделки, возможность дистанционного взаимодействия с гражданами несколько усложняет объективное восприятие нотариусом состояния клиентов.

Нотариусы, при использовании единой биометрической системы, также поднимают вопрос о том, как проверить дееспособность лица. Приложение косвенно это оценивает, спрашивая о состоянии стресса, тревоги и так далее, однако зачастую это является субъективным фактом, подлежащим оценке нотариуса при личном взаимодействии. Аналогию можно провести с принятием решения судом по внутреннему убеждению. Пока тяжело представить, чтобы это внутреннее убеждение присутствовало у электронной системы.

Деятельность нотариусов в Российской Федерации на данный момент находится под особым контролем. Обсуждается перспектива дальнейшего реформирования законодательства о нотариате с целью его подчинения государству в связи с необходимостью свободного нормотворчества в сфере нотариата, а также контролем за деятельностью самих нотариусов в связи с тем, что по словам Министра юстиции Константина Чуйченко около 180 нотариусов были судимы, а четыре президента нотариальных палат осуждены или находятся под следствием [6].

Вполне вероятно, что с принятием поправок решатся и некоторые проблемы, связанные с цифровизацией нотариуса, к примеру будет налажена система электронного взаимодействия нотариусов с различными органами посредством единой информационной системы. Электронный нотариат за последние десять лет бесспорно проявил огромное количество позитивных и актуальных сторон, однако процедура совершенствования еще не завершена. В конечном итоге стоит отметить, что вопрос о цифровизации нотариата до сих пор является активно развивающимся и требующим большого количества дополнений. И данные дополнения могут и должны касаться не только технической разработанности самой электронной системы, но и интенсивной работы с нотариусами по повышению их квалификации путем внедрения специальных курсов или внедрения в организацию нотариата личных помощников, осуществляющих работу с информационным порталом нотариусов, а также отслеживающих необходимую информацию по удостоверению сделок. Так, даже проведение различных форумов или встреч представителей российского нотариата со специалистами и разработчиками технических систем значительно может ускорить и улучшить проектирование и исполнение планов по совершенствованию электронного нотариата.

Список литературы

1. "Основы законодательства Российской Федерации о нотариате" (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1) (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // Официальный сайт КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/ – Текст: электронный.
2. Федеральный закон "О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 27.12.2019 N 480-ФЗ (последняя редакция) // Официальный сайт КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_341788/?ysclid=m1xia0xppi908481453 – Текст: электронный.
3. Приказ Министерства Юстиции Российской Федерации «Об утверждении перечня не зависящих от нотариуса причин, при наличии которых предоставление заявления о государственной регистрации прав и прилагаемых к нему документов в орган регистрации прав в электронной форме является невозможным» от 28 декабря 2018 г. N 303 (последняя редакция) // Официальный сайт КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_315697/m1xia0xppi908481453 – Текст: электронный.
4. Конева, А. В. Проблемы и перспективы цифрового нотариата в Российской Федерации / А.В. Конева, Л.К. Котова // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы современной науки, достижения и инновации. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=kwndae&ysclid=m1wbv95epy254029805 – Текст: электронный. Доступ: по подписке.
5. Шевченко, С. Н. К вопросу о понятии нотариата в Российской Федерации / С. Н. Шевченко // Сибирское юридическое обозрение. – 2016. – №4 (33). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-notariata-v-rossiyskoy-federatsii-1 – Текст: электронный.
6. Хавжокова, З. Б. Цифровизация нотариальной деятельности: сравнительно-правовой аспект / З. Б. Хавжокова, З. А. Зумакулова, И. Б. Карамурзова, Д. А. Кокова, З. Х. Бейтуганова // Теория и история права и государства; История учений о праве и государстве. – 2022. – URL: https://www.law-journal.ru/files/pdf/202206/202206_7.pdf – Текст: электронный.
7. Министр юстиции представил концептуальные подходы к новому нормативному регулированию института нотариата // Министерство юстиции Российской Федерации. – URL: https://minjust.gov.ru/ru/events/50243/ – Текст: электронный.

8. Цифровой нотариат // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. – URL: http://duma.gov.ru/about/hidden/internet/47579/ – Текст: электронный.
9. Справочник нотариусов Франции – URL: https://www.immonot.com/annuaire-des-notaires-de-france.html – Текст: электронный.
10. Каталог нотариусов Франции // официальный сайт нотариата во Франции – URL: https://www.notaires.fr/fr/directory – Текст: электронный.

Rudenko A. V., Shestakova D. A. Modern analysis of notary's digitalization: problems and prospects// Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 456-462.

Annotation. The article discusses the process and current features of the notary's digitalization. Over the past ten years, the government and the legislature have been trying to conduct an active procedure for converting document management to electronic use. The same sphere of changes includes notarial activity, the acceleration of which is directly related to the possibility of remote access to the electronic information system of the notary, conducting transactions online, creating electronic documents, and others. The article compares the current legislation on notaries with the previous version, examines the positive and negative aspects of the digitalization of notaries in the context of Russian legal reality.

Keywords: notary, notary legislation, digitalization, electronic notary, remote transactions, electronic notary information system, EIS.

Spisok literatury

1. "Osnovy zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii o notariate\" (utv. VS RF 11.02.1993 N 4462-1) (red. ot 08.08.2024) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.09.2024) // Oficial'nyj sajt Konsul'tantPlyus». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/ – Tekst: elektronnyj.
2. Federal'nyj zakon \"O vnesenii izmenenij v Osnovy zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii o notariate i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii\" ot 27.12.2019 N 480-FZ (poslednyaya redakciya) // Oficial'nyj sajt Konsul'tantPlyus». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_341788/?ysclid=m1xia0xppi908481453 – Tekst: elektronnyj.
3. Prikaz Ministerstva Yusticii Rossijskoj Federacii «Ob utverzhdenii perechnya ne zavisyashchih ot notariusa prichin, pri nalichii kotoryh predostavlenie zayavleniya o gosudarstvennoj registracii prav i prilagaemyh k nemu dokumentov v organ registracii prav v elektronnoj forme yavlyaetsya nevozmozhnym» ot 28 dekabrya 2018 g. N 303 (poslednyaya redakciya) // Oficial'nyj sajt Konsul'tantPlyus». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_315697/m1xia0xppi908481453 – Tekst: elektronnyj.
4. Koneva, A. V. Problemy i perspektivy cifrovogo notariata v Rossijskoj Federacii / A.V. Koneva, L.K. Kotova // Fundamental'nye i prikladnye nauchnye issledovaniya: aktual'nye voprosy sovremennoj nauki, dostizheniya i innovacii. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=kwndae&ysclid=m1wbv95epy254029805 – Tekst: elektronnyj. Dostup: po podpiske.
5. Shevchenko, S. N. K voprosu o ponyatii notariata v Rossijskoj Federacii / S. N. Shevchenko // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. – 2016. – №4 (33). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-notariata-v-rossiyskoy-federatsii-1 – Tekst: elektronnyj.
6. Havzhokova, Z. B. Cifrovizaciya notarial'noj deyatel'nosti: sravnitel'no-pravovoj aspekt / Z. B. Havzhokova, Z. A. Zumakulova, I. B. Karamurzova, D. A. Kokova, Z. H. Bejtuganova // Teoriya i istoriya prava i gosudarstva; Istoriya uchenij o prave i gosudarstve. – 2022. – URL: https://www.law-journal.ru/files/pdf/202206/202206_7.pdf – Tekst: elektronnyj.
7. Ministr yusticii predstavil konceptual'nye podhody k novomu normativnomu regulirovaniyu instituta notariata // Ministerstvo yusticii Rossijskoj Federacii. – URL: https://minjust.gov.ru/ru/events/50243/ – Tekst: elektronnyj.

8. Cifrovoj notariat // Gosudarstvennaya Duma Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii. – URL: http://duma.gov.ru/about/hidden/internet/47579/ – Tekst: elektronnyj.
9. Spravochnik notariusov Francii – URL: https://www.immonot.com/annuaire-des-notaires-de-france.html – Tekst: elektronnyj.
10. Katalog notariusov Francii // oficial'nyj sajt notariata vo Francii – URL: https://www.notaires.fr/fr/directory – Tekst: elektronnyj.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 463–468.

УДК 343.1

КОМПОНЕНТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИОННЫМ ПРОЯВЛЕНИЯМ

Нагорный А. П., Темиркаяева Л. Н.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

На современном этапе развития Российского государства, проблема коррупции приобретает особенно угрожающие тенденции. Преступления коррупционной направленности в Российской Федерации совершаются достаточно часто и регулярно, несмотря на наличие антикоррупционных мер. Вопросы противодействия коррупционным проявлениям являются предметом исследования в криминологии, юриспруденции, юридической психологии и других научных областях. В первых рядах борьбы с коррупцией находятся сотрудники органов внутренних дел, профессиональная деятельность которых носит коммуникативный характер. Постоянное общение с различными категориями граждан имеет как продуктивную, так конфликтную составляющую, что связанно с желанием отдельных категорий граждан избежать ответственности за совершенные правонарушения. Одним из методов уклонения от ответственности, активно применяемым правонарушителями, является использование коррупционных моделей поведения в процессе непосредственного общения с сотрудниками органов внутренних дел. Это обуславливает особые требования к специфике построения коммуникативных процессов в ситуациях повышенного риска коррупции. Поэтому к сотрудникам органов внутренних дел предъявляются особые требования по уровню профессиональной готовности и умению вести профессиональное общение исключающее возможность возникновения коррупционных проявлений.

Ключевые слова: коррупция, общение, сотрудник, правонарушители, факторы, противодействие коррупции, компоненты.

Коррупция была и остается одной из самых острых проблем современной России и серьезным препятствием на пути развития страны. Она, несомненно, наносит ущерб росту экономики и социальной стабильности страны, значительно уменьшая поступления в бюджеты различных уровней, вытесняя с рынка честных конкурентов и снижая степень доверия населения к органам власти и представителям социальных и финансовых структур. Обычно под коррупцией понимают превышение должностным лицом вверенных ему служебных полномочий в целях личной выгоды, противоречащее законодательству и нормам морали.

Коррупционная проблематика рассматривается следующими науками: социология, политология, экономика, юриспруденция. В политологии коррупция рассматривается как девиантное политическое поведение. В социологии — как специфическое поведение социальных групп либо определённый дефект системы. В экономике — как способ извлечения непроизводительного дохода за счёт манипуляций ресурсами, находящимися в распоряжении должностных лиц, либо незаконного рационального расчёта выгод. В юриспруденции исследования посвящены криминологическому аспекту коррупции, соотношению понятий «преступление» и «коррупция», её видов и механизмов.

С точки зрения правовых институтов рассматриваются вопросы социальной опасности коррупционных преступлений, анализируется антикоррупционное законодательство. В рамках экономических исследований поднимаются проблемы теневой экономики, связь коррупции и рыночных реформ, зависимость уровня коррупп-

ции от экономических преобразований в России, отношения чиновников и предпринимателей, рассматриваются методы борьбы с экономической преступностью.

Анализ научных трудов позволяет утверждать, что коррупция является серьезным вызовом для любого государства и общества. В современную эпоху основной чертой коррупции стала ее универсальность. Коррупционные практики распространены вне зависимости от уровня социально-экономического развития государства. Коррупция проникает в различные сферы государственной и общественной жизни. В обществе сформировались устойчивые представления о масштабности и распространенности коррупции, а также серьезный скепсис в отношении возможности эффективности противодействия этому явлению. Коррупция наносит вред государству. К некоторым последствиям коррупции можно отнести: препятствия для реализации социальной и экономической политики государства; саботаж выполнения поручений руководства, в том числе по причине неэффективного расходования выделяемых средств; перенаправление бюджетных средств во второстепенные сферы; поддержка малоэффективных проектов с подрядчиками-монополистами; отток квалифицированных кадров, не приемлющих коррупционные модели поведения; увеличение затрат для предпринимателей (в особенности для субъектов малого и среднего предпринимательства); деформация системы нормативно-правовых актов в направления введения чрезмерных запретов и обязанностей, чтобы затем за дополнительную плату помогать их «соблюдать»; создание двойной системы налогообложения (официальные налоги и система поборов) и др.

Мы полагаем, что особое внимание необходимо уделить коррупции в правоохранительных органах. Таким образом, в нашей работе, мы будем рассматривать психологический аспект противодействия коррупционным проявлениям, концертируя внимания на готовности сотрудника противостоять коррупционным проявлениям.

Особенностям предупреждения коррупционных проявлений в правоохранительных органах посвящены труды М.А. Багмета, О.В [1], Беляевой [2]; и др. Анализ научных трудов позволяет утверждать, что на проявление коррупции в правоохранительных органах влияет: во-первых, информационная среда, формирующая снисходительное и даже поощрительное отношение к коррупции; во-вторых, недостаточный уровень финансового обеспечения сотрудников, которые не соответствует сложности выполняемых оперативно-служебных задач; в третьих, тяжелый психологический климат в коллективе; в четвёртых, наличие сложностей в кадровой политике; двойные моральный стандарты и др. Кроме того, немаловажное значение имеют и психологические факторы, влияющие на коррупционное поведение сотрудника органов внутренних дел: направленность личности (ведущие мотивы, ценности и цели); удовлетворенность трудом, при этом, ключевыми аспектами удовлетворенности трудом являются: материальная удовлетворенность, психологический комфорт, удовлетворенность условиями труда, психологическая устойчивость личности, лояльность (благонадежность) личности.

В общенаучном плане, профессиональная готовность, рассматривается как способность субъекта деятельности концентрироваться на её результативности, опираясь на собственные психологические качества [3]; как особое психическое состояние [4]; адаптационное состояние человека, позволяющего его включатся в трудовую деятельность [5]; психологическое состояние, обеспечивающее высокие результаты деятельности [6] и др.

Проблему формирования и совершенствования профессиональной готовности сотрудников органов внутренних дел рассматривали в своих трудах В.В. Андросова, А.И. Каранчевиц. Следует отметить, что затрагиваемая нами проблематика носит разнообразный характер. Так, В.В. Андросова, отмечает, что психологическая подготовка является способом формирования профессиональной готовности. [7], А.И. Каранчевиц, профессиональную готовность к деятельности рассматривает с позиции содержательной направленности на высокую эффективность [8].

Анализ литературных источников показал, что проблема психологической готовности сотрудника органов внутренних дел к противодействию коррупционным проявлениям, недостаточно представлена в научных трудах. Между тем, в нормативно правовых документах отмечается, что результативность и эффективность устойчивости сотрудника органов внутренних дел зависит от профессиональной готовности к деятельности, которая направлена на формирование совокупности психологических качеств, которые отвечают современным требованиям [9]. Таким образом, в нашей статье мы акцентируем внимание на компонентах психологической готовности к противодействию коррупционным проявлениям.

Профессиональное общение сотрудников органов внутренних дел – целенаправленное взаимодействие руководителей и подчиненных, сотрудников и граждан; сотрудников и правонарушителей и др., направленное на достижение целей правоохранительной деятельности. В содержание такого взаимодействия включается процесс познания, обмена информацией и влияния участников коммуникаций друг на друга для решения правоохранительных задач.

Профессиональное общение сотрудников ОВД обладает рядом особенностей, которые относятся ко всем направлениям их деятельности. Профессиональное общение сотрудников ОВД имеет психологическую специфику, которая обусловлена:

во-первых, совокупностью оперативно-служебных задач. Сотрудники полиции выполняют задачи, предполагающие непосредственное общение с гражданами: получение информации о преступлении, правонарушении, о личностях правонарушителей; воспитание гражданина, воздействие на него с целью преодоления социально-негативных свойств и качеств его личности; профилактика преступлений и правонарушений и др.;

во-вторых, высокой формализацией процесса общения. Цели, характер, способы общения сотрудника полиции с различными категориями лиц, требования к его моральному и нравственному облику строго определены различными Федеральными законами, нормативными правовыми актами, служебными документами;

в-третьих, сочетанием процессуальных и не процессуальных форм общения;

в-четвёртых, конфликтным характером взаимодействия с гражданами. Противоречия между целями субъектов общения может приводить к возникновению конфликтных ситуаций, в силу того, что, в большинстве своем, поводом для вступления в процесс общения является преступление либо правонарушение. В такой ситуации цели сторон-участников взаимодействия противоположны: сотрудник полиции, действуя согласно функциональным обязанностям, стремится привлечь нарушителя к ответственности, а он, в свою очередь – избежать ее;

в-пятых, необходимостью установления психологического контакта и доверительных отношений с собеседником. Предполагает целенаправленную, планируемую деятельность по созданию условий, обеспечивающих достижение целей обще-

ния. Основой психологического контакта является умение понять цели и интересы партнера по общению.

В целом, успешное выполнение сотрудником полиции профессиональных задач в значительной мере обусловлено его речевой подготовленностью, поэтому одним из важнейших направлений саморазвития полицейского, которому должно быть уделено особое внимание, является развитие и совершенствование коммуникативных навыков и умений [6].

Для раскрытия компонентов психологической готовности мы считаем целесообразным придерживаться научной позиции И.Я. Лернера, которые конкретизируются в подсистемах «знать» и «уметь». С учетом цели выполнения оперативно-служебных задач, представим подсистему «знать» двумя блоками, содержание которых являются определяющим при формировании антикоррупционной устойчивости сотрудника [10].

В первый блок входят «правовые знания», которые должен «знать» сотрудник: понятие и признаки коррупции и коррупционного поведения; последствия коррупционных проявлений; нормативно-правовые акты регламентирующие противодействие коррупции; особенности антикоррупционной политики в России; криминологические особенности коррупции; нормативно-правовая база ответственности за коррупционные правонарушения; признаки преступлений коррупционной направленности; уголовная ответственность за коррупционные проявления; административная ответственность за коррупционные поведения; причины и условия, способствующие коррупционному поведению и др.

Во второй блок вошли «социально-психологические знания» позволяющие сотруднику эффективно противодействовать коррупционным проявлениям: паттерны коррупционного поведения граждан; особенности психологических проявлений, характеризующих готовность граждан к коррупционным действиям; специфика манипуляционного поведения, направленного на выявление готовности сотрудников к коррупционному воздействию; способы противодействия манипулятивным действиям граждан; вербальные методы и приёмы общения с гражданами; стили и способы поведения в конфликте; способы урегулирования конфликтных ситуаций; методы недопущение коррупционных проявлений.

В третий блок вошли «социально-психологические знания» позволяющие сотруднику, осуществлять общение с правонарушителями: способы снятия эмоциональных состояний, тревожности и самооценки; психологические приёмы установления конструктивных, доверительных, эмпатичных отношений (демонстрация сопереживания, умение «войти в положение» и др.); поведенческие реакции правонарушителей; особенности психоэмоционального развития граждан, на различных этапах их жизненного пути; особенности поведения участников отдельных следственных действий (возможные психологические реакции, модели поведения и др.); методы воздействия на участников следственных действий; социально-демографические характеристики допрашиваемых лиц (возраст, семейное положение, состав семьи, место жительства, наличие детей, образование (место обучения) и др.; психологические характеристики личности правонарушителей; социально-правовые характеристики личности участников процессуальных действий (наличие судимости, наличие наказаний за совершение административных правонарушений и др.).

Следующую подсистему «уметь», нужно рассматривать как характеристику качественного показателей подготовки сотрудника к проведению процессуальных действий: осуществлять планирование общения; практически реализовывать алгоритмы общения; анализировать наличную ситуацию с коррупционной точки зрения; устанавливать контакт с участниками следственных действий, устанавливать и поддерживать доверительные отношения с ними; выбирать стили поведения при проведении процессуальных действий; владеть мимикой, пантомимикой и др.; применять методы психологического воздействия; коммуникативные приёмами убеждения, мотивирования и др.; слушать, вникать в проблемы участников процессуальных действий; ставить прогноз по эффективности выбранных моделей поведения и результативности проведения допроса и очной ставки; анализировать собственное поведение и поведение участников следственных действий; адаптироваться к меняющейся ситуации допроса и очной ставки, применять методы психической саморегуляции; пользоваться техническими средствами проведения процессуальных действий, позволяющих нейтрализовать коррупции оную активность правонарушителей; анализировать собственное поведение и поведение участников процессуальных действий.

Таким образом, сотруднику органов внутренних дел при проведении процессуальных действий, предполагающих непосредственное общение с гражданами, необходимо в работе учитывать вышеуказанные компоненты. Психологически и юридически грамотное и умелое применения данных видов компонентов с большой вероятностью будут способствовать совершенствованию уголовно-процессуальной деятельности, и способствовать недопущении коррупционных проявлений при выполнении оперативно-служебных задач.

Список литературы:

1.Багмет, М. А. Противодействие коррупции в системе органов внутренних дел / М. А. Багмет. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 142 с.
2.Ковтунова, А. О. Организационные и кадровые меры профилактики коррупционной преступности в органах внутренних дел / А. О. Ковтунова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 7 (349). — С. 119-121. — URL: https://moluch.ru/archive/349/78618.
3. Болтенков Н.В. Формирование готовности к профессиональной деятельности // Педагогическое образование и наука. – 2009. – № 2. – С. 87–89.
4. Левитов Н.Д. Психологическая характеристика. – М.: Просвещение, 1969. – 424 с.
5. Ильин Е.П. Искусство общения. – М.: Педагогика, 1982. – 110 с.
6. Чуносов М. А., Царева. Е. С. Профессионально-психологическая подготовка сотрудников ОВД: учебное пособие Симферополь: Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, 2017. – 108 с.
7. Андросова, В. В. Психологическая подготовка как один из способов формирования психологической готовности сотрудников ОВД к выполнению профессиональной деятельности [Электронный ресурс] / В. В. Андросова // Организация образовательного процесса в учреждении высшего образования: научные и методические аспекты : сборник статей / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; – Могилев : Могилев. институт МВД, 2020. – С. 12–15.
8. А.И. Каранчевиц, Особенности правоохранительной деятельности ОВД и профессиональная готовность сотрудников к ее эффективному выполнению // Академическая мысль. – 2017 – №2. – С. 54-57.
9. Приказ МВД РФ от 10 августа 2012 г. № 777 «Об организации морально-психологической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации»
10. Лернер И.Я. Качество знаний учащихся и пути его совершенствования / И. Я. Лернер — М.: Педагогика, 1978. – 206 с.

A.P. Nagornyi, L.N. Temirkayaeva. Components of psychological readiness to counter corruption // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 463–468.

At the present stage of development of the Russian state, the problem of corruption is acquiring particularly threatening trends. Corruption-related crimes in the Russian Federation are committed quite often and regularly, despite the existence of anti-corruption measures. The issues of countering corruption manifestations are the subject of research in criminology, jurisprudence, legal psychology, etc. At the forefront of the fight against corruption are employees of the internal affairs bodies, whose professional activities are of a communicative nature. Constant communication with various categories of citizens is both productive and conflictual. This is due to the desire of certain categories of citizens to avoid responsibility for committed offenses.One of the methods of evading responsibility used by offenders is the use of corrupt behaviors that are implemented in the process of direct communication with employees. This leads to special requirements for the specifics of building communication processes in situations where corruption is possible. Therefore, employees of the internal affairs bodies are subject to special requirements for the level of their professional readiness to implement professional communication, taking into account the prevention of corruption.

Keywords: corruption, communication, employee, offenders, factors, anti-corruption, components.

Spisok literatury:

1.Bagmet, M. A. Protivodeystvie korrupsii v sisteme organov vnutrennix del / M. A. Bagmet. – M. : Yurlitinform, 2016. – 142 s.

2.Kovtunova, A. O. Organizasionnie i kadrovie meri profilaktiki korrupsionnoy prestupnosti v organax vnutrennix del / A. O. Kovtunova. — Tekst : neposredstvenniy // Molodoy ucheniy. — 2021. — № 7 (349). — S. 119-121. — URL: https://moluch.ru/archive/349/78618.

3. Boltenkov N.V. Formirovanie gotovnosti k professionalnoy deyatelnosti // Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka. – 2009. – № 2. – S. 87–89.

4. Levitov N.D. Psixologicheskaya xarakteristika. – M.: Prosveshenie, 1969. – 424 s.

5. Ilin E.P. Iskusstvo obsheniya. – M.: Pedagogika, 1982. – 110 s.

6. Chunosov M. A., Sareva. E. S. Professionalno-psixologicheskaya podgotovka sotrudnikov OVD: uchebnoe posobie Simferopol: Krimskiy filial Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii, 2017. – 108 s.

7. Androsova, V. V. Psixologicheskaya podgotovka kak odin iz sposobov formirovaniya psixologicheskoy gotovnosti sotrudnikov OVD k vipolneniyu professionalnoy deyatelnosti [Elektronniy resurs] / V. V. Androsova // Organizasiya obrazovatelnogo prosessa v uchrejdenii visshego obrazovaniya: nauchnie i metodicheskie aspekti : sbornik statey / Ministerstvo vnutrennix del Respubliki Belarus, uchrejdenie obrazovaniya «Mogilevskiy institut Ministerstva vnutrennix del Respubliki Belarus» ; – Mogilev : Mogilev. institut MVD, 2020. – S. 12–15.

8. A.I. Karanchevis, Osobennosti pravooxranitelnoy deyatelnosti OVD i professionalnaya gotovnost sotrudnikov k ee effektivnomu vipolneniyu // Akademicheskaya misl. – 2017 – №2. – S. 54-57.

9. Prikaz MVD RF ot 10 avgusta 2012 g. № 777 «Ob organizasii moralno-psixologicheskoy podgotovki v organax vnutrennix del Rossiyskoy Federasii»

10. Lerner I.Ya. Kachestvo znaniy uchashixsya i puti ego sovershenstvovaniya / I. Ya. Lerner — M.: Pedagogika, 1978. – 206 s.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 469–477.

УДК - 348.71

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ И МИССИОНЕРСТВО НЕЛЕГАЛЬНЫХ НЕТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ

Губанова Е. В., Ефанов В. Ю.
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»

Статья посвящена анализу нормативно-правовой базы в сфере миссионерской деятельности как специфически религиозной практики с акцентом на нетрадиционные религиозные движения, существующие в Российской Федерации. Актуализируется федеральное законодательство, как условия существования религиозного объединения в РФ. В ходе исследования рассматриваются нормы, регулирующие миссионерство. Отмечается, что после вступления в силу поправок № 375-ФЗ от 6 июля 2016 г. и № 374-ФЗ от 6 июля 2016 г. касающихся миссионерства некоторые религиозные объединения претерпели значительные трансформации в том числе и запрет организации. Делается вывод о повышенном внимании со стороны правоохранительных органов к миссионерству некоторых нетрадиционных религиозных движений так как их деятельность в большей степени может быть сопряжена с правонарушениями.

Ключевые слова: нетрадиционные религиозные движения, миссионерство, государственный контроль, профилактика террористической идеологии.

Современное государственное регулирование миссионерства религиозных объединений вызывает в общественном сознании много вопросов. С одной стороны, кто-то видит в контроле миссионерства – ущемление прав верующих на распространение своего вероучения, с другой, представители государственного аппарата усматривают угрозу целостности и безопасности государства в распространении новых вероучений через которые могут транслироваться далеко не религиозные идеи, влиянии из-за границы, через проповедников [1; 2; 3]. Именно поэтому стоит дать исчерпывающую характеристику контроля государства за религиозными объединениями, ведущими активную миссионерскую деятельность в Российской Федерации. Это требует разъяснений как со стороны специалистов-религиоведов, так и со стороны правоведов. А в контексте противодействия межконфессиональным конфликтам, распространению террористической и экстремистской идеологий этот вопрос обретает новое измерение в связи с геополитическими событиями.

Возможные причины, споров связаны с тем, что длительное время миссионерство отдавалась на откуп обстоятельств, и не регулировалось. Внутри общества успело сформироваться устойчивое представление, что так и должно быть всегда. С другой стороны – это связано с разделением религиозных объединений РФ на «традиционные» и «нетрадиционные». Последние, в свою очередь, чаще подвержены проверкам и санкциям со стороны государства. Что из себя представляет нетрадиционная религиозные движения (далее – НРД)?

В российской научной литературе нетрадиционной религиозностью принято называть часть религиозных объединений(сообщества), которые сформировались или начали свое существование с середины XX в., часто их именуют новыми религиозными движениями, что не всегда правильно. Можно выделить ещё одно понимание как религиозных традиций не характерных для какой-то территории, например, исторически сложилось что Крым не входит в ареал распространения буддизма. Таким образом те буддийские объединения, которые будут разворачивать свою

деятельность на крымском полуострове будут считаться для него нетрадиционными. По какой причине некоторые НРД претерпевают санкции и становятся нелегальными?

В РФ существует практика запрета религиозных объединений (организаций и групп) в случаях если деятельность последователей неоднократно нарушает гражданские свободы, нормы Конституции, а также норм российской конвенционной морали. Решение о ликвидации или запрете деятельности религиозного объединения возможно при несоответствии его деятельности ряду нормативных правовых актов, регулирующих сферу государственно-конфессиональных отношений. Так, в соответствии с Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 г. № 125 создание и деятельность религиозных объединений, цели и действия которых противоречат закону запрещается. Можно обобщить основания запрета или ликвидации религиозного объединения:

- неоднократное или грубое нарушение норм законодательства;
- деятельности, противоречащей целям создания объединения;
- нарушение общественной безопасности и общественного порядка;
- осуществление экстремистской деятельности;
- принуждение к разрушению семьи;
- посягательство на личность, права и свободы граждан;
- нанесение установленного ущерба нравственности, здоровью граждан, в том числе использованием в связи с их религиозной деятельностью наркотических и психотропных средств, гипноза, совершением развратных и иных противоправных действий;
- склонение к самоубийству или к отказу по религиозным мотивам от оказания медицинской помощи лицам, находящимся в опасном для жизни и здоровья состоянии;
- воспрепятствование получению обязательного образования;
- принуждение лиц к отчуждению принадлежащего им имущества в пользу религиозного объединения;
- воспрепятствование угрозой причинения вреда выходу гражданина из религиозного объединения;
- побуждение к отказу от исполнения гражданских обязанностей и совершению иных противоправных действий.

Необходимо акцентировать внимание на ситуацию, при которой ликвидация и запрет религиозного объединения осуществляется судом на том основании, что ее деятельность признается экстремистской, а миссионерство – экстремисткой деятельностью. В случае запрета деятельности религиозного объединения оно включается в список организаций с запрещенной деятельностью на территории государства: «Перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Структура государственной исполнительной власти ответственная за содержание данного перечня – Министерство Юстиции РФ.

Важно отметить, что террористическая деятельность является также средством нарушения государственной целостности. Поэтому религиозное объединение, ведущее подобную деятельность, может оказаться запрещена как террористическая и попасть по решению суда в «Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими». Ведение данного перечня находится в полномочиях ФСБ РФ.

В правоприменительной практике России существуют прецеденты отнесения религиозных организаций к террористическим или экстремистским организациям. Конкретные случаи мы опишем ниже.

Нормативным документом, влияющим на деятельность религиозного объединения на территории РФ, является Федеральный список экстремистских материалов. Также, как и перечень запрещенных экстремистских организаций, данный список находятся в ведении Министерства Юстиции. Религиозное объединение не имеет право в своей деятельности демонстрировать запрещенную символику, изучать, ссылаться на тексты, видео, аудиозаписи, находящиеся под запретом.

За совершение вышеуказанных действий наряду с гражданско-правовой ответственностью за причинение вреда, религиозные объединения несут административную ответственность, например, в соответствии со ст. 20.29. «Производство и распространение экстремистских материалов» КоАП РФ. Кроме того, физические лица, виновные в совершении противоправных деяний, могут быть привечены к уголовной ответственности, например, совершение преступления, предусмотренного ст. 282. «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» УК РФ.

Все вышесказанное в полной мере относится и к миссионерской деятельности, получившей правовую регламентацию в РФ в 2016 г. путем внесения изменений в Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях», который был дополнен Главой III.1. «Миссионерская деятельность». В СМИ данный закон получил название «Пакет Яровой-Озерова». Сам пакет был направлен на расширение антитеррористической и антиэкстремистской политики, а также контроль деятельности тех международных организаций, которые осуществляют деятельность на территории России. Этот контроль осуществлялся, в том числе и над миссионерской деятельностью религиозных объединений. В заключение Комитета Совета Федерации по обороне и безопасности сказано, «Федеральный закон вносит изменения в четырнадцать федеральных законов с целью создания дополнительных условий по защите гражданина и общества от актов терроризма, а также профилактики и предупреждения терроризма» [4]. В этой связи можно сделать вывод что в миссионерстве усмотрели не просто канал распространения экстремистской идеологии, но и само несогласованное миссионерство может является критерием экстремистской деятельности.

Таким образом, в национальном праве получила правовую регламентацию миссионерская деятельность, одним из важнейших элементов осуществления которой является соблюдение миссионерских принципов. Миссионерские принципы – это совокупность теоретических и практических экзистенциально-социальных установок, реализуемых для вовлечения в существующее религиозное учение. Другими

словами, это то, что позволяет быть миссионерству миссионерством. Однако, важно понимать, что внутри религиозных традиций принципы могут различаться.

Обязательным условием для достижения целей и задач, поставленных перед государством в сфере противодействия терроризму и недопущения проявлений экстремизма, является соблюдение требований закона. Законодатель видит сегодня в миссионерстве канал проникновения идей, которые могут навредить целостности государственного строя России и безопасности граждан.

Рассмотрим поподробнее что конкретно изменилось в миссионерском законодательстве и ответим на вопрос почему часть СМИ назвала этот закон вовсе «антимиссионерским» [5]. Основной причиной столь нелестных отзывов о новелле в законодательстве стала сама правовая регламентация миссионерства.

Во-первых, миссионерской деятельности дано законодательное определение. Ст. 24.1. Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» закрепляет следующее понятие миссионерской деятельности – деятельность религиозного объединения, направленная на распространение информации о своем вероучении среди лиц, не являющихся участниками (последователями) данного религиозного объединения, в целях вовлечения указанных лиц в состав участников (последователей) религиозного объединения, осуществляемая непосредственно религиозными объединениями либо уполномоченными ими гражданами и (или) юридическими лицами публично, при помощи средств массовой информации, информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" либо другими законными способами.

Во-вторых, ограничены места, где и в каких условиях может осуществляется миссионерство. Такими местами стали культовые сооружения, принадлежащие тем религиям от чьего имени, осуществляется миссионерство. Также сюда входят территория, находящаяся в собственности религиозной традиции (условная территория возле храма), крематории, кладбища, места паломничества, и в целом те места, где приняты религиозные обряды.

В-третьих, определён порядок проведения миссионерской деятельности. Более того, п. 6 ст. 24.2. закрепляет цели для достижения которых установлен запрет миссионерской деятельности. Во многом список схож с той деятельностью, которая может повлечь запрет религиозного объединения.

В-четвертых, законодатель установил запрет осуществления миссионерской деятельности от имени религиозного объединения, цели и действия которого противоречат закону, в том числе, ликвидированных по решению суда или деятельность которого приостановлена, или запрещена. На современном этапе, по вышеперечисленному признаку была отнесена религиозная организация «Свидетели Иеговы» и в результате запрещена на территории РФ, в том числе и по способу ведения миссионерства. Деятельность данной организации расценивается как экстремистская.

При осуществлении миссионерской деятельности цели и действия, которых запрещены законом предусмотрена административная ответственность. ч. 4 ст. 5.26 КоАП РФ предусматривает наложение административного штрафа на граждан в размере от пяти до пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц от ста тысяч до одного миллиона рублей. В итоге, если деятельность миссионера, как представителя религиозного объединения, несет противозаконный характер, наказание последует как в адрес миссионера, так и религиозному объединению как юридическому лицу.

Согласно «Кодексу об административных правонарушениях РФ» раздела II, главы 5, ст 5.26 «Нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях» пункта 3 в отношении печатных изданий, литературы, аудио- и видеоматериалы религиозных организаций должны быть маркированы полным, официальным наименованием, совпадающим с названием зарегистрированном в министерстве юстиций. Несоблюдение пункта данного закона влечет за собой административное наказание в виде штрафа и конфискацией материалов. В случае если наименование религиозной организации будет отличаться от официального, зафиксированного в министерстве юстиций, в адрес религиозного объединения последуют санкции со стороны государства.

ФЗ 125 ст. 20 второго пункта устанавливается статус иностранного гражданина: религиозные организации имеют исключительное право приглашать иностранных граждан в целях осуществления профессиональной религиозной деятельности, в том числе миссионерской деятельности, по трудовому или гражданско-правовому договору с данными организациями. В том случае, если деятельность приглашенного иностранца противоречит конституции РФ. На него, как физическое лицо, накладывается штраф с последующей выдворением за территорию РФ. А в адрес религиозной организации, как юридического лица, которое пригласило иностранного гражданина на территорию РФ, последует штраф за незаконные действия со стороны приглашенного.

В том числе стоит понимать, что в системе антиэкстремистского и антитеррористического законодательства есть ещё один важный элемент, на который стоит обратить внимание – это, уже упомянутая, маркировка религиозной литературы, которая будет распространятся. Необходимо указание её регистрационного номера. Это связывается с усилением контроля за информацией. С целью предотвращения и как можно меньшего попадания в свободный доступ литературы, дисков и иной продукции транслирующих идеологии распространяющие ценности иного мировоззрения, может привести к появлению внутри государства категории людей, думающих так, как если бы это совпадало с экстремистским содержанием религиозной деятельности, следовательно, носят противозаконный характер на территории РФ.

Важно отметить, что некоторые НРД попадали в список запрещенных, будь то экстремистские или террористические и претерпели санкции. Примером террористической организации, служит Аум Сенрикё. Представители этого движения вели активную деятельность в России и зарубежом. В последнем случае имелись прецеденты террористических акций, например, распыление газа зарина в токийском метро в 1995 г. В России она стала запрещенной на основании решения Верховного Суда РФ от 20.09.2016 г.

В качестве религиозного объединения, деятельность представителей которого была расценена как экстремистская, наиболее репрезентативным будет случай Свидетелей Иеговы. Так 16.08.2017 г. организация прекратила легальное существование в России и была внесена в список экстремистских организаций. Миссионерство на территории частного домовладения, запрет на переливание крови (в том числе, когда речь идёт о медицинских показаниях) физическая и психологическая безопасность последователей послужили поводом для запрета организации.

В целом миссионерская природа их поведения способствовала тому, что деятельность этих организации запрещена в РФ после «поправок Яровой» [6]. Что, собственно, и произошло? Запрещено было не вероучение, а организация.

Исходя из государственного регулирования активности религиозных объединений мы можем выделить три группы:

1) Те религиозные объединения, которые лояльны к требованиям законов России (обычно, это крупные и централизованные религиозные организации, где есть юридические отделы, контролирующие данный вопрос);

2) Религиозные объединения, которые по разным причинам имеют прецеденты нарушения закона ФЗ №125, в части незаконного миссионерства (Например, случаи, когда миссионерство осуществляется без должного документального сопровождения или в неположенном месте, как это было осуществлено представителями Фулун Дафа в Крыму [7]);

3) Религиозные объединения, имеющие нелегальный статус в РФ. (их деятельность может быть прекращена решением суда, как это случилось с организацией Свидетели Иеговы [8]; они могут существовать по факту, но не вступивших в правовые отношения с государством, либо представлять себя как другой тип некоммерческой организации).

Теперь рассмотрим, как описанные нормативные документы отразились на конфессиональном поле России и какое место среди них занимают НРД оказавшиеся за чертой легальности. Нелегальные НРД – это религиозные объединения, в деятельности которых есть правовой изъян. Отсутствие оформленных правовых отношений с государством автоматически переводит любое религиозное объединение в разряд нелегальных.

Известно, что цель любого миссионерства – обращение в веру, приобщение к религии или к церкви. Активность или сам факт наличия миссионерской деятельности, имеющей долгую историю вовлечения верующих, можно считать одним из признаков или даже критериев оценивания жизнеспособности религии. То есть, миссионерство можно считать мерилом актуальности предлагаемых верований и признаком способности религиозной организации работать с целевой аудиторией, отвечать ее настроениям и запросам. Что представляет собой миссионерство как деятельность?

Миссионерство бывает внутреннее и внешнее. Внутреннее миссионерство направлено на укрепление веры среди представителей, которые уже были обращены и продолжают углублять и совершенствовать свой опыт веры. Внутренняя миссия направлена в общину, в последователей. Например, популярная с 90-х годов практика – устраивать катехизаторкие курсы. Представителей православной паствы просвещают в нюансах православного вероучения, делает это как правило более опытный наставник, чаще всего священник, имеющий авторитет. Подобные курсы встречаются в исламской среде – чтение Корана, основы ислама, и т.д. В иудейских общинах практикуют чтение недельной главы на шаббате, где самый авторитетный и знающий представитель толкует её для других, менее знающих текст Торы членов общины. Подобные практики повсеместно встречаются.

Представители НРД также занимаются внутренним миссионерством. Например, лагеря у моря как бы с целью семейно-общинного отдыха у моря с разнообразной просветительской программой, чтением религиозных текстов. Такие лагеря устраи-

вали последователи Международного общества сознания Кришны. Организация семинаров до пандемии COVID-19. В целом, внутреннее миссионерство имплицитно присутствует почти всегда, когда мы имеем дело с встречей священнослужителя религии с верующими. Цель таких встреч, в том числе и миссионерская, может быть сведена в одному положение – упрочить веру последователя. О том в каком виде может происходить миссионерство мы уже писали [9].

Мы рассмотрели основные пункты возможного нелегального миссионерства – те нормы, которые так или иначе связаны с трансляцией ценностных установок, побуждающих к действиям незаконного характера. Охарактеризовав и рассмотрев параметры и критерии миссионерства – как практики присущей только религиозному сообществу. Стоит реконструировать основные принципы осуществления миссионерства данной категорией нетрадиционной религиозности. И, таким образом, выявить основную систему мотиваций, толкающую последователей НРД миссионерскую деятельность являющуюся противозаконной.

Известно прецеденты в России после запрета Свидетелей Иеговы, когда возвещателей – именно так называют миссионеров в рамках их религиозного учения – задерживали за незаконное миссионерство [10; 11]. Стоит задуматься, едва ли возвещатели не в курсе что их организация запрещена. Таким образом попробуем реконструировать мотивацию осуществления миссионерства в условиях запрета организации.

Возможность осуществления миссии под страхом быть обнаруженным рождает, по мнению авторов два сценария, которые подразделяются в свою очередь ещё на ряд пунктов:

Личные амбиции:

- личный духовный рост;
- продвижение по служебной лестнице в организации, например, в случае Свидетелей Иеговы быть старейшиной;
- стремление спасать других – ведь согласно их вероучению, когда будет Апокалипсис спасутся только избранные 144000 из числа последователей.

Давление старейшин

- Сформировать образ «гонимых за веру» (важный элемент внешнеполитического давления на имидж страны, недружественные страны могут указывать на отсутствие веротерпимости в стране – страна, в которой притесняются права на свободу вероисповедания – обычная риторика);
- Мученичество (стремление сформировать образ тех, кого преследуют, штрафуют, садят в тюрьму вызывает сочувствие у единоверцев и тогда возникает необходимость защитить или поступить по их примеру ради веры);
- Стремление добыть информацию несмотря ни на что (важно пояснить, что иногда, религия может исполнять не только прямые религиозные нужды, но и сопутствующую деятельность, направленную на сбор информации о внутриполитическом климате государства. Возможно, даже некоторые иностранные миссионеры выступали информантами для спецслужб государств относящихся к не дружественным).

Исходя из описанного стоит сказать, что в чистом виде эти сценарии не встретить. Они носят комбинированный характер. Так как и тот и другой реализуются в паре, но одна из мотиваций будет доминирующей.

В заключении рассмотрения вопроса государственного регулирования миссионерства в среде нелегальных НРД отметим, что в российском законодательстве с появлением норм регулирующих миссионерскую практику религиозных объединений отчетливо видна растущая динамика санкций. Нелегальное миссионерство может иметь как экстремистский характер, когда речь идет о запрещенном религиозном объединении, так и административным правонарушением, когда миссионерская деятельность не согласована с соответствующими органами. В целом можно сказать, что ревизия с уточнением деятельности НРД со силовых структур наблюдается устойчивая. Подтвердить данный тезис можно обратив внимание на судебные разбирательства по делу Церкви Последнего Завета и её последующее исключение из ЕГРЛЮ (дата исключения 03.05.2023). Это свидетельствует, что внимание в сторону НРД связано с мерами государственной безопасности.

Список литературы:

1. От религиозного бума к Закону Яровой: атеизм без атеизма и православие без православия // Сетевое издание Религия и Право. URL: http://www.sclj.ru/analytics/glavred/detail.php?ELEMENT_ID=7333 (дата обращения: 15.12.2023).
2. РПЦ: Неадекватное применение «пакета Яровой» — вина отдельных чиновников // Ридус. URL: https://www.ridus.ru/rpc--neadekvatnoe-primenenie-paketa-yarovoj---vina-otdelnyh-chinovnikov-232154.html (дата обращения: 15.12.2023).
3. «Закон Яровой» предложили отделить от религии // Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/01/25/674856-zakon-yarovoi-religii (дата обращения: 15.12.2023).
4. «Закон Яровой» предложили отделить от религии // Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/01/25/674856-zakon-yarovoi-religii (дата обращения: 15.12.2023).
5. Закон «о миссионерской деятельности» подписан президентом РФ // Русская Вера URL: https://ruvera.ru/articles/zakon_o_missionerstve (дата обращения 23.12.2023).
6. Федеральный закон "О внесении изменений в Федеральный закон "О противодействии терроризму" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности" от 06.07.2016 N 374-ФЗ (последняя редакция) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_201078/
7. Грива, О. А. Новое религиозное движение Фалуньгун: особенности незаконной миссионерской деятельности в Крыму / О. А. Грива // Труды Таврической духовной семинарии : Сборник трудов. Том Выпуск 1. – Симферополь : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2020. – С. 35-45.
8. Перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Министерство юстиции Российской Федерации. URL: https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/ (дата обращения 23.12.2023).
9. Ефанов, В. Ю. К типологии миссионерства: современные реалии / В. Ю. Ефанов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2020. – Т. 6 (72), № 2. – С. 125-134.
10. "Свидетели Иеговы"* ведут скрытую миссионерскую деятельность в Крыму – эксперт // РИА НОВОСТИ Крым URL: https://crimea.ria.ru/20190404/1116360564.html (дата обращения 23.12.2023).
11. Кузьмин Александр Валерьевич, Домрачев Александр Викторович Последние изменения в секте "Свидетелей Иеговы" после ее запрета в России // Труды СПДС. 2020. №14.

Gubanova E. V., Efanov V. YU. State control and missionary of illegal non-traditional religious movements // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 469-477.

This article is devoted to the analysis of the regulatory framework in the field of missionary activity as a specifically religious practice with an emphasis on non-traditional religious movements that exist in the Russian Federation. Federal legislation that affects the activities of religious associations is being updated. The study examines the norms governing missionary work. It is noted that after the entry into force of amendments No. 375-FZ of July 6, 2016 and No. 374-FZ of July 6, 2016 concerning missionary work, some religious associations underwent significant transformations, including the ban on the organization. It is concluded that law

enforcement agencies are paying increased attention to the missionary activities of some non-traditional religious movements, since their activities may be more associated with offenses.

Key words: non-traditional religious movements, missionary work, state control, prevention of terrorist ideology.

Spisok literatury:

1. Ot religioznogo buma k Zakonu YArovoj: ateizm bez ateizma i pravoslavie bez pravoslaviya // Setevoe izdanie Religiya i Pravo. URL: http://www.sclj.ru/analytics/glavred/detail.php?ELEMENT_ID=7333 (data obrashcheniya: 15.12.2023).
2. RPC: Neadekvatnoe primenenie «paketa YArovoj» — vina otdel'nyh chinovnikov // Ridus. URL: https://www.ridus.ru/rpc--neadekvatnoe-primenenie-paketa-yarovoj---vina-otdelnyh-chinovnikov-232154.html (data obrashcheniya: 15.12.2023).
3. «Zakon YArovoj» predlozhili otdelit' ot religii // Vedomosti. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/01/25/674856-zakon-yarovoi-religii (data obrashcheniya: 15.12.2023).
4. «Zakon YArovoj» predlozhili otdelit' ot religii // Vedomosti. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/01/25/674856-zakon-yarovoi-religii (data obrashcheniya: 15.12.2023).
5. Zakon «o missionerskoj deyatel'nosti» podpisan prezidentom RF // Russkaya Vera URL: https://ruvera.ru/articles/zakon_o_missionerstve (data obrashcheniya 23.12.2023).
6. Federal'nyj zakon "O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon "O protivodejstvii terrorizmu" i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v chasti ustanovleniya dopolnitel'nyh mer protivodejstviya terrorizmu i obespecheniya obshchestvennoj bezopasnosti" ot 06.07.2016 N 374-FZ (poslednyaya redakciya) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_201078/
7. Griva, O. A. Novoe religioznoe dvizhenie Falun'gun: osobennosti nezakonnoj missionerskoj deyatel'nosti v Krymu / O. A. Griva // Trudy Tavricheskoj duhovnoj seminarii : Sbornik trudov. Tom Vypusk 1. – Simferopol' : Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Izdatel'stvo Tipografiya «Arial», 2020. – S. 35-45.
8. Perechen' obshchestvennyh ob"edinenij i religioznyh organizacij, v otnoshenii kotoryh sudom prinyato vstupivshee v zakonnuyu silu reshenie o likvidacii ili zaprete deyatel'nosti po osnovaniyam, predusmotrennym Federal'nym zakonom ot 25.07.2002 № 114-FZ «O protivodejstvii ekstremistskoj deyatel'nosti» // Ministerstvo yusticii Rossijskoj Federacii. URL: https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/ (data obrashcheniya 23.12.2023).
9. Efanov, V. YU. K tipologii missionerstva: sovremennye realii / V. YU. Efanov // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya. – 2020. – T. 6 (72), № 2. – S. 125-134.
10. "Svideteli Iegovy"* vedut skrytuyu missionerskuyu deyatel'nost' v Krymu – ekspert // RIA NOVOSTI Krym URL: https://crimea.ria.ru/20190404/1116360564.html (data obrashcheniya 23.12.2023).
11. Kuz'min Aleksandr Valer'evich, Domrachev Aleksandr Viktorovich Poslednie izmeneniya v sekte "Svidetelej Iegovy" posle ee zapreta v Rossii // Trudy SPDS. 2020. №1.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 478–481.

УДК 342.733

ПРАВА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ: ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Евтушенко В. И., Курилова Н. В.

Процесс адаптации и ассимиляции иностранных граждан и лиц без гражданства, особенно лиц несовершеннолетнего возраста, напрямую зависит действенного функционирования системы их обучения и обеспечения всех преференций желающим мигрантам, временно пребывающим или постоянно проживающим на территории Российской Федерации, изучать русский язык, узнать поближе нашу страну, её историю и культуру. В тоже время при реализации права детей мигрантов на получение образования в Российской Федерации возникает ряд проблем. Среди них, например, неурегулированность правового статуса несовершеннолетнего иностранного гражданина или лица без гражданства на территории Российской Федерации, низкий уровень владения несовершеннолетними мигрантами русским языком при их приеме в школу и т. д. Авторы рассматривают основные направления решения данных проблем.

Ключевые слова: миграция, мигрант, правовой статус, несовершеннолетний иностранный гражданин или лицо без гражданства, адаптация, ассимиляция, право на образование, русский язык.

Вопросы, связанные с международной миграцией, особенно с нелегальной её частью в конце XX – начале XXI вв. превратилась в действительно глобальную, мировую проблему. С ней столкнулись практически все экономически развитые страны мира и Российская Федерация здесь не исключение. И необходимо отметить, что проблемы, связанные с данным вопросом, только нарастают. Так, например, в соответствии со статистическими данными, характеризующими деятельность Главного управления по вопросам миграции МВД РФ и его территориальных органов только за январь – декабрь 2023 г. существенно, почти в полтора раза (+42,4%) возросло количество иностранных граждан, преимущественно из Китая, Вьетнама, Индии, Турции, прибывших в Россию в визовом порядке с целью осуществления трудовой деятельности [1].

Нелегальная миграция и сопутствующие ей процессы – террористические угрозы, криминальная составляющая, наркотрафик, незаконная торговля оружием и т. д. – всегда были центром пристального интереса правоохранительных органов, но объектом особого внимания со стороны общества и государства стали после трагических событий, связанных с террористическим актом в «Крокус Сити Холле», произошедшим 22.03.2024 г. Хладнокровный расстрел невинных граждан, последовавший за этим пожар, также вызвавший многочисленные жертвы, и то, что за ним стояли иностранные граждане, поднял в российском обществе мощную антимигрантскую волну. Из различных кругов выдвигаются многочисленные предложения по ужесточению режима пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, ужесточению наказания за нарушение данной категорией мигрантов правил пребывания на территории нашей страны и другие нарушения уголовного и административного законодательства РФ. Подобные предложения зачастую не учитывают правовые нормы, заложенные в Конституции РФ, других международных и российских нормативных актах или не учитывают уязвимое положение некоторых категорий мигрантов.

Среди них, например, иностранные граждане и лица без гражданства, ищущие убежище на территории РФ, или такая категория, как несовершеннолетние мигранты. Данная категория составляет значительный процент от всех мигрантов, находящихся на территории других стран. В соответствии со статистическими выкладками ЮНИСЕФ по состоянию на 2020 г. их численность насчитывала порядка 36 млн [2].

Россия здесь также не является исключением. Например, в РФ по некоторым оценкам в 2020 г. доля несовершеннолетних в общей массе мигрантов составляла 21.6%, причем наиболее тревожным фактором стало резкое возрастание их количества в процентном отношении к общему количеству мигрантов, находящихся на территории страны практически в два с половиной раза всего за одно десятилетие (например, в 2011 г. на территории России процентное соотношение несовершеннолетних мигрантов к их общему количеству составляло всего 8.9% [3, с. 148]). Подобная ситуация порождает ряд правовых неопределенностей при регулировании режима нахождения данной категории мигрантов на территории РФ, связанных как раз с уязвимостью их положения. С одной стороны, в соответствии Конституцией РФ иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в РФ правами и несут обязанности наравне с гражданами РФ [4]. Такое же положение закреплено и в основополагающем для иностранных мигрантов Федеральном законе РФ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [5]. Т.е., в РФ законодатель не выделяет правовой статус несовершеннолетнего мигранта в отдельную категорию, включая их в общую правовую категорию мигрантов [6].

Из правовой неурегулируемости данного вопроса в правовой системе нашей страны вытекает ряд проблем, при которых отсутствие законодательного закрепления правового статуса несовершеннолетнего мигранта в правовом поле РФ порождает проблемы в регулировании отдельными государственными структурами и правоохранительными органами режима пребывания и проживания данной категории мигрантов на территории нашего государства [7]. Таких проблем несколько, но в рамках данной статьи мы рассмотрим только один вопрос, связанный с правовым режимом несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства, временно пребывающими или проживающими на территории РФ в сфере образования.

В соответствии с Конституцией РФ каждый находящийся на территории РФ имеет право на образование. Незыблемость данного положения не подвергается сомнению и всячески поддерживается руководством нашей страны как важной составляющей процесса адаптации мигрантов на территории РФ. Так, на заседании Совета по реализации государственной политики в сфере поддержки русского языка и языка народов России Президентом РФ В.В. Путиным было заявлено о необходимости обеспечения всех преференций желающим изучать русский язык, узнать поближе нашу страну, её историю и культуру. Президентом РФ была поставлена Минобрнауки задача быстрейшего решения ряда неотложных задач.

Среди них насущная потребность определения и нормативного закрепления различных уровней владения русским языком, которые должны обеспечить реальные потребности работодателей и мигрантов при их трудоустройстве с учётом всего комплекса профессиональных требований, обеспечить возможность повседневного общения и т. д. Эти меры по обязательному обучению мигрантов и проверке уровня владения ими русским языком, знанием истории и культурных

обычаев России, основ законодательства РФ должны учитывать целый комплекс требований, связанных с необходимостью учета добровольности и заинтересованности мигрантов в овладении всем данным комплексом знаний, умений и навыков. Для выработки единых требований к процессу обучения и к конечному результату по его итогам Президентом РФ была поставлена задача выработки единого федерального алгоритма работы с детьми приезжающих иностранных мигрантов, не владеющими или слабо владеющими русским языком [8]. Данная задача связана, прежде всего, с необходимостью интеграции детей мигрантов в российское общество. Недостаточный уровень адаптации и ассимиляции иностранных мигрантов в настоящий момент напрямую связан с низким процентом вовлеченности детей мигрантов в систему российского школьного образования. По состоянию на 2021 г. она составила только 140 тыс. из 800 тыс. детей мигрантов (17.5%) [3, с. 152].

При реализации права детей мигрантов на получение образования в РФ возникает ряд проблем. Среди них, например, проблема правового регулирования приема и продолжения обучения в начальных и средних учебных заведениях несовершеннолетних мигрантов, находящихся на территории РФ с нарушением режима пребывания и проживания. Также в процессе обучения на начальном этапе часто возникают вопросы, связанные с низким уровнем владения несовершеннолетними мигрантами русским языком при их приеме в школу, что создает проблемы как остальным обучающимся, так и сложности при обучении самого несовершеннолетнего мигранта [9]. Соответственно, необходимо создания системы подготовки такого рода детей мигрантов к школе и т. д.

По нашему мнению, необходимо ввести минимальные обязательные требования к владению русским языком к лицам, пребывающим для дальнейшей деятельности в Россию по потребностям независимо от возраста, в особенности приезжающих для получения образования на новых территориях нашей страны. Это будет упрощать работу всех взаимодействующих с мигрантами лиц, повышать качество их последующей работы с иностранными гражданами, тем самым уменьшая затраты государства для создания условия для приобретения первоначальных навыков общения иностранцев в России.

В заключении укажем, что в сфере образования имеются проблемы у иностранных несовершеннолетних лиц, которые желают обучаться в РФ. Несмотря на то, что в соответствии с нормами международного права и действующего законодательства РФ право на образование абсолютно для детей-мигрантов, у указанной категории лиц возникают большие сложности в усвоении программы образования, что также влечет негативные последствия. Также, считаем обязательным законодательно закрепить категорию «несовершеннолетних иностранных лиц», вместе с чем установив их статус, при этом на всех уровнях будет проще организовать с ними работу при наличии сдачи минимальных требований по знанию русского языка, норм, культуры и обычаев при въезде в РФ.

Список литературы:

1.Результаты деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь – декабрь 2023 года. – URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/47183542/

2.Данные ЮНИСЕФ: Мониторинг положения детей и женщин. – URL: https://data.unicef.org/topic/child-migration-and-displacement/migration/

3.Реализация права на образование детьми с миграционной историей: российские практики и зарубежный опыт / Н. В. Варламова, Т. А. Васильева, Е. А. Сорокина, В. И. Чехарина // Государство и право. – 2024. – № 7. – С. 141-154.
4.Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 года) // Российская газета от 25 декабря 1993 года № 237.
5.Федеральный закон Российской Федерации от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 9 ноября 2024 года № 377-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.
6.Дуюн, С.И. Об определении общего правового статуса мигранта. / С.И. Дуюн, В.И. Евтушенко // Современное право. – 2015. – № 5. – С. 35-39.
7.Зинченко, Е.Ю. Особенности правового статуса несовершеннолетних мигрантов, находящихся на территории Российской Федерации / Е.Ю. Зинченко, И.О. Кириллов // Международный журнал конституционного и государственного права. – 2023. – №2. – С. 40-43.
8.Заседание Совета по реализации госполитики в сфере поддержки русского языка и языков народов России. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/75495.
9.Плющ И.В. Сложности развития личности несовершеннолетних из семей мигрантов / И.В. Плющ // News of science and education. – 2017. – Том 12. №2. – С. 50-52.

V. I. Evtushenko, N.V. Kurilova. Rights of minor foreign citizens and stateless persons in the sphere of education: implementation issues // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 478-481.

The process of adaptation and assimilation of foreign citizens and stateless persons, especially minors, directly depends on the effective functioning of their education system and the provision of all preferences to migrants who are temporarily staying or permanently residing in the territory of the Russian Federation, who wish to study the Russian language, get to know our country, its history and culture better. At the same time, a number of problems arise in the implementation of the right of migrant children to receive an education in the Russian Federation. Among them, for example, the unsettled legal status of a minor foreign citizen or stateless person in the territory of the Russian Federation, the low level of proficiency of minor migrants in the Russian language upon their admission to school, etc. The authors consider the main directions for solving these problems.

Key words: migration, migrant, legal status, minor foreign citizen or stateless person, adaptation, assimilation, right to education, Russian language.

Spisok literatury:

1.Rezul'taty deyatel'nosti podrazdelenij po voprosam migracii territorial'nyh organov MVD Rossii za yanvar' – dekabr' 2023 goda. – URL: https://mvd.rf/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/47183542/
2.Dannye YUNISEF: Monitoring polozheniya detej i zhenshchin. – URL: https://data.unicef.org/topic/child-migration-and-displacement/migration/
3.Realizaciya prava na obrazovanie det'mi s migracionnoj istoriej: rossijskie praktiki i zarubezhnyj opyt / N. V. Varlamova, T. A. Vasil'eva, E. A. Sorokina, V. I. CHekharina // Gosudarstvo i pravo. – 2024. – № 7. – S. 141-154.
4.Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 goda s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01 iyulya 2020 goda) // Rossijskaya gazeta ot 25 dekabrya 1993 goda № 237.
5.Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 25 iyulya 2002 goda № 115-FZ «O pravovom polozhenii inostrannyh grazhdan v Rossijskoj Federacii» (v red. Federal'nogo zakona ot 9 noyabrya 2024 goda № 377-FZ) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2002. № 30. St. 3032.
6.Duyun, S.I. Ob opredelenii obshchego pravovogo statusa migranta. / S.I. Duyun, V.I. Evtushenko // Sovremennoe pravo. – 2015. – № 5. – S. 35-39.
7.Zinchenko, E.YU. Osobennosti pravovogo statusa nesovershennoletnih migrantov, nahodyashchihsya na territorii Rossijskoj Federacii / E.YU. Zinchenko, I.O. Kirillov // Mezhdunarodnyj zhurnal konstitucionnogo i gosudarstvennogo prava. – 2023. – №2. – S. 40-43.
8.Zasedanie Soveta po realizacii gospolitiki v sfere podderzhki russkogo yazyka i yazykov narodov Rossii. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/75495.
9.Plyushch I.V. Slozhnosti razvitiya lichnosti nesovershennoletnih iz semej migrantov / I.V. Plyushch // News of science and education. – 2017. – Tom 12. №2. – S. 50-52.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 482–486.

УДК 342

ИНСТИТУТ ОМБУДСМЕНА ДАНИИ. ПРАВОВАЯ БАЗА И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Хрущев Р. С., Кошкин А. С.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

В статье рассмотрен процесс правовой организации деятельности омбудсменов Дании и Гренландии. Указано, что институт омбудсмена один из наиболее первых подобных институтов в Западной Европе появился в после Второй мировой войны в связи с принятием конституции Дании 1953 г. В статье отмечена важность роли омбудсменов парламентов Дании и Гренландии в сохранении и соблюдении законности, конституционных прав и обязанностей граждан, в том числе находящихся в местах лишения и ограничения свободы. Особо следует отметить: а) предусмотренный законодательно механизм обеспечения независимости омбудсмена, заключающейся в достаточно сложной процедуре его увольнения; б) материальную и социальную защищенность института омбудсмена; в) длительный опыт Дании в организации деятельность института омбудсмена как в самой Дании, так и ее самоуправляющихся территориях – Гренландии и Фарерских островах.

Ключевые слова: омбудсмен, Дания, Гренландия, институт, проверка, права, гарантия, исполнительный указ, приказ.

Одним из важнейших органов защиты прав человека в большинстве демократических стран сегодня является парламентский омбудсмен. Не является исключением и Дания, закон об омбудсмене, на основании конституции 1953 г. принят в 1954 г. [1; 2]. В последующий период законодательство, регулирующее деятельность омбудсмена в Дании практически оставалось неизменным, вплоть до принятия нового закона в 1996 г. [3].

Данный факт, с одной стороны, говорит о стабильности в деятельности данного института, а с другой – о недостаточно оперативном реагировании со стороны датского законодателя на появление совершенно нового уровня задач, стоявших перед датским омбудсменом в связи с появлением домашнего самоуправления Гренландии в 1978 г. и развитие ее институтов, в том числе органов административной, судебной и исполнительной власти [4].

Создание по закону 1978 г. парламента Гренландии (законом от 7.05.1979) поставило проблему деятельности или наличия собственно гренландского омбудсмена на совершенно иной уровень [5].

В тоже время расширение прав и сферы действия самоуправления по акту 2008 г. [6], с учетом эволюции гренландской системы исполнения наказаний [7] тем более предполагало наличие собственного, гренландского омбудсмена.

Действующее в Гренландии законодательство позволяет обратится к омбудсмену в случае несогласия граждан с действиями органов власти самоуправления, местных муниципалитетов, и т.п. Также омбудсмен имеет право принимать жалобы на частных лиц и частные же компании; органы, принадлежащие датскому государству (полиция, суды, служба тюрем и пробации, и т.п.).

Для осуществления своих полномочий, омбудсмену парламента Гренландии, безусловно, необходим определенный штат сотрудников. По состоянию на конец 2006 г. штат омбудсмена составлял такие должности: главный судья (Retschef), главный переводчик, переводчик, 4 клерка, офисный служащий.

Вопросы, которыми занимались в 2006 г.: посещение парламента и министра юстиции Дании по вопросам доклада юридической комиссии, вопрос судебного контроля со стороны административных органов Гренландии; общение с представителями Европейского верховного комиссара по правам человека; Встреча с Советом по социальным апелляциям по поводу сомнений относительно ограничений апелляции и социальное законодательство и т.п. [8].

Исполнительный приказ по Гренландии о законе о парламентском омбудсмене от 10.11.2021 г. [9], базирующийся на нормах закона № 473 от 12.06. 1996 г. о Парламентском омбудсмене с поправками, внесенными Законом № 556 от 24.06.2005 г., и следующими поправками, регулирует порядок и вопросы назначения и увольнения омбудсмена; максимальный срок его полномочий – 10 лет (§ 1.2); запрет на выполнение обязанностей омбудсмена со стороны членов датского парламента, муниципальных советов и региональных советов (§ 2.1); уровень образования (§ 2.2); увольнения, отставки (§§3-6).

К компетенции омбудсмена закон относит все сферы государственного управления, находящиеся в ведении национальных властей; условия содержания лиц, лишенных свободы в частных учреждениях и т.д., если лишение свободы произошло по решению национального органа власти, по просьбе национального органа власти, с согласия или молчаливого согласия национального органа власти. Кроме того, деятельность омбудсмена включает условия содержания детей в частных учреждениях и т.д., которые выполняют задачи непосредственно в отношении детей в областях, относящихся к компетенции национальных властей (§ 7.1).

В тоже время, деятельность омбудсмена не распространяется на суды (§ 7.2); не имеет право рассматривать жалобы на советы, которые удовлетворительным образом решают споры между частными лицами, даже если данный совет в других отношениях считается принадлежащим к государственной администрации (§7.3).

Если компании, учреждения, ассоциации и т.д. на основании закона, принятого датским парламентом, или административного решения, принятого государственным органом, полностью или частично подпадают под правила и принципы, которые применяются к государственной администрации, омбудсмен мог решить, что данные органы в той же степени быть охваченными деятельностью омбудсмена (§ 4.7).

Что касается отношений омбудсмена с фолькетингом (гл. 3), то закон устанавливает, что омбудсмен независим от парламента при выполнении своих обязанностей. В тоже время, парламент устанавливает общие положения о деятельности омбудсмена (§ 10), а тот, в свою очередь, представляет ему ежегодно отчет о своей деятельности (§ 11.1).

Кроме того, омбудсмен уведомляет парламент или министра о каком-либо деле, или если освещает дело в своем ежегодном докладе, уведомление или доклад должны содержать информацию о том, что орган власти или лицо, о котором идет речь, заявили в свою защиту (§ 11.2).

Если же омбудсмену в особых случаях становится известно о недостатках применимых законов или административных положений, он должен уведомить об этом парламент Дании и соответствующего министра (§ 12.1).

В связи со своей деятельностью омбудсмен также должен контролировать соответствуют ли действующие законы или административные положения, в частности

с международными обязательствами Дании по обеспечению прав детей, включая Конвенцию ООН о правах ребенка. Если омбудсмену становится известно о недостатках, он должен уведомить об этом датский парламент и соответствующего министра (§ 12.2).

Жалобы на органы власти или учреждения, могут подаваться Омбудсмену любым лицом. Также, любой человек, лишенный свободы, имеет право обратиться к омбудсмену с закрытым письмом (§ 13.1), но такая жалоба должна содержать данные подписчика (§ 13.2).

Именно омбудсмен решает, дает ли жалоба достаточные основания для проведения расследования (§ 16.1), а если жалоба не дает омбудсмену оснований для критики, рекомендаций и т. д., дело может быть закрыто без предварительного направления омбудсменом жалобы в соответствующий орган для комментариев (§ 16.2).

Кроме рассмотрения жалоб, омбудсмен может возбудить дело для расследования по собственной инициативе (§ 17.1); проводить общие расследования в отношении рассмотрения дел в органах власти (§ 17.1); провести расследование в любом учреждении или предприятии, а также на любом рабочем месте, которое относится к сфере деятельности омбудсмена. В связи с таким расследованием омбудсмен может, помимо того, что следует из § 21, оценивать вопросы, касающиеся организации и функционирования учреждения или органа власти, а также вопросы, касающиеся обращения и деятельности пользователей учреждения или органа власти, с общей гуманитарной точки зрения (§ 18.2).

В свою очередь, органы власти и т.д., на которые распространяется деятельность омбудсмена, обязаны предоставлять омбудсмену информацию и передавать документы и т. д. по требованию омбудсмена (§19, п. 1); омбудсмен может потребовать, чтобы органы власти и т.д., на которые распространяется на которые распространяется деятельность омбудсмена, письменных заявлений (§ 19.2); может вызывать лиц для дачи показаний в суде по вопросам, имеющим значение для расследований (§ 19.3). В тоже время, такие заявления следует производить в соответствии с правилами, изложенными в разделах 346-349 Закона об отправлении правосудия в Гренландии.

Кроме того, омбудсмен может инспектировать любое место работы и имеет доступ во все помещения (§ 19.4); может в любое время, при наличии надлежащего удостоверения личности и без постановления суда, инспектировать частные учреждения и т. п., в которых лица лишены или могут быть лишены свободы, см. второе предложение раздела 7(1), а также частные учреждения и т. п., которые выполняют задачи, непосредственно связанные с детьми, см. третье предложение раздела 7(1) (§ 19.2).

Омбудсмен не может критиковать, давать рекомендации и т.д. до тех пор, пока соответствующий орган или лицо не получит возможность высказать свои замечания (§20.1); может решить, что заключение, заявление или доклад и их предварительные варианты, а также консультационные письма и ответы властей на консультации не подлежат доступу к документам до следующего дня после того, как окончательного заключения, заявления или доклада, а также консультационных писем и ответов на консультации не подлежат доступу к документам до следующего дня после направления окончательного заключения, заявления или доклада в соответствующий орган (§ 20.2).

Также закон, регулирующий деятельность омбудсмена, содержит нормы, регулирующие вопросы оценки и реакции со стороны органов власти, лиц и т.п. (§21); может критиковать, давать рекомендации и иным образом иным образом выражать свое мнение по делу (§22); может рекомендовать предоставление бесплатной юридической помощи в связи с вопросами, охватываемыми деятельностью Омбудсмена (§23); уведомлять об ошибках в работе государственной администрации (§24).

Кроме того, именно омбудсмен нанимает и увольняет своих собственных сотрудников. Их количество, зарплата и пенсия определяются в соответствии с правилами, содержащимися в регламенте парламента. Расходы на содержание аппарата оплачиваются из бюджета фолькетинга (§26).

Он может принять решение о том, чтобы один из сотрудников временно выполнять функции омбудсмена на временной основе (§27); обязан соблюдать конфиденциальность в отдельных вопросах (§ 28) [10].

Исполнение обязанностей собственно омбудсмена и членами его аппарата отражается в отчетах и докладах, в том числе в вопросах проверки и контроля деятельности соответствующих мест исполнения наказаний в Гренландии [11-13].

Таким образом, в ходе проведенного исследования можно отметить важность роли омбудсменов парламентов Дании и Гренландии в сохранении и соблюдении законности, конституционных прав и обязанностей граждан, в том числе находящихся в местах лишения и ограничения свободы. Особо следует отметить: а) предусмотренный законодательно механизм обеспечения независимости омбудсмена, заключающейся в достаточно сложной процедуре его увольнения; б) материальную и социальную защищенность института омбудсмена; в) длительный опыт Дании в организации деятельность института омбудсмена как в самой Дании, так и ее самоуправляющихся территориях – Гренландии и Фарерских островах.

Список литературы:

1.L 112 Lov om folketingets ombudsmand. – URL: https://www.folketingstidende.dk/samling/19531/lovforslag/L112/index.htm#:~:text=L%20112%C2%A0Lov%20om%20folketingets%20ombudsmand (дата обращения: 28.11.2024)
2.Betænkning over forslag til lov om folketingets ombudsmand. (Afgivet af udvalget don 12. maj 1954). – URL: 19531_L112_betaenkning.pdf (дата обращения: 28.11.2024)
3.Закон No 473 от 12 июня 1996 г. об омбудсмене парламента Дании (ombudsmanden.dk) – URL: Закон No 473 от 12 июня 1996 г. об омбудсмене парламента Дании (ombudsmanden.dk) (дата обращения: 28.11.2024)
4.*Хрущев Р. С.* Историко-правовые и организационные предпосылки принятия закона о самоуправлении Гренландии 1978 г. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2023. – Т. 9 (75). № 1. – С. 464-471.
5.Р. С. Хрущев. Становление домашнего самоуправления Гренландии во второй половине XX – начале XIX вв. Историко-правовое исследование. – М.: ПРОБЕЛ-2000, 2024. – С. 66-70.
6.Forslag til Lov om Grønlands Selvstyre. 2008/1 LSF 128. – URL: Forslag til Lov om Grønlands Selvstyre (дата обращения: 28.11.2024)
7.Кошкин А. С. Режим пребывания в пенитенциарных заведениях Гренландии // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – С. 286–292.
8.LANDSTINGETS OMBUDSMANDS BERETNING FOR 2006. SCHULTZ GRAFISK. ISSN 1396-6782. – S. 6. – URL: Europe_Greenland_Landstingets Ombudsman_ombudsmand_Årsberetning 2006 KL.pdf (дата обращения: 28.11.2024)
9.UDKAST Bekendtgørelse for Grønland af lov om Folketingets Ombudsmand. – URL: https://prodstoragehoeringspo.blob.core.windows.net/9b65e429-0a43-42f2-9859-2c4937e6516d/Udkast%20-%20lovbekendtg%C3%B8relse%20Gr%C3%B8nland%20(ombudsmandsloven).pd (дата обращения: 28.11.2024)
10. UDKAST Bekendtgørelse for Grønland af lov om Folketingets Ombudsmand. – URL: Udkast - lovbekendtgørelse Grønland (ombudsmandsloven).pdf (дата обращения: 28.11.2024)

11. Inspektion af Anstalten for domfældte i Ilulissat den 6. juni 2011. ENDELIG Dok.nr. 12/00245-10/PH. – URL: 1 (ombudsmanden.dk) (дата обращения: 28.11.2024)
12. Lennart Frandsen. Chef for inspektionen. – URL: Инспекция гренландского департамента в Anstalten ved Herstedvester 6 апреля 2004 г. (ombudsmanden.dk) (дата обращения: 28.11.2024)
13. Lennart Frandsen. Chef for inspektionen. – URL: Microsoft Word - dltmp60.doc (ombudsmanden.dk) (дата обращения: 28.11.2024).

Khrushchev R. C. Koshkin A. S. The Danish ombudsman institution. legal basis and main directions of activity // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 482-486.

In the article the process of legal organisation of activity of the Ombudsmen of Denmark and Greenland is considered. It is indicated that the institution of the Ombudsman is one of the first such institutions in Western Europe appeared after the Second World War in connection with the adoption of the Constitution of Denmark in 1953. The article notes the importance of the role of the Ombudsmen of the parliaments of Denmark and Greenland in the preservation and observance of the rule of law, constitutional rights and obligations of citizens, including those in places of deprivation and restriction of liberty. Special mention should be made of: a) the mechanism of ensuring the independence of the Ombudsman provided by law, which consists in a rather complicated procedure of his dismissal; b) material and social protection of the Ombudsman institution; c) the long experience of Denmark in organising the activities of the Ombudsman institution both in Denmark itself and in its self-governing territories - Greenland and the Faroe Islands.

Keywords: ombudsman, Denmark, Greenland, institution, inspection, rights, guarantee, executive decree, order.

Spisok literatury:

1.L 112 Lov om folketingets ombudsmand. – URL: https://www.folketingstidende.dk/samling/19531/lovforslag/L112/index.htm#:~:text=L%20112%C2%A0Lov%20om%20folketingets%20ombudsmand (data obrashcheniya: 28.11.2024)
2.Betænkning over forslag til lov om folketingets ombudsmand. (Afgivet af udvalget don 12. maj 1954). – URL: 19531_L112_betaenkning.pdf (data obrashcheniya: 28.11.2024)
3.Zakon No 473 ot 12 iyunya 1996 g. ob ombudsmene parlamenta Danii (ombudsmanden.dk) – URL: Zakon No 473 ot 12 iyunya 1996 g. ob ombudsmene parlamenta Danii (ombudsmanden.dk) (data obrashcheniya: 28.11.2024)
4.Hrushchev R. S. Istoriko-pravovye i organizacionnye predposylki prinyatiya zakona o samoupravlenii Grenlandii 1978 g. // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo YUridicheskie nauki. – 2023. – T. 9 (75). № 1. – S. 464-471.
5.R. S. Hrushchev. Stanovlenie domashnego samoupravleniya Grenlandii vo vtoroj polovine HKH – nachale HIH vv. Istoriko-pravovoe issledovanie. – M.: PROBEL-2000, 2024. – S. 66-70.
6.Forslag til Lov om Grønlands Selvstyre. 2008/1 LSF 128. – URL: Forslag til Lov om Grønlands Selvstyre (data obrashcheniya: 28.11.2024)
7.Koshkin A. S. Rezhim prebyvaniya v penitenciarnyh zavedeniyah Grenlandii // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2024. – T. 10 (76). № 2. – S. 286–292.
8.LANDSTINGETS OMBUDSMANDS BERETNING FOR 2006. SCHULTZ GRAFISK. ISSN 1396-6782. – S. 6. – URL: Europe_Greenland_Landstingets Ombudsman_ombudsmand_Årsberetning 2006 KL.pdf (data obrashcheniya: 28.11.2024)
9.UDKAST Bekendtgørelse for Grønland af lov om Folketingets Ombudsmand. – URL: https://prodstoragehoeringspo.blob.core.windows.net/9b65e429-0a43-42f2-9859-2c4937e6516d/Udkast%20-%20lovbekendtg%C3%B8relse%20Gr%C3%B8nland%20(ombudsmandsloven).pd (data obrashcheniya: 28.11.2024)
10. UDKAST Bekendtgørelse for Grønland af lov om Folketingets Ombudsmand. – URL: Udkast - lovbekendtgørelse Grønland (ombudsmandsloven).pdf (data obrashcheniya: 28.11.2024)
11. Inspektion af Anstalten for domfældte i Ilulissat den 6. juni 2011. ENDELIG Dok.nr. 12/00245-10/PH. – URL: 1 (ombudsmanden.dk) (data obrashcheniya: 28.11.2024)
12. Lennart Frandsen. Chef for inspektionen. – URL: Inspekciya grenlandskogo departamenta v Anstalten ved Herstedvester 6 aprelya 2004 g. (ombudsmanden.dk) (data obrashcheniya: 28.11.2024)
13. Lennart Frandsen. Chef for inspektionen. – URL: Microsoft Word - dltmp60.doc (ombudsmanden.dk) (data obrashcheniya: 28.11.2024).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 487–491.

УДК 343

ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОПРОСОВ БЕЗОПАСНОСТИ ТОРГОВОГО МОРЕПЛАВАНИЯ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. В КРЫМСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ

Никитина А. П., Змерзлый Б. В.

Проблемы обеспечения безопасного функционирования торгового флота и связанных с ним транспортных и иных логистических и инфраструктурных систем на протяжении тысячелетий являются важнейшими задачами государств и уполномоченных ими на то органов, частных и юридических лиц, образовательных, научно-исследовательских организаций, метеорологических и спасательных служб, портовых управлений, страховых и фрахтовых компаний и т.д. Их комплексное взаимодействие может и должно регулироваться и координироваться на основе общих задач, видения проблем и путей их разрешения. В представленной статье произведен обзор основных направлений деятельности ряда авторов, комплексно или же опосредованно рассматривающих проблемы нормативно-правового обеспечения безопасности торгового мореплавания в XVIII – первой половине XX вв.

Ключевые слова: торговое мореплавание, безопасность, комплекс, правовое регулирование, научные исследования.

Изучение вопросов обеспечения безопасности торгового мореплавания нашли свое достаточно широкое освещение в трудах как отечественных, так и зарубежных исследователей. В тоже время, комплексные, научно-теоретические исследования по данной проблеме отсутствуют, а имеющие работы фрагментарны.

Очевидно, что одной из причин такого явления можно считать, как сложность объекта исследования, так и весьма быстрое развитие стоящих как перед торговым мореплаванием, так и перед исследователями проблем.

Одной из первых комплексных работ, в которых сделана попытка раскрытия компоненты систем безопасности, очевидно является монографический труд проф. Б. В. Змерзлого, посвященный вопросам правового регулирования торгового судоходства в черноморско-азовском регионе в конце XVIII – начале XX вв. [1].

В данной работе автор особое внимание уделил вопросам формирования системы безопасности судоходства (гл. 3), раскрыв такие вопросы как развитие системы обеспечения безопасности движения судов в море с помощью различных сигналов [1, с. 203-218]; развитие лоцманского дела в акватории Черного и Азовского морей на примере лоцманов Керченского канала [1, с. 219-263]; правовые основы деятельности маяков [1, с. 264-305]; создание метеорологической службы в Азово-Черноморском бассейне в начале XX в. [1, с. 306-316].

Отельную главу в своем исследование Борис Владимирович уделил таким вопросам безопасности торгового судоходства, как создание и деятельность торговых портов и их администраций в контексте регулирования и контроля вопросов безопасности, в том числе и посредством портового нормотворчества [1, с. 405-416].

В данном контексте автор, на основе сравнений с законодательством Великобритании, в первую очередь морскими законами 1854 г. ему удалось показать общеевропейские тенденции в развитие нормативных и административных механизмов обеспечения безопасности торгового судоходства.

Не менее важны в данном контексте и публикации автора, относящиеся к вопросам эксплуатации судов в начале XX в. [2, с. 28-31], освидетельствования моторных и иных судов в Российской империи [3, с. 13-17], становление института механиков торгового флота [4].

Отдельно необходимо указать на труды таких авторов, как А. В. Коваль и А. Н. Любинецкий, развившем изучение проблем управления морскими торговыми портами в СССР в 1920-1930-х гг. и раскрывшими вопросы организации систем морской и портовой безопасности [5, с. 44-57; 6, с. 93-104].

Как известно, особая роль в обеспечении безопасной деятельности торгового флота принадлежит классификационным и страховым обществам и компаниям. В данном контексте следует выделить диссертационное исследование Е. С. Иващенко, в котором автор раскрыл специфику данной проблемы не только в Российской империи, но в СССР в 1920-1930-х гг., уделив особое внимание организации и деятельности страховых советских органов за рубежом (в Германии, Великобритании и т.п.) [7, с. 322-326].

Среди наиболее интересных исследований по затронутой проблеме, в которой автор сделал весьма, на наш взгляд, удачную попытку научного осмысления комплекса проблем, связанных с историей развития вопросов, связанных с безопасностью торгового судоходства, следует назвать диссертационное исследование А. А. Кирова, в котором автор, на основе сбора и тщательно анализа материала, во-первых, сумел выявить и ввести в научный оборот комплекс нормативно-правовых актов Российской империи, королевств Швеции и Дании, Великого княжества Финляндского, а также некоторых иных стран, относящихся к вопросам эволюции государственных институтов, ответственных за безопасность судоходства в странах Балтийского региона в XVIII – начале XX в. [8].

Одной из важнейших особенностей данной работы, на наш взгляд, является выявление и выделение автором такой проблемы как «политико-правовая аккультурация государственных образований Балтийского региона» [8, с. 15], что позволило молодому ученому глубже понять: 1) региональную специфику развития вопросов обеспечения безопасности торгового судоходства, 2) способы взаимодействия на межгосударственном уровне обеспечении данного процесса; 3) объективные направления эволюции государственно-правовых, региональных и международных механизмов в данном вопросе.

Несколько с необычной стороны раскрываются вопросы обеспечения безопасности торгового судоходства в трудах Е. Ю. Благодатной, которые она раскрывает в ходе изучения проблемы организации фрахтового делав в СССР в 1920-1930-х гг. [9].

В ходе своего исследования Елена Юрьевна обратилась к изучению комплекса вопросов, определяющих безопасность судоходства посредством комплекса норм ф фрахтовых договорах, чартерах и т.п., как в СССР, так и за рубежом, в первую очередь в Великобритании и Германии.

Отдельно необходимо указать, на труды Е. П. Клименко, в которых автор обращается к столь важной проблематике, каковой является международное сотрудничество в разработке и установлении санитарных правил, в том числе и в области деятельности торгового мореплавания [10, с. 171-180], а также на труды данного автора, в которых Екатерина Петровна обращается к организации погрузочно-

разгрузочных работ в портах Российской империи и СССР, как одного из наиболее сложных организационно-технических мероприятий [11, с. 229-240; 12, с. 432-437].

Отдельно необходимо выделить ряд трудов, опубликованных в разный период времени Осоченко А., посвященные разностороннему изучению проблем становления вопросов безопасности торгового судоходства в противопожарном контексте.

Работы данного автора интересны тем, что они охватывают не только собственно российский организационно-правовой опыт, но и зарубежный. В первую очередь Великобритании, Италии, Швеции, Норвегии.

В ходе своих научных изысканий А. А. Осоченко приходит к научно-обоснованному и, очевидно, единство правильному выводу о том, что развитие выделенных в качестве объекта и предмета исследования норм, а также их характеристика, возможно исключительно в комплексе. Т.е., что противопожарные меры в торговом флоте (на торговых судах, портах, пристанях, складах) являются частью общей системы обеспечения безопасности торгового судоходства, состоящей из выявленных и рассмотренных вышеупомянутыми авторами комплексов норм, которые, независимо от их национальности состоят из нескольких компонентов: 1) квалификационные и дисциплинарные требования к членам экипажей судов; 2) меры, предпринимаемые государствами в части регулирования вопросов строительства, эксплуатации и технического совершенства судов; 3) меры и нормы, устанавливаемые страховщиками и классификационными обществами; 4) организационные меры, предпринимаемые как государствами при регулировании деятельности торговых портов, так и их администраций, которые, в свою очередь, уполномочены вести контроль за соблюдение данных мер со стороны судовладельцев, экипажей судов, собственниками и арендаторами портового имущества; 5) согласованные и единообразные меры, относящиеся к обеспечению безопасности судоходства за пределами торговых портов, их акваторий, в национальных и международных водах – организация лоцманской проводки, информационное сопровождение торгового мореплавания, деятельность ледокольного флота, организация метеорологических служб и их связи с заинтересованными лицами, органами, компаниями; 6) своевременное принятие и развитие норм, в отношении перевозки взрывоопасных и огнеопасных предметов, товаров и иного груза на судах различного типа, обращение с такими грузами и т.п. [13, с. 580-584].

Список литературы:

1.Б. В. Змерзлый. Правовое регулирование торгового судоходства в черноморско-азовском регионе в конце XVIII – начале XX вв. / Б. В. Змерзлый. – Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2014. – 512 с.

2.Змерзлый Б. В. Изменение подходов в регулировании вопросов эксплуатации судов в начале XX в. // «Проблеми та стан дотримання захисту прав людини в Україні»: Матеріали міжнародної науково-практичної конференції, м. Львів, 25-26 липня 2014 р. – Львів: Західноукраїнська організація «Центр правничих ініціатив», 2014. – С. 28-31.

3.Змерзлый Б. В. Правила освидетельствования не моторных судов 1903 г. и их развитие // Особливості розвитку публічного та приватного права в Україні: матеріали міжнародної науково-практичної конференції, (м. Харків, 15-16 серпня 2014 р.). – Харків : ГО «Асоціяація аспірантів-юристів», 2014. – С. 13-17.

4.Змерзлый Б. В. Становление института механиков торгового флота в 1903-1905 гг. в Российской империи // Проблеми вдосконалення правового забезпечення прав та основних свобод людини і громадянина»: Матеріали науково-практичної конференції, м. Запоріжжя 18-19 липня 2014 року. – Запоріжжя: Запорізька міська організація «Істина», 2014. – 104 с.

5.Коваль А. В. Реорганизация управления торговыми портами в ССР в 1934-1939 гг. [Текст] /А. В. Коваль // Ученые записки КФУ имени В. И. Вернадского. Юридические науки, 2015. Т. 1 (67). - №2. – С. 44-57.
6.Любинецкий А. Н. Регулирование вопросов действия органов железнодорожного транспорта на территориях морских торговых портов в СССР в 1920-х гг. // Ученые записки КФУ имени В. И. Вернадского. Юридические науки, 2018. Т. 4 (69). - №4. – С. 93-104.
7.Иващенко Е. С. Установление тарифов премий на морское страхование грузов в начале 1920-х гг. общество «Саламандра» / Е. С. Иващенко // Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт : тридцать шестая междунар. науч.-практ. конф., конф., Белгород, 1 марта 2021 г. : сборник трудов конф. / ред. кол.: С. И. Линник-Ботова, О. А. Гагауз, Н. В. Гулевская. – Белгород, 2021. – С. 322-326.
8.Киров А. А. Эволюция государственных институтов, ответственных за безопасность судоходства в странах Балтийского региона (XVIII – начало XX в.): (историко-правовое исследование) [Текст]: автореф. дис. …канд. юрид. наук : 5.1.1. / Киров Андрей Андреевич ; Белгород., 2024. – 23 с.
9.Благодатная Е. Ю. Правовые основы организации фрахтового дела в СССР в 1920-1930-х гг. [Текст]: автореф. дис. …канд. юрид. наук : 12.00.01 / Благодатная Елена Юрьевна; Белгород., 2019. – 22 с.
10. Клименко Е. П. Правовые основы деятельности Международного (Панамериканского) санитарного бюро (1902 – 1947 гг.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2016. – Т. 2 (68). № 1. – С. 171 – 180.
11. Клименко Е. П. Правовое регулирование погрузочно-разгрузочных работ (1920 – 1930 гг.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2017. – Т. 3 (69). № 3. – С. 229 – 240.
12. Клименко Е. П. Правовые основы обеспечения санитарного контроля при проведении погрузо-разгрузочных работ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. Том 10 (76). № 1. 2024. С. 432-437.
13. Осоченко А. А. Эволюция европейского морского законодательства, регулирующего вопросы противопожарной безопасности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – С. 580–584.

Nikitina A. P., Zmerzlyi B. V. Study of the problems of ensuring the issues of safety of merchant shipping in the XIX - early XX centuries in the Crimean law school // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 487–491.

The problems of ensuring the safe functioning of the merchant fleet and related transport and other logistics and infrastructure systems have been the most important tasks of states and their authorised bodies, private and legal entities, educational, research organisations, meteorological and rescue services, port authorities, insurance and freight companies, etc. for thousands of years. Their complex interaction can and should be regulated and coordinated on the basis of common tasks, vision of problems and ways of their solution. The presented article reviews the main activities of a number of authors, who comprehensively or indirectly consider the problems of regulatory and legal support for the safety of merchant shipping in the 18th - first half of the 20th centuries.

Keywords: merchant shipping, security, complex, legal regulation, scientific research.

Spisok literatury:

1. B. V. Zmerzlyj. Pravovoe regulirovanie torgovogo sudohodstva v chernomorsko-azovskom regione v konce XVIII – nachale HKH vv. / B. V. Zmerzlyj. – Simferopol': CHP «Predpriyatie Feniks», 2014. – 512 s.
2. Zmerzlyj B. V. Izmenenie podhodov v regulirovanii voprosov ekspluatacii sudov v nachale HKH v. // «Problemi ta stan dotrimannya zahistu prav lyudini v Ukraïni»: Materiali mizhnarodnoï naukovo-praktichnoï konferenciï, m. L'viv, 25-26 lipnya 2014 r. – L'viv: Zahidnoukraïns'ka organizaciya «Centr pravnichih iniciativ», 2014. – S. 28-31.
3. Zmerzlyj B. V. Pravila osvidetel'stvovaniya ne motornyh sudov 1903 g. i ih razvitie // Osoblivosti rozvitku publichnogo ta privatnogo prava v Ukraïni: materiali mizhnarodnoï naukovo-praktichnoï konferenciï, (m. Harkiv, 15-16 serpnya 2014 r.). – Harkiv : GO «Asociyaaciya aspirantiv-yuristiv», 2014. – S. 13-17.
4. Zmerzlyj B. V. Stanovlenie instituta mekhanikov torgovogo flota v 1903-1905 gg. v Rossijskoj imperii // Problemi vdoskonalennya pravovogo zabezpechennya prav ta osnovnih svobod lyudini i gromadyanina»: Materiali naukovo-praktichnoï konferenciï, m. Zaporizhzhya 18-19 lipnya 2014 roku. – Zaporizhzhya: Zaporiz'ka mis'ka organizaciya «Istina», 2014. – 104 s.
5. Koval' A. V. Reorganizaciya upravleniya torgovymi portami v SSR v 1934-1939 gg. [Tekst] /A. V. Koval' // Uchenye zapiski KFU imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki, 2015. T. 1 (67). - №2. – S. 44-57.
6. Lyubineckij A. N. Regulirovanie voprosov dejstviya organov zheleznodorozhnogo transporta na territoriyah morskih torgovyh portov v SSSR v 1920-h gg. // Uchenye zapiski KFU imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki, 2018. T. 4 (69). - №4. – S. 93-104.
7. Ivashchenko E. S. Ustanovlenie tarifov premij na morskoe strahovanie gruzov v nachale 1920-h gg. obshchestvo «Salamandra» / E. S. Ivashchenko // Nauka i obrazovanie: otechestvennyj i zarubezhnyj opyt :

tridcat' shestaya mezhdunar. nauch.-prakt. konf., konf., Belgorod, 1 marta 2021 g. : sbornik trudov konf. / red. kol.: S. I. Linnik-Botova, O. A. Gagauz, N. V. Gulevskaya. – Belgorod, 2021. – S. 322-326.
8. Kirov A. A. Evolyuciya gosudarstvennyh institutov, otvetstvennyh za bezopasnost' sudohodstva v stranah Baltijskogo regiona (XVIII – nachalo HKH v.): (istoriko-pravovoe issledovanie) [Tekst]: avtoref. dis. …kand. yurid. nauk : 5.1.1. / Kirov Andrej Andreevich ; Belgorod., 2024. – 23 s.
9. Blagodatnaya E. YU. Pravovye osnovy organizacii frahtovogo dela v SSSR v 1920-1930-h gg. [Tekst]: avtoref. dis. …kand. yurid. nauk : 12.00.01 / Blagodatnaya Elena YUr'evna; Belgorod., 2019. – 22 s.
10. Klimenko E. P. Pravovye osnovy deyatel'nosti Mezhdunarodnogo (Panamerikanskogo) sanitarnogo byuro (1902 – 1947 gg.) // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2016. – T. 2 (68). № 1. – S. 171 – 180.
11. Klimenko E. P. Pravovoe regulirovanie pogruzochno-razgruzochnyh rabot (1920 – 1930 gg.) // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2017. – T. 3 (69). № 3. – S. 229 – 240.
12. Klimenko E. P. Pravovye osnovy obespecheniya sanitarnogo kontrolya pri provedenii pogruzo-razgruzochnyh rabot // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. Tom 10 (76). № 1. 2024. S. 432-437.
13. Osochenko A. A. Evolyuciya evropejskogo morskogo zakonodatel'stva, reguliruyushchego voprosy protivopozharnoj bezopasnosti // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2024. – T. 10 (76). № 3. – S. 580–584.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 492-496.

УДК 340.121

И.И. ВОСТОРГОВ О ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Берент К. А.

Юридический институт Белгородского государственного национального исследовательского университета

Статья посвящена рассмотрению политико-правовых взглядов миссионера, церковного и политического деятеля, священномученика И.И. Восторгова на идеи социально-экономических и государственно-правовых преобразований в России, высказываемых различными политическими силами от либералов до социалистов. Целью исследования явилось изучение мировоззрения Восторгова как одного из видных участников правомонархического движения России. Автором установлено, что И.И. Восторгов был одним из немногих, оставшихся преданным догме правомонархического консервативного движения, заключенной в триаде «Православие, самодержавие, народность». Являясь представителем черносотенных монархических объединений – Русской монархической партии и Союза русского народа, он утверждал, что новый государственный орган - Государственная Дума, в своей деятельности должна руководствоваться идеями сохранения и поддержания православной веры; укрепления единой и независимой государственной власти, осуществляемой в форме самодержавия; построением справедливой социальной политики, направленной на преодоление социального неравенства; утверждение принципа традиционализма в историческом развитии Российского государства.

Ключевые слова: И.И. Восторгов, политико-правовой, правомонархическое движение, самодержвание, государственный строй, государственная реформа, духовно-нравственный, религиозная идеология, православие, Государственная Дума.

В начале XX в. Российское государство сталкивается с рядом государственно-правовых потрясений, результатом которых становятся предельно обострившиеся общественные противоречия и оживление церковной дискуссии относительно широкого диапазона политико-правовых, социально-экономических и государственно-церковных вопросов. События Первой русской революции (1905-1907), а также сущность и характер политического устройства России того периода справедливо можно назвать животрепещущей темой обсуждения среди ученых-правоведов, а также среди представителей духовенства.

Особое небезразличие к политико-правовым реалиям начала прошлого столетия проявлял видный церковный и политический деятель, писатель, председатель Русской монархической партии (1907-1913), священник Русской православной церкви, прославленный в лике святых новомучеников и исповедников Российских, протоиерей Иоанн Восторгов, в трудах которого отчетливо прослеживается неподдельный и пылкий интерес к вопросам государственно-церковных отношений. Научные исследования, посвященные общественной и политической деятельности Восторгова, в юридической науке практически не проводились.

Иван Иванович Восторгов родился 30.01.1867 г. (по другим данным 20.01.1964 г.) в станице Кавказской Кубанской области в семье священника [1]. Обучение будущего протоиерея проходило в Ставропольской Духовной семинарии, где позднее, по окончании, он становится надзирателем и учителем русского и церковнославянских языков. Свое духовное служение Восторгов начал в Михайло-Архангельской церкви, где добился весьма заметных результатов. Эмоциональные проповедниче-

ские речи священника содержали в себе широкий спектр тем: религиозно-нравственные, патриотические, социально-экономические, государственно-церковные и др.

Богатым наследием, имеющим колоссальное значение при изучении политико-правовых взглядов И.И. Восторгова, является полное собрание его сочинений в 5-ти томах. Очерчивая свои труды, сам Восторгов писал: «Из коротеньких заметок о месте и времени произнесения моих речей и проповедей читатель увидит, в каких условиях мне приходилось работать: мне приходилось говорить в разных городах Кавказа, Сибири, Китая, Кореи, Японии, Камчатки, Дальнего Востока, в путешествиях по России, во время Миссионерских курсов, в водовороте общественных настроений богатого тревожными событиями периода 1905–10 гг. и т.д. Здесь было не до отделки литературной формы.... И посему строгих критиков моих произведений я прошу принять все это во внимание» [2].

Особое значение для нас имеет деятельность И. Восторгова, осуществляемая в начале XX века – в период особенно тяжелых для России государственных волнений. Протоиерей Иоанн был твердо убежден в том, что проводимые реформы государственного строя и одержимость идеей передела основ верховной власти, в абсолютной степени не имеющие ничего общего с духовно-нравственными началами, приведут к неминуемой трагедии [3]. Религиозную идеологию Восторгов сравнивал с «мерилом» и «руководством» – краеугольным камнем в становлении государственно-общественного строя и этнического самоопределения.

Являясь председателем Русской монархической партии, протоиерей И.И. Восторгов последовательно отстаивал принципы монархической самодержавной власти и убежденно подчеркивал ее бесспорную необходимость для отечества: «Мы, русские люди, не можем отказаться от завещанного нам историей самодержавия наших царей, излюбленного и созданного народом, освящённого Церковью, запечатлённого священным помазанием царей, не можем отказаться от самодержавия, – в смысле религиозно-нравственного воззрения на государство, в противоположность правовому, – если бы даже сам Самодержец от него отрёкся. Как бы резко ни звучало это утверждение, мы повторяем его с полным сознанием, с особым ударением и проникновением в его смысл» [4]. В категорической форме отрицал целесообразность одной из задач Первой русской революции – свержение веками существовавшего самодержавного государственного строя, и отвергал основной лозунг революционного движения «Долой самодержавие!».

Государственная ценность российского самодержавия, а также всеобъемлющее право на его существование, полагал Восторгов, зиждется в совокупности отличительных особенностей России, таких как: генезис российского государства; территориальное положение и весьма протяженные государственные границы; климатические характеристики; расовые особенности славянского племени, характер и особенности его духовного склада; этнический состав населения России: религиозное и культурное многообразие; мировые задачи и мировое призвание России.

В целом постулат И.И. Восторгова, направленный на сохранение самодержавной власти в России строится на «торжестве идей», постигнутых духом русского народа в такой мере, что их по праву можно называть «истинно народными».

На проводимых Русской монархической партией собраниях, Восторгов неоднократно выступал с обвинительными речами, направленными в адрес «всесильной

самодержавной бюрократии», бездействующей и губительно влияющей на церковно-общественные устои. Протоиерей полагал, что как такового общего закона не существует, поскольку причиной сложившейся в России «самодержавной бюрократии» являлось целенаправленное неприменение законодательных положений к «сильным мира сего». Подтверждая свой довод, Восторгов приводил в пример находящуюся на свободе графиню С.А. Толстую, ранее подлежащую осуждению в виде каторжных работ за выход в свет ее собственных сочинений, имеющих конфронтационный характер по отношению к государю, а также церкви и государственному устройству. Считал, что именно такие прецеденты в виде применения правовых предписаний только лишь там, где это угодно бюрократии, в значительной степени подрывают принцип равенства всех перед законом: «для каждой личности нужен особый циркуляр, или особые правила» [5].

На IV Всероссийском Съезде русских людей, посвящённом трёхсотлетию Дома Романовых, Восторгов, в рамках предоставленного ему слова на собрании монархистов, в очередной раз, сквозь историческую призму, подчеркнул значение православной Церкви в делах государства: «Когда, казалось, все рушится на Руси, нерушимыми оказались только православная Церковь и идея Самодержавия» [5].

1906 г. для Российской империи ознаменован выборами депутатов в Первую Государственную Думу. И.И. Восторгов, осознавая свою сопричастность к государственно-правовым событиям, происходящим в Российском государстве, рассуждал об этом в своих сочинениях – «Кто должен быть в Государственной Думе» и «Кого надо выбирать в Государственную Думу» [4]. Так, обращаясь к избирателям и будущим избранникам в Государственную Думу, Восторгов призывал законодательное учреждение воплотить в жизнь такое государственное устройство, при котором успешно подавлялись бы все противоправные деяния в обществе, а также делал особый акцент на развитии нравственно-христианской идеи [4].

Кроме того, Восторгов выделял ряд принципов, которыми, по его мнению, необходимо руководствоваться Государственной Думе при реализации своей деятельности: сохранение и поддержание в обществе православной веры; содействие в становлении прочной и независимой государственной власти; приверженность доминанте самодержавия; укрепление судебного авторитета и строгости закона; построение социальной и духовно-нравственной политики; предотвращение социального неравенства; принцип незыблемости исторического развития Российского государства [4].

И.И. Восторгов твердо придерживался мнения, что национальный признак при выборе депутатов в Государственную думу имеет существенное значение, полагая, что предпочтение должно отдаваться в первую очередь «честным и прямым русским людям, горячо любящим Россию». Вместе с тем допускал мысль и об «инородцах», но при условии их стойкого патриотизма, хранении ими верности русскому царству, а также служения государству во благо его единства, суверенитета и нерушимости. В свете политических событий России начала XX в. немаловажное значение имела деятельность черносотенной монархической организации «Союз русского народа» (1905-1917). Восторгов, проводивший успешную работу по развитию русского духовно-нравственного мировоззрения посредством агитаций среди прихожан, по праву являлся почетным членов Союза. Основная идеология объеди-

нения выражалась в укоренившейся формуле-триаде – «Православие, самодержавие, народность».

На съездах различных монархических объединений, Восторгов с заметным воодушевлением совершал богослужения. Так, в один из дней очередного съезда в 1907 г., состоялось торжественное освящение многочисленных стягов хоругвей, принадлежащих разного рода монархическим организациям. Из всего множества баннеров, размещенных в Князе-Владимирском храме епархиального дома, основная часть была сооружена Союзом русского народа и размещала на себе лозунг «За веру, Царя и Отечество» [6], что не могло не свидетельствовать о повышенной обеспокоенности корпуса монархических партий по поводу предчувствуемых изменений государственного строя. В завершении богослужения о. Восторгов призвал собираться Русскому народу под сенью хоругвей с целью «защиты своего Отечества от врагов» [6].

Союз русского народа в период своего существования воспринимался общественностью неоднозначно. Так, например, В.П. Обнинский, обратив внимание на «изломы» в преуспевающей и широкой деятельности Союза, отмечал, что он «еще дышит, топорщится; но поведение лучших его сил в Третьей (Государственной) Думе и в печати указывает на потерю былой самоуверенности; … бездарные и преступные руководители черных сотен потеряли большую часть влияния своего и идут к упадку быстрыми и большими шагами» [7].

Правительственная власть, в свою очередь, отзываясь о дельности Союза в период с 1908 по 1915 г., излагала следующее: «Союзы в политическом отношении представляют собой совершенное ничтожество, членов имеют крайне мало и сплошь, и рядом не более нескольких десятков человек, никакой деятельности не проявляют и вообще не имеют никакой силы и влияния среди населения» [6].

Таким образом, взгляды И.И. Восторгова определяют его консервативно-охранительное мировоззрение, выстроившееся в процессе его миссионерской деятельности, а также под влиянием государственно-правовых реалий России начала XX в. События Первой русской революции вызвали бурную реакцию среди представителей российской общественности, поддерживающих идею самодержавия. Так, протоиерей Иоанн, еще у истоков церковной службы, принимал активное участие в деятельности правомонархических общественных объединений, в частности, Союза русского народа и Русской монархической партии.

Деятельность нового законосовещательного органа – Государственной Думы, в воззрениях Восторгова должна исходить, в первую очередь, из духовно-нравственных начал – сохранения и поддержания православной веры; укрепления самодержавной власти; построением справедливой государственной политики, направленной на преодоление социального неравенства; утверждение принципа традиционализма в историческом развитии Российского государства.

И.И. Восторгов покорно придерживался консервативной идеологии, выражающейся во взаимосвязи православия, самодержавия и народности, а также отчетливо видел острую необходимость в обращении общественного внимания на переживаемые государством дни начала прошлого столетия: «дни не только важные, но страшные, роковые, решающие судьбу родины» и отмечал потребность в формировании устойчивого православно-русского государственного мировоззрения. По его убеждению, последовательная и осмысленная система религиозных постулатов

имеет довольно существенное значение в осуществляемой государством политико-правовой и социальной деятельности.

Список литературы:
1. Репников А.В. «Пастырь добрый...» (жизнь и труды Иоанна Восторгова) // Новые исторические перспективы. 2016. № 3 (4). С. 19-30.
2. Восторгов И.И. Полное собрание сочинений протоиерея Иоанна Восторгова: В 5-ти том. - Репр. изд. - Санкт-Петербург : Изд. «Царское Дело», 1995-1998. / Т. 1: Проповеди и поучительные статьи на религиозно-нравственные темы (1889-1900 гг.). – 1995. – 890 с.
3. Сафронов Н.А. Священномученик Иоанн Восторгов о христианском государстве / Н.А. Сафронов // Материалы международной научно-теоретической конференции – VI Международные «Мальцевские чтения» – памяти заслуженного деятеля науки РФ, члена-корреспондента РАН, д.ю.н, профессора Г.В. Мальцева. – Белгород, ООО «ГиК». – 2019. – С 135-140.
4. Восторгов И.И. Полное собрание сочинений протоиерея Иоанна Восторгова : В 5-ти том. – Репр. изд. – Санкт-Петербург : Изд. «Царское Дело», 1995-1998. / Т. 3: Проповеди и поучительные статьи на религиозно-нравственные темы (1906-1908 гг.). – 1995. – 794 с.
5. Правые партии. 1905-1917 гг. Документы и материалы. В 2 т. Т. 2. 1911-1917 гг. / Ассоц. «Рос. полит. энциклопедия», Гос. архив. служба Российской Федерации, Гос. архив Российской Федерации, сост., автор предисл., введ. и коммент. Ю.И. Кирьянов, отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. – 816 с.
6. Правые партии. 1905-1917 гг. Документы и материалы. В 2 т. Т. 1. 1905-1910 гг. / Ассоц. «Рос. полит. энциклопедия», Гос. архив. служба Российской Федерации, Гос. архив Российской Федерации, сост., автор предисл., введ. и коммент. Ю.И. Кирьянов, отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. –720 с.
7. Обнинский В.П. Новый строй. Ч. 1. М., 1909. С. 276-277.

Berent K. A. I.I. Vostorgov on political and legal transformations in Russia of the beginning of the XX century // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 492–496.

The article is devoted to the consideration of the political and legal views of the missionary, church and political figure, Hieromartyr I. I. Vostorgov on the ideas of socio-economic and state-legal reforms in Russia, expressed by various political forces from liberals to socialists. The aim of the study was to study the worldview of Vostorgov as one of the prominent participants in the right-monarchist movement in Russia. The author found that I. I. Vostorgov was one of the few who remained loyal to the dogma of the right-monarchist conservative movement, contained in the triad "Orthodoxy, autocracy, nationality". Being a representative of the Black Hundreds monarchist associations - the Russian Monarchist Party and the Union of the Russian People, he argued that the new state body - the State Duma, in its activities should be guided by the ideas of preserving and supporting the Orthodox faith; strengthening a single and independent state power, exercised in the form of autocracy; building a fair social policy aimed at overcoming social inequality; asserting the principle of traditionalism in the historical development of the Russian state.

Keywords: I.I. Vostorgov, political and legal, right-monarchist movement, autocracy, state system, state reform, spiritual and moral, religious ideology, Orthodoxy, the State Duma.

Spisok literatury:
1. Repnikov A.V. «Pasty`r` dobry`j...» (zhizn` i trudy` Ioanna Vostorgova) // Novy`e istoricheskie perspektivy`. 2016. № 3 (4). S. 19-30.
2. Vostorgov I.I. Polnoe sobranie sochinenij protoiereya Ioanna Vostorgova: V 5-ti tom. - Repr. izd. - Sankt-Peterburg : Izd. «Czarskoe Delo», 1995-1998. / T. 1: Propovedi i pouchitel`ny`e stat`i na religiozno-nravstvenny`e temy` (1889-1900 gg.). – 1995. – 890 s.
3. Safronov N.A. Svyashhennomuchenik Ioann Vostorgov o khristianskom gosudarstve / N.A. Safronov // Materialy` mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoj konferencii – VI Mezhdunarodny`e «Mal`cevskie chteniya» – pamyati zasluzhennogo deyatelya nauki RF, chlena-korrespondenta RAN, d.yu.n, professora G.V. Mal`ceva. – Belgorod, OOO «GiK». – 2019. – S. 135-140.
4. Vostorgov I.I. Polnoe sobranie sochinenij protoiereya Ioanna Vostorgova : V 5-ti tom. – Repr. izd. – Sankt-Peterburg : Izd. «Czarskoe Delo», 1995-1998. / T. 3: Propovedi i pouchitel`ny`e stat`i na religiozno-nravstvenny`e temy` (1906-1908 gg.). – 1995. – 794 s.
5. Pravy`e partii. 1905-1917 gg. Dokumenty` i materialy`. V 2 t. T. 2. 1911-1917 gg. / Assocz. «Ros. polit. e`nciklopediya», Gos. arkhiv. sluzhba Rossijskoj Federacii, Gos. arxiv Rossijskoj Federacii, sost., avtor predisl., vved. i komment. Yu.I. Kir`yanov, otv. red. V.V. Shelokhaev. – M.: «Rossijskaya politicheskaya e`nciklopediya» (ROSSPE`N), 1998. – 816 s.
6. Pravy`e partii. 1905-1917 gg. Dokumenty` i materialy`. V 2 t. T. 1. 1905-1910 gg. / Assocz. «Ros. polit. e`nciklopediya», Gos. arkhiv. sluzhba Rossijskoj Federacii, Gos. arkhiv Rossijskoj Federacii, sost., avtor predisl., vved. i komment. Yu.I. Kir`yanov, otv. red. V.V. Shelokhaev. – M.: «Rossijskaya politicheskaya e`nciklopediya» (ROSSPE`N), 1998. –720 s.
7. Obninskij V.P. Novy`j stroj. Ch. 1. M., 1909. S. 276-277.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 497–502.

УДК 340.5

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВА НА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА США И СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Галкин А. Г., Григорьева А. Р.

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью адаптации законодательства в области интеллектуальной собственности под современные реалии технологического развития. Проблематика исследования состоит в различности подходов различных государств к законодательному регулированию института интеллектуальной собственности. Целью исследования является проведение сравнительного анализа эволюционного пути права на интеллектуальную собственность в США и странах Европейского Союза. В ходе работы применялись диалектический, историко-правовой, сравнительно-правой и другие методы. В результате исследования были выявлены основные отличия эволюционного пути развития права на интеллектуальную собственность рассматриваемых государств.

Ключевые слова: Интеллектуальная собственность, США, Европейский союз, патенты, авторское право, международно-правовое регулирование.

Эффективное развитие института интеллектуальной собственности имеет огромное значение в современном мире, где информационные технологии и инновации играют ключевую роль в экономическом развитии стран и межгосударственных объединений. Существенные изменения в сфере науки и культуры требуют надежной системы защиты прав интеллектуальной собственности, чтобы стимулировать творческий потенциал и инвестиции в инновационные проекты, развивающие потенциал человека или отдельных сфер жизни. Современная правовая основа об интеллектуальной собственности, базирующаяся на доктринальных положениях и обширной практической базе, способствует укреплению конкурентоспособности государственных экономик, защите прав потребителей и предотвращению нелегального копирования различных продуктов. Стоит учитывать тот факт, что правовая охрана результатов интеллектуальной собственности как правило, представляет строго территориальный характер, что создает затруднение в обеспечении защиты таких прав в других государствах, их не признающих [1].

США и страны-участницы Европейского союза (далее – ЕС) являются лидерами в области запатентованных научных изобретений, созданных литературных и изобразительных произведений, а также в области количества зарегистрированных торговых знаков. Лидерские позиции вынуждают США и европейские страны следить за эффективностью законодательства в области интеллектуальной собственности, искать наиболее оптимальные формы регулирования и защиты интеллектуальной собственности. Справедливым будет отметить, что результатом подобного подхода стало создание наиболее результативных правовых систем интеллектуального права в мире. Но достижение победного исхода было сопряжено с продолжительным этапом формирования основных правовых институтов в данной области правового регулирования [2].

ЕС, например, не является единым государством. Это объединение из нескольких стран, каждое из которых обладает собственным уникальным национальным

законодательством. Общей чертой подавляющего числа стран-участниц является принадлежность к континентальной правовой семье, что несколько упрощает международную кодификацию права интеллектуальной собственности.

Первым из знаковых международных документов для европейских стран в области регулирования прав на интеллектуальную собственность можно считать Бернскую конвенцию об охране литературных и художественных произведений. Этот документ был принят задолго до создания ЕС в 1886 г. [3]. Первыми участниками конвенции стали будущие государства-основатели ЕС, а именно Франция, Германия, Италия и др. На сегодняшний день данная конвенция является международным документом, включающий в себя страны за пределами ЕС. Тем не менее, эта конвенция является основой всех правовых актов по авторскому праву в рамках ЕС, так как она определяет основополагающие принципы авторского права как системы. Например, данная конвенция устанавливает презумпцию авторства, принцип национального авторского режима, а также принцип независимой судебной охраны авторских произведений [4]. В данной конвенции был подчёркнут факт того, что судебные органы являются важнейшей частью механизма государства, обеспечивающими реализацию норм права [5].

Первым и знаковым актом регуляции авторского права в ЕС можно считать Директиву 91/250/ЕЕС, принятую 14.05.1991 г. Данная директива распространила положения Бернской конвенции на программы для ЭМВ, что было вызвано растущей популярностью данных устройств. Можно отметить, что период начала XXI века был самым оживлённым в плане принятия новых европейских договоров в области авторского права. Связано это с развитием технологий коммуникации и началом цифровизации всех общественных процессов. Как пример можно отметить Директиву 93/83/ЕЕС от 27.09.1993 г. «О согласовании некоторых норм авторского права и прав, относящихся к авторскому праву, применимых к эфирному вещанию через спутник и к ретрансляции по кабелю». Эволюция кабельного и спутникового телевидения предопределила необходимость корректировки отдельных общеевропейских актов. В частности, стоит выделить Директиву 2004/48/ЕС от 29.04.2004 г. «О реализации прав на интеллектуальную собственность», которая направлена на противодействие контрафакту и пиратству на внутреннем рынке путём унификации правовых норм в данной области, поскольку цифровое пиратство наносит ущерб авторам.

На сегодняшний день важнейшим документом в области авторского права является Директива «Об авторском праве на Едином цифровом рынке» от 7 июня 2019 года, которая нацелена на защиту печатных изданий, уменьшение разрыва между доходами интернет-платформ и создателей контента, содействие сотрудничеству между ними, а также на внедрение исключений из авторского права для анализа текста и данных. Хотелось бы также отметить AI Act от 13 марта 2024 года, который является нормативной основой регулирования искусственного интеллекта. Одной из задачей данного акта была обязать создателей программ, существующих на основе искусственного интеллекта, указывать те источники, на основе которых нейросеть была обучена. Следует отметить, что данный документ стал первым в мире всеобъемлющим правовым актом, регулирующим данную технологию.

Активная регуляция интеллектуальной собственности в ЕС связана не только с авторским правом. Большое внимание уделяется и сфере патентного регулирования.

История единого патентного законодательства для стран-участниц ЕС является не настолько продолжительной, как у связанного с авторским правом. До середины XX века патентное регулирование было предметом рассмотрения исключительно национальных законодательств, иногда переходящих в двусторонние соглашения. Бурное развитие науки и промышленности в послевоенный период привели к необходимости европейским государствам обратить внимание на ситуацию с патентным законодательством и попытаться сделать его более унифицированным для всего европейского бизнеса и научного сообщества. Первой такой попыткой стала Страсбургская патентная конвенция, принятая Советом Европы в 1963 году. Положения данной Конвенции были направлены на установление единых для всех участников критериев патентоспособности, то есть определяла, на основании чего изобретения могут быть признаны непатентоспособными. Её целью было гармонизировать материальное патентное право, но не процессуальное право.

Страсбургская конвенция действительно привела к некоторой унификации патентного законодательства в странах Европы. Но по настоящему значимой можно считать Европейскую патентную конвенцию от 5 октября 1973 года. Результатом принятия конвенции стало создание Европейской патентной организации и создание полноценной автономной системы выдачи европейских патентов. Европейский патент - это не единое право, а группа по сути независимых патентов, которые могут быть принудительно исполнены на национальном уровне и могут быть отозваны на национальном уровне. Но, тем не менее, подобные изменения серьёзно упростили работу по созданию единой системы патентов в европейском сообществе. Европейская патентная конвенция послужила основой для принятия других документов по патентному регулированию.

Вся законодательная база, сформированная на сегодняшний день в области интеллектуальной собственности в ЕС, позволяет выделить несколько отличительных особенностей. Одной из ключевых из них является возможность получения унитарного европейского патента. Данный патент действует на территории всех участвующих стран-членов и исключает необходимость валидировать патент в странах-членах, можно уплатить единую пошлину за поддержание в силе патента. Получение патента в ЕС осуществляется по упрощённой процедуре за счёт того, что делопроизводство ведётся на одном из официальных языков ЕПК (английский, немецкий, французский). Это позволяет существенно уменьшить затраты на патентование, так как заявитель от подачи заявки до выдачи патента оплачивает услуги только одного ведомства и одного патентного поверенного [6]. Так как ЕС представляет собой международное объединение, законодательные нормы создают правовую основу для сосуществования единых европейских патентов и патентов, выданных национальными патентными ведомствами. Указанные виды патентов доступны и могут сосуществовать в пределах одной юрисдикции, если это разрешено национальным законодательством. Отличительной чертой авторского права ЕС является его передовой характер в части цифровой защиты и борьбы с пиратством.

В контексте рассмотрения европейского института интеллектуальной собственности интересно сравнить правовую базу ЕС и США. Американская система интересна как минимум тем, что принадлежит к англосаксонской правовой семье, в то время как ключевые государства ЕС является носителями континентальной правовой традиции. Интересным является и то, что США является одной из самых старых

федераций, имеющей сложную систему взаимоотношений между своими субъектами в области правового регулирования тех или иных вопросов [7].

Здесь кроется одно из первых серьёзных различий между подходом к интеллектуальной собственности. В ЕС, как межгосударственном объединении, существует множество правовых систем. Попытки создать унифицированную систему права всегда будут сталкиваться со множеством противоречий, вызванных различными национальными интересами. Даже сейчас многие из европейский директив и соглашений сталкиваются с ситуацией, когда к ним не желают присоединяться некоторые страны Восточной Европы. Вышеназванное обстоятельство вынуждает формировать единое международно-европейское законодательство таким образом, чтобы не затрагивать чувствительные аспекты экономических и политических систем государств-участников. Поэтому документы ЕС носят общий характер, концентрируясь на общих принципах, направлениях и кооперации всего объединения. Более точечные вопросы призваны регулировать двусторонние договоры между участниками объединения отдельно.

США же, являясь суверенной страной, в своём законодательстве полностью концентрируется на учёте в рамках закона государственных интересов. США придерживаются некоторых международных соглашений, например уже упомянутой Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений. Однако, несмотря на это, фундаментальной основой нормативного регулирования является национальное законодательство. В качестве примера можно привести Закон об авторском праве, который действует с 1976 года и служит основополагающим федеральным нормативным актом в сфере регулирования авторских правоотношений.

В США основой для институционализации патентного права стал Патентный закон, приятый в 1790 г. Характерной чертой правового регулирования в данной области было неформализованность процедуры предоставления патента. С течением времени закон изменялся, пока не был заменён более современными актами. На сегодняшний день основным документом в сфере патентного права в США является Федеральный Патентный закон 1952 года. На его основе базируются все нормативные акты патентного регулирования в США.

Американское патентное право отличается от общеевропейской системы. Например, как только патент изобретателя получает одобрение, он становится владельцем исключительного права на изобретение на всей территории США. Владелец патента может пользоваться всеми правами патентообладателя и гарантировать, что никто не сможет производить, продавать или использовать изобретение в США без предварительного одобрения. В ЕС же входят множество государств. Поэтому ЕПВ рассматривает каждый выданный патент как группу национальных патентов. Все судебные разбирательства, связанные с выданным патентом, можно вести в каждом государстве-члене отдельно. Отличается и процесс оспаривания о выдаче патента. Например, в рамках правовой системы ЕС любое физическое или юридическое лицо может подать возражение на выданный патент, приложив соответствующие доказательства и обоснованные аргументы, в течение девяти месяцев с даты выдачи патента. Обе стороны представляют свои доводы в ЕПВ, и решение ЕПВ является окончательным. Однако обе стороны могут обжаловать решение ЕПВ и получить возможность для дальнейшего устного разбирательства. В отличие от ЕРО, в США можно запросить повторную экспертизу в случае возраже-

ния. Заинтересованное лицо может оспорить действительность патента, представив доказательства. Однако оно не может участвовать в разбирательстве. Владелец патента может обосновать действительность своих патентов, представив доказательства в противовес доказательствам стороны, запрашивающей повторную экспертизу.

Это далеко не все отличия режима интеллектуальной собственности в рассматриваемых субъектах. Их количество велико, так как эти системы построены совершенно с разными целями. Законодательство США направленно на поддержание национального инновационного потенциала и развитие научно-культурного потенциала внутри страны. Поэтому, например, ответственность за цифровое пиратство в США намного строже, нежели в странах ЕС. ЕС же ставит перед своими законодательными органами задачу создать общую для множества стран систему основ и правил, на которые те должны опираться при работе со своими национальными системами законодательства. В обеих юрисдикциях ведется работа по гармонизации законодательства в области интеллектуальной собственности с международными стандартами. Однако отличия все же существуют. Например, в США особое внимание уделяется патентному праву, в то время как в ЕС акцент делается на авторском праве и праве на товарные знаки. Также в ЕС существует возможность регистрации единого европейского патента, в то время как в США патенты выдаются на национальном уровне. Все эти отличия обоснованы историческим путём этих субъектов.

Список литературы:

1. Галкин А. Г., Костенко О. С. Сравнительно-правовой аспект способов защиты интеллектуальной собственности в российском и международном праве // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. - 2018. - Т. 4 (70). № 2. - С. 191.
2. Будник, Р. Эволюционная развилка регулирования права интеллектуальной собственности в ЕС и США // Хозяйство и право. - 2014. - № 10(453). - С. 95.
3. Захарова, И. А. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений и часть четвертая Гражданского кодекса РФ: сравнительный анализ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - 2012. - № 7-1(21). - С. 80.
4. Атемов, А. Э. Унификация и гармонизация охраны интеллектуальной собственности в европейском правовом пространстве // Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2023. - С. 210.
5. Карслиев И. А., Галкин А. Г. Суды по интеллектуальным правам в механизме современного российского государства // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: Сборник статей по материалам 73-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2017 год, Краснодар, 25 апреля 2018 года / Ответственный за выпуск А.Г. Кощаев. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2018. – С. 1079.
6. Шугуров, М. В. Европейский союз и защита прав интеллектуальной собственности в третьих странах // Современная Европа. - 2022. - № 1(108). - С. 129.
7. Еременко В.И. О реформе патентного законодательства Соединенных Штатов Америки // сайт «Юриспруденция» Режим доступа: URL: http://justicemaker.ru/view-article.php?art=3416&id=4 (дата обращения: 20.10.2024)

Galkin A. G., Grigorieva A. R. The evolution of intellectual property law: a comparative analysis of the legislation of the United States and the European Union // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 497–502.

The relevance of the research topic is due to the need to adapt legislation in the field of intellectual property to the modern realities of technological development. The problem of the study is the difference in the approaches of different states to the legislative regulation of the institute of intellectual property. The purpose of the study is to conduct a comparative analysis of the evolutionary path of intellectual property law in the United States and the countries of the European Union. In the course of the work, dialectical, historical-legal, comparative-legal and other methods were used. As a result of the study, the main differences in the evolutionary path of development of intellectual property rights of the states under consideration were identified.

Keywords: Intellectual property, USA, European Union, patents, copyright, international legal regulation.

Spisok literatury:
1. Galkin A. G., Kostenko O. S. Comparative legal aspect of methods of intellectual property protection in Russian and international law // Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. - 2018. - Vol. 4 (70). No. 2. - p. 191.
2. Budnik, R. The evolutionary fork in the regulation of intellectual property law in the EU and the USA // Economy and law. - 2014. - № 10(453). - P. 95.
3. Zakharova, I. A. Berne Convention on the Protection of Literary and Artistic Works and part four of the Civil Code of the Russian Federation: comparative analysis // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. - 2012. - № 7-1(21). - P. 80.
4. Atemov, A. E. Unification and harmonization of intellectual property protection in the European legal space // St. Petersburg: Center for Scientific and Information Technologies "Asterion", 2023. - p. 210.
5. Karsliev I. A., Galkin A. G. Intellectual property rights courts in the mechanism of the modern Russian state // Scientific support of the agro-industrial complex: A collection of articles based on the materials of the 73rd scientific and practical conference of students based on the results of research in 2017, Krasnodar, April 25, 2018 / Responsible for the release of A.G. Koshchaev. Krasnodar: Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, 2018. – p. 1079.
6. Shugurov, M. V. The European Union and the protection of intellectual property rights in third countries // Modern Europe. - 2022. - № 1(108). - P. 129.
7. Eremenko V.I. On the reform of the patent law of the United States of America // website "Jurisprudence" Access mode: URL: http://justicemaker.ru/view-article.php?art=3416&id=4 (accessed: 20/10/2024)

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – С. 503-506.

УДК 343.13

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 161 УК РФ (ГРАБЕЖ)

Бирук М. С., Скрипчук Т. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Тема исследования направлена на изучение объекта, объективной и субъективной стороны грабежа. В работе автор рассматривает понятие грабежа как противоправного деяния и анализирует основные элементы, определяющие его объективную и субъективную сторону. Особое внимание уделяется объекту преступления. Автор рассматривает и анализирует основные элементы субъекта и субъективной стороны, определяющие состав такого противоправного деяния как грабеж. Так же определяются обязательные и факультативные признаки субъективной стороны.

Ключевые слова:. объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона грабежа.

Объект преступления является одним из ключевых элементов уголовно-правовой характеристики преступления. Он определяет сферу общественных отношений, которые нарушаются в результате совершения преступления. Родовой объект преступления указывает на общую сферу общественных отношений, которые нарушаются данным преступлением. В случае грабежа это отношения, охраняемые законом в сфере экономики. Видовой объект преступления более конкретно определяет, какое конкретное отношение нарушается. В случае грабежа это отношение по поводу права собственности.

Непосредственный объект преступления указывает на конкретный объект, на который направлено противоправное действие. В случае статьи 161 УК РФ - это право собственности лица на конкретное имущество.

Дополнительные объекты преступления уточняются в зависимости от специфики преступного деяния. Например, при грабеже с проникновением в жилище затрагиваются отношения по поводу неприкосновенности жилища, а при применении насилия не опасного для жизни и здоровья человека - отношения, охраняющие здоровье человека.

Для правильной и грамотной квалификации преступления необходимо обращать внимание на объект преступления. Он представляет собой часть материального мира, на которую воздействует правонарушитель при совершении общественно опасного деяния. Хотя объект преступления является необязательным элементом объективной стороны, его важность заключается в определении грабежа и разграничении данного преступления от других. Под объектом грабежа понимаются вещи, находящиеся в обороте. Согласно статье 128 Гражданского кодекса Российской Федерации, к ним относятся деньги, ценные бумаги и другое имущество. Вещи, запрещенные для оборота, не могут быть объектом статьи 161 УК РФ, так как они не могут быть свободно доступны физическим лицам. Например, хищение наркотических средств регулируется статьей 229 УК РФ, а хищение оружия или его частей - статьей 226 УК РФ и так далее . Маслакова Е. А. выделяет три признака объекта: физический, социальный и юридический. Другие ученые предлагают выделить следующие признаки: физический, экономический и юридический. Физический признак подразумевает, что объект должен иметь физическую форму, то есть быть осязаемым. Таким образом, интеллектуальная собственность относится к объекту регулирования гражданского права. Экономический признак указывает на то, что у похищенного имущества должна быть стоимость, которая отражает вложенный в него труд.

Юридический признак основан на том, что имущество должно принадлежать потерпевшему по праву собственности, а преступник не имеет права на владение, использование или распоряжение этим имуществом. В случае нарушения этого правила может возникнуть самоуправство, предусмотренное статьей 330 УК РФ "Самоуправство". Последнее мнение является более уместным, так как оно отражает специфику экономических преступлений и раскрывает значение права собственности на объект.

Потерпевшим при грабеже как правило выступает женщины, это обусловлено неспособностью оказать должного сопротивлению правонарушителю. Это также связано с денежной ценностью и доступности украшений на теле женщины, что является еще одним фактором для совершения преступления.

Поскольку сущность грабежа имеет материальную природу, анализ объективной стороны этого преступления включает три взаимосвязанных компонента:

1. Совершенное деяние.
2. Общественно-опасные последствия.
3. Причинно-следственные связи.

Грабеж – это открытое похищение чужого имущества . В соответствии с позицией Верховного суда относительно открытого хищения, предусмотренного в статье 161 Уголовного кодекса РФ (грабеж), имеется в виду такое похищение, происходящее в присутствии собственника или другого владельца имущества либо на виду у третьих лиц, при этом лицо, совершающее преступление, осознает, что присутствующие понимают противоправный характер его действий, независимо от их реакции . Деяние может совершаться только активными действиями преступника и должно соответствовать нескольким критериям. Во-первых, нарушитель действует с целью распорядиться чужим имуществом. Во-вторых, деяние должно быть открытым, то есть преступник знает, что его поступки видны другим людям, будь то потерпевшие, свидетели, камеры видеонаблюдения. Однако имеются исключения, например, если преступление совершается заведомо тайно, но наблюдатели данный поступок узнают, это квалифицируется по статье 158 УК РФ. Аналогично, если деяние совершается "перед глазами" других людей, но они по своим обстоятельствам не могут осознать его противоправность, преступление также требует рассмотрения согласно статье 158 Уголовного кодекса. Это же относится и к ситуациям, где родственники преступника присутствуют. Грабеж подразумевает открытое похищение и использование чужого имущества. Похищение – это отделение имущества от законного владельца. Использование чужого имущества означает, что преступник может оперировать украденной вещью по своему усмотрению, будь то в его личных интересах или в интересах других лиц.

При оценке преступления важно установить связь между действиями преступника и возникшими последствиями. Сотрудникам правоохранительных органов необходимо доказать, что действия преступника привели к материальному ущербу для пострадавшего.

Таким образом, проанализировав объективную сторону преступления, определили, что грабеж имеет материальную основу. Это привело к более глубокому пониманию последствий и их связи с совершенным преступлением.

Изучая субъективные признаки следует сказать о самом субъекте преступления. В данном случае речь идет о физически зрелом лице, достигшем возраста 14 лет. Снижение возраста уголовной ответственности было введено законодателем потому, что в этом возрасте люди уже способны осознавать общественную значимость своих поступков, понимать социальные и моральные нормы, установленные обществом. Дополнительных требований законодательство не устанавливает.

Субъект должен обладать следующими характеристиками:

1) Физическое лицо
2) Вменяемость

Вменяемость определяется как психическое состояние лица, при котором оно осознает реальный характер и общественную опасность своих действий или способно управлять ими.

В статье 21 УК РФ говорится о том, что лицо, находившееся в момент совершения общественно опасного деяния в состоянии невменяемости из-за хронического или временного психического расстройства, слабоумия или другого психического заболевания, не несет уголовной ответственности.

Из анализа официальных документов стало ясно, что большинство грабежей совершают мужчины из-за использования физической силы, возможности быстро уйти с места преступления и особой нахальности. Среди исследуемой группы значительное количество рецидивистов. Более 80% из общего числа ранее были осуждены за аналогичные преступления или грабеж. В основном это лица в возрасте от 23 до 30 лет, холостые или разведённые (примерно 81%), у которых присутствует антисоциальный образ жизни. За последние годы заболеваемость грабителей значительно выросла, включая такие заболевания как СПИД, туберкулёз, гепатит и другие. Также среди современных преступников отмечается высокий уровень образования, причем многие из них происходят из благополучных семей.

Говоря о субъективной стороне преступления, следует отметить, что это аспект, который отражает внутреннюю суть содеянного. Он отражает психологическое отношение человека к преступлению, где ключевым является вина субъекта. При совершении грабежа умысел обычно является прямым и конкретным. Вина состоит из интеллектуального и волевого компонентов. Человек осознаёт, что он отнимает чужое имущество и действует открыто, понимая, что его поступок виден потерпевшему или свидетелям. Кроме того, преступник желает последствий и активно их преследует. Согласно некоторым ученым, умысел при грабеже возникает внезапно, что может проявляться в отсутствии планирования в организованной группе, неиспользовании маскировки или специальных средств. Целью является личная выгода, поскольку человек намеренно стремится завладеть чужим имуществом для последующего распоряжения им.

Справедливо отмечено Геворковым Г.Э.: «В тех случаях, когда виновный открыто стремится изъять или изымает чужое имущество, не преследуя при этом корыстной цели, а совершает это, например, из озорства, из хулиганских побуждений, в его действиях нет состава грабежа. Судебная практика свидетельствует, что не только хулиганские, но и другие преступные действия, например, изнасилование нередко сопровождаются открытым изъятием чужого имущества. В этих случаях особенно важно установить, с какой целью виновный стремится изъять чужое имущество. Если он это делает для того, чтобы завладеть имуществом в целях обогатиться или таким путем извлечь какую-либо материальную выгоду для других лиц, тогда его действия следует квалифицировать как совокупность грабежа и другого совершенного им преступления. В тех случаях, когда виновный, изымая чужое имущество и завладевая им, не преследует при этом корыстные цели, а лишь с помощью этого стремится добиться какого-либо другого результата, тогда его действия не могут рассматриваться как грабеж. С субъективной стороны грабеж как преступление, представляющее собой одну из форм хищения имущества, всегда предполагает наличие у виновного прямого умысла, направленного на преступное завладение чужим имуществом с корыстной целью. Если же виновный ставит своей целью открыто завладеть имуществом, которое, по его мнению, является его собственным, то содеянное им нельзя рассматривать как грабеж».

Следует отметить, что не будет состава преступления по статье 161 в случаях, когда лицо отчуждает имущество потерпевшего, но делает это с целью временного пользования, уничтожения или повреждения. Такие действия должны рассматриваться в соответствии со статьей 167 УК РФ.

Один из факультативных признаков умысла, который имеет значение для состава преступления по статье 161 УК РФ, - мотив. Это то, что побуждает человека к совершению определенного действия. Для грабежа важно учитывать, что мотивом должно быть желание получить чужое имущество и распорядиться им как своим собственным.

Другим факультативным признаком субъективной стороны преступления являются эмоции субъекта. Под эмоциями понимаются переживания человека, возникающие при совершении или перед совершением деяния. Эмоции не влияют на квалификацию преступления, но могут быть важны при анализе личности правонарушителя.

Список литературы:

1Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-Ф З[Текст]: от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2023) // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 N 29 (ред. от 15.12.2022) "О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое"
3.Геворков Г.Э. К вопросу об объективной и субъективной сторонах грабежа [Электронный ресурс] // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2016. № 1. С. 94-96
4.Маслакова Е. А. Предмет преступления как форма выражения общественных отношений / Е. Маслакова // Журнал. Серия: Гуманитарные и социальные науки – 2015. – С. 2.

Biruk M.S., Skripchuk T.A. Criminal legal characteristics of the crime provided for in Art. 161 of the Criminal Code of the Russian Federation (robbery)// Scientific notes of V.I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – T. 10 (76). № 4. – P. 503-506.

The topic of the research is aimed at studying the object, the objective and subjective sides of robbery. In the work, the author examines the concept of robbery as an unlawful act and analyzes the main elements that determine its objective and subjective side. Particular attention is paid to the object of the crime. The author examines and analyzes the main elements of the subject and the subjective side that determine the composition of such an unlawful act as robbery. Mandatory and optional signs of the subjective side are also defined.

Key words: object, objective side, subject, subjective side of robbery

Spisok literatury:

1Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 iyunya 1996 g. № 63-F Z[Tekst]: ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 24.09.2023) // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 17.06.1996. – № 25. – St. 2954.
2. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 27.12.2002 N 29 (red. ot 15.12.2022) \"O sudebnoj praktike po delam o krazhe, grabezhe i razboe\"
3.Gevorkov G.E. K voprosu ob ob"ektivnoj i sub"ektivnoj storonah grabezha [Elektronnyj resurs] // Ugolovnoe sudoproizvodstvo: problemy teorii i praktiki. 2016. № 1. S. 94-96.
4.Maslakova E. A. Predmet prestupleniya kak forma vyrazheniya obshchestvennyh otnoshenij / E. Masla-kova // Zhurnal. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki – 2015. – S. 2.

НАШИ АВТОРЫ

Адабашев Т. К.	*к.ю.н., доц. к-ры гражданского и арбитражного судопроизводства Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»*
Адельсеитова А. Б.	*к.ю.н., доц. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Института «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»*
Аметов Х. А.	*аспирант к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Института «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»*
Аскаров С. В.	*старший преподаватель к-ры уголовного процесса и криминалистики Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России*
Баландин А. Ю.	*аспирант к-ры Информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МНЮА)*
Берент К. А.	*Аспирант к-ры теории и истории г-ва и права юридического института Белгородского государственного нацилнального исследовательского университета*
Бирук М. С.	*Преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Боровских Р. Н.	*д.ю.н., проф. к-ры уголвоного права, уголовного процесса и криминалистики Национального исследовательского государственного университета*
Будник Р. А.	*д.ю.н., главный научный сотрудник центра сравнительного государствоведения Института Китая и современной Азии РАН, заместитель директора Международного научно-образовательного центра «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным культурным и информационным правам» и проф. департамента права цифровых технологий и биоправа Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»*
Буткевич С. А.	*к.ю.н., доц., заместитель начальника к-ры административного права и административной деятельности ОВД Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Биляев В. А.	*д.ю.н., проф. к-ры уголовно-процессуального права, доц. Крымского филиала ФГОУВО «Российский государственный университет правосудия»*
Бутов А. Ю.	*аспирант к-ры конституционного и международного права юридического института ФГАОУ ВО «Белго-*

	родский государственный национальный исследовательский университет»
Васильева Т. Д.	*аспирант к-ры теории и истории государства и права Кубанского государственного университета*
Великая О. С.	*к.ю.н., доц., доцент кафедры гражданского права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России, полковник внутренней службы*
Вичева А. А.	*преподаватель к-ры государственных и гражданско-правовых дицсиплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Воробьёва О. А.	*к.пед.н., доц. к-ры «Гражданское право и процесс» института права Тольятинского государственного университета*
Воронцов А. Л.	*к.и.н., доц. к-ры административного и трудового права. Юго-Западный государственный университет*
Воронцова Е. В.	*к.ю.н., доц. к-ры финансового права, конституционного, гражданского и административного судопроизводства. Юго-Западный государственный университет*
Вельяминов А. А.	*аспирант к-ры истории и теории государства и права института «Таврическая академия» КФУ им. В. И. Вернадского*
Гаврилов К. А.	*старший помощник начальника группы боевой готовности Военно ордена Жукова академии войск национальной гвардии*
Галкин А. Г.	*к.ю.н., доц. к-ры теории и истории государства и права юридического ф-та ГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина»*
Григорьева А. Р.	*студент 1-го курса юридического ф-та ГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина» по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция (программа магистратуры)*
Губанова Е. В.	*к.ю.н., доц. к-ры уголовного права и процесса Институт «Таврическая академия» ФГАУО ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», директор КЦ ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»*
Гула А. В.	*обучающаяся 4-го курса очно-заочной формы обучения юридического ф-та Института «Таврическая академия» КФУ имени В. И. Вернадского*
Гулакова И. И.	*к.филолог.н., доц., доц. к-ры иностранных языков Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева*
Герасимовский С. В.	*к.ю.н., заместитель директора Крымсского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации*
Грошевая В. К.	*К.ю.н., доц. нач. к-ры государственных и граждан-*

	ско-правовых дисциплин Донецкого филиала ФГОКУВО «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации
Демин А. А.	*к.ю.н., доц. к-ры гражданского права и процесса юридического ф-та Нижнегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского*
Евтушенко И. И.	*к.ю.н., доц. к-ры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России; доц. к-ры уголвоного права и процесса ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»*
Евтушенко В. И.	*Заместитель начальника управления по делам архивов Белгородской области, д.ю.н., проф. к-ры административного права и процесса юридического института НИУ «БелГУ»*
Елмаков А. А.	*участковый уполномоченный полиции Межмуниципального отдела МВД России «Сакский», лейтенант полиции*
Ефанов В. Ю.	*ассистент к-ры религиоведения и философии культуры, Институт «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», главный специалист КЦ ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»*
Заброда Д. Г.	*к.ю.н., доц., проф. к-ры административного права и административной деятельности ОВД. Крымский филиал Краснодарского университета МВД России*
Зарубина К. А.	*к.ю.н., старший преподаватель к-ры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»*
Зоз В. А.	*старший преподаватель к-ры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Заманапулов Д. М.	*к.и.н., старший научный сотрудник Отдела военно-политический исследований Института США и Канады им. академика Г.А. Арбатова РАН*
Змерзлый Б. В.	*д.и.н., д.ю.н., проф. к-ры истории и теории государства и права КФУ им. В. И. Вернадского*
Зырянов И. В.	*к.ю.н., доц., проф. к-ры административного права и административной деятельности ОВД Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Иваева Э. А.	*к.ю.н., ведущий научный сотрудник центра сравнительного государствоведения Института Китая и современной Азии РАН, ведущий специалист отдела стратегического планирования и организации международного сотрудничества управления международных отношений МГУ им. М. В. Ломоносова*
Исмайлов Д. А.	*помощник прокурора города Сызрани Самарской области, Прокуратура Самарской области (Генеральная прокуратура РФ)*
Кабанова Л. Н.	*к.ю.н., доц. к-ры «Уголвоное право и процесс», Ин-*

	ститут права, Тольттинский государственный университет
Карязов Н. В.	*полковник юстиции в отставке*
Климовский А. С.	*преподаватель к-ры специальных дисциплин факультета профессиональной подготовки Крымского филиала Краснодарского Университета МВД России.*
Кондратюк С. В.	*к.ю.н., доц., доц. к-ры «Уголовное право и процесс» Тольяттинского государственного университета; доц. к-ры уголовно-правовых дисциплин Луганского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации*
Корнев А. В.	*заведующий кафедрой теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор*
Кошкин А. С.	*старший преподаватель к-ры истории и теории государства и права института «Таврическая академия» КФУ им. В. И. Вернадского*
Куксов В. А.	*адъюнкт Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя*
Курилова Н. В.	*преподаватель Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина*
Легкоступова Н. В.	*аспирант 2 года обучения к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Института «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»*
Львов В. Г.	*доц. к-ры уголовного права и процесса ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет.*
Мазнев Е. С.	*аспирант к-ры теории и истории государства и права, Белгородский университет кооперации, экономики права*
Мелехин А. В.	*д.ю.н., проф., главный научный сотрудник центра сравнительного государствоведения Института Китая и современной Азии РАН*
Нагорный А. П.	*старший преподаватель к-ры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Некрасова Е. В.	*доцент к-ры гражданского и трудового праа Института «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»*
Никитина А. П.	*д.ю.н., проф. к-ры «Гражданское право и процесс» Юридического института ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»*
Нифанов А. Н.	*д.ю.н., доц., проф. к-ры конституционного и международного права юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»*
Пархоменко А. Г.	*д.ю.н., проф., главный научный сотрудник центра сравнительного государствоведения Института*

	Китая и современной Азии РАН
Пестрецов М. А.	*к.ю.н., доц. к-ры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя*
Подзноев А. И.	*обучающийся второго курса магистратуры юридического ф-та Института «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», Россия, г. Симферополь*
Политикин И. А.	*Адъюнки факультета подготовки научно-педагогичесих и научных кадров ФГКОУ ВПО Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя*
Пономаренко А. А.	*д.ю.н., проф., главный научный сотрудник ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»*
Прокофьева А. В.	*студентка 4-го курса Института права Тольяттинского государственного университета*
Проценко А. С.	*аспирант юридического ф-та Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского*
Равнюшкин А. В.	*к.ю.н., доц. к-ры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Ратникова В. И.	*доц. к-ры гражданского, предпринимательского и транспортного права ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»*
Руденко А.В.	*Старший преподаватель к-ры гражданского и трудового праа Института «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»*
Рябус О. А.	*к.ю.н., доц. К-ры гражданско-процессуального права, Ростовского филиала ФГБОУВО «РГУП», мировой судья судебного участка №1 Пролетарского судебного р-на г. Ростов-на-Дону*
Сабанин С. Н.	*д.ю.н., пров. К-ры уголовного права и процесса Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйстваи и государственной службы при Президенте РФ, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ*
Сапронов Д. Ю.	*ведущий инженер Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. В. И. Ломоносова*
Сафронова Е. В.	*Д.ю.н., проф. «Белгородский национальный исследовательский университет» (НИИ «БелГУ»); ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»*
Семёнова И. В.	*К.ю.н., начальник к-ры гражданского права факультета (командного) Санкт-Петербургского ордена Жукова военного института войск национальной гвардии РФ*
Ситникова М. П.	*преподаватель уголовно-правовых дисциплин Вятского гуманитарно-экономического колледжа, соискатель ученой степени кандидата юридических наук Балтийского федерального университета имени Им-*

	мануила Канта
Свердлов Д. Р.	*Аспирант к-ры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета*
Скворцова О. В.	*К.ю.н., доц. К-ры уголовного права и процесса юридического ф-та Института «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*
Скрипчук Т. А.	*Курсант 3-курса взвода 2721 Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Соколов Н. Н.	*аспирантр к-ры «Конституционное и административное право» Юридического института, ФГБОУ ВО «Севастопольский государственный университет*
Степанян А. В.	*Преподаватель к-ры физической подготовки юридического факультета Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний*
Сунгатуллин А. Н.	*адьюнкт Казанского юридического института МВД РФ*
Темиркаяева Л. Н.	*преподаватель к-ры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Ткаченко А. С.	*Аспирант к-ры «Гражданское право и процесс» Юридического института ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»*
Усанов В. Е.	*академик Росийской академии образования, д.ю.н., проф. главный научный сотрудник центра сравнительного государствоведения Института Китая и современной Азии РАН*
Халилев Р. А.	*д.ю.н., проф., проф. к-ры уголовного права и процесса юрид. ф-та, ФГАОУ ВО КФУ им. В. И. Вернадского*
Хмелевская И. Г.	*аспирант к-ры истории и истории государства и права юридического института Белгородского государственного национально-исследовательского университета*
Ховавко С. М.	*к.ю.н., доц., доц. К-ры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Крымского филиала Крымского филила Краснодарского университета МВД России*
Хрущев Р. С.	*Аспирант юридического ф-та Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского*
Шестакова Д.	*обучающаяся 4-го курса очной формы обуче-ния юридического ф-та Института «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*
Шигонина Л. А.	*старший преподаватель к-ры гражданского права. Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный ниуверситет правосудия»*

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Васильева Т. Д.
Феномен правосознания: теоретико-правовой анализ и значение для государственной службы……3
Венедиктов А. А. Змерзлый Б. В.
Формирование правового статуса датской национальной церкви……...….11
Грошевая В. К.
Правовое регулирование деятельности советской милиции на территории Украинской ССР в условиях социально-экономической и политической дестабилизации в конце 1980-х – начале 1990-х годов …….18
Заманапулов Д. М.
Влияние поправки Нана-Каэна на функционирование сил специальных операций США……31
Зубарев Н. В.
Национальная безопасность России – основное направление деятельности войск Национальной гвардии Российской Федерации в условиях деятельности недружественных государств (Ч. 1) ……37
Мазнев Е. С.
Разработка банкротского устава в период правления Екатерины II……47
Кошкин А. С.
Эволюция уголовного и уголовно-исполнительного права Гренландии в 1953-2003 гг. ……54
Проценко А. С.
Эволюция института государственной службы в Гренландии в условиях широкого самоуправления…….65
Ратникова В. И.
Формирование государственной санитарно-эпидемиологической службы в РСФСР с 1918- по 1927 гг……...73
Сафронова Е. В.
Международные медико-санитарные правила: экспертное заключение о новой редакции ……81
Соколов Н. Н.
Модели реформирования государственной гражданской службы и их правовое обеспечение…….94
Корнев А. В.
Социоправо и перспективы формирования концепта системно-структурного построения российского права…….103
Хмелевская И. Г.
Организационно-правовой формат молодежного парламентаризма в России: сравнительный анализ регионального опыта……114
Хрущев Р. С.
Регулирование деятельности финансовых учреждений Гренландии и Фарерских островов ……124

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Адабашев Т. К.
Проблемы осуществления судебного косвенного (казуального) нормоконтроля в арбитражном процессе ……129
Адельсеитова А. Б., Легкоступова Н. В.
К вопросу о юридической природе парламентских процедур: зарубежный опыт……137
Аметов Х. А.
Конституционно-правовые основы статуса личности……143
Баландин А. Ю.
Публично-правовое регулирование кибербезопасности в Российской Федерации. Применение риск-ориентированного подхода ……..152
Будник Р. А., Сапронов Д. Ю., Иваева Э. А.
Особенности публично-правовой защиты персональных (в том числе биометрических) данных на постсоветском пространстве: модель Республики Казахстан ……159
Буткевич С. А.
Организационно-правовые основы деятельности участковых уполномоченных полиции в современных условиях: проблемные вопросы и их решение……165
Вичева А. А.
К вопросу о социальном значении полномочий органов местного самоуправления в сфере охраны здоровья граждан……176
Воронцов А. Л., Воронцова Е. В.
Обеспечение экологической безопасности в сфере военно-оборонной деятельности……182
Мелехин А. В., Пархоменко А. Г., Сапронов Д. Ю., Усанов В. Е.
К вопросу о публично-правовой защите персональной информации (на примере Республики Казахстан) ……..190
Нифанов А. Н., Бутов А. Ю.
Формализация народа в конституциях стран СНГ……..195
Пономаренко А. А.
Анализ формирования законодательства о рынке туристических услуг……..204
Равнюшкин А. В.
Правовая характеристика и проблемные вопросы квалификации деяний, предусмотренных ст. 20.3.3. КоАП РФ и СТ. 280.3 УК РФ……214
Сильванович Ю. Н.
Осуществление административного судопроизводства в странах СНГ: проблематика законодательной регламентации и правоприменительный опыт……...225
Халилев Р. А.
Формы и методы административной деятельности полиции по выявлению, пресечению административных правонарушений органами внутренних дел..235

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Воробьёва О. А., Прокофьева А. В.
Формы и проблемы гражданско-правовой защиты прав потребителей и продавцов по договору розничной купли-продажи товаров ……241

Демин А. А.
Правовая основа механизма гражданско-правового регулирования……251
Невлев В. В.
Организационно-правовое формирование кредитных кооперативов в структуре юридических лиц……..258
Некрасова Е. В., Подзноев А. И.
Системное толкование договора в европейском и российском праве: компаративный анализ…….266
Никитина А. П., Ткаченко А. С.
Сравнительный анализ международных стандартов по разделению активов супругов …….273
Политикин И. А.
Объединение участников договора простого товарищества как гражданско-правовое сообщество ……281
Рябус О. А.
Гражданско-правовые формы реализации института защиты прав потребителей: актуальные проблемы и перспективы развития …….287
Шигонина Л. А.
О правовой природе и понятии трансграничного семейно-правового договора …….295

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Аскаров С. В.
Организация деятельности подразделений ОВД по установлению лиц, совершивших дорожно-транспортное происшествие и скрывшихся с места преступления……304
Биляев В. А., Климовский А. С., Львов В. Г.
Актуальные вопросы доказывания по уголовным делам о терроризме: проблемы законодательства……...310
Боровских Р. Н., Сабанин С. Н.
Вопросы совершенствования положений уголовного законодательства РФ об ответственности за уничтожение или повреждение имущества …….316
Гаврилов К. А.
Личность экстремиста как объект криминологического исследования…….323
Герасимовский С. В.
Соотношение категорий «способ волеизъявления» и «форма сделки»……333
Гулакова И. И., Ховавко С. М.
Устная речь следователя при производстве допроса как средство реализации его тактических приемов …….340
Евтушенко И. И.
К вопросу об уголовной ответственности за дистанционные хищения, совершенные с использованием технологии «дипфейк»……..347
Зарубина К. А.
Криминальный промысле профессиональных «автомобильных» воров в России: история и современность …….353
Зоз В. А., Куксов В. А.
Правовые основы деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации по предупреждению и пресечению

преступлений, связанных с религиозным экстремизмом…….362
Зырянов И. В.
Причины и условия, способствующие вовлечению несовершеннолетних в деструктивную, в том числе экстремистскую деятельность ……...369
Кабанова Л. Н.
Критерии малозначительности деяния: проблемы судебного толкования на примере квалифицированных составов хищений, связанных с использованием лицом своего служебного положения …….376
Карязов Н. В.
О качестве расследования отдельных видов экономических преступлений: опыт противодействия «финансовым пирамидам» и незаконным валютным операциям…….389
Кондратюк С. В.
Профилактика экстремизма в структуре антикриминальной политики государства: в условиях новых субъектов Российской Федерации …….397
Пестрецов М. А., Куксов В. А.
Правовое регулирование деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации по противодействию преступлениям против собственности…….405
Свердлов Д. Р.
Влияние военно-политических факторов на уголовную политику России.…413
Семёнова И. В.
Криминалистическая классификация преступлений в сфере цифровой информации: информационные признаки ……...419
Ситникова М. П., Исмайлов Д. А.
Экстремистский и хулиганский мотивы преступлений: проблемные аспекты квалификации……..425
Скворцова О. В., Гула А. В.
Отграничение надругательства над телами умерших и местами их захоронения от некоторых смежных составов преступлений ……..435
Степанян А. В.
Сравнительный анализ правового статуса осужденных женщин в разных странах ……442
Сунгатуллин А. Н.
Понятие «вовлечения» в уголовном праве и его соотношение со смежными уголовно-правовыми терминами……...…..446

Срочно в номер:

Руденко А. В., Шестакова Д. А.
Современный анализ цифровизации нотариата: проблематика и перспективы…….456
Нагорный А. П., Темркаяева Л. Н.
Компоненты психологической готовности к противодействию коррупционным проявлениям…….463
Губанова Е. В., Ефанов В. Ю.
Государственный контроль и миссионерство нелегальных нетрадиционных религиозных движений……469
Евтушенко В. И., Курилова Н. В.

Права несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства в сфере образования: вопросы реализации……478
Хрущев Р. С., Кошкин С. С.
Институт омбудсмена Дании. Правовая база и основные направления деятельности……482
Никитина А. П., Змерзлый Б. В.
Изучение проблем обеспечения вопросов безопасности торгового мореплавания в XIX – начале XX вв. в крымской юридической школе……..487
Берент К. А.
И. И. Восторгов о политико-правовых преобразованиях России в начале XX века……492
Галкин А. Г., Григорьева А. Р.
Эволюция права на интеллектуальную собственность: сравнительный анализ законодательства США и стран Европейского Союза……497
Бирук М. С., Скрипчук Т. А.
Уголовно-правовая характеристика преступления, предусмотренного ст. 161 УК РФ (грабеж)……503